

РЛТ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ XX

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

NIZHNY NOVGOROD STATE LINGUISTICS
UNIVERSITY

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ ГЕРМАНИСТОВ
RUSSIAN UNION OF GERMANISTS

**РУССКАЯ
ГЕРМАНИСТИКА**

GERMANIC PHILOLOGY IN RUSSIA

**ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ**

**YEARBOOK
OF THE RUSSIAN UNION OF GERMANISTS**

ТОМ XX

VOLUME XX

ISSN 2782-2605
<https://yearbook.rug.lunn.ru>

**ГЕРМАНИСТИКА:
КОНТУРЫ, ДОМИНАНТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

GERMANISTIK IM FOKUS

**XX СЪЕЗД
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД, 24 — 26 НОЯБРЯ 2022 ГОДА**

*Организатор:
Нижегородский государственный лингвистический университет*

Ежегодник «Русская германистика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Включен в Российский индекс научного цитирования
Электронная версия Ежегодника размещена на платформе НЭБ: www.elibrary.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-81832 от 31 августа 2021 г.

Периодичность издания: 1 раз в год
Ежегодник включен в электронный каталог АО «Почта России». Индекс ПН197

Р е д к о л л е г и я:

д. ф. н., проф. *А. В. Иванов* (главный редактор),
к. ф. н., ст. науч. сотр. *Н. С. Бабенко* (отв. редактор лингвистической части),
д. ф. н., проф. *Н. А. Баких* (отв. редактор литературоведческой части),
к. ф. н., доц. *А. В. Белобратов*, д. ф. н., доц. *Р. В. Белютин*,
д. ф. н., проф. *А. И. Гришавва*, д. ф. н., проф. *С. И. Дубинин*,
д. ф. н., проф. *А. И. Жеребин*, д. ф. н., проф. *Ж. В. Никонова*,
д. ф. н., проф. *Л. Н. Полубяринова*, к. ф. н., вед. науч. сотр. *Н. Н. Трошина*

Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Вып. XX: «Германистика: контуры, доминанты, перспективы» («Germanistik im Fokus»). — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2023. — 587 с.

ISSN 2782-2605

В том включены статьи, подготовленные по материалам докладов, сделанных на XX съезде Российского союза германистов «Германистика: контуры, доминанты, перспективы» («Germanistik im Fokus»), прошедшем 24 — 26 ноября 2022 года в Нижнем Новгороде при поддержке Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. На съезде были представлены лингвистические и литературоведческие доклады, посвященные проблемам исторической и современной германистики, ее междисциплинарным и интернациональным проекциям. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам съездов и конференций германистов, проводимых в рамках РСГ. Входящие в выпуск статьи отражают актуальное состояние исследовательской деятельности отечественных германистов в различных областях гуманитарного знания.

ISSN 2782-2605

9 772782 260002 >

© НГЛУ, 2023

The Yearbook is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the main scientific outcomes of PhD and advanced PhD theses

Registered by the Federal Service for Supervision in the sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of Registration PI No. FS77-81832 dated August 31, 2021

The electronic version of the Yearbook is available on the website: www.elibrary.ru

Periodicity (release) of the Yearbook: once a year

E d i t o r i a l B o a r d :

Ivanov, Andrey V., PhD (advanced) in Philology, Professor (editor-in-chief),
Babenko, Nataliya S., PhD in Philology, Senior Researcher (executive editor, Linguistics),
Bakshi, Nataliya A., PhD (advanced) in Philology, Professor (executive editor, Literary Studies),
Belobratov, Aleksandr V., PhD in Philology, Associate Professor,
Belyutin, Roman V., PhD (advanced) in Philology, Associate Professor,
Dubinin, Sergey I., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Grishayeva, Lyudmila I., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Nikonova, Zhanna V., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Poluboyarimova, Larisa N., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Troshina, Natal'ya N., PhD in Philology, Leading Researcher,
Zherebin, Aleksey I., PhD (advanced) in Philology, Professor

Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists, vol. 20: “Germanic Studies: Contours, Dominants, Perspectives” (“Germanistik im Fokus”). — Nizhny Novgorod: LUNN, 2023. — 587 p.

ISSN 2782-2605

This volume includes articles based on reports made at the 20th Congress of the Russian Union of Germanists “Germanic Studies: Contours, Dominants, Perspectives”, held with the support of Nizhny Novgorod State Linguistics University (LUNN) on November 24 — 26, 2022. The Congress participants presented linguistic and literary papers related to the issues of historical and contemporary germanistics, its interdisciplinary and international projections. The Yearbook continues to publish articles on the proceedings of the congresses and conferences held by the Russian Union of Germanists. The articles included in this volume reflect the current state of Russian Germanists’ research activities in various fields of humanitarian knowledge.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	12
ЛИНГВИСТИКА	14
<i>Бабенко Н. С.</i> Грамматический строй немецкого языка с позиции конструирования идиоэтничности его свойств	15
<i>Баева Г. А.</i> Конвенционализированные речевые высказывания в <i>Немецко-русском разговорнике</i> Тонни Фенне (1607)	40
<i>Быкова О. И.</i> Полипарадигмальное исследование смыслообразующих структур публицистического текста (на материале эссе Генриха Белля <i>Vorsicht! Bücher!</i>).....	61
<i>Golubeva N. A., Gurnjanskij S. V.</i> Niederdeutsch heute aus der historisch-linguistischen Perspektive_(am Beispiel der Bildergeschichte <i>Max und Moritz</i> von W. Busch)	77
<i>Grischaewa L. I.</i> Eine Theorie, die der Zeit voraus war, retrospektiv betrachtet, oder die Aussagekraft der Valenztheorie von Boris Abramow....	95
<i>Дрюбо Б. А.</i> Лингводидактическая деятельность Ф. Гельтергофа и особенности обучения языку гернгутеров	115
<i>Ivanov A. V.</i> <i>Diphthong</i> : Eine sprachgeschichtliche und lexikographische Beschreibung des deutschen Terminus.....	134
<i>Карпов В. И.</i> О вкладе Макса Бензе в становление лингвистики текста в 1960 — 70-е гг. в Германии.....	162
<i>Кобенко Ю. В.</i> Подходы к описанию функционального репертуара современного немецкого языка.....	177
<i>Кострова О. А.</i> Немецкие направительные наречия в политическом дискурсе	194
<i>Lachhein B., Nikonova Sh. V., Averkina L. A.</i> Transformation als Dauerzustand in der modernen Gesellschaft — kann die Sprache mithalten? ...	216
<i>Nefedova L. A.</i> Genderinklusive Phraseologie des Deutschen: Problemaufriss und Perspektiven	231
<i>Новикова Е. И.</i> Концептуальная метафора как способ постижения философских и филологических загадок романа Ф Даниэля Кельмана.....	251
<i>Трошина Н. Н.</i> Дискурсивные инновации и языковая критика в контексте немецкой лингвокультуры.....	264
<i>Туманова Е. О.</i> Архетипичные метафоры в немецкоязычном политическом дискурсе (на примере политической афористики)....	276
<i>Филиппов А. К., Филиппов К. А.</i> Дискурсивные особенности номинации элементов жилого пространства в немецких специальных текстах XVII — XVIII вв.	298

<i>Щербина Т. С.</i> Спортивные метафоры в дискурсивных практиках немецких женщин-политиков	320
<i>Ягунова Л. Н.</i> Корпусное исследование имен существительных с префиксом <i>иг-</i> (на материале средневерхненемецкого языка).....	339
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	356
<i>Дронова О. А.</i> Утопический дискурс в позднем творчестве Уве Тимма.....	357
<i>Жеребин А. И.</i> У истоков русской германистики: профессор Ф. А. Браун.....	371
<i>Ишимбаева Г. Г.</i> Интертекстуальность художественного мира романа Бернхарда Шлинка <i>Ольга</i>	388
<i>Марданова Э. А.</i> Петер Хандке в России: к проблеме культурного трансфера и литературной репутации	405
<i>Серягина Ю. С.</i> Рецепция творчества Франка Ведекинда на страницах газет Российской империи начала XX века	430
<i>Федяева Т. А.</i> «Постоянно и зорко вглядываться в создания природы»: воплощения натурфилософии Гете в трудах русских биологов и литературоведов (20 — 30-е годы XX века).....	444
<i>Цветков Ю. А.</i> Гуго фон Гофмансталь и визуальные искусства: архитектура, скульптура и живопись	463
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	478
<i>Горбачевская С. И.</i> Модальность рассказов Вольфганга Борхерта и способы передачи ее архитектоники в русском переводе	479
<i>Яковенко Е. Б.</i> Переводческие стратегии и использование терминологии в трудах Ноткера Немецкого	495
ЛИНГВОДИДАКТИКА	515
<i>Бухаров В. М., Бухарова Т. Г.</i> Информационные технологии в лингвистике и преподавании иностранных языков	516
<i>Петрова М. В.</i> Методический потенциал и ограничения фонетического чат-бота «Your German Friend»	531
РЕЦЕНЗИИ	550
<i>Аверина А. В.</i> Интеграция литературоведческой категории хронотопа в систему грамматических категорий немецкого языка. Рец. на кн.: <i>Кострова О. А.</i> Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. М.: Флинта, 2023. 152 с.	551
<i>Карпов В. И.</i> Рец. на кн.: <i>Сквейрс Е. Р.</i> Опыты филологических реконструкций. М.: Языки славянской культуры, 2022. 456 с.	556
<i>Кострова О. А.</i> Когнитивные доминанты межкультурной коммуникации. Рец. на кн.: <i>Гришаева Л. И.</i> Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022. 677 с.	561

Содержание

<i>Шипова И. А.</i> Частицы немецкого языка в свете теоретического осмысления и практики применения. Рец. на кн.: <i>Аверина А. В.</i> Частицы как элементы коммуникативного взаимодействия в немецкоязычной среде: теория и практика. М.: Прометей, 2021. 196 с.	571
СООБЩЕНИЯ	577
<i>Бакши Н. А.</i> Золотурнские дни литературы_19 — 21 мая 2023 года под знаком <i>Viceversa</i>	578
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	583

CONTENTS

Editorial Foreword	12
LINGUISTICS	14
<i>Babenko N. S.</i> The Grammatical Structure of the German Language from the Perspective of Constructing the Idioethnicity of its Properties	15
<i>Baeva G. A.</i> Conventionalized Speech Statements in the German-Russian Phrasebook by Tönnies Fenne (1607)	40
<i>Bykova O. I.</i> A Polyparadigmatic Study of the Meaning-forming Structures of a Journalistic Text (based on Heinrich Böll's Essay <i>Vorsicht! Bücher!</i>)	61
<i>Djubo B. A.</i> Linguodidactic Activity of F. Hölterhof and Features of Teaching the Language to Herrnhuters	115
<i>Filippov A. K., Filippov K. A.</i> Discursive Features of Living Space Nomination in German Specialized Texts of the 17 th — 18 th Centuries	298
<i>Golubeva N. A., Gurnyanskiy S. V.</i> The Modern Low German from the Historical-Linguistic Perspective (exemplified by the Picture Story <i>Max and Moritz</i> by W. Busch)	77
<i>Grishayeva L. I.</i> Retrospective Analysis of Boris Abramov's Valency Theory ..	95
<i>Ivanov A. V.</i> <i>Diphthong</i> : A Historical-linguistic and Lexicographic Description of the German Term	134
<i>Karpov V. I.</i> On Max Bense's Contribution to the Development of Text Linguistics in Germany in the 1960s and 1970s	162
<i>Kobenko Yu. V.</i> Approaches to Describing the Functional Repertoire of the Modern German Language	177
<i>Kostrova O. A.</i> German Directional Adverbs in Political Discourse	194
<i>Lachhein B., Nikonova Zh. V., Averkina L. A.</i> Transformation as a Permanent Status in Modern Society — Can Language Still Keep Up?	216
<i>Nefedova L. A.</i> Gender-inclusive Phraseology of German: Problems and Perspectives	231
<i>Novikova Ye. I.</i> Conceptual Metaphor as a Way of Comprehending Philo- sophical and Philological Riddles in the Novel <i>F</i> by Daniel Kehlmann	251
<i>Shcherbina T. S.</i> Sports Metaphors in the Discourse of German Female Politicians	320
<i>Troshina N. N.</i> Discourse Innovations and Language Criticism in the Context of German Language Culture	264
<i>Tumanova Ye. O.</i> Archetypal Metaphors in German-Language Political Discourse (exemplified by Political Aphorisms)	276
<i>Yagupova L. N.</i> The Corpus Investigation of the Nouns with the Prefix <i>ur-</i> (based on Middle High German)	339

LITERARY STUDIES	356
<i>Dronova O. A.</i> Utopian Discourse in Uwe Timm’s Late Work	357
<i>Fedyayeva T. A.</i> “Constantly and vigilantly peer into the creations of nature”: the Embodiment of Goethe’s Natural Philosophy in the Works of Russian Biologists and Literary Critics (20 — 30s of the 20th Century)	444
<i>Ishimbayeva G. G.</i> Intertextuality of the Artistic World of the Novel <i>Olga</i> by Bernhard Schlink.....	388
<i>Mardanova Z. A.</i> Peter Handke in Russia: to the Problem of Cultural Transfer and Literary Reputation	405
<i>Seryagina Yu. S.</i> Reception of Wedekind’s Works in the Newspapers of the Russian Empire in the early 20 th Century.....	430
<i>Tsvetkov Yu. L.</i> Hugo von Hofmannsthal and Visual Arts: Architecture, Sculpture, Painting	463
<i>Zherebin A. I.</i> At the Source of Germanic Studies in Russia: Professor F. A. Braun	371
TRANSLATION STUDIES	478
<i>Gorbachevskaya S. I.</i> The Modality of Wolfgang Borchert’s Short Stories and the Ways of Transferring its Architectonics in Russian Translation	479
<i>Yakovenko Ye. B.</i> Translational Strategies and the Use of Terminology in the Works by Notker the German	495
LINGUODIDACTICS	515
<i>Bukharov V. M., Bukharova T. G.</i> Information Technologies in Linguistics and Foreign Language Teaching	516
<i>Petrova M. V.</i> Methodological Potential and Limitations of the Phonetic Chatbot “Your German Friend”	531
REVIEWS	550
<i>Averina A. V.</i> Integration of the Chronotope Literary Category into the System of Grammatical Categories of the German Language. Book Review: Kostrova, Olga A. (2023) <i>Conceptual Grammar of Chronotope</i> <i>in German Linguistic Culture</i> . Moscow: Flinta. 152 p.	551
<i>Karpov V. I.</i> Book Review: Squires, Catherine R. (2022) <i>Experiments</i> <i>in Philological Reconstruction</i> . Moscow: LRC Publishing House. 456 p.....	556
<i>Kostrova O. A.</i> Cognitive Dominants of Intercultural Communication. Book Review: Grishayeva Lyudmila I. (2022) <i>Dialogues on Intercultural</i> <i>Communication</i> . Voronezh: Nauka-Yunipress. 677 p.....	561
<i>Shipova I. A.</i> Particles of the German Language in the Light of Theoretical Understanding and Application Practice. Book Review: Averina, Anna V. (2021) <i>Particles as Elements of Communicative Interaction in the German-speaking</i> <i>Environment: Theory and Practice</i> . Moscow: Prometey. 196 p.....	571

REPORTS577
Bakshi N. A. Solothurn Literature Days from 19 — 21 May 2023
under the Sign of *Viceversa* 578
LIST OF CONTRIBUTORS 586

ОТ РЕДАКЦИИ

Юбилейный XX съезд Российского союза германистов, прошедший в Нижнем Новгороде 24 — 26 ноября 2022 года, был посвящен 20-летию основания Российского союза германистов.

Двадцать лет существования РСГ показали научную и академическую целесообразность деятельности уникального для Российской Федерации филологического объединения специалистов по немецкому языку и литературе, высокую результативность ежегодно проводимых съездов и конференций по целому ряду актуальных для современного состояния германистики проблем. Прошедшие десятилетия стали временем накопления опыта, последующего его анализа и осмысления, очертили перспективы и наметили вектор дальнейшего развития сферы немецкоязычного филологического знания.

Неслучайно поэтому тематическим контрапунктом XX съезда стала сама германистика как научная дисциплина: ее контуры, доминанты и перспективы в области лингвистики и в области литературоведения. Основная задача съезда заключалась в оценке масштабов интеллектуального (научного) потенциала и приоритетных направлений в развитии русской германистики как самостоятельной ветви *Auslandsgermanistik* при взаимодействии с немецкой *Inlandsgermanistik*, ее идеями, подходами и методами.

Включенные в Ежегодник статьи, отражающие материал представленных на съезде докладов, концентрируют внимание на значимых для актуального состояния русской германистики проблемных вопросах, связанных со структурой объектов изучения в германистике, методами исследования, факторами вли-

яния на эволюцию немецкого языка в контексте современных социокультурных и прочих процессов.

Как существенная часть гуманитарного знания русская германистика продолжает осваивать фундаментальные традиции прошлого опыта и успешно открывает новые объекты изучения с выходом в междисциплинарные области.

Тематика юбилейного Ежегодника РСГ исключительно разнообразна, что согласуется со стремлением Российского союза германистов отразить деятельность отечественных германистов в полноте их профессиональных интересов, научных контактов и перспективных идей.

Большое внимание в материалах предлагаемого выпуска Ежегодника РСГ уделяется рецепции прошлого исследовательского и теоретического опыта разных школ и направлений, а также новым тенденциям в развитии теоретического дискурса, который расширяет свои границы по мере накопления новых данных о немецком языке в его прошлом и современном состоянии. Содержание Ежегодника РСГ составляют статьи мемориального и историографического порядка; работы из области истории немецкого языка и диалектологии с использованием баз новых данных; концептуально новые разработки в рамках общей теории немецкого языка и его эволюции под влиянием мегатрендов в современном обществе; не привлекавшие ранее внимания аспекты гендерной тематики, метафоричности, политического дискурса, лексикографической практики, а также статьи о перспективах, открывающихся в лингводидактике благодаря новым информационным технологиям. Литературоведческие статьи посвящены проблемам культурного трансфера, интертекстуальности и междисциплинарным исследованиям.

Столь широкий спектр тем, поднимаемых в статьях Ежегодника РСГ, свидетельствует о существовании в русской германистике множества потенциальных ресурсов для продолжения научной и академической деятельности как составной части современного гуманитарного знания.

ЛИНГВИСТИКА

LINGUISTICS

Н. С. Бабенко
Институт языкознания РАН

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДИОЭТНИЧНОСТИ ЕГО СВОЙСТВ

Современное лингвистическое знание многими аспектами обращено к этноориентированной проблематике в ее разнообразных ракурсах, которые представляют интерес в рамках этнолингвистики, этнокультурологии, этносоциolingвистики, этнопсихolingвистики и т. д. Идиоэтничность не является общепризнанным и широко используемым термином, однако его уместность не вызывает сомнений на фоне новой волны интереса к лингвоспецифичным феноменам разных языков не только под углом зрения лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины (особенно в рамках национальной русскоязычной школы лингвистики), но и грамматической теории и практики, имеющих своим прямым объектом изучения строевые ресурсы языка в их идиоэтнической специфике. Явления языковой идиоэтничности рассматриваются не с позиций лингвокультуры с ее акцентами на излишней идеологизации зависимости языка и культуры, а в русле изучения уникальных особенностей грамматического строя немецкого языка, которые сложились в процессе его исторического развития и актуализируются в его современном состоянии. Автор рассматривает специфическую особенность грамматического строя немецкого языка, связанную с употреблением элемента *es* в структуре высказываний разных типов. В статье представлен опыт этнолингвистической интерпретации специфики реализации категории безличности, основным грамматическим показателем которой является элемент *es* прономинального происхождения с нулевой референцией в плане содержания, представляющий собой уникальный в своем роде ресурс грамматической системы немецкого языка и отличающийся универсальным характером использования в речевых практиках. Обращается внимание на широкое присутствие элемента *es* в структуре высказываний разных типов и на проблемные зоны изучения категориальных свойств безличности в немецком языке как явления идиоэтнического порядка.

Ключевые слова: грамматический строй языка; идиоэтничность языковых феноменов; феноменология безличности; прономинальная форма *es*; типология *es*-конструкций

1. Введение

Развитие представлений о грамматическом строе немецкого языка как некоей данности, которая отличается от собственно грамматики языка как свода правил и законов, имеет свою историю. Начало этой традиции было положено трудами Ю. Г. Шоттеля, которого называют «отцом немецкой грамматики» с акцентом на его идею о «немецкой языковой натуре», что считается первым признанием идиоэтничности в немецкой философии языка (РАДЧЕНКО 1997: 46). Позднее данная идея в том или ином виде находила отражение в самых разных воззрениях и теориях исследователей немецкого языка как языка, обладающего некоторыми специфическими качествами, которые в совокупности образуют определенную целостную данность в ее самобытных проявлениях, в том числе и на уровне грамматического строя (Sprachbau) как системы построений, опирающейся на заданные свойства, реализующиеся в речи.

Идеи Шоттеля формировались в период активной фазы становления немецкого национального языка при содействии и под влиянием движения языковых обществ XVII в. как институции идеологического, социологического и лингвокультурного порядка. Это движение, идеологом которого был Шоттель, неогумбольдтианцы рассматривают как своего самого раннего предшественника (РАДЧЕНКО 2012: 63-76). Исторически идея этничности оказалась заложенной в самом названии Deutsch ('немецкий язык'): прилагательные *theodiscus*, *teutonicus*, *diutisk* обозначали чисто языковое явление: они применялись в эпоху Каролингов (IX — X вв.) для характеристики народного языка в противоположность языку, которым пользовались ученые, а впоследствии собственного языка в противоположность языкам соседей (РАЙХМАН 2013: 33).

Представление об уникальности немецкого языка, его специфических свойствах возникло именно в недрах движения за национальный (этнический) язык, который отличается своей природной «внутренней формой», то есть некоторым внутренним своеобразием по сравнению с другими языками. Положение о внутренней форме языка, которая делает каждый язык уникальным, считается одним из наиболее оригинальных ком-

понентов в лингвофилософской концепции Гумбольдта. Эта идея связана с представлением о том, что

значимыми являются не столько различия в акустическо-графическом облике языковых выражений, сколько различия в их глубинном устройстве, то есть в грамматическом строе каждого языка и зафиксированной в нем модели мира (ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2013: 16-17).¹

2. Явления специализации в грамматическом строе немецкого языка как признаки идиоэтничности

Язык как структура представляет собой не только и не столько рационально организованный объект, сколько реляционные отношения его единиц, где структура как способ бытия языка (РЕВЗИН 2007) обнаруживает разного рода движения, перемещения внутри себя. Специализация языковых средств является одной из форм такого движения в рамках системы языка; она обусловлена возможностями системы структурировать категории с использованием разных языковых средств, в том числе и отмеченных специфическими признаками. Рассмотрение языковых фактов немецкого языка с точки зрения специализации грамматических средств оправдано в качестве попытки выделить в строе немецкого языка зоны взаимодействия и пересечения категориальных значений с конкретными ресурсами и специфическими свойствами грамматического строя как целостного конструкта.

Если рассматривать современный немецкий язык с точки зрения своеобразия организации отдельных участков его грамматического строя (в терминах В. Г. Адмони, как системы отношений и системы построений), существенным образом отличающихся в сопоставительном плане от выражения некоторых языковых категорий в других языках, в частности, в русском, то обнаруживаются довольно отчетливые особенности в использовании некоторых грамматических средств языка в направлении

¹ Автор статьи осознает меру уязвимости понятия «этнический» в научных дискурсах разных эпох и направлений (РАДЧЕНКО 1997; От лингвистики к мифу 2013; ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2013; и др.), но считает своевременным попытаться освободить данный термин от негативных коннотаций ввиду его реальной актуальности и востребованности во множестве современных этноориентированных научных дисциплин.

их специализации как маркеров, указывающих на категориальный характер этого процесса в немецкой грамматике. С определенной долей уверенности к группе этих явлений в немецком языке могут быть отнесены феномены, представленные на разных участках системы и имеющие самостоятельную значимость как специфические грамматические ресурсы, которые отличаются в современном немецком языке в известной степени уникальными свойствами с точки зрения их участия в маркировании некоторых функций категориального порядка, например, безличности с помощью элемента *es*, чужой речи посредством форм конъюнктива I, модальности на базе модальных глаголов, гендерности в ее специфическом оформлении, а также другие явления; см. (БАБЕНКО 2022б; КОСТРОВА 2023: 194-215).

Наблюдающаяся на разных участках системы языка функциональная специализация грамматических средств представляет собой развитие у грамматической формы категориальных признаков, которые определяют ее (грамматической формы) специфическое положение в системе языка с точки зрения жесткой связи формы с определенной функцией. Такого рода явления располагаются на участках языковой системы, которые отличаются известной уникальностью и допускают трактовку в терминах идиоэтничности (КОСТРОВА & al. 2021: 237-258).

Специализация языковых средств — это одно из проявлений изменений в языке, которые происходят в том числе и своеобразно влиянию внешних факторов; при этом развитие идет на базе тех потенциалов, которые существуют в самом языке (КУССЕ & ЧЕРНЯВСКАЯ 2019). Об идиоэтнической маркированности процессов специализации грамматических ресурсов немецкого языка целесообразно говорить с опорой на понятие национально-специфических характеристик языка, которые формируются благодаря коммуникативному и социальному опыту на базе знаний о текстовых (в широком смысле слова) структурах. Косвенным подтверждением реальности существования явлений в языке с идиоэтническими характеристиками можно считать тот факт, что именно эти особенности строя немецкого языка являются источником ошибок для изучающих немецкий язык как иностранный.

Рассмотрение грамматических феноменов немецкого языка в аспекте идиоэтничности их свойств имеет множество точек пересечения с интересом современной лингвистики к проблемам лингвоспецифичности (или этноспецифичности) единиц языка, которые развиваются в работах, «ставящих целью реконструкцию языковой картины мира и ее соотнесение с особенностями культуры, обслуживаемой этим языком» (ШМЕЛЕВ 2011: 21). Особенно интенсивно изучается лингвоспецифичность лексических единиц (ЗАЛИЗНЯК 2015; FÖLDES 2019).²

Идиоэтничность, как и лингвоспецифичность — свойство по своей природе компаративное (ЗАЛИЗНЯК 2015: 685). Оно обнаруживается в процессе сравнения двух и более языков и осознается самими носителями языка в малой степени. Поэтому источником сведений о своеобразии языковых единиц могут служить с достаточным на то основанием описанием, выполненные с учетом данных другого языка.

Идея трактовать специфические явления языка в аспекте идиоэтничности стала в последние годы со всей очевидностью осваиваться отечественной германистикой с опорой на накопленный материал лингвокультурного профиля, правда, с еще довольно робкими выходами в область грамматики (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ & НОВОЖИЛОВА 2003; КОСТРОВА & al. 2021), хотя трактовка некоторых грамматических явлений немецкого языка по сути уже была заложена в грамматиках, выполненных отечественными германистами с интуитивно неизбежным учетом своеобразных черт родного для них русского языка.

Идиоэтнический профиль в неявной форме обнаруживается в такой широко обсуждавшейся в советском языкознании 50-х гг. проблеме, как внутренние законы развития языка. Грамматический строй языка как целостное образование рассматривался в трудах отечественных германистов как результат действия внутренних закономерностей (законов), определяющих

² В трактовке А. А. Зализняк, лингвоспецифической называется лексическая единица, заключающая в себе «уникальную концептуальную конфигурацию, то есть такую, которая “в готовом виде” не представлена ни в какой языковой единице других языков» (ЗАЛИЗНЯК 2015: 684-685).

общее направление развития системы. Выявление этих закономерностей лежало в том числе и в области изучения диалектов, которые демонстрировали последовательное, иногда даже опережающее письменные формы языка развитие грамматических форм и их этноспецифической природы (ДЕСНИЦКАЯ 1991).

В данной статье предпринимается попытка ответить в общей форме на некоторые вопросы, которые не исчерпывают заявленную проблематику, но могут дать представление о направлении в изучении грамматического строя немецкого языка с акцентом на присущую ему специализацию средств выражения категориально значимых явлений: насколько оправдано выделение идиоэтнических явлений в грамматике, как фиксируется идиоэтничность языковых единиц и каковы признаки идиоэтничности, существует ли мера определения идиоэтничности явлений языка.

Если конструировать идиоэтнические свойства немецкого языка, опираясь на языковые сущности, представленные в грамматике, то в качестве параметров лингвоспецифичных явлений целесообразно считать не уникальные феномены типа конъюнктив I в кулинарных рецептах или выражение приказов, а случаи серийной (фронтальной) специализации грамматических ресурсов языка для выражения категориальных значений, которые отличаются своеобразием использования некоторых профильных для данного языка свойств. Такого рода параметры идиоэтничности могут быть с той или иной степенью отчетливости выделены, например, в рамках описания «трудностей перевода» с немецкого языка на русский или в практике изучения немецкого языка как иностранного, что диагностируется на определенных участках грамматики — в зонах наибольших структурных и семантических расхождений между языками, которые представляют собой сигналы «инаковости» языкового отображения категориальных значений.³

³ Весьма симптоматичным с точки зрения проявления идиоэтничности можно считать описание частицы *es* в *Большом немецко-русском словаре* Д. О. Добровольского, которое сопровождается такими комментариями: «заменяет повторяющийся предикатив; *не переводится*»; «формальный объект; *не переводится*»; «в функции формального подлежащего; *не переводится*»; «начинает предложение при пере-

3. Конструкции с элементом *es* как идиоэтнический феномен

3.1. Прономинальная природа элемента *es* и его связь с категорией безличности

Элемент *es*, исконно представляющий собой местоимение среднего рода, демонстрирует в немецком языке исключительные свойства, которые с трудом поддаются описанию в рамках традиционных подходов к грамматическим явлениям. Процесс десемантизации прономинальной единицы *es* определил появление у нее существенных отличий от фемининной и маскулинной форм личного местоимения 3 л. ед. ч. *sie* и *er*, которые имеют прямую связь с именами (номинативными единицами); по сравнению с ними *es* не проявляет прототипических свойств личного местоимения, а, напротив, отличается особым характером референтности и исключительной многофункциональностью, которая продолжает оставаться в германистике предметом дискуссий, а также многочисленных попыток разработать новые подходы к определению особого статуса элемента *es* в немецкой грамматике (KRETSCHMAR 2006).⁴

Десемантизация личного местоимения среднего рода *es* и превращение его в формальный субъект, пригодный для использования в разных конструкциях, была, по-видимому, обусловлена не только особыми свойствами самого «словечка» *es*, но целым рядом факторов — морфосинтаксических, структурных, топологических, прагматических и стилистических (DOVAL 2011). Выявление этих факторов и установление сложной связи между ними является весьма актуальной для немецкой грамматики проблемой со всеми свойственными ей проекциями в область этноспецифики.

Безличные конструкции в языках номинативного строя (немецкий, английский — в отличие от латыни, испанского, итальянского, где субъект может оставаться в предложении не-

мещении подлежащего за финитный глагол; *не переводится*»; «в катарической функции; *не переводится*» (БНПС 2008: 882).

⁴ «Наборы» синтаксических употреблений *es*, не связанные с исконно первичной (местоименной) функцией *es*, отличаются в научной литературе степенью своей дифференцированности: от трех (ZIFONUN 1997: 38) и пяти (EISENBERG 1986: 184-186) до 12 (ADMONI 1976: 219-222) позиций.

выраженным) представляют собой тип синтаксического построения предложения, в котором присутствует элемент *es* как *dummy subject* (*es regnet*). Он не обладает референциальными свойствами, а является чисто синтаксическим, семантически пустым аргументом (DOVAL 2011: 228).

Специфическим свойством грамматического строя немецкого языка является связь категории безличности с элементом *es*, который участвует по большей части на постоянной основе в конструировании безличных высказываний и является маркером семантики безличности в ее многообразных проявлениях (РЕВЗИН 2007; DOVAL 2011; БАБЕНКО 2022а). При этом элемент *es* выступает универсальным языковым средством выражения отвлеченного характера глагольного действия, не соотносительно непосредственно с самим субъектом действия.

3.2. О функциональной активности *es*-конструкций в текстах разных типов

Обращает на себя внимание принципиальная возможность «каскадного», а не только единичного использования конструкций с *es* в текстовых фрагментах разных жанровых форм,⁵ что позволяет говорить о глубине проникновения данного элемента в грамматическую систему немецкого языка как устойчивого фактора построения высказываний с присущими им лингвоспецифическими свойствами.

*Es wölkt sich über mir —
Der Mond verbirgt sein Licht —
Die Lampe schwindet — Es dampft! — Es zucken rote Strahlen
Mir um das Haupt — Es weht
Ein Schauer vom Gewölb herab
Und fas(s)t mich an!* (GOETHE 1974: 156)

Клубятся облака,
Луна зашла,
Потух огонь светильни.
Дым! Красный луч скользит

⁵ Это явление как специфический феномен текстовой структуры немецкого языка впервые стало предметом анализа в статье Адмони, посвященной «употреблениям» (*Gebrauchsweisen*) прономинальной формы *es* (ADMONI 1976).

Вкруг моего чела.

А с потолка,

Бросая в дрожь,

Пахнуло жутью замогильной! (пер. Б. Пастернака)

В приведенном фрагменте поэтического текста элемент *es* многократно выступает сигналом обезличенности действия и неопределенного характера референтной ситуации. Многократное использование *es* в пределах одного фрагмента текста является естественным явлением и для нарративов в прозе:

Es verging eine kleine Weile, Gregor lag matt da, ringsumher war es still, vielleicht war das ein gutes Zeichen. Da läutete es (КАФКА 1993: 40). 'Прошло несколько мгновений. Грегор без сил лежал на столе, кругом было тихо, возможно, это был добрый знак. Вдруг раздался звонок'.

В немецкой языковой культуре отмечается возможность многократного использования элемента *es* в высказываниях, содержащих отвлеченные, афористические суждения:

Es wird einem nichts erlaubt, man muß es nur sich selber erlauben; dann lassen sich's die andern gefallen oder nicht (Mit Goethe 2008: 6). 'Не ждите никаких разрешений, человек должен только сам себе что-то разрешать, и тогда уже другим судить, нравится это или нет'.

Существенную роль элемент *es* играет в текстообразовании, если принять во внимание специфическое для немецкого языка конструирование инициальных фрагментов некоторых нарративов (например, зачин в сказках), а также во многих других случаях, когда речь идет об открытии в повествовании новой топикальной темы или уточнении обстоятельств действия в формате обезличивания:

Einmal, *es* war wohl schon ein Monat seit Gregors Verwandlung vergangen, und *es* war doch schon für die Schwester kein besonderer Grund mehr, über Gregors Aussehen in Erstaunen zu geraten, kam sie ein wenig früher... (КАФКА 1993: 33). 'Однажды — со дня случившегося с Грегором превращения минуло уже около месяца, и у сестры, следовательно, не было особых причин удивляться его виду — она пришла немного раньше обычного...'

Unser Ziel ist *es*, den Ausfall des russischen Gases im kommenden Jahr komplett zu kompensieren. Im Frühjahr hatte uns niemand zu-

getraut, dass wir *es* in diesem Winter schaffen würden, ohne Gaslieferungen aus Russland zurechtzukommen. Mit großen Anstrengungen ist *es* uns gelungen... (Süddeutsche Zeitung 2022: 291, 2).

Es-конструкции как носители категории безличности, обладающие в немецком языке особым набором семантических свойств и структурных способов их выражения, отличных, например, от русского языка, весьма разнообразно представлены в разговорных формах языка (ADMONI 1976), в том числе в нарративах на бытовые темы:

Ach, der Liebeskummer. Das ist so eine Sache. *Es* tut weh. Aber Liebeskummer sollte jeder zulassen. *Es* gibt eben Trauer im Leben, *es* ist okay, traurig zu sein. Traurigkeit und Verlust gehören dazu und wenn man nach einer Trennung einen Liebeskummer hat, dann kann *es* manchmal sein, dass sich das so anfühlt, als wäre jemand gestorben. Aber *es* geht weiter (Süddeutsche Zeitung 2022: 291, 55).

В данном фрагменте, выдержанном в стилистике разговорной речи, имеет место комбинация типичных образований с *es*, которые характеризуются структурной завершенностью при минимуме валентных связей; как текстообразующие сегменты они располагаются в начальной позиции высказываний, выражая своей безличной формой переходы от одного суждения к другому: *es* tut weh, *es* gibt, *es* ist okay, kann *es* sein, *es* geht.

Специфика конструктивных свойств «словечка» *es* (по выражению Адмони) проявляется также в том, что его использование в предложении одновременно в разных функциях не является в немецком языке признаком стилистической погрешности. Ср., например, комбинацию прономинального и формального *es* в одном предложении:

E-Mail-Zertifikate sind ein fantastisches Produkt, das *es*₁ noch nicht geschafft hat, allgegenwärtig zu werden, da *es*₂ von vielen E-Mail-Clients noch nicht unterstützt wird. 'E-Mail-сертификаты представляют собой фантастический продукт, который еще не достиг всеобщего признания, поскольку он пока не получил поддержки у множества клиентов' (рекламный текст).

В этом предложении обе функции *es* реализуются предельно отчетливо благодаря конструированию типичных для каждого из них синтаксических связей: для формального *es*₁ синтаксиче-

ски релевантным является наличие инфинитивного оборота после конструкции 'es + глагол широкой семантики schaffen'; для прономинального es₂ релевантна связь с существительным среднего рода das Produkt в предпозиции: es₁ как его субститут выступает синтаксическим субъектом пассивной конструкции.

Очевидная выраженность идиоэтнической специфики элемента es в немецком языке нашла отражение в литературных текстах в виде лингвокультурных рефлексов. Так, М. Кундера в книге *Невыносимая легкость бытия* в одной из глав рассуждает по поводу музыкальных опусов Бетховена на тему, выраженную словами «Es muss sein». Эта тема, возникшая на бытовой почве (речь идет о возврате денежного долга Бетховену и неотвратимости его решения получить эти деньги), приобрела значение метафизического слогана, обозначающего торжественное принятие судьбоносного решения — «должно быть так»: es как субъект высказывания имеет референтную связь с некоторой неопределенной ситуацией, которая предположительно должна наступить.

Из околонаучных публикаций также видно, что в языковом сознании носителей немецкого языка рефлексится факт частого использования элемента es и его особая роль в структуре высказываний разных типов.⁶ Так, А. Тальмайр ссылается на наблюдения авторов немецких грамматик, которые указывают на высокую частотность использования элемента es. Свое понимание валентнозависимого es Тальмайр передает метафорически — der Herr NIEMAND, то есть пустой субъект действия, у которого (действия) нет исполнителя:

Ein bloßer Statthalter, eine Verlegenheitslösung, wenn wir nicht wissen, wen oder was wir für irgendein Ereignis, irgendeine Handlung verantwortlich machen sollen (THALMAYR 2005: 178).⁷

⁶ См. анализ художественного воплощения этой грамматической данности немецкого языка в романе Т. Мана *Избранник*, что также можно рассматривать как свидетельство языковой рефлексии по поводу лингвоспецифики конструкций с es, которые обладают особой семантикой и влияют на синтаксическую форму высказывания (БАБЕНКО 2022а).

⁷ Рефлексия по поводу местоименного слова es обнаруживается в текстах З. Фрейда: субстантивированная форма das Es является обозначением некоей сущности, лишенной какой-либо определенности,

Попытки определить инвариантное значение элемента *es* не противоречат тому факту, что носителями языка осознается существование большого разнообразия конструкций с *es* и неисчерпаемых возможностей конструирования высказываний с этим «словечком» как уникальное свойство немецкого языка. В цитируемой работе приводятся группировки, намеренно хаотичные по своему составу, с конструкциями из области разговорно-речевой идиоматики. Вот одна из таких группировок:

Es ist schon wieder so weit. Es ist zum Heulen.

Es ist eben so. Es wiederholt sich.

Es ist unverständlich. Es ist kein Zweifel.

So ist es so mal. Es ist zu bedauern.

Es ist allerhand. Es bleib, wie es ist.

Es ist, um aus der Haut zu fahren (ibid.: 180)

3.3. Проблемы распределения *es*-конструкций по группам

Реально существующее в немецком языке разнообразие *es*-конструкций со специфическими морфосинтаксическими, семантическими и синтаксическими свойствами является существенным препятствием их систематизации в рамках проблем теоретической грамматики. С большой долей определенности выделению поддаются три группы морфосинтаксически, семантически и структурно сходных явлений. Далее приводится классификация, разработанная И. Доваль (DOVAL 2011: 229-230).

Первую группу образуют безличные (инперсональные) глаголы, обозначающие погодные явления: *blitzen, donnern, dunkeln, föhnen, gewittern, hageln, nieseln, regnen, schneien, reifen*⁸ и т. д., а также личные глаголы, которые при употреблении в переносном значении приобретают признаки безличности: *es friert, es taut, es tröpfelt, es gießt, es dämmert, es zieht, es grünt* и т. д.

Вторую группу образуют конструкции с глаголами, обозначающими физические ощущения: *es juckt, es brennt*.

то есть 'нечто' (THALMAYR 2005).

⁸ Данный семантический тип глаголов составлял уже в древневерхненемецком языке стабильную, но не продуктивную группу, которая постепенно сокращалась в результате перехода безличных глаголов в разряд личных (РЕВЗИН 2007: 227).

Третья группа включает глаголы чувственного восприятия: *es klingelt, es läutet, es kracht, es klopft, es knarrt, es knackt, es raschelt, es rauscht, es scheppert*.

Четвертая группа отличается гетерогенностью своего состава; в нее включаются разные по своей семантике ес-конструкции с обязательным аргументом в виде одной из падежных форм (Akk., Dat., Gen.), предложной группы или предикатива: экзистенциальные конструкции (*es gibt, es hat, es setzt, es bleibt, es bedarf, es fehlt an, es mangelt an*); конструкции, фокусирующие внимание на теме высказывания (*es kommt auf etwas an, es kommt zu, es geht um, es handelt sich um*); обороты речи, выражающие эмоциональные и другие состояния (*es gefällt mir gut, es geht ihnen gut*).⁹

Входящие в выделенные группировки ес-конструкции обладают разной степенью идиоматичности, что, однако, редко обсуждается в научной литературе ввиду их чрезвычайно разнородного характера. Вместе с тем элемент *es* присутствует в составе множества образований с высокой степенью идиоматичности: ср. конструкции *es gilt* 'идет! ладно!', *es eilig haben* 'спешить, торопиться', *es mit jemandem halten* 'быть заодно с кем-то', *es ist Essig (mit etwas)* 'накрыться медным тазом' и др. (БАБЕНКО 2022а).

3.4. О специфике некоторых статусных признаков элемента *es*

3.4.1. Экзистенциальная конструкция *es gibt*

Для языкового сознания немецкоговорящих привычной, частотной, не имеющей отклонений от правил употребления является конструкция, основанная на модели *es gibt* + Akk. активного залога, которая с большой регулярностью используется во всех регистрах речи:

Zum Lernen *gibt es* freilich eine Zeit (Mit Goethe 2008: 54).

Eine Jahreszeit, um keine Geschäfte zu machen, *gibt es* überhaupt nicht, Herr Samsa, *darf es* nicht *geben* (КАФКА 1993: 17).

⁹ Общим признаком этих конструкций является не только обязательность семантически «пустого» элемента *es*, но и конгруентность его отношений с глагольным предикатом. Обязательность *es* устанавливается тестовым способом: этот элемент не подлежит замещению другими частями речи (*das, etwas, alles*), также исключается возможность поставить к *es* вопрос.

Bolschaja Dmitrowka ist eine der ältesten Straßen Moskaus, der Kreml ist ganz nah, und die Duma liegt gleich um die Ecke. *Es gibt* hübsche Häuser aus dem 18. Jahrhundert, moderne Boutiquen — und auch ein großes Ärgernis... Auf der Bolschaja Dmitrowka *gibt es* fast keine russischen Wörter (Süddeutsche Zeitung 2022: 291, 1).

Конструкция *es gibt* + Akk. имеет регулярный характер и реализует свой потенциал во всех грамматических формах времени и наклонения актива 3 л. ед. ч. — *es gibt, es gab, es hat gegeben, es gäbe, es wird geben, es kann geben, es würde geben* и т. д. Конструкция *es gibt* служит идеальным средством выражения экзистенциальности, то есть указания на существование объекта и возможности его выделения из соответствующей предметной области (РЕВЗИН 2007: 120). Ее существенным признаком является преимущественное использование неопределенного артикля (также его отрицательной формы *kein*), который выступает маркером данной конструкции и устанавливает естественную связь экзистенциальности с неопределенностью, что также можно отнести к специфическим свойствам грамматики немецкого языка. Аномальность конструкции *es gibt* с точки зрения носителей русского языка заключается сразу в нескольких моментах: в жесткой зависимости друг от друга компонентов *es* и *gibt*, в обязательном использовании неопределенного артикля при существительном в Akk. и в отсутствии согласования глагольной формы *gibt* в ед. ч. для случаев, когда дополнение в Akk. имеет форму мн. ч. Логическим (теоретическим) решением нетривиальной лингвистической проблемы стала интерпретация данного явления отечественными лингвистами, в частности, Л. В. Щербой, для целей обучения немецкому языку в русскоязычной среде: конструкция с начальным *es*, а также безличные обороты и безличный пассив «есть средство превращения двучленного высказывания в одночленное» (*ibid.*: 79). Иначе говоря, речь идет о том, что *es* образует с финитным глаголом единый комплекс. Однако такого рода объяснение *es*-конструкций не вполне согласуется с номинативностью грамматического строя немецкого языка, а безличность связана с выражением специфической семантики предложений, обозначающих «нерасчлененно мыслимые ситуации» (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ & НОВОЖИЛОВА 2003: 16). Тем самым конструкция *es gibt* представляет

собой скорее явление, связанное с отклонениями от номинативного типа предложений и даже в широких границах своих реализаций все же приближается к идиоматическим выражениям с экзистенциальным значением «нечто имеет место быть / не быть». Сформулированная в отечественной германистике идея получила поддержку и развитие. По логике вещей целесообразно считать *es gibt* + Akk. конструкцией, наиболее полно выражающей идею экзистенциальности, которая в немецком языке имеет множество смысловых оттенков и способов их воплощения: «существует элемент коммуникативной ситуации, который характеризуется таким-то и таким-то предикатом» (РЕВЗИН 2007: 80).¹⁰

3.4.2. *Es* в начальной позиции

Значительный комплекс вопросов связан с распространенным в немецком языке использованием прономинальной формы *es* в начальной позиции (*Vorfeld-es*) в качестве «формального подлежащего». Данное явление носит довольно регулярный характер, представлено разнообразными «употреблениями», отражает закономерности грамматического строя немецкого языка в отношении порядка слов в предложении, а также их синтаксических и семантических ролей.

(a) *Es ist ein weniger bekanntes Lied aus alten Zeiten* (Frankfurter Allgemeine 2022: 294, 6).

(b) *Es war ganz anders, als das Liegen auf dem Fußboden* (КАФКА 1993: 35).

(c) *Es ist gut, dass man einmal alles tue, was man tun kann, um die Ehre zu haben, sich näher kennenzulernen* (Mit Goethe 2008: 97).

(d) *Es ist eine kluge Arbeitsteilung, dass jemand, der sein Geld mit dem Verkauf von Waffen verdient, nicht gleichzeitig Verteidigungsminister ist* (Süddeutsche Zeitung 2022: 2022, 294, 2).

(e) *Es ist unabdingbar für die Nachbarn, eine stabile und konstruktive Beziehung aufzubauen* (Frankfurter Allgemeine 2022, 294, 6).

¹⁰ Выделение конструкции *es gibt*+Akk. в качестве предмета для обсуждения отмечается прежде всего в зарубежной германистике как явление грамматики во многих отношениях специфическое с точки зрения морфосемантики, лексики, синтактики, а также прагматики.

(f) *Es* war einmal ein Mann, der verstand allerlei Künste (Brüder Grimm 1978: 143).

(g) *Es* ist nicht die erste Raubkatze, der seine Touristengruppe auf ihrer Sambia-Reise begegnete (Süddeutsche Zeitung 2022: 291, 67).

(h) *Es* wird nichts ausgeschlossen und wegen mutmaßlichen Brandstiftung ermittelt (Frankfurter Allgemeine 2022: 294, 9).

Идиоэтническая трактовка этого явления представляется вполне уместной в рамках предпринимаемого в данной статье описания статусных характеристик прономинальной формы *es* и оправданной, если принимать во внимание то обстоятельство, что рассматриваемое явление располагается в зоне весьма дискуссионных проблем немецкой научной грамматики в силу неопределенности и многопрофильности функций *es* в начальной позиции, что довольно трудно поддается логическому объяснению (РЕВЗИН 2007: 74-78; EISENBERG 1986: 183-188).

Начальное *es* наиболее часто используется в конструкциях с существительным в роли подлежащего (a); в конструкциях, где *es* замещает предикатив, представленный в виде прилагательного, изъяснительного предложения, инфинитива и т. п. (b, c, d, e); в формульных зачинах, вводящих повествование (f); в выделительных конструкциях сложноподчиненного типа, которым нет соответствия в русском языке (g); конструкциями с безличным пассивом (h). Важно подчеркнуть, что в немецком языке приведенные «употребления» *es* существуют достаточно автономно, и их природа с большой долей вероятности сводима к такому свойству немецкого языка, которое заключается в устойчивом сохранении и развитии разного рода средств и приемов для выделения зоны, где появляется новая информация — о предмете, о ситуации и т. д. *Es* на первом месте предлагается рассматривать как показатель следующей далее ремы, голый в когнитивном отношении, но сосредоточивающий в себе наряду с указанием на рему и другие коммуникативные значения (РЕВЗИН 2007: 80). Из анализа конструкций с начальным *es* заслуживает внимания наблюдение, согласно которому подобные синтаксические образования являются коммуникативно одночленными, включающими только рему; они обеспечивают тематическое развитие текста, маркируют переходы от одной мик-

ротемы к другой и являются средством создания внешней перспективы, представляющей событие в его целостности как инициальное, вводящее новую информацию и содержащее только рему (АВЕРИНА 2020: 81).¹¹

Прототипически эти явления соотносимы с зачинами, заведительствованными со средневерхненемецкого периода в письменных памятниках эпического или фольклорного характера (PAUL 1954: 71). Согласно Адмони, данные конструкции возникли именно как конструкции, указывающие на существование (Existenzialsatz в терминологии Адмони). В развитие этого наблюдения можно говорить об особой роли в когнитивном отношении признака экзистенциальности в немецком языке и его сопряжении с категорией безличности.

3.4.3. Обязательность / факультативность es как специфическое проявление варьирования

Существование вокруг употребления элемента es зоны проблемных тем является общим местом в работах по грамматике (EISENBERG 1986: 183-187). Обязательное vs факультативное употребление es в речи представляет собой очевидную грамматическую аномалию немецкого языка. Проблема «мерцающего» es не является тривиальной: невозможно логически объяснить, при каких условиях es выступает обязательным элементом высказывания, если не занимает первой позиции в предложении, не входит в состав безличной конструкции или идиоматического выражения. Так, es в постпозиции к финитному глаголу оказывается часто факультативным, если первая позиция занята. Однако после финитного глагола es избыточно, и конструкция может стать аграмматичной, как, например, в случае безличного пассива:

¹¹ Термин «перспектива» по отношению к es удачно использовал Адмони, отмечавший фиктивный характер семантики es, в которой реализуется комплекс признаков: обобщенность, неопределенность и неопределимость (verallgemeinernde — unbestimmte — unbestimmbare — fiktive Semantik): es в зависимости от грамматического окружения может рассматриваться в трех перспективах: субъектной, объектной и предикативной (ADMONI 1976: 222-223).

Es wurde nach der Schule ohne Lehre gearbeitet / Nach der Schule wurde ohne Lehre gearbeitet / *Nach der Schule wurde *es* ohne Lehre gearbeitet.

В других случаях, не связанных с безличным пассивом, проблему облигаторности / факультативности *es* в высказываниях предлагается решать, исходя из контекстуальных условий:

Heute zeigt (*es*) sich, dass das ein Fehler war.

Употребление *es* уместно, если коммуникативно важным выступает предикат и, напротив, при отсутствии *es* акцент ложится на *dass*-предложение (EISENBERG 1986: 187). Таким образом, *es* можно рассматривать в качестве своеобразного оператора, влияющего на расстановку тех или иных акцентов в коммуникативном процессе.

Не поддаются однозначной трактовке случаи употребления *es* в конструкциях, содержащих прономинальный компонент в косвенном падеже при глаголах с семантикой эмоциональных vs психологических ощущений (негативных), типа: *bangen*, *dürsten*, *ekeln*, *frösteln* и т. п., на которые обращается внимание в работе Доваль: на основании корпусных данных она доказала существование в этой группе глаголов широкой вариативности употребления облигаторного / факультативного *es* — 42% высказываний содержат в своем составе *es* (DOVAL 2011: 234).

Es bangt mir davor / mir bangt davor (БНПС 2008: 404).

De Gaulle (ihm) graute *es* vor den Parteien (DOVAL 2011: 233).

Глаголы данной группы, включающей 12 единиц, не обладают большой частотностью, но обнаруживают общность модели их употребления в речи: неноминативный экспериенсер в *Akk.* / *Dat.*, обозначающий живое существо, + глагольный предикат + предложная группа с *vor* + факультативный элемент *es*, который восполняет отсутствие грамматического субъекта.

В исследованиях последних лет отмечается, что проблема факультативного *es* в постфинитной позиции не получила своего развития в грамматиках немецкого языка, она остается неотрефлексированной и самими носителями языка. Считается (*ibid.*: 235), что данная проблема либо не привлекает внимания грамматистов (ZIFONUN 1997: 38), либо рассматривается как проявление некоторой общей тенденции развития (DUDEN

2005: 414), либо сводится к периферийным, не требующим объяснения лексическим явлениям (EISENBERG 1999: 175; ENGEL 1994: 154).¹²

Вместе с тем случаи облигаторного / факультативного употребления *es* в периферийных зонах грамматики безличности представляются заслуживающими внимания, поскольку именно здесь обнаруживаются наиболее сильные колебания, трудные для интерпретации. Отечественные германисты (В. Г. Адмони, О. И. Москальская, А. Л. Зеленецкий, Г. В. Колшанский и др.) обращали пристальное внимание на конструкции типа *es hungert mich / mich hungert*, в которых очевидна необлигаторность *es* при его замещении в первой позиции и невозможность его перемещения в постфинитную зону. При этом отмечается, что устранение субъекта имеет не только грамматический эффект, но и семантический: в случае типа *mich hungert* личное местоимение в косвенном падеже на первой позиции подчеркивает, как можно предположить, факт длительного нахождения фактического субъекта действия в определенном состоянии, тогда как в конструкции с начальным *es* фиксируется происходящее «здесь и сейчас» (КОЛШАНСКИЙ 2005: 80-81).

4. Заключение

Подход к явлениям грамматического строя немецкого языка с позиции идиоэтничности некоторых его свойств имеет ряд очевидных перспектив. Он позволяет обнаруживать в особенностях его строения глубинные связи между исконно присущими языку грамматическими категориями. Внимание к специфическим аспектам строя языка позволяет более отчетливо понять, в чем заключается уникальность реализации универсальных категорий в конкретной языковой среде, где действуют определенные закономерности и тенденции их использования, отмеченные чертами своеобразия возникающих при этом грамматических комбинаций. Специализация проминальной формы *es* в немецком языке является ярким примером уместности идиоэтнической трактовки сложной картины употреблений *es* в

¹² Следует отметить, что нерегулярность использования *es* в разного рода конструкциях была присуща немецкому языку изначально и зафиксирована в древневерхненемецкой письменности.

структуре высказываний разных типов, основанных на фундаментальных для немецкого языка свойствах, которые концентрируются на участках грамматической системы немецкого языка, связанных с выражением неопределенности, фикциональности, безличности, бессубъектности, рематичности, экзистенциальности в сочетании со специфическими топологическими закономерностями. Тем самым в описания грамматического строя немецкого языка, как и любого другого, целесообразно включать сведения о существовании участков в языковой системе, которые допускают их идиоэтническую трактовку.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Аверина А. В.* Структурные модели предложений с внешней перспективой в немецком языке // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Том XVII / гл. ред А. В. Иванов. М.: Флинта, 2020. С. 81—98. [Averina, Anna V. (2020) *Strukturnyye modeli predlozheniy s vneshney perspektivoy v nemetskom yazyke* (Structural Sentence Models with External Perspective in German). In: Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), vol. 17. Moscow: Flinta, 81—98. (In Russian)].
- Бабенко Н. С.* Феноменология безличности и ее синтаксические проекции в немецком языке // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022а. № 19. С. 29—49. [Babenko, Nataliya S. (2022a) *Fenomenologiya bezlichnosti i yeyo sintaksicheskiye proyeksii v nemetskom yazyke* (The Phenomenology of Impersonality and its Syntactic Projections in German). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 29—49. (In Russian)].
- Бабенко Н. С.* О процессах специализации некоторых грамматических ресурсов в современном немецком языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2022б. № 1 (16). С. 4—19. [Babenko, Nataliya S. (2022b) *O protsessakh spetsializatsii nekotorykh grammaticheskikh resursov v sovremennom nemetskom yazyke* (On the Specialization Processes of some Grammatical Resources in Modern German). *Linguistics and Language Teaching*, 1 (16), 4—19. (In Russian)].

- БНРС — Большой немецко-русский словарь. В 3 т. Т. 1 / под общ. рук. Д. О. Добровольского. М.: АСТ: Астрель, 2008. [Dobrovolskiy, Dmitriy O. (ed.) *Bol'shoi nemetsko-russkiy slovar'* (A Big German-Russian Dictionary). In 3 vols. Vol. 1. Moscow: AST: Astrel. (In Russian)].
- Десницкая А. В. О В. М. Жирмунском — языкеводе (к столетию со дня рождения) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 5—18. [Desnitskaya, Agniya V. (1991) O V. M. Zhirmunskom — yazykovede (k stolitiyu so dnya rozhdeniya) (About V. M. Zhirmunskiy as a Linguist (On the Centenary of his Birth). *Topics in the Study of Language*, 6, 5—18. (In Russian)].
- Зализняк А. А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа. Материалы ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 27 — 30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21). В 2 т. Т. 1 / гл. ред. В. П. Селегей. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2015. С. 683—695. [Zaliznyak, Anna A. (2015) *Lingvospetsifichnye yedinitsey russkogo yazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza* (Russian Language-specific Words as an Object of Contrastive Corpus Analysis). In: Selegey, Vladimir P. (ed.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii* (Computer Linguistics and Intellectual Technologies). Proceedings of the International Conference “Dialog”, 14 (21), vol. 1, 683—695. (In Russian)].
- Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания. М.: Академия, 2003. [Zelenetskiy, Aleksandr L. & Novozhilova, Olga V. (2003) *Teoriya nemetskogo yazykoznaniya* (Theory of German Linguistics). Moscow: Academia. (In Russian)].
- Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: URSS, 2005. [Kolshanskiy, Gennadiy V. (2005) *Sootnoscheniye subyektivnykh i obyektivnykh faktorov v yazyke* (Correlation of Subjective and Objective Factors in Language). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты. М.: Флинта, 2021. [Kostrova, Olga A.; Bepalova, Yekaterina V.; Blinova, Yuliya A. & Omel'kina, Oksana V. (2021) *Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokulturnyye aspekty* (German Literary Text: Cognitive and Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Кострова О. А. Немецкие направительные наречия в политическом дискурсе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза герма-

- нистов. 2023. № XX. С. 194—215. [Kostrova, Olga A. (2023) *Nemetskiye napravitel'nyye narechiya v politicheskom diskurse* (German Directional Adverbs in Political Discourse). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 194—215. (In Russian)].
- Куссе Х., Чернявская В. Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (3). С. 444—462. [Kusse, Holger & Chernyavskaya, Valeriya Ye. (2019) *Kul'tura: obyasnitel'nyye vozmozhnosti ponyatiya v diskursivnoy lingvistike* (Culture: Explanatory Possibilities of the Concept in Discursive Linguistics). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 16 (3), 444—462. (In Russian)].
- От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». Сборник статей / сост. А. В. Павлова. СПб.: Anthology, 2013. [Pavlova, Anna V. (ed.) (2013) *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh "etnicheskoj mental'nosti"* (From Linguistics to Myth: Linguistic Culturology in Search of "Ethnic Mentality"). Saint Petersburg: Anthology. (In Russian)].
- Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингво-философская концепция неогумбольдтианства. М.: Метатекст, 1997. [Radchenko, Oleg A. (1997) *Yazyk kak mirosozidaniye. Lingvo-filosofskaya kontseptsiya neogumboldtianstva* (Language as World Creation. The Linguistic and Philosophical Concept of Neo-Humboldtianism). Moscow: Metatext. (In Russian)].
- Радченко О. А. SPECULUM VITAE: от функциональной грамматики к идиоэтнической философии языка. Сборник избранных статей. М.: Тезаурис, 2012. [Radchenko, Oleg A. (2012) *SPECULUM VITAE: ot funktsional'noy grammatiki k idioetnicheckoy filosofii yazyka* (SPECULUM VITAE: From Functional Grammar to Idioethnic Philosophy of Language). Moscow: Taurus. (In Russian)].
- Райхман О. Национальный язык как языковедческая категория // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». Сборник статей / ред. А. В. Павлова. СПб.: Anthology, 2013. С. 31—48. [Reichmann, Oskar. (2013) *Natsional'nyy yazyk kak yazykovedcheskaya kategoriya*. In: Pavlova, Anna V. (ed.) *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh "etnicheskoj mental'nosti"* (From Linguistics to Myth: Linguistic Culturology in Search of "Ethnic Mentality"). Saint Petersburg: Anthology, 31—48. (In Russian)].

- Ревзин И. И. Структура немецкого языка. М: Объединенное гуманитарное издательство, 2009. [Revzin, Ilya I. (2009) *Struktura nemetskogo yazyka* (The Structure of the German Language). Moscow: United Humanitarian Publishing House. (In Russian)].
- Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма?» // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 21—33. [Schmelev, Aleksey D. (2011) Vsegda li nauchnoye izucheniye russkogo yazyka yavlyayetsya proyavleniyem «lingvonartsissizma?» (Is the Scientific Study of the Russian Language always a Manifestation of “Linguo-narcissism?”). *Political Linguistics Journal*, 4, 38, 21—33. (In Russian)].
- Admoni, Vladimir G. (1976) Es handelt sich um „es“. Zur gegenwärtigen Lage in der Grammatiktheorie. *Wirkendes Wort. Deutsche Sprache in Forschung und Lehre*, Jg. 26, H. 4, 219—227.
- Doval, Irene. (2011) Zur Frage der Grammatikalisierung der unpersönlichen Konstruktionen im Deutschen. *Revista de Filologia Alemana*, 19, 225—246.
- Duden-Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. (2005). Mannheim: Dudenverlag. [7., neu bearb. Aufl.]
- Eisenberg, Peter. (1986) *Grundriss der deutschen Grammatik*. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.
- Engel, Ulrich. (1994) *Syntax der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. [3. Aufl.] (Grundlagen der Germanistik, 22)
- Földes, Csaba. (2019) Sprache — Interaktion — Kultur: Ein Beitrag zur Problemdekonstruktion anhand des Paradigmas *Linguokulturologie*. In: Reeg, Ulrike & Simon, Ulrike. (eds) *Facetten der Mehrsprachigkeit aus theoretischer und unterrichtspraktischer Sicht (Interkulturelle Perspektiven in der Sprachwissenschaft und ihrer Didaktik)*, 8. Münster; New York: Watmann, 85—115.
- Kertschmar, Franziska. (2006) *Zum expletiven und pronominalen es im Deutschen. Syntaktische, semantische und varietätenspezifische Aspekte*. Magister-Hausarbeit im Fach Deutsche Sprache und Literatur im Fachbereich Germanistik und Kunstwissenschaften der Philipps-Universität Marburg. Retrieved from http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/vanvalin/rrg/MA_Kretzschmar.pdf.
- Paul, Hermann. (1954) *Deutsche Grammatik*. Bd. III. Teil IV. Halle: Max Niemeyer Verlag.
- Thalmayr, Andreas. (2005) *Heraus mit der Sprache. Ein bisschen Deutsch für Deutsche, Österreicher, Schweizer und andere Aus- und Inländer*. München: Carl Hanser Verlag.

Zifonun, Gisela; Hoffmann, Ludger & Strecker, Bruno. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. 3 Bde. Berlin; New York: de Gruyter. (Schriften des Instituts für deutsche Sprache, 7)

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Brüder Grimm. (1979) *Die Kinder- und Hausmärchen*. Berlin: Der Kinderbuchverlag.

Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2022, 294. Retrieved from <https://www.faz.net>.

Goethe, Johann Wolfgang. (1974) Faust. Eine Tragödie. In: *Goethes Werke in 12 Bdn*. Bd. 4. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag.

Kafka, Franz. (1993) *Die Verwandlung*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.

Mit Goethe durch das Jahr. (2008). Düsseldorf: Patmos Verlag.

Süddeutsche Zeitung, 2022, 291. Retrieved from <https://www.sueddeutsche.de>.

Nataliya S. Babenko

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

The Grammatical Structure of the German Language

from the Perspective of Constructing the Idioethnicity of its Properties

Modern linguistic knowledge in many aspects refers to ethnoethnicity in its various perspectives, which are of interest in ethnolinguistics, ethnocultural studies, ethnosociolinguistics, ethnopsycholinguistics, etc. Idioethnicity is not a universally accepted and widely used term, however, its relevance is undoubted against the background of the new wave of interest to the linguistically specific phenomena of different languages not only from the angle of linguoculturology as an independent scientific discipline (especially within the framework of the national Russian school of linguistics), but also grammar theory and practice, having as a direct object of study the structural resources of language in its idioethnic specificity. The phenomena of language idioethnicity are considered not from the position of linguoculture, with its emphasis on the excessive ideologization of language and culture dependence, but in the context of the study of the unique features of German grammar structure, which have been formed in the course of its historical development and are actualized in its present state. The author examines the specific features of German grammar structure, connected with the use of the element *es* in the structure of statements of different types. The article presents the experience of ethnolinguistic interpretation of the specifics of the category of impersonal-

ity, the main grammatical indicator of which is the element *es* of pronominal origin with null reference in the content, which is a unique in its kind resource of the German grammar and is characterized by the universal nature of the use in speech practices. The article draws attention to the wide presence of the element *es* in the structure of different types of utterances and to the problem areas of studying the categorical properties of impersonality in German as a phenomenon of idioethnic nature.

Keywords: grammatical structure of language; idioethnicity of language phenomena; phenomenology of impersonality; *es* as a pronominal form; typology of *es*-constructions

Для цитирования:

Бабенко Н. С. Грамматический строй немецкого языка с позиции конструирования идиоэтничности его свойств // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 15—39.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-15-39.

To cite this Article:

Babenko, Nataliya S. (2023) Grammaticheskiy stroy nemetskogo yazyka s pozitsii konstruirovaniya idioetnichnosti yego svoystv (The Grammatical Structure of the German Language from the Perspective of Constructing the Idioethnicity of its Properties). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 15—39. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-15-39.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023; принята к публикации 25.05.2023
The article was submitted 27.04.2023; accepted for publication 25.05.2023

Г. А. Баева

Санкт-Петербургский государственный университет

**КОНВЕНЦИОНАЛИЗИРОВАННЫЕ РЕЧЕВЫЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НЕМЕЦКО-РУССКОМ РАЗГОВОРНИКЕ
ТОННИ ФЕННЕ (1607)**

Конвенционализированные речевые высказывания трактуются в статье как повторяющиеся, стандартизированные реплики, состоящие из одного или нескольких слов, выбираемые и используемые носителями языка в значительной степени автоматически на основе их жизненно-го и коммуникативного опыта в зависимости от ситуации общения и на основе выработанных практикой ассоциативных связей. Материалом анализа послужил нижненемецко-русский разговорник *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian* (Псков, 1607) — первое учебное пособие для делового и бытового коммуникативного взаимодействия русских и немцев, составленное любекским купцом Тонни Фенне (Tönnies Fenne) в период торговых отношений между Россией и Ганзой. На основании контекстуального прагмакоммуникативного анализа «фиктивных» диалогов предпринимается попытка выделить и описать основные формульные высказывания, используемые в речевых действиях для установления контакта и его поддержания, включающие приветствия и социально ориентированные обращения. Среди формул, служащих для поддержания разговора, в статье выделяются просьбы, советы, указания, требования, предупреждения и пожелания, характерные для бытового и делового общения. Особое место среди поддерживающих контакт формульных реплик занимают метакоммуникативные высказывания, регулирующие, активизирующие, уточняющие речевые действия и направляющие диалог в правильное с точки зрения говорящего русло. Формульные высказывания с лексемой *Gott* 'Бог' определяются в статье как многофункциональные, так как они могут использоваться в ситуациях установления, поддержания или прекращения контакта и соединяют в себе одновременно приветствия, пожелания здоровья, успеха, удачи, благодарности, заверения в божьей помощи и т. п. Важное место в разговорнике отводится паремии — различным сентенциям, пословицам и поговоркам, которые являются многофункциональными, обычно не привязаны к отдельным диалогам и используются в различных коммуникативных ситуациях как обобщающие поучительные высказывания, сохраняющие свою актуальность в современном немецком и русском языках.

Ключевые слова: формула; стереотип; шаблон, разговорник; коммуникация; коммуникативная практика; диалог; обращение; паремия

1. Введение

Задолго до появления лингвистической прагматики Герман Пауль в *Принципах истории языка* указывал на то, что язык появляется только «там, где говорение и понимание основываются на репродукции»¹ (PAUL 2002: 187). Речь идет о репродуктивном воспроизводстве определенных речевых образований, возникших и развивающихся на протяжении веков, закрепляющихся в обществе вследствие их постоянного использования и выбираемых коммуникантами в соответствии с коммуникативной ситуацией и практикой общения. Конвенционализация таких речевых образований происходит в виде превращения их в штампы, шаблоны, устойчивые выражения, формулы, этикетные элементы и т. п., оформленные в соответствии с культурно- историческим развитием общества и языка.

Формульно-этикетные высказывания «на все случаи жизни» указывают на специфику национально маркированного коммуникативного поведения, начиная с отдаленных периодов развития языка и коммуникации, отмечаются в путевых заметках, в дипломатических источниках, а также в пособиях по изучению иностранных языков, словарях и в дву- и многоязычных разговорниках, которые возникли для осуществления делового и бытового коммуникативного взаимодействия представителей разных языков и культур. Двуязычные разговорники предлагают набор наиболее типичных коммуникативных ситуаций, которые многократно повторяются и воплощаются в перечне речевых штампов, относительно устойчивых формулах, реализующих установку на взаимопонимание в конкретных ситуациях общения (БАЕВА & СОКОЛЮК 2021: 28). Набор речевых ситуаций в разговорниках зависит от задач, которые ставят авторы-составители и которые отражают культурно-историческую коммуникативную практику той или иной эпохи: трудно представить себе разговорные темы, связанные с арендой автомобиля в русскоязычных разговорниках

¹ «wo Sprechen und Verstehen auf Reproduktion beruht» (PAUL 2002: 187).

20-летней давности или вызов такси в пособиях отдаленных эпох и т. п. В то же время такие речевые ситуации как приветствие, прощание, знакомство, привлечение внимания, извинение и многие другие сохраняют свою актуальность во все времена.

Исследование устойчивых конвенционализированных образований в современных языках не имеет еще длительной традиции, не говоря уже об отдаленных от нас эпохах, хотя о них в контексте диалога писал в первой половине прошлого века, например, Л. П. Якубинский, указывая на «шаблонность социального взаимодействия» и «речевой автоматизм» (ЯКУБИНСКИЙ 1968). В немецкой лингвистике такие конструкции стали исследоваться после появления работ Чарльза Филлмора в 1968 г., но до сих пор нет единообразия в их трактовке и терминологии. Так, В. Флейшер называет их *коммуникативными формулами* («kommunikative Formeln») (FLEISCHER 1982: 130), Х. Бургер и Х.-Х. Люгер — *прагматическими идиомами* («pragmatische Idiome»), (BURGER 1968: 2; LÜGER 2007: 444). Ф. Коулмас использует термин *рутинные формулы* («Routineformeln»), понимая под рутинной (как это слово трактуется в немецком языке) обыденность и повторяемость, т. е. постоянно повторяющиеся в обычной жизни коммуникативные задачи (COULMAS 1981: 4). Именно это обозначение в настоящее время и получило, пожалуй, наибольшее распространение в немецкой германистике. В отечественной традиции используется понятие *разговорные формулы* (Konversationsformeln) (AFONKIN 1983: 3). В современной коммуникативной лингвистике эти понятия связывают с процессами конвенционализации и стереотипизации при интерпретации типов коммуникативного поведения и выявления клишированных форм их выражения (ТРЕТЬЯКОВА 1995). Становление клише (стереотипов) также обусловлено формированием особой регламентированной коммуникативной метафоры и/или речевой идиомы (БАЕВА & ТРЕТЬЯКОВА 2012).

Одной из задач статьи является выделение и классификация описываемых в разговорнике Тонни Фенне речевых действий. Наиболее подробной и детальной представляется классификация М. Д. Городниковой и Д. О. Добровольского в *Немецко-русском словаре речевого общения*, в котором речь идет о «более 15000 речевых клише», включая наиболее типичные жесты и мимику (ГО-

РОДНИКОВА & ДОБРОВОЛЬСКИЙ 1998: 3, 13); использование последней для материала отдаленной эпохи накладывает определенные ограничения.

2. Общая характеристика материала

Изучение иностранных языков, например, немецкого языка в России, было обусловлено прежде всего практическими целями: развитием торговых отношений с Германией и необходимостью коммуникативного взаимодействия, что привело к составлению в XVI — XVII вв. первых двуязычных словарей-разговорников, из которых до нас дошло не более десяти (АЛЕКСЕЕВ 1951; АЛЕКСЕЕВ 1984; GLÜCK 2002; GLÜCK 2013).

Большая заслуга в деле изучения этих бесценных памятников принадлежит одному из издателей разговорника Фенне 1607 года Р. Якобсону, а также Б. А. Ларину, который ввел в научный обиход записи двух больших разговорников (ЛАРИН 2002). Иностранная торговля с Россией в XVI — XVII вв. велась в основном на северо-западе, а главными партнерами выступали купцы из городов Ганзейского союза. Исследователи отмечают, что в это время русский язык изучало больше иностранцев, чем в последующие два столетия, когда знание иностранных языков, напротив, стало широко распространяться среди русских (АЛЕКСЕЕВ 1984: 4).

Среди сохранившихся до нашего времени разговорников, или как их называли «русских книг», особенно ценным является большое пособие (около 500 л.) по изучению русского языка, составленное сыном купца из нижненемецкого города Любек Тонни Фенне во время его пребывания во Пскове в 1607 г. Появление этого разговорника и его ограниченное распространение были тесно связаны с языковой политикой Ганзы, стремящейся к монополии в торговле с Россией. В связи с этим Е. Р. Сквайрс пишет:

преимущества, которые дает владение языком партнера, ганзейцы осознали рано. Именно в источниках, касающихся Руси, упоминаются *sprakelegerere* — изучающие русский язык купеческие сыновья. Овладение иностранным языком являлось обязательным пунктом в программе образования начинающих ганзейских купцов. При этом, насколько позволяют судить источники, подход к обучению языку был сугубо практическим: ганзейские «ученики» приобретали знания в устном общении с русскими хозяевами во время пребывания на боярских дворах (SQUIRES 2009: 27).

Разговорник Фенне вряд ли можно рассматривать как учебное пособие для широкого круга людей: здесь нет систематического изложения грамматического материала, нет последовательности в графическом оформлении при передаче как русского текста, так и немецкого, много орфографических ошибок и транслитерационных неточностей (FILATKINA 2015; VAEVA 2021). Автор составлял разговорник для узкого круга людей с практической целью — установление и поддержание элементарного взаимопонимания между русскими и немецкими купцами. Как отмечает М. П. Алексеев, запись производилась со слуха на родном автору средненижненемецком и местном псковско-новгородском диалектах, без особого внимания к грамматической стороне языка, связности речи (АЛЕКСЕЕВ 1951: 107).

С точки зрения структуры разговорник Фенне — это тематический словник с диалоговой частью, преимущественно в форме вопросов и ответов, в русле гуманистической традиции построения латинских учебных разговорников (GÜNTHER 2002: 39). Автор приспособливает содержание к русской действительности и отражает бытовые и торговые коммуникативные ситуации того времени (МЖЕЛЬСКАЯ 2003; МИЛОСЛАВСКАЯ 2010). Считается, что разговорник Фенне имел предшественника в виде *Русской книги* Т. Шrove (1546 г.) (АЛЕКСЕЕВ 1951). В предисловии издатели разговорника высоко оценивают труд Фенне:

Fenne's manual contains unusually valuable information on old Russian commercial terminology and phraseology, on the nomenclature of goods exchanged, and in particular on the language of the fur trade and textile production. It is an irreplaceable source not only for the history of Russian business language, but for the history of Russian trade itself. The colloquies recorded by the clever German observer actually introduce us into the old Pskov marketplace, and give a vivid and authentic picture of morals, economics, social relations and everyday life during the Time of Troubles (FENNE 1970: 26).²

² «Руководство Фенне содержит необычайно ценную информацию о древнерусской коммерческой терминологии и фразеологии, о номенклатуре обмениваемых товаров и, в частности, о языке меховой торговли и текстильного производства. Это незаменимый источник не только по истории русского делового языка, но и по истории са-

При этом нужно отметить, что для наших целей ограниченный и недостаточно четко структурированный материал позволяет лишь условно выделить те или иные речевые действия и клишированные выражения. Фенне ориентируется в своем разговорнике на устное общение, хотя и включает некоторые образцы письменной коммуникации, среди которых такие официальные документы как проезжая или провотная грамота (нижненемецкие соответствия *pass* или *bref*), а также челобитная или салопница грамота (*supplication*) (*ibid.*: 94) и долговая расписка — поручительство (*kabala* — *handtschrifft*), оформляемая с обязательной подписью (*ibid.*: 263). В разделе «Von titulenn» перечисляются возможные обращения к адресату в дативе: «Тому разумному / честнейшему и высокоученому господину — *Dem weÿßen Herrren / Dem achtbahren vnd hochgelarten / Dem erbahren vnd vorsichtigen*» (*ibid.*: 264). Приведем пример-образец с формульными для документов того времени выражениями:

Mÿ biem zelom ÿ proszim stobi. Wÿr suppliciren vndt fortern. das wÿr mochten bleiben beÿ der alten priuilegia: begnadunge welche wir von deÿnen voreltern von alters her von iahren zu iahren gehabt, vnd du wollest hinfurder mit dem vns begnadigen, vndt befestigen, das wir mugen beÿ den selben bleiben, alß wir der zuuorsicht seÿn, vnd hoffen das vns das nicht abgeschlagen wirdt, vnsern getreuwen diener Mÿ lieta imeeli, ÿ tibüi vovolil fpered tim nas poszälovati, ÿ vkrepiti, tztobi mÿ potomu mogli 8 buiti biem zelom ÿ proszim stobi nam budi postarinogo, vstaffenogo: szalovanie, ktorogo mÿ ot tvoich præroditelech sstarenazale, ot lieta do kak mÿ to vpovaiem ÿ nadiemse tztoto to nam ne budet otstaffen ÿli otkasen, naszich viernoch schluga (*ibid.*: 269).³

мой российской торговли. Беседы, записанные умным немецким наблюдателем, фактически вводят нас в старый псковский рынок и дают яркую и достоверную картину нравственности, экономики, социальных отношений и повседневной жизни в Смутное время» (здесь и далее перевод мой — Г. Б.).

³ В статье основное внимание сосредоточено на немецком языке, анализ особенностей русского языка не входит в задачи исследования, поэтому сравнение приводится только там, где это необходимо.

Можно предположить, что текст письма, скорее всего, обращен к псковскому воеводе: ганзейские купцы заверяют его в своей верности, послушании, в желании (у)служить и просят сохранить для них прежние торговые привилегии:

Мы бьем челом и просим оставаться при прежних привилегиях (дословно пусть будет по-старому), которые получили от прародителей (предков) из года в год не будем оставлять и уповаем и надемся, что не будет отказа нашим верным слугам (БАЕВА 2021: 136).

3. Речевые действия и их оформление

Как уже отмечалось, Городникова и Добровольский, анализируя более 15000 речевых клише современного немецкого языка, группируют их в рамках пяти существенных для общения речевых действий: информирующие речевые действия (сообщение, обещание, согласие, отказ, возражение, недовольство); побудительные речевые действия (просьба, одобрение, совет, приказ, приглашение и т. п.); оценочно-модальные речевые действия (одобрение, удивление, сомнение, возмущение и т. п.); контактивные речевые действия (приветствие, обращение, прощание, благодарность и т. п.); метакоммуникативные речевые действия (уточнение, комментирование, поддержание речевого контакта и т. п.) (ГОРОДНИКОВА & ДОБРОВОЛЬСКИЙ 1998: 5-6). Детальность этой классификации не дает возможность проверить ее валидность в рамках статьи, тем более безоговорочно применить для материала отдаленной эпохи. Наши задачи ограничиваются, во-первых, выявлением языковых единиц, которые в разговорнике Фенне можно трактовать как формулы определенного речевого стандарта, используемые в различных повторяющихся коммуникативных практиках, во-вторых, классификацией и описанием выявленных конвенционализированных выражений на основе их вхождения в речевую ситуацию (установление контакта и поддержание контакта); по интенции говорящего (обращение к адресату речи, разнообразная номинация адресата); по передаче тех или иных речевых действий (просьба, благодарность, пожелание, приветствие, обвинение и т. п.). Выделение тех или иных формульных единиц проводится с учетом коммуникативной ситуации и контекста с опорой на общепринятые коммуникативные практики отдален-

ной эпохи и современности.

Основные конвенционализированные выражения представлены в диалоговой части разговорника, которая, несмотря на отсутствие пояснений, непоследовательности и повторы в изложении, воспринимается как некая сюжетная история с действующими лицами и местом происходящих событий. Начинается история с прибытия в город Псков немецкого купца, который направляется в дом, где намерен остановиться и хозяин которого ему хорошо знаком, и продолжается описанием его размещения в этом доме, участием в различных мероприятиях (например, трапезах или посещении бани), но особенно подробно и детально описывается торговая деятельность немецкого купца (БАЕВА 2020). Оценки диалогов с точки зрения их идентичности или фиктивности и отражения в них разговорной речи разнятся; ср.: (KILIAN 2005; SIMON 2006). Ларин высоко оценивал диалоговые пассажи разговорника, прежде всего русскоязычные:

Не только обдуман и выдержан тематический план диалогов, им придана чисто литературная выразительность, и в отличие от драматической литературы того времени они поразительно реалистичны, точны в языковой характеристике участников диалога и верно подмеченными чертами нравов и быта той страны и эпохи, какую описывают. Это конечно не художественная литература, это промежуточный жанр между научной или учебной и художественной литературой (ЛАРИН 1946: 6).

Несмотря на то, что представленные в разговорнике беседы не являются до конца завершенными диалогами, не везде есть ответы на вопросы или, наоборот, даны ответы на предполагаемые вопросы, которые при отсутствии контекста не могут быть однозначно интерпретированы, материал разговорника дает основания говорить об определенной формульности речи, проявляющейся в четком маркировании отдельных речевых ситуаций, неоднократной повторяемости фраз в вопросах и ответах. Классификация таких фраз по указанным выше причинам вызывает затруднения, поэтому для иллюстрации ограничимся формулами, связанными с завязыванием контактов и их поддержанием. Внутренне содержание этих двух рубрик будет условно разделено с учетом речевых действий, но, как показал

анализ, однозначной трактовки этих фраз быть не может, ибо они часто многофункциональны и включают разнообразные семантические оттенки в зависимости от использования в конкретной речевой ситуации.

3.1. Приветствие. Знакомство. Обращение

Во все времена примером контактивных речевых действий служат приветствия. Интересно, что Фенне практически не дает образцов использования приветствий «в действии», т. е. в диалогах, но списком перечисляет следующие:

Guden morgen / Guden dach / Guden auendtt / Guden nachtt / Guden dach geue vns godtt / Slap gesundtt / Datt geue gott (FENNE 1970: 260).

В диалогах представлена более душевная форма приветствия *du bist my willkamen* ‘добро пожаловать’:

Du kumpst selden tho my darumb bistu my nu wyllkamen (ibid.: 215).

Du bist my eyn leuer gast, du bist my willkamen (ibid.: 240).

Значимость приветствия подчеркнута в примерах уточнениями «ты у меня редкий гость» и обращением «дорогой гость».

Знакомство, по-видимому, могло состояться с помощью вопросно-ответных рутинных реплик, устанавливающих контакт:

Wo hestu? Ich hehte Hans (ibid.: 259).

Далее следуют контактоустанавливающие фразы, указывающие на коммерческий интерес:

Wor bistu her gekamen / Ich sy van Nougarden gekomen.

Iß idt lange dattu van Nougarden reÿsedest / Nichtt lange ergistern.

Watt byngestu vor nÿe tÿdunge / Ich hebbe alle gude tÿdinge gott hefft idt / mÿtt vns all still vnd gudtt vorlehendtt (ibid.: 274-275).

Запрос информации о новостях из Новгорода можно трактовать двояко: во-первых, желанием действительно узнать новости (Новгород — торговый конкурент Пскова), во-вторых, судя по ответу, желанием поддержать разговор, «затянуть» его, чтобы перейти к вопросу о том, какие товары и на каких условиях предлагает собеседник.

Коммуникативные действия даны в разговорнике от первого лица, что предполагает его непосредственное участие. Реже приводятся фразы с обращениями к равноправным участникам диалога, в том числе *frundtt* ‘друг / мой сердечный друг’ или

‘дружке’, (min) broder ‘(родной) брат’, а также vader ‘бацька’ или moi todimetz. «Высокое» обращение herr (gospodin) (ibid.: 402) и даже fruntlicher her зафиксированы в единичных случаях. К слугам обращаются junge ‘малец, мацке’.

Iunnge hale reyn wahter ich will de hande waschen (ibid.: 191).

Ich bidde fruntlicher her werdt latt my in dynem haue herbergen (ibid.).

Vader wor is myne dornve (ibid.).

Broder wor werstu (ibid.: 184).

3.2. Поддержание контакта

Значительная часть диалогов сосредоточена на обеспечении торговых сделок. В этом случае исследователь имеет дело с побудительными речевыми действиями, призывающим к соблюдению коммерческих обязательств в соответствии с существующими в торговом сообществе правилами и установленными ценам. Побуждению к началу торгового процесса часто предшествует уточняющий вопрос «Как вести с тобой торговлю?», обусловленный либо незнанием местных законов и обычаев, либо употребленный исключительно ритуально. Фенне предлагает ответы, которые незначительно варьируют и носят, скорее, морально-оценочный характер: alß redlich, laskove — houisch, ffsiem tzertzum bez lesti — van gantzem herten sunder bedrechlicheydt ‘честно, открыто, справедливо, правильно, без обмана и хитрости, как ты мне, так и я тебе, чистосердечно, искренне, всем сердцем, без лести, пригоже’.

wÿll alß redlich ist mÿtt dÿ kopslagen (ibid.: 296).

Ich wyll dy gelich doen also du my gedaen heffst (ibid.: 195).

Ich wÿll houisch mÿtt dÿ kopslagen, also idt werdt is (ibid.: 296).

Ich wÿl van gantzem herten mÿtt dÿ kopslagen. / sunder bedrechlicheydt (ibid.: 303).

В ответе упоминаются обычно своеобразные фразы-клише — ссылки на предыдущие связи и договоренности, на добрососедство и дружбу (Gewohnheit, Freundschaft und Nachbarschaft):

Ich si datt werk gewondtlich tho doende (ibid.: 223).

Wÿr haben zu allen zeiten gude nachbahrschafft gehalten vnd wollen das auch hinfurder halten (ibid.: 268).

Kopslage mit mÿ van hantzem herten vnd nicht listlichen vnd bedruch mÿ nicht mit diner wahre (ibid.: 337).

Как «некатегорическое побуждение» доминируют просьбы с Ich bidde (будущее bitte), рус. 'пожалуй' (будущее 'пожалуйста') (более 20 примеров):

Ich bidde dy frundtt wys my den wech wor ich na der Narue reysen schall (ibid.: 205).

Ответ на выполнение просьбы зафиксирован далеко не всегда, поэтому выражения благодарности в виде Groten danck / danken geven встречаются редко:

Groten danck dattu my mytt dyner wahre gunstig bist (ibid.: 304).

Grotten danch dattu my begnadigett heffst also were ich tho dy gewest (ibid.: 215).

Из диалогов становится очевидным, что при всех призывах к честной и обоюдовыгодной торговле необходимо письменное подтверждение в виде долговой расписки — поручительства (kabala — handtschrieff) на случай опасности (wegen allerley gefahr) с обязательной подписью:

Ich wyll dir die zeidt setzenn biß auff michäeli, aber gib mir eyne handtschrieff vndtt gute leute zu borgen den menn gleuben magh (ibid.: 224).

Schreib eÿne handtschrieff vnd laß sie deÿne burgen vnterschreiben wegen allerley gefahr (ibid.: 263).

So nehme ich sie nicht vnter schreib das dir meÿne schuldt geworden ist (ibid.).

В случаях нарушении установившихся правил торговли появляются фразы морально-оценочного характера, дискредитирующие собеседника и называющие его обманщиком, лжецом, человеком, не умеющим держать слово (du bist keyn herr dines worde) и т. п.

Ich mach nicht mit dy kopslagen, ich furchte bedroch van dy (ibid.: 408).

Du bist eyn blode mahn du dorst nicht wagen mit den luden tho kopslagen (ibid.: 479).

Du bist ein logener du heffst dyn wort vorandert (ibid.: 284).

du bist keyn herr dines worde (ibid.: 303).

Дело могло доходить и до прямых оскорблений:

Ich will nicht mit dy tho doende hebben, du bist my tho arch (ibid.: 397).

В этом контексте могут использоваться, однако, и фразы с участливым подбадриванием и одновременным подчеркиванием своего превосходства: «сочувствую, не всякий день тебе удача, с кем ты тягался»:

Dat iß mey leydt (ibid.: 385).

Idt geluckett dy alle dage nichtt (ibid.: 251).

Mytt weme heffstu tho rechte gehahen (ibid.: 251).

Признание собственных ошибок, и, следовательно, извинение за них, представлено лишь единичными примерами:

Ich wyll ehm entschuldigen he is in de saken nichtt schuldich (ibid.: 185).

Ich hebbe my vorsehen vorgiff idt my ich byn schuldigk (ibid.: 257).

Как указывает А. П. Хорошкевич, желание избежать конфликтов связано не с угрозой наказания, а со страхом приобрести дурную славу среди своих, поэтому лучше соблюдать договоренности, даже если они были устными (ХОРОШКЕВИЧ 1967: 210).

Удачная сделка завершалась формульным выражением «ударить по рукам, обручить» и надеждой на божью помощь при получении прибыли (winst):

Slae mýt ehme in de handt, vnd godt geue beÿde thor winst (FENNE 1970: 394).

Полагалось отметить покупку-продажу приглашением в гости с выпивкой и угощением (den vinkop drinken ‘литки пить’) (МЖЕЛЬСКАЯ 2003: 297):

De mahn wyll ein gastgebodtt anrichten vndtt geste pligen (ibid.: 189).

Wÿ sollen van dage den winkop drinken / wol schall ehn betahlen (ibid.: 337).

Wy drunchen na lusten vnd worden nichtt drunken (ibid.: 189).

3.3. Метакоммуникативные ремарки

Среди коммуникативных формул, представленных в разговорнике, важное место отводится ремаркам метакоммуникативного характера, направленным на «управление» общением или оценивающим речь собеседника: требование не перебивать, дать высказаться, не дерзить, не болтать, говорить правду, говорить медленно и т. п.:

Vorgitt datt wordtt nicht, vnd beholdtt idtt ihm gedechteniße (ibid.: 184).

Valle my nicht indt wortt, latt my vthredenn (ibid.: 188).

Holdtt dy nicht hochmodig van herten (ibid.: 188).

Watt bladderstu veell, sprick sunder stamerent (ibid.: 196).

In warhafftiger warheidtt (ibid.: 196).

Sprich langsam vnd vorsprick dy nychtt (ibid.: 209).

Segge de wahrheit van reynem herten (ibid.: 383).

Geloue du my ich lege dy nicht vor (ibid.: 432).

Du redest schendtliche wordtt mytt vns schemen sich de lude sodane wordtt th seggen (ibid.: 252).

Приведенные примеры так или иначе связаны с оценочными, как правило, негативными характеристиками речи и служат для определенной коррекции разговора и его направления в нужное с точки зрения говорящего русло. Структурно здесь используются преимущественно простые предложения с доминирующим подлежащим *du* (*Du redest schendtliche wordtt*), а также достаточно частотны императивы (*Sprich langsam*; *Sprick sunder stamerent*; *Segge de wahrheit*), которые во многих случаях усиливаются отрицательной частицей *nicht* (*Vorgitt datt wordtt nicht*; *Holdtt dy nicht hochmodig*).

3.4. Ситуативные высказывания. Паремия

Как уже говорилось, деление на отдельные речевые действия, обслуживающие те или иные речевые ситуации, достаточно условно: некоторые формулы могут использоваться не в одной, а в нескольких речевых ситуациях. Наиболее показательными в этом плане являются многочисленные сентенции с лексемой «Бог» (*Gott*), в которых кроме апелляции к Богу как к высшей силе могут объединяться приветствие, пожелание общего или конкретного характера, в том числе здоровья или успешной торговой сделки, благодарность, заверение в божьей помощи, просьба дать здоровье, удачу, выгоду (*koristi — geluche*), помочь в делах, с другой стороны, демонстрация согласия с тем, что на все воля божья и ее нужно покорно принимать:

Gott helpe iw / Gott fordere iw / Londtt gott / Vorgelde idtt got / Groten dangk / Gahe mytt gade / Godtt bewahre dÿ / Gott gesegne dÿ / Gott gesegene iw / Datt geue gott (ibid.: 260).

Gott der here geue vns mytt gesundttheytt (ibid.: 209).

Gotts loen ich hebbe all gehehten (ibid.: 183).

Waner gott gesundttheytt giffit so iszet guedtt (ibid.: 180).

Else gott wyll so giffit he idtt (ibid.: 189).

Godt gebe das deme so wesen magh (ibid.: 266).

Gott geue my geluche (ibid.: 203.)

Gott geue dy hernahmalls mehr gudes (ibid.: 203).

Помимо апелляций к Богу, по всему тексту разговорника «разбросаны» паремические высказывания в виде пословиц, поговорок и отдельных сентенций. По мнению Г. Пикхан, изобилие паремий служит доказательством национально-культурного и межкультурного взаимодействия между немцами и русскими, свидетельством «невероятно высокого уровня внимания со стороны клерка к иностранному языку и культуре» (ПИКХАН 2001: 507). Любая из указанных ниже паремий могла резюмировать содержание разговора, дать обобщающую, поучительно-дидактическую характеристику. Их тематика разнообразна, но в основном касается межличностных отношений и общечеловеческих ценностей.

Tolko ludi tolko vmoff. Souehle lude, so vehle sinne (FENNE 1970: 476). 'Сколько людей, столько и мнений (умов)'.

Dirsi svoi sloua kak stena Holtt dynn ordtt else eyne mure (ibid.: 257). 'Держи свои слова как стена'.

Datt kuken wyl datt hoen lehren Tziplota chotze kuritza vtzit (ibid.: 472). 'Цыплята кур не учат'.

Wahrheÿdt vnd geloue iß de lichte sunne Praffda da viera suetlie szolnsa (ibid.: 478). 'Правда да вера — светлее солнца'.

Sodahn landt so dahne gerechtigkeit. Takova semla takova prauffdu (ibid.: 472). 'Какова земля (страна), такова и правда (справедливость)'.

Sunder windt ruschedt de nen boem. Sunder gedanken leuedt keÿn mahn. Bes vetor dereva ne sumi. Bes muisle tzelovik ne szivot (ibid.: 479). 'Без ветра дерево не шумит, без мысли человек не живет'.

Koli vtzelovieka vma togdi ÿ duora budet, da koli vhma niet, togdi ÿ duora niet. Wen eÿn mahn vornufft hefft so kricht he woll huß vnd hoff, vnd wan dar keÿn vornufft iß so iß dar och keÿn haue oder gud (ibid.: 386). 'Коли у человека есть ум (разум), тогда и дом будет, да коли ума нет, тогда и двора нет'.

Bes vetor dereva ne sumi. Bes muisle tzelovik ne szivot. Sunder windt ruschedt de nen boem. Sunder gedanken leuedt keÿn mahn (ibid.: 479). 'Без ветра дерево не шумит, без мысли человек не живет'.

Большинство приведенных предложений в виде пословиц и поговорок оказались устойчивыми, прошли испытание временем, и сохранились вплоть до сегодняшнего дня в немецком и русском языках.

4. Выводы

Возможность реконструировать ситуации бытового и делового общения, особенности речевого этикета прошлой эпохи, моделировать образы собеседников и проч. делает разговорник Фенне предметом дальнейших прагма- и социолингвистических исследований. Несмотря на относительно ограниченный состав, включенные в него формульные высказывания различаются по их вхождению в речевую ситуацию как контактоустанавливающие, контактоподдерживающие и метакоммуникативные в зависимости от передачи тех или иных речевых действий: приветствие, просьба, благодарность, пожелание, обвинение, угроза и т. п.

Большое количество метакоммуникативных выражений, включенных в разговорник, дает представление о способах ведения диалога и направления его по необходимости в правильное русло для достижения нужного результата — удачной торговой сделки.

Значительное место в разговорнике занимают многофункциональные формулы с лексемой «Бог» и паремические высказывания в виде пословиц и поговорок, которые используются в разных коммуникативных ситуациях как обобщающие высказывания с дидактической интенцией.

Следует отметить уникальность разговорника Фенне, который дает богатый и разноплановый материал для междисциплинарных исследований, включая сопоставительный анализ средненижненемецкого и псковско-новгородского диалекта русского языка отдаленной от нас эпохи, изучение особенностей формирования языковой картины мира, выявление специфики национально маркированного вербального коммуникативного поведения русских и немцев в деловом и бытовом общении, речевого этикета, ибо в разговорнике запечатлены фрагменты исторической действительности, отражающей языковой опыт носителей немецкого и русского языков.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Алексеев М. П.* «Книга русского языка» Т. Шrove 1546 и ее автор // Памяти Л. В. Щербы / ред. Б. А. Ларин и др. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1951. С. 10—112. [Alekseyev, Mikhail P. (1951) “Kniga russkogo yazyka” T. Shrove 1546 i yeyo avtor (“Book of the Russian Language” T. Shrove 1546 and its Author). In: Larin, Boris A. & al. (eds) *Pamyati L. V. Shcherby* (In memory of L. V. Shcherba). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].
- Алексеев М. П.* Русский язык в мировом культурном обиходе // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 3—14. [Alekseyev, Mikhail P. (1984) *Russkiy yazyk v mirovom kul'turnom obikhode* (Russian Language in World Cultural Use. *Topics in the Study of Language*, 2, 3—14. (In Russian)].
- Баева Г. А.* Коммуникативные практики и их реализация в первых двуязычных разговорниках // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете IX. Диалогическое взаимодействие текстов и дискурсов / ред. Езан И. Е. и др. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2020. С. 110—130. [Baeva, Galina A. (2020) *Kommunikativnyye praktiki i ikh realizatsiya v pervykh dvuyazychnykh razgovornikakh* (Communicative Practices and their Implementation in the First Bilingual Phrasebooks). In: Yezan, Irina Ye. & al. (eds) *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete IX. Dialogicheskoye vzaimodeystviye tekstov i diskursov* (German Philology at St. Petersburg State University IX. Dialogic Interaction of Texts and Discourses). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 110—130. (In Russian)].
- Баева Г. А.* Национально-культурное своеобразие коммуникативного взаимодействия в отдаленные эпохи (на материале первых двуязычных разговорников) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете XI. Диалогическое взаимодействие текстов и дискурсов / ред. Нефедов С. Т. и др. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2021. С. 130—152. [Baeva, Galina A. (2021) *Natsional'no-kul'turnoye svoyeobraziye kommunika-tivnogo vzaimodeystviya v otdalennyye epokhi* (na materiale pervykh dvuyazychnykh razgovornikov) (National and Cultural Originality of Communicative Interaction in Distant Epochs (on the Basis of the First Bilingual Phrasebooks)). In: Nefedov, Sergey T. & al. (eds) *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete XI. Dialogicheskoye vzaimodeystviye tekstov i diskursov* (German Philology at St. Petersburg State University XI. Dialogic Interaction of Texts and Dis-

- courses). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 130—152. (In Russian)].
- Баева Г. А., Третьякова Т. П. Развитие средств речевого этикета и ритуала // Очерки по исторической прагматике германских языков / под ред. Г. А. Баевой. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2012. С. 55—67. [Baeva, Galina A. & Tret'akova, Tatyana P. (2012) Razvitiye sredstv rechevogo etiketa i rituala (Development of Means of Speech Etiquette and Ritual). In: Baeva, Galina A. (ed.) Ocherki po istoricheskoy pragmatike germanskikh yazykov (Essays on the Historical Pragmatics of the Germanic Languages). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 55—67. (In Russian)].
- Баева Г. А., Соколюк М. А. Функции разговорника как типа текста (на примере русско-немецких и немецко-русских разговорников) // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 1. С. 26—44. [Baeva, Galina A. & Sokolyuk, Mariya A. (2021) Funktsii razgovornika kak tipa teksta (na primere russko-nemetskikh i nemetsko-russkikh rasgovornikov (Functions of a Phrasebook as a Type of Text (on the Example of Russian-German and German-Russian Phrasebooks). *Vestnik PNIPU* (Bulletin of Perm' National Research Pedagogical University), 1, 26—44. (In Russian)].
- Городникова М. Д., Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения. М.: Русский язык, 1998. [Gorodnikova, Margarita D. & Dobrovolskiy, Dmitriy O. (1998) *Nemetsko-russkiy slovar' rechevogo obshcheniya* (German-Russian Dictionary of Speech Communication). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Ларин Б. А. О записях иностранцев как источнике по истории русского языка // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1946. [Larin, Boris A. (1946) O zapisyakh inostrantsev kak istochnike po istorii russkogo yazyka (On the Records of Foreigners as a Source for the History of the Russian Language). In: *Trudy yubileynoy nauchnoy sessii LGU* (Proceedings of the Anniversary Scientific Session of Leningrad State University). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].
- Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси 16-17 веков. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. [Larin, Boris A. (2002). *Tri inostrannykh istochnika po razgovornoy rechi Moskovskoy Rusi 16 — 17 vekov* (Three Foreign Sources on the Colloquial Speech of Muscovite Russia of the 16th — 17th Centuries). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].

- Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI — XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2003. [Mzhel'skaya, Olga S. (2003) *Leksika obikhodno-razgovornogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI — XVII vv. (po dannym inostrannykh rukovodstv dlya izucheniya russkogo yazyka)* (Vocabulary of the Everyday Colloquial Language of Moscow Rus' in the 16th — 17th Centuries (according to Foreign Guides for Learning the Russian Language)). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Милославская С. К. Псков и псковичи в рукописном учебнике русского языка Тонни Фенне (1607) // Вестник МАПРЯЛ. 2010. № 63/64. С. 23—29. [Miloslavskaya, Svetlana K. (2010) Pskov i pskovichi v rukopisnom uchebnike russkogo yazyka Tonni FENNE (1607) (Pskov and the Pskov People in the Handwritten Textbook of the Russian Language by Tönnies Fenne (1607)). *Vestnik MAPRYAL* (Bulletin of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature), 63/64, 23—29. (In Russian)].
- Третьякова Т. П. Английские речевые стереотипы. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1995. [Tret'yakova Tatyana P. (1995) *Angliyskiye rechevyye stereotipy* (English Speech Stereotypes). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Хорошкевич А. Л. Быт и культура русского народа по словарю Тонни Фенне (1607) // Новое о прошлом нашей страны / ред. В. А. Александров и др. М.: Наука. 1967. С. 200—217. [Khoroshkevich, Anna L. (1967) Byt i kul'tura russkogo naroda po slovaryu Tonni FENNE (1607) (Life and Culture of the Russian People according to the Dictionary of Tönnies Fenne (1607)). In: Aleksandrov, Vadim A. & al. (eds) *Novoye o proshlom nashey strany* (New about the Past of our Country). Moscow: Nauka, 200—217. (In Russian)].
- Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: АН СССР, 1968. [Yakubinskiy, Lev P. (1968) *Izbrannyye raboty. Yazyk i yego funktsionirovaniye* (Selected Works. Language and its Functioning). Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russian)].
- Afonkin, Juriy N. (1983) *Konversationsformeln*. Moskau: Prosveščeniye.
- Baeva, Galina A. (2021) Erste Sprachbücher: zwischen Lehrbuch und Wörterbuch Intertextualität. In Hünecke, Rainer. (ed.) *Vom Zitat bis zur Anspielung in Texten der deutschen Sprache vom 8. bis zum 19. Jahrhundert*. Akten zur internationalen Fachtagung an der Technischen Universität Dresden vom 13. bis 15. Juni 2019. Berlin: Weidler Buchverlag, 175—196. (Berliner Sprachwissenschaftliche Studien, Bd. 36)

- Burger, Harald. (2007) *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. [3., neu bearb. Aufl.]
- Coulmas, Florian. (1981) *Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik*. Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft. (Linguistische Forschungen 29)
- FENNE, Tönnies. (1970) *Tönnies FENNE's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607*. 2 Bde. Bd. 2. Transliteration and Translation. Kopenhagen: Munksgaard.
- Filatkina, Natalia. (2015) Implicit Understandings. Was uns historische Sprachlehrbücher über Sprachbewusstsein und Sprachgebrauch ver-raten. In: Schmidlin, Regula; Behrens, Heike & Bickel, Hans. (eds) *Sprachgebrauch und Sprachbewusstsein. Implikationen für die Sprachtheorie*. Berlin; Boston: De Gruyter, 71—101.
- Fleischer, Wolfgang. (1982) *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- Günther, Erika. (1994) Die ersten Russischlehrbücher für Deutsche im 16. und 17. Jahrhundert. In Eichler, E. et al. (eds) *Wort und Text. Slavistische Beiträge zum 65. Geburtstag von Wolfgang Sperber*. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 49—58. (Beiträge zur Slavistik, Bd. 26)
- Glück, Helmut. (2002) *Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit*. Berlin; Boston: de Gruyter.
- Glück, Helmut. (2013) *Die Fremdsprache Deutsch im Zeitalter von Aufklärung, Klassik und Romantik*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Kilian, Jörg. (2005) *Historische Dialogforschung: eine Einführung*. Tübingen: Niemeyer. (Germanistische Arbeitshefte 41)
- Lüger, Heinz-Helmut. (2007) Pragmatische Phraseme. Routineformeln. In: Burger, Harald; Dobrovolskij, Dmitrij; Kühn, Peter & Norrick, Neal R. (eds) *Phraseologie / Phraseology. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / An International Handbook of Contemporary Research* Berlin; New York: Walter de Gruyter, 444—459. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 28/1)
- Paul, Hermann. (2002) *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Tübingen: Niemeyer.
- Pickhan, Gertrud. (2001) „Wan ich frolich sy so hebbe ich dy gerne“. Grundmuster der interkulturellen Alltagskommunikation zwischen Deutschen und Russen im Gesprächsbuch des Tönnies FENNE (1607). In: Hösch, E. (ed.) *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 49, Heft 1. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 500—509.
- Simon, Horst J. (2006) Reconstructing historical orality in German — what sources can we use? In: Taavitsainen, I, Härmä, J. & Korhonen, J. (eds) *Dialogic language use — Dimensions du dialogisme — Dialogischer*

- Sprachgebrauch*. Helsinki: Société Néophilologique, 7—26. (Mémoires de la Société Néophilologique de Helsinki 66)
- Squires, Caterina. (2009) Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen. Mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. *Niederdeutsche Studien*, 53, 116—149.

Galina A. Baeva
Saint Petersburg State University

Conventionalized Speech Statements in the German-Russian Phrasebook by Tönnies Fenne (1607)

Conventionalized speech utterances are interpreted in the article as repetitive, standardized replicas, consisting of one or more words, chosen and used by native speakers largely automatically based on their life and communicative experience, depending on the communication situation and on the basis of associative links developed by practice. The analysis was based on the Low German-Russian Phrase Book *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian* (Pskov, 1607), which is the first textbook for business and everyday communicative interaction between Russians and Germans, written by the Lübeck merchant Tönnies Fenne during the period of trade relations between Russia and the Hansa. Based on a contextual pragma-communicative analysis of “fictitious” dialogues, an attempt is made to identify and describe the main formulaic statements used in speech actions to establish contact and maintain it, including greetings and socially oriented addresses. Among the formulas that serve to maintain a conversation, the article highlights requests, advice, instructions, demands, warnings and wishes that are typical for everyday and business communication. A special place among the formulaic replicas that maintain contact is occupied by metacommunicative statements that regulate, activate, clarify speech actions and direct the dialogue in the right direction from the speaker's point of view. Formula statements with the lexeme *Gott* ‘God’ are defined in the article as multifunctional, since they can be used both in situations of establishing maintaining or ending contact, and combine greetings, wishes of health, success, good luck, gratitude, assurances in God help, etc. An important place in the phrase book is given to paremia — various maxims, proverbs and sayings, which are multifunctional, usually not tied to individual dialogues and used in various communicative situations as generalizing instructive statements that remain relevant in modern German and Russian languages.

Keywords: formula; stereotype; template; phrase book; communication; communicative practice; dialogue; appeal; paremia

Для цитирования:

Баева Г. А. Конвенционализированные речевые высказывания в немецко-русском разговорнике Тонни Фенне (1607) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 40—60.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-40-60.

To cite this Article:

Baeva, Galina A. (2023) Konventsionalizirovannyye rechevye vyskazyvaniya v nemetsko-russkom razgovornike Tonni Fenne (1607) (Conventionalized Speech Statements in the German-Russian Phrasebook by Tönnies Fenne (1607)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 40—60. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-40-60.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; принята к публикации 21.02.2023
The article was submitted 01.02.2023; accepted for publication 21.02.2023

О. И. Быкова

Воронежский государственный университет

**ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИХ СТРУКТУР ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(на материале эссе Генриха Белля *Vorsicht! Bücher!*)**

Статья посвящена комплексному подходу к раскрытию смысла текста на уровне различных смыслообразующих структур как необходимого условия для адекватного восприятия интенции автора. Обращается внимание на место публицистического текста как особого типа информативного текста и эссе — художественно-публицистического жанра краткой эпической формы в функциональной типологии текстов, предложенной Клаусом Бринкером. В качестве доминирующей функции публицистического текста выделяется функция воздействия: формирование общественно значимого смысла в индивидуальном сознании читателя. Выделены существенные признаки, определяющие среднее положение публицистического текста при его сопоставлении с художественным текстом. Когнитивно-дискурсивная парадигма исследования выступает как научная парадигма, способствующая синтезированию исследований когнитивных и коммуникативных особенностей смысловой организации текста. В рамках широкой антропологической парадигмы исследования текста используется когнитивно-дискурсивный подход на трех уровнях смыслообразования: семантическом, прагматическом, интеракционном, что позволяет подтвердить необходимость полипарадигмального исследования способов воплощения авторской интенции и их влияния на формирование гражданской позиции читателя по актуальным проблемам языкового сообщества. Материалом исследования послужил текст эссе Генриха Белля *Vorsicht! Bücher!* Использование семантико-когнитивного подхода направлено на выявление способов номинаций смыслообразующих концептов, их взаимодействия и взаимообусловленности в логической организации структуры текста. Лингвокультурологическая парадигма нацелена на определение роли культурных комментариев фактов экстралингвистической действительности. На прагматическом уровне выделяются релевантные признаки образности, эмотивности и оценочности, способствующие ассоциативному воздействию на сознание реципиента. Рассматривается коннотативная маркированность номинаций, актуализация коннотативной потенции языковых средств как компонента целостной смыслообразующей структуры текста. Анализ

синтаксической организации смысловой структуры текста на интеракционном уровне детерминирует набор стилистических черт (Stilzüge) типичных для идиостиля эссе Белля: логичность изложения авторских суждений, призывность, побудительность, достоверность, интертекстуальность, экспрессивная образность, эмотивность, оценочность. Результаты полипарадигмального исследования смыслообразующих структур публицистического текста могут найти применение при решении проблем типологии текстов, дискурсивной обусловленности релевантных способов выражения авторской интенции и их воздействия на реципиента.

Ключевые слова: парадигма исследования; публицистический текст; эссе; смысл текста; концепт; стилистическая черта

1. Введение

Комплексный подход к раскрытию смысла текста как его центральной категории на уровне различных смыслообразующих структур текста в рамках широкой антропологической парадигмы, ее интегрального характера предполагает полипарадигмальность их исследования.

Отмечая объективную для лингвистики текста необходимость интегрального подхода к тексту как объекту исследования, соответствующую духу эпохи, в которой доминируют принципы сложного, глобального и многомерного, И. А. Щирова и Е. А. Гончарова весьма конструктивно обосновывают специфику современной научной парадигмы:

«Человекомерность» и интерпретативный характер современной научной парадигмы заставляют видеть в тексте образование, открытое бесконечным прочтениям, а ее полипарадигмальность объясняет сосуществование на едином интеллектуальном пространстве многообразных теоретических и методологических подходов к проблемам интерпретации текста (ЩИРОВА & ГОНЧАРОВА 2007: 442).

Необходимость адекватного восприятия интенции автора публицистического текста обусловлена его специфическими особенностями: 1) являясь особым типом информативного текста, согласно типологии текстов, предложенной Клаусом Бринкером (BRINKER 1992), публицистический текст может содержать признаки художественного текста: экспрессивную образность, эмо-

тивность, оценочность, характеризующие субъективное восприятие действительности автором произведения; 2) доминирующей функцией публицистического текста является формирование общественно значимого смысла в индивидуальном сознании читателя по актуальным проблемам языкового сообщества.

К важнейшим сущностным признаками публицистического стиля относятся:

— сочетание в его рамках двух функций языка: функции сообщения (информативной и функции воздействия: целеустремленное воздействие на массовую аудиторию);

— яркая эмоционально-экспрессивная окраска образного и логичного;

— социальная оценочность языковых средств, призывность, определяющие побудительный характер публицистической речи;

— максимальная интертекстуальная проницательность;

— прозрачность синтаксических конструкций, использование инверсивного порядка слов в предложениях как средство реализации функции выдвижения (*Funktion der Hervorhebung*), обилие экспрессивных конструкций, применение инверсивного порядка слов в предложениях, риторические вопросы (FLEISCHER 1975: 266-268; SOWINSKI 1978: 290, 293; БРАНДЕС 1983: 192-195; ВУКОВА & СЫРОМЈАТНИКОВА 2012: 10-12; ВУКОВА & СЫРОМЈАТНИКОВА 2018: 37-39).

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования является публицистический текст эссе Генриха Белля *Vorsicht! Bücher!* (BÖLL 1985). Генрих Теодор Белль (1917 — 1985) — немецкий писатель, антифашист, переводчик и сценарист, лауреат Нобелевской премии по литературе (1972). Появление собрания публицистических работ Белля датируется 1977-м годом. Признавая заслуги Белля, литературный критик и его близкий друг Генрих Формвег пишет:

Im Jahre 1972 war die Anerkennung, die Unbestechlichkeit, mit der der Kölner aus seiner konsequenten Zeitgenossenschaft heraus die Beschädigungen und Hoffnungen der kleinen Leute in seinem Werk erkundete und gegen Macht, Anmaßung und verschleppte Schuld anscrieb (VORMWEG 2000: 3).

В публицистике Белль утверждает ответственность, общественную и нравственную активность писателя, стремясь доказать, что основным критерием литературного творчества должна быть совесть писателя как общественного человека, гуманиста (ФРАДКИН 1990). О своей сопричастности времени Белль неоднократно высказывался в своих произведениях (БЕЛЛЬ 1989; БЕЛЛЬ 2017). Для иллюстрации приведем фрагмент из его произведения *Каждый день умирает частица свободы*, опубликованного в 1989 г. в русском переводе:

...я всегда ощущаю свою связанность с другими, свою сопричастность — сопричастность времени и современникам, всему тому, что было пережито, испытано, видно и слышано моим поколением, <...> что в плане автобиографическом редко и лишь в самой приблизительной степени бывает постоянно характерным, чтобы для него нашлись точные слова (БЕЛЛЬ 1989: 343).

Позиция писателя-гуманиста, антифашиста находит выражение в его авторской манере:

Ganz im Sinne seiner Konzeption eines eingreifenden, der Beförderung von Humanität und Moral gewidmeten Schreibens nimmt die literarische, gesellschaftskritische und auch tagespolitische Publizistik im Werk Bölls spätestens seit den siebziger Jahren einen immer wichtigeren Platz ein (JENS & RADLER 1988: 847).

На направленность искренней авторской позиции Белля, воздействие на каждого читателя обращает внимание его современник Зигфрид Ленц:

Von den Erfahrungen seiner Generation genötigt, griff er ein, wo die Sache der einzelnen auf dem Spiel stand, nachfragend, auch deckend, protestierend — mit seinem einzigartigen Gespür für die Probleme der Gegenwart. Er begnügte sich nicht damit, nur in die Nähe der Schmerzgrenze zu kommen; um die Wahrheit zu ermitteln, war er oft genug bereit, zu weit zu gehen. Sein Werk — und in dieser Hinsicht gehören seine Romane, Erzählungen und vielfältige publizistische Äußerungen zusammen — ist Zeitkritik im reinsten Sinn. <...> Es ist zu wünschen, dass auch der Mensch im Gedächtnis bliebe, der hinter diesem Werk steht, der immer teilnahmevolle Zeitgenosse, der keinem seine Aufrichtigkeit ersparte, der große Kumpel, dessen Humor und Wärme einfach glücklich machten, der Freund der Stimmlosen und Ungedeckten, der sich verzehrte in Hilfsbereitschaft. Kaum auszu-

machen, wie viele ihm Dank schulden (LENZ 1985: 138).

Эссе как жанр философской, критической и художественно-публицистической литературы отличается небольшим объемом, посвящено какому-либо вопросу и создается в свободной индивидуально-авторской манере. «Historiograph deutscher Geschichte ist Böll auch als Essayist» (LUTZ 1986: 61).

В предлагаемой статье рассматривается проблема необходимости полипарадигмального исследования смыслообразующих структур в публицистическом дискурсе на примере эссе Белля.

На плодотворность интегрального подхода к исследованию языковых явлений указывает Е. С. Кубрякова:

Когнитивно-дискурсивная парадигма выступает в этом смысле как такая научная парадигма знания, которая представляет собой попытку синтезировать разные точки зрения на один и тот же объект или же каким-либо образом совместить. В таком стремлении очевидна также попытка дать объекту максимально полное и всестороннее описание, описание **интегральное**, в котором можно было бы учесть как когнитивные, так и коммуникативные особенности его бытия в системе языка (Кубрякова 2004: 520).

Как полагает автор, языковые формы, из которых строится дискурс, дают основания судить о том, что их восприятие выражено ими на трех уровнях: 1) семантическом (обозначение объектов и обстоятельств действия) с целью определения продуктивности номинаций смыслообразующих концептов на основании их номинативной плотности, взаимосвязи и логической последовательности; 2) прагматическом (установление намерений автора); 3) интеракционном (по последствиям для поведения партнеров по речи) (ibid.: 530).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Анализ смыслообразующих структур на семантическом уровне позволяет выделить следующие смыслообразующие концепты, номинированные различными лексическими единицами: а) семантически полностью эквивалентными (лексемы, в том числе их повторы и замена местоимениями); б) семантически относительно эквивалентными, относящимися к одному понятийному полю: словосочетания, конструкции в форме предложений или их частей:

BUCH: Bücher (5), Buchseite, das kleine Buch, die Kette von Zeilen, Buch mit hübschem Schutzumschlag;

SPRACHE: ein Satz, die Sprache wird Welt, in der Sprache, jedes winzige Wort, jedem winzigen Wort, die Sprache ist etwas zu Gewaltiges, zu Kostbares, sie ist des Menschen wertvollster natürlicher Besitz, Regen und Wind, Waffe und Geliebte, Sonne und Nacht, Rose und Dynamit, weil sie von allem etwas enthält: Brot und Zärtlichkeit, Hass, alles Geschriebene;

WIRKUNSPOTENZ DES LESENS: die Leidenschaft, das Lesen, Prozess vom hohen, geistigen Rang, der Lesende tritt in eine Welt ein, eine Welt, in der er hören, sehen, hungrigen kann, ein langer Faden, der ihn in diesem Labyrinth führt, nimmt den Leser gefangen, Worte bringen Unendlichkeiten empor, wird zu etwas Gewaltigem, Gefährlichem, entlässt ihn nicht eher, bis er auch den letzten Winkel des Labyrinths beschriftet hat, Tod, ist gegen den Tod angeschrieben.

По параметру номинативной плотности способов оязыкования концептов наибольшая номинативная плотность выявлена в концептах WIRKUNSPOTENZ DES LESENS (16 номинант) и SPRACHE (14 номинант), что позволяет судить о их значимости при формировании смысла текста. Между концептами можно выделить отношения взаимосвязанности и взаимообусловленности. Это свидетельствует о логичности и последовательности изложения размышлений автора, его интенции, направленной на указание различной роли книг, степени их воздействия на читателя.

Лингвокультурологическая парадигма исследования опирается на интеграцию всех видов знаков, в том числе языковых, с культурным комментарием и направлена на выявление словреалий, указывающих на значимость фактов экстралингвистической действительности. Так, выделяя особо сложный, часто содержащий много препятствий путь, который читатель проходит при прочтении текста, автор пользуется слово *das Labyrinth*, что в греческой мифологии обозначает «дворец, из которого невозможно найти выход» (ГУСЕЙНОВ 1991: 308).

- (1) ...dreihundert Seiten folgt er diesen winzigen Buchstaben, die nichts weiter zu sein scheinen als ein langer Faden, ein zarter, leicht zerreißbarer, der ihn in diesem *Labyrinth* führt, ihm erst aus der Hand gleitet, wenn er die letzte Buchseite zu Ende gelesen hat (BÖLL 1985: 302).

- (2) ...es nimmt den Leser gefangen, entlässt ihn nicht eher, bis er auch den letzten Winkel *des Labyrinths* beschritten hat (ibid.).

Для указания на роль газетной публицистики во взрывоопасных ситуациях, возникающих в обществе и оказывающих воздействие на людей, писатель прибегает к использованию интертекстуальности как способа построения смысла текста, которая проявляется благодаря особому формальному средству, маркеру интертекстуальности — слову-реалии, отсылая к важному историческому факту: ситуации политического кризиса в Польше:

...zwischen zwei Zeilen, auf dieser winzigen, weißen Schusslinie kann man Dynamit anhäufen, genug, um Welten in die Luft zu sprengen. *In Polen* wurden *vor dem Oktoberaufstand* manche Zeitungsnummern wie Reliquien herumgereicht, wurden Leitartikel wie Glaubensartikel vorgelesen, Bücher wurden so kostbar wie jenes Brot, nach dem die Aufständischen verlangen (ibid.).

Как указывает в своей статье американский журналист, писатель Марк Крамер (KRAMER 2006): 19-24 октября 1956 г. острое противостояние внутривластных группировок в правящей коммунистической ПОРП (Польской объединенной рабочей партии) с резким подъемом общественной активности, привело к дестабилизации и определенной либерализации. В целях достижения максимальной концентрации смысла, необходимой для восприятия информации читателем, эта отсылка способствует актуализации достоверности (*Glaubwürdigkeit*) как особой черты авторского стиля. Для идиостиля Белля в данном эссе важно отметить отсылочность к его собственным, ранее написанным произведениям как проявление многоаспектного лингвистического измерения интертекстуальности: перенесение одного текста на другой. Как полагает Н. А. Голубева,

Оценочность как когнитивно-семантический признак лежит в основе объединения обширной совокупности когнитивно однородных дискурсивно-языковых единиц, члены которой характеризуются одним и тем же (прецедентным) значением — презумпцией существования языкового знака (ГОЛУБЕВА 2009: 241).

Прецедентный характер интертекстуальности проявляется в интертексте — особой категориальной единице языка, «которой традиционно приписывается триединство признака: автор-

ство, воспроизводимость и интертекстуальность» (ibid.: 247).

Рассмотрим в качестве интертекстемы фрагмент из написанного Беллем в 1957 г. эссе *Роза и динамит* («Rose und Dynamit») в переводе Г. Бергельсона:

Язык — это дар Божий, один из самых великих, ибо в своем откровении Бог всегда пользовался языком; для того, кто пишет, язык — это возлюбленная, у которой всегда наготове бесчисленные дары; язык — это дождь и солнце, роза и динамит, оружие и брат, и в каждом слове, пусть невидимо, неслышно, всегда присутствует это что-то — смерть, ибо все, что написано, направлено против смерти. <...> Много мистической литературы остается под спудом, ибо она и то, и другое — роза и динамит, благоухающая взрывчатка, изъятая из архивов, охраняемых ангелами, но также и злыми духами, тайна еще не раскрыта (БЕЛЛЬ 1996).

На прагматическом уровне при установлении намерений автора особо следует выделить признаки, характеризующие ассоциативное восприятие художником-гуманистом роли книг в жизни человека:

1) *экспрессивную образность* при использовании различных тропов как средства презентации стилевой черты (der Stilzug) «образная экспрессивность»:

— метафор: ein langer Faden, ein zarter, leicht zerreibarer Faden, der Faden, — diese lange Kette von Zeilen, nimmt den Leser gefangen, entlsst ihn nicht eher, bis er den letzten Winkel des Labyrinth beschriftet hat;

— эпитетов: zu bloem Zierrat, sanfte Freude;

— сравнений: Bcher werden kostbar wie jenes Brot, Bcher pflegen die eigene Seele wie einen kleinen Garten;

— гипербол: zu Gewaltiges, zu Kostbares, des Menschen wertvollster, natrlicher Besitz, den Dynamit anhufen, genug, um Welten in die Luft zu sprengen;

— литот: diesen winzigen Buchstaben, auf dieser winzigen, weien Schusslinie, nie ungefhrlich, in jedem winzigen Wort;

— антитез: Waffe und Geliebte, Sonne und Nacht, Rose und Dynamit;

— символов, поскольку символика оказывает влияние на сознание и подсознание людей: Rose,

...в христианской символике — деятельность, направленная исключительно к Добру, любовь Бога, провидение, Божий промысл, мужество, милость, победа, девственность (КОПАЛИНСКИЙ 2002: 176);

2) *эмотивность* и коррелирующую с ней *оценочность* как способы выражения социальной оценочности языковых средств публицистического стиля при употреблении эмотивов, маркированных: а) положительной оценкой: Trostspender, Zärtlichkeit; б) отрицательной оценкой: das Ungeheuerliche, Imponderabilien 'bei etw. vorhandene Faktoren, die nicht vorher vorzusehen sind' (DUW 1996: 756), Nass.

Многие номинанты смыслообразующих концептов эссе коннотативно маркированы, являются результатом актуализации коннотативной потенции как компонента целостной смыслообразующей структуры текста (БЫКОВА 2005: 33-34) в зависимости от интенции автора, на основе его мировоззренческой позиции, ассоциативно-образных представлений, эмоционального и ценностного отношения к обозначаемому (ТЕЛИЯ 1990: 236).

При употреблении тропов наибольшая продуктивность показательна для метафор, сравнений (имплицитных и эксплицитных), символов. Основным когнитивным механизмом при порождении коннотации в результате интерпретации исходного вербализованного знания является частное проявление концептуальной деривации на семантическом уровне: метафоризации на основании отношения сходства признаков обозначаемого и его вторичной номинации (БЫКОВА 2014).

На интеракционном уровне особое внимание обращается на взаимосвязь между процессом осмысления автором действительности в конкретной ситуации, его позиции в дискурсивной деятельности, выявление влияния авторской интенции на поведение читателя: воздействие не только на разум, но и на чувства. Рассмотрим особенности формирования авторской интенции на уровне синтаксической организации смысловой структуры исследуемого эссе. Заголовок текста *Vorsicht! Bücher!* в форме побудительной конструкции восклицательного предложения содержит призывность при обращении автора к массовому читателю. Логика рассуждений автора излагается в сложных предложениях с сочинительной и подчинительной связью (die Periode):

...Bücher sind nicht immer sanfte Freunde, Trostspender, die wie mit zierlichen Gartengeräten die eigene Seele wie einen kleinen Vorgarten pflegen: die Sprache ist etwas zu Gewaltiges, zu Kostbares, als dass sie zu bloßem Zierrat dienen sollte, sie ist des Menschen wertvollster natürlicher Besitz: Regen und Wind, Waffe und Geliebte, Sonne und Nacht, Rose und Dynamit; aber niemals nur eins von diesen: sie ist nie ungefährlich, weil sie von allem etwas enthält: Brot und Zärtlichkeit, Hass, und in jedem, jedem winzigen Wort ist etwas immer enthalten, wenn auch unsichtbar, unhörbar: Tod (BÖLL 1985: 303).

Экспрессивно-усилительная функция порядка слов в предложениях маркирована сильной позицией (im expressiven Vorfeld) отдельных слов, определяющих тема-рематическую прогрессию актуального членения предложений в целостном тексте (см. die Leidenschaft, der Faden, die Bücher). Исходная основа высказывания отражает движение мысли автора по направлению к важному, к авторскому видению излагаемого.

Особую нагрузку несет завершающее смысловую структуру эссе предложение: «Denn alles Geschriebene ist gegen den Tod angeschrieben» (ibid.). Употребление глагола *anschreiben* в значении 'an eine für andere sichtbare Stelle schreiben' (DUW 1996: 122) выражает преднамеренное стремление автора: побудить читателя к восприятию смерти как наиболее важного, касающегося каждого человека события. Тем самым Белья особо выделяет основной мотив высказывания: бесполезность и бессмысленность войны, ответственность каждого человека за трагедии прошлого, возможного влияния этого прошлого на поколения людей. Это свидетельствует о весомости суждений Белья по нравственным проблемам общества при утверждении взаимодействия этики и эстетики художественного воплощения смысла исследуемого текста, что подтверждает высокую гражданскую позицию пацифиста.

Исходя из описания реализованных смыслообразующих функций исследованного эссе можно выделить признаки, характеризующие его стилевое своеобразие: стилевые черты (Stilzüge). Мы опираемся на определение стилевых черт, данное немецким стилистом Бернхардом Совински как наиболее конструктивное, позволяющее учитывать доминантные функции типа текста, способы передачи интенции автора, обусловленность использования стилистических средств, их воздействие на читателя:

Die Erscheinung der Stilzüge verweist schließlich auf die Komplexität aller sprachstilistischen Einzelheiten, insbesondere auf die Zusammenhänge von Stil, Darstellungsabsicht, Textsorte sowie auf die Beziehungen zwischen dem Sprachstil und dem individuellen Darstellungsstil (SOWINSKI 1978: 278).

Наиболее значимыми смыслообразующими чертами индивидуально-авторского стиля публицистического текста эссе Генриха Белля являются, на наш взгляд, логичность изложения информации, побудительность, призывность при обращении к реципиенту, достоверность, интертекстуальность, экспрессивная образность, эмотивность, оценочность.

4. Заключение и выводы

Одной из важных особенностей публицистического текста является сочетание двух функций языка: функции сообщения (информативной) и функции воздействия (экспрессивности). Актуальность проблематики, политическая страстность, острота и яркость изложения смысла текста, экспрессивность, призывность определяют его срединное положение между информативным и художественным типами текста.

Эссе, несмотря на краткость передачи общественно-значимой по злободневности информации о событиях времени в жанре краткой эпической формы, при небольшом объеме текста отличается насыщенностью способов передачи смысла высказывания. Субъективное видение автором проблемности излагаемой ситуации, его размышления выходят на первый план и формируют массовое сознание реципиентов публицистического текста.

Необходимость полипарадигмального исследования жанрово обусловленной специфики смыслообразующих стилевых черт в публицистическом тексте с целью выявления индивидуально-авторского стиля на различных уровнях с позиции когнитивно-дискурсивного подхода — семантическом, прагматическом и интеракциональном — можно отнести к одному из важных постулатов лингвистики текста.

Результаты исследования могут быть использованы на продвинутом тапе обучения в лекционном курсе «Аннотирование и реферирование текста» и на практических занятиях при углубленном лингвистическом анализе и интерпретации смысла текста.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983. [Brandes, Margarita P. (1983) *Stilistika nemetskogo yazyka* (Stylistics of the German Language). Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russian)].
- Быкова О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. [Bykova Olga I. (2005) *Etnokonnotatsiya kak vid kul'turnoy konnotatsii (na materiale nominativnykh edinitz nemetskogo yazyka)* (Ethno-connotation as a Type of Cultural Connotation (Exemplified by Nominative German Units). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Быкова О. И. Взаимодействие мыслительных и языковых структур при исследовании коннотативной семантики // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVII. С. 415—421. [Bykova, Olga I. (2014) *Vzaimodeystviye myslitel'nykh i yazykovykh struktur pri issledovanii konnotativnoy semantiki* (The Interaction of Mental and Language Structures in Connotative Semantics Research). *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language), 17, 415—421. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Отсылочность — когнитивная компонента прецедентных текстов. Нижний Новгород: Поволжье, 2009. [Golubeva, Nadezhda A. (2009) *Otsylochnost' — kognitivnaya komponenta pretsedentnykh tekstov* (Reference as a Cognitive Component of Precedent Texts). Nizhny Novgorod: Povolzhye. (In Russian)].
- Гусейнов Г. Ч. Лабиринт // Мифологический словарь / ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 308. [Guseynov, Gasan Ch. (1991) *Labirint* (Labyrinth). In: Meletinskiy, Yeleazar M. (ed.) *Mifologicheskii slovar'* (Mythological Dictionary). Moscow: Soviet Encyclopedia, 308. (In Russian)].
- Копалинский В. Словарь символов. Калининград: Яantarный сказ, 2002. [Kopalinskiy, Vladislav. (2002) *Slovar' simvolov* (Dictionary of Symbols). Kaliningrad: Yantarnyy skaz. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kubryakova, Yelena S. (2004) *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* (On the Way to Gaining Knowledge about the Language. Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].

- Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 236. [Teliya, Veronika N. (1990) Konnotatsiya (Connotation). In: Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Soviet Encyclopedia, 236. (In Russian)].
- Фрадкин И. М. Генрих Белль — писатель, и больше чем писатель // Генрих Белль. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 5—30. [Fradkin, Ilya M. (1990) Genrikh Byoll' — pisatel', i bol'she chem pisatel' (Heinrich Böll — a Writer, and more than a Writer). In: Genrikh Byoll'. *Sobraniye sochineniy* (Heinrich Böll's Collected Works). In 5 vols. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 5—30. (In Russian)].
- Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Книжный дом, 2007. [Shchirova, Irina A. & Goncharova, Yevgeniya A. (2007) *Mnogomernost' teksta: ponimaniye i interpretatsiya* (Multidimensionality of the Text: Understanding and Interpretation). Saint Petersburg: Knizhnyy Dom. (In Russian)].
- Brinker, Klaus. (1992) *Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin: Erich Schmidt. [3., durchges. und erw. Aufl.]
- Bykova, Olga I. & Syromjatnikowa, Tatjana N. (2012) *Komplexe linguistische Analyse und Sinninterpretation literarischer und publizistischer Texte*. Voronezh: Voronezh State University.
- DUW — Duden Deutsches Universalwörterbuch A — Z. (1996). Mannheim: Dudenverlag. [3., völlig neu bearb. und erweiter. Aufl.]
- Bykova, Olga I. & Syromjatnikowa, Tatjana N. (2018) *Typologie nichtfiktionaler Texte: Funktion, sprachliche Gestaltung, Textsorten*. Voronezh: Voronezh State University.
- Fleischer, Wolfgang & Michel, Georg. (1975) *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut. [2., unv. Aufl.]
- Jens, Walter & Radler, Rudolf. (eds) (1988) *Kindlers Neues Literatur Lexikon*. Bd. 2. München: Kindler Verlag.
- Kramer, Mark. (2006) *Entstalinisierung und die Krisen im Ostblock*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
- Lenz, Siegfried. (1985) Der große Kumpel. *Der Spiegel*, 30.
- Lutz, Bernd. (ed.) (1986) *Metzler-Autoren-Lexikon*. Stuttgart: J. B. Metzler.
- Sowinski, Bernhard. (1978) *Deutsche Stilistik*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Vormweg, Heinrich. (2000) *Der andere Deutsche*. Köln: Kiepenheuer und Witsch.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Белль Г. Каждый день умирает частица свободы. Франкфуртские лекции. М.: Прогресс, 1989. [Böll, Heinrich. (1989) *Kazhdyy den' umirayet chastitsa svobody. Frankfurtskiye leksii* (Every Day a Piece of Freedom Dies). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Белль Г. Роза и динамит / пер. Г. Бергельсона // Генрих Белль. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1996. С. 651—673. [Böll, Heinrich. (1996) *Roza i dinamit* (Rose and Dynamite). In: Genrikh Byoll'. *Sobraniye sochineniy* (Heinrich Böll's Collected Works). In 5 vols. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 651—673. (In Russian)].
- Белль Г. «Я сопричастен времени...». Эссе, лекции, выступления, интервью. М.: Рудомино, 2017. [Böll, Heinrich. (2017) *“Ya soprichasten vremeni...”*. *Esse, leksii, vystupleniya, intervyu* (“I am involved in time...”. Essays, Lectures, Speeches, Interviews). Moscow: Rudomino. (In Russian)].
- Böll, Heinrich. (1985) Zur Verteidigung der Waschküchen. In: Böll, Heinrich. *Schriften und Reden 1952 — 1959*. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 302—304.
- Böll, Heinrich. (2004) *Werke*. Bd. 1. 1936 — 1945. Köln: Kiepenheuer & Witsch.

Olga I. Bykova
Voronezh State University

**A Polyparadigmatic Study
of the Meaning-forming Structures of a Journalistic Text
(based on Heinrich Böll's Essay *Vorsicht! Bücher!*)**

The article is devoted to an integrated approach to revealing the meaning of the text at the level of various meaning-forming structures as a necessary condition for adequate perception of the author's intention. Attention is drawn to the place of a journalistic text as a special type of informative text and an essay which appears as an artistic and journalistic genre of a short epic form in the functional typology of texts proposed by Klaus Brinker. As the dominant function of a journalistic text, the function of influence is singled out: the formation of a socially significant meaning in the individual consciousness of the reader. The essential features that determine the middle position of a journalistic text as compared to a literary text are highlighted. The cognitive-discursive paradigm of research acts as a scientific paradigm that contributes to the syn-

thesis of research on the cognitive and communicative features of the semantic organization of the text. Within the framework of a broad anthropological paradigm of text research, a cognitive-discursive approach is used at three levels of meaning formation: semantic, pragmatic, interactional, which confirms the need for a polyparadigmatic study of the ways of embodying the author's intention and their influence on the formation of the reader's civic position on topical issues of the language community. The text of the essay by Heinrich Böll *Vorsicht! Bücher!* served as a material for the study. The semantic-cognitive approach taken in the research is used for identifying ways to nominate meaning-forming concepts, analyzing their interaction and interdependence in the logical organization of the text structure. The linguoculturological paradigm is aimed at determining the role of cultural comments on the facts of extralinguistic reality. At the pragmatic level, relevant signs of figurativeness, emotiveness and evaluativeness are distinguished, which contribute to the associative effect on the consciousness of the recipient. The article considers the connotative marking of nominations, the actualization of the connotative potential of language means as a component of the integral semantic structure of the text. Analysis of the syntactic organization of the semantic text structure at the interactional level determines a set of stylistic features (Stilzüge) typical for the idiosyncrasy of Heinrich Böll's essays: the logical presentation of the author's judgments, appeal, motivation, reliability, intertextuality, expressive figurativeness, emotiveness, evaluativeness. The results of a polyparadigmatic study of the meaning-forming text structures can be used in solving the problems of text typology, discursive conditionality of relevant ways of expressing the author's intention and their impact on the recipient.

Keywords: research paradigm; journalistic text; essay; meaning of the text; concept; stylistic feature

Для цитирования:

Быкова О. И. Полипарадигмальное исследование смыслообразующих структур публицистического текста (на материале эссе Генриха Белля *Vorsicht! Bücher!*) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 61—76.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-61-76.

To cite this Article:

Bykova, Olga I. (2023) Poliparadigmalye issledovaniye smysloobrazuyushchikh struktur publitsisticheskogo teksta (na materiale esse Genrikha Byollya *Vorsicht! Bücher!*) (A Polyparadigmatic Study of the Meaning-forming Structures of a Journalistic Text (based on Heinrich Böll's Essay *Vorsicht! Bücher!*)). *Russkaya ger-*

manistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 61—76. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-61-76.

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; принята к публикации 30.05.2023

The article was submitted 04.03.2023; accepted for publication 30.05.2023

N. A. Golubeva

Staatliche linguistische Universität Nishnij Nowgorod

S. V. Gurnjanskij

Allgemeinbildende Schule „Zentrum für pädagogische Meisterschaft“

NIEDERDEUTSCH HEUTE AUS DER HISTORISCH- LINGUISTISCHEN PERSPEKTIVE

(am Beispiel der Bildergeschichte *Max und Moritz* von W. Busch)

Der vorliegende Beitrag spiegelt die Ergebnisse einer typologischen Forschung wider, die im Rahmen der Soziolinguistik erfüllt ist und einige Schlüsselbegriffe an konkreten Beispielen begrifflich macht. Die Untersuchung ist der Ermittlung und Beschreibung von sprachlichen Besonderheiten des Schaumburger Platts am Dialekttext vom berühmten deutschen Humoristen Wilhelm Busch (Bildergeschichte *Max und Moritz*) gewidmet. Der Analyse werden orthographische, grammatische sowie lexikalische Veränderungen unterworfen, die für das Schaumburger Platt charakteristisch sind und es somit von der Hochsprache unterscheiden. Im Beitrag wird gezeigt, dass sich im grammatischen Bau des Schaumburger Dialekts wie etwa im System von Wortarten, Artikelwörtern, Verbformen, kommunikativen Satztypen und gesprochenen syntaktischen Modellen (einfache, zusammengesetzte Sätze u. a.) vielmehr Gemeinsames als Unterschiedliches mit dem Hochdeutschen ergibt. Dabei überschneiden sich zugleich in der Form *dä* mehrere Artikelformen, was diese Form einem grammatischen Homonym zuordnen lässt. Eine syntaktische Interpunktionsanalyse des Dialekttextes spricht für vielerlei Unterschiede bei der Satzzeichensetzung, genauer eine wesentliche Vereinfachung von Regeln dieser Art. Die ermittelten allgemeinen und spezifischen grammatischen Erscheinungen geben die Tendenz zur Vereinfachung des Deutschfungierens in seiner dialektalen Sprachvariante an. Im Beitrag sind auch einige Ergebnisse der Lexik enthalten. Das lexikalische System des Schaumburger Platts verfügt über die semantische Stratifikation der deutschen Standardsprache (Synonyme, Antonyme u. a.). Hier finden sich also Gemeinsamkeiten mit der Standardsprache, wohingegen auch spezifische Besonderheiten der Mundart zu erwarten sind. Die Rede ist von einem autonomen System von Phraseologismen (festen Redewendungen) mit stärkerer Sprachexpressivität, die einem Dialekt allgemein innewohnt.

Schlüsselwörter: Sprachatlas; Dialektklassifikation; Regiolekt; Schaumburger Platt; Homoform

I. Einleitung

Unser Forschungsgebiet ist das Niederdeutsche, das sich als ein kompliziertes Mehrsprachenland erweist, dessen wichtigstes Merkmal die Bindung an verschiedene Gesellschaftsschichten ist und das in Gänze eines Vergleichs mit der Hochsprache bedarf. Die Fragen der Dialektologie finden seit einiger Zeit in der Forschung abnehmende Beachtung, abgesehen von den wissenschaftlichen Klassikern in diesem linguistischen Bereich (GRIMM 1848; ЧЕМОДАНОВ 1939; GROSSE 1953; SCHIRMUNSKI 1962; GUCHMAN 1964; GOOSSENS 1977), etwas später (BESCH & al. 1982; BRAUN 1987; BARBOUR & STEVENSON 1998; LÖFFLER 2003; MÜLLER 2003; НЕТЕБРҮГ 2008; РААВ 2010; ДУБИНИН & ТЕТЕРЕВЕНКОВ 2011; НЕБАУМ & МАСНА 2014; u. a. m.).

Der Beitrag ist dem niederdeutschen Dialekt — dem Schaumburger Platt — aus der Sicht der historisch-linguistischen Perspektive gewidmet. Ein genauerer Untersuchungsgegenstand sind hiermit die Besonderheiten des Schaumburger Platts im Dialekttext. Demnach ist das Ziel der vorliegenden wissenschaftlichen Abhandlung das sprachliche Potenzial vom Schaumburger Platt.

Unser Interesse an diesem Dialekt ist vor allem hinsichtlich seines historischen Geltungsbereichs bedingt. Vom 13. bis zum 16. Jh., d. h. zur Blütezeit des Hansabundes galt Plattdeutsch als Sprache von Weltbedeutung, weil es für Hansakaufleute zum mündlichen Verkehr sowie zu ihrer schriftlichen Kommunikation bei den Verhandlungen diente. Plattdeutsch konnte man sogar in Welikij Novgorod hören, wo eines der Hansakontore lag (СКВАЙРС, ФЕРДИНАНД 2002; ДУБИНИН & ТЕТЕРЕВЕНКОВ 2011). Die deutschen Kaufleute benötigten viele Informationen über die Möglichkeiten eines intensiveren Handels mit den Russen. So wurde schon im 16. Jh. in Nischnij Novgorod eine deutsche Vorstadt bedeutend ausgebaut (FALKE & al. 1995). Außerdem war Plattdeutsch eine Sprachinsel der deutschen Kolonisten im Wolgagebiet Russlands. Die ersten deutschen Siedler erschienen 1854 (БАЕВА & БАЙКОВА 2011). Die Verbreitung der niederdeutschen Mundarten umfasst heute in Deutschland das ganze Gebiet der Bundesländer Schleswig-Holstein, Niedersachsen, Mecklenburg-Vorpommern, der Stadtstaaten Bremen und Hamburg sowie weite Teile Nordrhein-Westfalens, Hessens, Sachsen-Anhalts und Brandenburgs (LÖFFLER 2003).

Die linguistische Analyse des Plattdeutchs an einem literarischen Text, d. h. der Bildergeschichte, muss für die Neuheit des Forschungsmaterials sprechen. Die Absicht des Beitrags besteht darin, die Resultate der Forschung präsent zu machen und manche konzeptuelle Synergien zum Thema bei den Interessenten zu wecken. Im Einzelnen geht es um einige theoretische Überlegungen zum Begriff *Dialekt* und sprachliche Besonderheiten des Schaumburger Platts. Die Interpretation eines Dialekts, die von uns bei einem Vergleich des Schaumburger Dialekts mit der deutschen Standardsprache erarbeitet wird, kann die Thesen von sprachlichen Besonderheiten einer Mundart als Sprachvariation belegen. Im vorgelegten Beitrag amalgamieren wir eine neuere Definition des Dialekts und analysieren dessen verschiedene Typen, die mit praktischen Beispielen aus einem literarischen Dialekttext belegt werden, was den theoretischen sowie angewandten Wert der Forschung bedingt.

2. Untersuchungsmaterial und -methoden

Das empirische Material basiert auf dem Gedicht *Max und Moritz. Eine Bubengeschichte in sieben Streichen* von Wilhelm Busch.¹ Dabei seien auch ein paar Worte zur Geschichte des Sprachmaterials gesagt. Die Bildergeschichte von den Vagabunden Max und Moritz erschien erstmals im Oktober 1865. Obwohl W. Busch selbst behauptet hat, dass er *Max und Moritz* einfach nur „zu Nutz und eigenem Plaisir“ geschrieben habe, sind heute viele Literaturwissenschaftler der Meinung, die Bildergeschichte habe eine viel tiefere Bedeutung. Es wird z. B. vermutet, W. Busch habe in seinem Werk, allegorisch und satirisch verarbeitet, bestimmte Ereignisse der Revolution 1848/1849 karikiert. So erinnern den Leser die Trauerworte der Witwe Bolte aus dem ersten Streich an das den Opfern der Märzrevolution gewidmete Gedicht *Die Toten an die Lebenden* von Ferdinand Freiligrath. Außerdem wird etwa die Erwähnung der Maikäfer im dritten Streich als ein Hinweis auf Philipp Jakob Siebenpfeiffer, einen der bedeutendsten Teilnehmer des Hambacher Fests, der von Zeitgenossen spöttisch auch „Großer Maikafer des einen und ungetheilten Deutschlands“ genannt wurde, gedeutet. Die Hauptfiguren werden als eine Anspie-

¹ [http://file:///C:/Users/vesgu/OneDrive/%D0%A0%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B/B/Max_und_Moritz%20platt%20\(3\).](http://file:///C:/Users/vesgu/OneDrive/%D0%A0%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B/B/Max_und_Moritz%20platt%20(3).)

lung auf die zu der Zeit bestehenden politischen Lager verstanden. So kann der auf Zeichnungen Buschs ordentlich gekleidete Moritz die liberalen bürgerlichen Parteien repräsentieren, der arm aussehende Max dagegen für die Sozialisten bzw. Anarchisten stehen (ein weiterer Anhaltspunkt ist dabei auch Max' Glatze, die ihn Karl Marx ähneln lässt). Der Bauer Mecke, der den Tod von Max und Moritz mit den Worten „Wat geiht meck dat an?“ kommentiert, ist für den Leser eine Art Alter Ego Buschs (BRAUN 2005).

Nach Buschs Tode (1908) gewann die Geschichte an Popularität und wurde in mehr als 300 verschiedene Sprachen und Dialekte übersetzt (darunter auch das Schaumburger Platt). Der linguistischen Analyse werden ein Dialekttext des ersten Streiches von *Max und Moritz* sowie seine hochdeutsche Originalfassung von Hermann Rickenberg unterzogen. Rickenberg ist ein in den Fachkreisen bekannter Mundartforscher, Niederdeutschexperte, Autor sämtlicher Dialektwörterbücher („Fegendorfer Platt“ u. s. w.) sowie einer der Mitbegründer von der in Zusammenarbeit mit dem Schaumburger Landschaft e. V. erstellten „Datenbank Platt“.²

Der zu untersuchende Text ist mit folgenden Methoden analysiert worden: der kognitiven Methode (zur Bestimmung der inneren Wortform / Sinnakzeptanz), der kommunikativen Methode (zur Bestimmung der intuitiven Form / kommunikativen Kompetenz). Die audiolinguale Methode (zur Aufnahme der äußeren Form / Hör- und Sprechkompetenz) ist auf die Arbeit am Film gerichtet.³

3. Dialekt als Forschungsgegenstand

3.1. Zum Begriff „Dialekt“

Der Begriff *Dialekt* leitet sich von *hä dialektos (phone)* ab, einem griechischen Wort, das ursprünglich mehrere Bedeutungen hatte. Darunter: 1) Gespräch; 2) Sprachvarietät (NIEBAUM & MACHA 2014).

Unter der Sprachvarietät wurde dabei jede von der Hochsprache abweichende Kommunikationsart verstanden, also nicht nur Dialekte, sondern beispielsweise auch Jargons oder Slangs. Im Übrigen ist eine der griechischen Definition ähnliche für den Dialekt bis

² <http://spurensuche.schaumburgerlandschaft.de/platt>.

³ <https://www.web.archive.org/web/20160224061002/http://www.arte.tv/guide/de/052794-000-a/max-und-moritz>.

heute im englischsprachigen Raum gängig (ibid.). Eben dieser griechische Begriff wurde später ins Lateinische übertragen, wobei sich die Interpretation nicht veränderte. Im Mittelalter kam er aber mit einem Bedeutungswechsel in die europäischen Sprachen, wo als Dialekt nicht mehr jede, sondern nur eine regionale Sprachvarietät bezeichnet wurde. Genau diese Auslegung des Terminus bewahrt sich in der Sprachwissenschaft bis heute.

Es ist also festzustellen, dass den Dialekt als Sprachvarietät nicht nur bestimmte lexikalisch-grammatische Besonderheiten, sondern auch die Benutzung durch die Bevölkerung) nur einer Region bzw. eines Ortes ausmachen. Obwohl diese beiden Merkmale eines Dialekts den meisten seiner heute verwendeten Definitionen zugrunde liegen, sind sie nicht die einzig vorhandenen. So wird z. B. bei Raab ausgeführt, dass die Entwicklung des Dialekts im Laufe der Jahre sowie die Verwendung dessen fast immer in der Umgangssprache auch zu den bedeutendsten seiner Charakteristiken zählen (RAAB 2010).

Bei Müller heißt es dazu, dass eben diese Merkmale des Dialekts viel früher von Horst Schlosser beobachtet wurden (MÜLLER 2003). Eine der relevanten Besonderheiten des Dialekts heutzutage ist laut Schlosser auch die Unzulässigkeit seiner Verwendung im offiziellen Sprachgebrauch, weil dabei wodurch die Knappheit seiner Funktionen deutlich wird. Der Autor differenziert außerdem zwischen den „neuen“ Dialekten, die sich von der Hochsprache etwa durch phonetische Merkmale oder einzelne Besonderheiten des Wortschatzes unterscheiden, und den „traditionellen“ Mundarten, deren Unterschiede zur Standardsprache noch tiefer gehen (SCHLOSSER 1985).

Der von deutschen Soziolinguisten oft zitierte belgische Dialektforscher Jan Goossens behauptete, dass der Dialekt im Vergleich zur Hochsprache gar eine „polare Größe“ darstelle. Der Dialekt ist laut Goossens ein

als Ausdrucksweise der Sprachgemeinschaft eines Ortes zu betrachtende, auf lokale Verwendung zielende Komplex von Sprechweisen, bei dem zur Aufhebung der Differenzen zum hochsprachlichen System, im Vergleich zu den anderen am gleichen Ort vorkommenden Sprechweisen dieser Sprachgemeinschaft, eine maximale Anzahl von Regeln notwendig ist (GOOSSENS 1977: 47).

Der Dialekt ist also eine regionale Sprachform mit den meisten Unterschieden zur Hochsprache. Dabei muss aber nicht nur zwischen dem Dialekt und der Einheitssprache, sondern auch zwischen dem Dialekt und anderen, mundartähnlichen regionalen Sprachvarietäten differenziert werden (MÜLLER 2003). (Mehr zu den Sprachvarietäten siehe 3.2.)

Anja Hetebrüg betont in sämtlichen ihrer Arbeiten die gemeinsame Abstammung des Dialekts und der Einheitssprache, erkennt aber an, dass die Mundart die Bewohner eines bestimmten Ortes als solche identifiziert. Thematisiert werden von der Forscherin auch die Diskussionen rund um die sozialen Gruppen, die mehr als andere Dialekt im Alltag sprechen. Dabei wird darauf hingewiesen, dass es sich bei den Behauptungen bezüglich der Unterschichten als der Zielgruppe des Dialekts um einen Stereotyp handele (HETEBRÜG 2008).

Aus der Perspektive unterschiedlicher Forschungsschwerpunkte lässt sich also schlussfolgern, dass als Dialekt eine regionale bzw. lokale Sprachform bezeichnet wird, die meistens in der mündlichen Umgangssprache benutzt wird und in die oft etwa Fachwörter aus unterschiedlichen Bereichen und andere fremde lexikalische Elemente einfließen.

3.2. Die Typologie von Dialekten

In der Sprachwissenschaft finden sich viele Definitionen vom Dialekt und den mundartähnlichen regionalen Sprachvarietäten, wobei von Forschenden aus verschiedenen Ländern oft unterschiedliche Fachbegriffe verwendet werden. Da in dieser Arbeit nur Dialekte des Deutschen thematisiert werden, halten wir es für sinnvoll, uns in diesem Abschnitt auf die Klassifizierung der regionalen Sprachformen zu beschränken, die unter deutschen Soziolinguistinnen und Soziolinguisten verbreitet ist. In diesem Abschnitt definierten wir den Dialekt im weitesten Sinne als einen Oberbegriff für verschiedene Sprachformen. Der Grund dafür ist, dass es schwierig erscheint, den Dialekt von mundartähnlichen Sprachvarietäten abzugrenzen, und dass in verschiedene Dialekte in unterschiedlichem Maße „fremde“, darunter auch hochsprachliche Lexik einfließt.

Die Gesamtheit aller Spracheinheiten, die von der Hochsprache aufgrund ihrer regionalen bzw. lokalen Verbreitung abweichen, wird in der Soziolinguistik als *Basisdialekt* oder *Grundmundart* bezeichnet.

Die Basisdialekte waren über eine lange Zeit Gegenstand der Dialektologie als Sprachwissenschaft, doch in der 2. Hälfte des 20. Jhs häuften sich Forschungen, die Beweise dafür lieferten, dass es neben dem Basisdialekt auch andere regionale Sprachformen gibt, deren Wortschatz aber auch Begriffe unterschiedlicher, nicht nur dialektaler Färbung umfasst.

Die Vielfalt solcher Sprachformen wurde schon bei Grosse am Beispiel der Meißener Mundart veranschaulicht (GROSSE 1953). Unten zitieren wir die von ihm erstellte Abstufungsskala, wo der Satz „Es wird bald anfangen zu regnen“ zuerst im Meißener Basisdialekt und danach in verschiedenen ebenso in Meißen gesprochenen mundartähnlichen Sprachvariationen aufgeführt ist, wobei sich mit jeder unteren „Stufe“ Ähnlichkeit zum Hochdeutschen zeigt (z. B. in der Transformation *bae-bale-balde-bald*) oder dem Übergang zu der im Hochdeutschen verwendeten Infinitivkonstruktion *dse (dsu) + Verb* (in Sätzen 4-5).

1. S ward bae uanfang mid rain.
2. S ward bale anfang mit ran.
3. S wärd balde anfang mit rächn.
4. S wird balde anfang dse rächn.
5. S wird bald anfang dsu rechnen (ibid.)

Es ist bis heute umstritten, wie viele solcher Übergangsvariationen es überhaupt geben kann. So zeigen Niebaum und Macha (NIEBAUM & MACHA 2014) an einem Schema eine Reihe von Klassifikationen. Darin finden sich zahlreiche Fachbegriffe. Was aber alle Klassifikationen ausnahmslos eint, ist der Terminus *Umgangssprache*. Die wichtigen Merkmale der Umgangssprache sehen wie folgt aus:

- überregionale Verbreitung;
- Verwendung in mündlicher Form und meistens im Alltag;
- besondere Stilistik (ibid.)

Auch macht es die Umgangssprache aus, dass Sprechende beim Benutzen dieser meistens das Gefühl haben, sie würden Hochsprache sprechen, was jedoch nicht stimmt, weil die umgangssprachliche Norm nicht immer der hochsprachlichen entspricht. An dieser Stelle muss betont werden, dass die Umgangssprache in ihrer Definition weder eine lokale noch eine regionale Variation ist (ibid.).

Zusammenfassend lässt sich also feststellen, dass unter der Umgangssprache eine überregional verbreitete, überwiegend im Alltag

benutzte und durch einen eigenen Stil gekennzeichnete Sprachform verstanden wird. Obwohl die Umgangssprache keine regionale Sprachvariation ist, können darin auch Dialektismen einfließen, wie es beispielsweise in den Sprachgemeinschaften der west- und mitteldeutschen Großstädte allgegenwärtig ist. In den Fachkreisen haben sich mehrere Termini für die dadurch entstandene Sprachform etabliert, darunter *neuer Substandard*, *großräumliche Umgangssprache* und *Regiolekt*.

Die von uns erläuterten Fachbegriffe *Grundmundart*, *Umgangssprache* und *Regiolekt* sind verständlicherweise nicht die einzigen, die sich in der Fachliteratur finden. Es ist auch fraglich, ob momentan verwendeten Definitionen dieser drei Begriffe ausreichen oder ob vielleicht neue Termini für die Benennung ebenso neuer sprachlich-dialektologischer Erscheinungen eingeführt werden sollen. Mit Rücksicht auf eine Diskussion entscheiden wir uns dafür, sich in diesem Aufsatz nur auf diese drei heute noch oft benutzten und uns besonders wichtigen Fachbegriffe zu beschränken. Dabei fällt es auch schwer, eine konkrete, von einer bestimmten Sprachgemeinschaft als Kommunikations- und Verständigungsmittel benutzte Sprachvariation einem dieser drei Begriffe zuzuordnen, da ihre Auslegungen, wie schon früher erklärt, sehr unterschiedlich ausfallen können.

Bei Goossens wird ausgeführt, dass die Zahl der Dialektsprechenden unter Angehörigen der Oberschicht viel geringer als unter denen der Unterschicht ist. Der Autor bemerkt auch, dass die Situation in verschiedenen Altersgruppen unterschiedlich sein kann: so sprechen laut Goossens Ältere überwiegend Dialekt, während die Jugendlichen meistens die Umgangssprache als Kommunikationsmittel benutzen (GOOSSENS 1977).

Zu beobachten ist auch ein Wandel der dialektalen Stilistik. So nehmen in Deutschland derzeit im Kielwasser der Integration verschiedener Regionen und der Entwicklung der (hoch)deutschen Literatur Theateraufführungen in Dialekten zu. Es werden Dialektwörterbücher erstellt. Die Klassiker der Weltliteratur erscheinen regelmäßig in deutsche Dialekte übersetzt. Dialekte dringen in die Werbung und Reden der Regionalpolitikerinnen und Regionalpolitiker vor. In vielen Regionen Deutschlands und Österreichs sowie in der Deutschschweiz behalten Dialekte ihre Rolle als am meisten benutztes Kommunikationsmittel (ibid.)

Aus sämtlichen der sprachlichen Situation in Deutschland gewidmeten Forschungsarbeiten geht hervor, dass die deutschsprachige Gesellschaft nicht als homogen angesehen werden kann. Viele deutsche Muttersprachler*innen ziehen einen Dialekt vor, dabei werden das Hochdeutsche und eventuell auch Fremdsprachen mit der Mundart wahrgenommen, die als eine Art Muttersprache auftreten. Es gibt aber wiederum viele Deutsche, die mehrere Mundarten können, wo Umgangssprache und Regiolekte ebenso aktiv benutzt werden. Das Hochdeutsche wird dagegen nur von Vertretern bestimmter Berufsgruppen verwendet, etwa von den TV- und Radiomoderatoren, Schauspielern, Journalisten oder den Universitätsprofessoren (ФИЛИЧЕВА 1983; МЕРКУРЬЕВА 2005; САХАРУСОВ 2013).

3.3. Status des Niederdeutschen

Im Rahmen der Aufgabenstellung scheint es notwendig, auf das Niederdeutsche als Mundart etwas tiefer einzugehen. Die geografische Verbreitung der niederdeutschen Dialekte auf dem Gebiet der Bundesrepublik ist außer anderen Faktoren, grob gesagt, durch die so genannte Benrather Linie — eine Isoglosse, die das Hochdeutsche von dem Niederdeutschen trennt — begrenzt. Die Anzahl an Dialektsprechenden oberhalb der Linie reduzierte sich gewaltig im Laufe der 1950-60 Jahre. Als Grund für diese Entwicklung vermuten die heutigen Forschenden, der Dialekt stelle ein „Hindernis“ im Bildungserwerb und dem darauffolgenden beruflichen Werdegang dar. Doch seit Anfang der 2000er Jahre gewinnt das Plattdeutsche allmählich an Popularität. So gibt es in Norddeutschland beispielsweise immer mehr Medien auf Platt, darunter Musik- und Theaterstücke. Schülerinnen und Schüler haben inzwischen die Möglichkeit, ihren Dialekt als Fach zu wählen und in der Schule zu lernen.

Eine 2016 vom Institut für niederdeutsche Sprache (INS) und dem Institut für deutsche Sprache (IDS) in Auftrag gegebene Forschung bestätigte den neuen Niederdeutschtrend in der Massenkultur und den Medien. So gaben bei einer Umfrage 32% der Norddeutschen an, eine niederdeutsche Mundart auf hohem Niveau zu sprechen, was im Vergleich zu vorigen Jahrzehnten ein sehr großer Anteil ist. Die höchste *Plattdeutschkompetenz* zeigte sich dabei in der Altersgruppe 80+. Im Vergleich zu Einwohnern anderer norddeutscher Bundesländer sind die Schleswig-Holsteiner die klaren Spit-

zenreiter in puncto Mundartkenntnisse (24,5% der Befragten gaben an, regelmäßig Niederdeutsch im Alltag zu sprechen).⁴

4. Sprachsystematische Analyse des Schaumburger Platts

Nun gehen wir also zu den Resultaten des im Vorwort angekündigten Vergleichs der Schaumburger Mundart mit dem Hochdeutschen über.

4.1. Grammaticische Indizien

Vergleicht man den Dialekttext von *Max und Moritz* mit dem Original, so bemerkt man leicht, dass das System der Wortarten im Schaumburger Platt mit dem im Hochdeutschen völlig identisch ist. So gibt es im Platt genauso wie in der deutschen Standardsprache ein System von bestimmten und unbestimmten Artikeln. Die Grundformen (d. h. Nominativformen) des maskulinen und des femininen Artikels sowie des Pluralartikels kreuzen sich in der Form *dä*, die als grammatisches Homonym auftritt. Der bestimmte Artikel eines Neutrums hat in der Schaumburger Mundart die Form *datt*.

Der unbestimmte Artikel eines Maskulinums und eines Neutrums im Nominativ hat die Form *ain*. Die Kasus sind dieselben wie in der Hochsprache, auch das Genus der Substantive stimmt meistens mit dem im Standarddeutschen überein.

Das Verb verfügt auch im Schaumburger Dialekt über gleiche grammatische Kategorien wie Modus, Tempus, Genus verbi, Person und Numerus. Das System der aufgezählten Kategorien im zu analysierenden Dialekt entspricht dem der Standardsprache.

Darüber hinaus fungieren im Schaumburger Platt auch Pronomina unterschiedlicher semantischer Typen (Personalpronomina, Demonstrativpronomina u. a.), die ein Nomen (Substantiv oder Adjektiv) mit gleicher grammatischer Funktion ersetzen können.

Von Interesse ist auch die Syntax. In der Dialektfassung von *Max und Moritz* finden sich Sätze aller kommunikativen Arten (d. h. Deklarativ-, Aufforderungs-, Fragesätze) sowie zweier syntaktischer Hauptmodelle (einfache und zusammengesetzte Sätze). Neben neutralen werden auch Ausrufesätze aktiv benutzt. Das deutet auf eine syntaktische Gemeinsamkeit mit dem Hochdeutschen hin.

⁴ <https://www.niederdeutschsekretariat.de/aktueller-stand-desniederdeutschen>.

Vergleicht man aber die Auswahl an Satzzeichen im Dialekt- und Originaltext, erkennt man sofort viele Unterschiede, die im Wesentlichen von der Vereinfachung der Interpunktion im Dialekt zeugen. So wird in der Originalfassung von *Max und Moritz* laut Hochsprachnorm vor Folgerungen und Aussagen der Erläuterung / der Zusammenfassung immer ein Doppelpunkt (:) benutzt, z. B.:

- (1) *Zweitens*: weil man dann und wann... (Z. 5, Strophe 1)
- (2) Max und Moritz dachten *mun*: was ist hier...zu tun? (Z. 3-4, Strophe 2).

Im Schaumburger Dialekt wird der Doppelpunkt jedoch durch ein Komma ersetzt, in manchen Fällen wird überhaupt kein Satzzeichen verwendet:

- (3) *Twaitens wail* ain dann und wann... (Z. 5, Strophe 1)
- (4) Max un Moritz dachten *an, wail* ain... moaken kann? (Z. 3-4, Strophe 2).

Während im Hochdeutschen vor Interjektionen ein Komma oder ein Ausrufezeichen gesetzt wird, fehlt vor ihnen im Dialekt oft das Satzzeichen, oder es wird ein Komma benutzt, was an folgenden Stellen im Originaltext zu beobachten ist:

- (5) Ach, sie bleiben an dem langen... (Z. 1, Strophe 2)
- (6) Tak, tak, tak! Da kommen sie... (Z. 3, Strophe 3)

Und an denselben Stellen in der Dialektversion:

- (7) *Ach sä* bliäm an däm langen...
- (8) Tak, tak, *tak, doa* kuamet sä...

4.2. Lexikalische Indizien

Eine lexikalische Analyse des Dialekttextes lässt feststellen, dass der Wortschatz des Schaumburger Dialekts mit dem des Hochdeutschen vergleichbar ist. Neben den Wörtern, die eine lexikalische Bedeutung aufweisen, finden sich auch Synsemantika.

Dass sich in dem dialektalen sowie hochsprachlichen Abschnitt Beispiele für dieselben Bedeutungsbeziehungen finden lassen, deutet außerdem darauf hin, dass die Transformation eines hochdeutschen Wortes zu einem Dialektismus im Schaumburger Platt ohne Bedeutungswechsel erfolgt.

Es können aber auch bestimmte lexikalische Unterschiede zwischen den beiden Sprachvariationen erkannt werden, etwa in der Phraseologie. So ist beispielsweise zu bemerken, dass hochdeutsche Lexeme aus dem Abschnitt 2 oft in den Schaumburger Dialekt über-

setzt, indem sie durch andere hochdeutsche Ausdrücke mit *expressiverer Bedeutung* ersetzt wurden. So ist anstelle von *Hals* (Z. 3, Strophe 4) des Dialekttextes im Originaltext die Form *Schlund* gebraucht; das Wort *Jammer* wird als *Krach* „übersetzt“.

5. Schlussbemerkungen

Die Interpretation eines Dialekts, die von uns bei einem Vergleich des Schaumburger Dialekts mit der deutschen Standardsprache erarbeitet wurde, kann die Thesen von sprachlichen Besonderheiten einer Mundart als Sprachvariation belegen.

Es wurden trotzdem viele Gemeinsamkeiten zwischen dem Hochdeutschen und dem Schaumburger Platt entdeckt. Dies bedeutet, der Schaumburger Platt als ein niederdeutscher Dialekt beweist die gemeinsame Grundlage mit der deutschen Sprache, während sich ein Dialektismus aus dem Schaumburger Platt von seiner hochdeutschen „Übersetzung“ phonetisch, orthographisch, grammatisch wie lexikalisch unterscheidet. Das wird auch durch die morphologische Analyse bestätigt.

Die syntaktische Analyse des Schaumburger Platts sowie die Analyse seiner Interpunktion ließen uns zu dem Schluss kommen, dass sich die Syntax in einem niederdeutschen Dialekt fast gar nicht von der im Hochdeutschen unterscheidet. Es sind sämtliche Besonderheiten der Mundart gefunden worden, die von der Tendenz zur Vereinfachung der Sprachnormen im Dialekt zeugen.

Man kann behaupten, dass die semantische Stratifizierung des Wortschatzes im Schaumburger Dialekt der im Standarddeutschen gleich ist, obwohl auch manche für das Schaumburger Platt wie generell für jeden Dialekt typische Merkmale erkannt wurden, z. B. ein autonomes System idiomatischer Redewendungen (Phraseologismen), die alle eine expressivere Bedeutung als ihre hochsprachlichen Varianten aufweisen. Indem ein hochdeutsches Wort bei der „Übersetzung“ in den Dialekt meist nur auf phonetischer oder orthografischer, seltener auch auf der grammatischen Ebene Veränderungen erfährt, bewahrt es aber immer seine lexikalische Bedeutung.

Die linguistische Analyse des Dialekttextes von W. Busch bestätigte die Hypothese von gegenseitigem Einfluss der deutschen Standardsprache und der Schaumburger Mundart, die alle niederdeutschen Mundarten vermutlich repräsentieren soll.

Demnach wird die Perspektive der vorgenommenen Forschung durch die Möglichkeit bestimmt, andere niederdeutsche Dialekte zu analysieren und diese miteinander zu vergleichen. Beim heutigen Stand der Dialekte in Deutschland, der durch starke Migrationsprozesse sehr beeinflusst wird, könnten künftig auf der Basis der betrachteten neue Termini und Begriffe ebenso neuer sprachlich-dialektologischer Erscheinungen für die Benennung einzuführen sein.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Баева Е. В., Байкова О. В. Немецкие языковые острова — особенности развития их диалектов // Вестник НГЛУ. 2011. № 13. С. 11—13. [Baeva, Yevgeniya V. & Baykova, Olga V. (2011) Nemetskiye yazykovyye ostrova — osobennosti razvitiya ikh dialektov (German Language Islands — Features of the Development of Their Dialects). *LUNN Bulletin*, 13, 11—18. (In Russian)].
- Дубинин С. И., Тетеревенков А. Е. Лексика нижненемецкого происхождения в современном немецком литературном языке. Самара: Самарский гос. ун-т, 2011. [Dubinin, Sergey I. & Teterevenkov, Andrey E. (2011) *Leksika nizhnenemetskogo proiskhozhdeniya v sovremenном nemetskom literaturnom yazyke* (Vocabulary of Low German Origin in the Modern German Literary Language). Samara: Samara University. (In Russian)].
- Меркурьева В. Б. Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах. Отношения комплементарности и изоморфизма: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Иркутск: Иркутский гос. лингвистический ун-т, 2005. [Merkur'yeva, Vera B. (2005) *Dialekt i literaturnyy yazyk v nemetskoyazychnykh dramakh. Otnosheniya komplementarnosti i izomorfizma* (Dialect and Literary Language in German-language Dramas. Complementarity and Isomorphism Relations). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. (In Russian)].
- Сахарусов А. Н. Функционирование современных территориальных диалектов // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2013. № 4. Т. 3. С. 70—73. [Sakharusov, Aleksandr N. (2013) *Funktsionirovaniye sovremennykh territorial'nykh dialektov* (Functioning of Modern Territorial Dialects). *Bulletin of Cherepovets State University*, 4 (3), 70—73. (In Russian)].
- Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М.: Индрик, 2002. [Skvayrs, Yekaterina R. & Ferdinand, Svetlana N. (2002) *Ganza i Novgorod: yazykovyye aspek-*

- ty istoricheskikh kontaktov* (Hansa and Novgorod: Linguistic Aspects of Historical Contacts). Moscow: Indrik. (In Russian)].
- Филичева Н. И. Диалектология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983. [Filicheva, Ninel' I. (1983) *Dialektologiya sovremenogo nemetskogo yazyka* (Dialectology of the Modern German Language). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Чемоданов Н. С. Нижненемецкий язык // Большая советская энциклопедия / под ред. О. Ю. Шмидта и др. М.: Советская энциклопедия, 1939. Т. 42. С. 80—81. [Chemodanov, Nikolay S. (1939) *Nizhnenemetskiy yazyk* (Low German). In: Schmidt, Otto Ju. & al. (ed.) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*, 42, 80—81. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- Aktueller Stand des Niederdeutschen. Niederdeutschsekretariat und Bundesrat für Nedderdüütsch (Current Status of the Low German. Niederdeutschsekretariat and Bundesrat für Nedderdüütsch). Retrieved from <https://www.niederdeutschsekretariat.de/aktueller-stand-desniederdeutschen> (Stand: 27.03.2022).
- Barbour, Stephen & Stevenson, Patrik. (1998) *Variation im Deutschen. Soziolinguistische Perspektiven* (Variation in German. Sociolinguistic Perspectives). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Besch, Werner; Knoop, Ulrich & al. (eds) (1982/1983) *Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung* (Dialectology. A Handbook on German and General Dialect Research). 2 Bde. Berlin; New York: Walter de Gruyter (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, 1)
- Braun, Edith. (2005) *Geheimsache Max und Moritz. Wilhelm Buschs bester Streich* (Max and Moritz's Secret. Wilhelm Busch's Best Prank). Blieskastel: Gollenstein.
- Braun, Peter. (1987) *Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Sprachvarietäten* (Trends in the contemporary German language. Language varieties). Stuttgart: W. Kohlhammer. [3. Aufl.]
- Datenbank Schaumburger Platt. Inhalt und Nutzungsmöglichkeiten mit einem Aufruf zur Mitarbeit (Database Schaumburger Platt. Content and possibilities of use with a call for participation). Retrieved from <https://spurensuche.schaumburgerlandschaft.de/platt...> (Stand: 03.02.2023).
- Falke, Dieter; Heyse, Volker & Ryabov, Gennadiy. (eds) (1995) *Deutsche und Russen im Gouvernement Nishnij Nowgorod: Geschichte und Gegenwart* (Germans and Russians in the Nizhny Novgorod Governorate: History and Present). Münster; New York: Waxmann Verlag GmbH.

- Goossens, Jan. (1977) *Deutsche Dialektologie* (German Dialectology). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Grimm, Jacob. (1848) *Geschichte der deutschen Sprache* (History of the German Language). Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung.
- Grosse, Rudolf. (1953) Mundart und Umgangssprache im Meißenischen (Dialect and Colloquial Speech in the Meißnisch). *Zeitschrift für Mundartforschung*, 21 (4), 240—249.
- Guchmann, Mirra M. (1964/1969) *Der Weg zur deutschen Nationalsprache* (The path to the German National Language). Teil 1 u. 2. Berlin: Akademie-Verlag.
- Hetebrüg, Anja. (2008) *Dialektaler Sprachgebrauch in den Medien* (Dialectal Use of Language in the Media). Norderstedt: Demand GmbH.
- Löffler, Heinrich. (2003) *Dialektologie: eine Einführung* (Dialectology: an Introduction). Tübingen: Narr.
- Max und Moritz von Wilhelm Busch. Eine Bubengeschichte in sieben Streichen mit Texten in plattdeutscher Sprache. Zwei Sprachvarianten dem Original von Wilhelm Busch gegenübergestellt. Schaumburger Landschaft (Max and Moritz by Wilhelm Busch. A Boy's Story in Seven Lines with Texts in Low German. Two Language Variants Compared to the Original by Wilhelm Busch. Schaumburg Landscape). Retrieved from file:///C://Users/vesgu/OneDrive/%D0%A0%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB/Max_und_Moritz%20platt%20(3).pdf (Stand: 27.03.2022).
- Max und Moritz. Die unglaubliche Geschichte eines Kinderbuchs. Dokumentarfilm, Deutschland, 2015, 52:05 Min., Buch und Regie: Claus Wischmann, Produktion: fernsehbüro, rbb, arte, Erstsendung: 5. April 2015 bei arte, Inhaltsangabe von arte (Max and Moritz. The Incredible Story of a Children's Book. Documentary, Germany, 2015, 52:05 Min., Written and directed by Claus Wischmann, Produced by fernsehbüro, rbb, arte, First broadcast: April 5, 2015 at arte, synopsis of arte). Retrieved from <https://web.archive.org/web/20160224061002/http://www.arte.tv/guide/de/052794-000-/max-und-moritz> (Stand: 31.03.2022).
- Müller, Jochen. (2003) *Der mittelschwäbische Dialekt am Beispiel der Urbacher Mundart* (The Middle Swabian exemplified by the Urbach Dialect). Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Niebaum, Hermann & Macha, Jürgen. (2014) *Einführung in die Dialektologie des Deutschen* (Introduction to the Dialectology of German). Berlin; Boston: Walter de Gruyter.

- Raab, Jennifer. (2010) *Einstellungen zu den Dialekten der deutschen Sprache* (Attitudes to the Dialects of the German Language). Norderstedt: Demand GmbH.
- Schirmunskij, Viktor M. (1962) *Deutsche Mundarthkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten* (German Dialect Studies. Comparative Phonetics and Morphology of the German Dialects). Berlin: Akademie-Verlag.
- Schlosser, Horst Dieter. (1985) *Dialektgebrauch in der Schule: Informationen, Bedingungen, Möglichkeiten* (Dialect Use in School: Information, Conditions, Opportunities). Alsbach/Bergstraße. (Impulse 2)

Nadezhda A. Golubeva
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Sergey V. Gurnyanskiy
Comprehensive School "The Pedagogical Mastery Centre"

**The Modern Low German from the Historical-Linguistic Perspective
(exemplified by the Picture Story *Max and Moritz* by W. Busch)**

The article reflects the results of a typological study carried out within the framework of sociolinguistics and reveals some of its key concepts using specific examples. On the example of a dialectal text of the famous German humorist Wilhelm Busch (Picture Story *Max and Moritz*) the linguistic features of the Schaumburg dialect are identified and described. The orthographic, grammatical as well as lexical changes which are characteristic of the Schaumburg dialect and thereby distinguish it from the standard language are analysed. It is established that in the grammatical structure of the Schaumburg dialect, e. g. in the system of parts of speech, articles, verb forms, communicative sentence types and colloquial syntactic patterns (simple, compound sentences, etc.) there are more common features than differences from the standard German. The form *dä* overlaps several articles simultaneously, which allows us to consider it a grammatical homonym. The analysis of dialect punctuation reveals a number of differences in the use of punctuation marks in sentences, more precisely, a significant simplification of the punctuation rules. The identified general and specific grammatical features point to a trend towards a functional simplification of the German language in its dialectal variant. The lexical system of Schaumburg dialect reflects the semantic stratification of standard German (synonyms, antonyms, etc.). At the same time it is possible to draw a conclusion about the specificity of the use of dialectal vocabulary. This refers in particular to the independent system of expressively coloured phraseological expressions

(stable expressions), which is intrinsic to the dialect as such.

Keywords: linguistic atlas; classification of dialects; regiolect; Schaumburg dialect; homoform

Надежда А. Голубева

Нижегородский государственный лингвистический университет

Сергей В. Гурнянский

Автономная некоммерческая организация

«Общеобразовательная школа Центра педагогического мастерства»

Современный нижненемецкий диалект в историко-лингвистическом аспекте

(на примере истории в картинках *Макс и Мориц* В. Буша)

В статье отражены результаты типологического исследования, выполненного в рамках социолингвистики и раскрывающего на конкретных примерах некоторые ее ключевые понятия. На примере диалектного текста известного немецкого юмориста Вильгельма Буша (история в картинках *Макс и Мориц*) выявлены и описаны языковые особенности шаумбургского говора. Анализируются орфографические, грамматические, а также лексические изменения, характерные для шаумбургского говора и отличающие его тем самым от стандартного языка. Установлено, что в грамматическом строе шаумбургского диалекта, например, в системе частей речи, артиклевых слов, глагольных форм, коммуникативных типов предложений и разговорных синтаксических моделей (простые, сложные предложения и т. д.) обнаруживается больше общих черт, чем отличий от стандартного немецкого языка. При этом в слове *dä* пересекаются одновременно несколько форм артиклей, что позволяет считать его грамматическим омонимом. Анализ пунктуации диалектного текста свидетельствует о ряде различий в употреблении знаков препинания в предложениях, точнее, о значительном упрощении пунктуационных правил. Выявленные общие и специфические грамматические особенности указывают на тенденцию функционального упрощения немецкого языка в его диалектном варианте. Лексическая система шаумбургского говора отражает семантическую стратификацию стандартного немецкого языка (синонимы, антонимы и др.). Вместе с тем можно сделать вывод о специфике употребления диалектной лексики. Речь идет, в частности, о самостоятельной системе экспрессивно окрашенных фразеологизмов (устойчивых выражений), которая присуща диалекту как таковому.

Ключевые слова: языковой атлас; классификация диалектов; регион; шаумбургский говор; омоформа

Для цитирования:

Golubeva N. A., Gurnjanskij S. V. Niederdeutsch heute aus der historisch-linguistischen Perspektive (am Beispiel der Bildergeschichte Max und Moritz von W. Busch) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 77—94.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-77-94.

To cite this Article:

Golubeva, Nadezhda A. & Gurnyanskiy, Sergey V. (2023) Niederdeutsch heute aus der historisch-linguistischen Perspektive (am Beispiel der Bildergeschichte Max und Moritz von W. Busch) (The Modern Low German from the Historical-Linguistic Perspective (exemplified by the Picture Story Max and Moritz by W. Busch)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 77—94. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-77-94.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023; принята к публикации 03.04.2023

The article was submitted 08.02.2023; accepted for publication 03.04.2023

L. I. Grischaewa
Staatliche Universität Woronesh

**EINE THEORIE, DIE DER ZEIT VORAUS WAR,
RETROSPEKTIV BETRACHTET, ODER DIE AUSSAGEKRAFT
DER VALENZTHEORIE VON BORIS ABRAMOW***

Der vorliegende Beitrag stellt eine retrospektive Analyse einer Version der seinerzeit viel diskutierten Valenztheorie dar — der Version von Boris Abramow. Die Valenztheorie hat einige Jahrzehnte die theoretische linguistische Landschaft mit Recht bedeutend beeinflusst: Erstens ist das eine hohe Aussagekraft der theoretischen Leitsätzen der Theorie als solcher — egal welche Version dabei entwickelt werden konnte. Zweitens sind es zahlreiche Anwendungsbereiche von einzelnen theoretischen Prämissen, die unter anderem mehreren didaktischen Konzepten mit eindeutigem Erfolg zugrunde gelegt worden sind. Die Version Abramows hebt sich schon zur Zeit, wo die Valenztheorie in den Mittelpunkt linguistischer Diskussionen gerückt wurde, von den anderen Konzepten dadurch ab, dass in seiner Theorie die Valenz — im Unterschied zu den damals verbreiteten Interpretationen — als komplexe Erscheinung angesprochen wurde. Deshalb beachtet Abramow sowohl quantitative, als auch qualitative, d. h. logische, lexikalisch-semantiche (semantisch-denotative), semantisch-funktionale, morphologische, syntaktische, Aspekte von Eigenschaften des Valenzträgers sowie dieselben seiner Umgebung. Hervorgehoben wird auch, dass Abramow das verbale System des Deutschen als kompliziert aufgebaute Gesamtheit be-

* Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на пленарном заседании XX съезда РСГ.

schreibt und dabei verschiedenartige Beziehungen zwischen Valenzklassen und semantischen Klassen der Verben berücksichtigt. Es wird darauf hingewiesen, dass die zu analysierende Theorie nicht nur verschiedene linguistische Paradigmen widerspruchlos zu überbrücken vermag, sondern auch überzeugende und linguistisch korrekte Antworten auf viele der bis heute höchst aktuellen Fragen zu geben ermöglicht. Vor diesem Hintergrund wird klar, dass Abramows Interpretation syntaktischer Potenzen des Verbs — noch lange bevor sich die semantische Syntax als Konzeption konstituiert hat und sich die kommunikative und kognitive Wende als wissenschaftliche Paradigmen durchgesetzt haben — die nominative und kommunikative Funktion des Satzes begründet und erlaubt, Relationen zwischen potentiellen syntaktischen kommunikativen Einheiten und deren mannigfaltigen Realisationen in der Kommunikation unter verschiedenen Blickwinkeln zu beschreiben. Es wird auch darauf hingewiesen, dass die Leitsätze der zu behandelnden Theorie aus der heutigen Forschungsperspektive so aussagekräftig bleiben, dass auf deren Grundlage innovative linguistische Erkenntnisse immer noch zu gewinnen sind, die in dem Beitrag kurz dargelegt werden.

Schlüsselwörter: Verb als strukturelles Zentrum des Satzes; Valenztheorie; nominativ-kommunikative Funktion des Satzes; Satzmodellieren und Satzmodelle

Anregung zur retrospektiven Analyse

Zur retrospektiven Analyse bin ich durch mehrere Umstände gleichzeitig angeregt worden.

Erstens ist es der 100. Geburtstag Boris Abramows, den wir alle, seine Kolleginnen, Kollegen, zahlreichen Doktoranden aus der ganzen ehemaligen Sowjetunion und mehrere Generationen seiner Studierenden, im Mai 2022 begangen haben. Vor diesem Hintergrund bietet uns der vorliegende Beitrag die Möglichkeit, Boris Alexandrowitsch Abramows zu gedenken.

Zweitens ist es die unumstritten hohe Aussagekraft seines theoretischen Ansatzes, auf dessen Fundament viele grundlegende linguistische Fragen bis zum heutigen Tag erfolgreich gelöst werden können. Zu nennen wären da die Satzsemantik und -struktur, das Funktionspotential kommunikativer Einheiten, die Relation Potenz \Leftrightarrow Realisation (lies: Sprache \Leftrightarrow Rede, Sprache \Leftrightarrow Denken, Invariante \Leftrightarrow Variante, Modell \Leftrightarrow Realisation des Modells u. a. m.), die Einflussfaktoren bei der Wahl von Ausdrucksmitteln in der Kommunikation durch die Sprach- und Kulturteilhaber usw. (ABRAMOW 1971; ABRAMOW 1999; АБРАМОВ 2000; АБРАМОВ 2003).

Drittens besteht ein unmittelbarer Anlass, eine bestimmte Theorie ausdiskutieren, und zur Analyse, wenn man sich an „methodologische“ Forderungen erinnert, in der Ausbildung von Linguisten im theoretischen Unterricht moderne Theorien den sogenannten „alten“ vorzuziehen. Es sei am Rande bemerkt, dass dabei nicht klar unterschieden wird, ob es um wirklich überholte wissenschaftliche Erkenntnisse oder in erster Linie nur um das Erscheinungsdatum einer Publikation allein geht, wenn in den Mittelpunkt die Relation „alte“ Theorien \Leftrightarrow „neue“ Theorien gerückt wird.

Zielsetzung und Aufgabenstellung

Im vorliegenden Beitrag geht es mir nicht um das Referieren über das Wesen Abramows Theorie allein, denn seine Ansichten sind seit den 1960-er Jahren zum Allgemeingut geworden. Das findet darin seinen Ausdruck, dass seine Meinung unter anderem in renommierten linguistischen Wörterbüchern behandelt wird (BUBMANN 2002; LEWANDOWSKI 1994). Mein Anliegen ist nachzuweisen, dass die Ideen Abramows auch heute aussagekräftig genug bleiben, um aktuelle, höchst diskutabile, grundlegende Fragen aus dem textgrammatischen und diskursiven Bereich zu beantworten, obwohl sich Abramow solcher Termini wie Kognition, Konzept, Diskurs, Sprechakt, Tiefenkasus und dergl. nicht bedient hat.

Aus diesem Grunde fällt die Behandlung seiner Version der Valenztheorie nur kurz aus. Vielmehr soll der Auseinandersetzung mit der Aussagekraft seiner Leitsätze bei deren Einbettung in die aktuelle Fragestellung geschenkt werden.

Leitsätze von Abramows Valenztheorie

Es ist ohne Weiteres klar, dass sich die Version der Valenztheorie von Abramow in den 1960-er und 1970-er Jahren in einer regen und fruchtbringenden Diskussion mit den anderen Dependenzgrammatikern entwickelte (s. nur einige wenige Werke (HELBIG 1971; HELBIG 1982; ERBEN 1992; TARVAINEN 1981; u. a. m.)). Es ist unumstritten, dass sich der Problembereich der Valenztheorie in einzelnen Phasen ihres Werdens quantitativ und qualitativ veränderte. Und es ist selbstverständlich, dass viele Fragen, die in der Valenztheorie als unabdingbar wahrgenommen wurden, gegen Ende der 1980-er Jahre einen anderen wissenschaftlichen Stellenwert bekamen. Auch hatten sich wissenschaftliche Paradigmen im letzten

Drittel des 20. Jhs von Grund auf geändert.

Vor diesem Hintergrund möchte ich einige Thesen von Abramows Theorie wieder funktionsfähig machen, damit angehende Forscherinnen und Forscher sowie Studierende nicht nur den brillanten aktuellen Theorien Zeit und Aufmerksamkeit schenken sowie einige seiner Ansichten nicht als alte Zöpfe abschneiden, sondern ihren Vorgängern mehr Respekt entgegenbringen.

Abramows Theorie (ABRAMOW 1999; АБРАМОВ 2000 (1972); АБРАМОВ 2003) ist eindeutig verbzentrisch. Diese Entscheidung ist gründlich ausgewogen und basiert auf grammatisch relevanten Erwägungen (s. Tab. 1, eingehender in [ГРИШАЕВА 2014: 261]).

Tabelle 1. Die strukturelle Dominanz des finiten Verbs

Vergleichsparameter	Nominativ (des Substantivs / Pronomens)	finite Form (des Verbs)
syntaktische Funktion	polyfunktional	monofunktional
primärer Funktionsbereich	kommunikative Einheit Satz	einfacher Satz, komplexer Satz, transphrastische Ganzheit, Makrotext
Existenzform	primär als Wortform / Form des Wortes als Satzglied	primär als Wortform / Form des Wortes als Satzglied
Fügungspotenzen	zentripetal <i>und</i> zentrifugal	<i>nur</i> zentrifugal
Resultat bei Sättigung der jeweiligen Valenz- eigenschaften	Bildung einer Wort- gruppe, d. h. einer no- minativen Einheit	Bildung eines Satzes, d. h. einer kommuni- kativen Einheit
Funktion bei der aktu- ellen Gliederung des Satzes (im Standardfall)	stellt das Thema dar	stellt entweder das Rhema oder einen Teil des Rhemas dar
nominative Funktion im Standardfall	benennt ein Element der außersprachlichen Wirklichkeit	benennt einen Film der außersprachlichen Wirklichkeit (bei Sätti- gung der Valenzen)
	stellt eine der mehreren sekundären Ausdrucks- möglichkeiten für die Proposition dar	stellt die primäre Aus- drucksmöglichkeit für die Proposition dar

Referent	ein Objekt (Element) der außersprachlichen Wirklichkeit bzw. der fiktiven oder virtuellen Realität	ein Film (Sachverhalt bzw. Situation) der außersprachlichen Wirklichkeit bzw. der fiktiven oder virtuellen Realität
	unter günstigen Bedingungen ein Film der außersprachlichen Wirklichkeit	
logisch-semantische Interpretation	Bezeichnung für ein Propositions-Argument diverser Natur	Bezeichnung für den Funktor in der P- bzw. R-Proposition ¹

Alle Valenzeigenschaften werden in seiner Theorie von Anfang an als *semantisch begründet* angesprochen. Dabei berücksichtigt Abramow im Unterschied zu den anderen Valenzforschern damaliger Zeit von Anfang an *alle* Aspekte der Valenzeigenschaften, sowohl quantitative als auch qualitative Parameter: Logische, morphologische, syntaktische, semantische (und zwar semantisch-denotative und semantisch-funktionale), während sich andere Forscher anfänglich nur auf einen Aspekt der Valenzeigenschaften konzentrieren (s. z. B. [HELBIG 1971]). Mit anderen Worten — die Valenz ist in der Theorie Abramows eine *komplexe* Erscheinung. Deshalb kann widerspruchlos erklärt werden, warum der Sprach- und Kulturteilhaber bei Sättigung der verbalen Valenzen den Satz auch dann versteht, wenn die denotative Semantik des Aktanten mit der Semantik der entsprechenden Leerstelle nicht übereinstimmt, z. B.: Er benahm sich *wie Weihnachten*. Der Grund ist, dass eben die Semantik der Leerstelle und nicht die denotative Semantik des Aktanten dominiert, weil sich die semantische und formelle Struktur des Satzes nach der Valenz des Verbs als strukturellen Zentrums richtet.

¹ Als Proposition wird der verallgemeinerte Bedeutungsgehalt „von all den Sätzen bezeichnet, die das Zutreffen ein und desselben Sachverhalts zum Inhalt haben“ (BUBMANN 2002: 542). Die Proposition P(x) hat die Semantik „Dem Argument x wird die Eigenschaft P zuerkannt“ (z. B. Monika ist klug, Peter ist schön, Karl schläft); die Proposition R(x, y) / R(x, y, z) beinhaltet die Relation, die zwischen den Argumenten x und y (z. B. Die Studierenden besprechen ein Problem) bzw. zwischen den Argumenten x, y, z (Peter schenkt Monika einen Blumenstrauß) hergestellt wird.

Die Valenzeigenschaften unterscheiden sich von den syntaktischen Potenzen der Wörter. Letztere werden als Fähigkeit der Wörter, sich auf gesetzmäßige Weise zu Wortgruppen und Sätzen zu verbinden behandelt (ABRAMOW 1999: 139). Unterschieden wird zwischen den zentrifugalen und zentripetalen Potenzen. Die zentrifugale Potenz ist die Fähigkeit der Wörter, eine übergeordnete Stellung einzunehmen, und die zentripetale dagegen die Fähigkeit der Wörter, eine untergeordnete Stellung einzunehmen (s. den Vergleich in Tab. 1).

Eine weitere Besonderheit der zu behandelnden Theorie besteht darin, dass hier zwischen prädeterminierenden und nicht-prädeterminierenden Eigenschaften des Verbs unterschieden wird, wobei *beide* Typen der verbalen Umgebung als semantisch begründet interpretiert werden; z. B. Karl fährt nach Berlin — Karl fährt mit dem Auto — Karl fährt mit Monika zusammen — Karl fährt morgen — Karl fährt schwarz — Karl fährt schnell — aber: *Karl fährt grün. Vgl. in diesem Zusammenhang eine andere Interpretation der Verb-Umgebung: Aktanten und freie Angaben (HELBIG 1982; HELBIG & BUSCHA 1998; u. a. m.), wobei suggeriert wird, als seien freie Angaben dem Verb gegenüber semantisch indifferent. Deshalb sind für Abramow einzelne Sememe eines Polysemanten als verschiedene semantische Entitäten mit ihren spezifischen Valenzeigenschaften und spezifischer Umgebung interpretierbar und keinesfalls als ein Verb; z. B. kochen: (1) Vater kocht vor Wut, (2) Mutter kocht Suppe, (3) Wasser kocht.

Prädeterminierende und nicht-prädeterminierende syntaktische Potenzen (ABRAMOW 1999: 139-140) haben einen unterschiedlichen Grad ihrer Ausprägung in der verbalen Umgebung. Mit dem Terminus prädeterminierende Potenz wird die Fähigkeit der Wörter angesprochen, gewisse Anzahl auf bestimmte Weise gearteter abhängiger Partner als ihre notwendige syntaktische Umgebung voraussetzen. Unterschieden werden die quantitative und die qualitative Prädetermination. Letztere wird unter verschiedenen Blickwinkeln betrachtet als relationelle Prädetermination, konfigurative Prädetermination, semantische Selektierungsfähigkeit. Der Begriff nicht-prädeterminierende Potenz erlaubt die Fähigkeit der Wörter, gewisse abhängige Partner in ihrer Umgebung mehr oder weniger selektiv zuzulassen, zu berücksichtigen.

Im Unterschied zu den anderen Versionen der Valenztheorie (s. z. B. die Theorie Gerhard Helbig (HELBIG 1982; HELBIG & BUSCHA 1998; u. a. m.)) spricht Abramow nicht von obligatorischen und fakultativen Aktanten als Umgebungsglieder des Verbs, sondern von der Realisation und Nicht-Realisation der Valenz (im Textzusammenhang), von der Paradigmatik und Syntagmatik der Valenzeigenschaften. Vor diesem Hintergrund wird klar, dass unter bestimmten Bedingungen *jedes* Element der verbalen Umgebung weglassbar ist. Das Problem selbst wird nun als Frage nach den Einflussfaktoren, deren Wirksamkeit und Funktionsbereich sowie Realisierbarkeit der Valenzeigenschaften rezipiert.

Noch bevor die Idee allgemein aufgegriffen wurde, dass der Satz eine nominative (und eine kommunikative) Einheit ist, spricht Abramow vom Film der außersprachlichen Wirklichkeit als Bezeichnungseinheit, die bei Sättigung der Leerstellen beim Verb entsteht. Er erklärt dabei, wie ein Modell als abstraktes Gebilde des sprachlichen Systems zur funktionstüchtigen kommunikativen Einheit wird, indem er das Gebilde lexikal-strukturelle Basis (|LSB|) in das Relationsgefüge System \Leftrightarrow Rede einbettet: System \Leftrightarrow |LSB| \Leftrightarrow Rede (s. Tab. 2). Somit ist die lexikal-strukturelle Basis die Bezeichnung für einen Film der außersprachlichen Wirklichkeit pur, ohne dass hierin konkrete Ausprägungen von morphologischen und syntaktischen Regularitäten realisiert werden. Die Zahl der Elemente im künftigen Satz, deren Folge in der entstehenden kommunikativen Einheit, d. h. die Thema-Rhema-Gliederung, die semantisch-denotativen und semantisch-relationenen Eigenschaften der Umgebungsglieder sind korrekt (und richten sich nach der Valenz des Verbs), nur die Marker für entsprechende morphologische Formen für jedes Satzglied fehlen (s. Tab. 2).

Tabelle 2. Wie wird die Satzform generiert

Modell \Rightarrow	 LSB \Rightarrow	Satzformen
Subj + Präd + Obj (SYN)	Peter, schreib, Brief	Peter schreibt einen Brief.
	...	Man schreibt heute immer seltener Briefe.
	...	Wer schreibt heutzutage schon Briefe!
	...	

Sub 1 + vf + Sub 4 (MORPH) Agens + actum + Pati- ens (SEM)	Schriftsteller, über- setz, Text Mutter, koch, Suppe Wissenschaftler , un- tersuch, Problem Student, stell, Frage Maler, mal, Bild 	Hast du diesen Brief endlich geschrieben? Müssen wir noch Brie- fe schreiben?! Früher schrieben Freude einander schö- ne lange Briefe. Einige Leute scheinen heute noch Briefe zu schreiben. Werden die Leute im 21. Jahrhundert wie- der Briefe schreiben?
---	---	---

Der Begriff lexikal-strukturelle Basis erweist sich beim Modellieren als produktiv. Bestandteile der lexikal-strukturellen Basis sind ein finites Verb und notwendige und hinreichende Umgebungsglieder des finiten Verbs „zur Sicherung inhaltlicher und grammatischer Abgeschlossenheit von der lexikal-strukturellen Basis des Satzes ohne deren Einbettung in die kommunikative Situation“ (ABRAMOW 2000 (1972): 32). Deshalb wird klar, dass sein Modell durch verschiedene lexikal-strukturelle Basen realisierbar ist (s. Tab. 2).

Die angeführte Interpretation zeigt überzeugend genug, dass einerseits die Zahl der Modelle begrenzt ist, aber die Zahl der konkreten Sätze (Satzformen) ist unbegrenzt. Andererseits werden nach einem Modell Sätze mit verschiedener Semantik generiert (s. Tab. 2).

Diese theoretische Erkenntnis Abramows veranlasst mich, an die Interpretationen kognitiver Psychologen zu denken, die die Proposition als ein Gebilde ansprechen, mit dessen Hilfe die Information über einen Sachverhalt (Situation) im Langzeitgedächtnis gespeichert wird: Bauer — pflügen — Acker — Pflug, d. h. die Informationseinheit Täter — Tätigkeit — Objekt der Tätigkeit — Instrument (s. eingehender z. B. [KLIX 1984; ANDERSON 2001]). Deshalb ist es nicht verwunderlich, dass Abramow dem Satz als Bezeichnung für einen Film der außersprachlichen Wirklichkeit die nominativ-kommunikative Funktion zuerkennt, denn es ist unmöglich, jemandem etwas zu berichten, ohne es dabei nicht genannt zu haben.

So kann der Beitrag Abramows zur Valenztheorie wie folgt charakterisiert werden: Vor allem Komplexität der Valenzeigenschaften und Aspektreichtum des Valenzbegriffes; semantisch begründete Interpretation der verbalen Umgebung und deren Typologie; Wesen der Aktanten; Beschaffenheit der syntaktischen Potenzen im Zusammenhang mit den Valenzeigenschaften; Ausdrucksmöglichkeiten für Aktanten; eine theoretische Grundlage für die Erläuterung des einfachen und komplexen Satzes; Regularitäten beim Formulieren des logischen Urteils u. a. m. (s. eingehender [ГРИШАЕВА 1998; АБРАМОВ 1999; АБРАМОВ 2000 (1972); ГРИШАЕВА 2002; АБРАМОВ 2003; ГРИШАЕВА 2006; ГРИШАЕВА 2014]).

Im Rahmen seiner Valenztheorie entsteht ein Satzmodellsystem, das sich bedeutend und wesentlich von den anderen verbzentrischen Satzmodellen unterscheidet (АБРАМОВ 1999: 126ff; АБРАМОВ 2000 (1972)). Unter dem Modell versteht Abramow eine „gesetzmäßig organisierte Kombination von Bestandteilen einer Struktur“ (АБРАМОВ 2000 (1972): 32). Sein Vorgehen ist deduktiv-induktiv, indem konsequent Klassen von Einheiten \Rightarrow Subklassen innerhalb jeder Klasse \Rightarrow Elemente der Subklasse von diversen Standpunkten aus auf ein und derselben Grundlage beschrieben werden. Es ist dabei sehr wichtig zu betonen, dass Abramow *alle semantischen* Klassen der Verben *als* kompliziert organisierte *Gesamtheit* analysiert.² Er berücksichtigt dabei diverse Eigenschaften der Valenzklassen und Besonderheiten eines Verbs als Element einer semantischen Klasse, indem er paradigmatische und syntagmatische Regularitäten der zu analysierenden Einheit beachtet sowie quantitative und qualitative Aspekte der Valenzeigenschaften entsprechender Klassen, Unterklassen und einzelner Einheiten in Betracht zieht. Berücksichtigt werden auch zentrifugale und zentripetale syntaktische Potenzen von Wörtern. Somit wird der Teil \Leftrightarrow Ganzes-Relation in vollem Maße Rechnung getragen. Auf diese Weise nimmt Abramow Stellung zu den damals höchst diskutablen Problemen wie Wesen der Aktanten, Beschaffenheit der Umgebung des Verbs und dessen Umgebungsglieder, Beziehung Aktanten \Leftrightarrow freie Angaben, Relation obligatorischer Aktant \Leftrightarrow fakultativer Aktant sowie Polyvalenz u. a.

² Vgl. eine andere Logik anderer Grammatiker beim Satzmodellieren.

Kriterien beim Satzmodellieren sind Wertigkeit des Verbs (oder Valenz), Relationsvalenz (oder syntaktische Funktion des Aktanten) (RV), konfigurative Valenz (oder morphologische Form des Aktanten) (KV), topologische Schemata (oder Stellung des finiten Verbs), Variabilität der Ausdrucksmittel für den Valenzträger und seine Aktanten, Semantik der entsprechenden Einheiten.

Die lexikal-strukturelle Basis (Bezeichnung für einen Sachverhalt) gilt als Modellierungseinheit. Diese Entscheidung erlaubt bewusst einzusehen, dass ein Modell durch mehrere lexikal-strukturelle Basen realisierbar ist.

Aufgrund der Wertigkeit der Verben werden syntaktische Klassen der Verben gewonnen, die später unterteilt werden in Makroklassen \Rightarrow Klassen \Rightarrow Unterklassen: Einwertige (schlafen, grinsen, lächeln), zweiwertige (abschaffen, sich erinnern, beginnen, anhaften), dreiwertige (diskutieren, sich unterhalten, bestellen, auflesen), vierwertige Verben (antworten, entgegen, erwidern, vergelten). Als Randbemerkung ist zu sagen, dass Valenzklassen zu gewinnen damals in der Valenztheorie eine gewisse Herausforderung bedeutete.

Durch die relationelle Prädetermination (RV, relationelle Valenz der Verben) kann in der Umgebung des Verbs die Subjektbeziehung, Objektbeziehung mit Unterklassen, Umstandsbeziehung mit Unterklassen, Beziehung zum Prädikativ mit Unterklassen in jeder Makroklasse und Klasse beschrieben werden. Zu betonen ist, dass zu jener Zeit, als sich die zu besprechende Theorie konstituiert hat, prinzipiell andere Vorstellungen von Umgebungsgliedern des Valenzträgers vorherrschten: Die Umstandsbeziehung wurde längere Zeit als Umgebungsglied des Verbs gar nicht mit betrachtet; umstritten war auch die Interpretation die Beziehung zum Prädikativ als Element der verbalen Umgebung.

Die konfigurative Prädetermination (KV, konfigurative Valenz der Verben) berücksichtigt verschiedenartige Ausdrucksmöglichkeiten für Aktanten. Schon von Anfang an sind es in der zu besprechenden Theorie morphologische Formen, Nebensätze, Infinitivgruppen (vgl. die Interpretation entsprechender Gegebenheiten durch andere Wissenschaftler). Auch in diesem Kontext ist darauf hinzuweisen, dass damals in der Valenztheorie die dominierenden Vorstellungen von den Ausdrucksmöglichkeiten grundlegend anders und höchst disku-

tabel waren.

Der Begriff der semantischen Selektierungsfähigkeit (semantische Valenz der Verben) erlaubt es, semantisch-denotative (Zugehörigkeit des Aktanten zu einer semantischen Klasse) und die semantisch-relationene (semantische Funktionen der Umgebungsglieder des Verbs) Selektierungsfähigkeit zu betrachten.

Als Beispiel für die Darstellung der paradigmatischen Valenzeigenschaften kann das Schema 1 gelten.

Subj	vf2	Obj	= RV
	N	Akk	} = KV
		G	
		D	
		PR	

abschaffen — backen — bestehen — sich annehmen — ankommen — sich erinnern

Schema 1. Makrokategorie der 2-wertigen Verben

Danach werden Modelle mit zweiwertigen Verben differenziert beschrieben: Modelle mit Subjekt- und Objektbeziehung, Modelle mit Subjekt- und Umstandsbeziehung, Modelle mit Subjekt- und Prädikativbeziehung. Modelle mit dreiwertigen Verben lassen sich in Modelle mit Subjekt- und zwei Objektbeziehungen, Modelle mit Subjekt-, Objekt- und Umstandsbeziehung klassifizieren, z. B. anblicken; angehen, hergehen, zugehen, Modelle mit Subjekt-, Objekt- und Prädikativbeziehung, z. B. anmuten, dünken, erscheinen, vorkommen, finden, nennen, heißen, halten. Modelle mit vierwertigen Verben werden genauso behandelt, z. B. antworten, entgegen, erwidern.

Eine wichtige Rolle spielt in der zu besprechenden Theorie die Verifizierbarkeit des Modells: Das Modell gilt als verifiziert, wenn es mit mindestens einem finiten Verb belegt werden kann.

Die Aussagekraft der Theorie von Abramow

Die Bedeutung des zu behandelnden Ansatzes ist sowohl in seinem Beitrag zur Sprachwissenschaft im Allgemeinen als auch zur Valenztheorie im Konkreten zu sehen. Solche traditionell relevanten Fragen wie Sprache ⇔ Denken, Sprache als Potenz ⇔ Sprache als Kognition und Kommunikation, Variabilität ⇔ Diversität des Inhalts und Ausdrucks, das Konstante ⇔ das Variable, Relation Element des Systems ⇔ eine kommunikative Einheit, inhaltliche und formelle Diversität / Variabilität der kommunikativen Einheiten u. a. werden

hier entweder explizit oder implizit angeschnitten, entsprechende Lösungen sind bis jetzt unanfechtbar geblieben. So sind z. B. Affinitäten und Diffinitäten diverser Natur zwischen Sätzen, die die Verben verschiedener Valenzklassen, aber einer semantischen Klasse wie beantworten und antworten konstituieren, erklärbar, ohne den Begriff Polvalenz zu strapazieren (vgl. eine andere Entscheidung bei J. Erben [ERBEN 1992]).

Es wird unter anderem argumentiert nachgewiesen, dass syntaktische Klassen der Verben, semantische Klassen der Verben und Valenzklassen der Verben ihrem Wesen nach grundverschieden sind. Diese Einsicht erlaubt es, konsequent und begründet Unterschiede zwischen den einzelnen Elementen einer Valenzklasse aufzudecken, sowie zu erklären, warum der Sprach- und Kulturteilhaber unter verschiedenen diskursiven Bedingungen unterschiedliche Bezeichnungen für ein und dieselbe Situation verwendet; z. B. Peter gibt Monika einen Bleistift — Monika bekommt von Peter einen Bleistift — Der Bleistift wird Monika gegeben, usw.

Zu erwähnen ist ein weiterer Aspekt. Unmittelbar und mittelbar erlauben die zu analysierenden Erkenntnisse zwei Erklärungsansätze,³

³ Vgl. den entsprechenden Kommentar in Bezug auf die verbzentrische Satzauffassung: „Jede Satzstruktur hat einen strukturellen Pol — das finite Verb. Das Verb als Valenzträger bestimmt die Satzstruktur quantitativ und qualitativ. Das bedeutet, dass die Zahl der Satzglieder von der Verbvalenz abhängt. Die morphologische Beschaffenheit, die syntaktischen Funktionen aller Umgebungsglieder, deren semantisch-denotativen und semantisch-funktionalen Charakteristika richten sich nach der Verbvalenz. Das syntaktische Subjekt ist in struktureller Hinsicht den anderen Satzgliedern gleich, d. h. es hängt auch von der Verbvalenz ab. Nicht alle paradigmatisch möglichen Elemente der Satzstruktur können im konkreten Kommunikationsakt realisiert werden. Das kann durch die Beziehung Paradigmatik — Syntagmatik der Valenzeigenschaften beschrieben werden. Unter günstigen kommunikativen Bedingungen kann jedes der Umgebungsglieder weggelassen werden, auch dasjenige, welches als sog. obligatorischer Aktant beschrieben werden kann. Valenzabhängig sind alle Umgebungsglieder, auch diejenigen, die zum strukturellen Minimum nicht gehören. Unter bestimmten kommunikativen Bedingungen können Satzglieder in den Satz eingefügt werden, die nicht zum strukturellen Satzminimum gehören, wenn diese kommunikativ wichtig werden“ (ГРИШАЕВА 2014: 260).

die in der Syntax theoretisch einander Konkurrenz machen, — die verbzentrische Satzauffassung und die Zweigliedrigkeitstheorie, — miteinander zu vergleichen und deren Aussagekraft auszuwerten. Abramow, indem er beide Ansätze sprachwissenschaftlich analysiert, hebt hervor, dass die Zweigliedrigkeitstheorie das logische Urteil modelliert, während die verbzentrische Satzauffassung die sprachliche Materie beschreibt. Dieser Vergleich kann veranschaulicht werden (s. Tab. 3) (eingehender in [GRISCHAEWA 2014: 262]). Das Gesagte kann zum Teil verständlicher machen, warum in der Duden-Grammatik der Satzbauplan beide Ansätze in einem Schema vereint (DUDEN 1998: 676ff).

Tabelle 3. Aussagekraft des Erklärungsansatzes

Theoretisch relevante Fragen	1	2
Warum besteht nicht jeder Satz aus zwei Satzgliedern? Im Satz können auch drei, vier und mehrere Satzglieder vorhanden sein	–	+
Warum wird das syntaktische Subjekt, d. h. das obligatorische Element des Satzes, öfter weggelassen?	–	+
Warum wird das syntaktische Subjekt vorwiegend durch ein Pronomen, d. h. durch ein Deiktikum, ausgedrückt?	–	+
Warum stellt das syntaktische Subjekt das Thema dar? Es heißt, das Subjekt gibt keine kommunikativ relevante Information wieder	–	+
Warum stellt das Nebenglied, d. h. ein strukturell nicht obligatorisches Element (laut der Zweigliedrigkeitstheorie) ein Rhema dar? Es heißt, dieser Satzteil ist informativ relevant	–	+
Warum wird ein elliptischer Satz meistens syntaktisch in Form eines so genannten Nebengliedes realisiert?	–	+
Warum kann im Satz das Subjekt ausgespart werden?	–	+

Vgl. auch den Kommentar zu der Zeigliedrigkeitstheorie: „Jeder Satz besteht aus zwei Gliedern — aus Hauptgliedern, die im Satz obligatorisch sind. Die Hauptglieder sind Subjekt und Prädikat. Das Subjekt ist das, über was im Satz etwas ausgesagt wird. Das Prädikat ist das, was im Satz über das Subjekt ausgesagt wird. Das Subjekt wird durch den Nominativ ausgedrückt. Das Prädikat wird durch das finite Verb ausgedrückt. Die Beziehung zwischen dem Subjekt und Prädikat kann als Dominanz (entweder die des Subjekts oder die des Prädikats) oder Interdependenz interpretiert werden. Im Satz kann es auch Nebenglieder geben“ (ГРИШАЕВА 2014: 260).

Warum werden in den elliptischen Sätzen oft auch sogenannte Hauptglieder ausgelassen?	-	+
Warum wird in einer Frage-Antwort-Sequenz identisches, d. h. in der Frage vorerwähntes, Material ausgelassen?	-	+
Warum kann der Satz oft mehr Wortformen als Satzglieder enthalten?	-	+
Warum hat das logische Urteil immer nur zwei Bestandteile — das logische Subjekt und das logische Prädikat —, obwohl die syntaktische Struktur eines Satzes mehrere Satzglieder enthalten kann?	(-)	+
Warum besteht der Satz aus mehreren Satzgliedern, während die aktuelle Gliederung jedes Satzes immer zweigliedrig ist? D. i. das Thema + das Rhema	-	+
Wie kann das strukturelle Minimum des Satzes ermittelt werden?	-	+
Welche syntaktisch relevanten Regularitäten können durch die Weglassprobe / Ersatzprobe / Verschiebeprobe / Umstellprobe / Klangprobe erfasst werden?	-	+
Welche Theorie setzt auseinander, wie die sprachliche Materie ist?	-	+

Legende: Zweigliedrigkeitstheorie — 1, verbzentrische Satzauffassung — 2, “-“ / “+” — es ist unmöglich / möglich, diese Frage im Rahmen des entsprechenden Ansatzes zu beantworten.

Damals und heute: Abramows Theorie als linguistische Überbrückungshilfe

Eine aus verständlichen Gründen lakonische Analyse ist trotzdem imstande, zu erkennen, dass einige Leitsätze der Zeit voraus sind. Diese werden etwas später mehr oder weniger intensiv im Rahmen verschiedener linguistischer Paradigmen behandelt — in der Theorie der semantischen Kasus, in der semantischen Syntax, beim Satzmodellieren, in der Dependenzgrammatik sowie in der kognitiven Grammatik und in der Textgrammatik usw. Probleme wie das Funktionspotential des Satzes als nominativ-kommunikativer Einheit, die Referenz des Satzes, die Relationen strukturelles Satzminimum \Leftrightarrow Ellypse \Leftrightarrow Erweiterung des Satzminimums \Leftrightarrow Satzmodell, die Valenzeigenschaften und deren Leistung beim Textgenerieren und -rezipieren u. a. m. können auch auf der Grundlage der zu analysierenden Theorie gelöst werden.

Als Beleg dafür kann die Untersuchung der Benehmens-Verben angeführt werden, der die Vorstellungen Abramows vom Verb als strukturellem Zentrum des Satzes zugrunde liegen (ГРИШАЕВА 1998; ГРИШАЕВА 2002; ГРИШАЕВА 2006). Es wird nachgewiesen, dass die Verben einen weit mächtigeren Beitrag zur Textkohärenz leisten, als bisher in der Textgrammatik behauptet wurde: Belegt sind 64 Vertextungstypen der zu beschreibenden Sätze mit dem Prä- und Posttext, wobei sowohl kognitive, semantische, als auch strukturelle (natürlich auch morpho-syntaktische) und thematische wie logische Erwägungen berücksichtigt wurden. Dieses Erkenntnis ist auch aus dem Grunde wichtig, da die nachgewiesene textkonstituierende Eigenschaft dem Verb *jeder* semantischen Klasse innewohnt und weil diese *durch die Valenz begründet* ist. Die kognitive Interpretation der gewonnenen Erkenntnisse ermöglicht es, im Ganztext Strukturen nachzuweisen, die *textkonstituierend* sind — *aktionale Ketten*, die zusammen mit nominativen und kognitiven Ketten sowie der Thema-Rhema-Progression den Gesamttext zusammenhalten, d. h. kohärent machen (ibid.).

Fazit und Ausblick

Retrospektiv gesehen lässt sich feststellen, dass die Theorie von Abramow, die sich in den 1960-er und 1970-er Jahren konstituiert hat, heute, im XXI. Jahrhundert, nichts an Aussagekraft verloren hat. Mehr noch — viele Entscheidungen, die Abramow als Foscher getroffen hat, sind einige Jahrzehnte nach deren Veröffentlichung Allgemeingut geworden. Dies betrifft in erster Linie seine Vorstellungen von der Komplexität der Valenzeigenschaften als Phänomen, deren semantischen Begründung, Interpretation der Aktanten *sui generis* und der Beschaffenheit von Umgebungsgliedern (Berücksichtigung quantitativer und aspektreicher qualitativer Besonderheiten der Umgebungsglieder sowie Akzeptanz der Subjekt-, Objekt-, Umstands- und Beziehung zum Prädikativ) u. a. Die Ideen wie inhaltliche und formelle Varietät der Umgebung beim Valenzträger sowie Nebensatz und Infinitivgruppe als Ausdrucksform des Aktanten haben sich mit der Zeit auch allgemein durchgesetzt und gelten nun als selbstverständlich.

Die Ideen wie Paradigmatik und Syntagmatik der Valenzeigenschaften sowie theoretisch fundierte Hinweise für den Nachweis von quantitativen und qualitativen Unterschieden zwischen realen Sätzen

und den entsprechenden Modellen sind noch nicht in gebührender Weise bewertet worden, obwohl sie mehrere Gegensätze bei der Interpretation entsprechender Probleme, die heute als aktuell und / oder höchst diskutabel wahrgenommen werden, überbrücken helfen können.

Dieser Umstand veranlasst zu betonen, dass sich der berüchtigte traditionelle Unterschied zwischen “alten” und “neuen” Theorien erübrigt, weil eine solche Fragestellung nicht nur von der Übereile zeugt, sondern auch von Übereifer und Voreingenommenheit. Gültig ist vor diesem Hintergrund nur die Aussagekraft einer Theorie und deren Nachweis vor dem Hintergrund aktueller Fragestellung im Kraftfeld des heutigen Problemkreises.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Абрамов Б. А. Типология элементарного предложения в современном немецком языке. Бишкек: Киргизский гос. пед. ун-т, 2000. [Abramow, Boris A. (2000) *Tipologija elementarnogo predlozheniya v sovremenom nemetskom yazyke* (Typology of the Elementary Sentence in Modern German). Bishkek: Kyrgyz State Pedagogical University. (In Russian)].
- Абрамов Б. А. Избранные работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания. М.: Кругъ, 2003. [Abramow, Boris A. (2003) *Izbrannyye raboty po nemetskoj grammatike i ibshchim problemam yazykoznanija* (Selected Works on German Grammar and General Problems of Linguistics). Moscow: Krug. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1998. [Grishayeva, Lyudmila I. (1998) *Nominativno-kommunikativnaya funktsiya predlozheniy s glagolami povedeniya* (The Nominative-Communicative Function of Sentences with Behavioural Verbs). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Тексторганизующая роль глагольных предложений // Вестник МГЛУ. Реализация междисциплинарной парадигмы в различных типах текста. 2002. Вып. 465. С. 41—55. [Grishayeva, Lyudmila I. (2002) *Tekstoorganisyuyushchaya rol' glagol'nykh predlozheniy* (The Text-organizing Role of Verbal Sentences). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, No. 465, 41—55. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Текстограмматические потенции глагола // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. II. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 232—253. [Grishayeva

- Lyudmila I. (2006) *Tekstogrammaticheskiye potentsii glagola* (Textual and Grammatical Potencies of the Verb). In: Babenko, Nataliya S. & al. (eds) *Russkaya germanistika. Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), vol. 2. Moscow: LRC Publishing House, 232—253. (In Russian)].
- Гришайева Л. И. Теоретическая грамматика немецкого языка, изложенная в форме тезисов и ключевых слов. Учебные материалы к курсу лекций (на немецком языке) (= *Theoretische Grammatik des Deutschen in Stichworten*). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2014. [Grishayeva Lyudmila I. (2014) *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka, izlozhennaya v forme tezisov i klyuchevykh slov* (= *Theoretische Grammatik des Deutschen in Stichworten*) (Theoretical Grammar of the German Language, laid out in the Form of Theses and Keywords). Voronezh: Voronezh State University. (In German)].
- Abramow, Boris A. (1971) Zur Paradigmatik und Syntagmatik der syntaktischen Potenzen. In: Helbig, Gerhard. (ed.) *Beiträge zur Valenztheorie*. Halle / Saale: Niemeyer, 51—66.
- Abramow, Boris A. (1999) *Theoretische Grammatik der deutschen Sprache*. Moskau: Vlados.
- Anderson, John R. (2001) *Kognitive Psychologie*. Heidelberg; Berlin: Spektrum: Akademischer Verlag.
- Bußmann, Hadumod. (2002) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner Verlag.
- Duden — Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. (1998). Mannheim: Dudenverlag.
- Erben, Johannes. (1992) *Deutsche Grammatik. Ein Abriss*. München: Hueber Verlag.
- Helbig, Gerhard. (ed.) (1971) *Beiträge zur Valenztheorie*. Halle / Saale: Niemeyer.
- Helbig, Gerhard. (1982) *Valenz — Satzglieder — semantische Kasus — Satzmodelle*. Leipzig: Enzyklopädie.
- Helbig, Gerhard & Buscha, Joahim. (1998) *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.
- Klix, Friedrich. (1984) *Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung*. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften.
- Lewandowski, Theo. (1994) *Linguistisches Wörterbuch*. Heidelberg: Quelle & Meyer.
- Tarvainen, Kalevi. (1981) *Einführung in die Dependenzgrammatik*. Tübingen: Max Niemeyer.

Lyudmila I. Grishayeva
Voronezh State University

Retrospective Analysis of Boris Abramov's Valency Theory

The article is devoted to the retrospective analysis of the explanatory power of Boris Abramov's valency theory, the conception of which was formed by the mid-1960s. The theory became widespread because of its significant contribution to the understanding of current problems and the prospects of applying proposed solutions to the most controversial linguistic problems at that time, and also because of the practical significance of the answers to some of the acute general and specific theoretical issues. One of the well-known theories, which received well-deserved recognition within the grammar of dependencies, was the version of the valency theory developed by Abramov. In the analysis of Abramov's theory, the emphasis is placed on the initially complex nature of the main theses underlying the presented conception, which, unlike other dominant approaches to understanding the phenomenon of "valency" at that time, consistently takes into account logical, lexical-semantic, semantic-functional, morphological, and syntactic features of both the owner of valency and its environment. Attention is drawn to the fact that the quantitative and qualitative aspects of the valency properties of the verb in the analyzed conception are studied on the example of the German verb system as a whole when describing the properties and valency classes distinguished on the grounds mentioned above, and semantic classes of verbs. The most significant provisions of Abramov's valency theory are analyzed in the context of theoretical postulates that became widespread in linguistics several decades later. The purpose of the analysis is to reveal the essence of the theory, the provisions of which are not only quite harmoniously consistent with the results of modern theories that have developed within the framework of other linguistic paradigms, but also provide answers to questions that are still interpreted by linguists as fundamental and nuclear in the study of language as a means of cognition and communication. Awareness of this issue prompts us to abandon the analysis of individual linguistic conceptions with the methodological attitude "outdated theories vs. latest theories". Therefore, it is feasible to treat theories as more or less adequate to the essence of the problem under consideration. The latter should be interpreted taking into account the level of development of science achieved at a certain stage. Also, the theories should be evaluated according to their more or less significant contribution to the study of a linguistically significant issue.

Keywords: verb as the structural center of a sentence; valency theory; nominativ-communicative function of a sentence; sentence modeling

Людмила И. Гришаева
Воронежский государственный университет

Ретроспективный анализ теории валентности Бориса Абрамова

Статья посвящена ретроспективному анализу объяснительной силы концепции, сложившейся в своей основе к середине 1960-х гг. и получившей широкое распространение как по причине теоретического вклада в осмысление актуальных проблем и перспективности предлагаемых решений наиболее дискуссионных на то время лингвистических проблем, так и в силу прикладной значимости полученных в рамках этих теорий ответов на острые обще- и частнотеоретические вопросы. Одной из известных и получивших заслуженное признание в грамматике зависимостей стала версия теории валентности, разработанная Борисом Абрамовым. При анализе теории Абрамова акцент делается на изначально комплексном характере основных тезисов, лежащих в основе излагаемой концепции, которая последовательно учитывает — в отличие от доминирующих в то время подходов к осмыслению феномена «валентность» — логические, лексико-семантические, семантико-функциональные, морфологические, синтаксические особенности как носителя валентности, так и его окружения. Обращается внимание на то, что количественный и качественный аспекты валентностных свойств глагола в анализируемой концепции изучаются в немецкой глагольной системе в целом при описании свойств и валентных классов, выделяемых по названным выше основаниям, и семантических классов глаголов. Наиболее значимые положения теории валентности Абрамова анализируются в контексте теоретических постулатов, получивших широкое распространение в лингвистике несколько десятилетий позже. Цель анализа — раскрыть суть концепции, положения которой не только вполне гармонично согласуются с результатами современных теорий, сложившихся в рамках иных лингвистических парадигм, но и дают ответы на вопросы, которые до сих пор осмысляются лингвистами в качестве фундаментальных и ядерных при изучении языка как средства познания и коммуникации. Осознание данного обстоятельства побуждает отказаться от анализа отдельных лингвистических концепций с методологической установкой «теории устаревшие ⇔ новейшие теории». Целесообразным представляется осмысление теорий как более или менее отвечающих сущности рассматриваемой проблемы, теорий, трактуемых с учетом уровня развития науки, достигнутого на определенном ее этапе, и вносящих весомый вклад в изучение того или иного лингвистически значимого вопроса.

Ключевые слова: глагол как структурный центр предложения; теория валентности; номинативно-коммуникативная функция предложения; моделирование предложений

Для цитирования:

Grishaeva L. I. Eine Theorie, die der Zeit voraus war, retrospektiv betrachtet, Oder die Aussagekraft der Valenztheorie von Boris Abramow // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 95—114.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-95-114.

To cite this Article:

Grishayeva, Lyudmila I. (2023) Eine Theorie, die der Zeit voraus war, retrospektiv betrachtet, Oder die Aussagekraft der Valenztheorie von Boris Abramow (Retrospective Analysis of Boris Abramov's Valency Theory). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 95—114. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-95-114.

Статья поступила в редакцию 29.01.2023; принята к публикации 04.03.2023

The article was submitted 29.01.2023; accepted for publication 04.03.2023

Б. А. Дюбо

Санкт-Петербургский национальный исследовательский
Академический университет им. Ж. И. Алферова
Российской академии наук

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф. ГЕЛЬТЕРГОФА И ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ ГЕРНГУТЕРОВ

Статья посвящена Францу Гельтергофу (1711 — 1805), плодотворно и новаторски проявившего себя в качестве создателя словарей и грамматик как русского, так и немецкого языков. Цель исследования: выявить методы обучения иностранным языкам, которые были заложены в учебнике немецкой грамматики Гельтергофа и были созвучны его религиозным единомышленникам — гернгутерам, чья деятельность в России осуществлялась более, чем 150 лет (1735 — 1892). Эти методы значительно отличались от распространенных тогда методов, в частности от тех, которые использовали филантрописты, приверженцы педагогического течения в Германии, получившего распространение и в России XVIII века. Проводится сравнение взглядов и представлений Гельтергофа и его современников о роли работы над грамматикой в контексте разных подходов к преподаванию языка. При анализе словарей и грамматик Гельтергофа обнаружено, что в своем учебнике немецкой грамматики на русском языке он был одним из первых, кто предпочитал терминологическую лексику *Российской грамматики* М. В. Ломоносова, а не своих предшественников — авторов немецких грамматик в России или в Германии. В лингводидактике Гельтергофа большую роль играет формирование грамматической компетенции. Он считал за лучшее использовать рациональный, не поверхностный подход в усвоении грамматического материала, направленный на постижение сути грамматического правила. Вместо произвольного воспроизведения образцов, характерного для разговорного метода, Гельтергоф предлагал строить речь по правилам с использованием знания грамматических единиц. В обучении немецкому языку у Гельтергофа есть ряд особенностей в методическом плане, обусловленных его приверженностью гернгутерским морально-этическим и конфессиональным традициям, что находило отражение в созданной им учебной литературе.

Ключевые слова: гернгутеры; Франц Гельтергоф; филантрописты; обучение; грамматика; иностранный язык; метод; подход

Введение

В сфере создания словарей и грамматик как русского, так и немецкого языков весьма плодотворно и новаторски проявил себя Франц Гельтергоф (1711 — 1805), представитель одного из религиозных направлений в христианстве, общины гернгутеров, деятельность которых в России осуществлялась более, чем 150 лет (1735 — 1892) (TEIGELER 2006: 27). Его немецкая грамматика на русском языке издавалась много раз с 1770 г. по 1825 г. К. Кох очень обстоятельно дала характеристику разделов немецкой грамматики Гельтергофа, отметила его представления о языковой дидактике, совпадающие с таковыми у представителей педагогического направления филантропизма (КОСН 2002: 332). Нам представляется интересным рассмотреть в данной статье, какое место Гельтергоф отводил грамматике в учебном процессе, а также выявить методы обучения немецкому языку, которые были созвучны его религиозным единомышленникам и весьма отличались от распространенных тогда методов, в частности от тех, которые использовали филантрописты.

1. Деятельность гернгутера Франца Гельтергофа в России

Предыстоки гернгутерских общин лежат в религиозном движении моравских (богемских) братьев Чехии XV в. Эта Евангелическая Братская община объединила последователей различных течений протестантизма: кальвинистов, лютеран, пиетистов и других. Объединение движения моравских братьев в рамках пиетизма произошло в Германии в 20-х гг. XVIII в. и получило название Herrnhut (Гернгут, «убежище (защита) Господа») (РЫЖАКОВА 2010: 8).

В России религиозная пропаганда гернгутеров среди православных была запрещена. Их учение находило поддержку только в прибалтийских провинциях. Хотя гернгутеры действовали в традициях пиетистов, но последние ревниво относились к деятельности гернгутеров и препятствовали их работе в России. Лишь с приходом к власти Екатерины Великой им удалось получить разрешение на поселение и ведение проповеднической деятельности, но только среди язычников (TEIGELER 2006: 216, 504). Согласно заключению Священного Синода 22 декабря 1763 г. Общину признали «Братством протестан-

стантского толка, принадлежащим Аугсбургской конфессии», ее вероучение — сходным с апостольским, обрядность — похожей на лютеранскую и реформатскую» (МЕДВЕДЕВ 2007: 99).

Гернгутеры планировали начать миссионерскую работу на южных окраинах империи и далее продвинуться сухопутными путями в Китай, Индию, Монголию, Персию и др. (КУРЫШЕВ и др. 2017: 16-17). Гернгутер Арвид Градин (Arvid Gradin) (1704 — 1757), который путешествовал по России с 1743 по 1747 гг., отмечал, что русский язык был настолько распространен, что через него можно найти доступ к «тем соседствующим с Россией народам, как калмыки, татары, болгары, которые тоже говорят по-русски» (GRADIN 1747). Использование русского языка для установления контактов гернгутеров с соседними народами впоследствии ограничено применялось в основанной гернгутерами на Волге колонии Сарепта (близ Царицына в Астраханской губ.), которая имела подворья в Петербурге и Москве, затем в Астрахани и Дерпте. В Петербурге гернгутеры, которых называли еще «Братское общество», отправляли свое богослужение в домовый церкви, построенной в 1773 г. на Крюковом канале (ГЕОРГИ 1794: 278).

Гельтергоф учился в Галльском университете. Галле был тогда центром пиетизма, а гернгутеры стали активными пропагандистами идей «возрожденного пиетизма». До конца своей жизни Гельтергоф оставался верен братству гернгутеров, космополитическому и универсалистскому протестантскому направлению. В 1747 г. Гельтергоф прибыл в Российскую империю и преподавал на острове Эзель в тогдашней Эстляндии. Проводя активную миссионерскую деятельность за рубежом, он стремился упростить церковь и приблизить ее к народу, повысить уровень массового образования. Вследствие верности движению гернгутеров Гельтергоф перенес немало лишений. Во время пребывания на острове Эзель в 1747 г. он был арестован за принадлежность к гернгутерам, которые в то время в Российской империи были под запретом как секта, и препровожден в Петербург, а позже в Казань.

Описанию пребывания Гельтергофа в Казани и возвращению из ссылки в Петербург посвящено несколько страниц в

книге русского романиста Евгения Андреевича Салиаса де Турнемир (1840 — 1908), известного современникам как граф Салиас, в его остросюжетном историко-авантюрном повествовании *Петербургское действо*. В это время в Казани была открыта гимназия, куда учеником поступил пятнадцатилетний Гаврила Романович Державин (1743 — 1816). «Открытие гимназии и место учителя спасло его (Гельтергофа — Б. Д.) не только от нищеты, но даже от голодной смерти <...> Державин <...> искренне привязался к ссыльному учителю» и навещал его позже в Петербурге (САЛИАС 2010: 76-81). Освободившись лишь при Екатерине II в 1763 г., Гельтергоф преподавал немецкий язык в Московском университете. Некоторое время являлся торговым представителем в Москве колонии в Сарепте. После семнадцатилетней службы в университете вышел в отставку в 1780 г. и жил в Сарепте до своей смерти в 1805 г.

2. Особое функционально-целевое назначение *Целлария Гельтергофа, роль грамматики в обучении языку*

В последней трети XVIII в. появился особый тип учебников для изучения русского языка для немцев и немецкого языка для русских — «разговорные книги» («Gesprächs-Bücher») (ВЕРКОВ 1958: 79). В 80-х гг. XVIII в. Екатерина Вторая предпочла при создании государственных народных училищ взять за образец не модель филантропистов, с их слишком либеральными идеями и критикой религиозной нетерпимости, а австрийскую систему образования, нацеленную на взращивание полезных и послушных подданных. Тем не менее в определенной степени сохранялся интерес к «разговорным книгам» филантропистов как к справочной литературе для изучающих языки. Использовались как иностранные учебные пособия, так и созданные в самой России. Среди последних следует отметить *Книгу для начинающих читать и размышлять* филантрописта Кристиана Генриха Вольке (Christian Heinrich Wolke, 1741 — 1825) (WOLKE 1785). Само название уже говорит, что это не столько учебник для изучения языка, а скорее, по мнению самого автора, «eine elementarische Encyclopädie» (ibid.: 279).

Вольке полагал, что изучать грамматику, как таковую, например, используя *Sprachlehre* И. К. Аделунга (ADELUNG 1781a),

можно успешно только после прохождения соответствующих разделов в написанной им книге (WOLKE 1785: 7). Будучи сподвижником Иоганна Бернхарда Базедова (Johann Bernhard Basedow, 1724 — 1790), основавшего в 1774 г. в Дессау филантропинум — воспитательно-учебное учреждение, отвечающее основным положениям филантропизма, Вольке следовал в своих педагогических устремлениях методике преподавания иностранных языков Базедова, который является автором *Первоначального обучения* (BASEDOW 1785; впервые издано в 1774 г.), где приводились элементарные сведения по различным наукам и искусствам. Эта детская энциклопедия служила одновременному изучению предметов и латинского и французского языков. Приложением к *Первоначальному обучению* служило *Методическое руководство для отцов и матерей семейств и народов* (BASEDOW 1773), печатались отдельные альбомы (Kupfersammlung) с гравюрами по рисункам Даниеля Ходовецкого (Daniel Nikolaus Chodowiecki, 1726 — 1801). Альбом, изданный в 1770 г., содержал 53 гравюры, а в издании 1774 г. добавились еще 47 (BASEDOW 1774).

У него, как у Коменского (Comenius, Johann Amos. Orbis Sensualium Pictus. Nürnberg: Endter, 1658 — *Б. Д.*) наглядность представляется просто на просто (sic!) легким и удобным средством быстро сообщить детям разнообразные полезные знания, не насилуя, не принуждая детей, а завлекая их картинкой и игрой, возбуждая их интерес (КАПТЕРЕВ 1915: 287-288).

Использование филантропистами разговорного метода в преподавании языков не предусматривало прохождение грамматики или предполагало лишь ее ограниченное изучение. В сочинении *Агатограф, или о воспитании будущих регентов*, описывая пути обучения принца, Базедов пишет:

...более высокая степень грамматической правильности, чем та, которую они (наставники и собеседники с превосходным знанием языка — *Б. Д.*) могли бы дать князю посредством общения, предметных занятий и одних упражнений, была объявлена излишней. Поэтому словарь и грамматика были полностью исключены из учебной библиотеки принцев (BASEDOW 1771: 43).

В трактате *Методическое руководство* Базедов также подчеркивает, что умение

понимать каждую книгу и речь <...> в возрасте до пятнадцати лет может соответствовать и без грамматической практики такой степени правильности, которая общепринята на местном языке среди благовоспитанных, но необразованных граждан (BASEDOW 1773: 157).

И только в том случае, по мнению Базедова,

если необходимо в виду условий их будущего образа жизни; то оно (владение языком — Б. Д.) также потребует добавления к этой необходимой части обучения. Каждому языку нужно будет тогда около полугода для грамматического обучения и для практики, связанной с ним <...> Я хочу не исключать грамматику из списка предметов; а только отвести ей правильное место после окончания практического обучения языку (ibid.: 159).

Иначе к вопросу использования грамматики в обучении языку подходит Гельтергоф. В 1765 г. выходит немецкий *Целларий* Гельтергофа, а в 1769 г. — его французский *Целларий* (HAUSMANN & al. 1991: 3074). Они названы по имени профессора из Галле Христофора Целлария (1638 — 1707), автора словопроизводного словаря для изучения латыни с пояснениями на немецком языке (CELLARIUS 1689). В 1771 г. Гельтергоф издал *Российской Целларийус, или Этимологической российской лексикон*. «Оной не собственно для приискивания слов, к чему алфавитным порядком разполагаемые Лексиконы, суть удобнейшими, зделан», <...> а чтобы «разбирать, как естественным образом производныя и сложныя от своих первообразных выводятся» (ГЕЛЬТЕРГОФ 1771: 2-2v).

Этимологический лексикон Гельтергофа вышел на 20 лет раньше *Словаря академии Российской* (1789 — 1794) и «был настольной книгой для составителей «Словаря Академии Российской», они постоянно обращались к нему, как к авторитетному справочнику по вопросам словопроизводства» (КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК 2015: 18). Поскольку Гельтергоф в изучении языков отводил важное место грамматике, то помимо подробной этимологической характеристики слов его словарь в отличие от других изданий содержал специальное приложение, посвященное грамматике русского языка *Kurzgefaßte russische Grammatica* («Краткая русская грамматика») (ГЕЛЬТЕРГОФ 1771: 635-655). В нем приводятся алфавит и правила чтения, особенности склонения и спряжения, примеры парадигм

в виде таблиц. Непосредственно в таблице также даются пояснения, свидетельствующие о понимании различия между современным ему русским языком и формами, имевшими употребление в церковнославянском (slavonisch). Например, в парадигме спряжения глагола «быть» отмечается неупотребительность «есмь» в 1-м, 2-м лице наст. вр. ед. и мн. ч. (ibid.: 648).

Учитывая то, что *Российский Целларуус* Ф. Гельтергофа содержал материалы по словообразованию и грамматике, его назначение гораздо шире, чем справочная литература типа «разговорных книг», служащих для обучения разговорным методом. Существенным отличием от филантропистов является то, что в лингводидактике Гельтергофа большую роль играет формирование грамматической компетенции.

3. Немецкая грамматика Гельтергофа

В отличие от своих предшественников, например, М. Шванвица, М. И. Агентова, Ф. П. Шарова, компилировавших немецкие грамматики, изданные в Германии или в России, Гельтергоф значительно самостоятельнее в написании грамматики немецкого языка (КОСН 2002: 269-270). Отношение Гельтергофа к изучению грамматики проявляется в названии его немецкой грамматики, которое само говорит о важности ее подробного изложения и необходимости усвоения должным образом: Hölterhof F. *Нѣмецкая грамматика: Въ которой не токмо всѣ части рѣчи или произведение словъ, но и синтаксисъ или сочинение словъ, оба надлежащими примѣрами объяснены.* Въ пользу Россійскаго юношества издана учителемъ Нѣмецкаго языка въ Московскомъ Императорскомъ университетѣ. М.: Университетская типографія, 1770.

В предисловии Гельтергоф отмечает, что в его грамматике есть раздел синтаксиса: «Намъ, кои здешнее юношество въ Нѣмецкомъ языкѣ наставлятъ старались, не доставало печатнаго Синтаксиса» (ГЕЛЬТЕРГОФ 1770. Предисловие сочинителя немецкой грамматики Гельтергофа: Благосклонный читатель). Синтаксис, как известно, отсутствовал в вышедшем в 1762 г. до появления сочинения Гельтергофа первом издании составленной на русском языке немецкой грамматики М. И. Агентова (АГЕНТОВ 1762). «Агентов взялся перевести на русский язык синтаксис г. Базедова, которым снабдил его г. профессор Рей-

хель» (ПЕНЧКО 1960: 237). Иоганн Готфрид Рейхель был преподавателем Московского университета. Однако «с прибавлением синтаксиса» грамматика была напечатана посмертным изданием лишь в 1779 г. (ibid.: 329).

Гельтергоф одним из первых пытается использовать в немецких грамматиках на русском языке складывающуюся русскую грамматическую терминологию, используемую М. В. Ломоносовым и А. А. Барсовым. По традиции большинству научных грамматик (как и других гуманитарных трактатов) давалось название «Искусство»: Искусство говорить, Искусство писать, Искусство думать и т. д. (РЕФЕРОВСКАЯ 1996: 45). И в XVIII в. слово «искусство» в названиях немецких грамматик не противоречит их научному характеру (WEIB 1993: 63). Так, слово *Sprachkunst* используют И. К. Готтшед (GOTTSCHED 1748: 1) и И. К. Аделунг. Последний отмечает, что термины *Sprachkunst* и *Sprachlehre* синонимичны (ADELUNG 1781b: 92).

Но в первой научной грамматике русского языка М. В. Ломоносова уже нет слова «искусство»:

общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова российская грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению (ЛОМОНОСОВ 1755: 40).

Как наука, или знание определяется грамматика позже и у А. А. Барсова:

Российская Грамматика есть наука, или знание исправно читать, говорить и писать на российскомъ языкѣ по лучшему и рассудительному его употреблению (БАРСОВ 1981: 39).

Гельтергоф не следует терминологической традиции, сложившейся в предшествующих немецких грамматиках, изданных в России или в Германии, и в русской терминологии до Ломоносова периода, которые и в XVIII в. используют слово «искусство». Например, Базедов продолжает употреблять термин *Sprachkunst* наряду с другими: «Die Grammatik, Sprachlehre oder Sprachkunst, besteht aus den erwehnten vier Theilen» (BASEDOW 1759: 3). У М. Шванвица слово «искусство» встречается и в русском и немецком тексте его грамматики: «Die Grammatica ist eine Kunst, rein zu reden und recht zu schreiben» (SCHWANWITZ 1730: 2);

«Грамматика есть искусство, право глаголати и писати» (ibid.: 3). В противоположность им еще до Гельтергофа И. М. Греч в *Немецкой грамматике, сочиненной в пользу и употребление благородного юношества при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе* (СПб., 1760) переводит немецкое Sprachkunst (GOTTSCHED 1748: 1) уже становящимся в России привычным словом «наука»: «Грамматика есть наука чисто говорить и правильно писать» (ГРЕЧ 1760: А). И это при том, что значительно сокращенная Гречем научная грамматика Готтшеда была только практическим пособием для изучения немецкого как иностранного. М. И. Агентов (1740 — 1769) тоже употребляет русское слово «наука», хотя и сохраняет немецкий термин Sprachkunst: «Грамматика (die Sprachkunst) есть наука, которая показывает, какь правильно писать и чисто слова произносить» (АГЕНТОВ 1762: 1). Гельтергоф тоже следует ломоносовской терминологии и отказывается от слова «искусство»: «Грамматика есть наука, показывающая правильное писание и чистое словъ произношение» (ГЕЛЬТЕРГОФ 1770: 1).

4. Методическая специфика и роль религиозно-этических принципов в обучении иностранному языку у Гельтергофа и филантропистов

В конфессиональной культуре гернгутерского движения значительную роль играла дидактика; примечательно, что последний епископ церкви моравских братьев Ян Амос Коменский (1592 — 1670) стал основателем современной педагогической системы унифицированного школьного образования (РЫЖАКОВА 2010: 8).

В установках по обучению языку у Гельтергофа есть ряд особенностей в методическом плане, обусловленных его приверженностью гернгутерским морально-этическим и конфессиональным традициям, что находило отражение в созданной им учебной литературе. Это отличало его от практики филантропистов.

Совершенствуя систему организации обучения, филантрописты широко используют игровые приемы при урочной форме занятий. Так, например, раздел о буквах в программном сочинении Базедова *Первоначальное обучение* своим названием уже указывает на игровую форму: «Игра: Произносим по буквам» (Das Buchstabierspiel) (BASEDOW 1785: 38). По Базедову, знания даются универсально. До определенного возраста в игровой

форме происходит объяснение и выяснение, что это за вещь, и одновременно заучивают, как она называется на латинском языке. Латынь следует учить, как и немецкий язык, в игровой форме, много читая и не привлекая грамматик (ibid.: 81, 82).

В противоположность филантропистам в учебных заведениях гернгутеров наблюдалось отрицательное отношение к игре на уроках. Об этом пишет теолог Кристиан Август Людвиг Кирхгоф (Kirchhoff, Christian August Ludwig, 1764 — 1795), современник Гельтергофа, занимавшийся историей гернгутеров: «молодые люди учатся правильно понимать грамматику и не одобряются занятия в игровой форме, как это часто входит в моду» (KIRSCHHOFF 1794: 38). Это был явный намек на филантропистов.

Филантрописты активно проводили принцип наглядности при изучении языков:

С помощью картинок учителя легче поймут, когда он повторяет знакомые вещи на иностранном или мертвом языке, на которых дети благодаря этому естественному методу наиболее легко и быстро приобретают необходимые навыки (BASEDOW 1773: 154).

Иной подход в вопросе использования изображений у Гельтергофа. Образцом преподавания для него во многом были учебные заведения в центре пиетизма Галле, где Гельтергоф во время учебы в университете принимал активное участие в «Erbauungsstunden» (т. е. часах назидания, молитвенных часах), проводившихся в т. н. сиротском доме, основанном пиетистами (RECKE & NAPIERSKY 1859: 273). Пиетизм был наиболее близким направлением в протестантизме для гернгутера Гельтергофа. В грамматических произведениях пиетистов не было образительного материала, так как это предлагало игровую деятельность. Благочестивое аскетическое воспитание не допускало приятного обучения. Игра была «запрещена детям во всех школах, следуя Евангелию <...> они найдут свою истинную радость и сладостное удовлетворение только в своем добром и милостивом Спасителе» (ZIEGLER 1895: 185). Как и пиетисты гернгутер Гельтергоф не допускает в своих лексикографических и грамматических сочинениях никаких изображений. Визуализация представлена у Гельтергофа более рационально и строго. Это использование таблиц, например, таблица склонения на немец-

ком с русским переводом сочетания *ein schöner Tag* 'изрядный день' в ед. и мн. ч. (ГЕЛЬТЕРГОФ 1770: 60). Базедов в грамматике 1759 г. использует таблицы значительно реже, в основном лишь как колонки парадигм (ср.: BASEDOW 1759: 14).

Если филантрописты пытались заменить зубрежку прежде всего наглядностью, то Гельтергоф, как сказано им в предисловии к его грамматике «Благосклонный читатель», предпочитает рациональный подход:

За пятьдесят лет тому назад, было употребительно под угрозой наказания будет принуждаемо все по сей Грамматике находящиеся Правила и Примечания от слово до слова на изусть выучать <...> но по Грамматике обязан учитель подчиненных своих заставлять более действовать разумом, ко чему в Этимологии по низу каждой страницы положенные вопросы вспомоществительны быть могут (ГЕЛЬТЕРГОФ 1770: Предисловие «Благосклонный читатель»).

Для поиска ответа на вопрос Гельтергоф указывает в каждом разделе своей грамматики соответствующий нужный для самостоятельной работы параграф из своего сочинения. Например, вопросы по разделу прилагательное: «Какой вид имя прилагательное самостоятельное имеет, и где оно полагается? §. 2. (sic!) Скажи мне пример о имени прилагательном самостоятельном? §. 2. Сколько *сiе* имя прилагательное степеней уравнения имеет? §. 2. Которой превосходительной степень употребляется при существительном глаголе? §. 2» (ibid.: 52-53).

На уроках филантропистов и в их учебных пособиях, не связанных непосредственно с религией, религиозная проблематика игнорировалась или выступала как несущественная деталь. Базедов полагает, что поскольку при смешении светского и духовного учения теперь нет согласия, то и рассмотрение многих дел является спорным. Поскольку «почти в каждом школьном учебнике, о чем бы он ни был, (кроме очень немногих) с самого начала видно, из какой церкви автор», то ему представляется «чрезвычайно важным, чтобы светское образование было совершенно отделено от духовного» (BASEDOW 1771: 215).

В отличие от филантропистов гернгутеры не были столь свободны от религиозных регламентаций в своих сочинениях.

Речь не идет о конфессиональной грамматике, которая и не могла иметь место в России XVIII в., поскольку ни пиетизм, ни гернгутерское направление в протестантизме, как уже отмечалось выше, не получили и не могли получить распространения среди коренного населения страны, так как, например, иностранным конфессиям было запрещено принимать участие в воспитании детей православных родителей (TEIGELER 2006: 395). Грамматика Гельтергофа на русском языке была предназначена именно для россиян.

Строгое следование гернгутеров христианскому учению предусматривало уделять большое внимание нравственному становлению личности. Гернгутеры вслед за пиетистами в образовательно-воспитательной сфере проповедовали, в первую очередь, аскетизм, много места уделяли беседам на духовно-нравственную тематику.

Не надобно забывать, что Гернгутеры, главным образом, связаны между собою религиозным учением, и не столько теоретическим, догматическим, сколько нравственным, в котором учение о любви к ближнему, о христианской кротости, уважении и повиновении к старшим занимает главное место (ЩЕГЛОВ 1891: 264).

Именно следуя великой цели гернгутеров: спасение душ христиан в Европе и привлечение язычников к истинной вере в других частях света — Гельтергоф в качестве миссионера оказался в России, где его знаниями заинтересовался куратор Московского университета В. Е. Ададулов и пригласил в Москву в университет, где Гельтергоф и создал свою грамматику немецкого языка (КУРЫШЕВ и др. 2017: 20). В ней, начиная со второго издания 1775 г., добавляется *Sammlung einiger Stücke aus guten Schriftstellern zur Uebung in der deutschen Sprache*. В это приложение вошли трактат Цицерона *Об обязанностях*, где излагается учение о нравственно хорошем и о полезном, а также идилии известного в России в этот период швейцарского поэта Соломона Гесснера (1730 — 1788), автора прозаических идилий, в которых пастухи и пастушки произносят речи во славу добродетели и невинности. Раздел поэтической хрестоматии и текстов нравоучительного содержания составляют, например, моралистические письма немецких поэтов Христиана Фюрхтеготта Геллерта (1715 — 1769),

Иоанна Якова Душа (1725 — 1787), лирические стихотворения богословов Иоганна Мартина Миллера (1750 — 1814) и Иоганна Андреаса Крамера (1723 — 1788) (ГЕЛЬТЕРГОФ 1775: 275-360).

5. Выводы

В лингводидактике Гельтергофа большую роль играет формирование грамматической компетенции. В отличие от филантропистов, практиковавших в изучении языков произвольное воспроизведение образцов, он предпочитал строить речь по правилам, используя знание грамматических единиц. Гельтергоф использует рациональный, не поверхностный подход к усвоению грамматического материала, но направленный на постижение сути грамматического правила. В своем учебнике немецкой грамматики на русском языке Гельтергоф был одним из первых, кто считал предпочтительнее применение терминологической лексики из *Российской грамматики* М. В. Ломоносова, а не своих предшественников — авторов немецких грамматик в России или Германии. Методическая специфика обучения иностранным языкам, заложенная в учебнике грамматики Гельтергофа, в отличие от филантропистов не предусматривает игровую форму проведения урока и использование изображений. В приложениях к грамматике Гельтергофа обучение правильному поведению определялось принципами христианского аскетизма, тогда как филантрописты, уделяя внимание нравственному становлению личности, не затрагивали вопросы религии в преподавании светских дисциплин.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Агентов М. И.* Краткая немецкая грамматика, собранная из разных авторов, в пользу российского юношества, переводчиком Михайлом Агентовым, обучающим в Гимназии Императорского Московского университета немецкой синтаксической класс. М.: печатана в Университетской типографии, чрез факт[ора] Гоiera, 1762. [Agentov, Mikhail I. (1762) *Kratkaya nemetskaya grammatika* (A Brief German Grammar). Moscow: pechatana v Universitetskoy tipografii, chrez fakt[ora] Goyera. (In Russian)].
- Барсов А. А.* Российская Грамматика. М.: Московский гос. ун-т, 1981. [Barsov, Anton A. (1981) *Rossiyskaya Grammatika* (Russian Grammar). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].

- Гельтергоф Ф.* Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон (= Der Russische Cellarius oder etymologisches russisches Wörterbuch, nebst einem Anhang von ausländischen, in der russischen Sprache angenommenen Wörter, desgleichen einer kurzgefaßten russischen Etymologie): Купно с прибавлением иностранных в российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною российской этимологию. М.: Печатан при Императорском Московском университете, 1771. [Hölterhof, Franciscus. (1771) *Rossiiskoy Tsellarius, ili Etimologicheskoy rossiiskoy leksikon* = *Der Russische Cellarius oder etymologisches russisches Wörterbuch* (The Russian Cellarius, or Etymological Russian Lexicon). Moscow: Pechatan pri Imperatorskom Moskovskom universitete. (In Russian)].
- Гельтергоф Ф.* Немецкая грамматика: Въ которой не токмо все части речи или произведение словъ, но и синтаксисъ или сочинение словъ, оба надлежащими примерами объяснены. Въ пользу российского юношества издана учителемъ немецкаго языка в Московском Императорском университете. М.: Печатана при университетской типографии, 1770. [Hölterhof, Franciscus. (1770) *Nemetskaya grammatika* (German Grammar). Moscow: Pechatana pri universitetskoi tipografii. (In Russian)].
- Гельтергоф Ф.* Немецкая грамматика: въ которой не токмо все части речи или произведение словъ, но и синтаксисъ или сочинение словъ, оба надлежащими примерами объяснены / в пользу российского юношества издана учителемъ немецкаго языка в Московском императорском университете. 2-е изд. Лейпциг: б/и, 1775. [Hölterhof, Franciscus. (1775) *Nemetskaya grammatika* (German Grammar). Leipzig: s. n. (In Russian)].
- Георги И. Г.* Описание столичнаго города Санкт-Петербурга. СПб.: при Императорском Шляхетном сухопутном корпусе, 1794. [Georgi, Iogann G. 1794 *Opisaniye stolichnago goroda Sankt-Peterburga* (Description of the Capital City of St. Petersburg). Saint Petersburg: pri Imperatorskom Shlyakhetnom sukhoputnom korpuse. (In Russian)].
- Греч И. М.* Немецкая грамматика, Сочиненная в пользу и употребление благороднаго юношества при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. СПб.: Печ. в тип. онагож Корпуса, 1760. [Grech, Ivan M. (1760) *Nemetskaya grammatika* (German Grammar). Saint Petersburg: Pech. v tip. onagozh Korpusa. (In Russian)].

- Картерев П. Ф. Дидактические очерки: Теория образования. Петроград: В. С. Клестов, 1915. [Karterev, Petr F. (1915) *Didakticheskiye ocherki: Teoriya obrazovaniya* (Didactic Essays: Educational Theory). Petrograd: V.S. Klestov. (In Russian)].
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2015. [Kozyrev, Vladimir A. & Chernyak, Valentina D. (2015) *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* (Lexicography of the Russian Language of the Current Century and the Past Century). Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russian)].
- Курьшев А. В., Лосицкий С. Н., Максимов А. А., Медведев В. Н. Сарепта: история успеха. Волгоград: Издатель Альянс «Югполиграфиздат», 2017. [Kuryshv, Andrey V.; Lositskiy, Sergey N.; Maksimov, Andrey A. & Medvedev, Viktor N. (2017) *Sarepta: istoriya uspekha* (Sarepta: a Success Story). Volgograd: Yugpoligrafizdat. (In Russian)].
- Ломоносов М. Российская грамматика. СПб.: Академия наук, 1755. [Lomonosov, Mikhail. (1755) *Rossiyskaya grammatika* (Russian Grammar). Saint Petersburg: Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Медведев В. Н. Миграционные процессы населения (гернгутеров) Сарепты. Вторая половина XVIII — середина XIX вв. // Сарепта. Историко-этнографический вестник. Вып. 3. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2007. С. 92—125. [Medvedev, Viktor N. (2007) *Migratsionnyye protsessy naseleniya (gernguterov) Sarepty. Vtoraya polovina XVIII — seredina XIX vv.* // Sarepta. *Istoriko-etnograficheskiy vestnik* (Sarepta. Historical and Ethnographic Bulletin), 3, 92—125. (In Russian)].
- Пенчко Н. А. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. М.: Московский гос. ун-т, 1960. [Penchko, Nina. A. (1960) *Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroy poloviny XVIII veka* (Documents and Materials on the History of Moscow University in the Second Half of the 18th Century), vol. 1. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Реферовская Е. А. Философия языка и грамматические теории во Франции (из истории лингвистики). СПб.: Петербург — XXI век, 1996. [Referovskaya, Yelizaveta A. (1996) *Filosofiya yazyka i grammaticheskiye teorii vo Frantsii (iz istorii lingvistiki)* (Philosophy of Language and Grammatical Theories in France (from the History of Linguistics). Saint Petersburg: Petersburg — XXI vek. (In Russian)].

- Рыжакова С. И. «И многие души пробудились». О роли гернгутерского движения в латышской этнической истории и культуре. [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 1—42. [Ryzhakova, Svetlana I. (2010) «I mnogiye dushi probudili'». O roli gernguterskogo dvizheniya v latyshskoy etnicheskoj istorii i kul'ture ("And many souls awakened". On the Role of the Herrnhuter Movement in the Latvian Ethnic History and Culture). *Antropologicheskij forum* (Anthropological Forum), 12, 1—42]. (In Russian)].
- Салиас-де-Турнемир Е. А. Петербургское действо. Т. 1 М.: Мир книги, Литература. 2010. [Salias-de-Turnemir, Evgeniy A. (2010) *Peterburgskoe deystvo* (Petersburg Action), vol. 1. Moscow: Mir knigi, Literatura. (In Russian)].
- Щеглов Д. Ф. История социальных систем от древности до наших дней: [С прил. отр. из соч. философов]: В 2-х т., Т. 1. Санкт-Петербург: тип. И. Н. Скороходова, 1891. [Shcheglov, Dmitriy F. (1891) *Istoriya sotsial'nykh sistem ot drevnosti do nashikh dnei* (The History of Social Systems from Antiquity to the Present Day), vol. 1. Saint Petersburg: I. N. Skorokhodov. (In Russian)].
- Adelung, Johann Ch. (1781a) *Deutsche Sprachlehre: Zum Gebrauche der Schulen in den Königl. Preuß. Landen*. Berlin: Voß.
- Adelung, Johann Ch. (1781b) *Über die Geschichte der Deutschen Sprache, über Deutsche Mundarten und Deutsche Sprachlehre*. Leipzig: Breitkopf.
- Basedow, Johann B. (1759) *Neue Lehrart und Uebung in der Regelmässigkeit der teutschen Sprache*. Kopenhagen: Ackermann.
- Basedow, Johann B. (1771) *Agathokrator: oder von Erziehung künftiger Regenten nebst Anhang und Beylagen*. Leipzig: Bey des Verfassers Freuen und in Commission bey C. Fritsch.
- Basedow, Johann B. (1773) *Das Methodenbuch für Väter und Mütter der Familien und Völker*. Dessau: Fritsch.
- Basedow, Johann B. (1774) *Kupfersammlung zu J. B. Basedows Elementarwerke für die Jugend und ihre Freunde*. Erste Lieferung in 53 Tafeln. Zweite Lieferung in 47 Tafeln von L bis XCVI. Berlin und Dessau: s. n.
- Basedow, Johann B. (1785) *Das Basedowische Elementarwerk: ein Vorrath der besten Erkenntnisse zum Lernen, Lehren, Wiederholen und Nachdenken*. Leipzig: Crusius.
- Berkov, Pavel. (1958) Deutsch-russische kulturelle Beziehungen im 18. Jahrhundert. In: Berkov, Pavel N.; Figurovskiy, Nikolay A.; Zubov, Valentin P. & Winter, Eduard. (eds) *Die deutsch-russische Begegnung*

und Leonard Euler. Berlin: Akademie-Verlag, 64—85.

- Cellarius, Christoph. (1689) *Latinitatis-Probatae-ſ̄ exercitae-Liber Memorialis*. Merseburgi: Forbergerus.
- Gottsched, Johann Ch. (1748) *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*. Leipzig: Breitkopf.
- Gradin, Arvid. (1747) Arvid Ciradins Relation von seiner Petersburgischen Deputation. In: Teigeler, Otto. (2006) *Die Herrnhuter in Russland. Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten*. Göttingen: Vandenhooek & Ruprecht, 197.
- Hausmann, Franz Josef; Burkhardt, Armin; Ungeheuer, Gerold & al. (eds) (1991) *Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Kirchhoff, Christian A. L. (1794) *Kurze Darstellung der Geschichte der so genannten Herrnhuter oder Brüdergemeine*. Berlin: s. n.
- Koch, Kristine. (2002) *Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts*. Berlin; New York: Gruyter.
- Recke, Johann F. & Napiersky, Karl E. (1859) *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, und Kurland. Nachträge und Fortsetzungen*. Bd. 1. Mitau: J. F. Steffenhagen und Sohn.
- Schwanwitz, Martin. (1730) *Die Teusche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen*. Saint Petersburg: Gedruckt in der Academischen Buchdruckerey.
- Teigeler, Otto. (2006) *Die Herrnhuter in Russland. Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten*. Göttingen: Vandenhooek & Ruprecht.
- Weiß, Helmut. (1993) Deutsche Universalgrammatiken aus der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. In: Dutz, Klaus D. (ed.) *Sprachwissenschaft im 18. Jahrhundert. Fallstudien und Überblicke*. Münster: Nodus, 59—76.
- Wolke, Christian H. (1785) *Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken*. St. Petersburg: Breitkopf.
- Ziegler, Theobald. (1895) *Geschichte der Pädagogik*. München: Beck.

Boris A. Djubo

Alferov Federal State Budgetary Institution of Higher Education
and Science Saint Petersburg National Research Academic University
of the Russian Academy of Sciences

**Linguodidactic Activity of F. Hölderhof
and Features of Teaching the Language to Herrnhuters**

The article is devoted to Franz Hölderhof (1711 — 1805), who proved himself prolific and innovative as the creator of dictionaries and grammar textbooks of both Russian and German languages. The purpose of the study is to identify the methods of teaching foreign languages laid down in Hölderhof's German grammar textbook, which were in tune with his religious like-minded Herrnhuters, whose activities in Russia were carried out for more than 150 years (1735 — 1892). These methods differed considerably from those prevailing at that time, in particular from those used by the philanthropists, proponents of the pedagogical current in Germany which was also spread in Russia at the end of the 18th century. The article presents the comparison of the views and ideas of Hölderhof as well as his contemporaries about the role of working on grammar in the context of different approaches to language teaching. When analyzing Hölderhof's dictionaries and grammars, it was found that in his textbook of German grammar in the Russian language, Hölderhof was one of the first who preferred the terminological vocabulary of M. V. Lomonosov's *Russian Grammar*, rather than his predecessors — the authors of German grammars in Russia or in Germany. The formation of grammatical competence plays an important role in Hölderhof's linguodidactics. He considers it best to use a rational, nonsuperficial approach in mastering grammatical material, aimed at understanding the essence of the grammatical rule. Instead of the involuntary reproduction of samples, typical of the conversational method, Hölderhof proposed to build speech by the rules using knowledge of the grammatical units. Hölderhof's German language teaching had a number of methodological peculiarities stemming from his commitment to the Herrnhuters' ethical and confessional traditions, which were reflected in the teaching literature he produced.

Keywords: Herrnhuters; Franz Hölderhof; philanthropists; teaching; grammar; foreign language; method; approach

Для цитирования:

Дюбо Б. А. Лингводидактическая деятельность Ф. Гельтергофа и особенности обучения языку гернгутеров // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 115—133.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-115-133.

To cite this Article:

Djubo, Boris A. (2023) Lingvodidakticheskaya deyatel'nost' F. Gel'tergofa i osobennosti obucheniya yazyku gernguterov (Linguodidactic Activity of F. Höltterhof and Features of Teaching the Language to Herrnhuters). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 115—133. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-115-133.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; принята к публикации 15.03.2023

The article was submitted 26.01.2023; accepted for publication 15.03.2023

A. V. Ivanov

Staatliche linguistische Universität Nishnij Nowgorod

**DIPHTHONG: EINE SPRACHGESCHICHTLICHE
UND LEXIKOGRAPHISCHE BESCHREIBUNG
DES DEUTSCHEN TERMINUS**

Der Beitrag befasst sich mit der Geschichte des Terminus *Diphthong* und dessen Aufnahme in das terminologische System der deutschen Sprachwissenschaft. Auf Grund der Analyse literarischer, wissenschaftlich-theoretischer und lexikographischer Quellen, die in Deutschland vom 15. bis zum 18. Jh. veröffentlicht wurden, zeichnet der Autor die Entwicklung des phonetischen Status des Diphthongs nach, identifiziert und systematisiert zahlreiche terminologische Bezeichnungen zur Wiedergabe des semantischen Inhalts des Begriffs *Diphthong*. Die erste Erwähnung des Diphthongs im Status des linguistischen Terminus geht vermutlich auf das Jahr 1524 zurück. Bis zur Mitte des 18. Jhs hielten deutsche Grammatiker fälschlicherweise nicht nur echte Diphthonge, sondern auch Umlaute und doppelte Vokale für Diphthonge. Die Anzahl solcher Vokalbuchstabenverbindungen erreichte damals 46. Vom 15. bis zur Mitte des 18. Jhs wurden in grammatikalischen Abhandlungen in der Regel nichtassimilierte griechisch-lateinische Bezeichnungen des Terminus verwendet. In der Folgezeit wurde das griechisch-lateinische Etymon teilweise eingedeutscht. Seit der ersten Hälfte des 16. Jhs tauchten deutschsprachige Entsprechungen des Terminus (Dublekken) auf, deren Anzahl zum Ende des 18. Jhs mindestens zwanzig Benennungen aufweist. Die meisten Dubletten spiegeln die bivokalische Natur des Diphthongs wider. Die am weitesten verbreitete und nachhaltigste Dublettenform ist *Doppellaut*, der eine Lehnübersetzung des griechisch-lateinischen Etymons darstellt und bis heute erhalten geblieben ist. Die erste lexikographische Fixierung des Terminus *Diphthong* stammt aus dem Jahr 1537. Die Studie bedient sich der Methoden der historisch-linguistischen, semantischen und Definitionsanalyse.

Schlüsselwörter: Diphthong; Phonetik; Lexikographie; sprachwissenschaftlicher Terminus; terminologische Semantik; historisch-linguistische Analyse

1. Einleitung

Der Beitrag ist der Geschichte des Terminus *Diphthong* gewidmet, der als eine sprachliche Einheit des deutschen linguistischen terminologischen Systems gilt. Ziel des Autors ist es, die Geschichte des Vor-

kommens des Terminus im Sprachgebrauch zu beschreiben, mögliche Parallelbezeichnungen für die jeweilige terminologische Einheit zu identifizieren und die Entwicklung des phonetischen Status des Diphthongs vom 15. bis zum 18. Jh. zu verfolgen. Das Auftauchen der Bezeichnung *Diphthong* als Wort ohne terminologischen Status geht auf die Zeit um 1400 zurück. Als linguistischer Terminus zur Bezeichnung von bivokalischen Lautkombinationen lässt sich der *Diphthong* 1524 in der Grammatik von Philipp Melanchthon auffinden. Der Terminus wurde von der deutschen Sprache grammatisch assimiliert und praktisch als direkte griechisch-lateinische Entlehnung verwendet. In seiner eingedeutschten Form findet sich der Terminus 1534 in Valentin Ickelsamers Grammatik. Um diese Zeit tauchen auch seine ersten muttersprachlichen terminologischen Dubletten in grammatischen Werken auf.

Im Laufe seiner Geschichte wurde der Terminus *Diphthong* von den deutschen Sprachwissenschaftlern unterschiedlich behandelt. Zu den Diphthongen gehörten nicht nur echte Diphthonge, sondern auch Umlaute, Doppelvokale und quasi-diphthongische Lautverbindungen, deren Anzahl bei verschiedenen Autoren zwischen drei und sechzehn variierte. Erst gegen Ende des 18. Jhs begann die Semantik des Terminus die tatsächliche Natur dieses phonetischen Phänomens widerzuspiegeln, und die Zahl seiner zahlreichen terminologischen Bezeichnungen wurde auf zwei Hauptbenennungen reduziert — *Diphthong* und *Doppellaut*.

2. Material und Forschungsmethoden

Als Forschungsmaterial treten deutsche literarische Quellen, Grammatiken, grammatische Abhandlungen und Wörterbücher auf, die zwischen 1400—1799 in Deutschland erschienen sind. Die wissenschaftlich-theoretischen Quellen werden nach dem chronologischen Prinzip gruppiert: (1) Die im 16. Jh. erschienenen Quellen (Grammatiken von Philipp Melanchthon, Fabian Franck, Valentin Ickelsamer, Johann Meichssner, Josua Maaler, Laurentius Albertus, Albert Ölinger); (2) Quellen aus dem 17. Jh. (Grammatiken von Johann Sattler, Ritter Stephanus, Tilemann Olearius, Justus Schottel, Philipp Zesen, Johann Girbert, Christian Pudor, Johann Bödiker); (3) Quellen aus dem 18. Jh. (Grammatiken und grammatische Aufsätze von Johann Gottsched, Martin Schwanwitz, Johann Antesperg,

Heinrich Braun, Johann Heyde, Johann Adelung, Johann Heynatz, Johann Stutz, Joseph Wismayr, Georg Roth). Die lexikographischen Quellen sind, abgesehen vom chronologischen Prinzip, nach dem typologischen Kriterium gruppiert, das die verschiedenen Typen von Wörterbüchern widerspiegelt. Die Autoren bzw. Verfasser der untersuchten Wörterbücher sind Petrus Dasypodius, Petrus Holinus, Johannes Frisius, Bernhard Heupold, Nathanaël Düez, Albert Molnár, Johann Beer, Johannes Ebers, Johann Adelung, Karl Moritz.

Im Artikel werden Methoden der historisch-linguistischen, semantischen und Definitionsanalyse verwendet. Die aufgezählten Analysemethoden ermöglichen es, die Geschichte der Entlehnung und der anschließenden Assimilierung des Terminus, die Entwicklung seiner Semantik, die Klärung einiger Fakten im Zusammenhang mit der primären und späteren Verwendung der untersuchten terminologischen Einheit und ihrer zahlreichen Synonyme in einer bestimmten Bedeutung darzustellen.

3. *Diphthong* als Terminus und als sprachlicher Begriff aus historischer Sicht

3.1. *Beschreibung der Diphthonge in den deutschen grammatischen Quellen im 15. und 16. Jahrhundert*

Die erste Verwendung des Terminus *Diphthong* in der Form *dyp-tonge* ist um 1400 in Egen von Bambergs mittelalterlicher Heidelberger Handschrift *Die Minneburg* (2387-2390), herausgegeben von Hans Pyritz, belegt:

Bestrich mit mynnen honge!

So wurde die leyd dyptonge

'Oi my' gar verdrucket

Und 'wol mich' her fur getzücket (PYRITZ 1950: 76).

Da es sich bei dem zitierten Text um ein poetisches Werk handelt, fehlen hier natürlich jegliche auktorialen Erläuterungen und Kommentare zum Wort.

Bis zum ersten Viertel des 16. Jhs kommt der gesuchte Wortgebrauch nirgends vor. Im Jahr 1524 veröffentlicht Melanchthon in Wittenberg ein kurzes Werk *Handtbüchlein, wie man die kinder zu der geschriff und lere halten sol...* (MELANCHTHON 1524). In seinem orthographischen Teil, der das deutsche Alphabet („Das Abc“) und die Vokale („Die vocales“) beschreibt, ausgenommen die Beschreibung der

Konsonanten, die Melanchthon überhaupt nicht erwähnt, werden Diphthonge („Die diphthongi“) aufgelistet und deren Aussprache angegeben: „Ae thûn fo vil als e / Oe thûn fo vil als e / Au / Eu / Ei thûn fo vil als i“. Die Rechtschreibung des Terminus bezieht sich auf das griechisch-lateinische Etymon (diphthongus, -i m), dessen Plural die gleiche Form hat wie bei Melanchthon. Der Liste der Diphthonge umfasst, wie man sieht, zwei Umlaute (*Ae*, *Oe*), die der Autor in Bezug auf die Aussprache mit dem Monophthong /e/ gleichsetzt, und drei echte Diphthonge *Au*, *Eu*, *Ei*. Melanchthon hält *ei* aber auch für einen einfachen monophthongischen Laut /i/. Die Analyse zeigt folgendes: 1) Der Bestand der den Diphthongen zugeordneten Umlaute ist unvollständig. Es fehlt das *Ue*, obwohl dieser Umlaut in Melanchthons Texten in zwei Schreibweisen vorkommt („gebürt, thûrs, freündtlich“); 2) Der Autor unterscheidet nicht zwischen Digraphen und Diphthongen und zählt zu den letzteren unter anderem Umlautbuchstaben, und auch *ei*. Das orthographische Prinzip der Darstellung dieser Buchstabenkombinationen steht bei ihm offensichtlich im Mittelpunkt: Er betrachtet als Diphthong, was durch zwei Vokalbuchstaben niedergeschrieben wird, unabhängig davon, wie diese Vokalkombinationen ausgesprochen werden. Weiterhin wird die Klassifizierung von Umlauten als Diphthonge von einer Reihe deutscher Sprachwissenschaftler der neuen Zeit unterstützt (siehe unten). 3) Die Aussprache des Diphthongs *ei* als Monophthong /i/ war charakteristisch für den in Wittenberg gesprochenen obersächsischen Dialekt. Die Diphthongierung /i/ > /æ/ (*ei*) trat in diesem Dialekt im 15. Jh. auf (MOSKALSKAJA 1959: 87), ließ sich aber bei Melanchthon in der Aussprache nicht zeigen. Wilhelm Schmidt stellt fest, dass vereinzelte Fälle einer solchen Diphthongierung bereits um 1400 schriftlich überliefert sind, aber die schriftliche Überlieferung spiegelt höchstwahrscheinlich nicht die Besonderheiten der Realisierung dieses Diphthongs in der gesprochenen Sprache wider, „denn in den omd. Mundarten wurden die alten Diphthonge monophthongiert“ (SCHMIDT 1969: 296).

1531 erhielten die Diphthonge in Francks *Teutfcher Sprach Art vnd Eygenschaft Orthographia* die terminologische Bezeichnung *Duplirte stimmer*.

Das etliche Stimmer odder felbs Lautende genant werdenn, Darumb das sie an jne felbs, einen vollkommen laut vnnd stimme von sich geben...

Vnd die, fo aus difen [a. e. i. o. u. y.] zufamenn gefetzt fein, Als au. eu. ei. etc. die wir Duplirte fimmer nennen wollen (FRANCK 1531: III).

Zu dieser Reihe fügte Franck den Diphthong *iu* hinzu, der seiner Meinung nach der deutschen Sprache fremd ist. Nach Francks Erklärung handelt es sich bei den Diphthongen um bivokalische Kombinationen, d. h. um zwei nacheinander ausgesprochene Vokallaute.

Drei Jahre später veröffentlichte Ickelsamer *Ain Teütfche Grammatica*, in der er den Terminus *Diphthong* und sein Synonym *zwilautende filbe* verwendete. Neben dieser Bezeichnung findet sich in seiner Grammatik noch eine terminologische Variante, *zwen laut bûchftabē*. Ickelsamer wies auf einige Besonderheiten in dem lautlichen Bestand und Aussprache von Diphthongen hin, die er sowohl Buchstaben als auch Silben nannte: 1) Silben, die aus zwei Vokalbuchstaben bestehen, werden in verschiedenen Sprachen unterschiedlich ausgesprochen (z. B. im Lateinischen gibt es fünf Diphthonge, aber die diese Sprache Sprechenden können zwei davon weder lesen noch identifizieren); 2) Nicht alle deutschen Diphthonge, von denen es sechs gibt (*au, eu, ai, ei, oi, ou*), werden in allen deutschen Provinzen gleichzeitig verwendet; 3) Die Elemente von Diphthongen werden nicht einzeln ausgesprochen (d. h. nicht so, wie sie geschrieben werden), sondern zusammen als eine Silbe, in einem Atemzug, aber jedes dieser Elemente ist im Redestrom über das Gehör erkennbar.

Man fol die zwen laut bûchftabē mit yeden in fonderhait, wie difes lefen außweiß, fonder vermifcht lefen, mit ainer filben, vnd in ainem athem, doch das man beide laut etwas hõre (ICKELSAMER 1534).

So beschreibt Ickelsamer einen Diphthong tatsächlich als einen zusammengesetzten Vokal, ohne jedoch den Kernteil und den Nachschlag (in Schmidts Terminologie) als Teil des Diphthongs zu unterscheiden.

In den 1540er Jahren wurde ein weiteres bemerkenswertes Werk veröffentlicht, dessen Autor auch die Bezeichnung *Diphthong* gebrauchte. Im Jahr 1541 erschien der Terminus in Meichssners *Handbûchlin grundtlichs berichts...* in der Form *diphthongon* (die transliterierte Variante des griechischen Wortes).

Vñ demnach fo ift vß obgefchriben exempeln abzünemen das alle wörter fo mit zwialtigen vocaln gefchriben oder punctiert, als zwey a, zwey e etc. mit langer vß gedõnter ftiim̄, Aber alle duplierten *Conso-*

nanten schnelliglich vßgesprochen, wo aber ein *diphthongon* gemacht, als von zweyerley vocaln, als vatter vätter, mütter müttern., da follen die ftiimen vff beide *uocales* gezogen werden (MEICHSSNER 1541).

Aus der obigen Passage geht klar hervor, dass Meichssner doppelte Vokale und Umlaute als Diphthonge klassifiziert.

1561 taucht der Terminus *Diphthong* in der modernen Schreibweise in Josua Maalers *Die Teutfch spraach* auf, allerdings ohne Kommentar zum Inhalt dieses phonetischen Begriffs (MAALER 1561: 471).

Albertus' *Teutfch Grammatick oder Sprach-Kunst* listet verschiedene Kombinationen von Vokalen auf, die nach Ansicht des Autors als Diphthonge zu betrachten sind (ALBERTUS 1573). Der Autor unterteilt diese Kombinationen in zwei Gruppen: 1) doppelte Vokale („diphthongi que constant ex ijfdem vocalibus, dupliciter immerdiate positis“) und 2) Kombinationen aus zwei verschiedenen Vokalen („diphthongi diuerfarum vocalium“). Zur ersten Gruppe gehören *aa* („Haar, Schaar, gaab“), *ee* („schnee, wee, feel, meer“), *ij* („vrijcht, ijchten, theologi“) und *oo* („fpo[o]r“). Einige der aufgeführten Kombinationen wirken laut Albertus nicht immer als Diphthonge. Insbesondere die Kombination *ee* ist kein Diphthong, wenn diese an der Morphemgrenze entsteht. So z. B. gehört das erste Element dieser Lautverbindung im Wort „geendert *mutatum*“ zu der Anfangssilbe (ge-) und das zweite zu der Folgesilbe (-en-).

Die zweite Gruppe setzt sich aus einzelnen Vokalen und ihren verschiedenen Kombinationen zusammen: „Sunt autem diphthongi *â, ä, au, aw, ë, vel vsitator ei, ey, eu, ew, ie, ô, ow, ua, û, ü, û* de quibus certo differemus ordine“. Daraus ist ersichtlich, dass in dieser Gruppe echte Diphthonge in ihrer unterschiedlichen Schreibweise und umgelautete Vokale vorkommen. Zurückzuführen ist ihre Vereinigung in einer Gruppe auf die Uneinheitlichkeit bei der Bestimmung dessen, was als Umlaute zu betrachten ist, und bei der schriftlichen Überlieferung der letzteren. Was die Umlaute betrifft, so sind sie nach Albertus' Verständnis eine Kombination aus dem „reinen“ Laut und *e* für *â* und *ô* oder *i* für *û* und können sowohl in Stammwörtern (Primitiven) als auch in deren Ableitungen auftreten. Wie Elias Reichard im *Verfuch einer Hiftorie der deutschen Sprachkunst* bemerkt, ist Albertus der Meinung, Diphthonge seien fremd der Natur der deutschen Sprache und stellen Entlehnungen dar (REICHARD 1747: 43).

Der eingedeutschte Terminus *Diphthong* taucht in Albertus' Grammatik nicht auf, da seine grammatische Abhandlung in der Tradition seiner Zeit in Latein verfasst wurde.

Ölingers Ansatz zur Beurteilung des linguistischen Status der Diphthonge in *Underricht der Hoch Teutſchen Spraach* unterscheidet sich kaum von Albertus' Position. Ölinger schlägt zwei Klassifizierungen vor (ÖLINGER 1574: 2-3), indem er die Diphthonge einerseits in eigentliche („*propriae*“) und uneigentliche („*impropriae*“) und andererseits in veränderliche („*mutabiles*“) und unveränderliche („*immutabiles*“) unterteilt. Er identifiziert acht eigentliche Diphthonge, ausgenommen deren orthographischen Varianten (*ä* oder *â*, *ö* oder *ô*, *üe* oder *ÿ* oder *ÿo*, *üe* oder *ÿ*, *ai* oder *ay*, *ei* oder *ey*, *aũ* oder *aÿ*, *eũ* oder *eÿ*), und sieben uneigentliche (*aa*, *ee*, *oo*, *ie* oder *ye*, *oi* oder *oy*, *oũ* oder *oÿ* / *üw*). Ölinger stuft fünf davon als veränderlich ein: *aa* (> *ä* oder *â*), *aũ* (> *eũ* oder *äÿ*), *üe* (> *üe*), *aÿw* (> *eÿw* oder *äÿw*), *ÿew* (> *ÿew*). Die anderen Diphthonge sind anscheinend unveränderlich.

3.2. Beschreibung der Diphthonge in den deutschen grammatischen Quellen im 17. Jahrhundert

Sattlers *Teutſche Orthographe Und Phraſeologen* liefert eine Bestimmung des Begriffs *Diphthong*.

Durch zusammensetzung dieſer Vocalen werden Diphthongi, das iſt, zwifache ſtimme einer einigen Sylben, als der Diphthong *â*, find zwen Vocalen *a* und *e*, vnnnd wirdt doch nur für ein Syllbẽ gerechnet, wie zu ſehen im Wort *bâwriſch*, *gedächtniß*, *fârbẽ*, *gâch*, etc. (SATTLER 1610: 10).

Sattler verwendet den Terminus *Diphthong* in der latinisierten Form mit einer Endung, die für den Nominativ Plural der lateinischen Substantive der 2. Deklination charakteristisch ist. In Anlehnung an Ickelsamer verweist er auf die Fähigkeit der Diphthonge, trotz der Möglichkeit, zwei Elemente in ihrem lautlichen Bestand zu finden, eine Silbe zu bilden. Sattler zählt im Deutschen insgesamt 13 Diphthonge, einschließlich der orthographischen Varianten, entstanden aufgrund der dialektalen Gliederung der Sprache, und der Umlaute: *au*, *ay*, *aw*, *eu*, *ew*, *ei*, *ey*, *ai*, *ie*, *â*, *ô*, *ÿ*, *ui*. Die Diphthonge *ai*, *ay*, *ui* sind seiner Meinung nach selten. Es erklärt sich aus ihrem begrenzten geographischen Verbreitungsgebiet und daher dem seltenen schriftlichen Gebrauch. Dies ist z. B. der Diphthong *ai*, der nach Olga Moskalkaja (1959: 94) im südöstlichen Teil Deutschlands bis ins 18. Jh.

erhalten blieb und in einzelnen Wörtern unter dem Einfluss der lateinischen Orthographie, in einigen süddeutschen Ortsnamen und als Mittel zur Unterscheidung von Homonymen erscheint.

Ritter Stephanus zählt zu den Diphthongen Umlaute, die sich vorfinden bei der Bildung von Pluralformen einiger Substantive („ftall — ftáll“), von Diminutivformen der Substantive („buch — büchlein“), von Steigerungsstufen der Adjektive („ftarck — ftärcker“) und von Formen imperfecti optativi einiger starker Verben („truge — trüge“) (RITTER STEPHANUS 1616: 2).

Stephanus' Klassifizierung der Diphthonge hat keine klar festgelegten Prinzipien oder Kriterien. Der Autor dieser „neuen“ deutschen Grammatik, der mit seinen Vorgängern darin übereinstimmt, dass ein Diphthong eine Silbe bildet („ex vocalibus confiantur diphthongi, quoties scilicet vim fuam retinentes in unam syllabam coalescunt“), unterteilt Diphthonge zunächst in harte und weiche („duræ et molles“). Zu den harten, die im Vergleich zu den weichen einen härteren und stärkeren Klang haben, gehören *au* oder *aw* („fauer, Bawer“), *eu* oder *ew* („fewer, ewer“), *ei* oder *ey* (wie in lat. „parteis, omnis“), *ai* oder *ay*. Stephanus kommentiert die Aussprachemerkmale dieser Diphthonge: *au* oder *aw* werden als etwas Mittleres („fonus intermedius“) zwischen *a* und *u* ausgesprochen, *eu* oder *ew* stehen für den Mittellaut zwischen *e* und *w*, *ei* und *ey* für den Mittellaut zwischen *e* und *i* oder *y*, *ai* und *ay* für den Mittellaut zwischen *a* und *i* oder *y*. Die lautliche Hervorbringung von *ei* und *ey* scheint zweifach zu sein: nicht nur /ei/, sondern auch /ai/ (letzteres kommt z. B. bei den Numeralien „einer, zwey, drey“ vor). Zu den weichen Diphthongen gehören nach Stephanus auch Umlaute, die aus den einfachen Vokalen *a*, *o*, *u* mit *e*-Nachklang gebildet werden, was in der Schrift durch den entsprechenden kleinen hochgestellten Buchstaben („e suprapcriptum“) angezeigt wird.

Zweitens teilt Stephanus in Anlehnung an Ölinger die Diphthonge in veränderliche („mutabiles“) und unveränderliche („immutabiles“) ein, illustriert diese Einteilung aber nur am Beispiel eines „veränderlichen“ Diphthongs *aw* (*au*), der in den substantivischen Pluralformen in *eu* („Hauß — Heufer“) umgewandelt wird (ibid.: 6-7). Wie bei Ölinger gelten also Diphthonge als veränderliche, wenn deren erstes Element, d. h. ein einfacher Vokal, bei der Wortbildung verengt wird.

Stephanus gebraucht das lateinische Äquivalent des Terminus *Diphthong*, indem er den Schreibfehler zulässt (*p* anstatt *ph* in *diphthongus*).

Olearius verwendet in seiner Schrift *Deutsche Sprachkunst* zwei Termini: Die latinisierte Pluralform *Diphthongi* und deren deutsche Entsprechung *zweifache Stimmen*. Der Text seiner Abhandlung enthält eine Deutung des Begriffs *Diphthong* und beschreibt die Besonderheiten der Verwendung von Diphthongen in der Sprache.

Aber das werden zwey lautende Buchstaben zusammen gezogen, vnd miteinander als einer ausgesprochen, vnd heißen Diphthongi als: ei, eu, au... Diefle follen nicht im Buchstabieren genennet werden als zweene vnterschiedene, e. i. e. u. a. u. fondern wie fie lauten, ei, eu vnd au (OLEARIUS 1630: 13).

In Olearius' Verständnis ist Diphthong ein Zwielaute, der als ein komplexer, untrennbarer Laut wahrgenommen wird; vgl.: (REICHARD 1747: 80). Außerdem wird die Menge der Diphthonge auf eine für die erste Hälfte des 17. Jhs etwas unerwartete Weise auf drei Zwielaute reduziert (die orthographischen Varianten sind davon ausgenommen) und deckt sich damit mit der Zahl der modernen deutschen Diphthongen. Weder doppelte Vokale (Meichssner, Maaler, Albertus, Ölinger) noch Umlaute (Melanchthon, Meichssner, Maaler, Albertus, Ölinger, Sattler, Stephanus) sind in dieser Liste enthalten. Elf Jahre später kehrt Schottel in der *Teutschen Sprachkunst* zur für seine Zeit traditionellen Beschreibung der Diphthonge, die er *Doppellaute* nennt, zurück, indem er einzelne orthographische Varianten in ihre Gesamtliste aufnimmt. Zusammen mit diesen Varianten bringt Schottel die Zahl der Diphthonge auf zehn: *au, aw, âu, âw, eu, ew, ej, ei, aj, ai*. Ein Diphthong oder, wörtlich, ein „Zwielaute“, so Schottel, „...ift, wenn der Tohn einfilbiger weife verdoppelt wird: oder wenn man in einem Silben einen doppelten Tohn vernimt“ (SCHOTTEL 1641: 198).

Der Autor führt Positionseinschränkungen für die grundlegenden diphthongischen Lautkombinationen *au, eu, ai* ein und stellt fest, dass sie nie am Wortende vorkommen, da an diesen Stellen nur *aw, ew, ey* verwendet werden, obwohl *w* manchmal anstelle von *u* akzeptabel ist, solange dies nicht zu einer Änderung des Usus im Allgemeinen führt. Die Diphthonge *ai* und *aj* unterscheiden sich laut Schottel dadurch, dass sie selten sind und nur in wenigen Wörtern

vorkommen (ibid.: 199); vgl. bei Sattler.

Nebenbei ist zu bemerken, dass Schottel in seiner *Aufführlichen Arbeit von der Teutfchen HauptSprache* von 1663 noch einmal auf die Beschreibung der orthographischen Einschränkungen bei den Diphthongen *au*, *eu*, *ei* und *ej* zurückkommt. Die ersten beiden können und sollen nicht wie *aw* und *ew* geschrieben und ausgesprochen werden, da sich der Buchstabe *w* nicht mit dem regulären Buchstaben *u* gleichsetzen lässt. Die Verwendung von *w* am Wortende nach den Diphthongen *au* und *eu* entspreche noch weniger der deutschen Phonetik und Grammatik und solle als Fehler angesehen werden. Johann Gueinz stimmt mit Schottel überein, der die Verwendung von *w* als Teil der Diphthonge ebenfalls für unerwünscht hält, da es sich bei *w* um einen Konsonanten handelt, der aus phonetischer Sicht auch ein „Duppellautender“ ist (GUEINZ 1666: 17).

Was den Gebrauch der Diphthonge *ei* und *ej* anbelangt, so wird ersterer, wie Schottel hervorhebt, in der Mitte des Wortes geschrieben und letzterer am Ende. Interessant ist auch seine Bemerkung zum Status der Buchstabenkombination *ie*, die von Albertus, Ölinger und Sattler als Diphthong angesehen wird. Eine solche Auffassung ist nach Schottel falsch, weil die diphthongische Realisierung des *ie* in der Sprache den Regeln der korrekten oberdeutschen Aussprache widerspricht. Als Beispiel führt er die Wörter „die, sie, wie“ an, in denen das *ie* als Monophthong realisiert wird (SCHOTTEL 1663: 200).

Als weitere Besonderheit von Schottels Beschreibung der Vokalkombinationen ist die klare Unterscheidung zwischen Diphthongen und Quasidiphthongen zu nennen, auf die man normalerweise Doppelvokale und Umlaute bezog. Für erstere führt er den Terminus *Langlaut* ein, der eine längere Hervorbringung des in der Schrift mit zwei Vokalbuchstaben (*aa*, *ee*, *oo*) wiedergegebenen Doppelvokals anzeigt. Für letztere verwendet er den Terminus *Kleinlaut* und meint damit die Verbindung von den „Selbstlauten“ *a*, *o*, *u* und dem hochgestellten *e*, die als ein einheitlicher Laut, aber mit einem geringeren Mundöffnungsgrad („mit einer geschöbelten Munde“) im Vergleich zu den entsprechenden einfachen Hinterzungenvokalen ausgesprochen wird (ibid.: 201-202).

Zesen verwendet in *Hooch-Deutfcher Sprach-übung* den Terminus *doppellautende* zur Beschreibung von Diphthongen (ZESEN 1643: 63)

und kehrt zu der Praxis zurück, doppelte Vokale und Umlaute zu den Diphthongen zu zählen. Zu den von ihm postulierten diphthongischen Lautverbindungen gehören *aa, á, au, ee, ei, eu, ey, ie, oo, ó, uu, ũ*.

Girbert verwendet in seiner Schrift *Die Deütsche Grammatica oder Sprachkunst* zwei Termini für Diphthonge — „Compositæ *doppel lautende, Diphthongen* genandt“ — und unterteilt sie wie Ölinger in „*propriæ eigentliche*“ und „*impropriæ uneigentliche, mit zweyen Püncktlein obē gezeichnet*“. Aus Girberts Wortlaut wird ersichtlich, dass er die Umlaute *ä, ö, ü* für uneigentliche Diphthonge hält. Er zählt 12 diphthongische Lautverbindungen auf: *au, áu, aw, áw, eu, ew, ei, ey, ai, ay, ie, ui* (GIRBERT 1653: 3). Dieser Satz entspricht fast genau der von Sattler vorgeschlagenen Liste der Diphthonge, einschließlich der Umlaute. Dies ist zum Teil darauf zurückzuführen, dass beide Autoren unter anderem das süddeutsche Inventar der diphthongischen Lautkombinationen beschreiben.

Pudors grammatischer Aufsatz *Die Teutfchen Sprache Grundrichtigkeit, Und Zierlichkeit* erwähnt fünf Diphthonge, die der Autor als *Doppellaute* bezeichnet. Dazu gehören *au, áu, eu, ei, ai*. Hierbei werden keine Erläuterungen für ihren Gebrauch angeführt. Getrennt davon erwähnt Pudor doppelte Vokale (*Langlaute* in der Terminologie des Autors), die eine abgesonderte Klasse von Buchstabenkombinationen bilden (PUDOR 1672: 1).

Das letzte Werk aus dem 17. Jh., das für diese Studie von Interesse ist, stammt von Bödiker und heißt *Grund-Sätze der Deutfchen Sprachen im Reden und Schreiben*. Wie viele seiner Vorgänger zählt der Autor zu den Diphthongen (*Diphthongos*¹ *aber/oder doppellautende* in Bödikers Terminologie) die Umlaute, die zusammen eine Liste von 12 Lauten und Lautkombinationen bilden: *ai* oder *ay, ei* oder *ey, oi* oder *oy, ie, au, eu, á, ó, ũ* (BÖDIKER 1690: 6). Die Bemerkungen des Autors betreffen nur einige von ihnen. Er glaubt, *ey* stehe gewöhnlich anstelle von *ei* am Ende eines Wortes. Bödiker besteht auch auf der

¹ Die flektierten Formen des Wortes werden von Bödiker nach dem Paradigma der 2. Deklination der lateinischen Maskulina verwendet, was auf eine unvollständige grammatische Assimilation dieses griechisch-lateinischen Lehnwortes hinweist. Vgl. *ein Diphthongus* (Nom. Sg.), *einen Diphthongum* (Akk. Sg.), *Diphthongos* (Nom. Pl.), *den Diphthongis* (Dat. Pl.).

Erhaltung des Diphthongs *ie* innerhalb des deutschen Vokalismus, da dessen Aussprache als einfaches *i* sei nur für Sprecher des in Schlesien und Meißen gesprochenen Dialekts charakteristisch (ibid.: 7).

3.3. Beschreibung der Diphthonge in den deutschen grammatischen Quellen im 18. Jahrhundert

Gottsched, der in seinen *Beyträgen zur kritischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredfamkeit* den Buchstaben-Laut-Bestand der deutschen Sprache analysiert, gibt folgende Einteilung: 1) Buchstaben, die befähigt sind, sowohl Vokal- als auch Konsonantenlaute schriftlich wiederzugeben (gemeint ist der Buchstabe *i*); 2) „Haupt- und Nebenbuchstaben“ (ohne Angabe ihrer lautlichen Werte); 3) Buchstaben, die in der Schrift Monophthonge und Diphthonge („einfache oder Doppellaute“) wiedergeben (GOTTSCHED 1734, II: 480). Diese Klassifizierung ist interessant, denn sie klärt Gottscheds Position in Bezug auf einige Laute und Lautkombinationen auf, die seine Vorgänger zuvor mit unterschiedlichem Erfolg zu systematisieren versucht hatten. Insbesondere schließt Gottsched das *ie* aus der Zahl der Diphthonge aus, da er den letzten Vokal als schriftliches Mittel für die Bezeichnung der Länge des ersten Vokals betrachtet. Neben *ie* schließt Gottsched Umlaute aus, indem er sie für zusätzliche Buchstaben hält, die unter Rücksicht ihrer Lautung eine mittlere Stellung zwischen einfachen Vokalen und Diphthongen einnehmen. Nicht alle benachbarten Vokalbuchstaben können seiner Meinung nach den diphthongischen Status erhalten. Daraus folgt, dass die Zuordnung von Umlauten zu Diphthongen zur Entstehung der „dreyfachlautenden Buchstaben“ (z. B. *áú, eü, ái*) führt, die es im deutschen Vokalismus nicht gibt. Seine Definition von *Diphthong* läuft auf Folgendes hinaus: 1) Es handelt sich um eine Kombination zweier Vokalbuchstaben (so werden Diphthonge jedenfalls in der Schrift ausgedrückt); 2) Diphthonge werden in schnellem Tempo hervorgebracht, was eine Verschmelzung der von den entsprechenden Buchstaben wiedergegebenen Laute beim Aussprechen bewirkt.

Doppellaute find, wenn zweene selbstlautende Buchstaben zwar im Schreiben ausgedrückt, aber in der Aussprache gefchwinder ausgesprochen, und gleichfám zusammen gefchmolzen werden (ibid.: 481).

Für Diphthonge hält Gottsched die Kombinationen von *au, ai, ei* oder *ey eu, oi*.

Die Position Gottscheds zu der besprochenen Frage, die er später, 1749, in der *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst* zum Ausdruck brachte, scheint jedoch etwas unerwartet und auf den ersten Blick unlogisch zu sein. Die Verdoppelung oder „Verfätkung“ von Vokalen auf Kosten anderer Vokale kann seiner Meinung nach zu einer völligen Veränderung ihrer Lautung führen, wodurch Laute entstehen, die nach Gehör als doppelt wahrgenommen werden („Doppellaute“ oder „doppelte Laute“). So wird es beispielsweise als Fehler angesehen, wenn die lange, gedehnte Aussprache des Stammvokals in Wörtern wie „Quaal, Maal“ ignoriert wird. Die Liste der doppelten Laute umfasst neben *aa* auch den Umlaut *Ae*, der halb *a* und halb *e* ausgesprochen wird, sowie die Diphthonge *ai* und *au* (GOTTSCHED 1749: 31). Die Erklärung für diese „Unlogik“ scheint darin zu liegen, dass Gottsched den Terminus *Doppellaut* nicht nur auf Diphthonge im eigentlichen Sinne, sondern auch auf Doppelvokale im Allgemeinen anwendet, insbesondere wenn man eine Art der schriftlichen Darstellung von Umlauten vor Augen hat: *ae, oe, ue* statt *á, ó, ú* oder *ä, ö, ü*.

Trotz der Entstehung einer Reihe von grammatischen Werken angesehener deutscher Sprachwissenschaftler, die Ansichten vertraten, die der modernen Interpretation von Diphthong nahe kommen, hielt sich die Tradition der Zuordnung von doppelten Vokalen und Umlauten zu Diphthongen im 18. Jh. außerordentlich hartnäckig.

So fügte Schwanwitz in seiner zweisprachigen deutsch-russischen *Teutschen Grammatica* der Zahl der echten Diphthonge, die als ein Laut („in einem Ton“) ausgesprochen werden, ihre orthographischen Varianten, sowie Doppelvokale und Umlaute hinzu und erweiterte damit seine Liste der Diphthonge auf 16: *aa, ee, oo, á, ó, ú, au, eu, ai, ei, ay, ey, oy, áu, áy, ie*. Zur Bezeichnung der Diphthonge gebrauchte er die Termini *Zweyfach lautender* und *Diphthongus* (SCHWANWITZ 1745: 6).

Antesperg schlug in seiner *Kayferlichen deutschen Grammatik* vier terminologische Bezeichnungen für Diphthonge vor: *Diphthong, Diphthongus, gedoppelter Vokal, Doppellaut*. Die Anzahl der sorgfältig nummerierten Laute und Lautkombinationen erreichte hier 11: *á, ó, ú, ai, au, ay, ei, eu, ey, ie, uy* (ANTESPERG 1747: 254, 256). Sie alle entsprechen nach Ansicht des Autors der von ihm gegebenen Definition.

Ein Diphthong oder Doppellaut (Diphthongus) ist ein Buchstab, welcher aus zweien verschiedenen Vocalen zusammen gefetzt, und als eine Sylbe ausgesprochen wird (ibid.).

Die ersten drei (Umlaute) bezeichnet Antesperg als „Halbdoppellaute“ oder „Semidiphthongi“; diese bilden eine Gruppe „weicher“ Diphthonge, die von den einfachen *a*, *o*, *u* abgeleitet sind, kommen in den gleichen Positionen wie diese Vokale vor, lassen sich im Rahmen von Wort- und Formenbildungsprozessen identifizieren und haben eine für die deutsche Sprache untypische Aussprache. Die übrigen acht gehören zu den „harten“ Diphthongen.

Der Diphthong *ie* kommt an allen möglichen Stellen in einem Wort vor, wird aber in der Regel als langer Monophthong /i/ realisiert. Im Auslaut einiger Wörter mit der Pluralendung *-ien* wird er als Diphthong ausgesprochen. Die Diphthonge *ai*, *ay*, *ei*, *eu*, *ey* werden wie das lateinische /ai/ ausgesprochen. Die Kombinationen *oi* und *oy* werden von Antesperg nicht als Diphthonge betrachtet, da sie dem Monophthong /o/ entsprechen („Voigt / Vogt“), der in den Pluralformen zu einem Diphthong wird („Vögte“). Im selben Absatz bezeichnet der Autor sie jedoch weiterhin als Diphthonge, die in Wörtern fremden Ursprungs vorkommen („Hoim, Hoya, Stoiker“). Dasselbe gilt für die Buchstabenkombination *ou*, die dem deutschen Monophthong /u/ entspricht und nur in Fremdwörtern ein Diphthong ist. Schließlich ergibt die Kombination aus dem Diphthong *â* und dem Vokal *u* einen Triphthong („Dreylaut / Triphthongus“) (ibid.: 258, 262).

In der *Anleitung zur deutschen Sprachkunst* zählt Braun zu den Diphthongen („Diphthongen oder Doppellauter“) 15 Zweibuchstabenkombinationen, die bei der Aussprache einen Doppellaut „gleichfam“ ergeben (BRAUN 1765: 14). Die Reihe der von ihm identifizierten Diphthonge ist wie folgt: *â* (*ae*), *ô* (*oe*), *û* (*ue*), *ai*, *au*, *ay*, *ei*, *eu*, *ey*, *ie*, *oi*, *oy*, *ou*, *ui*, *uy*. Von dieser Liste schließt Braun verdoppelte Vokale aus, denn diese Verdoppelungen stellen, seiner Meinung nach, einen Zusammenstoß zweier Vokale („wenn zween Vocalen zusammenstofften“) dar, die einfach mit längerer Dauer ausgesprochen werden sollten (ibid.: 16). Es sei jedoch nicht zweckmäßig, den Begriff *Zusammenstoß* (*Hiatus*) auf die Verdoppelung von Vokalen in einsilbigen Wörtern anzuwenden, da diese nicht in einzelne Silben zerfallen, aber das sind gerade die Wörter solcher Art („See, Haar“), die Braun als Beispiele anführt.

In Heydes *Regeln vom Schreiben...* gehören zu den Diphthongen („Doppellauter oder Diphthongen“) *ai, au, ei, eu* und die Umlaute *â, ô, û*. Letztere werden als Diphthonge betrachtet, sofern sie mit dem hochgestellten *e* geschrieben werden. Die Schreibung wie *ae, oe* und *ue* ergibt nach Heyde eine ganz andere Lautung (HEYDE 1772: 3).

Wie die Studie zeigt, musste Heyde der letzte bekannte deutsche Linguist des 18. Jhs gewesen sein, der Umlaute als Diphthonge einstuft. Adelung brachte die Sache zu Ende in seinen Werken *Deutsche Sprachlehre* (1781) und *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache* (1782). In der zweiten der erwähnten Schriften definiert der Autor den Terminus mit zwei traditionellen Synonymen.

Wenn zwey Hülfslaute mit einer und eben derselben Öffnung des Mundes ausgesprochen werden, oder vielmehr, wenn der Mund von einer Öffnung des Mundes unvermerkt und ohne Abfatz zur andern übergeht, so entfeheth ein Diphthonge oder Doppellaut (ADELUNG 1782: 127).

Die ausführliche Beschreibung der artikulatorischen Bewegungen beim Aussprechen von diphthongischen Lautkombinationen im Redestrom zeigt, dass der Diphthong als ein komplexer, potenziell zerlegbarer Laut verstanden wird (es ist beim Umlaut nicht möglich, da die Artikulationsorgane bei der isolierten Hervorbringung des Umlauts sofort die Position einnehmen, die notwendig ist, um einen einfachen, im Vergleich zum Stammvokal engeren Laut zu erzeugen, und diese bis zum Ende der Artikulation nicht ändern). Die engere Artikulation des Umlauts, die zur Erzeugung eines „Mittellautes“ führt, so Adelung, beweist an sich nichts.

Adelung ist sich jedoch über Umlaute und doppelte Vokale im Klaren. Später nennt er in der *Vollständigen Anweisung zur Deutschen Orthographie* den Grund, warum Umlaute fälschlicherweise als Diphthonge behandelt wurden: Die „alberne“ Schreibweise von Umlauten mit Hilfe des hochgestellten *e*.

Die Sache ist keine Kleinigkeit, denn die obige alberne Bezeichnungsart hat zu dem Vorurtheile Gelegenheit gegeben, daß *â, ô* und *û* wahre Doppellaute sind, unter welchem Nahmen sie in den meisten Sprachlehren aufgeföhret werden (ADELUNG 1788: 131).

Zu den Diphthongen zählt Adelung *ai* oder *ay, au, äu, ei* oder *ey, eu, oi* oder *oy* sowie das selten vorkommende *ui* (hier wird nur das

Wort „pfui“ als Beispiel angeführt). Die von Adelung beschriebenen Positionseinschränkungen für Diphthonge sind nicht zahlreich: 1) Diphthonge, die auf -y enden, werden nur am Ende von Wörtern oder Silben geschrieben; 2) *oi* kommt nur in Eigennamen vor. Im Deutschen gibt es keine Triphthonge, deren Entstehung einige Sprachwissenschaftler auf das Auftreten eines umgelauteten Buchstaben innerhalb eines Diphthongs zurückführen (ADELUNG 1782: 127).

Heynatz gibt in seiner *Anweisung zur Deutschen Sprache* eine knappe Definition der Diphthonge: „Zwei zusammengesprochene Selbstlauter heißen ein Doppellauter oder Diphthonge“. Nach Heynatz gibt es insgesamt sechs: *ai* (völlig gleichlautend mit *ei*), *au*, *ei*, *eu*, *äu* (völlig gleichlautend mit *eu*) und *oi* (HEYNATZ 1785: 114). Von den Diphthongen schließt Heynatz aus: 1) *ie*, da er eine solche Vokalverbindung als schriftlichen Hinweis auf die Länge des Vokals /i/ betrachtet; 2) *ow*, eine Lautverbindung, die in einigen Eigennamen anstelle von *ou* vorkommt und eine doppelte Aussprache haben kann, nämlich /au/ oder /o/; 3) *ay*, *ey*, *oy*, deren Redundanz durch ihre phonetische Übereinstimmung mit den Diphthongen *ai*, *ei*, *oi* erklärt wird (wobei er die künstlich oder „aus Unwissenheit“ erfundenen *ái*, *áu*, *óu*, *aú*, *eú* für noch unnötiger hält); 4) Umlaute in ihren verschiedenen Schreibweisen (z.B. *ú*, *ü* oder *ue*), die Heynatz als einfache Vokale bezeichnet, und auch die Verbindung *ui*, die er mit *ue* gleichsetzt (ibid.: 115).

Stutz, der in der *Deutschen Sprachlehre* die Artikulation der Diphthonge beschreibt, hebt deren auditive Wahrnehmung hervor.

Zwei Vocale können nie mit einer Oeffnung des Mundes ausgesprochen werden; der Mund kann aber von einer Oeffnung zur andern so schnell übergehen, daß zwei Vocale in der Aussprache, ohne einen Abfatz zu machen, zusammen gezogen und doch beide gehöret werden. Zwei folche Vocale heißen dann ein Doppellaut oder Diphthonge... (STUTZ 1790: 21).

Stutz' Liste der Diphthonge umfasst sieben Lautverbindungen und drei orthographische Varianten: *ai* (*ay*), *au*, *äu*, *ei* (*ey*), *eu*, *oi* (*oy*), *ui*. In der Verneinung des diphthongischen Status der Umlaute teilt Stutz Adelungs Standpunkt (ibid.: 22-23).

1794 erscheint die *Anweisung, die deutsche Sprache richtig zu sprechen, zu lesen und zu schreiben* (die Publikation hat keine Autorenschaft). Diese grammatische Abhandlung enthält eine Definition der

Diphthonge, die im Allgemeinen die Ansichten von Adelung und seinen Anhängern widerspiegelt.

Ein Doppellaut find zwey Selbstlaute, bey deren Aussprache der Mund von einer Oeffnung ohne Abfatz zur andern übergeheth, so daß man zugleich den Laut eines jeden höret. Doppellaute find: ai, ay, au, áu, ei, ey, eu (ANWEISUNG 1794: 10).

Denselben Weg geht Wismayr, der in seiner Schrift *Grundfätze der deutschen Sprache* teilweise die von Adelung formulierte Definition der Diphthonge übernimmt (WISMAYR 1796: 23). Wismayr spricht von fünf deutschen Diphthongen („ein Doppellaut / Diphthong“): *ai, au, áu, ei, eu*. „Dreylaute“ oder „Triphthonge“ nennt er poetisch „grammatifche Gefpenfter“, die verschwunden seien, „als die Morgenröthe der Sprachkritik anbrach“ (ibid.: 24).

Roth, der in seinem grammatikalischen Werk *Systematfche deutsche Sprachlehre* ebenfalls die Ansicht Adelungs vertritt, gibt die folgende Liste von Diphthongen bzw. „Doppellauten“ an: *ai (ay), au, áu, ei (ey), eu, oi (oy), ui* (ROTH 1799: 5). Beachtenswert ist, dass diese genau mit der von Stutz aufgeführten Liste der Diphthonge übereinstimmt und keines weiteren Kommentars bedarf.

3.4. Beschreibung von Diphthongen in den deutschen lexikographischen Quellen vom 15. bis zum 18. Jahrhundert

Die Analyse der lexikographischen Beschreibung von Diphthongen als linguistisches Phänomen ist interessant im Hinblick auf die Vielfalt deren Benennungen und Entwicklung der Semantik des Terminus, die sich mit lexikographischen Mitteln in typologisch verschiedenen Wörterbüchern widerspiegelt.

Bis zum Ende des 18. Jhs findet sich das Lexem *Diphthong* nur in Übersetzungswörterbüchern, wobei der Hauptunterschied zwischen ihnen nur in der Anzahl von den verwendeten Sprachen besteht. Aus diesem Grund erscheint es angebracht, alle Quellen in zwei Gruppen zu unterteilen: 1) Zweisprachige und mehrsprachige Übersetzungswörterbücher; 2) Einsprachige erklärende und grammatische Wörterbücher.

1. Zweisprachige und mehrsprachige Übersetzungswörterbücher

Die erste lexikographische Fixierung des Terminus ist im *Dictionarium latinogermanicum...* von Dasypodius (Hasenfratz) zu finden. Der Terminus kommt in diesem Wörterbuch einmal in seiner ger-

manischen Form als metasprachliches Element vor, um *diæresis* zu beschreiben: „Diæresis... eine Zerteilung, da ein Diphthong in zwei silbē getheylt wirt...“ (DASYPODIUS 1537: 50). Das griechisch-lateinische Etymon *diphthongus* wird von einer deutschen Entsprechung begleitet, die im Wörterbucheintrag als Teil der Begriffsdefinition angegeben wird: „Diphthongus, Ein zweyfalter thon, so man zwen uocales zûfamē füget in ein fylbe“ (ibid.: 53). Unter einem Diphthong versteht Dasypodius einen Doppellaut, der durch die gemeinsame Aussprache von zwei Vokalen in derselben Silbe entsteht.

Im *Dictionarium Latino-Germanicum...* von Holinus und Frisius ist das Lexem *diphthongus* mit der Deutung „duæ uocales conglutinatae“ und der deutschen Übersetzung *Zweylutend* versehen (HOLINVS & FRISIUS 1541: 281).

Heupolds *Teutsches Dictionariolum* enthält den Ausdruck *ein zweylautender Thon*, der in zweierlei Hinsicht verstanden werden kann: sowohl als Definition des Lexems *diphthongus* als auch als seine deutsche Entsprechung (HEUPOLD 1602: 118).

Im *Dictionnaire François-Alemand-Latin* von Düez findet sich das Lexem *Ein Doppellauter*, das als eine deutsche Übersetzung des französischen *diphthongue* gilt (DÜEZ 1702: 351).

Im *Dictionarium Quadrilingve* geben Molnár und Beer die folgende Definition des Lexems *diphthongus*: „Ein felblautender Buchftab, oder Zufamfügung zweyer Vocalium“ (MOLNÁR & BEER 1708: 455). Eine ähnliche Definition ist in der überarbeiteten und erweiterten Ausgabe von Frisius' *Dictionarium Latino-Germanicum* zu finden: „Diphthongus, i f. zufamenfügung zweer Vocalium, oder felblautender Buchftaben“ (FRISIUS 1750: 200).

The New and Complete Dictionary of the German and English Languages von Ebers gibt zwei Schreibweisen des Begriffs an: „Doppellaut, der Doppellauter. in Grammar, a Diphthong, as â, ô, û, ai, ay, au &c.“ (EBERS 1796: I, 604). Es ist also zu beachten, dass in fast allen diesen Beispielen ein Diphthong, einschließlich der Umlaute, als eine Kombination zweier Vokalbuchstaben in einer Silbe behandelt wird.

2. *Einsprachige erklärende und grammatische Wörterbücher*

Zu dieser Gruppe gehören drei deutsche Wörterbücher, die etwa zur gleichen Zeit das Licht der Welt erblickten.

1793 erschien Brauns *Deutsches orthographisch-grammatisches Wörterbuch*, das die Lexeme unter Rücksicht des Wörterbuchtyps nicht definiert, sondern nur deren verschiedene Schreibweisen angibt: „Doppellaut der (Dyphthong)... vielf. die Doppellaute“ (BRAUN 1793: 76); „Doppellaute, oder Doppellauter, Diphthongi“ (ibid.: 322); „Diphthongi, die Doppellauter“ (ibid.: 325). Man sieht also, dass in den Wörterbucheinträgen eine teilweise assimilierte Form des lateinischen Wortes *Dyphthong* und seine deutsche Entsprechung *Doppellaut* mit zwei Formen des Plurals *Doppellaute* / *Doppellauter* angeführt werden.

Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart Adelung nennt zwei Varianten des Terminus, *der Doppellaut* und *der Doppellauter*. Während im oben zitierten Ebers' Wörterbuch beide Varianten in der gleichen Bedeutung erscheinen, ist bei Adelung jede der Varianten mit einer eigenen Definition versehen. Der Vergleich mit dem Braun'schen Wörterbuch zeigt auch, dass es sich bei Adelungs *Doppellauter* nicht um eine Pluralform handelt. *Doppellaut* bezieht sich auf einen doppelten Laut oder Diphthong, also einen Laut, der aus zwei hörbaren Vokalen besteht, die mit gleitender Artikulation ausgesprochen werden. Diese Kombination von zwei Vokalen wird beim Hören als ein komplexer Laut wahrgenommen. Adelung legt in einem Wörterbucheintrag seine Auffassung von Diphthongen dar, die er bereits im *Umständlichen Lehrgebäude der deutschen Sprache* (1782) geäußert hatte. Die zweite Variante des Terminus (*Doppellauter*) interpretiert Adelung als ein Buchstabenzeichen (eine Kombination zweier Vokalbuchstaben), das einen Diphthong in der Schrift vermittelt (ADELUNG 1793, I: 1520).

Moritz gibt in seinem *Grammatischen Wörterbuch der deutschen Sprache* drei terminologische Synonyme an, *Diphthonge*, *ein doppelter Laut* und *Doppellaut*, wobei er Adelung in der Beurteilung des linguistischen Status der Diphthonge voll und ganz zustimmt und diesen Status den Umlauten und doppelten Vokalen abspricht (MORITZ 1794: II, 72-73). Insgesamt identifiziert Moritz sechs Diphthonge im deutschen Vokalsystem: *ai* (*ay*), *au*, *äu*, *ei* (*ey*), *eu*, *oi*. Die Lautverbindung *oi* kann nach Meinung des Autors aus der Liste ausgeschlossen werden, da sie in deutschen Wörtern ebenso selten vorkommt wie *ui* (ibid.: 74).

3.5. Etablierung des Systems der Diphthonge in der deutschen Sprachwissenschaft aus historischer Sicht

Die vergleichende Analyse der Häufigkeitsangaben zeigt, dass seit dem ersten Viertel des 16. Jhs fast alle Sprachwissenschaftler das Vorhandensein der Diphthonge *au*, *ei*, *eu* im deutschen Vokalismus anerkannten. Die Diphthonge *ai*, *ey*, die meist als orthographische (dialektale) Varianten des Diphthongs *ei* fungieren, wurden von den meisten Sprachwissenschaftlern in die Liste der diphthongischen Lautverbindungen aufgenommen. Etwa die Hälfte der Linguisten von der Mitte des 16. bis zum dritten Viertel des 18. Jhs hielt es für angemessen, die Umlaute *á*, *ó*, *ú* mit Diphthongen gleichzusetzen. Etwas mehr als ein Drittel der Sprachwissenschaftler betrachtete *oi* (seit 1534) und *áu* (seit Mitte des 17. Jhs) als orthographische Varianten des Diphthongs *eu*. Die Lautkombination *ie* behielt ihren diphthongischen Status etwa von 1573 bis 1765. Die orthographischen Varianten *aw* und *ew* wurden ungefähr von 1573 bis 1653 als Diphthonge aufgenommen. Doppelte Vokale galten von 1541 bis 1745 als Diphthonge. Andere Diphthonge, deren orthographischen Varianten und auch Quasidiphthonge haben eine geringe Häufigkeit.

3.6. Terminologische Bezeichnungen des Diphthongs

Die deutsche Entsprechung des lateinischen Terminus *diphthongus*, der, wie oben erwähnt, teilweise assimiliert wurde, erscheint als eine lexikalische Einheit des deutschen Wortschatzes in der weiblichen Form (*dy*) *dyptonge* um 1400 in der Handschrift *Die Minneburg*. Diese Tatsache ist im *Frühneuhochdeutschen Wörterbuch* (GOEBEL & al. 1986: 5.2, Sp. 779) vermerkt. Die Geschlechtszugehörigkeit des Terminus scheint auf das griechische Etymon zurückzugehen, das in zwei grammatischen Geschlechtern (δίφθογγον τό und δίφθογγος ή) gebraucht wurde. Von einer teilweisen Eindeutschung des griechisch-lateinischen Terminus kann gesprochen werden im Hinblick auf terminologische Varianten, die in den Grammatiken und grammatischen Abhandlungen folgender Autoren vorkommen: Melancthon (1524) — *die diphthongi* (Nom. Pl.), Meichssner (1541) — *diphthongon* (Nom. Sg.), Sattler (1610) — *Diphthongi* (Nom. Pl.), Olearius (1630) — *Diphthongi* (Nom. Pl.), Bödiker (1690) — *Diphthongos* (Nom. Sg.), Schwanwitz (1745) — *Diphthongus* (Nom. Sg.), Antesperg (1747) — *Diphthongus* (Nom. Sg.). Seit Mitte des 18. Jhs werden die nicht

assimilierten griechisch-lateinischen Bezeichnungen des Diphthongs praktisch nicht mehr verwendet.

Gleichzeitig findet sich der vollständig eingedeutschte Terminus *Diphthong* bereits 1534 in der grammatischen Abhandlung Ickelsamers. Später etabliert er sich allmählich als vollwertiges Element des terminologischen Systems der deutschen Linguistik. Der Terminus wird von Dasypodius (1537), Maaler (1561), Girbert (1653), Antesperg (1747), Braun (1765, 1793), Heyde (1772) in der Form *Dyph-tong*, Wismayr (1796), Roth (1799) verwendet. Die gebräuchlichste Form des Terminus ist *Diphthong*, die mit einem Klein- oder Großbuchstaben geschrieben wird. *Diphthonge* als eine parallele Form männlichen Geschlechts kommt manchmal auch bei Adelung (1782), Heynatz (1785), Stutz (1790), Moritz (1794) vor.

Aber die Deutschen wären keine Deutschen, wenn sie nicht sofort deutschsprachige terminologische Entsprechungen mit ähnlicher Semantik energisch erfinden würden. So sind solche terminologischen Dubletten wie *duplirte stimmer* und *felbs Lautende* (Franck, 1531), *ain zwilautende silben*, *zwen laut büchstabē* und *ain zwifacher laut* (Ickelsamer, 1534), *ein zweyfalter thon* (Dasypodius, 1537), *zweylutend* (Holinus & Frisius, 1541), *ein zweylautender Thon* (Heupold, 1602), *zwifache stimm*, *zwiefache Stimmen* (Sattler, 1610; Olearius, 1630), *Doppellaut* (Schottel, 1641; Bödiker, 1690; Düez, 1702; Gottsched, 1734; Antesperg, 1747; Adelung, 1782; Stutz, 1790; Braun, 1793; Anweisung..., 1794; Moritz, 1794; Wismayr, 1796; Ebers, 1796; Roth, 1799), *Doppellauter* (Braun, 1765; Heyde, 1772; Adelung, 1782; Heynatz, 1785; Ebers, 1796), *ein duppellautender*, *doppellautender* und *doppel lautender* (Zesen, 1643; Girbert, 1653; Gueinz, 1666; Pudor, 1772; Bödiker, 1690), *Doppelthon* (Bödiker, 1690), *ein doppelter Laut* (Moritz, 1794), *gedoppelter Vokal* (Antesperg, 1747), *ein felblautender Buchstab* (Molnár & Beer, 1708), *zweyfach lautender* (Schwanwitz, 1745). Fast alle diese Dubletten spiegeln auf die eine oder andere Weise die bivokalische Natur des Diphthongs als phonetisches Phänomen wider, unabhängig davon, ob unter dessen Bestandteilen Laute oder Buchstaben verstanden wurden.

4. Fazit

1. Die erste Verwendung des Lexems *Diphthong* in seiner nicht terminologisierten Form *dyptonge* ist um 1400 in der mittelalterlichen Heidelberger Handschrift *Die Minneburg* belegt.

2. In grammatischen Schriften wird der *Diphthong* als sprachlicher Begriff und grammatischer Terminus 1524 in Melanchthons Grammatik erwähnt.

3. Das griechisch-lateinische Lehnwort *diphthongus*, das mit unterschiedlichem Assimilierungsgrad allmählich ins Deutsche übernommen wurde, findet sich in Grammatiken und grammatischen Abhandlungen vom ersten Viertel des 16. bis zur Mitte des 18. Jhs.

4. Parallel zum griechisch-lateinischen Terminus *diphthongus* werden ab 1534 die vollständig eingedeutschten terminologischen Varianten *Diphthong* oder *Diphthonge* verwendet.

5. In der ersten Hälfte des 16. Jhs tauchen die ersten deutschen terminologischen Dubletten auf, deren Anzahl bis zum Ende des 18. Jhs zwanzig erreicht, einschließlich verschiedener orthographischer Varianten. Die häufigste und nachhaltigste Dublettenform ist *Doppellaut*, die eine strukturell-semantische Lehnübersetzung des altgriechischen Wortes δίφθογγον (δίφθογγος) darstellt und jetzt in das terminologische System der modernen deutschen Sprachwissenschaft gehört (GLÜCK & al. 2000: 168). Die überwiegende Mehrheit der Dublettenformen vermittelte den bivokalischen Charakter des Diphthongs.

6. Vom ersten Viertel des 16. bis zum Ende des 18. Jhs stieg die Anzahl der Diphthonge und der den Diphthongen gleichgesetzten quasi-diphthongischen Lautverbindungen in den deutschen Grammatiken auf 46. Fast alle Sprachwissenschaftler erkannten in dem beschriebenen Zeitraum das Vorhandensein der Diphthonge *au*, *ei*, *eu* im System des deutschen Vokalismus an. Etwa die Hälfte der Sprachwissenschaftler setzte von der Mitte des 16. bis einschließlich des dritten Viertels des 18. Jhs die Umlaute *á*, *ô*, *ú* mit Diphthongen gleich. Doppelte Vokale wurden bis Mitte des 18. Jhs fälschlicherweise als Diphthonge behandelt.

7. Die erste lexikographische Erwähnung des Terminus *Diphthong* findet sich 1537 im zweisprachigen Übersetzungswörterbuch *Dictionarium latinogermanicum...* von Dasypodius, der unter einem Diphthong einen Doppellaut verstand, welcher durch die gemeinsame Aussprache zweier Vokalen in derselben Silbe gebildet wurde. Solche Interpretation wurde in Übersetzungswörterbüchern bis zum Ende des 18. Jhs beibehalten. In grammatischen und erklärenden Wörterbüchern des Deutschen, die im späten 18. Jh. erschienen,

wird Diphthong als ein komplexer Laut beschrieben, der aus zwei hörbaren Vokalen besteht, die mit Gleitbewegung der Artikulationsorgane ausgesprochen werden. Wörterbücher diesen Typs schlossen nicht-diphthongische und quasi-diphthongische Buchstabenverbindungen aus, zu denen zuvor unter anderem doppelte Vokale und Umlaute gehörten. Die theoretische Grundlage für solche Interpretierung von Diphthongen scheinen Adelungs Werke gewesen zu sein.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Москальская О. И. История немецкого языка. М.: Учпедгиз, 1959.
[Moskal'skaya, Olga. (1959) *Istoriya nemetskogo yazyka* (History of the German Language). Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)].
- Adelung, Johann Christoph. (1782) *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, zur Erläuterung der deutschen Sprachlehre für Schulen*. In 2 Bdn. Leipzig: verlegt Johann Gottlob Immanuel Breitkopf.
- Adelung, Johann Christoph. (1788) *Vollständige Anweisung zur Deutschen Orthographie, nebst einem kleinen Wörterbuche für die Aussprache, Orthographie, Biegung und Ableitung*. Frankfurt und Leipzig: б/и.
- Adelung, Johann Christoph. (1793) *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen*. In 4 Theilen. Th. 1 A-E. Leipzig: bey Johann Gottlob Immanuel Breitkopf und Compagnie.
- Albertus, Laurentius. (1573) *Teutsch Grammatick oder Sprach-Kunst*. Avgvstæ Vindelicorum: Excudebat Michaël Manger.
- Antesperg, Johann Balthasar. (1747) *Die Kayserliche deutsche Grammatik, oder Kunst, die deutsche Sprache recht zu reden, und zu schreiben*. Wien: bey Johann Ignatz Heyinger.
- Anweisung die deutsche Sprache richtig zu sprechen, zu lesen und zu schreiben. (1794). Wien: im Verlagsgewölbe der deutschen Schulanfalt bey St. Anna in der Johannes-Gaffe.
- Bödiker, Johann. (1690) *Grund-Sätze der Deutschen Sprachen im Reden und Schreiben*. Berlin: bey Johann Wilhelm Meyer und Gottfried Zimmermann.
- Braun, Heinrich. (1765) *Anleitung zur deutschen Sprachkunst, Zum Gebrauche der Schulen, Churlanden zu Baiern*. München: J. Fried.
- Braun, Heinrich. (1793) *Deutsches orthographisch-grammatisches Wörterbuch mit einem Verzeichnisse ausländischer Wörter und Redensarten, welche im gemeinen Leben am öftesten vorkommen und lieber deutsch gegeben werden sollen*. München: bey Joseph Lentner.

- Cholinvs, Petrus & Frisivs, Johannes. (1541) *Dictionarium Latinogermanicum*. Zürich: Tigvri apvd Cristophorum Frofhouerum.
- Dasypodius, Petrus (Hasenfratz, Peter). (1537) *Dictionarium latinogermanicum et vice versa germanicolatinum, ex optimis Latinae linguae scriptoribus concinnatum*. Strassburg (Argentorati): 6/н.
- Düez, Nathanaël. (1702) *Dictionnaire François-Alemand-Latin Et Alemand-François-Latin Ci-devant mis en Lumière*. Cologne: Chez François Metternich Marchand Libraire.
- Ebers, Johannes. (1796) *The New and Complete Dictionary of the German and English Languages, Compos'd chiefly after the German Dictionaries of Mr. Adelung and of Mr. Schwan*. In 3 vols. Vol. I A-G. Leipzig: Printed for Breitkopf and Haertel.
- Franck, Fabian. (1531) *Teutfcher Sprach Art vnd Eygenschafft Orthographia, gerecht Büchfläbig Teutfch zuschreiben*. Franckfurt am Meyn: Bei Christian Egenolph.
- Frisius, Johannes. (1750) *Dictionarium Latino-Germanicum, nec-non Germanico-Latinum*. Colonïæ Agrippinæ: Ex Officina Metternichiana. [Editio nova prioribus correctior]
- Girbert, Johann. (1653) *Die Deutsche Grammatica oder Sprachkunst*. Mülhausen: Typis Johannis Hüteri.
- Glück, Helmut. (ed.) (2000) *Metzler-Lexikon Sprache*. Stuttgart-Weimar: Verlag J. B. Metzler. [2., überarb. und erw. Aufl.]
- Goebel, Ulrich; Lobenstein-Reichmann, Anja; Reichmann, Oskar. (eds) (1986) *Frühneuhochdeutsches Wörterbuch*. Bd. 5.2 d-dysenterie. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co KG.
- Gottsched, Johann Christoph. (1734) *Beyträge zur critischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit*. Bd. II. Leipzig: Bey Bernhard Christoph Breitkopf.
- Gottsched, Johann Christoph. (1749) *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*. Leipzig: Verlegts Bernhard Christoph Breitkopf. [2., verb. u. verm. Aufl.]
- Gueinz, Johann Christian. (1666) *Die Deutsche Rechtschreibung ... von der Fruchtbringenden Gesellschaft überföhen*. Hall in Sachsen: In Verlegung Christoph. Millii; Gedruckt bey Matthæus Henckeln.
- Heupold, Bernhard. (1602) *Teutfches Dictionarium*. Franckfurt: Getruckt bey Christian Egenolffs Erben.
- Heyde, Johann Daniel. (1772) *Regeln vom Schreiben, Reden und Verfemachen in deutscher Sprache*. Wirzburg: Verlegts Johann Stahel.
- Heynatz, Johann Friedrich. (1785) *Anweisung zur Deutschen Sprache*. Berlin: bei Auguft Mylius.

- Ickelsamer, Valentin. (1534) *Ain Teütfche Grammatica*. Augsburg: Ulhart.
- Maaler, Jofua. (1561) *Die Teütsch spraach*. Tigvri: excudebat Criftophorus Frofchouerus.
- Meichssner, Johann Helias. (1541) *Handbüchlin grundtlichs berichts, recht, unnd wolchrybens, der orthographie unnd Grammatic*. Tüwingen: Vlich Morhart.
- Melanchthon, Philipp. (1524) *Handbüchlein, wie man die kinder zů der geschriff vnd lere halten fol*. Wittenberg: 6/II.
- Molnár, Albert Szenczi & Beer, Johann Christoph. (1708) *Dictionarium Quadrilingve Latino-Ungarico-Græco-Germanicum*. Noribergera: Martinus Endter.
- Moritz, Karl Philipp, et al. (1794) *Grammatifches Wörterbuch der deutschen Sprache*. In 4 Bdn. Bd. II D-M. Berlin: bei Ernft Felifch.
- Olearius, Tilemann. (1630) *Deutfche Sprachkunft*. Hall: bey Melchior Oelschlegeln.
- Ölinger, Albert. (1574) *Underricht der Hoch Teutfchen Spraach*. Strasbourg (Argentorati): Excudebat Nicolaus Vvyriot.
- Pudor, Christian. (1672) *Der Teutfchen Sprache Grundrichtigkeit, Und Zierlichkeit*. Coelln an der Spree (Berlin): druckts Georg Schultze.
- Pyritz, Hans Werner. (ed.) (1950) *Bamberg, Egen. Die Minneburg: nach der Heidelberger Pergamenthandschrift unter Heranziehung der Kölner Handschrift und der Donaueschinger und Prager Fragmente*. Berlin: Akademie-Verlag. (Deutsche Texte des Mittelalters, Bd. 43)
- Reichard, Elias Caspar. (1747) *Verfuch einer Historie der deutschen Sprachkunft*. Hamburg: Bey Johann Adolph Martini.
- Roth Georg Michael. (1799) *Systematifche deutsche Sprachlehre für Schulen*. Gießen: bei Georg Friedrich Heyer.
- Sattler, Johann Rudolph. (1610) *Teutfche Orthographe Und Phrafeologen. Das ift ein underricht Teutfche sprach recht vnnd wohl zufchreiben*. Basel: getruckt in verlegung Ludwig Königs.
- Schmidt, Wilhelm. (1969) *Geschichte der deutschen Sprache*. Leipzig: Volkseigener Verlag „Volk und Wissen“.
- Schottel, Justus Georg. (1641) *Sprachkunft*. Braunschweig: Gedruckt bey Balthafar Grubern.
- Schwanwitz, Martin. (1745) *Teutfche Grammatica*. St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayferlichen Academie der Wiffenschafften.
- Stephanus, Ritter. (1616) *Grammatica Germanica Nova*. Marpurgi: Typis Rodolphi Hutvvelckeri.
- Stutz, Johann Ernst. (1790) *Deutfche Sprachlehre*. Potsdam: bei Carl Chrifftian Horvath.

- Wismayr, Joseph. (1796) *Grundfätze der deutschen Sprache*. Erfter Theil: Sprechlehre. Salzburg: Im Verlage der Mayer'schen Buchhandlung.
- Zesen, Philipp. (1643) *Hooch-Deutsche Sprach-übung Oder unvorgreifliches Bedenken über die Hooch-Deutsche Haupt-Spraache und derselben Schreibrichtigkeit. In unter-redung gestellet, und auff begehren und guhtbe- finden der Hoochlöblichen Deutch-Zunfft herfür gegeben*. Hamburg: Bey Heinrich Wernern.

Andrey V. Ivanov
Nizhny Novgorod State Linguistics University

***Diphthong*: A Historical-linguistic and Lexicographic Description of the German Term**

The article deals with the history of the entry of the term *Diphthong* into the terminological system of German linguistics. Based on the analysis of the literary, scientific and lexicographic sources, published in Germany in the period between 15th and 18th centuries, the author traces the evolution of the phonetic status of diphthong, identifies and systematizes the numerous terminological nominations used to denote the concept 'diphthong'. The first mention of diphthong as a linguistic term presumably dates back to 1524. Up to the mid-18th century, German grammarians mistakenly attributed to diphthongs not only true diphthongs, but also umlauts and doubled vowels. The number of such letter combinations reached 46. From the 15th century up to middle of the 18th century grammatical treatises usually used the unassimilated Greek-Latin designations of the term. In later times, the Greek-Latin etymon underwent partial assimilation. Since the first half of the 16th century, the German-language equivalents of the term (doublets) have appeared, which by the end of the 18th century numbered at least twenty names. The vast majority of the doublets reflect the bivocalic nature of the diphthong. The most widespread and stable doublet form is the term *Doppellaut*, which is a loan word of the Greco-Latin etymon and has survived to the present day. The first instance of lexicographic recording of the term *Diphthong* dates back to 1537. The study uses the methods of historical-linguistic, definitional and semantic analysis.

Keywords: diphthong; phonetics; lexicography; linguistic term; terminological semantics; historical and linguistic analysis

Андрей В. Иванов

Нижегородский государственный лингвистический университет

***Diphthong*: историко-лингвистическое
и лексикографическое описание немецкого термина**

Статья посвящена истории вхождения термина *Diphthong* в терминологическую систему немецкой лингвистики. На основе анализа литературных, научно-теоретических и лексикографических источников, опубликованных в Германии в период с XV по XVIII в., автор прослеживает эволюцию фонетического статуса дифтонга, выявляет и систематизирует многочисленные терминологические номинации, используемые для обозначения понятия «дифтонг». Первое упоминание о дифтонге в статусе лингвистического термина предположительно относится к 1524 году. Вплоть до середины XVIII в. немецкие грамматисты ошибочно относили к дифтонгам не только истинные дифтонги, но также умлауты и удвоенные гласные. Количество таких буквосочетаний доходило до 46-ти. В период с XV в. до середины XVIII в., в грамматических трактатах, как правило, использовались неассимилированные греко-латинские обозначения термина. В более позднее время греко-латинский этимон подвергается частичной ассимиляции. Начиная с первой половины XVI в., появляются немецкоязычные эквиваленты термина (дублеты), количество которых к концу XVIII в. насчитывает не менее двадцати наименований. Подавляющая часть дублетных форм отражает бивокалическую природу дифтонга. Наиболее распространенной и устойчивой дублетной формой является термин *Doppellaut*, представляющий собой кальку греко-латинского этимона и сохранившийся до наших дней. Первый случай лексикографической фиксации термина *Diphthong* датирован 1537 годом. В ходе исследования применяются методы историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа.

Ключевые слова: дифтонг; фонетика; лексикография; лингвистический термин; терминологическая семантика; историко-лингвистический анализ

Для цитирования:

Ivanov A. V. *Diphthong*: Eine sprachgeschichtliche und lexikographische Beschreibung des deutschen Terminus // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 134—161.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-134-161.

To cite this Article:

Ivanov, Andrey V. (2023) *Diphthong*: Eine sprachgeschichtliche und lexikographische Beschreibung des deutschen Terminus (*Diphthong*: A Historical-linguistic and Lexicographic Description of the German Term). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 134—161. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-134-161.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; принята к публикации 27.03.2023

The article was submitted 27.02.2023; accepted for publication 27.03.2023

В. И. Карпов
Институт языкознания РАН

О ВКЛАДЕ МАКСА БЕНЗЕ В СТАНОВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА В 1960 — 70-Е ГГ. В ГЕРМАНИИ

Макс Бензе (1910 — 1990) приобрел известность благодаря своим работам в области философии и информатики. Его главным научным достижением стала информационная эстетика, которая объединила теорию информации, семиотику и классическую эстетику. Эстетическое учение Бензе активизировало во многих странах в 1960-х гг. развитие новых форм искусства — абстрактной литературы и конкретной поэзии, которые сочетали вербальные, звуковые и визуальные элементы, и сделало экспериментирование с текстами неотъемлемой составляющей творческого процесса. Принципы компьютерного моделирования текстов, которые сформулировал Бензе в ходе экспериментов, его подход к систематизации полученных результатов и предложенный терминологический аппарат способствовали стремительному развитию лингвистики текста в Германии в 1960 — 70-е гг. В частности, Бензе ввел в научный оборот термин *Textsorte* 'сорт текста', который прочно укоренился в науке о языке. Бензе предложил применять данный термин к совершенно новому классу текстов, которые он с коллегами получал в результате поэтических опытов с применением ЭВМ. С их подачи *Textsorte* прочно укоренился в кибернетике и связанных с ней дисциплинах, и почти одновременно и независимо от Бензе его стали применять в лингвистике текста ко всем формализуемым типам текстов. Именно в немецком языкознании термин *Textsorte* получил широкое распространение; он используется не только для типологической классификации текстов, но и для наименования отдельных научных направлений. Несмотря на столь очевидные заслуги Бензе, его труды по лингвистике текста по-прежнему мало известны специалистам. В статье раскрывается подход Бензе к описанию текста как интегрального объекта, раскрываются предпосылки перехода от информационной эстетики к теории текста, устанавливается взаимосвязь математических и гуманитарных наук в его философской концепции и выявляются стимулы терминологического творчества на примере термина *Textsorte* 'сорт текста'.

Ключевые слова: теория текста; информатика; эстетика; кибернетика; история лингвистики

1. Введение

В историографии науки нередко имена ученых, которые внесли значительный вклад в развитие отдельных научных направлений, оказываются незаслуженно забытыми. Они упоминаются время от времени в примечаниях к различным публикациям в связи с незначительными фактами их научной биографии или общественной истории, но их труды по-прежнему остаются за рамками пристального интереса коллег. Например, мало кто из лингвистов вспоминает сейчас Макса Бензе (1910 — 1990), видного представителя Штутгартской школы информационной эстетики, которая в конце 1950-х и в 1960-х гг. превратилась в своего рода экспериментальную площадку рациональной эстетики. И хотя многие признают, что Бензе оказывал существенное влияние на философскую и художественную жизнь Германии на протяжении десятилетий, почти никто не называет или не принимает в расчет его работы в своих собственных исследованиях.

В 1949 г. Бензе становится профессором философии науки и техники и математической логики в Техническом университете Штутгарта, где преподает до 1976 г. Под влиянием кибернетики и компьютерного искусства Бензе формулирует принципы информационной эстетики и в качестве аргумента для подтверждения своих новаторских философских идей приводит создаваемые им и его единомышленниками с помощью ЭВМ искусственные тексты. Современные исследования в области теории аудиовизуальных искусств, компьютерной текстологии и искусственного интеллекта во многом перекликаются с идеями Бензе и лишней раз подтверждают актуальность его философского наследия. По меткому определению Беттины Тирс, Бензе видел своей целью не столько эстетизацию техники и технического прогресса в целом, сколько создание нового поля эстетики (THIERS 2019: 271). В этом поле Бензе как предтеча «точных гуманитарных наук» стремился объединить научные дисциплины, изучающие природу, технику и духовный мир человека:

Benses Bemühungen, die Kluft zwischen Natur- und Geisteswissenschaften zu überwinden, durchziehen sein ganzes Werk und manifestieren sich in der Engführung von Kunst und Technik sowie im

reziproken Kombinieren unterschiedlicher Herangehensweisen, etwa indem er eine Geistes- und Stilgeschichte der Mathematik entwirft und vice versa mathematische Analysen von Kunstwerken propagiert, eine Theorie literarischer Formen der Philosophie skizziert und statistische Strukturanalysen von Texten durchführt. Auch in eigenartigen Begriffsbildungen wird Benses Strategie deutlich: Philosophie als Forschung, Informationsästhetik, existentieller Rationalismus, Programmierung des Schönen, präzises Vergnügen (UHL & ZITTEL 2018: 3).

Бензе был не только философом, который осмыслил социально-политические последствия разделения технического мира и гуманитарного мышления и гносеологические предпосылки их возможного взаимодействия, но и пионером компьютерного анализа текста. Сформулированные им в ходе экспериментов принципы компьютерного моделирования текстов и подходы к систематизации полученных результатов в совокупности с предложенным вспомогательным терминологическим аппаратом способствовали стремительному развитию лингвистики текста в Германии в 60 — 70-е гг. прошлого века. В частности, благодаря Бензе в научный оборот вошел термин *Textsorte* 'сорт текста', прочно укоренившийся в немецком языкознании. В данной статье мы постараемся раскрыть подход Бензе к информационной эстетике и теории текста и установить взаимосвязь математических и гуманитарных наук в его работах, проиллюстрировав логику его терминологического творчества на примере термина *Textsorte*.

2. Результаты исследования и их обсуждение

2.1. От информационной эстетики к теории текста: в поисках интегрального объекта

Макс Бензе интересовался научными и художественными проблемами, он был писателем и философом, естествоиспытателем и математиком. Прежде чем приступить к изучению математики, физики, геологии и философии в Бонне, он писал стихи, пьесы, радиоэссе, готовил радиопостановки. Бензе не был лингвистом, он получил широкую известность благодаря своим работам в области философии, эстетики, литературной критики, и лишь позже к этому списку присоединяется теория текста. Происходит это по вполне понятной причине: Бензе подхватывает

набирающий обороты тренд в науке, искусстве и технике в 1950 — 60-е гг. — переход к рассмотрению любого эстетического объекта как интегрального объекта. Информационная эстетика, которую он разрабатывает на протяжении длительного времени, объединяет математическую логику, классическую эстетику, теорию информации, семиотику и теорию коммуникации. Бензе, по сути, пытается измерить красоту математическими методами. Об этом красочно пишет исследователь и знаток работ представителей Ульмской и Штутгартской школ В. Р. Аронов:

...его больше интересовала не природная красота, существующая вне человека, а новая со-реальность (Mitrealität), возникающая при помощи технически созданных форм. Особенностью такой со-реальности является не только новая геометрия окружающего мира, но и ее утилитарная целесообразность. Бензе назвал это «предопределенной со-реальностью», с которой люди примиряются и свыкаются в практической жизни. Искусство же создает «непредопределенную со-реальность», вырабатывая свой модус красоты — он и становится определяющим в эмоциональной, духовной и социальной сферах. С массовым проникновением техники в повседневную жизнь между двумя видами «со-реальности» происходит сближение. Особенно в тех случаях, когда технически созданные формы начинают все больше входить не только в практический, но и в эмоциональный, духовный и социальный мир большинства людей. Это сближение обеспечивается и корректируется появившимся самостоятельным видом творческой деятельности — «промышленное оформление» (industrielle Formgebung) (Аронов 2007: 361-362).

Бензе всю свою жизнь занимался, как бы сейчас сказали, проблемой передачи информации, менялся лишь объект изучения. Стержневым концептом в разрабатываемой им теории информационной эстетики становится текст, под которым он понимает не некое литературное произведение, а любой цельно оформленный и законченный продукт из слов. Большое влияние на него оказали труды ученых, которые интерпретировали речевые акты с помощью математических методов информационного анализа. Исследование текста переносится в область информационной эстетики, где каждый объект искусства рассматривается как совокупность эстетических элементов (эсте-

тических знаков) и описывается с использованием семиотических (классы знаков) и математических (количественные величины) средств. Эстетическая информация есть ничто иное, как селекция, или сортировка, способов систематизации и распределения классов знаков («Zeichenklassen») (BENSE 1998: 401). Эстетические знаки составляют основу материальной характеристики любого художественного объекта, вне этих знаков его восприятие принципиально невозможно (ПОЛЯКОВ 1978: 17). Работая с экспериментальными текстами, Бензе вводит такие понятия как «конкретная поэзия», «визуальный текст» и т. п., и понимает под ними объекты, в которых слова объединены и расположены так, чтобы возникал визуально-звуковой эффект (BENSE 1998: 366). Текст «технократизируется», он превращается из предмета духовного потребления в носителя информации и помещается в сферу утилитарных интересов. Теперь лишь информационная ценность представляется эстетически значимой; на место таких философских категорий как «форма» и «содержание» приходят производственные понятия, связанные с процессом создания художественного продукта.

В философской концепции Бензе понятие «текст» не является литературоведческим термином, он сознательно и принципиально выводит его за рамки художественной литературы, понимая под ним «совокупность знаков, расположенных в любой из возможных линейных и нелинейных последовательностях» (WALTNER 1993: 93). Бензе воспринимает текст как

языковое образование, материальные элементы которого относятся к лингвистическим явлениям: звуки, слоги, морфемы, слова, фразы, предложение и т. п., в зависимости от того, какие конституирующие элементы релевантны для его создания (BENSE 1998: 343).

Наиболее точное определение текста он приводит в обобщающем труде (BENSE 1969):

Wir gehen von einem erweiterten Begriff des Textes aus, der linear, flächig oder auch räumlich angeordnete Mengen von Material und diskret gegebenen Elementen, die als Zeichen fungieren können, auf Grund gewisser Regeln zu Teilen oder zu einer Ganzheit zusammenfaßt (BENSE 1969: 76).

Под такое определение подходит любое множество текстов, включая рекламу, плакаты и пр. Еще в работе *Plakatwelt* Бензе пытается аргументированно применить технический подход к художественному процессу: техника не противопоставляется искусству или культуре, эстетическому вообще, а наоборот, подчеркивается ее роль в художественном производстве (ср. [BENSE 1952]). Бензе уверен, что техническое сознание с самого начала переплетается с эстетическим, математическим, метафизическим воображением. Техника помещается в культурно-исторический контекст, в котором нуждаются наука и искусство и который не должен восприниматься как враждебный эстетическому, духовному в жизни человека. Положительное отношение к духовной чистоте техники объясняет, почему Бензе в 1960 — 70-е гг. так самоотверженно защищает компьютерное искусство («программирование красоты») в публикациях по эстетике и философии:

Mit der Entwicklung der modernen Nachrichtentechnik hat sich innerhalb unserer technischen Realität der Bereich der klassischen Maschine, die Energie erzeugt und Arbeit leistet, um den Bereich der transklassischen Maschine erweitert, die imstande ist, nichtphysische Funktionen, wie Deduzieren und Auswählen, also Beweis und Information zu realisieren (BENSE 1960: 13).

Цикл работ по информационной эстетике Бензе начинает с размышлений о развитии цивилизации, которая все больше ориентируется на точность, измеримость, доказуемость и переносимость знаний, применяет физико-математические методы к художественным, особенно языковым, элементам. В понятие «информация» он включает документальное, семантическое и эстетическое измерения. По самой природе эстетическая информация остается привязанной к своим средствам. Все статистические процессы, происходящие на выбранном материале, связанные с репертуаром созидających элементов и зависящие от способа переноса статики в действие, имеют шанс стать эстетическим процессом. Главным критерием эстетической привлекательности объекта искусства Бензе считает инновативность, создание абсолютно нового, а это может позволить только технический прогресс, инновативный по своей цели. Такое понимание красоты Бензе автоматически применяет и к тексту.

2.2. Текст как объект: принципы терминологической номинации и классификации

В теорию текста Бензе вводит понятия «текст», «метатекст», «контекст» и запускает дискуссию о принципах классификации текстов. Теория текста предполагает не реальность мира, а реальность текстов; наряду с «материальностью» текста он говорит о текстовой феноменологии, статистике, о предтекстах («Urtexte»), в особенности же о текстах логических («L-Texte»), эстетических («M-Texte») и дескриптивных («S-Texte»), переходит от них к относительным, фиктивным, нормативным и креативным типам текстов. Различие между линейными и нелинейными типами текстов фактически представляет собой границу между прозой и поэзией. Маркерами линейных текстов выступают сигналы, высвечивающие последовательность знаков («что за чем следует»), источник или причину («что из чего следует»), цель или результат («что к чему следует»). Бензе с увлечением изучает записи Соссюра, который сравнивал языковую систему с шахматной игрой, сопоставляет его идеи с «языковой игрой» Витгенштейна и математической теорией игр Неймана, пытается интегрировать их в разрабатываемую им теорию текста. Статистическое описание текстов строится у Бензе на основе методов Ципфа, Мандельброта и др. и подводит его к выводу, что и теорию литературы необходимо осмысливать как теорию текста, предметом которой становится вербальный объект как «эстетическое послание». Создание текста, с эстетической точки зрения, является в первую очередь семиотическим процессом, во вторую — информационным, и только в последнюю очередь коммуникативным:

Es hat den Anschein, daß durch das Eindringen der Grundlagenwissenschaften der transklassischen Maschine, also der statistischen Informationstheorie und Kommunikationsforschung, in die Linguistik und in die Ästhetik ein gewisser Umschwung eingetreten ist. Fucks, Mandelbrot u. a. haben numerische Methoden entwickelt, die nicht nur den Begriff des Textes bemerkenswert erweitern und literarische Texte ebenso einbeziehen wie journalistische Reportagen oder Werbetexte, sondern darüber hinaus praktisch einen Text mit den gleichen Mitteln beschreiben wie die Thermodynamiker ein Gas (BENSE 1960: 13).

Вполне предсказуемо, что такой нетривиальный подход проявился не только в экспериментах с текстами, но и в обращении с терминологическим инвентарем. Терминологический аппарат, используемый Бензе, возникает на стыке таких дисциплин как математика, статистика, информатика, лингвистика. Терминоподобные новообразования обслуживают разрабатываемую им теорию текста и символизируют синтетический, интегральный характер его творчества. Еще в 1954 г. Бензе писал:

Es ist ein philosophischer Stil entstanden, der in den experimentierenden philosophischen Prosaformen gern den Charakter des terminologischen Jargons annimmt. Vor allem in der philosophischen Literatur des gegenwärtigen Deutschland und Frankreich läßt sich das beobachten. Viele Fachsprachen fließen in den einzelnen Wissenschaften, Künsten und Lebensbereichen zusammen und überlagern die rein metaphysische Redeweise oder führen sie implizit mit; sie erweist sich ebenso reich an abgegriffenen Fetischismen wie an Neuschöpfungen <...> Die neue synthetische Terminologie der Philosophie stellt zwar die ursprüngliche Unbefangenheit der Reflexion wieder her, aber sie fängt auch ihren schweifenden, abenteuerlichen Zug in ihren abstrakten Netzen auf (BENSE 1954: 106).

В статьях Бензе появляются, например, термины-композицы *Textalgebra*, *Textkompliment*, *Textkonfiguration*, *Textlogik*, *Textmetaphysik*, *Textphänomenologie*, *Textraum*, *Textsemiotik*, *Textstatistik*, *Texttopologie* и, конечно же, *Textsorte*. Ни одна работа по лингвистике текста, написанная на немецком языке, не обходится без термина *Textsorte*. Какой же смысл вкладывал Бензе в это понятие?

2.3. Что такое «сорт текста»?

В отдельных публикациях отмечается, что именно Бензе ввел термин *Textsorte* в научный оборот. Первым дает такую ссылку Гетц Бек, но с оговоркой, упоминая имя Бензе только в примечании (BESK 1973: 108). Здесь следовало бы поправить Бека, который относит появление этого слова к 1962 году: впервые Бензе употребляет его в статье, опубликованной в журнале «Augenblick» и озаглавленной *Neue Textsorten* (BENSE 1961: 23), и закрепляет годом позже в обзорном труде *Теория текста* (BENSE 1962). В то же время Хуго Штегер, вспоминая свои эксперименты с текстами в середине 1960-х гг., признается, что *Textsorte* он с коллегами стал применять для разграниче-

ния текстов, возникающих в рамках коммуникативного акта, не подозревая, что Бензе уже использовал этот термин: «Daß Max Bense diesen Terminus schon früher in ganz anderem Sinne verwendet hatte, war uns damals unbekannt» (STEGER 1983: 46). Это признание отчасти объясняет, почему в работах по лингвистике текста понятие *Textsorte* трактуется несколько иначе, чем в статьях Бензе. Впрочем, далеко не всегда последующие определения сильно отличались от того базового понимания *Textsorte*, которым оперировал Бензе. Так, например, Петер Хартманн описывает *Textsorte* вполне в бензеанском духе либо как «множество текстов с определенными общими чертами» (HARTMANN 1964: 23), либо как «подмножество текстов, обладающих определенными общими чертами, релевантными для их описания и разграничения» (HARTMANN 1971: 22). По мнению Иоганна Швиталлы (SCHWITALLA 2001: 896-903), именно благодаря деятельности рабочей группы «Gesprochene Sprache» («разговорный язык») во главе со Штегером термин *Textsorte* окончательно вошел в лингвистическую литературу как оптимальный инструмент «сортировки» различных типов дискурса в разговорном немецком языке. Данный тезис, как и сказанное выше, не отменяют того факта, что термин *Textsorte* впервые стал использовать Бензе, когда проводил компьютерные эксперименты с текстами.

Напомним, что Бензе понимал теорию текста как направление, объединяющее эстетику, лингвистику и математические дисциплины. Он и его единомышленники не просто анализировали, но самостоятельно создавали тексты, применяя потенциал математических методов в духе кибернетики 1950 — 60-х гг. Экспериментирование со словами, результатом которого было создание серии машинных текстов, производилось с использованием ЭВМ Zuse Z22. Этим занималась возглавляемая им группа, работавшая начиная с 1959 г. в Штутгартском университете. Принцип был следующий: в компьютер вводился случайный (в терминах математики — «стохастический») набор слов, задавался алгоритм работы в соответствии с матрицей вероятностей Маркова и анализировался результат («стохастический текст»), выдаваемой ЭВМ (BENSE 1971: 74-96). Приме-

няемый при анализе специальный термин *Textsorte* обозначал, таким образом, совершенно новый класс текстов, инновационный с точки зрения их производства и отвечающий сформулированным Бензе критериям эстетической оценки. Следовательно, для Бензе и его коллег *Textsorte* был скорее техническим термином, обозначавшим «стохастически» возникший объект, чьи контуры размыты, а фиксация доступными терминологическими средствами затруднена. Как и при первом упоминании, в более поздних работах он использует термин *Textsorte*, как правило, в связи с проблемой классификации текстов. Позже, в обобщающей монографии, раскрывая понятие «градуированной семантической», Бензе так напишет о трех «сортах текста»:

Unter dem Begriff dieser gewissermaßen graduierten Semantizität entwickeln sich also drei materiale und semanteme Kontexte, die strukturell und konfigurativ drei Textierungen, drei Textsorten ermöglichen: die offenen, ergänzungsbedürftigen, aus diskreten Wortfolgen bzw. Wortmengen, Nominalphrasen, un abgeschlossenen Prädikationen, Metaphern gebildeten Texturen; die Folgen geschlossener (atomarer oder molekularer) Sätze epischer, reflektorischer oder erkenntnistheoretischer fiktiver oder gegebener Provenienz, die eigentlichen Textierungen oder Vertexte; schließlich die vollständigen Satzfolgen der Beweise, der Theorien, der Kalküle, die isolierbaren Textfiguren vollständiger Determination, was sowohl ihre Materialität (Textmaterialität) als auch ihre Semantizität (Textsemantik) angeht (BENSE 1998: 376-377).

Теорию текста Бензе выстраивает, отталкиваясь от учения Пирса о знаках и знаковых системах, и вводит такое понятие как коннексы — сочетания линейно расположенных, грамматически и семантически спаянных единиц. Текст представляет собой структурированное множество элементов-коннексов, выступающих как иконические знаки, которые складываются в целое при помощи индексов. Под последними понимаются знаки пунктуации (точки и запяты), интервалы (абзацы), копулятивные маркеры (сочинительные союзы). Индексы связывания и иконические коннексы образуют эстетические константы мира знаков, где и возникает нечто новое (BENSE 1971: 39-40). Если резюмировать результаты, достигнутые Бензе в связи с разработкой теории текста, то мы могли бы с опорой на описанные

им характеристики сформулировать следующее рабочее определение термина *Textsorte*: серийно воспроизводимые тексты любого объема, в которых заданное количество элементов комбинируется определенным способом. Способ же зависит от того, какое задание прописывается для машины (например, в случае компьютерных стихов) или какую цель ставит перед собой текстопорождающий субъект (любая творческая личность при экспериментировании с текстами).

Что касается второго компонента композита *Textsorte*, то Бензе употребляет его, на наш взгляд, исходя из своего понимания математической логики и знания языка программирования. По всей видимости, термином *sort* обозначается любое непустое множество объектов, которое отличается устойчивостью и относительной независимостью элементов. Употребление этого и подобных терминов для описания эстетических процессов казалось представителям Штутгартской школы вполне органичным, поскольку было напрямую связано с развитием информационных технологий. Например, когда Бензе описывает семиотику городского пространства, он использует математический термин *Zeichensorte* 'сорт знаков' с таким же компонентом в составе композита (BENSE 1998: 401). В отечественном языкознании предлагаются различные трактовки второго компонента. Так, Н. С. Бабенко считает *Sorte* «единицей из лексикона обыденного языка», участвующей в образовании слов, чьи «первые компоненты являются главным образом наименованием продуктов питания, растений, материалов и т. д., т. е. объектами, которые существуют в разных видах и поддаются «сортированию» (БАБЕНКО 2019: 11). С. С. Чаплина усматривает в нем отражение классификации биологических видов, а в переносе системы таксономических категорий в типологию текстов — способ «активизировать общие знания о иерархированности категорий» (ЧАПЛИНА 2009: 134).

3. Заключение

Бензе и его коллеги в дальнейшем сосредоточились на совершенно новом направлении: на вопросах научного развития семиотики, которые прежними авторами лишь выборочно затрагивались в отдельных ранних работах. Их целью было со-

единение семиотики и математико-статистической теории информации и создание так называемой «точной эстетики», охватывающей все отдельные виды искусства. Точность заключалась в том, что в эстетическом процессе ведущая роль отводилась приемам статистического отбора. Статистический аспект оказался актуальным как для эстетической, так и смысловой функции текста, поэтому в акте текстопорождения Бензе различает «многословный» стиль с большим количеством различных слов (ср., например, любое произведение художественной литературы) и частотный стиль со сравнительно небольшим количеством слов с большей частотностью (машинные тексты). Эстетическое учение Бензе активизировало во многих странах в 1960-х гг. развитие новых форм искусства — абстрактной литературы и конкретной поэзии, сочетающих вербальные и визуальные моменты, и сделало экспериментирование с текстами неотъемлемой составляющей наступавшей эры компьютерного творчества.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Аронов В. Р.* Ульмская школа // Искусствознание. 2007. № 3-4. С. 343—384. [Aronov, Vladimir R. (2007) Ul'mskaya shkola [The School of Ulm]. *Iskusstvovoznaniye* (Art History), 3-4, 343—384. (In Russian)].
- Бабенко Н. С.* Еще раз о термине Textsorte в немецкоязычном лингвистическом жанроведении // Германистика сегодня. Материалы Международной научно-практической конференции / ред. М. А. Кулькова. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. 2019. С. 9—15. [Babenko, Nataliya S. (2019) Yeshche raz o termine Textsorte v nemetskoyazychnom lingvisticheskom zhanrovedenii (Once again about the Term Textsorte in German Linguistic Genre Studies). In: Kul'kova, Mariya A. (ed.) *Germanistika segodnya* (German Studies Today). Kasan: Kazan Federal University, 9—15. (In Russian)].
- Поляков М. Я.* Вопросы поэтики и художественной семантики. М.: Советский писатель, 1978. [Polyakov, Mark Ya. (1978) *Voprosy poetiki i khudozhestvennoy semantiki* (Questions of poetics and artistic semantics). Moscow: Sovetskiy pisatel'. (In Russian)].
- Чаплина С. С.* Понятие «тип текста»: принципы дефинирования и проблемы классификации // Вестник Бурятского гос. ун-та.

2009. № 11. С. 132—137. [Chaplina, Svetlana S. (2009) Ponyatiye “tip teksta”: printsipy definirovaniya i problemy klassifikatsii (The Concept of “Text Type”: Principles of Definition and Problems of Classification). *Bulletin of BSU*, 11, 132—137. (In Russian)].
- Beck, Götz. (1973) Textsorten und Soziolekte. In: Sitta, Horst & Brinker, Klaus. (eds) *Studien zur Texttheorie und deutschen Grammatik*. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 73—112.
- Bense, Max. (1952) Plakatwelt. In: *Plakatwelt. Vier Essays*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 9—22.
- Bense, Max. (1954) *Aesthetica. Metaphysische Beobachtungen am Schönen*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Bense, Max. (1960) *Aesthetica (IV). Programmierung des Schönen. Allgemeine Texttheorie und Textästhetik*. Krefeld; Baden-Baden: Agis.
- Bense, Max. (1961) Neue Textsorten. *Augenblick*. Jahrgang 5, Heft 1, 23—27.
- Bense, Max. (1962) *Theorie der Texte. Eine Einführung in neuere Auffassungen und Methoden*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Bense, Max. (1969) *Einführung in die informationstheoretische Ästhetik. Grundlegung und Anwendung in der Texttheorie*. Hamburg: Rowohlt Verlag.
- Bense, Max. (1971) *Die Realität der Literatur. Autoren und ihre Texte*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Bense, Max. (1998) *Ausgewählte Schriften*. In 4 Bdn. Bd. 3. Ästhetik und Texttheorie. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler Verlag.
- Hartman, Peter. (1964) Text, Texte, Klassen von Texten. *Zeitschrift für Literatur, Kunst und Philosophie*, 2, 15—25.
- Hartman, Peter. (1971) Texte als linguistische Objekte. In: Stempel, Wolf-Dieter. (ed.) *Beiträge zur Linguistik*. München: Fink, 9—29.
- Schwitalla, Johannes. (2001) Gesprochene-Sprache-Forschung und ihre Entwicklung zu einer Gesprächsanalyse. In: Brinker, Klaus & al. (eds) *Text- und Gesprächslinguistik*. 2. Halbbd. Berlin; New York: de Gruyter, 896—903.
- Steger, Hugo. (1983) Über Textsorten und andere Textklassen. In: Vereinigung der Deutschen Hochschulgermanisten (ed.) *Textsorten und literarische Gattungen: Dokumentation des Germanistentages in Hamburg vom 1. bis 4. April 1979*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 25—67.
- Thiers, Bettina. (2019) Max Bense, Dichter einer technisierten Welt? Über konkrete Poesie, computergenerierte Textexperimente und die „Programmierung des Schönen“. In: Albrecht, Andrea & al. (eds) *Max Bense. Werk — Kontext — Wirkung*. Stuttgart: Metzler,

257—272.

- Uhl, Elke & Zittel, Claus. (2018) *Einleitung*. Weltprogrammierung — Zur Aktualität Max Benses. In: Uhl, Elke & Zittel, Claus. (eds) *Max Bense. Weltprogrammierung*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler Verlag, 1—8.
- Walther, Elisabeth. (1993) Die Entwicklung der Ästhetik im Werk von Max Bense. *Semiosis. Internationale Zeitschrift für Semiotik und Ästhetik*, Jahrgang 18, Heft 3/4, 71—72, 75—109.

Vladimir I. Karpov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

On Max Bense's Contribution to the Development of Text Linguistics in Germany in the 1960s and 1970s

Max Bense (1910 — 1990) has got widely notorious for his work in the fields of aesthetics and information science. His main scientific achievement is information aesthetics that combines information theory, semiotics, and classical aesthetics. In 1960s, many countries followed Bense in his aesthetic doctrines, which propelled the development of new artistic forms — abstract literature and concrete poetry that mixed verbal, and audiovisual elements. That is how experimenting with texts became part and parcel of the creative process. The principles of computer-assisted text modeling experimentally established by Bense, the approaches he used in systematizing the results, and his terminological apparatus contributed to the rapid development of text linguistics in Germany in 1950 — 60s. Bense coined the term *Textsorte* ('a sort of text') that proved to be largely accepted by German linguists. Bense proposed to apply this term in order to identify a new class of texts that he produced as a result of poetic experiments using computers. After that, the *Textsorte* was widely adopted in cybernetics and other disciplines. At the same time it began to be used in text linguistics for denoting all formalized types of texts. It is in German linguistics that the term *Textsorte* has become widespread; it is used for the typological classification of texts and for naming specific research areas. This paper describes Bense's approach to aesthetics and text theory, reveals the relationship between the mathematical sciences and humanities in his works. The origins of Bense's terminological creativity are explored on the example of the term *Textsorte*.

Keywords: text theory; computer science; aesthetics; cybernetics; history of linguistics

Для цитирования:

Карпов В. И. О вкладе Макса Бензе в становление лингвистики текста в 1960 — 70-е гг. в Германии // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 162—176.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-162-176.

To cite this Article:

Karpov, Vladimir I. (2023) O vklade Maksa Benze v stanovleniye lingvistiki teksta v 1960 — 70-ye gg. v Germanii (On Max Bense's Contribution to the Development of Text Linguistics in Germany in the 1960s and 1970s). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 162—176. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-162-176.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; принята к публикации 24.03.2023

The article was submitted 27.02.2023; accepted for publication 24.03.2023

Ю. В. Кобенко

Национальный исследовательский Томский
политехнический университет

ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РЕПЕРТУАРА СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Функциональный репертуар современного немецкого языка является особым составом, требующим отдельных подходов к описанию. Его отличие от системного полюса состоит в том, что он представляет собой коллективный или индивидуальный продукт речевой комбинаторики, в то время как система включает лишь структурированный инвентарь комбинируемых словарных элементов. Их коллективный отбор, реализующий интегративную функцию языка, создает общественный паноптикум способов выражения, а индивидуальный отбор по противоположному, дезинтегративному, вектору — собственный прожиточный минимум индивидуально значимых выразительных средств. Если система языка существует в виде абстракции и выделяется исключительно для теоретических нужд, то функциональный репертуар представляет собой ту языковую реальность (*Sprachwirklichkeit*), которая нуждается в специальном описании с учетом его структурной композиции. Материал исследования представлен первичными и вторичными источниками. К первичным относятся записи автором статьи синхронной немецкой речи с 2018 г. по настоящее время, к вторичным — словники универсального словаря Duden (2019) и онлайн-словаря DWDS. В исследовании использован корпус общенаучных и лингвистических методов (синтез, анализ, обобщение, абстрагирование, наблюдение, описание, интерпретация, оппозитивный и функциональный методы), а также реализован системно-функциональный подход, позволяющий интерпретировать функционирование словарных элементов системы в речи посредством выделения устойчивых комбинаторных схем, форм и средств их выражения. Выделены четыре подхода к описанию функционального репертуара в общетеоретическом ключе и применительно к современному немецкому языку: 1) фракционный, направленный на фрагментацию репертуара по комбинаторным схемам и частотности использования выразительных средств; 2) системный, предложенный льежской Группой μ и позволяющий систематизировать функциональную сторону языка; 3) структурно-функциональный, описывающий функциональный репертуар сообразно с той или иной

структурной остью; 4) нейрофизиологический, различающий рассудочный и инстинктивно-гормональный репертуары, в том числе в аспекте гендерных особенностей порождения речи, а также так называемые «параллельные» языки, сформированные в результате эволюции субстрата головного мозга *homo loquens*. Теоретическая стилистика понимается как базовая дисциплина для описания функционального репертуара таких современных языков, как немецкий.

Ключевые слова: современный немецкий язык; функциональный репертуар; подходы к описанию; система языка; языковой состав

1. Введение

Разделение системного и функционального полюсов языка является той теоретической необходимостью, которая, во-первых, призвана избавить современную лингвистику от многочисленных конъюнктурных конгломератов, затрудняющих приращение знаний о языке как универсальном средстве коммуникативного взаимодействия внутри среды обитания человека, а во-вторых, добиться понимания того, как устроен сам языковой конструкт. Долгое время любые продукты речевой комбинаторики, образующие коллективный или индивидуальный инвентарь языка, обозначались чрезвычайно размытым термином «состав» (нем. Bestand), наиболее укорененным в тех областях лингвистики, объектом изучения которых выступают словарные множества языка по отдельности или в их совокупности. На вопрос, что получится, если сложить все функциональные стили языка, самым частым ответом в лингвистических кругах будет «состав», чуть реже — «литературный язык», однако оба ответа представляются неверными.

«Состав» — технически весьма удобный термин, позволяющий сэкономить на точности описания внутриязыковых процессов в угоду количественным представлениям о структуре языка. По нашим наблюдениям, под «составом» понимают как сами языковые множества, так и их структуру как некую упорядоченность или способ организации в них языковых элементов. По мнению В. М. Савицкого и О. В. Доладовой, структура является разностью между системой и элементами (САВИЦКИЙ & ДОЛАДОВА 2017: 43). Именно структурные различия инвентарного и функционального дают повод утверждать, что внутри

любого языка существуют два состава: *системный*, представляющий собой, набор элементов языка для речевого комбинирования (*langue*), и *функциональный*, образующий палитру разнообразных продуктов речевой комбинаторики с многоуровневой иерархией (*parole*). Второй получил в наших работах обозначение *функциональный репертуар* (КОБЕНКО 2022b: 128). Галлицизм «репертуар» (нем. *Repertoire*) спорадично и нередко вскользь упоминается в первую очередь теоретиками стилистики и риторики (SOWINSKI 1991: 162; HOLLY 2001: 431; САЛИМОВСКИЙ 2011: 353) в тех случаях, когда нужно обобщить инвентарные средства определенного (функционального) стиля, подстиля, группы выразительных средств, жанровое многообразие или наполнение регистра.

Системный состав, действительно, поддается количественному описанию, что зачастую и является основанием для выражения так называемого «богатства» языка, ср. рассуждения о словарном запасе, который признается достаточным или недостаточным на основе подсчета используемых словарных элементов (KLEIN 2013: 37). Однако такой подход не дает совершенно никакого представления о свойстве тех ходовых, устойчивых, удачных и пр. речевых комбинациях элементов и форм их выражения, которые использует в речи тот или иной носитель языка. На наш взгляд, ключевым понятием здесь выступает «отбор» (нем. (Aus-)Wahl), который осуществляется сообразно с правилами речевого комбинирования (HEINEMANN 2010: 150-151). Правила являются той областью, которая чрезвычайно мистифицирована коллективным хомскианством и никогда сама по себе не «генерирует», т. е. порождает речь. Правила существуют в виде инструкции к пользованию системой, частью которой не являются (как ноты — частью пианино). И хотя зачастую они совокупно обозначаются грамматикой, правила бывают не только грамматическими, но и прагматическими (поведенческими) (FIX 2006: 247), фонетическими (сегментными и супraseгментными), риторическими (фигуральными) и в конечном счете — семиотическими.

Отбор преследует интегративную или дезинтегративную стратегию, результатами которой становится коллективный (со-

циолект) или, соответственно, индивидуальный (идиолект) репертуар языка. Таким образом, если в системном полюсе языка, выделяемом, естественно, только для теоретических нужд, т. е. абстрактно, содержатся исключительно словарные элементы, упорядоченные по предметно-тематической отнесенности (ономасиологически), то функциональный полюс, выделяемый конкретно, обнаруживает совершенно другую структуру: здесь отобранные способы речевого комбинирования выстроены в иерархию от выразительного средства до репертуара отдельного функционального стиля, между которыми пролегают регистры, жанры, подстили, стили и их гибридные формы (FLEISCHER & MICHEL 1975: 115). Смешение фактур этих двух полюсов приводит к появлению таких фаллибилистических (лат. *fallibilis* 'ошибочный') направлений как дискурсология (фр. *discours* 'доклад'), исходящая из никогда и никем не доказанного посыла, что тематическая принадлежность является отправной точкой для речевого комбинирования словарных элементов и определяет функциональную природу языка. Давно известно, что элементы в речи легко преодолевают границы ономасиологических полей и создают структуры, по своему свойству даже отдаленно не напоминающие словарные. Ведь ни регистры, ни жанры, ни стили не дифференцируются по предметно-тематическим областям, а являются производными речевого комбинирования, т. е. следствием, а не причиной.

Принцип такого комбинирования следующий: из инвентаря системы путем имплементации правил в функциональный репертуар языка отбираются словарные элементы, а из него удачные и закрепленные нормой комбинации попадают обратно в системный полюс. Так образовалось огромное множество новых единиц в инвентаре современного немецкого языка, ср.: *dankenswerterweise* (любезно), *die oberste Warte* (высшая инстанция), *aus dem Größten heraus sein* (у кого-то самое сложное позади) и т. п. Данный принцип призван обеспечить коммуникативную пригодность и жизнеспособность (англ. *vitality*) языка, поскольку язык, утративший взаимодействие между двумя полюсами, мертв. Если единицами системного полюса выступают словарные элементы как разность между системой и ее структу-

рой, то в функциональном полюсе такими единицами, точнее «строительными камнями», будут выразительные средства. Поэтому существующую практику различения единиц языка и единиц речи следует признать недостаточной или неполной. Отрезки речи носят частный характер и представляют собой продукты сегментирования речевой цепи (отсюда обозначения «сегментный» и «супрасегментный ряды»). В целом же, речь нецелесообразно смешивать с функциональным репертуаром. Она всегда конкретна и имеет физические параметры (протяженность, тембральность, прерывистость и т. п.), в то время как функциональный полюс языка состоит из отобранных продуктов речевой комбинаторики, коллективной или индивидуальной (соответственно — коллекционной или селекционной). Чем больше создается таких продуктов, тем живее, ярче и востребованнее язык. Зачастую целый народ трудится над тем или иным способом выражения, придающим языку неповторимую выразительную грань, которая отсутствует в других языках, ср. следующие выражения в современном немецком языке: *die Lehrer führen ein hartes Regiment* (учителя держат воспитанников в черном теле); *hier ist Schmalhals Küchenmeister* (здесь экономят на еде); *na, wenn du nicht ein eigenartiges Vögelchen bist!* (ну ты и субчик!).

Выразительные средства как минимальные структурные единицы функционального репертуара современного немецкого языка чрезвычайно разнообразны: это могут быть значения слов (*Prügel* в значении ‘оружие’); отдельные слова (*vergriesnaddelt* ‘заржавелый, заевший, с сорванной резьбой’); свободные (*Probleme in kleinere Häppchen aufbrechen* ‘решать проблемы пошагово’) или устойчивые (*mehr schlecht als recht* ‘с грехом пополам’) сочетания и целые конструкции, нередко образующие сверхфразовые единства (*es kommt mir vor, als würde das Schicksal testen, wie viele Schläge ich brauche, um kaputt zu gehen* ‘у меня ощущение, что судьба испытывает меня на прочность’). Количественный подсчет всех существующих способов выражения в его функциональном репертуаре — трудная задача, которая может быть осилена, как представляется, только методами квантитативной лингвистики.

Цель данной статьи — обзор подходов к описанию функционального репертуара современного немецкого языка с обще-

теоретических позиций. Необходимо оговориться, что под описанием может пониматься сегментация функционального полюса главным образом для инвентарных нужд (ср.: [КОБЕНКО & СОЛОДОВНИКОВА 2019: 15]). Результатом такого подхода становится различная степень дробности элементарного состава определенного множества или системы за вычетом ее структуры, что может наталкиваться на оправданную критику. Пренебрежение структурной составляющей видится здесь, безусловно, не столько преимуществом, сколько погрешностью, однако без такой процедуры представления о самой структуре были бы невозможны.

2. Эмпирический материал и методология исследования

Материал исследования представлен первичными и вторичными источниками. В качестве первичных фигурируют образцы синхронной немецкой литературной речи, зафиксированные автором статьи за период с 2018 г. по настоящее время. Вторичными источниками выступают корпуса крупнейших лексикографических справочников литературного немецкого языка *Duden Universalwörterbuch* (2019) и *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS).¹

Методологию исследования образуют корпус обще- и научно-научных (лингвистических) методов, а также системно-функциональный подход к интерпретации наполнения функционального репертуара современного немецкого языка. *Общенаучные методы* представлены методами логики (мышления) и философии (познания). Логический сегмент методологии включает парные приемы «синтез vs. анализ», «обобщение vs. абстрагирование», философский — такие методы познания как «наблюдение», «описание» и «интерпретация». В качестве ведущих *частнонаучных (лингвистических) методов* использованы оппозитивный, позволяющий противопоставлять различные по генезу явления на основании существенных дифференциальных признаков, и функциональный как основной способ выделения принципов и приемов создания выразительных средств современного немецкого языка (SPILLNER 1984: 206).

Имплементация *системно-функционального подхода* обусловлена наличием в языковом конструкте, как указано выше, двух со-

¹ <https://www.dwds.de>.

ставов — системного и функционального, что предполагает два противоположных вектора анализа языковых процессов: от системы к функции и от функции к системе. Поскольку в фокусе данной работы находится функциональный полюс, данный подход направлен на изучение функциональных особенностей системы. Большое преимущество данного ракурса заключается в том, что функция реальна и конкретна, а саму невидимую систему языка можно лишь представлять и моделировать (как правило, двумя словарными способами: сомасио- и ономасиологическим). Изучая «роли», исполняемые элементами и их комбинациями в современной немецкой речи, можно приблизиться к пониманию устройства как самой системы языка, так и ее функционального репертуара, т. е. ходовых речевых комбинаций элементов, их форм и способов выражения. Таким образом, функциональный репертуар можно охарактеризовать как совокупность устойчивых «связей» между словарными элементами, которые возникают в результате их речевого комбинирования. В этом смысле функциональный конструкт языка не следует смешивать со структурой того или иного словарного множества, которая имеет гипо-гиперонимический характер (все элементы множества, гипонимы, подчиняются главному элементу — гиперониму) и всегда ограничена ономасиологическими рамками самого словарного множества.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время существуют 4 подхода к описанию функционального репертуара языка в целом и современного немецкого языка в частности. Первый и самый старый подход можно условно обозначить *фракционным* (лат. *frangere* 'дробить'), он направлен на фрагментацию репертуара по фактуре (схематике) или частотности использования выразительных средств. Второй, *системный*, предложен учеными из так называемой Группы μ (Льежский университет, Бельгия) и представляет собой своего рода «квадратуру круга», т. е. попытку систематизировать функциональное и тем самым «спаять» то, что выше мы условились разделять. Третий подход, *структурно-функциональный*, подготовлен советской школой функциональной стилистики и является наиболее имплементируемым на практике

(SANDIG 1983: 97). Его особенность заключается в дифференцировании структурных сегментов репертуара сообразно с их функциональной направленностью. Четвертый, *нейрофизиологический*, — самый молодой среди подходов — предполагает различие в функциональном репертуаре в соответствии со субстратами головного мозга рассудочной (неокортикальной) и инстинктивно-гормональной (лимбической) сторон речи, что делает любого пользователя языка нейрофункциональным билингом.

3.1. Фракционный подход

Фракционирование репертуара процедурно схоже с сегментацией (лат. *segmentum* 'отрезок'), применяемой преимущественно в лексикологии к системному полюсу языка, и заключается в выделении отдельных выразительных средств или целых их групп (ULLMANN 1964: 219).

Выделение выразительных средств осуществляется в соответствии с определенной комбинаторной схемой (фигурой) построения, т. е. словообразовательной моделью или синтаксическим типом выразительного средства, реализующим экспрессивную функцию языка, ср. хиазм *Kapital braucht Krieg, Krieg braucht Kapital* (abba), эпанадиплозис *der König ist tot, es lebe der König!* (abcd), диколон *gesagt — getan* (a-b), синезецу *fürs* (ab + cd = abd), диакопу *ich hab dich je und je geliebt* (OTTMERS 1996: 159) (ab √f cd). Следует отметить, что графическая система таких схем, обнаруживающих параллели с риторикой, до сих пор не разработана в лингвистике и может стать целью отдельной диссертационной работы. Практика обособления выразительных средств восходит к учению Аристотеля о «законах красноречия» (риторики) и «правильного мышления» (логики), объединенных в теорию поэтики (АРИСТОТЕЛЬ 2018: 291). Данный подход широко применяется в образовательных учреждениях ФРГ при анализе классических текстов, причем фигуры выделяются исключительно на основании их частотности, например, катахреза («погашенная» метафора), эллипсис, эпитет (BIERMANN & al. 1999).

При выделении групп выразительных средств отталкиваются от их общей решаемой экспрессивной задачи. Так, обычно выделяют 7 групп: 1) образные средства, 2) перифразы и эпитеты, 3) фразеологические, 4) средства создания юмора и сати-

ры, 5) средства колорита, 6) звукоизобразительные, 7) грамматические и архитектурные средства. Указанные группы выделяются на основании существенных признаков, положенных в основу дифференциации. Если допустить группировку по вторичным признакам, то можно выделить и дополнительные группы, например, средства создания избыточности (КОБЕНКО 2022а: 63).

Опция фракционирования — при должном укрупнении признаков общности — может использоваться и при очерчивании границ репертуаров отдельных стилей и даже функциональных стилей. В этом случае выделяемую фракцию, или сегмент, уместно обозначать репертуаром, а признак — стилеобразующим. В сущности, укрупнение фракций от выразительного средства до репертуара отдельной сферы использования языка, как в случае с «пятилистником» функциональных стилей, приводит к трансформации функциональной семантики в норму (ср.: [RIESEL & SCHENDELS 1975: 40]), что легко отслеживается при агрегации всех коннотированных средств разговорной окраски в единый языковой регистр, а обратный вектор — от репертуара к группе, от группы к выразительному средству — лишь увеличивает дробность функционального репертуара, при этом решаемая экспрессивная задача становится более частной.

3.2. Системный подход

Бельгийские ученые из Группы μ (греч. μ «мю», сокращенно «метафора») предложили структуралистский подход к описанию функционального репертуара языка, который предусматривает систематизацию фигур речи по парадигматическим и синтагматическим свойствам. Метаплазмы отнесены ими к фонетике и графике, метасемемы — к семантике, синтаксические типы обозначены совокупно метатаксомом, а логические конструкции — металогизмами (ДЮБУА и др. 1986: 90-91). Данный подход представляет собой попытку статического описания динамичного полюса языка и интересен, прежде всего, высокой апликативностью для анализа текстов различных жанров. Тем не менее заданная типологическая «сетка» обладает весьма ограниченным прогностическим потенциалом и полностью исключает развитие функционального репертуара, так как строится на заданных типах, полученных из ряда выделенных авторами подхода жанров.

3.3. Структурно-функциональный подход

Язык стремится преодолеть естественные ограничения, диктуемые пространственно-временным континуумом, поэтому он выражается в двух материальных ипостасях — звуковой и письменной. Письменная направлена на преодоление пространства (однако в вакууме по причине отсутствия колебательной среды распространение звуковых волн невозможно, поэтому космонавты используют радиосвязь), а письменная — пространства и времени. Именно поэтому письменные языки имеют гораздо больше шансов выжить, нежели звуковые (индигенные). Несмотря на это, язык всегда существует с ограничениями, и данная его особенность отражается и на функциональном репертуаре. С учетом этого австро-советская ученая Э. Г. Ризель предложила две структурные схемы функционального полюса немецкого литературного языка.

Согласно первой, язык испытывает четыре вида ограничений: временное, территориальное, социальное и профессиональное. По временному ограничению выразительные средства функционального репертуара немецкого языка относятся к архаизированным, историческим и неологическим сегментам, по территориальному — к диалектным и региональным, по социальному — к социо- или идиолектным, по профессиональному — к жаргонным. Общности единиц, разделенные ограничениями, образуют собственные разновидности функционального репертуара. Так, временные его формы обозначаются историолектами; территориальные — диалектами и койне; социальные — металектами (престижными языками), акролектами (языками правящих классов), базилектами (языками пролетариата), мезолектами (языками торговли), криптолектами (тайными языками) и арго (языком деклассированных элементов, *Rotwelsch*), а профессиональные — жаргонами. По исконности различают также пиджины, креольские языки и патуа́ (фр. *patois* ‘бесписьменное наречие’). Как можно убедиться, данный подход совмещает в себе фактуры экстра- и интралингвистического характера, чем выгодно и отличается от предыдущего.

Согласно второй схеме, все выразительные средства функционального репертуара разделяются по наличию коннотации

на функционально-стилистически дифференцированный или недифференцированный составы. (RIESEL 1959: 65). К недифференцированным средствам относятся единицы нейтрального регистра, включая клише (in Erfahrung bringen 'довести до сведения'), к дифференцированным принадлежат мелиоративные и пейоративные регистры немецкого языка, различающиеся литературным качеством и, соответственно, экспрессивностью речи (LERSCHNER 1981: 152). Следует отметить, что литературную норму из указанных регистров образуют лишь три срединных: высокий, нейтральный (неконнотативный) и разговорный.

Разработанный Э. Г. Ризель подход получил развитие в последующих работах по стилистике немецкого языка, которые сблизили его с фракционным. Выделяя композиционные особенности функциональных стилей и форм речи, М. П. Брандес предложила описывать репертуарные различия сфер использования немецкого языка, пользуясь так называемой «программой речи» (БРАНДЕС 1983: 37), близкой по определению к стилистическим образцам речевого поведения (stilistische Handlungsmuster) Б. Зандиг (SANDIG 2006: 72). Программа речи выступает не только дифференциальным основанием для репертуаров функциональных стилей как разновидностей немецкого литературного языка, но и одной из осей анализа самого функционального репертуара. Так, в его структуре, систематизированной впоследствии теоретиками стилистики немецкого языка, каждый из системообразующих признаков может стать такой осью, ср. сфера использования → характер речи → тональность → программа речи → стилеобразующие черты → характер отношений между адресантом и адресатом → подстили / стили → жанры → языковые особенности → регистры → выразительные средства. Данная композиция функционального репертуара современного немецкого языка, представляющая собой иерархию его структурно-стилистических признаков, обеспечивает ритуализацию речевого взаимодействия носителей в определенной сфере общественной жизни, а также понимание направления анализа самого репертуара. Описание семантики будет предполагать низшие (микростилистические) уровни структуры, прагматики — срединные, а социолингвистики — высшие (макростилистические).

3.4. Нейрофизиологический подход

Совершенно новый взгляд на описание функционального репертуара представляет современная нейрофизиология как одна из ведущих дисциплин эволюционизма, предлагающая разделять речевой инвентарь мужчин и женщин, а также инстинктивно-гормональные и рассудочные языки *homo loquens* (САВЕЛЬЕВ 2021: 153). Так, женская речь отличается более широким тональным диапазоном, их резкой сменой, выделением из контекста знакомых слов и частными вопросами в конце фраз (ЕСКЕРТ & МСCONNELL-GINET 2003: 117). Главным для женщин выступает узнавание, а не содержание воспринимаемой информации. Содержание же приобретает значение только тогда, когда речь идет о порождении собственных высказываний (IRIGARAY 1985: 79). Речевые конструкции воспринимаются женщинами целиком, а сама их речь носит импульсивный и подчеркнуто инстинктивно-гормональный характер. Речь мужчин отличается смысловой «хладностью» и ситуативной логичностью. Благодаря речи оба пола пытаются решить насущные биологические задачи, однако если мужчины говорением добиваются решения задачи переноса генома в следующее поколение, то женщины сплетают в речи мотивационные и ассоциативные рисунки собственного поведения. Таким образом, нейрофизиологии удалось парцеллировать функциональный репертуар по половому диморфизму, не вдаваясь в промежуточные формы гендерной дифференциации.

Следующий аспект описания касается эволюционно обусловленного наличия у человека так называемых «параллельных» языков, носящих преимущественно мужской характер. Здесь различают официальный, общепринятый язык, существующий в разговорной, литературной, казенной, военной и профессиональной модификациях, и неофициальный, запрещенный, который ассоциируется с сильными чувствами и переживаниями говорящего (САВЕЛЬЕВ 2021: 154). Очевидно, под первым С. В. Савельев предлагает понимать язык неокортекса (рассудочного центра, или коры, занимающей до 80% объема мозга), а под вторым — табуированный язык (мат) как производную от функции древней лимбической системы, доставшейся нам от приматов, на основе которой сформировался неокортекс. Син-

тез природного и социального в природе homo обусловил функциональный билингвизм его речи, который необходимо учитывать при описании функционального репертуара любого языка.

4. Заключение

Закономерным при имплементации приведенных подходов является вопрос о том, следует ли включать в функциональный репертуар, общий или индивидуальный, элементы невербальных систем (мимику, жесты и т. п.), без которых вербальная коммуникация практически не существует. Отсутствие непреодолимой границы между вербальным и невербальным по примеру жестовых языков или гибридности разговорных жанров позволяет ответить на данный вопрос утвердительно. Продолжением данных рассуждений можно считать обоснование роли стилистики в решении вопросов описания функционирования современных языков. Имплицитно в нашей работе доказывается, что она может рассматриваться как базовая дисциплина для изучения функциональной стороны языка. Во всяком случае, опыт, накопленный стилистикой за более чем две тысячи лет, делает ее аппарат наиболее приспособленным и фундированным для описания функционального репертуара современных языков. Что касается современного немецкого языка, то его функциональный полюс дает богатую почву для экземплификации тех или иных особенностей его композиции, которые в ряде языков либо не были сформированы, либо к настоящему времени уже утрачены. Этим он обязан, во-первых, дисперсией своей языковой материи, которая по количеству вариантов и форм отнюдь не уступает английскому языку, а во-вторых, гибридностью своего состава, проистекающей из особой канвы его исторического развития.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Аристотель*. Риторика. Поэтика. М.: АСТ, 2018. [Aristotle. (2018) *Rhetorika. Poetika* (Rhetoric. Poetics). Moscow: AST. (In Russian)].
- Брандес М. П.* Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983. [Brandes, Margarita P. (1983) *Stilistika nemetskogo yazyka* (Stylistics of the German Language). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкебергер Ж.-М., Минье Ф., Тринон А.* Общая риторика. М.: Прогресс, 1986. [Dubois, Jacques; Edeline, Francis;

Klinkenberg, Jean-Marie; Minguet, Philippe & Trinon, Hadelin. (1986) *Obshchaya ritorika* (General Rhetoric). Moscow: Progress. (In Russian)].

Кобенко Ю. В. Группа выразительных средств создания избыточности в немецком литературном языке // Современная германистика и западноевропейская литература. Вып. 4 / отв. ред. А. В. Иванов. М.: Флинта, 2022. С. 60—74. [Kobenko, Yuriy V. (2022) Gruppy vyrazitel'nykh sredstv sozdaniya izbytochnosti v nemetskom literaturnom yazyke (A group of Expressive Means of Creating Redundancy in the German Literary Language). In: Ivanov, Andrey V. (ed.) *Sovremennaya germanistika i zapadnoyevropeyskaya literatura* (Modern Germanic Philology and West-European Literature). Vol. 4. Moscow: Flinta, 60—74. (In Russian)].

Кобенко Ю. В. Функциональный репертуар как макродисциплинарный объект лингвистики // Актуальные проблемы филологии, переводоведения и лингводидактики в системе современного гуманитарного знания: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Труновой Ольги Владимировны / ред. И. Ю. Колесов. Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т, 2022. С. 125—131. [Kobenko, Yuriy V. (2022) Funktsional'nyy repertuar kak makrodisciplinarnyy obyekt lingvistiki (Functional Repertoire as a Macrodisciplinary Object of Linguistics). In: Kolesov, Igor Yu. (ed.) *Aktual'nyye problemy filologii, perevodovedeniya i lingvodidaktiki v sisteme sovremennogo gumanitarnogo znaniya: materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Trunovoy Ol'gi Vladimirovny* (Actual Problems of Philology, Translation Studies and Linguodidactics in the System of Modern Humanitarian Knowledge: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the anniversary of Doctor of Philology, Professor Olga Vladimirovna Trunova). Barnaul: Altai State Pedagogical University, 125—131. (In Russian)].

Кобенко Ю. В., Солодовникова О. В. Сегментация словарного состава немецкого литературного языка сквозь призму средового подхода // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2019. № 4 (201). С. 66—76. [Kobenko, Yuriy V. & Solodovnikova, Olga V. (2019) Segmentatsiya slovarnogo sostava nemetskogo literaturnogo yazyka skvoz' prizmu sredovogo podkhoda (Segmentation of the Vocabulary of the German Literary

- Language through the Prism of the Environmental Approach). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 4, 66—76. (In Russian)].
- Савельев С. В. Морфология сознания. Т. 2. М.: ВЕДИ, 2021. [Savelyev, Sergey V. (2021) *Morfologiya soznaniya* (Morphology of Consciousness). Vol. 2. Moscow: VEDI. (In Russian)].
- Савицкий В. М., Доладова О. В. О противоречиях во взглядах на системность языка // Мир лингвистики и коммуникации. 2017. № 1. С. 35—44. [Savitskiy, Vladimir M. & Doladova, Olga V. (2017) O protivorechiyakh vo vzglyadakh na sistemnost' yazyka (On the Contradictions in Views on the Systematic Language). *World of Linguistics and Communication*, 1, 35—44. (In Russian)].
- Салимовский В. А. Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 352—354. [Salimovskiy, Vladimir A. (2011) *Rechevoy zhanr* (Speech Genre). In: Kozhina, Margarita N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* (Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language). Moscow: Flinta: Nauka, 352—354. (In Russian)].
- Biermann, Heinrich; Schurf, Bernd; Brenner, Gerd; Erlach, Dietrich; Fingerhut, Karlheinz; Fingerhut, Margret & al. (1999) *Texte, Themen und Strukturen — Deutschbuch für die Oberstufe*. Berlin: Cornelsen.
- Eckert, Penelope & McConnell-Ginet, Sally. (2003) *Language and Gender*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fix, Ulla. (2006) Stil gibt immer etwas zu verstehen — Sprachstile aus pragmatischer Perspektive. In: Neuland, Eva. (ed.) *Sprachvariation im heutigen Deutsch: Perspektiven für den Sprachunterricht*. Frankfurt am Main: Springer, 245—258.
- Fleischer, Wolfgang & Michel, Georg. (1975) *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- Holly, Werner. (2001) „Gehobener Stil“ als sozialer Stil. „Das neue Notizbuch“ von Johannes Gross als Textbeispiel. In: Jakobs, Eva-Maria & Rothkegel, Annely. (eds) *Perspektiven auf Stil*. Tübingen: Niemeyer, 423—441.
- Irigaray, Lucy. (1985) *To Speak is Never Neutral*. London: Routledge.
- Klein, Wolfgang. (2013) Von Reichtum und Armut des deutschen Wortschatzes. In: Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung, Union der deutschen Akademien für Wissenschaften. (eds) *Reichtum und Armut der deutschen Sprache: Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 15—56.

- Lerchner, Gotthard. (1981) *Stilistisches und Stil. Ansätze für eine kommunikative Stiltheorie. Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache*, 1, 85—170.
- Ottmers, Clemens. (1996) *Rhetorik*. Stuttgart-Weimar: Metzler.
- Riesel, Elise. (1959) *Stilistik der deutschen Sprache*. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur.
- Riesel, Elise G. & Schendels, Ewgenija I. (1975) *Deutsche Stilistik*. Moskau: Wysshaja Schkola.
- Sandig, Barbara. (1983) Textsortenbeschreibung unter dem Gesichtspunkt einer linguistischen Pragmatik. *Textsorten und literarische Gattungen*. Berlin: Walter de Gruyter, 93—102.
- Sandig, Barbara. (2006) *Textstilistik des Deutschen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Sowinski, Bernd. (1991) *Deutsche Stilistik Beobachtungen zur Sprachverwendung und Sprachgestaltung im Deutschen*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Spillner, Bernd. (1984) *Methoden der Stilanalyse*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
- Ullmann, Stephen. (1964) *Language and Style*. Oxford: Basil Blackwell.

Yuriy V. Kobenko
National Research Tomsk Polytechnic University

Approaches to Describing the Functional Repertoire of the Modern German Language

The functional repertoire of the modern German language is a special composition that requires separate approaches to its description. Its difference from the system pole is that it is a collective or individual product of speech combinatorics, while the system includes only a structured inventory of combined vocabulary elements. Their collective selection, realizing the integrative function, creates a sociolect, and individual selection along the disintegrative vector creates idiolect. The functional repertoire is that linguistic reality (Sprachwirklichkeit) that needs a special description, taking into account its structural composition. The research material is presented by primary and secondary sources. The primary ones include recordings of synchronous German speech by the author from 2018 to the present, while the secondary ones include the dictionaries of Duden Universal Dictionary (2019) and DWDS. The study used a corpus of general and linguistic methods as well as the system-functional approach that allows interpreting the functioning of the vocabulary elements in speech by

highlighting stable combinatorial schemes, forms and means of their expression. Four approaches to the description of the functional repertoire in a general theoretical manner and in relation to the modern German language are distinguished: 1) fractional, aimed at fragmenting the repertoire according to combinatorial schemes and the frequency of using expressive means; 2) systemic, proposed by the Liege Group μ and allowing to systematize the functional side of the language; 3) structural-functional, describing the functional repertoire in accordance with one or another structural axis; 4) neurophysiological, distinguishing between the rational and instinctive-hormonal repertoires, also in terms of gender characteristics of speech production, as well as the so-called “parallel” languages, formed as a result of the brain evolution of *homo loquens*. Theoretical stylistics is understood as the basic discipline for describing the functional repertoire of modern languages such as German.

Keywords: modern German language; functional repertoire; approaches to description; language system; language stock

Для цитирования:

Кобенко Ю. В. Подходы к описанию функционального репертуара современного немецкого языка // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 177—193.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-177-193.

To cite this Article:

Kobenko, Yuriy V. (2023) Podkhody k opisaniyu funktsional'nogo repertuara sovremenogo nemetskogo yazyka (Approaches to Describing the Functional Repertoire of the Modern German Language). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 177—193. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-177-193.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; принята к публикации 27.04.2023

The article was submitted 26.01.2023; accepted for publication 27.04.2023

О. А. Кострова
Самарский государственный
социально-педагогический университет

НЕМЕЦКИЕ НАПРАВИТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Политический дискурс до сих пор не рассматривается в аспекте национальной специфичности, хотя такая задача ставится в отношении использования метафор. Возникает вопрос об использовании в этом типе дискурса грамматических культурно-специфических средств. Постановке и решению этой проблемы посвящена предлагаемая статья, в которой рассматривается функционирование направительных наречий с компонентами *hin/her* в триединстве: политический дискурс — текст — стиль. Материалом служат фрагменты политического дискурса из газетных текстов и текстов политических речей, представленные в корпусе DWDS и в параллельном немецко-русском корпусе Национального корпуса русского языка. Частотный анализ показывает востребованность анализируемых единиц в немецкой лингвокультуре; сопоставительный анализ с русскими переводами подтверждает их идиоэтничность; сопоставление с функционированием в художественных текстах проявляет специфику использования в текстах политического дискурса, Методом моделирования формализуются типичные структуры словосочетаний и предложений с направительными наречиями; с помощью когнитивно-прагматического анализа выявляются их скрытые смыслы, релевантные в политическом дискурсе. Социально-политическая направленность дискурса обуславливает использование этих языковых единиц для обозначения направленности и имплицитной оценки социокультурных процессов, а также в целях манипулирования адресатами, воздействуя на их базовую эмоцию доверия, а в отдельных случаях страха. Направительные наречия как идиоэтнические языковые элементы создают чувство сопричастности с субъектом речи. В расчете на массовую аудиторию применяются повторяющиеся стандартные языковые модели с такими наречиями в качестве постоянных компонентов, облегчая понимание, усиливая воздействующий эффект созданием специфического стиля.

Ключевые слова: этноспецифика; прототипические модели; социокультурная перспективация; предел; импликация; оценка; воздействие

1. Введение

Немецкие направительные наречия *hin/her* и их сочетания с предлогами обычно рассматриваются как знаки направления движения от говорящего или к нему (ДОБРОВОЛЬСКИЙ & ПАДУЧЕВА 2008: 140; FANDRYCH & THURMAIR 2018: 171). В других языках семантика направительности движения тоже может быть выражена, но выражается она, как правило, глаголом, и только в немецком языке ее репрезентируют специальные наречия или глагольные префиксы (РОЖАНСКИЙ 2000: 65-66). Указанные языковые единицы можно считать идиоэтническим средством пространственной перспективации в немецкой лингвокультуре (КОСТРОВА 2023: 114-129). Тем не менее в такой трактовке не все представляется однозначным. С одной стороны, значительно уточнены дейктические свойства перспективации, связанные с взаимным расположением коммуникантов (ДОБРОВОЛЬСКИЙ & ПАДУЧЕВА 2008: 140), с другой стороны, выявлено, что перспективация может быть ориентирована не только на говорящего, но и на персонажа, на речевого партнера или на чье-либо высказывание, а в каких-то случаях указывать на восприятие времени. Кроме того, во многих случаях наречие указывает на определенную точку во времени или пространстве, из которой исходит информационный поток (КОСТРОВА 2023: 118-120). К тому же выводы относительно семантики и функционирования направительных наречий сделаны на основе анализа художественных текстов, в которых анализируется фактически межличностная коммуникация. Возникают вопросы: 1) сохраняются ли семантика и функциональные свойства направительности при использовании этих наречий в массовой коммуникации, в частности, в политическом дискурсе, где информационный поток направлен на массового адресата; 2) как проявляется идиоэтничность направительных компонентов в этом типе дискурса. Ответы на эти вопросы и представляют *цель* предлагаемой статьи. Чтобы ответить на них, обратимся к характеристике политического дискурса в его соотношении с текстом, стилем и этнокультурной спецификой.

2. Текст, дискурс, стиль

Текст, дискурс, стиль составляют неразрывное единство в определенной лингво- или этнокультуре. Стиль как универсаль-

ное языковое явление, «в основе которого лежит поиск, отбор и комбинации языковых средств, соответствующих когнитивным и коммуникативным обстоятельствам деятельности» (ГОНЧАРОВА 2012: 18) реализуется в тексте, а совокупность текстов образует дискурс, «придающий тексту, а через него и стилю 'событийность'» (ibid.). Релевантность триединства убедительно показана на материале художественных текстов; дискурс прессы и публицистики, насколько нам известно, в этом ключе не анализировался.

Особое внимание при анализе публицистики уделяется политическому дискурсу. Политическая лингвистика выделена в особую отрасль, в которой развивается собственная методология исследования. В зарубежной политической лингвистике выделяются три базовых метода исследования: когнитивный, риторический и дискурсивный с разновидностями критического и дескриптивного дискурс-анализа (БУДАЕВ & ЧУДИНОВ 2008). На современном этапе предпочтение отдается когнитивному методу, который оформился в метафорологию (БУДАЕВ & ЧУДИНОВ 2020).

В отечественной лингвистике акцент делается на метасообщение, которое рассматривается как реализация авторского намерения комплексом средств формального и семантического аспектов (МИНАЕВА 2007: 180-181). Л. В. Минаева связывает авторское намерение в политике с оценкой и выделяет три категории, с помощью которых автор осуществляет свое намерение: 1) категорию соответствия / несоответствия формы и содержания, 2) категорию критической или положительной оценки и 3) категорию выделения по важности (ibid.: 181-188). Метасообщение в трактовке Минаевой эксплицитно не связывается, однако, со спецификой этнокультуры.

А. В. Голоднов делает акцент на риторическом метадискурсе и признает его ключевым компонентом персуазивность (ГОЛОДНОВ 2011). Персуазивность достигается использованием манипулятивных стратегий и тактик, опирающихся на мишени манипуляции коллективным реципиентом. А. В. Антонова среди таких мишеней называет базовые эмоции, социально-эволюционные и жанрово обусловленные мишени (АНТОНОВА 2011: 119-195). Представляется, что эти мишени оказываются погруженными в определенную этнокультуру.

Связь лингвистического пространства с пространством культурологическим особенно наглядно проявляется на лексическом материале, например, на культурном потенциале неологизмов; ср. (КАТЕРМИНА 2017; НЕФЕДОВА 2019). Словарный состав языка рассматривается «как ключ к этносоциологии»; ср. (ВЕЖБИЦКАЯ 1999: 306). Социокультурную специфику публицистического жанра, функционирующего в тисках жесткой цензуры, показывает У. Фикс, анализируя жанр «*Leserbrief*» ‘читательское письмо’ в прессе ГДР (FIX 2011: 273-359). Поиск культурной специфики политической метафорики ставится как исследовательская задача (БУДАЕВ & ЧУДИНОВ 2020: 66). Этнокультурная значимость грамматической системы языка в функционировании политического дискурса до сих пор не выявлена. Попытаемся приоткрыть эту завесу на материале направительных компонентов немецкого языка.

3. Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили более 500 текстовых фрагментов немецкого языка, извлеченных из основного корпуса DWDS и подкорпуса политических речей (DWDS: URL; POLITISCHE REDEN: URL). Частотные данные основного корпуса позволяют сравнить употребительность направительных наречий в беллетристике и в газетном стиле. Однако в газетных текстах нередко приводятся, например, описания путешествий, в которых направительные наречия употребляются для обозначения пространственной ориентации, что сближает их с беллетристической. Исключить такие случаи позволило обращение к политическим речам, содержательный состав которых более однороден. Здесь отсылка к пространственной ориентации значительно меньше, что снижает вероятность ошибки при выявлении характерных закономерностей политического дискурса.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе проверялась сохранность идиоэтничности направительных наречий в самостоятельном и связанном употреблении при их использовании в политическом дискурсе. Для этого привлекались русские переводы из корпуса параллельных текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), сделанные на материале современной немецкой прессы. Идиоэтничность под-

тверждалась также сопоставительным анализом частотности исследуемых единиц в газетной и художественной речи.

На втором этапе применялись методы моделирования и когнитивно-прагматического анализа с целью выявления типичных структур и имплицитных смыслов, заложенных в них при участии направительных компонентов.

4. Специфика направительных наречий в политическом дискурсе

Частотность направительных наречий в свободном употреблении и в комбинациях с предлогами в беллетристике см. в (КОСТРОВА 2023: 116). Покажем их употребительность в газетном тексте за тот же отрезок времени с 2000 по 2010 гг. (DWDS).

Таблица 1. Частотность направительных наречий в газетном тексте

hin	hinauf	hinunter	hinab	hinaus	hinein	итого
1974	68	69	34	1551	265	3961
her	herauf	herunter	herab	heraus	herein	
1141	29	153	51	1113	54	2541

Сравнение данных таблицы 1 с частотностью направительных наречий в беллетристике показывает, что их общее количество в газетном тексте несколько выше: количество *hin* в газетном тексте увеличилось на 872 единицы, а наречия *her* — на 595. Частотные данные свидетельствуют, на наш взгляд, о сохранении и даже некотором возрастании в прессе тенденции к использованию идиоэтнических средств немецкого языка. Особенно значительно увеличилось употребление наречий *hinaus* (1551 в газете и 536 в беллетристике) и *heraus* (1113 в газете и 572 в беллетристике). Наречие *hinaus* многократно повторяется в выражении *darüber hinaus*, которое встречается в корпусе 1126 раз, тогда как в беллетристике оно употребляется всего 35 раз. К интерпретации качественного характера мы обратимся ниже. Здесь важно отметить, насколько расходится частотность рассматриваемых средств в газетах и политических речах. Поскольку при этом в корпусе, содержащем политические речи, приводятся данные с 1982 по 2020 гг., т. е. приблизительно за 40 лет, мы рассчитываем средние данные за 10 лет, чтобы обеспечить сопоставимость с данными таблицы 1.

Таблица 2. Частотность направительных наречий в политической речи

	hin	hinauf	hinunter	hinab	hinaus	hinein	итого
Абсолютные данные	4666	66	60	17	5794	942	11545
Усредненные данные	116,5	16,5	15	4,25	1373,5	235,5	1761,3
	her	herauf	herunter	herab	heraus	herein	
Абсолютные данные	2151	26	93	58	2123	90	4541
Усредненные данные	538	6,5	23	14,5	531	22,5	1135,5

Сравнивая усредненные данные таблицы 2 и данные таблицы 1, отметим следующее. В политических речах общая частотность наречий *hin* и *her* упала более чем в 2 раза. Особенно это заметно по самостоятельному употреблению наречия *hin*, частотность которого снизилась с 1974 до 116,5 случаев, что можно объяснить исключением в политических речах семантики пространственной ориентации на местности. Уменьшение количества наречия *her* не столь значительно: с 1141 до 537 единиц. Бросается в глаза разница частотности наречий *hinaus* и *heraus*: количество первых в политических речах практически удвоилось, а количество вторых почти в 2 раза сократилось. Заметим, что частотность наречия *hinaus* включает употребления *darüber hinaus* (2827 случаев). Почти вчетверо сократилось употребление наречия *herunter*. Качественная интерпретация требует дополнительного исследования.

На материале прессы сравним переводы высказываний с направительными наречиями на русский язык, используя данные параллельных корпусов в составе НКРЯ. В русских переводах наречие *hin* не находит прямого соответствия. Оно опускается (1), словосочетание с этим наречием переводится описательно (2, 3), в русском переводе вместо направительного наречия употребляется усилительный компонент *вплоть до* (4). Ср.:

- (1) Deutschland entwickele sich ähnlich schnell wie China „in Richtung auf einen Großmachtstatus hin“, sagte Putin — (1a) ‘...развивается «в направлении статуса великой державы» (НКРЯ).

- (2) Soll vielleicht auch ich etwas über den „Charme“ von Kiev schreiben? Dass unser Hotel dort <...> bei unserem letzten Besuch hinterher meiner Kreditkarte gegen 1000 Franken nachbelastet hat, mit — *auf meine Nachfrage hin* — der verlogenen Behauptung, „die hübsche Blondine“, die ich bei mir gehabt hätte, sei noch eine Woche länger im Hotel geblieben und habe selber nichts bezahlt — (2a) ‘*a когда я потребовал объяснений, мне назвали ложную причину*’ (ibid.).
- (3) Plötzlich findet sich auf dem Handy eine Nachricht von einem gewissen Lenur Usmanow in Sewastopol — er würde gerne mit dem Korrespondenten sprechen. Kein Problem, *nichts wie hin* — (3a) ‘Нет проблем, *спешим к нему*’ (ibid.).
- (4) *bis hin zu Sanktionen* — (4a) ‘*вплоть до введения санкций*’ (ibid.).

Переводы свидетельствуют об отсутствии в русской лингвокультуре прямого соответствия наречию *hin*, что косвенно подтверждает его этнокультурную специфику в немецкой политической речи.

5. Когнитивно-прагматический анализ

5.1. Импликативные смыслы наречия *hin*

5.1.1. Семантика перспективации развития

Типичный случай представляет употребление этого наречия для обозначения *направления развития в общем плане или до какого-то предела*. Это развитие оценивается либо как негативное (4), либо как позитивное (5, 6). И то и другое вытекает из знания социокультурной ситуации и общественных оценочных норм. Грамматически группа с направительным наречием определяет существительное (5) или показывает направление деятельности, обозначенной глаголом (6). Значение предельности подчеркивается предлогом *bis* (4), значение направительности уточняется предлогами *zu* с дательным падежом (4, 5) или *auf* с винительным падежом (1, 6). При этом точкой отсчета служит, как правило, не только конкретный субъект речи, но и момент времени, который в плане ориентации оказывается более важным, задавая не только пространственную, но и временную ориентацию. В (6) перспективация во времени актуализируется наречием *wieder*. В русском переводе момент времени может эксплицироваться (2a) или имплицитно присутствовать в отглагольном существительном *введение* (4a).

Известная стандартизация языка политики (несмотря на активное использование метафор) позволяет выявить модели, в которых употребляются направительные наречия. К прототипическим относим модели субстантивных и глагольных словосочетаний:

Subst.^{abstr} + (bis) hin + zu / auf + Subst.^{Dat/Akk};

V + (auf) + Subst.^{Akk} + hin. Ср.:

(5) Dies ist ein großer *Schritt hin zu einer wirklichen Gemeinschaft der Völker* (DWDS).

(6) <...> ein Westpolitiker *spricht wortgewandt auf Wirkung hin* (ibid.).

В субстантивном словосочетании наречие подчеркивает значимость обозначаемого ядерным компонентом понятия или предел его расширения: «auf die Initiative Ägyptens hin»; «Not und Elend, bis hin zum Tod»; «beginnend mit friedlichem Widerstand bis hin zum bewaffneten Kampf». В некоторых случаях предлогом von задается предел отсчета: «der Schritt von der Produktion hin zur symbolischen Tätigkeit». В глагольном словосочетании hin представляет отделяемый компонентом глагола или самостоятельный компонент высказывания, обозначающий направление (воз)действия, как в (6). Ср. также: «deutete auf diesen Zeitplan hin»; «ziehen sich endlos hin»; «schmiss im März 1999 den Bettel hin».

Наречие hinaus обозначает выход за определенные временные (7) или институциональные рамки (8), т. е. нарушение (с позиции коллективного адресанта) некоторого предела или установленного обычая. Прототипическая модель:

über + (Adj)Subst.^{Akk} + hinaus

Положительная оценка имплицирована присутствием в сознании человека универсального закона перехода количества в качество; в (7) говорится о некоторой коалиции, долгосрочное существование которой предполагается с выходом за рубеж 2000 года и подтверждается словосочетанием «mit ganz großer Sicherheit». Количественный показатель воспринимается как положительный фактор. В (8) речь идет о перспективах для Европы, которая должна выходить за пределы институциональных задач, оправдывая ожидания граждан действиями. Моделирование количества будущей деятельности имплицировует

улучшение ее качества. Ср.:

- (7) Dafür steht diese Koalition — heute, morgen und mit ganz großer Sicherheit weit *über das Jahr 2000 hinaus* (DWDS).
- (8) *Über die institutionellen Aufgaben hinaus*, die dem Europa von morgen Gestalt verleihen und die Integration fördern, muss Europa weiter seine Fähigkeit beweisen, die Erwartungen der Bürger durch Handeln zu erfüllen (ibid.).

Выход за рамки может мыслиться и в общем плане, без конкретизации, что передается типичным выражением *darüber hinaus*, повтор которого (см. выше) можно рассматривать как стандартизацию, характерную для публицистического стиля. Метакоммуникация, передаваемое этим выражением, кодирует готовность к расширению горизонта деятельности, сферы полномочий и т. п., что служит когнитивным основанием положительной оценки. Ср. (9), где положительную оценку имплицитно расширяет сфера деятельности избранного президента:

- (9) Der gewählte Präsident konferierte *darüber hinaus* mit dem Gouverneur der Notenbank und Vertretern der Wirtschaft (DWDS).

Значение *временного предела* передается наречием *hinein* в сочетании с существительным темпоральной семантики. Устойчивость словосочетания допускает тем не менее варьирование позиции *hinein*:

bis (hinein) + in + Subst.^{temp. Akk} + hinein

Имплицитная положительная оценка основана, как в предыдущем случае, на признании закона перехода количества в качество: в (10) это положительная оценка деятельности дипломатов, не жалеющих времени для выполнения своей работы; в (11) это позитивная оценка деятельности по воссозданию музыкальной истории, ср.:

- (10) Sie ist gewissermaßen das Spitzenspiel der Weltdiplomatie: bilaterale Begegnungen im 30-Minuten-Takt, multilaterale Verhandlungen *bis in die frühen Morgenstunden hinein* (POLITISCHE REDEN).
- (11) Sie haben gerade ihr großes Festival Towards the Millennium abgeschlossen, bei dem Sie Jahrzehnt für Jahrzehnt noch einmal die Musikgeschichte des 20. Jahrhunderts durchschritten haben *bis hinein in die Gegenwart* (DWDS).

В качестве отделяемого глагольного компонента *hinein* указывает на глубину или степень погружения в какую-либо деятельность; точкой отсчета перспективации оказывается грамматический субъект, а субъект речи имплицитно выражает коллективную положительную оценку глубокой степени погружения в деятельность (12). Словосочетание с этим наречием может выполнять функцию обстоятельства образа действия с семантикой качественной оценки (13):

(12) Theodor Heuss wuchs schnell *in dieses neue Amt hinein* (POLITISCHE REDEN).

(13) Wir wollen *bis in die Mitte der Gesellschaft hinein* Familien unterstützen (ibid.).

Наречие *hinauf* передает в политических речах, как правило, направление движения вверх, но не на местности, а *no socialen* лестнице. Социальная статусность считается престижной, заслуживающей высокой оценки. В (14) такой оценки заслуживает факт равноправия женщин в армии, для них открыты самые престижные места вплоть до управления реактивными самолетами. В сочетании с глаголом движения это наречие создает образ социального лифтинга (15). Ср.:

(14) Die Frauen sind in der Armee längst gleichberechtigt, ihnen stehen *bis hinauf zur Jet-Pilotin alle Stellen* offen (POLITISCHE REDEN).

(15) Genau wie Beamte [...] *klettern* auch sämtliche Angestellten und Arbeiter im öffentlichen Dienst *eine eigentümliche Gehaltsleiter hinauf*: Ihr Einkommen steigt alle zwei Jahre automatisch in Stufen (DWDS).

Наречие *hinunter* метафорически указывает в политическом дискурсе направление движения вниз по географической карте (16), или направление социально-политического развития с негативной оценкой (17). Движение вниз по социальной лестнице может иметь положительный смысл, обозначая развитие гражданского общества (18). Ср.:

(16) Von Somalia bis zum Sudan, *den ganzen Süden hinunter*, herrscht de facto Krieg (POLITISCHE REDEN).

(17) Es *geht* von der ersten Minute an steil und unaufhaltsam *hinunter* (ibid.).

(18) Heute funktioniert das auf der Ebene Präsident, Ministerpräsident, Regierung, Parlament, *bis hinunter zur Bürgergesellschaft ganz außerordentlich gut* gemeinsam mit unseren Bundesländern... (ibid.).

Наречие *hinab* обозначает направление резкого отрицательного движения вниз в социально-политической сфере. Оценка в (19) содержится в превосходной степени атрибутивного прилагательного: ‘в самую ужасную главу немецкой истории’; ср.:

(19) Ja, das Ende der Weimarer Republik führte *hinab ins furchtbarste Kapitel der deutschen Geschichte* (POLITISCHE REDEN).

Таким образом, мы видим, что в политическом дискурсе перспективация охватывает не столько пространственно-временную, сколько социально-политическую сферу, включающую оценочные нормы, а точкой отсчета являются, как правило, социально значимые понятия коллективного адресанта. Направительное наречие позволяет говорящему использовать мишень манипуляции, связанную с особенностью восприятия человеком пространства (АНТОНОВА 2011: 137).

5.1.2. Указание на значимость источника

Другой типичный случай употребления наречия *hin* в газетных текстах и политических речах — использование его для выделения словосочетания, обозначающего источник, из которого исходит реализация некоторого действия. Наречие фиксирует внимание реципиента на этом источнике, подчеркивая его роль в осуществлении действия. Обозначение источника может дополнительно выделяться знаками препинания, образуя обособленную группу (21). Ср.:

(20) Am Rande des Treffens verlautete, dass Israel den Verkauf eines luftgestützten Radarsystems (Phalcon-System) an China *auf amerikanischen Druck hin* gestoppt habe (DWDS).

(21) Schließlich haben wir – nicht zuletzt *auf deutsches Drängen hin* — erreicht... (ibid.).

В подобных словосочетаниях создается своеобразная рамочная конструкция, типичная для немецкой группы существительного: обозначение источника действия оказывается заключенным в рамку между предлогом *auf* и наречием *hin*. Стандартная форма реализуется в вариантах модели *auf* + (Adj/Pron^{poss}) Subst.^{Akk} (Subst.^{Gen}) + *hin*

Идиоэтничность формы вызывает эмоцию доверия говорящему как члену этнической группы, который стремится до-

стичь эффекта присоединения к своему мнению, усиливая тем самым эффект воздействия; ср. (АНТОНОВА 2011: 144-145).

5.2. Импликативные смыслы наречия *her*

5.2.1. Пространственная перспективация

Наречие *her* часто выступает в функции отделяемого глагольного компонента, указывая направление движения к субъекту или объекту речи, и, будучи вписанным в разговорный узус, сопровождается в словаре пометой «разг.». Например, *herlegen* означает 'положить сюда', *über j-n herfallen* 'наброситься на кого-л'. Глагол с этим компонентом часто используется в политической речи в абстрактном значении в форме повелительного наклонения, имплицитно направляя внимание на момент речи (22). С модальным глаголом *müssen* наречие выражает направленность на быстрый результат, усиливая воздействующий эффект (23). Ср.:

(22) *Nehmen wir zum Beispiel den gesamten Metallbereich her* (POLITISCHE REDEN).

(23) *Arbeitsplätze müssen her, und zwar rasch* (DWDS).

Her может входить в группу локативного наречия или существительного пространственной семантики, фокусируя внимание на локусе, послуживший источником действия. Словосочетания построены по модели, в которой два постоянных элемента (предлог и наречие), а в качестве переменных выступают наречия или существительные пространственной семантики:

von + Adv^{loc}/Subst^{loc} + her. Ср.:

(24) *Lehrmittel der Bildungsoffensive sind die Schriften der „Akademie“ und Bücher, die Karl von überall her beschaffen lässt* (DWDS).

(25) *Die letzten schweren Kämpfe der kirgisischen Armee gegen bewaffnete Islamisten fanden im August 1999 (43752 A) statt; auch damals waren die Banden vom Süden her über das Fergana-Tal eingedrungen* (ibid.).

Этноспецифика модели проявляется при контрастивном сопоставлении: так, в русском переводе фраза перестраивается (24а) или направляющее наречие опускается (25а):

(24а) '... которые Карл заказывает отовсюду'.

(25а) '... с юга через Ферганскую долину'.

Этноспецифичность выражения создает для немецкого реципиента эмоциональный фон, основанный на базовой эмоции «доверие», усиливающий воздействие.

5.2.2. *Временная перспектива «от прошлого к современности»*

В политическом дискурсе наречие *her* часто используется для обозначения временной перспективы, направленной из прошлого к определенному моменту в настоящем (26, 27) или в будущем (28). Идиоэтнический характер выделенных выражений подтверждается русским переводом, который не может быть дословным. Ср.:

- (26) Es ist noch gar *nicht so lange her*, da wusste kaum jemand, dass es eine Gegend namens Rioja gibt (DWDS) — (26a) ‘Еще *совсем недавно...*’
- (27) Es ist kaum *zwei Wochen her*, dass Premierminister BARAK eine kühne Verpflichtung eingelöst hat (POLITISCHE REDEN) — (27a) ‘Прошло всего две недели *с тех пор, как* премьер-министр БАРАК...’
- (28) *Übernächste Woche wird es 55 Jahre her sein*, dass der Zweite Weltkrieg endete (DWDS) — (28a) ‘...*со дня* окончания Второй мировой войны’.

Как видим, в русском языке временная направительность из прошлого к настоящему передается либо темпоральным союзом *с тех пор, как*, либо предложным сочетанием существительного *со дня*, либо имплицитруется в лексеме *недавно*. В немецком языке это значение выражается идиоматическими оборотами с постоянным компонентом *her*:

Adv^{temp} + *her*; Num + Subst.^{temp} + *her*.

Этноспецифика языкового выражения проявляется к тому же в грамматическом оформлении. Первые элементарные предложения в (26-28), содержащие формальное семантически пустое подлежащее *es*, передают экзистенциальную семантику. Обычно в таких случаях связка грамматически согласуется с предикативом, ср.:

- (29) Es sind unsere Kinder und unsere Nachbarn, es sind Mitschüler und Kollegen (DWDS).

Однако в (27, 28) связка в форме единственного числа согласуется с предикативом во множественном числе. Традиционный синтаксический анализ этих предложений не позволяет объяснить этот феномен. Объяснение этому позволяет дать категори-

альный аппарат универсальной грамматики. В универсальной грамматике, опирающейся на логику, предложение рассматривается как трехчленная структура, состоящая из подлежащего, абстрактно понимаемой связки (копулы) и предиката (LEISS 2020: 15). При этом связка считается самостоятельным компонентом, присущим любому предложению, поскольку, например, предложение *Kühe stampfen auf dem Rasen* можно трансформировать в предложение с эксплицитной связкой *Kühe sind stampfend* (модифицированный пример из [АБРАНАМ 2020: 8]). Не имея возможности в рамках настоящей статьи подробно осветить теорию универсальной грамматики, изложенную в (АБРАНАМ & al. 2020), обратимся к нашим примерам, в которых связка выражена эксплицитно. Если в (27 и 28) считать связку отдельным компонентом в структуре предложения, то предикатами будут идиомы: в (27) *zwei Wochen her*, а в (28) *55 Jahre her*. С позиций теории ментального лексикона эти предикаты следует рассматривать как *нерасчлененные единства*, которые в немецкой языковой системе обладают признаками [+ единица времени], [+ прошлое], [+ направленность к моменту речи]. Связка создает отношение между предикатом, представляющим «unstrukturiertes Ganzes» ‘неструктурированное целое’ и формальным подлежащим (LEISS 2020: 32). Целостное восприятие предиката и объясняет, на наш взгляд, единственное число связки.

При изменении порядка слов предикат расчленяется и получает дополнительный признак [+ множественность], который актуализируется фразовым ударением и включает перспективу говорящего, реферируя к конкретной ситуации. Согласно Э. Лайсс, в подобных случаях значение переводится в обозначение конкретной ситуации (LEISS 2020: 27). Референция подтверждается частицами *nun bereits*, создающими систему координат говорящего. При этом связка получает форму множественного числа, ср. (29):

(29) *Zehn Jahre sind es nun bereits her* (DWDS).

Расчленение предиката как аналитическая операция включает категориальный аппарат, а инструмент «ментальный лексикон» за счет вариативности категоризации обеспечивает приспособление к реальной ситуации (LEISS 2020: 23). В (29) по

сравнению с (27, 28) категоризация грамматического числа связки изменилась с единственного на множественное. В русском языке такого изменения не происходит, ср.: 'Прошло 10 лет' и '10 лет прошло'. Русский перевод оттеняет этноспецифику немецкого.

5.2.3. Обозначение внутреннего свойства источника направительности

Внутреннее сущностное свойство объекта может служить источником, из которого исходит какое-либо действие или объяснение чего-либо. Словосочетания строятся по модели с постоянными компонентами: предлог *von*, существительное, как правило, абстрактной, а в некоторых случаях конкретной семантики и направительное наречие *her*. Варианты модели создаются атрибутивными прилагательными или притяжательными местоимениями:

von + (Adi./Pron.^{poss.}) Subst.^{abstr} + *her*

Этноспецифика проявляется при контрастивном сопоставлении с русским переводом; ср.:

- (30) Jedenfalls wird Gemeinschaft heute radikal *von Kommunikation her* gedacht. Nicht der Weltbürger, sondern der Netzbürger ist im globalen Dorf zu Hause (DWDS) — (30a) '...источником сообщества мыслится сегодня коммуникация'.
- (31) *Von der Kompetenz her* konnte er sich neben jedem westlichen Kultusminister sehen lassen (ibid.) — (31a) 'Его компетентность позволяла поставить его... (учитывая его компетентность)'.
- (32) Man kann auch *von innen her* etwas gegen die Mücken tun: Essen Sie viel Knoblauch (ibid.) — (32a) '...можно что-то сделать и изнутри (исходя из внутренних ресурсов)'.
- (33) Und ich bin sehr gespannt auf das folgende Kulturprogramm, das allein schon *von Namen her* vielversprechend tönt (POLITISCHE REDEN) — (33a) '...которая, уже судя по названию...'.
- (34) Die Sache muss *vom militärischen Standpunkt her* erst einmal abgeschlossen werden (DWDS) — (34a) 'С военной точки зрения (исходя из военной точки зрения)'.

Аналогичную семантику имеют предложные группы существительного с предлогом *aus* и наречием *heraus*; при этом источник оценивается либо как положительный, либо как отрица-

тельный: оценка зависит от лексемы, обозначающей источник, и общего контекста. Ср.:

(35) *Aus ihrer geistigen Tradition heraus* ist sie eine Partei des fortschreitenden Denkens, der kritischen Aufklärung (DWDS).

(36) Dass in Konsequenz dieser Politik der Staat *aus der Schuldenfalle heraus* muss, ist richtig (ibid.).

В русских переводах смысл, заключенный в выделенных курсивом словосочетаниях немецкого оригинала, также выделен курсивом (30а, 33а) или приведен в скобках (31а, 32а, 34а). На наш взгляд, во всех случаях имеет место импликация причины, которая в отдельных контекстах эксплицируется, ср.:

(37) Die Adoptionsvermittlungsstelle muss hier sicherstellen, dass die Adoption dem Kindeswohl dient und nicht *aus anderen Motiven heraus* geschieht, beispielsweise *wegen Unterhaltsstreitigkeiten oder weil* der andere Elternteil aus der Familie gedrängt werden soll (POLITISCHE REDEN).

Оценочный смысл подобных групп основан на импликации важности обозначаемых ими источников (ср. [МИНАЕВА 2007: 181-188]), а их воздействующий потенциал предполагает эмоцию доверия.

5.2.4. Импликация семантики опасности

Иной смысл имплицитно выражает наречие *herauf*, выступающее в качестве отделяемого компонента глагола. В этом случае акцент абстрактной направленности смещается на нижнюю точку, из которой исходит движение. Сама эта точка только подразумевается, а абстрактное перемещение снизу воспринимается как известная опасность, подспудно вызревающая и представляющая угрозу для настоящего или будущего. В газетном корпусе и в корпусе политических речей частотен глагол *heraufbeschwören* (22 и 54 случая употребления соответственно). Одно из толкований значения этого глагола в словаре Г. Варига «ein Unglück verursachen» (WAHRIG 1989: 628) 'вызывать несчастье'. Именно этом значении глагол употребляется в политическом дискурсе. Словосочетания с ним имплицитно выражают отрицательную оценку и строятся по модели, в которой существительное имеет отрицательную семантику:

(Attr.) Subst.^{Akk, Sem.neg} + V

(38) Diese Entwicklungen haben *eine weitere Gefahr heraufbeschworen*: Populismus und Nationalismus — diese Gespenster gehen derzeit in Europa um (POLITISCHE REDEN).

(39) Damit wollten sie *einen Krieg heraufbeschwören* (DWDS).

Манипулятивный эффект основан на использовании в качестве мишени базовой эмоции страха перед общественно значимыми потрясениями.

5.2.5. Переносные смыслы наречий *herunter*, *herab*

Выше отмечалось снижение частотности этих наречий в политических речах по сравнению с их употреблением в газете. Дело в том, что в политическом дискурсе в целом они нередко используются в переносном смысле; ср.:

(40) Zu einem Streit mit so einem *lässt er sich nicht herab* (DWDS).

Глагол *sich herablassen* имеет в словаре (LANGENSCHIEDT 2000: 832) помету *fig.* и переводится как ‘снизойти’. В (40) наречие обозначает в переносном смысле направление движения персонажа, о котором идет речь, ‘сверху вниз’ к объекту его (не)внимания.

В политических речах используются устойчивые метафорические выражения «*vom hohen Ross herunter/herab*», представляющие яркий образец этнокультурной специфики. Лексема *Ross* воспринимается как устаревшая поэтическая, а при употреблении в разговорном языке имеет иронический оттенок. Выражение «*vom hohen Ross herab*» имеет в словаре помету *umg.* ‘разг.’ и интерпретируется как «*in hochmütiger, überheblicher Weise*» (DUDEN 1992, XI: 590) ‘в надменной, высокомерной манере’.

(41) Sie müssen aufhören, *vom hohen Ross herab* Politik zu betreiben! (POLITISCHE REDEN).

В (41) имплицитно призван к политикам спуститься с высокого пьедестала, не смотреть пренебрежительно на тех, для кого они делают политику. В других культурах, в частности в русской, метафора коня как создающего возможность высокого положения человека не используется.

6. Выводы

Стилистика политического дискурса предопределяет особенности функционирования в нем этноспецифических единиц немецкого языка — направительных наречий в составе свободных и устойчивых метафорических словосочетаний. В когни-

тивно-прагматическом ракурсе особенности проявляются в использовании этих языковых единиц для обозначения направленности и имплицитной оценки социокультурных процессов, а также в целях манипулирования адресатами, воздействуя на их базовую эмоцию доверия, а в отдельных случаях страха. Идиоэтнические языковые элементы создают чувство сопричастности к субъекту речи. В расчете на массовую аудиторию применяются повторяющиеся стандартные языковые модели с направлятельными наречиями в качестве постоянных компонентов, что облегчает понимание и усиливает воздействующий эффект.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Антонова А. В. Речевая манипуляция в предвыборном агитационном дискурсе Великобритании. М.: Маска, 2011. [Antonova, Anna V. (2011) *Rechevaya manipulyatsiya v predvybornom agitatsionnom diskurse Velikobritanii* (Speech Manipulation in Great Britain's Election Discourse). Moscow: Maska. (In Russian)].
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2008. [Budayev, Eduard V. & Chudinov Anatoliy P. (2008) *Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika* (Foreign Political Linguistics). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)].
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010 — 2019 гг.) // Вопросы когнитивной лингвистики, 2020. № 3. С. 56—70. [Budayev, Eduard.V. & Chudinov, Anatoliy P. (2020) *Politicheskaya metaforologiya na sovremennom etape razvitiya* (2010 — 2019 gg.) (Political Metaphorology at a Present Stage of Development). *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 56—70. (In Russian)].
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. [Wierzbicka, Anna. (1999) *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov* (Semantic Universals and Language Description). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе: на материале немецкого языка: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. СПб.: Российский гос. педагогический ун-т им. А. И. Герцена, 2011. [Golodnov, Anton V. (2011) *Persuazivnost' kak universal'naya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom metadiskurse: na materiale nemetskogo yazyka* (Persuasivity as an Universal Text Building Strategy: exempli-

fied by the German Language). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russian)].

Гончарова Е. А. Текст — дискурс — стиль как когнитивное, коммуникативно-прагматическое и интерпретационное триединство // Текст — дискурс — стиль в современной этнокультуре Германии / отв. ред. А. Л. Вольский. СПб.: Российский гос. педагогический ун-т им. А. И. Герцена, 2012. С. 10—33. [Goncharova, Yevgeniya A. (2012) *Tekst — diskurs — stil' kak kognitivnoye, kommunikativno-pragmaticheskoye i interpretatsionnoye triyedinstvo* In: Volskiy, Aleksey L. (ed.) *Tekst — diskurs — stil' v sovremennoy etnokul'ture Germanii* (Text — Discourse — Style in Contemporary German Ethnoculture). Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University, 10—33. (In Russian)].

Добровольский Д. О., Падучева Е. В. Дейксис в отсутствие говорящего: о семантике немецких дейктических элементов *hin* и *her* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2008. С. 140—146. [Dobrovolskiy, Dmitriy O. & Paducheva, Yelena V. (2008) *Deyksis v otsutstviye govoryashchego: o semantike nemetskikh deykticheskikh elementov hin i her*. In: Kibrik, Andrey Ye. (ed.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii* (Computer Linguistics and Intellectual Technologies), 7 (14). Moscow: Russian State University for the Humanities, 140—146. (In Russian)].

Катермина В. В. Культурно-интерпретирующий потенциал массмедийных неологизмов в английском дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1. С. 84—90. [Katermina, Veronika V. (2017). *Kul'turno-interpretiruyushchiy potentsial massmediynykh neologizmov v angliyskom diskurse* (Cultural and Interpretative Potential of Mass-Media Neologisms in English Discourse). *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 84—90. (In Russian)].

Кострова О. А. Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. М.: Флинта, 2023. [Kostrova, Olga A. (2023) *Kontseptual'naya grammatika khronotopa v nemetskoj lingvokul'ture* (Conceptual Grammar of Chronotop in German Linguistic Culture). Moscow: Flinta. (In Russian)].

Минаева Л. В. Речевая коммуникация в политике. М.: Флинта; Наука, 2007. [Minayeva, Lyudmila V. (2007) *Rechevaya kommunikatsiya v politike* (Speech Communication in Politics). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)].

- Нефедова Л. А. Неологизмы как феномен культуры (на материале новой лексики немецкого языка 1991–2010) // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме: Запад — Восток: пересечения культур. 2019. Т. II. Киото: Tanaka Print. С. 327—334. [Nefedova, Lyubov' A. (2019) Neologizmy kak fenomen kul'tury (na materiale novoy leksiki nemetskogo yazyka 1991 — 2010). In: *II Vsemirnyy kongress v realnom i virtual'nom rezhime: Zapad — Vostok: peresecheniya kul'tur* (2nd World Congress in Real and Virtual Regime: West — East: Culture Crossing). Vol. 2. Kyoto: Tanaka Print, 327—334. (In Russian)].
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Параллельный корпус (немецкий). Электронный ресурс. [Natsional'nyu korpus russkogo yazyka. Parallelnyy korpus (nemetskiy) (The National Corpus of the Russian language. Parallel Corpus (German)). Retrieved from <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=deu>].
- Рожанский Ф. И. Направление движения (типологическое исследование) // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 56—66. [Rozhanskiy, Fyodor I. (2000) Napravleniye dvizheniya (tipologicheskoye issledovaniye) (Direction of Movement (Typological Study)). In Arutyunova, Nina D. & Levontina, Irina B. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* (Logical Language Analysis: Space Languages). Moscow: LRC Publishing House, 56—66. (In Russian)].
- Abraham, Werner. (2020) Vorrede zum Thema. In Abraham, Werner; Leiss, Elisabeth & Tanaka, Shin. (eds) *Zur Architektur von Thetik und Kategorik*. Tübingen: Stauffenburg, 7—11. (Studien zur deutschen Grammatik, 97)
- Abraham, Werner; Leiss, Elisabeth & Tanaka, Shin. (eds) (2020) *Zur Architektur von Thetik und Kategorik*. Tübingen: Stauffenburg. (Studien zur deutschen Grammatik, 97)
- Duden. (1992) Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bd. 11. Mannheim: Dudenverlag.
- DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from <https://www.dwds.de/r/?q=hin&corpus=korpus21>.
- Fandrych, Christian & Thurmair, Maria. (2018) *Grammatik im Fach Deutsch als Fremd- und Zweitsprache*. Berlin: Erich Schmidt.
- Fix, Ulla. (2011) *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme.
- Langenscheidt — Langenscheidts Taschenwörterbuch Russisch. Russisch — Deutsch. Deutsch — Russisch. (2000). Berlin: Langenscheidt.

- Leiss, Elisabeth. (2020) Thetik, Kategorik und die Theorie der Kopula in der Universalgrammatik des Realismus. In: Abraham, Werner; Leiss, Elisabeth & Tanaka, Shin. (eds) *Zur Architektur von Thetik und Kategorik*. Tübingen: Stauffenburg, 15—40. (Studien zur deutschen Grammatik, 97)
- Politische Reden (1982 — 2020). Retrieved from https://www.dwds.de/r/?q=hinab&corpus=politische_reden&date-start=1982&date-end=2020&format=kwic&sort=date_desc&limit=50
- Wahrig, Gerhard. (1989) *Deutsches Wörterbuch*. München: Mosaik.

Olga A. Kostrova

Samara State University of Social Studies and Education

German Directional Adverbs in Political Discourse

Till today, the political discourse isn't analyzed from the view point of national specifics, but researches who regard metaphors put this as a goal. The problem about using of culturally specific grammatical means in this discourse type isn't solved. The paper deals with directional adverbs having elements *hin/her*. The Author provides their functions in political discourse, text and style, analyzing text fragments of papers and political speeches, retrieved from the DWDS-Corpus and from parallel German — Russian Corpus of the National Corpus of Russian. The frequent study shows the need for these elements in German political discourse; comparison with Russian translations confirm ethnic specifics of these units; comparison with functions in fictional texts reveals the specifics of their using in political discourse. The Author presents modeling of typical word group and sentence structures. Using cognitive and pragmatic analyzes she highlights their implicit senses that are relevant in political speech. Social and political direction of discourse explains that these units are used for manifesting the direction and implicit assessment of social and cultural processes. They are also used to manipulate the addresses, because they influence their basic emotions: confidence and sometimes fear. Directional adverbs as ethnic specifics language units create the sense of involvement with the speaker. Per mass recipients, the speakers repeat standard language models that have such adverbs as constant structural parts, to make easier the understanding but stronger the influence effect through creating of specific style.

Keywords: ethnic specifics; prototypical models; social and cultural perceptivation; limit; implication; assessment; influence

Для цитирования:

Кострова О. А. Немецкие направительные наречия в политическом дискурсе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023.

№ XX. С. 194—215.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-194-215.

To cite this Article:

Kostrova, Olga A. (2023) Nemetskiye napravitel'nyye narechiya v politicheskom diskurse (German Directional Adverbs in Political Discourse). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 194—215. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-194-215.

Статья поступила в редакцию 24.02.2023; принята к публикации 23.03.2023

The article was submitted 24.02.2023; accepted for publication 23.03.2023

B. Lachhein

Gesellschaft für Deutsch-Russische Begegnung (Essen)

Sh. V. Nikonova, L. A. Averkina

Staatliche Linguistische Universität Nishnij Nowgorod

**TRANSFORMATION ALS DAUERZUSTAND
IN DER MODERNEN GESELLSCHAFT —
KANN DIE SPRACHE MITHALTEN?***

Tiefgreifende Ereignisse wie die Covid-19-Pandemie, der Klimawandel oder geopolitische Konflikte wirken wie Katalysatoren und begünstigen gesellschaftliche Veränderungen, sodass Menschen sich einem steten Wandel ausgesetzt sehen. Das erwünschte Verstehen der Zukunft wird zu einem Anker, Megatrends die in Worte gefasste Richtschnur. Der Prozess bedient sich einer Lexik, die aus verschiedenen Perspektiven, in unterschiedlichen Kontexten einer Konsensprüfung unterzogen werden sollte. Die Megatrend-Forschung bedarf zu ihrer Veranschaulichung im rein wissenschaftlichen Kontext durchaus eines erklärenden, praxisbezogenen Ansatzes. In der Kunden-Nutzen-Kommunikation sollen Megatrends Entscheidungsprozesse mit in der Zukunft liegenden Erfolgsaussichten beeinflussbar gestalten erscheinen lassen, was beispielhaft am Verhältnis zwischen Spezialisten der Finanzbranche und Kunden außerhalb dieser Sphäre aufgezeigt wird. Auch in typischen B2B-Konstellationen, vornehmlich global agierende Unternehmen betreffend, sollen durch die Kenntnis und das Verständnis von Megatrends zukunftsfähige, bestandsfördernde Lösungen entwickeln können. Typisch für die Vorhersage künftiger, noch nicht greifbarer Ereignisse ist die Verwendung von Begriffen aus dem Englischen, was bei der Analyse der beispielhaft ausgewählten Megatrends *New Work*, *Neo-Ökologie*, *Urbanisierung* und *Mobilität* zu beobachten ist. Einige der die Trends beschreibenden Begriffe zählen bereits zum Wortbestand des Dudens. Englischkenntnisse liegen im Trend und erleichtern den verbalen Austausch der entsprechenden Inhalte. Zu beachten bleibt, dass relevante Begriffe ihre kontextuelle Bedeutung haben wie *Sharing* oder konzeptionell zu verstehen sind wie *Gig Economy*, andere wiederum auch außerhalb des Englischen generell erklärungsbedürftig scheinen wie *15-Minuten-Stadt*. Der Beitrag stellt

* Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на пленарном заседании XX съезда РСГ.

die sprachliche Adaption im Wissenschafts-, Fach- und Alltagsgebrauch des Deutschen aus der Perspektive des Muttersprachlers sowie des Dolmetschers und Übersetzers zur Diskussion.

Schlüsselwörter: Transformation; Megatrend; New Work; Neo-Ökologie; Urbanisierung; Mobilität

Seit jeher entwickeln sich Gesellschaften. Meist werden spürbare gesellschaftliche Erneuerungen, die alle Sphären tangieren, nur langsam offenkundig. Allerdings gibt es Ereignisse wie die Covid-19-Pandemie, den Klimawandel, geopolitische Konflikte, die wie Katalysatoren wirken und weltweit deutliche Umbrüche erzwingen. Menschen sehen sich ständigen Herausforderungen ausgesetzt.

Der Beitrag stellt den steten Wandel und deren Niederschlag in der deutschen Sprache aus der Perspektive des Muttersprachlers sowie des Dolmetschers und Übersetzers anhand der vier Megatrends *New Work*, *Neo-Ökologie*, *Urbanisierung* und *Mobilität* zur Diskussion. Die Recherche zeigt, dass die Megatrend-Forschung oft kontextbezogen und mit dem reinen wissenschaftlichen Ansatz nicht zu erklären ist.

Ein Beispiel dafür stellt die breit angelegte, qualitative Literaturrecherche einschließlich einer Expertenbefragung durch die Akademische Gesellschaft für Unternehmensführung und Kommunikation, ein Verbund der Universitäten Leipzig, Münster, Duisburg-Essen und Wien sowie 40 deutschen und internationalen Unternehmen, dar. Die Studie identifiziert in der Kooperation von Wissenschaftlern und Praktikern zehn Megatrends für die Kommunikation in Unternehmen. An der Spitze der Kommunikationsthemen stehen die digitale Vernetzung, Globalisierung, Individualisierung aber auch Urbanisierung und Mobilität. Ihre Essenz leiten die Autoren der Studie mit der heraklitischen Weisheit *Nichts ist so beständig wie der Wandel!* ein. Beständiger Wandel beschäftigt die Menschen seit 2500 Jahren (BERGER 2016).

In einem weiteren Beispiel kommunizieren Spezialisten der Finanzbranche und Kunden als potenzielle Investoren mit ganz unterschiedlichen beruflichen Hintergründen.

Wozu bedarf es Megatrend-Betrachtungen im Finanzsektor?

Hier geht es darum, Geld in der Gegenwart zukunftsicher und gewinnbringend zu investieren. Investmentgesellschaften, wie die „Deutsche Finance Group“ (DFG) als internationale Investmentgesellschaft mit Hauptsitz in München, sammeln Geld und investieren

dieses weltweit in Unternehmen, Immobilien usw. Die DFG verspricht ihren Kunden — ganz im Trend liegend — das Kapital auf verantwortungsvolle Art und Weise zu investieren und dabei neben finanziellen Kriterien auch Faktoren der Bereiche Umwelt, Gesellschaft und Unternehmensführung zu berücksichtigen.

Die Unternehmensgruppe greift die Frage der Kunden „Wo wird Kapital in Zukunft benötigt?“ auf und antwortet mit den fünf Megatrends — Globalisierung, Bevölkerung, Demografie, Mittelschicht und Urbanisierung, dargelegt im 2018 veröffentlichten *Factbook Megatrends*. Dieses *Factbook* wird den Kunden ausgehändigt, sie machen sich mit dem Wortschatz vertraut, finden im Idealfall eine „gemeinsame Sprache“ mit dem Anbieter und können ihre Investitionsentscheidungen treffen (MÜLLER 2017).

Auch für die Unternehmensberatung Roland Berger¹ ist das Thema Megatrends nach eigenen Angaben seit Jahren ein Dauerbrenner. Die Unternehmensberatung zählt mit mehr als 2000 Mitarbeitern in ca. 30 Ländern zu den führenden weltweit und ist verknüpft mit dem Weltwirtschaftsforum (WEF).² Im WEF treffen sich jährlich Wirtschaftsexperten, Politiker, Wissenschaftler, gesellschaftliche Akteure und Journalisten in der Schweiz, um globale Fragen zu erörtern. Vor diesem Hintergrund entstand das 2020 herausgegebene Kompendium, welches sechs Megatrends, die unsere Welt bis 2050 in wirtschaftlicher, gesellschaftlicher, umweltpolitischer, technologischer und geopolitischer Hinsicht verändern, enthält:

Megatrend *Bevölkerung und Gesellschaft*: globale Bevölkerungsentwicklung, Migration, Werte, Bildung;

Megatrend *Gesundheit und Pflege*: Pandemien und andere Herausforderungen, Krankheiten und Behandlung, Pflege;

Megatrend *Umwelt und Ressourcen*: Klimawandel und Umweltverschmutzung, Ressourcenüberfluss und -knappheit, gefährdete Ökosysteme;

Megatrend *Wirtschaft und Unternehmen*: globale Machtverschiebungen, sektoraler Wandel, zunehmende Verschuldung;

¹ Der Name steht stellvertretend für die Firma. Herr Berger spricht im Allgemeinen nicht persönlich mit den Unternehmensvertretern.

² WEF — World Economic Forum.

Megatrend *Technologie und Innovation*: Stellenwert der Technik, künstliche Intelligenz, Mensch und Maschine;

Megatrend *Politik und Governance*: Zukunft der Demokratie, Governance-Herausforderungen, Geopolitik, globale Risiken.

In diesem Beispiel treffen Vertreter vornehmlich globaler Unternehmen und Unternehmensberater aufeinander, was einer typischen B2B-Konstellation entspricht.³ Roland Berger verspricht durch die Kenntnis und das Verständnis von Megatrends gemeinsam mit den Kunden zukunftsfähige Lösungen entwickeln zu können (KRYSS 2020).

An den drei Beispielen wird erkennbar, dass Megatrends, aus verschiedenen Blickwinkeln und mit unterschiedlicher Zielstellung in den Sprachgebrauch Einzug halten.

Aber, wovon ist eigentlich die Rede? Auf der Basis der Erkenntnisse von Wissenschaftlern unterschiedlicher Fachrichtungen, von Zukunftsforschern und Praktikern sowie einem entsprechenden sprachlichen Rahmen begleiten Megatrends den Weg in die Zukunft.

Der Begriff *Megatrend* wird dem US-amerikanischen Zukunftsforscher John Naisbitt zugeordnet, der im Jahr 1982 damit Prozesse beschreibt, die eine Gesellschaft grundlegend verändern und mindestens fünf bis zehn Jahre dauern (NAISBITT 1982).

Auch der deutsche Zukunftsforscher Matthias Horx stellt den Begriff in den Fokus und präzisiert seine weltverändernde Wirksamkeit nicht nur auf der individuellen, sondern auf allen Ebenen der Gesellschaft — auf der wirtschaftlichen, politischen, wissenschaftlichen, technischen und kulturellen (HORX 2011). Solche Veränderungen werden gegenwärtig oft unter dem Begriff *Transformation* ins Rennen geschickt. Der Manager Christian Deuringers verbindet damit „Veränderungen vom aktuellen Zustand (IST) hin zu einem angestrebten Ziel-Zustand“ (DEURINGER 2000: 38).

Der Begriff impliziert die Erfahrung, „dass die Wirklichkeit... in einer anderen, neuen Weise gesehen, erlebt und gedeutet wird“ (BURKHARDT 2021).

Erinnert sei an dieser Stelle an den russischen Ökonomen Nikolai Dmitrijewitsch Kondratieff und sein Modell der langen Wellen eines

³ Business-to-Business — Geschäftsbeziehungen zwischen zwei oder mehreren Unternehmen.

Wirtschaftszyklus (Kondratieff-Zyklen), wonach eine grundlegende technische Neuerung die Basis für eine neue Wachstumswelle ist, die sich durchschnittlich über 40 bis 60 Jahre entwickelt. Kondratieff stellte seine Entdeckung erstmalig 1926 vor (DUDEN WIRTSCHAFT 2016).

Aus der Perspektive der Linguistik stellt sich die Frage:

Wer benutzt den Megatrend-Wortschatz?

Das Leibniz-Institut für Deutsche Sprache in Mannheim, vertritt in seinem diskursgeschichtlichen Analysemodell in der Kategorie „Beteiligte“ die Auffassung, dass Megatrends auf Deutungen und Erklärungen spezifischer Sprachgemeinschaften zu einer bestimmten Zeit fußen und die daraus resultierenden Sprachgebrauchsweisen von bestimmten Gruppierungen einer Gemeinschaft (*Diskursbeteiligten*) initiiert und verbreitet werden.⁴

Wie aus den drei, eingangs vorgestellten Beispielen ersichtlich, handelt es sich um sehr heterogene Gruppen und Kontexte — ob es Politiker, Beamte, Forscher, Verkäufer, Berater sind, die über Megatrends sprechen, ob gesellschaftliche Diskurse, wissenschaftliche Diskussionen geführt oder Proteste zum Ausdruck gebracht werden.

Im Folgenden werden exemplarisch vier der zwölf Megatrends aus dem Institut für Trend- und Zukunftsforschung von Matthias Horx analysiert: *New Work*, *Neo-Ökologie*, *Urbanisierung* und *Mobilität*. Die Wahl fiel auf diese Quelle, weil den jeweiligen Trends meist ein Glossar hinzugefügt worden ist.

1. Megatrend *New Work* — Vom klassischen Karriereweg zur Sinnfrage

Die Vorstellungen von Karriere und Erfolg, gemessen an Einkommen und Status verlieren zunehmend ihre Priorität. An ihre Stelle treten Werte wie Sinnhaftigkeit, Gestaltungsmöglichkeiten, Vereinbarkeit von Beruf und Privatleben.⁵ Die Grenzen zwischen Leben und Arbeiten verschwimmen im Alltag. Als Arbeit gilt künftig die Summe aller Beschäftigungen in unterschiedlichen Lebensphasen, also nicht mehr die eine, die Profession vollendende, lebenslange Beschäftigung. Vielleicht hat damit das Sprichwort „Schuster bleib bei Deinen Leisten“ bald ausgedient?

⁴ <https://www.ids-mannheim.de/lexik/sprachlicherumbruch/modell>.

⁵ Bisher „Vereinbarkeit von Beruf und Familie“.

Im dazugehörigen Glossar kann man sich mit dem Wortschatz vertraut machen.

Glossar:

- B** Business Ecosystems;
C Co-Working / Coopetition / Corporate Culture / Corporate Health;
D Digital Literacy / Diversity;
E, F Everything as a Service / Free Creativity;
G, H, K Gig Economy / Human Relations / Kollaboration;
O, P Open Innovation / Open Knowledge / Plattformökonomie;
R Remote Work / Resilienz;
S, W Sinn-Ökonomie / Social Business / Start-up-Culture / Work-Life-Blending.

Das Glossar umfasst Begriffe, von denen einige zum Wortbestand des Dudens gehören: *Co-Working*, *Corporate*, *Human Relations*, *Kollaboration*, *Plattformökonomie*, *Resilienz*, *Start-up*, *Work-Life*.

Die digital-technischen Strukturen — dazu zählen *Cloud- und Netzwerklösungen*, *Collaboration Tools* und *mobile Hardware* — ermöglichen eine neue Arbeitsumgebung und führen auf direktem Weg zum Begriff *Remote Work* und einem in der Arbeitswelt zunehmend anzutreffenden Trend. Zu nennen sind neben dem *Homeoffice Open-Space-Büros*, *Vanoffice*, *Café oder Hüttenbüro*,⁶ also ortsunabhängige Arbeit, die es erlaubt, konzentriert dort tätig zu sein, wo man auch seine Freizeit verbringen möchte.⁷ Gerade in der *Gig Economy*,⁸ dem wachsenden Arbeitsmarkt aus Selbstständigen, Freiberuflern und Menschen, die gelegentlich oder projektbezogen arbeiten, wird Arbeiten immer häufiger mit Reisen verbunden.⁹ Im Verständnis eines *Work-Life-Blendings* lösen sich die Grenzen zwischen Arbeits- und Privatleben vollkommen auf. *New Work* verspricht Entspannung, mehr Lebensqualität und Freude an der Arbeit, eine *Sinn-Ökonomie* scheint sich zum erstre-

⁶ Beschäftigte gehen von jedem beliebigen Ort aus ihrer Tätigkeit nach.

⁷ <https://www.ahd.de/was-bedeutet-remote-work/#definition>.

⁸ Teil des informellen Arbeitsmarktes, bei dem zeitlich befristete Aufträge flexibel und kurzfristig an Arbeitssuchende, geringfügig Beschäftigte, unabhängige Selbständige oder Freiberufler vergeben werden; engl. *gig* für 'Auftritt', *economy* für 'Wirtschaft'.

⁹ <https://wirtschaftslexikon.gabler.de/definition/gig-economy-122673>.

benswerten Ziel zu mausern.¹⁰

Was verbirgt sich hinter dieser *Sinn-Ökonomie*? Das Glossar gibt Antwort:

Neue Dimensionen der Wertschöpfung abseits des Denkens in Wachstum und Profitmaximierung rücken in den Vordergrund: sozialer Mehrwert, Nachhaltigkeit, eine glückliche Mitarbeiterschaft, gesellschaftlicher Fortschritt. Unternehmen, die in Zeiten erfolgreich sein wollen, welche dem Wachstum zunehmend kritisch gegenüberstehen, sollten diese neuen Wertvorstellungen der Sinn-Ökonomie selbst leben und vorantreiben.

Auch *Kollaboration* und *Remote Work* werden im Glossar des Zukunftsinstitutes erläutert:

Unter *Kollaboration* versteht man die oft technisch vermittelte Zusammenarbeit in Teams. Zielsetzung ist meist die Erzeugung neuer Ideen oder Problemlösungen, häufig ist die Zusammenarbeit intensiv, kreativ und zeitlich begrenzt. Durch Austausch entstehen neue Verbindungen oder Sichtweisen. Die digitale Kommunikation ist dabei ein starker Treiber.

Remote Work: Nicht im Büro zu arbeiten, sondern zu Hause, an einem *Third Place* oder gar in einem anderen Land, erleichtert das *Work-Life-Blending* entscheidend und ermöglicht Mitarbeitenden mehr Freiheiten. In der Corona-Krise arbeiteten so viele Menschen im *Homeoffice* wie nie zuvor — *Remote Work* ist damit endgültig im *Mainstream* angekommen und wird die Arbeitswelt nachhaltig beeinflussen.¹¹

Allein zur Erläuterung dieses aus dem Englischen entlehnten Begriffes scheinen vier weitere erforderlich, die wiederum erläuterungsbedürftig sein können.

2. Megatrend Neo-Ökologie — Vom individuellen Lifestyle zur gesellschaftlichen Bewegung

Das Umweltbewusstsein ist *vom individuellen Lifestyle zur gesellschaftlichen Bewegung* geworden und nimmt Einfluss auf Kaufentscheidungen, gesellschaftliche Handlungsmoral oder Unternehmensstrategien. Der Megatrend *Neo-Ökologie* etabliert ein *neues Werte-Set*, das in alle Lebensbereiche hineinreicht sei es in Politik, Wirtschaft oder Alltagskultur. Dies erfordert fundamentales Umdenken.

¹⁰ <https://www.zukunftsinstitut.de/index.php?id=19>.

¹¹ <https://www.zukunftsinstitut.de/index.php?id=19>.

Ein solcher *Reset*, so die Trendforscher, ebnet den Weg für eine von *Nachhaltigkeit und Entschleunigung* geprägte *Post-Corona-Gesellschaft*.

Anstelle eines Glossars finden sich zum genannten Trend vier Thesen mit prägenden Begriffen wie *Neo-Ökologie — Ökosystem — Klimawandel — Resilienz — Nachhaltigkeit — Ressourcen — Innovationen — Green Tech — Sinn-Ökonomie — Generation Global — globales Mindset — sozialer Mehrwert — kritischer Konsum — nachhaltig, gerecht*.

Ein Blick auf These 4 *Die Generation Global schafft eine nachhaltige Welt* vermittelt deren Inhalt, zusammengefasst wie folgt: Die nachwachsende Generation prägt ein neues globales Mindset. Sie steht für progressiven Pragmatismus, für vernetztes Denken und eine neue Ernsthaftigkeit — weil es um ihre Zukunft geht. Sinn und sozialer Mehrwert sind für sie elementare Kriterien eines kritischen Konsums. Das Ziel der *Generation Global*: eine nachhaltigere, gerechtere Wirtschaft und Gesellschaft (ibid.).

3. Megatrend *Urbanisierung* — Urbane Resilienz macht Städte zukunftsfähig

Bis 2030 soll es nach Angaben der Vereinten Nationen 43 Megastädte (derzeit 33) mit jeweils mehr als zehn Millionen Einwohnern geben, in denen dann 60 Prozent der Weltbevölkerung wohnen.

Warum wird das so sein?

Im Zukunftsinstitut von Horx heißt es dazu: Städte ziehen kreative Köpfe an, treiben den Fortschritt voran und sind die wirtschaftlichen Machtzentren der Welt. Hier gibt es einen differenzierten Arbeitsmarkt, individuelle Freiheit (siehe *New Work*), kulturelle und soziale Diversität. Die Probleme der Urbanisierung werden kreativ durch die Bewohner selbst gelöst. Nachhaltiges, grünes Stadtleben, bürgerschaftliches, freiwilliges, soziales Engagement, Initiativen wie *Transition Town* für eine von fossilen Brennstoffen unabhängige Energieversorgung,¹² *urbane Gardening*¹³ oder *Stadtradeln*, eingebettet

¹² Die *Transition Town Initiative* hat ihren Ursprung in Kinsale (Irland). Es wurde ein Plan zur Senkung des Energieverbrauchs entwickelt, um die Unabhängigkeit der Stadt vom Erdöl zu erreichen.

¹³ Bewegung (engl.: *Urban Gardening*) in den späten 1960er und 1970er Jahren in New York City, USA, infolge der Verschlechterung der wirtschaftlichen Lage in Städten.

in das Konzept der *15-Minuten-Stadt*,¹⁴ machen Städte resilient, ganz im Sinne eines *Smart-City*-Ansatzes (KREHL 2015; MÜLLER 2011). Auf kommunaler Ebene findet der Trend seinen Niederschlag in Gestalt der *Urban Diplomacy*. Sie versteht sich als Vernetzung gleichgesinnter Städte zur Lösung außen- und sicherheitspolitischer Fragen. Dabei geht es um Lösungen im Umgang mit ausländischen Investitionen in kritische Infrastrukturen — hier sei an die Deutsche Finance Group erinnert, Terrorismusbekämpfung, Umsetzung von Asyl- und Klimapolitik. Städte und Kommunen sind bei der Stärkung gesamtgesellschaftlicher *Resilienz* die zentralen Akteure.

Im Glossar finden sich die Kernbegriffe, von denen einige den Einzug in den Duden geschafft haben: *Global City*, *Megacity*, *Responsiv*, *Farming*, *Vertical*.

Glossar:

- #** 15-Minuten-Stadt;
- C** Co-Living / Condensed Spaces;
- G, H** Global Citys / Healing Architecture;
- M** Megacitys / Micro Housing;
- P, R** Progressive Provinz / Responsive City;
- S, T** Smart City / Third Places;
- U, V** Urban Farming / Urban Manufacturing / Vertical Villages.

Auszüge aus dem Glossar:

15-Minuten-Stadt: In einer Viertelstundenstadt soll der Raum so segmentiert und dezentralisiert werden, dass alle notwendigen Bereiche des alltäglichen Lebens innerhalb von 15 Minuten mit dem Fahrrad oder zu Fuß angesteuert werden können: Einkaufsmöglichkeiten, Arztpraxen, Bildungseinrichtungen, Behörden, sportliche Einrichtungen, Naherholungsflächen und öffentliche Verkehrsmittel;

Megacitys sind Städte mit 10 Millionen oder mehr Einwohnern. Viele dieser riesigen Metropolen haben hohe Wachstumsraten. Ihre Anzahl wird nach Prognosen der United Nations (UN) bis zum Jahr 2035 auf fast 50 steigen. Die schiere Größe der Megastädte stellt sie vor gewaltige Herausforderungen in Bezug auf Infrastruktur, Lebensqualität und Nachhaltigkeit;

¹⁴ Das Konzept ist zurückzuführen auf Professor Carlos Moreno, Leiter des Institut Entrepreneuriat, Territoire, Innovation, Sorbonne Universität Paris.

Urban Farming: Immer öfter werden brachliegende und andere Flächen in Städten zum lokalen Anbau von Lebensmitteln umgenutzt. Oft spielen dabei neue Technologien wie Vertical Farming eine Rolle. Während beim Urban Gardening Lebensqualität und Erholung im Vordergrund stehen, geht es beim Urban Farming darum, einen Teil der Lebensmittelproduktion in die Stadt zu verlagern, um die Lebensmittelversorgung regionaler und resilienter zu gestalten.

4. Megatrend *Mobilität* — Ein nahtloses System: postfossil, vernetzt und (teil-)autonom

Die Trendanalysten aus dem Zukunftsinstitut Horx postulieren: Der Megatrend *Mobilität* ist eng verknüpft mit der Zunahme der Megacitys und beschreibt die Entstehung einer mobilen Weltkultur durch neue Produkte und Services sowie die künftige Nutzung von Verkehrsmitteln. Das Auto verliert seine Bedeutung als Statusobjekt und wird nur noch *ein* Bestandteil unter vielen anderen Fortbewegungsmitteln in einem nahtlosen System sein — postfossil (ohne Benzin), vernetzt und (teil-)autonom (selbstfahrend).

Straßen werden verschlankt zugunsten von Radfahrern und Fußgängern sowie öffentlichen Verkehrsmitteln. Dieser Umbau heißt entsprechend *Road Diet* (*Straßen-Diät*). So soll den Übergang vom fossilen zum *postfossilen* Zeitalter, von der lauten zur leisen, von der unsicheren zur sicheren Stadt gelingen.

Das Glossar ist gut gefüllt, einige Begriffe sind im Duden nachzuschlagen: *Mobilität*, *All-inclusive*, *Carsharing*, *Multimodalität*, *ÖPNV*, *Pedelec*.

Glossar:

- #** 15-Minuten-Stadt / 24/7-Gesellschaft;
- A** Achtsame *Mobilität* / Active Lifestyles / Aktive *Mobilität* / All-inclusive *Mobility* / Automatisiertes Fahren;
- B, C** Bike-Boom / Carsharing;
- D** Dash Delivery / Delivery Bots / De-Touristification / Drop-off Area;
- E, G** E-Mobility / Global Migration;
- H, I** Healthy *Mobility* / Intelligente Infrastruktur;
- K, L** Kooperatives Fahren / Letzte Meile bzw. Last Mile Concepts;
- M** Mikromobilität (engl. *Micromobility*) / Mobile Living / *Mobilität* / *Mobility* as a Service (MaaS) / *Mobility Hubs* / *Mobility Seeker* / Modal Split / Modern Nomadism / Multimodalität (multimodaler

- Verkehr);
- O** Öffentlicher Personennahverkehr (ÖPNV) / Omnichanneling;
- P** Passive Mobilität / Pedelec (Pedal Electric Cycle) / Peer-to-Peer Carsharing (P2P Carsharing);
- R** Resonanz-Tourismus / Ride Hailing / Ride Pooling / Ridesharing / Road Diet / RoboCab;
- S** Seamless Mobility / Shared Mobility / Slow Travel / Surge Pricing;
- T** Transportation Network Company (TNC) / Third Places / Twalking;
- U** Umweltverbund / Unterwegs-Märkte.

Bei tiefergehendem Interesse wird man im Glossar weiter fündig: *Passive Mobilität* bezeichnet Mobilitätsformen, die ausschließlich durch Fremdenergie ermöglicht werden;

Aktive Mobilität umfasst alle Fortbewegungsarten, die ganz oder teilweise auf Muskelkraft basieren: insbesondere zu Fuß gehen und Fahrradfahren, aber auch die Nutzung von Tretroller, Skateboard oder Pedelec (Pedal Electric Cycle — Fahrrad mit einem elektrischen Hilfsmotor);

Shared Mobility ist die sequentielle, als Mobilitätsangebot organisierte Nutzung von Fahrzeugen, auf die kurzfristig und in einem spezifischen Verfahren von einem bestimmten Nutzerkreis zugegriffen wird. Die Aufnahme und Rückgabe von Fahrzeugen ist stationsbasiert oder stationsunabhängig organisiert;

Letzte Meile bzw. Last Mile Concepts: Die letzte Meile ist der letzte (oder erste) Teilabschnitt einer Wegekette, der Nutzerinnen und Nutzer unmittelbar anbindet. <...> Für das Gelingen eines nachhaltigen und nahtlosen Mobilitätssystems wird die letzte Meile, die Lieferung bis zur Haustür des Kunden, immer mehr zum kritischen Nadelöhr, sowohl für private als auch für Geschäftszwecke. Last Mile Concepts professionalisieren sich und werden immer ausdifferenzierter, indem sie in Richtung Komfort, Sicherheit und Technologie erweitert werden — sowohl im suburbanen Raum als auch in den Innenstädten.

5. Zusammenfassung

Transformation als Dauerzustand in der modernen Gesellschaft — Kann die Sprache mithalten? Vielleicht sollte nach den im Beitrag dargelegten Ausführungen die Frage lauten: Können die Sprecher mithalten? Besonders dann, wenn

— Vertreter aus Wissenschaft und Praxis miteinander kommunizieren;

— Fachleute mit Kunden sprechen;
— Unternehmer sich von Unternehmern beraten lassen...
... wenn also verschiedene Denkweisen aufeinandertreffen und Fach- bzw. Wissenschaftssprache in die Alltagssprache einsickert?

Die Analyse kommt zu folgendem Fazit:

— Englischkenntnisse sind erforderlich;
— englische Begriffe für Neuerungen sind eingeführt und haben sich behauptet (z. B. *All-inclusive, sharing, slow-, urban-, smart, Start-up*).

Englische Begriffe werden konzeptionell verwendet (z. B. *Road Diet, Urban Farming, Work-Life-Blending, Gig Economy*).

Begriffe sind einer Fach- bzw. Nutzergruppe zugänglich und für die Allgemeinheit erklärungsbedürftig (z. B. *15-Minuten-Stadt, Sinn-Ökonomie, Resonanz-Tourismus*).

Gegenwärtig gewinnt die *15-Minuten-Stadt* in Deutschland an Popularität. Bekannte Zeitungen wie „Der Spiegel“ wecken die Aufmerksamkeit unter der Überschrift *Hype um 15-Minuten-Stadt*.¹⁵ Die öffentliche Diskussion um das Für und Wider hat begonnen: Grünflächen, Fahrradwege, Multinutzung — autofrei und dennoch dynamisch — sollen die Lebensqualität in Ballungszentren erhöhen. Kritiker argumentieren mit dem ungeeigneten Mobilitätsangebot für eine älter werdende Bevölkerung, hohe Mietpreise oder der noch ungelösten Überwindbarkeit der zeitlichen und räumlichen Distanz zwischen Wohnen und Arbeiten (EISENREICH 2021).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Berger, Karen & al. (2016) *Communication Insights Wohin geht die Reise? Der digitale Wandel der Unternehmenskommunikation*. Leipzig: Günter Thiele Stiftung.
- Burkhardt, Nadin. (2021) *Dieselbe Welt — und doch alles anders? Transformationen in Zeiten religiöser und gesellschaftlicher Umbrüche*. Tagung des KU-Zentrums für Religion, Kirche, Gesellschaft im Wandel. H-Soz-Kult. Retrieved from <https://www.hsozkult.de/event/id/event-97438>.
- Deuringer, Christian. (2000) *Organisation und Change Management: Ein ganzheitlicher Strukturansatz zur Förderung organisatorischer Flexibilität*. Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag.

¹⁵ <https://www.spiegel.de/auto/15-minuten-stadt-wo-der-traum-vom-urbanen-bullerbue-an-grenzen-stoesst-a-c7e528ca-5150-414e-950f-418d6be46259>.

- Duden Wirtschaft von A bis Z. (2016) Grundlagenwissen für Schule und Studium, Beruf und Alltag. Mannheim: Bibliographisches Institut; Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung (Lizenzausgabe). [6. Aufl.]
- Eisenreich, Stephanie. (2021) *Paris auf dem Weg zur Stadt der 15 Minuten?* Retrieved from <https://www.goethe.de/ins/fr/de/kul/dos/nhk/22079262.html>.
- Horx, Matthias. (2011) *Das Megatrend-Prinzip. Wie die Welt von Morgen entsteht*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Krehl, Stephan. (2015) Transition Town Initiativen im deutschsprachigen Raum: Ein systematischer Überblick über Vorkommen, Schwerpunkte und Einfluss auf die Energiewende vor Ort. *Wirtschaftswissenschaftliche Schriften*, 3, 15.
- Krys, Christian. (2020) *Trend-Compendium 2050: Diese Megatrends bestimmen die nächsten Jahrzehnte*. München: Roland Berger Institute.
- Müller, Christa. (2011) *Urban Gardening Über die Rückkehr der Gärten in die Stadt*. München: oekom verlag, 22—53.
- Müller, Thomas Oliver. (2017) *Factbook Megatrends*. München: Handelsblatt Research Institute.
- Naisbitt, John. (1982) *Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives*. New York: Verlag Grand Central Pub.

Barbara Lachhein
Society for German-Russian Dialogue

Zhanna V. Nikonova, Larisa A. Averkina
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Transformation as a Permanent Status in Modern Society — Can Language Still Keep Up?

Profound events such as the Covid 19 pandemic, climate change or geopolitical conflicts act as catalysts and they promote social change, so that people find themselves exposed to constant change. The desirable perception of the future becomes an anchor, megatrends the guideline put into words. The process makes use of a lexis that should be subjected to consensus checking from different perspectives, in different settings. Megatrend research certainly needs to be illustrated in a purely scientific context an explanatory, practice-oriented approach. In the field of customer-benefit communication, megatrends should enable decision-making processes with prospects of success in the future to be influenced, which is illustrated by the relationship between specialists in the financial sector and

customers outside this sphere. Even in typical B2B constellations, primarily concerning globally operating companies, knowledge and understanding of megatrends should enable them to develop future-oriented solutions that strengthen their companies' sustainability. Characteristic for the forecasting of upcoming, not yet tangible events is the use of English terms, which can be observed in the analysis of the exemplarily selected megatrends *New Work*, *Neo Ecology*, *Urbanisation* and *Mobility*. Some of the terms describing the trends are already listed in the Duden dictionary. English language skills are trendy and facilitate the verbal exchange of the relevant content. It should be noted that relevant terms have their contextual meaning, such as *Sharing*, or are to be understood conceptually, such as *Gig Economy*, while others seem to require general explanation even outside English, such as *15-minute city*. This article discusses linguistic adaptation in academic, professional and everyday use of the German language from the perspective of the native speaker as well as the interpreter and translator.

Keywords: Transformation; Megatrend; New Work; Neo-Ecology; Urbanization; Mobility

Барбара Лаххайн

Общество германо-российских встреч (Германия)

Жанна В. Никонова, Лариса А. Аверкина

Нижегородский государственный лингвистический университет

Как реагирует язык на процесс постоянных трансформаций в современном обществе?

Глобальные события, такие как Covid-19, проблемы климата или геополитические конфликты, оказывают на человечество огромное влияние и приводят общество к серьезным и постоянным изменениям. Стремление понять будущее обуславливает необходимость формирования новых принципов, образов и представлений, иначе говоря, нового руководства к действию, в рамках которого складывается понятие *мегатренды*. Исследование мегатрендов, безусловно, нуждается в объяснительном, практикоориентированном подходе, чтобы можно было проиллюстрировать их в дальнейшем в чисто научном контексте. Мегатренды в будущем будут оказывать решающее влияние на формирование взаимосвязей в коммуникационной схеме «клиент-выгода», примером чего сейчас являются отношения между специалистами финансового сектора и клиентами вне этой сферы. В процессе коммуникации используется

лексики, которая в разных контекстах и с учетом различных точек зрения должна быть принята и одобрена специалистами. В основном, как показывает наш анализ мегатрендов, лексическим источником новых понятий выступает вокабуляр английского языка: New Work 'неокарьер', Neo-Ökologie 'неоэкология', Urbanisierung 'урбанизация', Mobilität 'мобильность'. Некоторые значения, относящиеся к основным трендам, в настоящее время уже зафиксированы в словаре Дудена. Знание английского языка входит в моду и существенно облегчает понимание их содержания. Следует отметить, что значения многих понятий, заимствованных из английского языка, определяются контекстом (Sharing 'каршеринг'), некоторые понятия должны пониматься концептуально (Gig Economy 'особая форма рынка труда'), в то время как другие нуждаются в пояснениях вне связи с английским языком (15-Minuten-Stadt 'удобный для жизни город, в котором все находится в шаговой доступности'). Описанные лексические единицы, используемые в научных, специальных и бытовых текстах, рассматриваются в статье с позиций как носителя немецкого языка, так и переводчика.

Ключевые слова: трансформация; мегатренд; неокарьер; неоэкология; урбанизация; мобильность

Для цитирования:

Lachhein B., Nikonova Sh. V., Averkina L. A. Transformation als Dauerzustand in der modernen Gesellschaft — Kann die Sprache mithalten? // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 216—230. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-216-230.

To cite this Article:

Lachhein, Barbara; Nikonova, Zhanna V. & Averkina, Larisa A. (2023) Transformation als Dauerzustand in der modernen Gesellschaft — Kann die Sprache mithalten? (Transformation as a Permanent Status in Modern Society — Can Language Still Keep Up?). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 216—230. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-216-230.

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023; принята к публикации 17.04.2023
The article was submitted 01.02.2023; accepted for publication 17.04.2023*

L. A. Nefedova

Pädagogische Staatliche Universität Moskau

GENDERINKLUSIVE PHRASEOLOGIE DES DEUTSCHEN: PROBLEMAUFRISS UND PERSPEKTIVEN*

Der vorliegende Beitrag gibt einen Einblick in das Thema genderinklusive Phraseologie des Deutschen: Er verfolgt das Ziel, das Phänomen Genderinklusion in der Phraseologie als Forschungsgegenstand für die angewandte Linguistik zu konstituieren. Es hat in weder in der deutschsprachigen noch in der russischen Germanistik bislang Beachtung gefunden. Eine Analyse seiner diskursiven Praktiken erweitert unsere sprachwissenschaftlichen Erkenntnisse bezüglich einer immer wichtiger werdenden Art von gendergerechter Kommunikation und somit unser Verständnis von modernem Alltags- und institutionellem Diskurs im Allgemeinen. Der Blick der sprachwissenschaftlichen Analyse ist von Anfang an auf die Praxis gerichtet, um praxisrelevante Ergebnisse zu generieren. Eine optimale komplexe Materialquelle für unsere Untersuchung stellen allgemeine und phraseologische Wörterbücher der deutschen Sprache sowie das Deutsche Referenzkorpus als die größte Sammlung von Korpora für deutschsprachige Texte dar. Im ersten (theoretischen) Teil des Beitrags werden die Grundlagen für den zweiten, Hauptteil gelegt. Es werden grundlegende Fragen zum Nexus von Sprache und Gender thematisiert: Genderidentität, Geschlechterdiversität, geschlechtergerechte Sprache / Gendersprache, genderinklusive Sprache. Der zweite Teil widmet sich den genderinklusi-ven Phrasemen des Deutschen unter dem Blickwinkel der Geschlechter-symmetrie. Symmetrische maskulin-feminine Phraseme werden unter strukturell-semanticen und kommunikativ-pragmatischen Aspekten analysiert. Insgesamt werden vier Bereiche fokussiert: Aktueller Bestand an genderinklusi-ven Phrasemen im Deutschen, Gendersymmetrierung in der Phraseologie, kreatives Potenzial genderinklusi-ver Phraseme unter dem Aspekt ihrer Symmetrie, Restriktionen in der Symmetrierung von Phrasemen. Es wird festgestellt, dass die deutsche Phraseologie im Sprachsystem trotz einer heftig geführten Debatte um das Gendern androzentrisch bleibt. Im Sprachgebrauch dagegen sind symmetrische maskulin-feminine Phraseme ein sehr häufiges Phänomen moderner diskursi-ver Praktiken. Aus diesem Grund bietet die genderinklusive Phraseologie ein breites

* Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на пленарном заседании XX съезда РСГ.

Spektrum ergiebiger und spannender Forschungsfelder.

Schlüsselwörter: Gender; Geschlechtersymmetrie; geschlechtergerechte Sprache; genderinklusive Sprache; genderinklusive Phraseologie

1. Einleitung

Das Themengebiet, das im Mittelpunkt der Betrachtung steht, ist genderinklusive Phraseologie des Deutschen. Der Beitrag ist in zwei Teile gegliedert. Zuerst werden die Fragen kurz thematisiert, die sich mit Gender (Genderidentität, Geschlechterdiversität) und geschlechtergerechter Sprache / Gendersprache sowie genderinklusive Sprache auseinandersetzen. Im Hauptteil, der den Grundproblemen und Tendenzen der Forschung gewidmet ist, rückt die genderinklusive Phraseologie des Deutschen in den Fokus. Genderinklusive Phraseme werden als Ausdruck der Geschlechtersymmetrie unter strukturell-semanticen und kommunikativ-pragmatischen Aspekten betrachtet. Zum Schluss wird ein Fazit gezogen.

Die Anwendung geschlechtergerechter Sprache, das sogenannte Gendern, wird im Wesentlichen anhand einzelner Wörter erforscht. Ein Forschungsdesiderat besteht darin, dass die Phraseologie nur unzureichend vertreten ist. Der vorliegende Beitrag möchte dazu beitragen, dieses Desiderat zu beheben.

Wir haben die Hypothese aufgestellt, dass genderinklusive Phraseme ein sehr häufiges Phänomen moderner diskursiver Praktiken in deutschsprachigen Ländern sind und Einzug ins Sprachsystem gefunden haben.

Gegenstand der Studie ist eine Analyse derjenigen genderinklusive maskulin-femininen Phraseme, die lexikographisch fixiert, usuell sind (*ein Mann der Tat — eine Frau der Tat*) oder bei denen ein Phrasem nicht usuell ist (*eine grüne Witwe — ein grüner Witwer*).

Ziel dieses Beitrags ist es, geschlechtssymmetrische maskulin-feminine Phraseme als Phänomen der Genderinklusivität im heutigen Deutsch zu erfassen: Ihre Struktur und Semantik sowie diskursive Parameter in der sprachlichen Kommunikation zu zeigen.

Als theoretische Grundlagen dienen die Arbeiten zu aktuellen Problemen der Genderlinguistik (GÜNTNER & al. 2012; MOTSCHENBACHER 2017; KOTTHOFF & NÜBLING 2018; GÄCKLE 2019; ELSEN 2020; КИРИЛИНА 2021; KORENCZY 2022), in denen Gender als

ein identitätsstiftendes Merkmal und Produkt sozialer Prägung betrachtet wird, sprachliche Phänomene anschaulich in soziale Zusammenhänge eingebettet werden und darauf hingewiesen wird, dass Redewendungen die lexikalische Manifestation problematischer Rollenbilder belegen. Zu theoretischen Grundlagen gehören auch die Arbeiten im Ressort Phraseologie: Klassifikation und semantische Aspekte von Phrasemen (FLEISCHER 1997; BURGER 2004; BURGER 2007; BURGER 2015), ihre Variation und Modifikation (DOBROVOL'SKIJ 1999; ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2007; ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2013), pragmatische Aspekte von Phrasemen (LÜGER 1999; FILATKINA 2007), die geschlechtsspezifische Phraseologie (HOFFMANNOVÁ 2009; STUMPF 2016; HOFFMANNOVÁ 2017; НЕФЕДОВА 2023) und Korpusanalysen von Phrasemen (STEYER 2014).

2. Untersuchungsmaterial und -methoden

Als Materialquelle für die Untersuchung dienten folgende Wörterbücher der deutschen Sprache: *DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch*¹; *DUDEN. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik* (DUDEN 2002, XI); *Redensarten-Index. Lexikon für Redewendungen*²; *Немецко-русский фразеологический словарь* (Deutsch-Russisches Phraseologisches Wörterbuch) (БИНОВИЧ & ГРИШИН 1975); *Немецко-русский словарь живых идиом* (Idiome der lebendigen Sprache: Deutsch-russisches Wörterbuch) (ДОБРОВОЛЬСКИЙ 1997); und Belege aus deutschsprachigen Texten des elektronischen Deutschen Referenzkorpus (DeReKo).³

Die vorliegende Arbeit stützt sich auf eine möglichst vollständige Zusammenstellung genderinklusive Phraseme, die durch selbstständige Recherche erfolgt. Mittels der Durchsicht der oben angeführten Wörterbücher wird eine Liste von genderinklusive Phrasemen erstellt, die die Grundlage für weiterführende Analyseschritte bildet. Der Hauptschritt ist dabei die Methode der Korpusanalyse. Die erstellten genderinklusive Phraseme werden korpuslinguistisch erforscht, die Arbeit bedient sich des Deutschen Referenzkorpus und des dazugehörigen Korpusrecherche- und -analysisystem COSMAS-II. Dabei stehen qualitative Korpusanalysen im Fokus. Aufgrund

¹ <https://www.duden.de/rechtschreibung>.

² <https://www.redensarten-index.de/suche.php>.

³ <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web>.

zahlreicher Einzelanalysen werden gezielt Besonderheiten genderinklusive Phraseme hervorgehoben.

Genderinklusive Phraseme werden auch sprachtheoretisch verortet, indem sie mit linguistischen Theorien in Beziehung gesetzt werden und somit eine erstmalige theoretische Einordnung dieser besonderen sprachlichen Einheiten in den Bereich der Phraseologie erfolgt. Die Verbindung neuerer Theorien mit linguistischen Analyseverfahren ermöglicht eine Neuperspektivierung des Untersuchungsgegenstands.

3. Forschungsergebnisse und deren Besprechung

3.1. Sprache unter dem Genderaspekt

Im hier behandelten Forschungsfeld zeigt sich deutlich die Vielschichtigkeit und Dynamik im Spannungsfeld von Sprache, Gender und Kultur (SIEBURG 2019).

Alle Menschen haben eine Geschlechtsidentität. Der Begriff *Geschlechtsidentität* (auch: *Genderidentität*, geschlechtliche Identität) ist ein psychosoziales Phänomen, das früher als binäre Grundstruktur sozialer Identität verstanden wurde. Die binäre Grundstruktur charakterisierte eine Person durch binäres männliches und weibliches Geschlecht, d. h. männlich oder weiblich. Derzeit wird Geschlecht als eine nichtbinäre Kategorie betrachtet. Unter Genderidentität versteht man in deutschsprachigen Ländern das Selbstverständnis eines Menschen, eine Art Einschätzung sich selbst gegenüber, als „weiblich, männlich, trans*, zwischen den Geschlechtern, jenseits der Geschlechter, weder-noch“.

In Deutschland sind seit 2018 4 Ausprägungen als Angaben zum Merkmal „Geschlecht“ erlaubt: männlich — weiblich — divers — keine Angabe. Die nichtbinäre Geschlechtsidentität ist ein Spektrum von verschiedenen Geschlechtsidentitäten. Es gibt unzählige Arten von nichtbinären Identitäten. Der Geschlechtseintrag *divers* bildet seit 2019 auch in Österreich eine dritte rechtliche Option neben *weiblich* und *männlich*, die sich auf biologische Intergeschlechtlichkeit bezieht.

Mit dem Begriff *Geschlechtervielfalt / Gender Diversity* ist diskriminierungsfreies Zusammenleben aller Geschlechter gemeint. Im Zusammenhang damit setzt sich zunehmend die Bezeichnung *gendergerechte Sprache* durch, auch *genderinklusive Sprache*. Andere Begriffe sind *geschlechterinklusive und diversitätssensible Sprache, geschlechter- und*

diversitätssensible Sprache — eine Sprache, die die Geschlechtervielfalt berücksichtigt.

Es gibt zwei Möglichkeiten, Geschlechter in der Sprache zu nutzen:

1a) das Sichtbarmachen von Männern und Frauen durch entsprechende Bezeichnungen (sexusbezogen, Beidnennungen: *Lehrerinnen und Lehrer*, das Splitting: *Ein/e Lehrer/in*, das Binnen-I: *Ein/e LehrerIn*);

1b) das Sichtbarmachen der Vielfalt der Geschlechter (sexusbezogen, das Gender-Gap: *ein_e Lehrer_in*, das Gender-Sternchen *ein*e Lehrer*in*, *Lehrer*innen*);

2) das Neutralisieren, also das Unsichtbarmachen von Geschlecht (sexusneutral: *Lehrkräfte*, *Lehrende*).

Um die gesamte geschlechtliche Vielfalt, jenseits des binären Systems, sichtbar zu machen, gibt es das Gender-Gap und das Gender-Sternchen. Damit wird die gleichberechtigte Haltung des Schreibers/Sprechers gegenüber Männern, Frauen und Menschen mit nichtbinärer Geschlechtsidentität betont.

Als Folge der Veränderungen in der modernen Gesellschaft manifestiert sich die gendergerechte Sprache im Trend der Eliminierung geschlechtsspezifischer Sprachmittel aufgrund des binären Geschlechtermodells zu. Richtige Antworten auf die Frage, welcher Satz geschlechtssensibel ist, sind die geschlechtsneutralen Belege in der zweiten Spalte⁴ (siehe Tabelle).

Tabelle. Geschlechtssensibler Sprachgebrauch

1	Sie ist <i>Fachfrau</i> auf dem Gebiet der Werbung	Sie ist <i>eine Kapazität</i> auf dem Gebiet der Werbung
2	Nach dem Verkauf des Autohauses von Heidi Hetzer benötigte die Firma <i>eine neue Managerin</i>	Nach dem Verkauf des Autohauses von Heidi Hetzer benötigte die Firma <i>eine neue Führungskraft</i>
3	Die Wähler haben zwei profilierte <i>Kandidaten</i> mit langjähriger politischer Erfahrung zur Auswahl	Die Wählerinnen und Wähler haben zwei profilierte <i>Kandidierende</i> mit langjähriger politischer Erfahrung zur Auswahl
4	<i>Die Sänger</i> wurden von einem extra für das Konzert zusammengestellten Orchester begleitet	<i>Der Chor</i> wurde von einem extra für das Konzert zusammengestellten Orchester begleitet

⁴ <https://www.generator.app>.

5	Henning May begeisterte mit seinem Musikalbum <i>viele Zuhörer</i>	Henning May begeisterte mit seinem Musikalbum <i>ein breites Publikum</i>
6	Ein gutes Verhältnis zu <i>Nachbarn</i> ist sehr zu empfehlen	Ein gutes <i>nachbarschaftliches Verhältnis</i> ist sehr zu empfehlen

Die gendergerechte Sprache ist eine Art von politischer Korrektheit, ein solcher Sprachgebrauch, der niemanden beleidigt. Begriffe *Politische Korrektheit* und *Inklusivität* tragen die Idee einer toleranten Haltung gegenüber diskriminierten Gruppen: Sozialen, ethnischen, geschlechtsspezifischen u. a. Minderheiten. O. Leontovich meint, dass *Politische Korrektheit* jedoch in größerem Umfang die Praxis der „Ausgrenzung“ von Menschen aus sozialen Praktiken impliziert und *Inklusivität* — die Praxis des Mit-einbezogen-Seins (LEONTOVICH 2021).

Im Duden wird das Wort *Inklusion* als „das Mit-einbezogen-Sein; gleichberechtigte Teilhabe an etw.“ definiert (‘вовлеченность, включенность, равноправное участие в чем-л.’). Das DWDS-Wörterbuch definiert *inklusiv* durch die Synonyme *einschließend*, *miteinbeziehend* (‘включающий’). Inklusivität impliziert also nicht die Ablehnung der eigenen kulturellen, geschlechtsspezifischen Identität, sondern den Aufstieg der Identitätsmetrik auf eine neue synergetische Ebene. Der Begriff *inklusiv* wird in einem Sinne verwendet, der möglichst alle sozialen Gruppen umfasst, die sich möglicherweise von den Arten der Geschlechtsidentität bei der Benennung ausgeschlossen fühlen.

Während die geschlechtsneutrale Sprache das Geschlecht der betreffenden Person nicht angibt (*Studierende*), betont die genderinklusive Sprache die Gleichstellung der Geschlechter: Sowohl die Gleichstellung von Männern und Frauen (*Studentinnen und Studenten*) als auch die Gleichstellung von Menschen mit einer nichtbinären Geschlechtsidentität (*Student*innen*, *Student:innen*, *Student_innen*).

3.2. Genderinklusive Phraseologie des Deutschen

3.2.1. Aktueller Bestand an genderinkluisiven Phrasemen

Unter den Phrasemen des Deutschen gibt es genderinklusive Formen, und zwar binäre geschlechtssymmetrische männliche und weibliche Formen: *ein Mann der Tat* — *eine Frau der Tat*; *ein Sohn Evas* — *ein Sohn Adams*; *eine grüne Witwe* — *ein grüner Witwer*; *kein großer Freund von etw. sein* — *keine große Freundin von etw. sein*. Es gibt auch Phraseme mit männlicher und weiblicher Komponente in ihrer Struktur: *Du sollst Vater und Mutter ehren, bei Adam und Eva anfangen / beginnen*.

Offensichtlich unterliegt das phraseologische Subsystem der Sprache weniger Änderungen, die auf neue gesellschaftliche Trends reagieren. In Bezug auf die Phraseologie kann man Folgendes feststellen:

— Regelungen zur Nutzung der geschlechtergerechten Sprache werden „von oben“ (von Bund und Ländern) verordnet und betreffen vor allem die offizielle schriftliche Kommunikation („von oben“ verordnete „Verunstaltung“ des Deutschen);

— Genderinklusivität in der Phraseologie wird weitgehend spontan als Prozess und Ergebnis der sprachlichen Kreativität der Muttersprachler, ihres Wunsches, sich auf originelle Weise auszudrücken, „erreicht“.

Die meisten genderinklusive Phraseme gehören zum zweiten Typ: Sie sind ein Ergebnis des Prozesses der spontanen Symmetrierung und entstehen im Alltagsdiskurs.

In der Phraseologie des Deutschen finden sich folglich zwei Haupttypen von Symmetrierungsprozessen:

— einerseits vor allem aus feministischer Sprachkritik forciert und resultierend;

— andererseits diskursiv bedingt, aus der sprachschöpferischen Tätigkeit von Muttersprachlern und dem Realisieren des pragmatischen Potenzials von Phrasemen resultierend.

Genderinklusive Phraseme haben geschlechtssymmetrische Bestandteile. Solche geschlechtssymmetrischen Bestandteile sind:

— anthropometrische Lexeme *Mann / Frau*;

— Verwandtschaftsbezeichnungen *Vater / Mutter, Bruder / Schwester*;

— Eigennamen *Adam / Eva*;

— Lexeme mit movierten Formen *Freund / Freundin, Witwe / Witwer, Meister / Meisterin*.

Viele symmetrische substantivische Idiome sind Phraseme mit anthropometrischen Lexemen und Verwandtschaftsbezeichnungen. Sie sind phraseologische Personenbezeichnungen: z. B. *ein Mann der ersten Stunde — eine Frau der ersten Stunde*.

Der diskursiv bedingte Prozess der Gendersymmetrierung von Phrasemen ist Bildung von geschlechtssymmetrischen binären, männlichen und weiblichen, Formen als ein Prozess der Lückenfüllung im Sprachsystem, der nicht nur Redewendungen, sondern auch den sprichwörtlichen Fundus der Sprache betrifft.

Genderinklusive Phraseme der deutschen Sprache sind:

— lexikografisch fixierte, geschlechtssymmetrische usuelle sprachliche Einheiten wie *der Mann fürs Grobe sein* — *die Frau fürs Grobe sein*, *seinen Mann stehen* — *ihre Frau stehen*, *kein Freund von etw. sein* — *keine Freundin von etw. sein*, *Bruder Lustig / Leichtfuß* — *Schwester Lustig / Leichtfuß*;

— solche sprachlichen Einheiten, von denen eine nicht usuell ist, wie *Not am Mann sein* – *Not an der Frau sein*, *eine grüne Witwe* – *ein grüner Witwer*;

— Sprichwörter und Aphorismen wie *Übung macht den Meister* — *Übung macht die Meisterin*, *Der kluge Mann baut vor* — *Die kluge Frau baut vor*.

3.2.2. Gendersymmetrierung in der Phraseologie

Der Prozess der Gendersymmetrierung in der Phraseologie stellt zwei Arten der Transformation der Basis-Phraseme dar: *Variation* oder *Modifikation* und erfolgt infolge des Austauschs der männlichen Komponente des Phrasems durch eine weibliche und seltener umgekehrt. Die Modifikation der Basis-Phraseme ist ein sehr verbreitetes Phänomen heutiger diskursiver Praktiken.

Transformationen von Phrasemen sind einerseits Entidiomatisierung (Remotivierung) von Idiomen mit männlicher Komponente: Z. B. das Idiom *etw. an den Mann bringen* hat eine idiomatische (ohne semantisch-morphologische Durchsichtigkeit) Bedeutung: 1) 'etw. verkaufen'; 2) 'dem Gesprächspartner die Idee des Gesprächs vermitteln' (unabhängig vom Geschlecht). Es wird entidiomatisiert, bekommt eine wörtliche, nicht-idiomatische Bedeutung: 1) 'etw. an einen Mann verkaufen'; 2) 'einem Mann die Idee eines Gesprächs vermitteln', 'etw. unter Männern verbreiten'. Das ermöglicht die Bildung einer geschlechtssymmetrischen weiblichen Form *etw. an die Frau bringen* — 'einer Frau etw. verkaufen'; 'einer Frau in einem Gespräch etw. mitteilen'; 'etw. unter den Frauen verbreiten'.

Andererseits sind Transformationen eine gewöhnliche Substitution der männlichen Komponente eines Phrasems, das ein substantivisches Teil-Idiom mit der Bedeutung 'Person' ist. Ein Wort mit dem Sem 'männlich' wird durch ein Wort mit dem Sem 'weiblich' ersetzt (seltener umgekehrt): *ein Mann von Welt* — *eine Frau von Welt*; *der geistige Vater* — *die geistige Mutter*; *der verlorene Sohn* — *die verlorene Tochter*.

Im modernen deutschsprachigen Diskurs gibt es für die meisten Phraseme mit Gender-Komponente Symmetrien, aber viele sind nicht usuell. Die Phraseologie des Deutschen ist immer noch androzentrisch. Man kann auch feststellen, dass solche symmetrischen Phraseme mit weiblicher Komponente kodifiziert werden, die eine positive oder neutrale Konnotation haben. Phraseme mit weiblicher Komponente, die eine negative Bedeutung haben, kommen in der Sprache äußerst selten vor.

Als symmetrische substantivische Phraseme mit Anthroponymen (Eigennamen) kann man die Phraseme *Otto Normalverbraucher* — *Lieschen Müller* betrachten. Schäfer und Schowalter schreiben über das Phrasem *Otto Normalverbraucher*: „*Feminines Gegenstück ist im Allgemeinen Lieschen Müller*“ (SCHÄFER & SCHOWALTER 2011). Als symmetrische weibliche Formen zu *Otto Normalverbraucher* gelten auch okkasionelle Phraseme *Lieschen Normalverbraucherin*, *Normalverbraucherin Lieschen Müller*, *Otilie Normalverbraucherin*.

Symmetrische substantivische Phraseme (Teil-Idiome), die Personenbezeichnungen sind, werden nach dem Muster „ein Adjektiv mit der Bedeutung ‘dumm’ (*ein dummer / eine dumme*) + männliches / weibliches Anthroponym“ gebildet: *ein dummer / alberner Peter* — *eine dumme / blöde / alberne Trine*; *ein dummer Jan* — *eine dumme Suse*. Symmetrisch sind nach dem Muster „ein Adjektiv mit der Bedeutung ‘dumm’ (*ein dummer / eine dumme*) + männlicher / weiblicher Tiername“ gebildete Phraseme *ein dummer / blöder Esel / Ochse / Hammel* — *eine dumme / blöde Kuh / Ziege / Gans*.

Symmetrische verbale Phraseme sind z. B. *seinen Mann stehen* — *ihre Frau stehen*, *ein Meister seines Fachs sein* — *eine Meisterin ihres Fachs sein*. Symmetrische propositionale Wendungen (phraseologische Einheiten mit Satzbau) sind z. B. *Selbst ist der Mann* — *Selbst ist die Frau*; *Du bist mir ein schöner Freund!* — *Du bist mir eine schöne Freundin!*; *Niemand kann zwei Herren dienen* — *Niemand kann zwei Frauen dienen*; *Das Werk lobt den Meister* — *Das Werk lobt die Meisterin*; *Der kluge Mann baut vor* — *Die kluge Frau baut vor*.

3.2.3. Kreatives Potenzial genderinkludier Phraseme unter dem Aspekt ihrer Symmetrie

Kreativ zu sein gehört zu den wünschenswerten und positiven Eigenschaften eines Menschen. Es wird Neues erdacht und kreiert, etw.,

das auf irgendeine Weise anders ist als Vorhandenes (BECKER-MROTZEK 2023). Viele genderinklusive Phraseme sind ein kreatives Produkt.

Das Schlagwort *Neue Männer braucht das Land* (Titel eines Liedes von Ina Deter aus dem Jahr 1982) hat eine modifizierte feminine Form *Neue Frauen braucht das Land*. Es wird in andere geschlechtsspezifische und geschlechtsneutrale Ausdrücke umgewandelt: *Neue Politiker braucht das Land*; *Neue Politikerinnen braucht das Land*; *Neue PolitikerInnen braucht das Land* (Schreibweise mit großem I); *Neue Politikertypen braucht das Land*; *Neue Abgeordnete braucht das Land*.

Aus dem populären Ausdruck *Männer machen Geschichte* (H. von Treichkes Zitat, Anspielung auf O. von Bismarck) wird der Ausdruck *Frauen machen Geschichte* gebildet (Bezeichnung eines Internetportals zur Geschichte der sozialdemokratischen Frauenbewegung). Ein Beispiel für weitere Modifikationen, wenn das Basisphrasem erweitert wird, ist das folgende Phrasem:

(1) Machen „große Männer“ (gar nicht so selten auch Frauen) Geschichte?⁵

Zusammengezogene und kontaminierte Formen der Phraseme (BARZ 2010), die als formelhafte (Ir-)Regularitäten betrachtet werden können (STUMPF 2015), sind ein spielerischer Ausdruck besonderer skeptischer Haltung ihrer Autoren (oft Männer) zum Thema Gender:

(2) Vielleicht nimmt die Mutter der besten Freundin das Kind, *wenn Not am Mann / an der Frau* ist? So, wie Du Dir das vorstellst, das klappt dauerhaft nicht...⁶

(3) Die Mädels bei uns sind top fit, und *stehen ihren Mann*, *pardon ihre Frau*, so gut das sich Mann davon manchmal eine Scheibe abschneiden könnte.⁷

Die Erscheinung der Genderinklusivität kann man auch im aus dem Englischen entlehnten Wortschatz beobachten: Entlehnte Phraseme bilden symmetrische Paare im Deutschen. Während feminine Phraseme *First Lady* und *eiserne Lady* üblich sind, sind ihre maskulinen Pendants okkasionell und pragmatisch gefärbt (HEФЕДОВА 2018; NEFEDOVA 2020).

⁵ <https://www.deutschlandfunkkultur.de>.

⁶ https://www.123recht.de/forum/familienrecht/Beteiligung-am-unbezahlten-Urlaub-_f308159.html.

⁷ <https://www.medizin-forum.de/phpbb/viewtopic.php?f=95&t=49935>.

First Lady — First Gentleman / First Husband / First Man:

- (4) Joachim Sauer ist First Gentleman.⁸
- (5) Ein "Phantom" als "First Husband": Merkel-Gatte Sauer bleibt gerne im Hintergrund.⁹
- (6) Weil Deutschland aber von einer Kanzlerin regiert wird, adressierten die Promi-Frauen ihren Brief an die lieben „G-8 First Ladies (and First Man)“.¹⁰

Eiserne Lady — eiserner Gentleman:

- (7) Dass Guido Westerwelle von der Rolle des »eisernen Gentleman« Deutschlands träumt, kann man sich vorstellen.¹¹

Eiserne Kanzlerin — eiserner Kanzler:

Miss Germany — Mister Germany, Miss Deutschland — Mister Deutschland.

3.2.4. Restriktionen in der Symmetrierung von Phrasemen

In Diskussionen über die Natur von „männlich“ und „weiblich“ werden die biologischen Merkmale der Struktur des menschlichen Körpers aktiv erwähnt: Weibliche und männliche Körper sind unterschiedlich, Männer und Frauen haben unterschiedliche „Biogramme“. Abhängig von der genetischen Information, die in den Chromosomen von Männern und Frauen eingebettet ist, entwickeln sich bestimmte physiologische Unterschiede. Als Folge gibt es spezifische „männliche“ und „weibliche“ Phraseme, symmetrische Formen sind ausgeschlossen. So ist das Phrasem *dem kleinen Mann die große Welt zeigen* „männlich“, und das Phrasem *Tante Rosa zu Besuch haben* ist „weiblich“.

Für das männliche Idiom *voll sein wie tausend Mann* 'schwer betrunken sein' wird die weibliche symmetrische Form **voll sein wie tausend Frauen* nicht gebildet, da „schweres Trinken“ als typisch männlich gilt. Auch die weibliche symmetrische Form **Frau an Frau* findet sich nicht, obwohl man sich eine Situation vorstellen kann, in der nur Frauen dicht aneinander stehen.

⁸ <https://www.morgenpost.de/printarchiv/politik/article103219229/Joachim-Sauer-ist-First-Gentleman.html>.

⁹ <https://www.news.at/a/ein-phantom-first-husband-merkel-gatte-sauer-hintergrund-121596>.

¹⁰ <https://www.bild.de/news/standards/berlin-intern-5082474.bild.html>.

¹¹ <https://jungle.world/artikel/2003/08/eiserner-gentleman>.

Die Form eines Phrasems kann auch die Bildung einer Symmetrie verhindern. Es ist unmöglich, symmetrische weibliche Formen *mit Frau und Maus, *mit Frau und Maus untergehen zum adverbialen männlichen Phrasem mit Mann und Maus und dem verbalen männlichen Phrasem mit Mann und Maus untergehen zu bilden, da letztere auf der Grundlage von Alliterationen aufgebaut sind.

Unter den substantivischen Redewendungen wird die symmetrische Form *eine geschlagene Frau* zum Phrasem *ein geschlagener Mann* nicht im Sinne von 'erfolglose Frau' verwendet, weil eine freie Wortverbindung mit der direkten Bedeutung 'eine Frau, die von ihrem Ehemann geschlagen wird' üblich ist:

(8) Das Syndrom der geschlagenen Frau ist eine ernsthafte Störung der psychischen Gesundheit...¹²

Noch eine Gruppe von Phrasemen bildet keine geschlechtersymmetrischen Paare. In der deutschen Phraseologie gibt es eine Vielzahl von Phrasemen mit Anthroponymen als Komponenten, die nichts mit der Benennung einer Person zu tun haben. Sie bezeichnen verschiedene Objekte der Realität, indem sie die Wahrnehmung der Welt durch den Vergleich von Lebensobjekten mit einem Mann oder einer Frau zeigen. Die Analyse der sprachlichen Ausprägung des Begriffs „Essen“, nämlich der Phraseme mit Anthroponymen als Komponenten, trägt zu einem besseren Verständnis der Kultur und des Denkprozesses der Menschen bei.

Der männliche Name Max (abgeleitet von Maximilian, „der Größte“) ist Bestandteil des Phrasems *strammer Max* — umg.: 1. Spiegelei auf Schinken und Brot; 2. seltener; gut gewürztes, rohes Hackfleisch mit Ei vermischt. Die wörtliche Übersetzung lautet *starker / gesunder Max*, 'ein körperlich starker oder überlegener Mann in jedem Lebensbereich'. Das Phrasem *stolzer Heinrich* hat die Bedeutung 'Bratwurst in Biersoße', es ist ein bekanntes Berliner Gericht.

Interessanterweise bedeutet das männliche Phrasem *der flotte Otto* 'Durchfall' und das weibliche Phrasem *die flotte Lotte* 'Entsafter', ein Gerät, das in der Küche verwendet wird (Lotte ist der Name der Erfinderin des Küchengeräts). Die Namen *Otto* und *Lotte* sind Parony-

¹² <https://www.millionsofpeachesblog.com/%E2%9A%A1-syndrom-der-geschlagenen-frau-was-es-ist-und-wie-man-hilfe-bekommt>.

me zum Adjektiv *flott*.

Restriktionen, wie etwa kulturelle Einschränkungen sind anschließend zu erwähnen. Wir beobachten ein solches Phänomen, wenn genderinklusive Phraseme a priori ausgeschlossen sind. Es handelt sich dabei um deutsche Präzedenznamen mit Vater als Komponente. In diesem Fall sprechen wir über einen besonderen Beitrag eines Individuums zu Kultur, Wirtschaft, Politik usw.:

— *Vater der deutschen Rechtschreibung* — Konrad Duden (Konrad Duden schuf mit seinem Wörterbuch die Grundlage für eine einheitliche deutsche Rechtschreibung, er gilt heute als deren „Vater“);

— *Vater des Kindergartens* — Friedrich Fröbel (vor mehr als 180 Jahren gründete Friedrich Fröbel den ersten deutschen Kindergarten);

— *Vater der sozialen Marktwirtschaft und des „deutschen Wirtschaftswunders“* — Ludwig Erhard (das deutsche „Wirtschaftswunder“ nach dem Zweiten Weltkrieg ist untrennbar mit dem Namen Ludwig Erhard verknüpft. Er gilt vielen als der Vater der sozialen Marktwirtschaft und des „deutschen Wirtschaftswunders“);

— *Die Väter der Deutschen Einheit* — Helmut Kohl, George Bush und Michail Gorbatschow (drei wesentliche Akteure der deutschen Wiedervereinigung sind Alt-Bundeskanzler Helmut Kohl, der ehemalige US-Präsident George Bush sowie Michail Gorbatschow, der letzte Präsident der Sowjetunion).

Eine Ausnahme bildet das Phrasem *Mutter der Nation* (der Spitzname der deutschen SchauspielerIn Inge Meysel, der Politikerinnen Angela Merkel und Ursula von der Leyen) und ihre modifizierte Form *die neue Mutter der Nation* (der Spitzname der deutschen TennisspielerIn Steffi Graf). Es hat eine symmetrische maskuline Variante *Vater der Nation* (Russlands Präsident Wladimir Putin; George Washington, erster Präsident der Vereinigten Staaten von Amerika).

Einige Phraseme sind auf literarische Präzedenznamen zurückzuführen. *Die Prinzessin auf der Erbse* ist ein bekanntes Märchen des dänischen Schriftstellers Hans Christian Andersen. Karrie Fransman und Jonathan Plackett schreiben ein unterhaltsames Buch mit dem Titel *Der Prinz auf der Erbse und andere ungekrepelte Märchen* (Originaltitel: *Genderswapped Fairytales*). Der ungewöhnliche Name fordert einen Perspektivwechsel, zeigt Geschlechterrollen in den Märchen und sensibilisiert für Stereotypen in anderen Medien und Kontexten.

4. Schlussfolgerungen

Das Phänomen der Genderinklusioin betrifft auch die Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Sie manifestiert sich in Form genderinklusive maskulin-femininer Phraseme, d. h. einer parallelen Reflexion des Lebens von Männern und Frauen. Es gibt aber wenige lexikografisch fixierte genderinklusive Phraseme, die deutsche Phraseologie im Sprachsystem bleibt androzentrisch (besonders in der Parömiologie): Wir leben in einer androzentrischen Zivilisation, die auf männliche Prioritäten zugeschnitten ist. Das phraseologische System der Sprache reagiert langsamer auf neue gesellschaftliche Trends, insbesondere auf Änderungen im Zusammenhang mit der Berücksichtigung der Sozialordnung aus der Sicht nicht-binärer Geschlechter.

Genderinklusive Phraseme entstehen als Ergebnis des Prozesses der Gendersymmetrierung, der ein Prozess der Variation oder Modifikation der Basisphraseme mit maskulinen Komponenten darstellt. Die Modifikation der Basisphraseme ist ein sehr häufiges Phänomen moderner diskursiver Praktiken: Die deutsche Phraseologie im Sprachgebrauch weist oft Verwendung von genderinklusive Phrasemen auf.

Die in der Sprache beobachtete Aktivität des Prozesses der Gendersymmetrierung von Phrasemen ermöglicht es, einen solchen Bereich der wissenschaftlichen Forschung wie die genderinklusive Phraseologie innerhalb der Phraseologie der deutschen Sprache der Gegenwart heraus zu gliedern. Hier ergibt sich ein breites und spannendes Forschungsfeld.

In den letzten Jahren wird der feministische Diskurs kritisiert, die Forderung zur Repräsentation nicht-binärer Geschlechtsidentitäten kommt hinzu. Durch die Sichtbarmachung von Frauen in der Phraseologie wurde die maskulin-feminine Gendersymmetrie und damit Geschlechterdichotomie forciert. Die intendierte Vorstellung geschlechtlicher Vielfalt in der Phraseologie zu erzielen ist wohl ein Problem, das sich jetzt nicht lösen lässt. Es ist trotzdem eine wichtige Aufgabe, linguistische Grundlagenforschung zu phraseologischen Personenbezeichnungen zu betreiben.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Добровольский Д. О.* Модификация структуры идиомы в аспекте понимания // Понимание в коммуникации-2007: Язык. Человек. Концепция. Тезисы докладов международной научной конференции (28 февраля — 1 марта 2007 г.). М.: НИВЦ МГУ, 2007. С. 27—31. [Dobrovolskiy, Dmitriy O. (2007) Modifikatsiya struktury idiomu v aspekte ponimaniya (Modification of the Idiom Structure in Terms of Understanding). In: Mikheyev, Mikhail Yu. (ed.) *Ponimaniye v kommunikatsii-2007: Yazyk. Chelovek. Kontseptsiya. Tekst* (Understanding in Communication-2007. Language. Human. Concept. Text). Moscow: Moscow State University, 27—31. (In Russian)].
- Добровольский Д. О.* Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Dobrovolskiy, Dmitriy O. (2013) *Besedy o nemetskom slove* (Conversations about the German Word). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Кирилина А. В.* Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 109—147. [Kirilina, Alla V. (2021) Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tretyego tysyacheletiya (Gender and Gender Linguistics at the Turn of the Third Millennium). *Issues of psycholinguistics*, 3 (49), 109—147. (In Russian)].
- Леонтович О. А.* Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 194—220. [Leontovich, Olga A. (2021) Politicheskaya korrektnost', inkluzivnyy yazyk i svoboda slova: dinamika ponyatiy (Political Correctness, Inclusive Language and Freedom of Speech: Dynamics of Concepts). *Russian Journal of Linguistics*, v. 25, 1, 194—220. (In Russian)].
- Нefeldова Л. А.* Прямое заимствование и калька как средства языковой репрезентации заимствованного концепта (на примере фразеологических концептов *First Lady / первая леди* в немецком и русском языках) // Язык и культура. 2018. № 42. С. 118—136. [Nefedova, Lyubov' A. (2018) Pryamoye zaimstvovaniye i kal'ka kak sredstva yazykovoy reprezentatsii zaimstvovannogo kontseptva (na primere frazeologicheskikh kontseptov *First Lady / pervaya ledi* v nemetskom i rusском yazykakh) (Direct Borrowing and Calque as a Means of Linguistic Representation of a Borrowed Concept (on the Example of the Phraseological Concepts *First Lady / pervaya ledi* in German and Russian)). *Language and Culture*, 42, 118—136. (In Russian)].

- Нэфедова Л. А. Гендерно инклюзивная фразеология современного немецкого языка: симметрия фразеологизмов в свете гендера: монография. М.: Московский педагогический государственный университет, 2023. [Nefedova, Lyubov' A. (2023) *Genderno inkluzivnaya frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka: simmetriya frazeologizmov v svete gendera: monografiya* (Gender-inclusive Phraseology of the Modern German Language: Symmetry of Phraseological Units in the Light of Gender). Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian)].
- Barz, Irmhild. (2010) Die Kontamination in Wortbildung und Phraseologie. In: Korhonen, Jarmo & al. (eds) *Europhras 2008. Beiträge zur internationalen Phraseologiekonferenz vom 13—16.8.2008 in Helsinki*. Helsinki, 142—150.
- Becker-Mrotzek, Michael. (2023, Mai 5) *Sprachliche Kreativität*. Retrieved from https://web0.fhnw.ch/plattformen/zl/rs_21_2011_sprachliche-kreativitaet.
- Burger, Harald. (2004) Phraseologie — Kräuter und Rüben? Traditionen und Perspektiven der Forschung. In: Steyer, Kathrin. (ed.) *Wortverbindungen — mehr oder weniger fest*. Berlin: de Gruyter, 19—40.
- Burger, Harald; Dobrovol'skij, Dmitriij; Kühn, Peter & Norrick, Neal R. (eds) (2007) *Phraseologie / Phraseology. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / An International Handbook of Contemporary Research*. 2 Halbbde (HSK 28.1/2). Berlin: de Gruyter.
- Burger, Harald. (2015) *Phraseologie Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin: Erich Schmidt. (Grundlagen der Germanistik 36) [5., neu bearb. Aufl.]
- Dobrovol'skij, Dmitriij. (1999) Zu semantischen und pragmatischen Effekten kreativer Idiom-Modifikationen. *Nouveaux Cahiers d'Allemand*, 17, 363—374.
- Elsen, Hilke. (2020) *Gender — Sprache — Stereotype. Geschlechtersensibilität in Alltag und Unterricht*. Tübingen: Narr Francke Attempto.
- Filatkina, Natalia. (2007) Pragmatische Beschreibungsansätze. In: Burger, Harald & al. (eds) *Phraseologie. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. 1. Halbbd. Berlin: der Gruyter, 132—158.
- Fleischer, Wolfgang. (1997) *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin; Boston: Max Niemeyer Verlag. [2., durchges. und erg. Aufl.]
- Gäckle, Annelene. (2019) *ÜberzeugENDERe Sprache. Leitfaden für eine geschlechtersensible und inklusive Sprache*. Köln: Universität zu Köln. [2. Aufl.]
- Günthner, Susanne; Hüpper, Dagmar & Spieß, Constanze. (eds) (2012) *Genderlinguistik: Sprachliche Konstruktionen von Geschlechtsidentität*. Berlin; Boston: de Gruyter.

- Hofmannová, Jana. (2009) Anthroponyme als phraseologische Komponenten im österreichischen Deutsch, im Binnendeutschen und im Tschechischen. *Slowakische Zeitschrift für Germanistik*, 26—33.
- Hofmannová, Jana. (2017) Zentrum und Peripherie der geschlechtsspezifischen Phraseologismen im Deutschen: Bedeutung und Aspekte ihrer Verwendung. In Kotůlková, Veronika, & Rykalová, Gabriela. (eds): *Zentrum und Peripherie. Aus sprachwissenschaftlicher Sicht*. Opava: Slezská univerzita, 253—267.
- Korencsy, Ottó. (2022) Inklusivität in Translation. Translatologische Überlegungen zur einem präskriptiven Phänomen *Aktuelle Probleme der Philologie und der pädagogischen Linguistik*, 1, 140—152.
- Kotthoff, Helga, & Nübling, Damaris. (2018) *Genderlinguistik. Eine Einführung in Sprache, Gespräch und Geschlecht*. Tübingen: Narr.
- Lüger, Heinz-Helmut. (1999) *Satzwertige Phraseologismen. Eine pragmalinguistische Untersuchung*. Wien: Edition Praesens.
- Motschenbacher, Heiko. (2017) Strukturelle Genderlinguistik: Ein diskursiver Ansatz. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST)* 91, 87—110.
- Nefedova, Lyubov'. (2020) Entlehnte Phraseme als Basis für semantische Modifikationen im Deutschen und im Russischen (Am Beispiel des entlehnten Phrasems *First Lady*). In: Mellado, Carmen; Holzinger, Herbert; Iglesias, Nely M. & Mansilla, Ana. (eds) *Muster in der Phraseologie. Monolingual und kontrastiv*. Hamburg: Dr. Kovač, 259—276. (Reihe Studia Phraseologica et Paroemiologica. Bd. 4)
- Schäfer, Patrick & Schowalter, Christine. (2011) *Mediensprache — Redewendungen — Sprachvermittlung*. Landau: Verlag Empirische Pädagogik.
- Sieburg, Heinz. (2019) Sprache und Geschlecht. Heterogene Aspekte interkultureller Konstellationen. *Zeitschrift für interkulturelle Germanistik*, 10, 113—129.
- Steyer, Kathrin. (2014) *Usuelle Wortverbindungen. Zentrale Muster des Sprachgebrauchs aus korpusanalytischer Sicht*. Tübingen: Gunter Narr Verlag. (Studien zur deutschen Sprache: Forschungen des Instituts für deutsche Sprache)
- Stumpf, Sören. (2015) Formelhafte (Ir-)Regularitäten. Korpuslinguistische Befunde und sprachtheoretische Überlegungen In: *Sprache — System und Tätigkeit. Bd. 67*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Stumpf, Sören. (2016) Eine Frau, ein Wort — Phraseme „als Vehikel von Gedanken“. Der Wechsel maskuliner und femininer Formen in Phrasemen als Mentalitätsindikator. In: Kreuz, Christian & Mroczynski, Robert. (eds) *Sprache, Kultur, Mentalität*. Münster: LIT Verlag.

Словари / Dictionaries / Wörterbücher

- Бинович, Л. Э., Гришин, Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1975. [Binovich, Leonid E.; Grishin, Nikolay N. (1975) *Nemetsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* (German-Russian Phraseological Dictionary). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь живых идиом (= Idiome der lebendigen Sprache: Deutsch-russisches Wörterbuch). М.: Метатекст, 1997. [Dobrovolskiy, Dmirtiy O. (1997) *Nemetsko-russkiy slovar' zhivykh idiom* (= Idiome der lebendigen Sprache: Deutsch-russisches Wörterbuch) (German-Russian Dictionary of Living Idioms). Moscow: Metatext. (In Russian)].
- Duden. (2002) Bd. 11. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim: Dudenverlag.
- Duden. Deutsches Universalwörterbuch. (2023, Mai 5) Inklusion. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung>.
- DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. (2023, Mai 5) Inklusiv. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- DeReKo — Deutsches Referenzkorpus. (2023, Mai 5). Retrieved from <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web>.
- Redensarten-Index. Lexikon für Redewendungen. (2023, Mai 5). Retrieved from <https://www.redensarten-index.de/suche.php>.

Lyubov' A. Nefedova
Moscow Pedagogical State University

Gender-inclusive Phraseology of German: Problems and Perspectives

This article provides an insight into the topic of gender-inclusive phraseology in German: it aims to constitute the phenomenon of gender inclusion in phraseology as a research object for applied linguistics. It has so far received no attention in either German or Russian Germanic studies. An analysis of its discursive practices expands our linguistic insights into an increasingly important type of gender-sensitive communication and thus our understanding of modern everyday and institutional discourse in general. From the outset, the focus of linguistic analysis is on practice in order to generate practice-relevant results. General and phraseological dictionaries of the German language as well as the German reference corpus as the largest collection of corpora for German-language texts represent an optimal complex source of material for our study. In the first (theoretical) part of the article, the foundations for the second (main) part are laid. Fundamental questions about the nexus of language and gender are ad-

dressed: gender identity, gender diversity, gender-fair language / gender language, gender-inclusive language. The second part is dedicated to the gender-inclusive phrases of German from the perspective of gender symmetry. Symmetrical masculine-feminine phrasemes are analyzed under structural-semantic and communicative-pragmatic aspects. A total of four areas are focused: current inventory of gender-inclusive phrases in German, gender symmetrization in phraseology, creative potential of gender-inclusive phrases from the aspect of their symmetry, restrictions in the symmetrization of phrases. It is noted that German phraseology in the language system remains androcentric despite a heated debate about gendering. In linguistic usage, on the other hand, symmetrical masculine-feminine phrasemes are a very common phenomenon in modern discursive practices. For this reason, gender-inclusive phraseology offers a wide range of productive and exciting fields of research.

Keywords: gender; gender symmetry; gender-fair language; gender-inclusive language; gender-inclusive phraseology

Любовь А. Нефедова

Московский педагогический государственный университет

Гендерно инклюзивная фразеология немецкого языка: проблемы и перспективы

Статья посвящена теме гендерно инклюзивной фразеологии в немецком языке. Она нацелена на конституирование феномена гендерно инклюзивной фразеологии как объекта исследования прикладной лингвистики. Данному феномену до сих пор не уделялось внимания ни в немецкоязычной, ни в российской германистике. Анализ его дискурсивных практик расширяет наше лингвистическое понимание приобретающей все большую значимость гендерно чувствительной коммуникации и, таким образом, наше понимание современного повседневного и институционального дискурса в целом. С самого начала основное внимание в лингвистическом анализе уделяется практике, чтобы генерировать релевантные для практики результаты. Общие и фразеологические словари немецкого языка, а также немецкий электронный корпус как крупнейшее собрание немецкоязычных текстов выступают в качестве оптимального комплексного источника материала для нашего исследования. Первая, теоретическая, часть статьи формирует научную базу результатов, представленных во второй, основной, части исследования. Затрагиваются фундаментальные вопросы о связи языка и пола: гендерная идентичность, гендерное

разнообразии, гендерно справедливый язык / гендерный язык, гендерно инклюзивный язык. Во второй части работы рассматриваются гендерно инклюзивные фраземы немецкого языка с точки зрения гендерной симметрии. Симметричные маскулинные и фемининные фраземы анализируются в структурно-семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах. Всего выделено четыре направления описания: актуальный инвентарь гендерно инклюзивных фразем в немецком языке, гендерная симметризация во фразеологии, креативный потенциал гендерно инклюзивных фразем с точки зрения их симметрии, ограничения в симметризации фразем. Отмечается, что немецкая фразеология в языковой системе остается андроцентричной несмотря на активные дебаты о необходимости обеспечения гендерного равенства в языке. С другой стороны, симметричные маскулинные и фемининные фраземы — весьма распространенное явление в современных дискурсивных практиках. По этой причине гендерно инклюзивная фразеология представляет собой широкий спектр продуктивных и интересных областей исследования.

Ключевые слова: гендер; гендерная симметрия; гендерно справедливый язык; гендерно инклюзивный язык; гендерно инклюзивная фразеология

Для цитирования:

Nefedova L. A. Genderinklusive Phraseologie des Deutschen: Problemaufriss und Perspektiven // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 231—250.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-231-250.

To cite this Article:

Nefedova, Lyubov' A. (2023) Genderinklusive Phraseologie des Deutschen: Problemaufriss und Perspektiven (Gender-inclusive Phraseology of German: Problems and Perspectives). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 231—250. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-231-250.

*Статья поступила в редакцию 10.05.2023; принята к публикации 23.05.2023
The article was submitted 10.05.2023; accepted for publication 23.05.2023*

Е. И. Новикова

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной
Службы при Президенте Российской Федерации

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ПОСТИЖЕНИЯ ФИЛОСОФСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ЗАГАДОК РОМАНА *Ф* ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАНА

В статье предпринимается попытка найти ответы на философские и филологические вопросы, поднимаемые современным немецкоязычным писателем Даниэля Кельманом в романе *Ф*. Основные концепты произведения рассматриваются через призму когнитивной метафоры, прослеживается, как множество «Ф» (философия, фамильные ценности, фатум и др.) реализуется через ряд «М» (мистика, магия, мастерство, метафора). Концепт, являющийся неотъемлемой частью познания, представляет собой множество структур и процессов. В результате сочетания концептов на пересечении сфер источника и цели возникает когнитивная метафора. Проанализировав материал исследования, автор настоящей статьи выявляет основные типы когнитивной метафоры, характерные для исследуемого произведения: структурные метафоры пути и онтологические метафоры вместилища. В основу положена классификация метафор по Дж. Лакоффу и М. Джонсону. Метафора является основным ключом к пониманию философских и филологических загадок романа Кельмана. Фатум, предопределенность бытия, поиск собственного пути — эти темы, описанные в рамках магического реализма, также находят свое воплощение в когнитивной метафоре. «М» как магия, мистика способствует пониманию не только философской составляющей романа, но и кажущейся на первый взгляд тривиальной темы семьи (Familie Friedland). Кельман говорит о магической связи между близнецами, о сверхъестественных способностях предков семьи Фридланд. В таких примерах метафора пути представляет собой не ситуацию движения, а череду событий, сменяющих друг друга в жизненном пространстве. Онтологическая метафора вместилища возникает, когда в абстрактные сущности как в сосуд помещаются другие абстрактные сущности. В исследуемом произведении такая метафора участвует в решении философских вопросов. В статье также рассматриваются обратные метафоры, представляющие особый интерес, так как отсутствие образности не мешает восприятию метафоры как ярко явления. Таким образом, в начале романа автор ставит ряд вопросов, не давая на них ответов в ходе повествования. Концептуальная

метафора помогает задуматься над глубокими философскими проблемами, стоящими перед каждым из героев произведения *Ф*.

Ключевые слова: концептуальная метафора; концепт; философия; современная немецкая литература; Даниэль Кельман

1. Введение

Даниэль Кельман — современный писатель, литературный успех которого отмечен многочисленными наградами («Кандид», Клейста, Хаймито Додерера, Томаса Манна, общества Копрада Аденауэра, газеты «Die Welt» и др.) Его произведения все чаще становятся объектом изучения как зарубежных, так и российских литературоведов, филологов, лингвистов.

Новизна настоящего исследования состоит в том, что значимые для сюжета понятия рассматриваются через призму когнитивной метафоры; предполагается, что именно ей отводится главенствующая роль. В цели исследования входит: рассмотреть ключевые концепты по отдельности и проследить, как они вплетены в сюжет, в линию повествования. Автор считает также необходимым выявить, какие концептуальные метафоры наиболее характерны для произведения, выбранного в качестве материала исследования.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужил роман *Ф*. Из содержания произведения видно, что семантическое поле у названия романа довольно широкое. «Ф» может быть отсылкой к большому количеству лексических единиц, которые в той или иной степени отражают суть романа: *Fatum* (фатум, судьба), *Familie* (семья), *Friedland* (фамилия главных героев Фридланд), *Fälschung* (фальсификация), *Finanzkrise* (финансовый кризис), *Fiasko* (фиаско, неудача). Это множество «Ф» реализуется в романе через ряд «М». Позволим себе вслед за писателем обратиться к такому образу для выражения нашего видения романа и представления его основных идей. «М» проявляется в романе через Магию, Мистику, Метафору, и благодаря Мастерству писателя возникает сложное многоплановое произведение. В романе мы увидели ряд «Ф»-загадок, попытаемся разгадать их с помощью «М»-подсказок.

Для этого используем следующие методы: эмпирический метод (составление сплошной выборки), семантико-синтаксический анализ метафорических выражений, метод трансформации, метод моделирования.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. «М» — метафора

В рамках современного когнитивного подхода к вопросу изучения метафоры она рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знаний в языковой форме. Метафоры обычно относятся не к отдельным, изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам — областям чувственного и социального опыта. Эти сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми и конкретно наблюдаемыми пространствами. С точки зрения когнитивной лингвистики метафора является универсальным орудием мышления и познания мира во всех сферах деятельности. Это не просто принадлежность языка, она выступает как средство структурирования понятийной системы и видов повседневной деятельности, которой мы занимаемся, не случайно поэтому данное понятие стало центральным, концентрирующим вокруг себя идеи когнитивного характера. Метафорические модели структурируют разные аспекты понятия: каждый раз, в зависимости от прагматических установок, человек включает тот или иной предмет в самые разные отношения с другими предметами и признаками, уподобляя их друг другу по определенному параметру, оставляя в стороне те связи и отношения, которые его в данный момент и в данной ситуации не интересуют.

Классики изучения когнитивной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон проводят четкую границу между мышлением и говорением. Они рассматривают мышление как внутреннюю сторону процесса речепроизводства, говорение — как внешнюю, причем концептуальный аспект метафоры касается мышления, то есть, внутренней стороны, в то время как внешняя сторона представляет собой языковую формулировку. На основе этого положения Лакофф и Джонсон попытались исследовать, что концептуализирует метафора и каким образом она это делает.

Они классифицируют метафорические концепты по следующим типам: структурные метафоры (*structural metaphors*), ориентационные метафоры (*orientational metaphors*), онтологические метафоры (*ontological metaphors*), метафора «канал связи / передачи информации» (*conduit metaphor*), метафора «конструирование» (*blockbuilding metaphor*), метафора «контейнер» (*container metaphor*) (ЛАКОФФ & ДЖОНСОН 1990: 398).

Говоря о метафоре, нельзя обойтись без понятия, являющегося основополагающим для всей когнитивной лингвистики в общем и для когнитивной метафоры, в частности.

Концепт как всякий сложный когнитивный термин не имеет однозначного толкования в науке о языке на современном этапе ее развития, поскольку он охватывает сразу несколько областей: когнитивистику, семантику и лингвокультурологию. Согласно научным дефинициям, концепт — это многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем (КРАСАВСКИЙ 2001: 42).

З. Д. Попова и И. А. Стернин, определяют концепт как

дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету (ПОПОВА & СТЕРНИН 2006: 24).

Концепт объединяет в себе обобщенное содержание множества языковых форм, соединяющих разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений в сферах человеческой жизни, предопределенных языком и невысказанных без него. Языковой концепт является совокупностью вербализуемой информации о том или ином объекте действительности, формируется в коллективном сознании нации и функционирует в языковом сознании личности (ТРОШИНА 2006).

Такое большое количество определений позволяет говорить о сложности рассматриваемого явления. Следует отметить, что концепт является неотъемлемой частью познания, которое представляет собой множество структур и процессов. Изучение языка поэтому выступает в качестве важной части когнитивного исследования. При помощи языка человек идентифицирует не только окружающий мир, но и себя в нем. Когнитивная карта делает концепты и пропозициональные структуры основными элементами в структуре знаний. Моделирование ментального процесса, состоящего из серии преобразований когнитивных сфер, обеспечивающих зрительные образы, создает карту познания (когнитивную карту) (ГУРДЕВА 2021). В результате сочетания концептуальных сфер посредством когнитивного картирования информация визуализируется в метафорических картах, которые реализуются на пересечении сфер источника и цели. В зависимости от характера источника и цели возникают различные типы концептуальных метафор.

Работа над материалом показала, что наиболее актуальными для исследуемого произведения являются структурные метафоры пути и онтологические метафоры вместилища. Далее мы увидим это на примерах. А пока перейдем к другим «М», помня, что «М» как метафора является, по нашему мнению, основным ключом для разгадывания «Ф»-загадок. Обратимся к началу романа.

3.2. «М» — магия

Роман начинается с представления мага, гипнотизера, на которое идет Артур Фридлянд с сыновьями: Мартином от первого брака и близнецами Ивейном и Эриком от второго. После представления главный герой исчезает из жизни своих детей и появляется спустя много лет, став писателем, книга которого произвела огромное впечатление на его повзрослевших детей. Роман *Ф* — это семейная сага, повествующая о судьбе нескольких поколений семьи Фридлянд, которая написана в рамках магического реализма, где сверхъестественные элементы включены в реальную картину мира. Существует большое количество работ современных литературоведов, прослеживающих истоки этого метода, начиная с его возникновения в живописи, а затем переложения на литературу, сначала латиноамериканскую, по-

том европейскую. В литературоведении до сих пор нет единой точки зрения на суть магического реализма (АВЕРКИНА 2019). Ведутся споры о том, что это — художественный метод, нарративная стратегия, литературный стиль или разновидность фантастической литературы. Реальное и нереальное настолько тесно переплетаются, что образуют новую реальность. Это и является особенностью магического реализма (см. об этом в [ГУТНИН 1998; КИСЛИЦЫН 2011]).

Ю. К. Казакова отмечает, что как представитель «новых рассказчиков» Кельман умело создает ситуацию искусственной интертекстуальности на уровне сюжета и внутритекстовых реалий. Он также стремится удовлетворить интерес читателя к непознанному, магическому и нарочито уходит от канонов немецкоязычной классической литературы в сторону развлечения публики (КАЗАКОВА 2015: 60). Позволим себе не согласиться с исследователем в тезисе развлечения, отметив, что герои романа постоянно погружаются в серьезные философские размышления о незыблемых основах жизни — семье, любви, религии. Помимо философской составляющей романа *Ф* мы найдем в нем также юмор и мистику. В этом произведении тесно переплетены правда и ложь, реальное и магическое, судьба и случай. Все эти темы объединены вопросами: влияет ли судьба на жизнь человека? Можно ли это доказать, существует ли провидение и способен ли человек принимать самостоятельные решения или все уже предопределено? Поставив эти вопросы в начале романа, автор возвращается к ним на протяжении всего произведения.

3.3. «Ф» — *фатум*

«Ф» как фатум проходит красной нитью по всему роману. В главе о семье автор говорит о смерти одного из предков и указывает не на предопределенность бытия, а на череду случайностей:

...dann fiel ihr ein Ziegelstein auf den Kopf. Gott hatte das nicht geplant, kein Schicksal hatte es herbeigeführt, bloß der Dachdecker war unfähig gewesen, und sie kam nie zurück (КЕНЛМАНН 2013: 149).

Судьбы нет, есть лишь случайности, приводящие к другим событиям, говорит автор словами Мартина: «Heute denke ich, es waren Zufälle. Es gibt kein Fatum» (ibid.: 65).

Вопрос о фатуме, о предопределенности судьбы, о выборе пути самим человеком, Богом, или другими людьми возникает в жизни каждого героя книги и в жизни каждого человека. Ответить на эти вопросы помогает философия и религия. А метафора — это некий способ преодоления границ между мирами.

3.4. «Φ» — философия

Вопросы религии давно интересовали автора. Кельман в Венском университете изучал философию и литературу и защитил диссертацию по проблеме возвышенного по И. Канту (*Kants Begriff des Erhabenen*). Это наложило отпечаток на его творчество. Дебютный роман *Магия Берхольма* (*Beerholms Vorstellung*, 1997) писателя повествует о молодом теологе Артуре Берхольме, который бросает учебу, чтобы стать учеником известного мага. В этом произведении в творчестве писателя впервые появляется тема «магического». В произведении Φ автор продолжает следовать выбранному вектору.

Один из главных героев романа Мартин, будучи священником, испытывает страшные муки, разрываясь между собственным неверием и необходимостью поддерживать веру в людях, которые постоянно приходят к нему за советом, на исповедь и т. д. Он пытается оправдать себя, говоря о том, что задача служителя церкви — лишь направить верующих на нужный путь, но оправдать себя в глазах других людей и в своих собственных глазах — это разные вещи.

Der Priester hat die Kraft zu binden und zu lösen. Egal, was er dabei denkt. Er muss nicht ans Sakrament glauben, damit das Sakrament sich vollzieht (ibid.).

В одной из частых ссор с братом о религии Мартин говорит: «Das ist ein Prozess. *Im Glauben ist man immer auf dem Weg*» (ibid.: 83).

Здесь мы видим концептуальную метафору пути. Путь к себе, к Богу, к вере, к ответам на волнующие вопросы. В романе мы часто находим подобные языковые выражения.

В следующем примере мы видим концептуальную метафору вместилища, объема: «Heilig, heilig, heilig, skandierte ich, und tatsächlich ist mir, als *umgäbe mich ein Feld von Kraft*» (ibid.: 57).

В ходе бесед о вере с другими людьми, священник сам начинает верить, окунаться в пространство силы духа и веры.

Furcht liegt in seinem Blick, aber auch ein Zug sanfter Bösartigkeit und die Frage, ob ich nicht jemand bin, der zum Schweigen gebracht werden sollte (ibid.: 132).

В данном примере взгляд оказывается сосудом, вмещающим абстрактные сущности.

Особый интерес в романе представляют обратные метафоры:

Im Gehirn wohnt niemand. Kein unsichtbares Wesen schwebt durch die Nervenwindungen, blickt durch die Augen, horcht von innen an den Ohren und spricht durch deinen Mund. Augen sind keine Fenster. Da sind Nervenimpulse, aber niemand liest sie, übersetzt sie und denkt über sie nach. Such, solange du willst, niemand ist zu Hause. Die Welt ist in dir und du bist nicht da (ibid.: 88).

Сложный метафорический образ философской направленности наполнен обратными метафорами. Глаза действительно не окна, в мозге действительно никто не живет, но это все же метафора, и часто обратные метафоры воспринимаются более ярко, чем прямые. В последнем предложении рассматриваемого отрывка встречается концептуальная метафора вместилища: дом — это мир, находящийся внутри самого человека, и если в этом доме никого нет, то это оборачивается настоящей трагедией.

Итак, философская составляющая реализуется в концептуальных метафорах пути и вместилища.

3.5. «Ф» — фамильные ценности

Другая тема, Фамильные ценности, семья описаны в романе *Ф* также с особой тщательностью. Одна из глав полностью посвящена становлению семьи Фридляндов, начиная от ее истоков. Примечательно, что это «Ф» выражается через «М» — магию, мистику.

Говоря о семье, автор вновь и вновь подчеркивает, что между близнецами есть невидимая и необъяснимая связь, из-за которой один из близнецов может оказываться в снах другого, ощущать страх, боль и радость удачи другого и т. д.

В роду семьи Фридлянд был не один человек, который обладал какими-либо мистическими способностями — видеть боль, освобождать от нее людей, видеть будущее и вещи, проис-

ходящие далеко от говорящего:

Zunächst beschlug er Pferde, dann heilte er sie, er hatte ein Gespür dafür, wo es sie schmerzte (ibid.: 146).

Seine Mutter war eine ungewöhnliche Frau. Sie hatte starke Träume, und manchmal war ihr, als könnte sie die Zukunft sehen oder Dinge, die in der Ferne geschahen. Wäre sie ein Mann gewesen, *viele Wege hätten ihr offen gestanden*, und sie hätte ein Schicksal gehabt (ibid.: 149).

Здесь мы вновь встречаем концептуальную метафору жизненного пути: «Gott schickt uns auf *seltsame Wege*, sagte er zu seiner Frau, und *wir müssen sie gehen*, ohne zu klagen» (ibid.: 147).

Метафора пути усматривается, прежде всего, в ситуации, не являющейся ситуацией движения, но состоящей из сменяющихся друг друга в реальном времени этапов:

Eines Mannes Geschick verzweigt sich wieder und wieder durch Entscheidungen oder durch Wechselfälle des Glücks. Jedesmal werden beide Varianten beschrieben, beide möglichen *Lebenswege*, die an ein und demselben Punkt *ihren Ausgang nehme... immer mehr Wege* führen zur Krankheit, Unfall und Sterben, nur ganz wenige zum hohen Alter (ibid.: 92).

Общую концепцию тоскливой предопределенности существования этой семьи подчеркивает метафора вместилища: «*Die Traurigkeit seiner Ahnen war stark in ihm*» (ibid.: 98).

3.6. «Ф» — финал

В финале романа круг замыкается. Выступающий в начале произведения гипнотизер вновь появляется на последних страницах, но в другом образе, хотя и тоже связанном с магией. Таким образом, роман *Ф* — это тонкая игра со временем, с судьбами его героев, а значит и с самим читателем. Ни один из философских вопросов, поставленных в начале и обсуждаемых на протяжении всего романа, не получает ответа. Каждый герой произведения и каждый человек должен найти ответы, пройдя свой собственный путь. Возможно, именно поэтому концептуальная метафора пути является такой важной для всего романа.

4. Заключение

В рамках настоящей статьи мы попытались разгадать загадки романа *Ф* Кельмана и попытались объяснить их с помощью ряда «М». Работа над материалом показала, что наиболее

актуальными для данного произведения являются структурные метафоры пути и онтологические метафоры вместилища. Это закономерно. Познавая себя, каждый человек ищет свой путь в жизни, в религии, в судьбе. Двигаясь по этому пути, он находится в рамках собственного Я. Только пропустив через себя опыт поколений, накопив свой собственный опыт, человек выстроит свой жизненный путь. Неслучайно поэтому автор романа не дает ни одного четкого ответа на вопросы и проблемы, заявленные в начале произведения. Однако задуматься над глубокими вопросами философии и разобраться в них помогает именно концептуальная метафора.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

- Аверкина Л. А.* Концепт «новых рассказчиков» в современной немецкоязычной прозе (на примере творчества Д. Кельмана) // Вестник МГЛУ. 2019. Вып. 1 (817). С. 395—407. [Averkina, Larissa A. (2019) Kontsept novykh rasskazchikov v sovremennoy nemetsko-yazychnoy proze na primere tvorchestva D. Kel'mana (The Concept of "New Storytellers" in Modern German-language Prose (on the Material of the Novels of D. Kehlmann)). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1 (817), 395—407. (In Russian)].
- Гугнин А. А.* Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. [Gugnin, Aleksandr A. (1998) Magicheskiy realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka: fenomeny nekotoryye puti ego osmysleniya (Magical Realism in the Context of 20th Century Literature and Art: the Phenomenon and Some Ways of Understanding it). Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Грудева Е. А.* Ментальные структуры в лингвокогнитивной парадигме // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7 (109) Часть 3. С. 33—37. [Grudeva, Yelena A. (2021) Mental'nyye struktury v lingvokognitivnoy paradigme (Mental Structures in the Linguistic and Cognitive Paradigm). *International Scientific Research Journal*, 7 (109), 33—37. (In Russian)].
- Казакова Ю. К.* Творчество Даниэля Кельмана в контексте немецкоязычной литературы конца XX — начала XXI в.: дис. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2015. [Kazakova, Yuliya K. (2015) *Tvorchestvo D. Kel'mana v*

- kontekste nemetskoyazytchnoy literatury kontsa XX — nachala XXI v.* (The Work of Daniel Kehlmann in the Context of German-Speaking Literature of the Late 20th and Early 21st Century). PhD thesis in Philology. Kazan: Kazan Federal University. (In Russian)].
- Кислицын К. Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 274—277. [Kislitsyn, Konstantin N. (2011) Magicheskiy Realizm (Magical Realism). *Knowledge. Understanding. Skill*, 1, 274—277. (In Russian)].
- Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. [Krasavskiy, Nikolay A. (2001) *Emotsional'nyye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokulturrakh* (Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures). Volgograd: Peremena. (In Russian)].
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / ред. Н. Д. Арутюнова и др. М.: Прогресс, 1990. С. 385—415. [Lakoff, George & Johnson, Mark. (1990) *Metaforj kotorymi my zhivjom* (Metaphors we live by). In: Arutyunova, Nina D. & al. (eds) *Teoriya metafory* (Theory of Metaphor). Moscow: Progress, 385—415. (In Russian)].
- Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. [Popova, Zinaida D. & Sternin, Iosif A. (2006) *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* (Semantic and Cognitive Analysis of Language). Voronezh: Istoki. (In Russian)].
- Трошина Н. Н. Когнитивная парадигма в лингвостилистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: электр. научн. журн. 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-paradigma-v-lingvostilistike/viewer>. [Troshina, Natalya N. (2006) *Kognitivnaya Paradigma v lingvostilistike* (The Cognitive Paradigm in Linguistics). *Paradigms of Scientific Knowledge in Modern Linguistics*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-paradigma-v-lingvostilistike/viewer>. (In Russian)].

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Kehlmann, Daniel. (2013) „F“. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH.

**Conceptual Metaphor as a Way of Comprehending Philosophical
and Philological Riddles in the Novel *F* by Daniel Kehlmann**

The article attempts to find answers to the philosophical and philological questions raised by the contemporary German-speaking writer Daniel Kehlmann in his novel *F*. The main concepts of the work are examined through the prism of cognitive metaphor, tracing how the set of “F” (philosophy, family values, fate, etc.) is realized through the set of “M” (mysticism, magic, mastery, metaphor). The concept, which is an integral part of cognition, is a set of structures and processes. The combination of concepts at the intersection of the source and target spheres results in a cognitive metaphor. Having analyzed the research material, the author of this article identifies the main types of cognitive metaphor characteristic of the studied work: structural metaphors of the way and ontological metaphors of the receptacle. It is based on the classification of metaphors according to J. Lakoff and M. Johnson. Metaphor is the main key to understanding the philosophical and philological riddles of Kehlmann’s novel. Fate, the predestination of being, the search for one’s own path — these themes, described within magical realism, also find their embodiment in cognitive metaphor. “M” as magic, mysticism contributes not only to the philosophical component of the novel, but also to the seemingly trivial theme of family (Familie Friedland). Kehlmann speaks of the magical connection between the twins, of the supernatural abilities of the ancestors of the Friedland family. In such examples, the metaphor of the journey does not represent a situation of movement, but a succession of events succeeding one another in the space of life. The ontological metaphor of receptacle arises when other abstract entities are placed in abstract entities as a vessel. In the work under study, such a metaphor is involved in solving philosophical questions. The article also deals with inverse metaphors, which are of particular interest because the lack of imagery does not prevent the metaphor from being perceived as a vivid phenomenon. At the beginning of the novel, the author poses a series of questions without answering them in the course of the narrative. The conceptual metaphor helps to reflect on the deep philosophical issues facing each of the characters in *F*.

Keywords: conceptual metaphor; concept; philosophy; modern German literature; Daniel Kehlmann

Для цитирования:

Новикова Е. И. Концептуальная метафора как способ постижения философских и филологических загадок романа «Ф» Даниэля Кельмана // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 251—263.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-251-263.

To cite this Article:

Novikova, Yelena I. (2023) Kontseptual'naya metafora kak sposob postizheniya filosofskikh i filologicheskikh zagadok romana "F" Danielya Kel'mana (Conceptual Metaphor as a Way of Comprehending Philosophical and Philological Riddles in the Novel "F" by Daniel Kehlmann). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 251—263. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-251-263.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; принята к публикации 02.03.2023

The article was submitted 19.01.2023; accepted for publication 02.03.2023

Н. Н. Трошина

Институт научной информации по общественным наукам РАН

ДИСКУРСИВНЫЕ ИННОВАЦИИ И ЯЗЫКОВАЯ КРИТИКА В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Дискурсивные изменения трактуются в статье как изменения в речевой культуре социума, проявляющиеся в частотности использования языковых единиц и грамматических форм, а также в выборе речевых стратегий. Эти изменения могут входить в противоречие с состоянием языковой системы, устойчивость которой обеспечивает возможность речевой коммуникации. Изменения в системе языка происходят значительно медленнее, чем изменения в социокультурной сфере языкового сообщества. Причины дискурсивных инноваций могут быть обусловлены также обращением некоторых участников современных речевых практик к традиционным представлениям носителей языка об иерархическом распределении социальных ролей, что отражено в грамматической системе языка. Эта особенность немецкого языка акцентируется в публикациях немецких лингвистов — сторонников гендерной правильности речи: определенный артикль указывает не только на биологический пол лица, но и на его место в социальной иерархии полов в соответствии с социальными ожиданиями, традиционными для немецкой лингвокультуры. Подчеркивается, что язык — это не только средство коммуникации, но и хранилище культурной памяти и социокультурного опыта народа. Сегодня критерий частотности языковых инноваций, характерных для современных речевых практик, в значительной степени изменил само представление о языковой нормативности и привел к формированию понятия «нормативной ошибки». Однако это, в свою очередь, способствовало распространению в некоторых дискурсах явно экзотических гендерно-корректных форм, противоречащих традициям немецкой лингвокультуры. Дискурсивные изменения могут вызывать противоречивую реакцию различных социальных групп и интенсифицировать в связи с этим процессы языковой критики.

Ключевые слова: дискурсивные инновации; языковая критика; гендерно-корректный дискурс; грамматический род; биологический пол; социальный пол

1. Введение

Дискурсивные инновации, т. е. изменения в частотности использования определенных языковых единиц, грамматических форм, а также реализация необычных речевых стратегий, т. е. изменения в дискурсивном стиле отражают изменения в речевой культуре социума. Эти изменения свидетельствуют, в свою очередь, о потребности языкового сознания отразить социокультурные особенности данного исторического периода (КРОНГАУЗ 2007: 27). Аналогичную точку зрения высказывает И. Б. Левонтина:

Если в языке прижилось новое слово или новое значение старого слова, значит, это зачем-то языку нужно: в нашем сознании, в культуре появился новый смысл, новое понятие, для которого не достает словесной оболочки (ЛЕВОНТИНА 2010: 009).

Появление дискурсивных инноваций, причем не только лексико-семантических, но и грамматических и стилистических может сопровождаться осложнениями в отношениях между отдельными социальными группами.

2. Характеристика материалов и методов исследования

2.1. Причины дискурсивных инноваций

Одной из причин дискурсивных инноваций может быть значительное несопадение в темпе социокультурных изменений в обществе и изменений в системе языка в силу ее устойчивости, обеспечивающей возможность вербальной коммуникации. В результате члены некоторых социальных групп ощущают «отставание» языковых ресурсов от реализации задач данных социальных групп в публичной коммуникации. В такой ситуации обостряется языковая рефлексия членов лингвокультурного сообщества и, как следствие, развиваются процессы языковой критики.

Другая причина обострения языковой ситуации может корениться в противоречии дискурсивных инноваций культурной памяти социума, т. е. его ментальным установкам, закодированным «глубоко в грамматических структурах (языка — *H. T.*) (tief in grammatischen Strukturen)» (NÜBLING 2019: 19), отражающим исторически сформировавшиеся представления об иерархических отношениях в обществе. Особую актуальность анализ такого противоречия приобрел в связи с проблематикой так назы-

ваемого гендерно-корректного языка (genderkorrekte Sprache), которому посвящены многочисленные публикации в прессе и в научной литературе. Острота этой дискуссии говорит о том, что язык является хранилищем культурной памяти, т. е.

является частью и ментальной, и материальной, и социальной культуры. Как часть материальной культуры язык отражается в устных и письменных текстах. Язык как часть ментальной культуры — это смысловые концепты, которые выражаются в языке и воспринимаются через язык. Поведение в социуме также ощущается как языковое поведение и речевые акты (КУССЕ & ЧЕРНЯВСКАЯ 2019: 453).

Во взаимодействии этих трех аспектов бытования языка и проявляется взаимосвязь языка, речевых практик и культуры, или, как это формулирует А. Линке, «языковленность культуры» («Sprachlichkeit der Kultur»), «культурная обусловленность языка» («Kulturalität von Sprache») и «культурная обусловленность коммуникации» («Kulturgeprägtheit der Kommunikation») (LINKE 2008: 24-46).

2.2. Система языка и культурная память социума

В немецком языке, в его истории живет не только информация о значении имен существительных, но и грамматическая информация, регулирующая, например, использование артиклей в немецком языке. На это интересное свойство грамматики немецкого языка указывают сторонники гендерно-корректной речи, обратившись к данным из истории немецкого языка. Речь идет об именах существительных со значением лица. Как отмечает Дамарис Нюблинг, определенный артикль, указывающий на биологический пол лица, параллельно отражает и иерархию полов в зависимости от традиционных для немецкой лингвокультуры социальных ожиданий (soziale Erwartungen) в плане поведения обозначаемого лица. Так, средний род (артикль *das*) традиционно обозначал и обозначает сегодня; 1) незрелое, неразвившееся живое существо (*das Kalb* ‘теленоч’, *das Kind* ‘ребеноч’, *das Neugeborene* ‘новорожденный’); 2) человека с невысоким социальным статусом (*das Weib* ‘деревенская женщина’, *das Fräulein* ‘незамужняя женщина’); 3) неодушевленные предметы и материалы (*das Wasser* ‘вода’, *das Eisen* ‘железо’). Нюблинг различает биологический пол (*Sexus*), с одной стороны, и гендер (*Gender*) как более важ-

ный социальный пол («das relevantere soziale Geschlecht»), определяемый именно ролевыми представлениями социума о правильном распределении половых ролей, — с другой (NÜBLING 2019: 35). Согласно этому укоренившемуся социокультурному правилу, названия уважаемых лиц женского пола имеют артикль *die*, названия лиц мужского пола — *der*, причем независимо от возраста (*der Bub* ‘мальчик’). Это правило распространяется и на заимствования (*die Queen* ‘королева’, *der Boy* ‘мальчик’). Замена артикля, свидетельствующая о нарушении корреляции грамматического рода слова и биологического пола называемого лица (*Genus — Sexus — Diskonkordanz*) (*ibid.*: 35), всегда была связана с изменением отношения к нему социума и, соответственно, с изменением его прежнего статуса как в сторону повышения, так и понижения. Это касалось как женщин (чаще), так и мужчин (гораздо реже); например, до замужества девушку обозначают словом *das Mädchen*, но становясь невестой, она называется уже *die Braut* ‘невеста’, после венчания — *die Frau* ‘женщина, жена’. Артикль сохранялся и в случае смерти супруга — *die Witwe* ‘вдова’. Такое традиционное представление о соотношении грамматического артикля и биологического пола зафиксировано в немецкой пословице *Aus Knaben werden Leute, aus Mädchen werden Bräute*.

Сегодня изменение определенного артикля *die* или *der* на *das* (перед именами собственными) также выражает негативное отношение к человеку: так, например, артикль среднего рода появился в немецкой прессе перед фамилией министра культуры и образования ФРГ Аннетты Шаван (*Annette Schavan* → *das Schavan*), которой было предъявлено обвинение в плагиате в тексте ее докторской диссертации. В этой связи было выдвинуто и удовлетворено требование о лишении Аннетты Шаван ученой степени (SCHMOLL 2013: URL; NÜBLING 2019: 46).

Осуждение обществом поведения мужчины, например, нетрадиционная сексуальная ориентация, прежде выражалось в появлении перед обозначающим его именем существительным или фамилией артикля женского рода (например, *die Schwuchtel* ‘педик, гомик’) или артикля среднего рода *das*, как это произошло, например, с прежним бургомистром Берлина Эберхардом

Дипгеном, который оказался замешанным в крупном банковском скандале 1999 года. В результате имя собственное Diepgen стало нарицательным *das Diepgen* (KURTZ 1999: URL). Эти данные свидетельствуют о том, что представления о поле человека выходят далеко за рамки того, что лингвистика односторонне понимает как биологический пол (NÜBLING 2019: 46).

2.3. Дискурсивные инновации и категория грамматического рода

Сторонники гендерно-корректного дискурса настаивают на раздельном обозначении лиц разного пола, причем как в письменной, так и в устной коммуникации, что воспринимается большинством носителей немецкого языка как нечто излишнее и даже чужеродное для их родного языка. В этом плане интересны данные опроса, опубликованные в статье В. Мишо, Ж. Мендес и Х. Апель, которые предложили своим респондентам для прослушивания и оценки три высказывания в исполнении профессиональных дикторов. Во всех случаях речь шла об объявлении о поиске сотрудников с опытом работы. В каждом из этих высказываний использовались пять различных способов гендерного маркирования (содержание сохранялось), например: 1) нейтральная формулировка: *Wir suchen Mitarbeitende mit Erfahrung*; 2) гортанная смычка (гендерная пауза): *Wir suchen Mitarbeiter[ʔ]innen mit Erfahrung*; 3) двойное обозначение: *Wir suchen Mitarbeiter und Mitarbeiterinnen mit Erfahrung*; 4) универсальный мужской род: *Wir suchen Mitarbeiter mit Erfahrung*; 5) универсальный женский род: *Wir suchen Mitarbeiterinnen mit Erfahrung*. Как наиболее удачные были восприняты нейтральные формулировки и двойные обозначения; универсальный мужской род и гортанная смычка заняли среднюю позицию между «абсолютно не подходит» и «абсолютно подходит»; универсальный женский род был отвергнут во всех случаях (MISNAUX & al. 2021). Большинство носителей немецкого языка считают слова универсального мужского рода (*generis masculinum*) вполне достаточными, чтобы справиться с задачей обозначения лиц, поскольку многие имена существительные мужского рода относятся как к мужчинам, так и к женщинам (например, *der Mensch* ‘человек’, *der Preisträger* ‘лауреат премии’). Кроме того, нет жесткой связи

между грамматическим родом имени существительного и биологическим полом обозначаемого им лица: некоторые имена существительные, обозначающие женщин, могут иметь артикль мужского рода (*der Vamp* ‘роковая женщина’) или артикль среднего рода (*das Frauenzimmer* ‘баба’).

Как дискурсивно излишняя воспринимается в банковском дискурсе грамматическая форма *genus femininum*, например, *die Kontoinhaberin* ‘владелица банковского счета’, а не *Kontoinhaber* ‘владелец банковского счета’. Против такого дискурсивного гендерного нововведения выступил 26 мая 2020 г. Высший конституционный суд ФРГ. Это решение было принято в 2018 г. в ответ на жалобу гражданки Германии Марлиз Кремер, что в банковских документах для обозначения лиц женского рода предлагают использовать только слова мужского рода (MÜLLER-NEUHOFF 2020: URL). Признав неприемлемой грамматическую форму *genus femininum*, названная высшая юридическая инстанция ФРГ провела четкую границу между банковским и гендерным дискурсами в отношении их грамматической структуры. Дифференциация дискурсов очень важна в условиях смешения культурных архетипов с новыми культурными ценностями (ТРОШИНА 2022).

Следует отметить значимость грамматических инноваций для динамики дискурсивных норм и, соответственно, стиля текстов. Такие заметные изменения происходят, например, в стиле рекламных объявлений о трудовых вакансиях. Если в них используются имена существительные только мужского рода, то такие объявления выглядят сегодня весьма анахроничными: *Wir können Ihnen einen Vollzeitjob als Kurrierfahrer in einer dynamischen Logistikbranche anbieten* ‘Мы можем предложить Вам работу на полной ставке в качестве водителя-курьера в динамично развивающейся сфере логистики’. Выяснилось, что на объявления, игнорирующие двойные обозначения пола адресатов (например, только *Fahrer* вместо *Fahrer / FahrerIn*), редко откликаются женщины, поскольку не воспринимают себя как адресата. В результате профессионально-карьерные шансы женщин падают. Таким образом, ставшее гораздо более частотным использование двойных обозначений биологического пола называемых лиц стало воспринимать-

ся как дискурсивная норма для данного типа текстов, т. е. изменились критерии восприятия этих текстов.

3. Дискурсивные инновации и языковая критика

Как справедливо подчеркивал Петер фон Поленц (POLENZ 1973), современная языковая критика ориентируется уже не столько на языковые правила, сколько на сами критерии нормативности, учитывая частотность инноваций в соответствующих типах текстов. Не случайно в немецких публикациях по вопросам языковой критики постепенно сформировалось понятие «нормативная ошибка» («Normfehler») (см., например, в [ÁGEL 2008; цит. по: HENNIG 2017: 28]). Однако некоторые грамматические инновации, особенно ориентированные на гендерную корректность, выглядят весьма экзотично, например, инновации, с учетом которых в Лейпцигском и Потсдамском университетах приняты рекомендации использовать в письменной коммуникации только форму универсального женского рода *generis femininum*, отсутствующую в немецкой грамматике, и отказаться от слова *Frau* при обращении к профессору-женщине, например, *Herr Professorin* вместо *Frau Professorin* (KROME 2020: 72). В Гамбургском университете разработано пособие по гендерно-корректной речевой коммуникации, в котором рекомендуется при обращении к незнакомому человеку избегать слов *Herr* и *Frau*, если по имени и фамилии нельзя определить его пол. В таком случае обращение будет выглядеть следующим образом: *Guten Tag, Gerrit Schmidt!* ‘Добрый день, Геррит Шмидт!’. В электронных письмах рекомендуется давать информацию о своем биологическом поле, например: *Gerrit Schmidt (er, seine)* ‘Геррит Шмидт (он, его)’ или *mein Pronomen ist ‘sie / ihr’* ‘мое местоимение — ‘она / ее’» (GESCHLECHTERGERECHTE SPRACHE... 2020: 8).

Большая толерантность современной языковой критики проявляется также в ее отношении к распространению разговорных речевых стратегий, используемых в письменных текстах, в том числе и в научных. Это проявляется, в частности, в заголовках статей, оформленных как непринужденный диалог с коллегой-оппонентом. Так, например, Петер Айзенберг, публично выступивший против требований гендерно-корректного использования немецкого языка, опубликовал в газете «Frankfurter All-

gemeine Zeitung» статью под названием *Wenn das Genus mit dem Sexus* (EISENBERG 2018: URL), в синтаксической структуре которого явно не хватает глагола, что свойственно разговорной речи. Ответом на эту статью Айзенберга была вышедшая в том же году статья Нюблинг, опубликованная в бюллетене Института немецкого языка в Мангейме под весьма эмоциональным заголовком в стиле обиходно-разговорной речи: *Und ob das Genus mit dem Sexus* (NÜBLING 2018). В этом же стиле выдержан и заголовок статьи *Mündlich gendern? Gerne. Aber wie genau?* (MICHNAUX & al. 2021). Именно такой стиль выбирал для названия своих книг, ориентированных на массового читателя, и Бастиан Сик, например: *Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod* (SICK 2006), *Happy Aua: Ein Bilderbuch aus dem Irrgarten der deutschen Sprache* (SICK 2007), *Schlagen Sie dem Teufel ein Schnäppchen: Ein Bilderbuch aus dem Irrgarten der deutschen Sprache* (SICK 2017).

В завершение статьи отметим, что языковая критика, отражающая интерес общественности к состоянию языка и речевой культуры, и соответственно, языковая рефлексия социума — это явления, свойственные любой лингвокультуре на любом этапе ее существования. Можно согласиться с мнением австрийского лингвиста Манфреда Глаунингера (GLAUNINGER 2021: URL), который называет причины такой заинтересованности носителей лингвокультуры:

1) наше сознание в целом («unser gesamtes Bewusstsein») обусловлено языком: то, что мы называем мышлением, обычно протекает как молчаливый диалог с самим собой;

2) общественные ситуации возникают как результат вербальной интеракции и ее последующей языковой рефлексии;

3) с языком и различными формами его существования (диалектами, молодежным языком, языковым стандартом, специальными языками и т. д.) обычно связываются положительные и отрицательные стереотипы, распространенные среди носителей языка. Эти стереотипы основываются на устойчивых социальных, политических, культурных, географических и других ассоциациях, активно влияющих на наше мышление: оценивается не только то, *что* сказано, но и то, *как* это сказано, т. е. важен выбор языковых вариантов, вербально оформляющих

точку зрения говорящего / пишущего. Из этого делается вывод о степени его влиятельности, его мировоззренческой ориентации (*lebensweltliche Orientierung*) и о многом другом. Таким образом, язык является и предпосылкой, и продуктом того контекста, с которым экзистенциально связан человек и который он стремится сохранить.

4. Заключение

Изменения в частотности использования языковых единиц и их форм в сочетании с применением в дискурсе ранее не свойственных ему речевых стратегий свидетельствуют об изменениях в речевой культуре социума. Последнее задевает языковое самочувствие многих носителей языка, т. е. их ментальные установки, в значительной степени обусловленные культурной памятью, закодированной в языковых структурах. Эти процессы развивают языковую рефлексивность говорящих и языковую критику как взаимосвязанных лингвокультурных явлений и делают язык объектом публичного общественного интереса. В настоящее время дискурсивные инновации наиболее очевидно связаны с дискуссией о правомерности требований гендерно-корректной немецкоязычной коммуникации.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2007. [Krongauz, Maksim A. (2007) *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* (Russian Language is close to the Edge). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Кузе Х., Чернявская В. Е. Культура: Объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Сер.: Язык и литература. 2019. Т. 16. Вып. 3. С. 444—462. [Kuße, Holger & Chernyavskaya, Valeriya, Ye. (2019) *Kul'tura: Obyasnitel'nyye vozmozhnosti ponyatiya v diskursivnoy lingvistike* (Explanatory Possibilities of Concept in Discourse Linguistics). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 16 (3), 444—462. (In Russian)].
- Левонтина И. Б. Русский со словарем. М.: Азбуковник, 2010. [Levontina, Irina V. (2010) *Russkiy so slovaryom* (Russian with Dictionary). Moscow: Azbukovnik. [In Russian]].
- Трошина Н. Н. Психолингвистический аспект гендерной корректности немецкоязычных речевых практик как появление лингво-

- культурных противоречий эпохи глобализации // Этнопсихоллингвистика. 2022. № 5 (8). С. 34—46. [Troshina, Natalya. N. (2022) Psicholingvističeskij aspekt gendernoy korrektnosti nemetskojazyčnykh rečevykh praktik kak pojavleniye linvokul'turnykh protivorečiy epokhi globalizatsii (Psycholinguistic Aspect of Gender Correctness in German Language Speaking Practices as the Manifestation of Linguocultural Contradictions of the Globalization Epoch). *Ethnopsycholinguistics*, 5 (8), 34—46. (In Russian)].
- Ágel, Vilmos. (2008) Bastian Sick und die Grammatik: Ein ungleiches Duell. *InfoDaF*. 1, 64—84.
- Eisenberg, Peter. (2018) Wenn das Genus mit dem Sexus. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Retrieved from <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/gender-gerechte-sprache-wenn-das-genus-mit-dem-sexus-15470481.html>.
- Geschlechtergerechte Sprache an der Universität Hamburg. Erarbeitet von einer Expert:innenkommission aus Mitgliedern verschiedener Fachrichtungen. (2020). Hamburg: Universität Hamburg.
- Glauninger, Manfred. (2021) „Schieß Ball her!“: Vom angeblichen Verfall der Sprache. *Der Standard*. Retrieved from <https://www.derstandard.de/story/2000126323550/schiess-ball-her-vom-angeblichen-verfall-der-sprache>.
- Hennig, Mathilde. (2017) Grammatik und Variation im Spannungsfeld von Sprachwissenschaft und öffentlicher Sprachreflexion. In: Konopka, Marek & Wöllstein, Angelika. (eds) *Grammatische Variation: Empirische Zugänge und theoretische Modellierung*. Berlin: de Gruyter, 23—46.
- Krome, Sabine. (2020) Zwischen gesellschaftlichem Diskurs und Rechtsschreibnormierung: Geschlechtergerechte Schreibung als Herausforderung für gelungene Textrealisation. *Muttersprache*, 130, 1, 64—78.
- Kurtz, Andreas. (1999) Das Diepgen des Tages. *Die Tageszeitung*. Retrieved from <https://taz.de/Andreas-Kurtz/!1276417>.
- Linke, Angelika. (2008) Kommunikation, Kultur und Vergesellschaftung: Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Kommunikation. In: Kämper, Heidrun & Eichinger, Ludwig M. (eds) *Sprache — Kognition — Kultur. Sprache zwischen mentaler Struktur und kultureller Prägung*. Berlin; New York: de Gruyter, 24—50.
- Michaux, Valerie; Méndez, Josefina & Apel, Heiner. (2021) Mündlich gendern? Gerne. Aber wie genau? Ergebnisse einer Akzeptanzuntersuchung zu Formen des Genderns in der Mündlichkeit. *Sprachreport*, 37, 2, 34—41.

- Müller-Neuhof, Jost. (2020) Streit um das „generische Maskulinum“: Verfassungsgericht weist Beschwerde auf geschlechtergerechte Anrede ab. *Tagesspiegel*. Retrieved from <https://www.tagesspiegel.de/politik/verfassungsgericht-weist-beschwerde-auf-geschlechtergerechte-anrede-ab-5368954.html>.
- Nübling, Damaris. (2018) Und ob das Genus mit dem Sexus! Genus verweist nicht nur auf Geschlecht, sondern auch auf die Geschlechterordnung. *Sprachreport*, 34, 3, 44—50.
- Nübling, Damaris. (2019) Geschlechter(un)ordnungen in der Grammatik: Deklination, Genus, Binomiale. In: Eichinger, Ludwig M. & Plewnia, Albrecht. (eds) *Neues vom heutigen Deutsch: Empirisch — methodisch — theoretisch*. Berlin; Boston: de Gruyter, 19—58.
- Polenz, Peter. (1973) Sprachkritik und Sprachnormenkritik. In: Nickel, Gerhard. (ed.) *Angewandte Sprachwissenschaft und Deutschunterricht*. München: Hueber, 118—167.
- Schmoll, Heike. (2013) Schavans Dokortitel aberkannt. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Retrieved from <https://www.faz.net/aktuell/politik/universitaet-duesseldorf-erkennt-annette-schavan-doktorgrad-ab-12052777.html>.
- Sick, Bastian. (2006) *Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod: Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Sick, Bastian. (2007) *Happy Aua: Ein Bilderbuch aus dem Irrgarten der deutschen Sprache*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Sick, Bastian. (2017) *Schlagen Sie dem Teufel ein Schnäppchen: Ein Bilderbuch aus dem Irrgarten der deutschen Sprache*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.

Natalia N. Troshina

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Discourse Innovations and Language Criticism in the Context of German Language Culture

Discursive changes are interpreted in the article as changes in speech culture of social medium which become apparent in the frequency of the use of language units and grammar forms, as well as in the choice of speech strategies. These changes may contradict the state of the language system whose stability provides the possibility of speech communication. The changes in the language system take place much slowly than those in the socio-cultural sphere of speech community. Discourse innovations may also be caused by an appeal of some participants of modern speech practices to

traditional ideas of native speakers about hierarchical distribution of social roles which takes place in the grammatical system of the language. This peculiarity of the German language is accentuated in articles of German linguists, supporters of gender correct speech: the definite article indicates not only the biological gender of a person but also one's place in the social hierarchy of genders in accordance with social expectations, traditional for German language culture. It's emphasized that a language is not only a means of communication, but also a depository of cultural memory and sociocultural experience of the nation. Today the criterion of the language innovation frequency, characteristic of modern speech practices, has significantly changed the idea itself of the language normativity and has lead to the appearance of an idea of a "normative mistake". However this, in its turn, has contributed to the spread in some discourses of obviously exotic gender correct forms which contradict the traditions of German language culture. Discourse changes can cause contradictory reaction of different social groups and due to this intensify the processes of language criticism.

Keywords: discourse innovations; language criticism; gender-correct discourse; grammatical gender; anatomical gender; social gender

Для цитирования:

Трошина Н. Н. Дискурсивные инновации и языковая критика в контексте немецкой лингвокультуры // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 264—275.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-264-275.

To cite this Article:

Troshina, Natalia N. (2023) Diskursivnyye innovatsii i yazykovaya kritika v kontekste nemetskoй lingvokul'tury (Discourse Innovations and Language Criticism in the Context of German Language Culture). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 264—275. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-264-275.

Статья поступила в редакцию 21.01.2023; принята к публикации 02.03.2023

The article was submitted 21.01.2023; accepted for publication 02.03.2023

Е. О. Туманова

Московский городской университет управления
Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова

**АРХЕТИПИЧНЫЕ МЕТАФОРЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на примере политической афористики)**

Метафора занимает центральное место в процессе политической коммуникации, влияя на массовое сознание и в случаях открытой пропаганды, и при реализации скрытой манипуляции. Метафорический репертуар политического дискурса весьма широк и многообразен, при этом в нем неизменно присутствуют универсальные архетипы, влияющие на подсознательном уровне на участников общения. К архетипичным метафорам, которые отвечают базовым человеческим потребностям, аккумулируют накопленные человечеством знания и опыт, традиционно относят метафоры природного цикла, пути, дихотомий «свет-тьма», «жара-холод», «болезнь-здравие». Целью исследования стало изучение возможности развертывания метафоры в политическом жанре малого объема на примере лозунгов и агитационных политических плакатов партий Германии. Цель обуславливает теоретическую значимость работы, так как позволяет подтвердить новую лингвистическую гипотезу о возможности развертывания метафоры в жанрах политического дискурса малого объема на примере политических афоризмов. Основными методами исследования, помимо метода сплошной выборки политических афоризмов, стали метод лингвистического анализа и методы лингвокультурологического анализа, а также сравнительно-исторический метод. В политических афоризмах как политических жанрах малого объема представлены различные архетипичные метафоры, которые служат целям обращения к традиционным ценностям, выражения преемственности политических взглядов, ответной реакции оппонентов и убеждения адресатов в объективности и честности своих намерений. Представители различных партий Германии обращаются в процессе предвыборной борьбы к архетипичным метафорам, связанным с универсальными концептами жизни, воздуха и пути. С одной стороны, в политических афоризмах представлены обещания лучшей жизни, с другой стороны, каждая партия пытается указать на то, что избранный ею курс является единственно верным, способным привести к успеху и процветанию. Анализу подвергались материалы предвыборных кампаний раз-

личных партий, а также проводилось сопоставление политических плакатов в диахронном аспекте, что подтверждало желание руководителей партийной ячейки не только закрепиться на политической арене, но и воздействовать на подсознательном уровне на восприятие реципиентами, обращаясь к базовым для них ценностям. Результатом исследования становится обоснование выдвинутой теории о возможности развернуть метафору в малом политическом жанре, что может стать основой для дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: политический дискурс; политический афоризм; цитата; метафора; архетипичная метафора

1. Введение

Наше языковое сознание напрямую зависит от политического дискурса, который связан со всеми областями нашей жизнедеятельности и во многом определяет наше мировоззрение. Ни политика, ни политический режим не существуют вне коммуникации, именно поэтому особое место в лингвистических исследованиях занимают работы, посвященные изучению «языка политики». Язык политики представляет не только научный интерес, но и является предметом повседневных дискуссий, цитаты политиков становятся афоризмами, подвергаются переосмыслению и дальнейшей трансформации. Причины данного явления кроются в стремлении политиков максимально обобщенно представлять свои мысли, воздействуя на своих избирателей и массовую аудиторию.

Настоящая статья строится на изучении языка политики с позиции бихевиоризма, на основании которого лексика рассматривается не в аспекте взаимосвязи между словами и обозначаемыми ими явлениями, а как связь между словами и людьми, которые эти слова создают, используют и изменяют (KLAUS 1971: 122).

Для политического дискурса характерно отсутствие четких границ. Мы предлагаем характеризовать политический дискурс как модель, состоящую из четырех оболочек, где центральное место принадлежит политической коммуникации как инструменту борьбы за власть, в приядерной зоне находится академический политический дискурс, в ближней периферии располагается публичный политический дискурс, а периферия включает дискурс реципиентов политических сообщений (ТУМАНОВА

2023: 930). Опираясь на предложенную модель политического дискурса как метадискурса, мы рассматриваем политическую афористику как одну из составляющих политического дискурса. Политическими афоризмами являются фразовые высказывания, которые связаны с политической коммуникацией или представляют собой рефлексии значимых политических событий, а также часто употребляются в речи. К политическим афористическим высказываниям следует отнести цитаты известных политиков, слоганы, лозунги, девизы политических партий, выступающие прецедентными единицами национальной языковой системы.

Политическая афористика состоит из многочисленных суждений о политике, именно поэтому она выступает «знаковым феноменом», образуя подсистему взаимосвязанных в общем политическом контексте знаков. Регулярная воспроизводимость политических афоризмов в речи свидетельствует об их прецедентном характере (ШЕЙГАЛ 2000: 203).

Особое влияние на восприятие афористических изречений оказывают лежащие в их основе стилистические фигуры, среди которых центральное место занимает метафора. Благодаря своей наглядности и иллюстративному потенциалу метафоры способны создавать экспрессию, которая служит оценке и реализации персуазивной функции (MIKULOVÁ 2007: 18).

Метафора способна выполнять функцию зеркала национального сознания, выступая основой политической жизни и корреляции между различными сферами нашего бытия. В процессе политической коммуникации происходит трансформация языковой картины политического мира реципиента. В лингвистике выделяются два способа воздействия на массовое сознание: открытая пропаганда и скрытая манипуляция. В обоих случаях воздействия метафора занимает первое место (БУДАЕВ & ЧУДИНОВ 2006: 66). Предполагается, однако, что в пределах малых политических жанров, в том числе политических афоризмов, недостаточно пространства для развертывания метафоры по сравнению с политическими текстами среднего и крупного объема (*ibid.*: 109).

С одной стороны, метафора представляет собой «естественный путь творческого мышления» (ЧУДИНОВ 2006: 122), когда говорящий в силу определенных намерений предпочитает завуали-

ровать свои мысли, придавая им образность и некую неопределенность. Метафора занимает промежуточное место, являясь связующим звеном между сказанным и несказанным (недосказанным). Сила метафорического воздействия, ее «голубая кровь», объясняется стремлением к достижению равновесия между известной условностью и особой значимостью метафорической концептуализации мира (ibid.: 126). С другой стороны, авторы осознанно отклоняются от привычного языкового стандарта и используют метафоры в своей речи, стремясь привлечь внимание публики, обратиться к размышлениям, что, в свою очередь, приводит к более глубокому пониманию смысла и ощущению образа (ibid.).

Исследование метафорического репертуара, используемого в своей речи представителями власти, позволяет распознать подсознательные механизмы их деятельности и их подлинное отношение к происходящим событиям (БУДАЕВ & ЧУДИНОВ 2006: 5). Описание метафор, содержащихся в политическом дискурсе, способствует тем самым выявлению скрытых установок участников политической коммуникации и определяет силы дискурсивного воздействия на восприятие послания.

В целом риторическое направление в исследованиях в рамках политической лингвистики возникло задолго до когнитивного. Первопроходцем в изучении метафорики в политической коммуникации и основоположником риторического направления политической лингвистики признан М. Осборн (OSBORN 1967).

Метафорическая картина мира характеризуется традиционностью и стабильностью, что обеспечивается за счет того, что «арсенал политических метафор имеет устойчивое ядро, которое сохраняется с глубокой древности» (АНИКИН & al. 2015: 5).

Политические метафоры в национальном политическом дискурсе Германии, с одной стороны, реализуют тенденции к сохранению национальной культурной самобытности, с другой — стремятся к взаимодействию с системами политических метафор других стран.

Диахронный анализ политической метафорики указывает на константное взаимодействие ее двух ключевых свойств: архетипичности и вариативности (ibid.: 9).

Универсальные архетипы, которые лежат в основе человеческого взаимопонимания, активно распространяясь в речи, проникают в сознание участников социума, лишая их способности критически осмыслять происходящее (КАРАСИК 2003: 43).

С позиции когнитивистики архетип представляет собой первоосновный метаконцепт. А. Г. Лошаков описывает понятие «метаконцепт» как «лингвоментальную структуру декларативного (теоретического) и операционного знания», содержащую в себе ценностный и регулятивный компоненты и способную «задавать сеть смысловых координат, схем, правил, соответствующий эмоциональный модус для осмысления текстовой информации» (ЛОШАКОВ 2008: 16). Благодаря метаконцептам происходит «концентрация смыслов» и связанных с ними понятий, а также их соподчинение «максимальной смысловой установке» текстового послания (ibid.: 16).

Метаконцепт обладает следующими свойствами: атемпоральностью, универсальностью, интернационализмом, пластичностью, сознательным и бессознательным употреблением (БОРОДУЛИНА & МОРДОВИНА 2022: 482). Он служит переходу от примитивного и интуитивного восприятия информации к ее более рациональному изучению, языковой рефлексии и актуализации релевантных прецедентов в сознании носителей культуры.

Набор метафорических моделей соответствует базовым национальным культурным концептам. Достаточную силу для манипулятивного воздействия, т. е. возможность реализовать аргументативную функцию, имеют только те метафоры, которые согласуются с основными концептуальными прототипами общества (ЛАКОФФ 1990).

В политической коммуникации вне зависимости от времени, культуры и географического положения участники общения непременно обращаются к архетипичным метафорам, т. е. метафорам, опирающимся на универсальные архетипы (OSBORN 1967: 121). Образы природного цикла, пути, дихотомий «свет-тьма», «жара-холод», «болезнь-здравие» создают основу для политического воздействия и убеждения адресата.

В основе анализа архетипичности политических метафор лежат ключевые принципы теории концептуальной метафоры, в

соответствии с которыми метафоризация происходит на уровне подсознания и зависит от физиологического восприятия человеком окружающего его мира. Благодаря физиологической общности и общим закономерностям мышления объясняется универсализм метафорики для разных культурных общностей (ОРЛОВА & ДАРМАЕВА 2018: 90).

Выявляя особенности функционирования архетипичных метафор в политическом дискурсе, Осборн, основатель теории неизменных архетипичных метафор, назвал шесть базовых постулатов: 1) авторы чаще обращаются к архетипичным метафорам по сравнению со свежими метафорами; 2) данные метафоры характеризуются универсальностью и не подвластны влиянию времени или культурных особенностей; 3) архетипичные метафоры зафиксированы в накопленном человечеством опыте; 4) анализируемые метафоры отвечают базовым человеческим потребностям; 5) архетипичные метафоры воздействуют на большинство реципиентов; 6) в ключевых и значимых исторических политических обращениях чаще всего встречаются именно архетипичные метафоры (OSBORN 1967: 116).

Описывая функциональные особенности афоризмов как типа и жанра текста, И. Г. Ольшанский и О. В. Мелькова отмечают «связь и определенный параллелизм афористических выражений с жанром эссе», которые кроются в критической направленности и политической заостренности обоих жанров (ОЛЬШАНСКИЙ & МЕЛЬКОВА 2009: 75). Очевидным различием обоих жанров выступает объем: афоризм кратко передает основную идею эссе, а эссе является развернутым афоризмом. Именно на наличии обоснованной ранее возможности развертывания самого политического афоризма, а тем самым и содержащейся в его структуре метафоры мы строим настоящее исследование, что подчеркивает его теоретическую и практическую значимость.

Гипотезой настоящего исследования служит предположение о том, что развертывание метафоры возможно в политических афоризмах как разновидности жанра политического дискурса малого объема.

2. Характеристика материала и методов исследования

В работе были использованы методы эмпирического и лингвистического анализа, а также методы описания и обобщения. Предметом изучения стали устойчивые фразовые единства политических деятелей современной Германии. Исследуемые политические афоризмы охватывают программные лозунги, в том числе представленные на предвыборных политических плакатах.

В отобранных для анализа лозунгах присутствуют апелляции к известным и ранее популярным политическим афоризмам, что позволяет характеризовать их как особую разновидность свехтекста (ШЕЙГАЛ 2000: 217).

Методом сплошной выборки была определена группа политических афоризмов, лаконичность формы и глубина содержания которых обеспечены за счет использованных в их структуре метафорических образов, в частности, умелого обращения авторов высказываний с архетипичными метафорами.

Система ценностей любой культуры создает ее уникальный облик и формирует ее центральное ядро, которое в самой незначительной степени может подвергаться изменениям в различные временные эпохи. Данные культурные ценности играют важнейшую роль в развитии всего общества и отдельных его членов (УФИМЦЕВА 2017: 116). В связи с этим слова в любом языке могут рассматриваться в разных аспектах, или разделах лингвистической науки, начиная с морфологии, семантики, этимологии и заканчивая лингвокультурологией, социологией, прагматикой и т. д. В рамках отраслевых исследований происходит изучение взаимосвязей между словами в контексте и анализ возможностей изменения их воздействия в речи.

На восприятие высказывания непосредственно влияет политическая картина мира реципиента (ЧУДИНОВ 2006: 92); именно с учетом ее национальных особенностей в Германии проводилась интерпретация результатов эмпирического исследования.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Политические лозунги относятся к особому жанру политической афористики; им отводится центральное место в политическом дискурсе, поскольку они являются важнейшим инструментом борьбы за власть (ТУМАНОВА 2021: 179). Лозунги явля-

ются оценочными высказываниями ввиду того, что они направлены на изменение мнения адресата послания в свою пользу. В лозунговых формулах могут довольно быстро и эффективно формироваться новые и укрепляться существующие идеологические установки. С лингвистической точки зрения объяснить использование политических лозунгов в целях борьбы за власть можно их краткой и ясной формой, которая оказывает особое эмоциональное воздействие и целенаправленное влияние на политическую картину мира реципиента.

Усилению эмотивной и персуазивной функции служат в первую очередь лингвостилистические средства, среди которых метафора фигурирует чаще всего в формулировках политических лозунгов, позволяя наглядно передавать связанные идеологические представления в предельно сжатой языковой форме (Ольшанский & Мелькова 2009: 180).

3.1. Архетипичная метафора жизни

Наглядным примером обращения к архетипичной метафоре служит лозунг предвыборной кампании партии Христианско-демократического союза (ХДС) во главе с Ангелой Меркель «Mehr Wachstum. Mehr Arbeit» (см. Рис. 1). В основе афоризма лежит риторическая фигура повторения — анафора, а высказывание характеризуется обращением к метафоре роста, которая олицетворяет Германию и позволяет рассматривать все государство в целом как живой организм, способный расти и развиваться.

Рис. 1. Предвыборный плакат ХДС (2005 г.)

Эта сентенция довольно часто встречается в заголовках статей, посвященных оценке экономического развития Германии и действиям правительства:

Mehr Wachstum, mehr Arbeit: Aufschwung in Deutschland soll anhalten (Der Tagesspiegel, 31.01.2018)

Deutschland: mehr Wachstum, mehr Arbeit. Die Prognosen der führenden deutschen Wirtschaftsforscher sind für Deutschland sehr gut. (dw.com, 07.04.2011)

Mehr Wachstum, mehr Arbeit. Aufschwung voraus (n-tv.de, 19.04.2007)

Заголовок — это самая сильная позиция в тексте. Политический афоризм, основная идея которого передается метафорой, оказывает в заглавии публикации сильнейшее влияние на читателей и усиливает «текстовое напряжение» (ЧУДИНОВ 2006: 161). В данной позиции метафора позволяет определить метафорическую модель, или систему метафор, всего текстового сообщения, так как «заголовок во многом предопределяет читательские ожидания в отношении содержания текста и его метафорической системы» (ЧУДИНОВ 2006: 172). Согласно концепции Чудинова (2006) о трех эффектах взаимодействия метафоры в заголовке с основным текстом, представленные нами примеры заголовков статей с отсылкой к сентенции о росте реализуют эффект оправданного ожидания. Читатель заведомо представляет себе содержание публикации, но созданный метафорической цитатой яркий образ побуждает его к ознакомлению со всем сообщением.

На примере представленного политического лозунга «Mehr Wachstum. Mehr Arbeit» антропоморфная метафора разворачивается до метафорической модели «Государство — это организм». Данная модель является одной из древнейших в политическом дискурсе, так как восходит к Библейскому тексту и используется в работах ведущих мировых мыслителей Ф. Сиднея, Б. Барнса, Ф. Бэкона, Т. Гоббса (БУДАЕВ & ЧУДИНОВ 2006: 99).

Главный политический лозунг Вилли Брандта был также построен на основе этой модели. В своем интервью по случаю падения Берлинской стены федеральный канцлер сказал: «Jetzt wächst zusammen, was zusammengehört». В лаконичном изречении две

Германии (Восточная и Западная) рассматриваются как единый живой организм. В день празднования тридцатилетия со дня падения Берлинской стены Хайко Йозеф Маас, на тот момент являвшийся министром иностранных дел ФРГ в коалиционном правительстве Ангелы Меркель, открыл свое выступление именно политической цитатой Брандта.¹ Маас является членом СДПГ, которую в свое время представлял Брандт, и реализует свое стремление укрепиться на политической арене путем демонстрации приверженности политическим традициям своей партии.

Представленный пример цитирования является одним из возможных приемов интертекстуального использования афористики как средства аргументации в политической полемике. Речь идет об апелляции к авторитету выдающихся политических деятелей путем цитирования их изречений, что позволяет политикам подтвердить собственные мысли и закрепить идеи и убеждения в сознании реципиентов (ШЕЙГАЛ 2000: 221).

К архетипичной метафоре жизни обращается партия коммунистов Австрии (КПА) в своих программных плакатах, указывая на свою способность гарантировать избирателям «хорошую» (достойную) жизнь: «Ein gutes Leben für alle» (см. Рис. 2). В своей программе партия дает следующее пояснение лозунгу:

Soziale Sicherheit war früher einmal durchaus selbstverständlich. Kaum jemand musste Angst haben den Arbeitsplatz zu verlieren, aus der Wohnung delogiert zu werden oder keine Pension zu erhalten. Der neoliberale Turbokapitalismus, bei welchem der Finanzmarkt alles dominiert, und ein ihm willfährige Politik haben aber Solidarität, gesellschaftlichen Zusammenhalt und soziale Sicherheit zerstört. Damit die Superreichen noch reicher und mächtiger werden. Wir meinen hingegen, dass ein gutes Leben für alle möglich und auch finanzierbar ist.²

В этом сообщении ключевыми лексемами, выражающими основной посыл лозунга, являются солидарность, сплоченность, социальное обеспечение, финансирование и хорошая жизнь.

¹ Maas, Heiko. (2020) Damit zusammenwächst, was zusammengehört. <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-deutsche-einheit/240210>.

² KPÖ Oberösterreich. Materialien. Landtags- und Gemeinderatswahl 2015. <https://ooe.kpoe.at/mediagallery/media.php?f=0&sort=0&s=20150731212716645>.

Рис. 2. Агитационный плакат КПА (2015 г.)

Ранее метафорическое представление о жизни легло в основу политического лозунга Христианско-социального союза Германии (ХСС) 1982 г. «Leben und leben lassen», звучавшее как призыв к восприятию жизни в качестве неотъемлемого блага и наслаждению этим процессом, ведь спокойная и гармоничная жизнь для многих является не только заветной мечтой, но и целью.

Анализ представленной метафоры жизни и опрос знакомых нам носителей немецкого языка показали, что глагол *leben* несет в себе не только очевидную семантику существования, противопоставляемую семантике смерти, но и целый ряд связанных с качеством и комфортом жизни лексем. К ним относятся дериваты от лексемы *Leben*:

- условия жизни *Lebensbedingung* / *Lebensgestaltung* и опасность для жизни *Lebensgefahr*;
- перспективы, возможности жизни *Lebensaussicht* / *Lebenschance* / *Lebensmöglichkeit*;
- стоимость жизни *Lebenshaltung* / *Lebenshaltungskosten* / *Lebenskosten* и ее индекс *Lebenshaltungsindex*;
- качество *Lebensqualität* и уровень жизни *Lebensstandard* / *Lebensniveau*;
- продукты питания *Lebensmittel* и средства существования *Lebensunterhalt*;
- продолжительность жизни *Lebensdauer* / *Lebenserwartung* / *Lebenszeit*;
- порядок жизни *Lebensordnung* и жизненное пространство *Lebensraum*;

- жизненная ситуация *Lebenslage / Lebenssituation* и положение в жизни *Lebensstellung*;
- жизненная потребность *Lebensbedarf*;
- радость жизни *Lebensfreude*;
- жизненный идеал *Lebensideal*.

Таким образом, мы наблюдаем, насколько широкое значение заключает в себе метафора жизни как процесса в политическом дискурсе, формируя вокруг себя семантическое поле взаимосвязанных концептов.

3.2. Архетипичная метафора пути

Следующим ярким примером выступает обращение к архетипичной метафоре пути, продвижению к намеченной цели.

В 2008 г. ХСС, представляющий интересы федеральной земли Бавария в Бундестаге, выбрал своим лозунгом «*Klarer Kurs — starkes Bayern*», рассматривая политику как движение к определенной цели. В этом движении значение имеет ясность поставленных задач и намеченной цели: чем яснее путь, тем выше шансы достичь цели. Скрытое в этом политическом афоризме указание на то, что сильная Бавария как федеральная земля с развитой и стабильной экономикой возможна только при движении в направлении, выбранном ХСС, рассматривается как манипуляция с целью борьбы за власть.

Позднее этот политический лозунг был заимствован ХДС в вариации «*Starke Basis. Klarer Kurs. #teamCDU*» (см. Рис. 3), где четкость и ясность выбранного курса реализуются благодаря сильной основе, т. е. идеологии и успешной деятельности консервативной партии Германии на политической арене.

Упомянутый афоризм стал девизом 34-го съезда ХДС в день избрания нового Федерального исполнительного комитета на цифровой партийной конференции в 2022 г. В девизе, по мнению представителей партии, отражается основное пожелание к новому составу комитета, подразумевающее активную роль избранного комитета и энергичное продвижение интересов партийного большинства.³ Перед принятием резолюций от его

³ KPV. Kommunalpolitische Vereinigung der CDU und CSU Deutschlands. *Starke Basis. Klarer Kurs*. <https://kpv.de/blog/starke-basis-klarere-kurs>.

членов ожидается согласование с филиалами и ассоциациями. Выбранный комитетом курс описывается в другом лозунге — «Über die Rathhäuser und Kreistage zu neuer Kraft!»

Рис. 3. Девиз 34-го съезда ХДС (2022 г.)

Метафора, заложенная в лексеме *Kurs*, представляет собой яркий пример архетипа в немецкоязычной политической картине мира. Лозунг «Fester Kurs für die Republik! Wählt Otto Braun» (см. Рис. 4) появился на политическом плакате СДПГ перед выборами в Палату представителей Пруссии. Отто Браун был кандидатом от СДПГ в первом туре выборов рейхспрезидента в 1925 г., но по стратегическим причинам не стал переизбираться во втором туре.

Плакат был выполнен художником Фрицем Готфридом Кирхбахом и представлен на выставке в Историческом музее Ганновера по случаю 150-летия немецкой социал-демократии в 2013 г.

Рис. 4. Предвыборный плакат СДПГ (1925 г.)

Метафора пути реализуется на политическом плакате также посредством лексемы *Weg*. Именно она легла в основу известного антикоммунистического плаката ХДС на выборах в Бундестаг в 1953 г. В верхней части плаката изображен человек в фуражке с советской символикой и застывшим открытым гипнотизирующим взглядом, а в нижней части — вертикальные красные и черные линии, исходящие от лица мужчины. Лозунг внизу плаката гласит: «*Alle Wege des Marxismus führen nach Moskau! Darum CDU*» (см. Рис. 5). Подобное расположение на плакате позволяет рассмотреть в человеке в форменной фуражке монументальный образ милитаристского общества. ХДС изображается как единственный носитель надежды в борьбе с коммунистическим режимом.

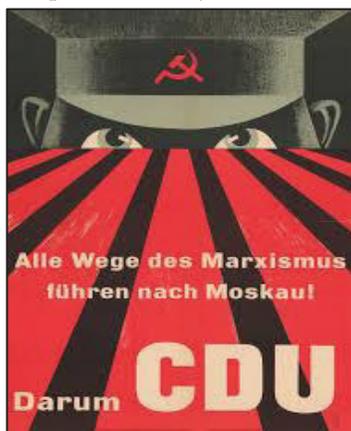

Рис. 5. Предвыборный плакат ХДС (1953 г.)

В 1990 г. представители СДПГ обратились к архетипичной метафоре и использованному ранее образу пути в своих предвыборных плакатах с изображением Оскара Лафонтена в качестве кандидата на пост канцлера Германии и лозунгом «*Der neue Weg. SPD ökologisch, sozial, wirtschaftlich stark*» (см. Рис. 6, 7). Выбранный метафорический образ напрямую связан с программой партии, представляющей новую концепцию и траекторию действий в объединенной Германии в области экологического, социального и экономического развития.

Рис. 6, 7. Предвыборные плакаты СДПГ (1990 г.)

Ответом оппонентов — партии ХДС — стал плакат с использованием лозунга «Der Weg ist frei! Die Einheit kommt. Wir sind ein Volk! CDU» (см. Рис. 8). Лозунг был ориентирован не на отдельные шаги или аспекты концепции по развитию страны, а на общий путь развития для единого народа. Метафора открытого пути связана с открытием границ, падением Берлинской стены и подписанием 31 августа 1990 г. Договора об объединении Германии.

Рис. 8. Предвыборный плакат ХДС (1990 г.)

3.3. Архетипичная метафора воздуха

К архетипичным метафорам относится метафора воздуха. Одним из примеров обращения к ней в политическом дискурсе является лозунг «Frischer Wind für Bayern» народной партии Баварии Свободные избиратели (см. Рис. 9). Согласно представленному на официальном сайте партии описанию, ее приоритеты заключаются в том, чтобы «дать людям чувство принадлежности и дома».⁴ С одной стороны, партия апеллирует к базовым человеческим ценностям, с другой — в программе отмечается необходимость нового, нестандартного подхода к решению насущных проблем и укреплению экономики Баварии.

В своем предвыборном лозунге «Frischer Wind für Bayern» партия представляет новое видение развития федеральной земли. В метафорическом словосочетании отражается стремление партии к обновлению, возможно, и к омоложению.

Рис. 9. Предвыборный плакат партии «Свободные избиратели» (2008 г.)

Эпитет *frisch* указывает на новые идеи, современные решения и творческий подход. Метафора «*frischer Wind*» ассоциативно связана со словосочетанием *frische Luft*, предоставляя жителям возможность почувствовать себя полными сил и заряженными энергией. Обращение к топониму *Bayern* в слогане, с одной стороны, указывает на географическое расположение партии; с другой стороны, представители партии эксплицитно указывают,

⁴ Freie Wähler. Präambel: Stabilität, Sicherheit, Freiheit — die Kraft der Mitte! <https://www.freiewaehler.eu/unsere-politik/wahlprogramm>.

что первостепенное значение для них имеет Бавария и местная политика. Скрытая в лозунге экологическая метафора демонстрирует стремление Свободных избирателей к изменениям и преобразованиям, которые будут проводиться с уважением к баварским традициям и культуре.

В 2022 г. партия Зеленые / Союз 90 предлагает избирателям серию встреч для представления своей политической концепции, обращаясь к метафоре ветра; при этом невербально транслируется идея развития ветряных электростанций в Германии через изображение на обоих представленных плакатах нескольких ветроэлектрических установок. На первом плакате жителям предлагается подключиться к онлайн-мероприятию под девизом «Auf frischen Wind setzen» (см. Рис. 10).

Рис. 10. Приглашение на онлайн-лекцию от партии Зеленых (2022 г.)

На втором плакате использованный ранее партией Свободных избирателей лозунг трансформируется за счет добавления лексемы *endlich*, указывая на возможность проведения изменений и трансформаций, обещанных ранее другими партиями (см. Рис. 11). Имплицитно политический афоризм «*Endlich frischer Wind für Bayern*» указывает на то, что предыдущие обещания не были выполнены и реализованы в отличие от политики партии Зеленых / Союза 90.

Рис. 11. Приглашение на семинар от партии Зеленых / Союз 90 (2022 г.)

4. Заключение

Проведенный анализ политических лозунгов разных партий Германии на отдельных этапах ее политической истории подтвердил тезис, что архетипичные метафоры занимают заметное место в немецкоязычной политической афористике. Архетипичные метафоры жизни, воздуха, пути по-прежнему являются актуальными и позволяют обращаться к национальным культурным ценностям, к истории страны. Политические афоризмы, в основе которых лежат архетипичные метафоры, используются в качестве прецедентных текстов, становясь видом сверхтекста и подвергаясь дальнейшим трансформациям. Таким образом, между представителями разных партий и избирателями в синхронном и диахронном аспектах возникает некий диалог, а политический плакат становится частью политических дебатов оппонентов. Архетипичные метафоры в составе политических афоризмов опровергают суждение о том, что в малых политических текстах невозможно разворачивать целые метафорические модели. Крылатые выражения и политические афоризмы существуют в контексте конкретной исторической ситуации, принадлежат известным политическим деятелям и являются, по сути, равноценными единицами политического дискурса вне зависимости от их объема.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 5—11. [Anikin, Yevgeniy E.;

- Budayev, Eduard V. & Chudinov, Anatoliy P. (2015) Arkhetipy i innovatsii v diakhronicheskoy dinamike metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii (Archetypes and Innovation in the Diachronic Dynamics of Metaphorical Systems in Political Communication). *Proceedings of Voronezh State University*, 1, 5—11. (In Russian)].
- Бородулина Н. Ю., Мордовина Т. В. Концепт дом как архетип осмысления картины мира // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Ч. 2. С. 481—490. [Borodulina, Nataliya Ju. & Mordovina, Tatyana V. (2022) Kontsept dom kak arkhetip osmysleniya kartiny mira (The Concept of Home as an Archetype of Worldview Comprehension). *Prepodavatel XXI vek*, No. 4, part 2, 481—490. (In Russian)].
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2006. [Budayev, Eduard V. & Chudinov, Anatoliy P. (2006) *Metafora v politicheskoy interdiskurse* (Metaphor in Political Interdiscourse). Yekaterinburg: Urals State Pedagogical University. (In Russian)].
- Карасик В. И. Архетипические концепты в общении // Прямая и непрямая коммуникация / ред. В. В. Дементьев. Саратов: Колледж, 2003. С. 39—52. [Karasik, Vladimir I. (2003) Arkhetipicheskiye kontsepty v obshhenii (Archetypal Concepts in Communication). In: Dementyev, Vadim V. (ed.) *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* (Direct and Indirect Communication). Saratov: Kolledzh, 39—52. (In Russian)].
- Лошаков А. Г. Метаконцепты и метатексты в аспекте концепции сверхтекста // Вестник Вятского гос. ун-та. 2008. № 3 (2). С. 14—18. [Loshakov, Aleksandr G. (2008) *Metakontsepty i metateksty v aspekte kontseptsiy sverkhsteksta*. (Metaconcepts and Metatexts in the Aspect of Ultratext Conception). *Herald of Vyatka State University*, 3 (2), 14—18. (In Russian)].
- Ольшанский И. Г., Мельникова О. В. Афористика как объект филологических исследований // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. 2009. Вып. 559. С. 63—80. [Ol'shanskiy, Igor G. & Mel'nikova, Oksana V. (2009) Aforistika kak obyekt filologicheskikh issledovaniy (Aphorism as an Object of Philological research). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 559, 63—80. (In Russian)].
- Орлова Е. А., Дармаева С. Н. Театральная метафора в немецком политическом медиадискурсе // Филология: научные исследования. 2018. № 1. С. 89—95. [Orlova, Yelena L., Darmayeva, Sayana N. (2018) Teatral'naya metafora v nemetskom politicheskom mediadiskurse (Theatrical Metaphor in German Political Media Dis-

- course). *Philology: Scientific Researches*, 1, 89—95. (In Russian)].
- Туманова Е. О. Вербализация идеологем в лозунгах ГДР // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 178—181. [Tumanova, Yekaterina O. (2021) *Verbalizatsiya ideologem v lozungakh GDR* (Verbalization of Ideologemes in the Political Slogans of the GDR). *Modern Science: actual problems of theory and practice*, 1, 178—181. (In Russian)].
- Туманова Е. О. Политический дискурс как метадискурс в таксономии дискурсивных практик (лингвистический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 3. С. 925—931. [Tumanova, Yekaterina O. (2023) *Politicheskiy diskurs kak metadiskurs v taksonomii diskursivnykh praktik (lingvisticheskiy aspekt)* (Political Discourse as a Meta-Discourse in the Taxonomy of Discursive Practices (Linguistic Aspect)). *Philology. Theory & Practice*, 3, 925—931. (In Russian)].
- Уфимцева Н. В. Содержание ценности «жизнь» в языковом сознании при межкультурном сопоставлении // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34). С. 116—123. [Ufimtseva, Nataliya V. (2017) *Soderzhaniye tsennosti "zhizn" v yazykovom soznanii pri mezhkul'turnom sopostavlenii* (The Content of Value "Life" in Language Consciousness in Cross-Cultural Comparison). *Journal of Psycholinguistics*, 4 (34), 116—123. (In Russian)].
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. [Chudinov, Anatoliy P. (2006) *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)].
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. доктора филол. наук: 10.02.01. Волгоград: Волгоградский гос. педагогический ун-т, 2000. [Sheygal, Yelena I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* (The Semiotics of Political Discourse). Advanced PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (In Russian)].
- Klaus, Georg. (1971) *Sprache der Politik*. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften.
- Lakoff, George. (1990) *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago; London: Chicago Press University.
- Mikulová, Anna. (2007) Expressivität. Persuasion, Metaphorik in der Sprache bioethischer Diskurse. In: Europäisches Zentrum für Föderalismus-Forschung. (ed.) *Occasional Papers. Sprache und Politik im vereinten Europa*, 34, 5—20.
- Osborn, Michael. (1967) The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric. *Western Speech*, 31, 121—131.

Yekaterina O. Tumanova
Moscow Metropolitan Governance University

Archetypal Metaphors in German-Language Political Discourse (exemplified by Political Aphorisms)

Metaphor is central to the process of political communication, influencing the mass consciousness both in cases of overt propaganda and covert manipulation. The metaphoric repertoire of political discourse is quite broad and diverse, but it invariably includes universal archetypes that influence the subconscious level of participants in communication. The archetypal metaphors that respond to basic human needs and capture the accumulated knowledge and experience of mankind traditionally include the metaphors of the natural cycle, navigation, light-dark, heat-cold, disease-health dichotomies. The aim of the study was to investigate the possibility of deploying metaphors in the low-volume political genre on the example of slogans and propaganda political posters of German parties. The aim determines the theoretical significance of the work, as it allows confirming a new linguistic hypothesis on the possibility of deploying metaphor in low-volume political discourse genres, using political aphorisms as an example for it. The main methods of research, in addition to the method of continuous sampling of political aphorisms, are the method of linguistic analysis and methods of linguocultural analysis, as well as the comparative-historical method. In political aphorisms, as political genres of small volume, various archetypal metaphors are presented, which serve the purpose of addressing traditional values, expressing the continuity of political views, responding to opponents and convincing recipients of the fidelity and honesty of their intentions. Representatives of various parties in Germany turn to archetypal metaphors related to the universal concepts of life, air and navigation in the course of their electoral struggle. On the one hand, political aphorisms present promises of a better life; on the other hand, each party tries to point out that its chosen course is the only correct one that can lead to success and prosperity. The materials of different parties' election campaigns are analyzed, and political posters are compared in diachronic aspect, which confirms the desire of party cell leaders not only to gain a foothold in the political arena, but also to influence the subconscious level of recipients' perception by appealing to the basic values for them. The result of the study is the substantiation of the theory put forward about the possibility of deploying metaphor in the small political genre, which may become the basis for further scientific research.

Keywords: political discourse; political aphorism; quote; metaphor; archetypal metaphor

Для цитирования:

Туманова Е. О. Архетипичные метафоры в немецкоязычном политическом дискурсе (на примере политической афористики) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 276—297. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-276-297.

To cite this Article:

Tumanova, Yekaterina O. (2023) Arkhetipichnyye metafory v nemetskoyazychnom politicheskom diskurse (na primere politicheskoy aforistiki) (Archetypal Metaphors in German-Language Political Discourse (exemplified by Political Aphorisms)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 276—297. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-276-297.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023; принята к публикации 30.05.2023

The article was submitted 14.04.2023; accepted for publication 30.05.2023

А. К. Филиппов, К. А. Филиппов
Санкт-Петербургский государственный университет

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА В НЕМЕЦКИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ XVII — XVIII ВВ.

Феномен личного пространства человека выступает важным звеном культуры повседневности. Во многих картинах мира, в том числе в немецкой, представление о личном пространстве человека связано с обустройством жилого и другого личного хозяйства человека, включающего не только дом, но и разнообразные хозяйственные постройки. В немецкой специальной литературе Нового времени данный феномен получил наиболее полное выражение в рамках традиции издания руководств по сельскому хозяйству и домоводству («Hausväterliteratur»). Материалом исследования послужили три немецких текста XVII — XVIII вв., принадлежащие к данной традиции — трактаты С. Губерта *Stratagema Oeconomicum, Oder Akker-Student* (1645), И. Хр. Тиме *Haus-Feld-Artzey-Koch-Kunst- und Wunder-Buch* (1687) и Ф. Ф. Флорина *Oeconomus Prudens et Legalis, oder Allgemeiner Klug-und Rechts-verständiger Haus-Vatter* (1702). Методология исследования охватывает отбор лексических единиц, относящихся к сфере жилого пространства; их формально-содержательную классификацию; семантический анализ с привлечением данных исторических словарей; для работ Губерта и Флорина — сопоставительный анализ с переводными текстами (*Лифляндская экономия* и *Флоринова экономия* соответственно). Лексическое воплощение концепта личного пространства и его компонентов в указанных произведениях включает ряд простых и составных (с компонентами *-Haus*, *-Stall* и т. п.) номинаций, соответствующих помещениям, предназначенным для проживания людей, содержания животных, а также хранения запасов, инвентаря и других объектов. Объяснение устройства и назначения этих построек регулярно осуществляется во взаимосвязи с графическим и вербальным компонентами. Интегральное рассмотрение исследуемых номинаций представляет интерес с точки зрения фрагментирования реальности в рассматриваемой тематической области и получения новых данных о немецкоязычной картине мира в указанный временной период. Сравнение данных, полученных на материале двух языков, позволяет описать сходства и различия между ними в лексико-семантическом плане и, как следствие, сопоставить фрагменты двух картин мира, реконструируемых на основе языкового материала.

Ключевые слова: лексикология; история немецкого языка; жилое пространство; культура повседневности; производственный текст

1. Теоретические основы исследования

В современных представлениях о сложном устройстве окружающего мира феномен жилого и другого личного хозяйства человека занимает особое место. Иллюстрацией взаимоотношений между разными элементами, имеющими отношение к месту обитания человека, могут служить следующие размышления Мартина Хайдеггера:

Zum Wohnen, so scheint es, gelangen wir erst durch das Bauen. Dieses, das Bauen hat jenes, das Wohnen zum Ziel. Indessen sind nicht alle Bauten auch Wohnungen. Brücke und Flughalle, Stadion und Kraftwerk sind Bauten, aber keine Wohnungen; Bahnhof und Autobahn, Staudamm und Markthalle sind Bauten, aber keine Wohnungen. Dennoch stehen die genannten Bauten im Bereich unseres Wohnens. Er reicht über diese Bauten hinweg und beschränkt sich doch wieder nicht auf die Wohnung. Der Lastzugführer ist auf der Autobahn zu Hause, aber er hat dort nicht seine Unterkunft; die Arbeiterin ist in der Spinnerei zu Hause, hat jedoch dort nicht ihre Wohnung; der leitende Ingenieur ist im Kraftwerk zu Hause, aber er wohnt nicht dort. Die genannten Bauten behausen den Menschen. Er bewohnt sie und wohnt gleichwohl nicht in ihnen, wenn Wohnen nur heißt, daß wir eine Unterkunft innehaben (HEIDEGGER 1951).

Подобное широкое понимание жилого пространства человека свойственно не только немецкой, но и русской картине мира. Б. В. Марков, анализируя так называемую культуру повседневности, включает в жилое пространство человека дом, семью, домашних животных и разнообразные хозяйственные постройки (подробнее см. [МАРКОВ 2008: 162-168]).

В контексте немецкой литературы Нового времени наиболее полное выражение концепт жилого пространства получает в пространственных руководствах, объединяющих разнообразные знания в сферах земледелия, домостроительства, ведения домашнего хозяйства и известных в немецкой историографии под общим названием «Hausväterliteratur»¹ (GRAY 2000: 52). Этот жанр специ-

¹ В основе данного литературного направления лежит понятие

альной литературы, оформившийся к XVI в. (POPPLOW 2010: 27), объединяет тексты, содержащие как теоретические знания в указанных областях, так и конкретные практические рекомендации по ведению сельского хозяйства. Тексты в жанре «Hausväterliteratur» по сути представляют собой структурированные² иллюстрированные энциклопедии по домоводству, предназначенные для хозяина усадьбы, его детей и работников.

К сказанному необходимо заметить, что в начале XVIII в., после петровских реформ, практические сведения о ведении сельского хозяйства стали востребованы и в России, тем более что такой литературы на русском языке не было вообще. П. Хоффманн справедливо замечает по этому поводу:

Anzumerken ist, dass es bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts in russischer Sprache noch keine landwirtschaftliche Literatur gegeben hat, daß Lomonosov bei der Übersetzung in sprachlicher Hinsicht häufig Neuland erschließen mußte (HOFFMANN 2011: 233).

Для настоящего исследования мы выбрали три немецких текста данного жанра — *Stratagema Oeconomicum, Oder Akker-Student* Саломона Губерта (Salomon Gubertus), *Haus-Feld-Artzey-Koch-Kunst- und Wunder-Buch* Иоганна Христиана Тиме (Johann Christian Thieme) и *Oeconomus prudens et Legalis, Oder Allgemeiner Klug- und Rechts-verständiger Haus-Vatter* Франца Филиппа Флорина (Franz Philipp Florin). Целью статьи является структурно-семантическое описание номинаций элементов жилого пространства в указанных сочинениях, а также анализ их дискурсивных особенностей.

Hausvater, обозначающее главу домашнего хозяйства. Ср. определения этого понятия, взятые из авторитетных источников конца XVIII в.: «Der Hausvater — das Haupt der häuslichen Gesellschaft, besonders in Beziehung auf seine Kinder, so wie er in Betrachtung des Gesindes Hausherr genannt wird» (ADELUNG 1796: 1037), а также «Der Hausvater — отец, хозяин дома» (НЕУМ 1798, I: 776).

² Ср.: «в 17 веке возникает тенденция переноса и в другие науки ... структурирования текста, напоминающего математическое» (АДМОНИ 1994: 106); по поводу особенностей немецкого литературного языка в указанный период см. в (ГУХМАН и др. 1984).

2. Характеристика материала и методов исследования

Из исследуемых немецких трактатов хронологически самый ранний — наставление С. Губерта о земледелии в Лифляндии *Stratagema Oeconomicum, Oder Akker-Student* (подробнее о Губерте см. [БЕРКОВ 1946: 274; ПАИНА & СОКОЛОВА 1983: 203]). Его первое издание вышло в 1645 г., однако мы обращались к 4-му изданию 1688 года, поскольку именно с него в середине XVIII в. был сделан русский перевод — рукопись *Лифляндская экономия* за подписью М. В. Ломоносова.³ Исследователями неоднократно отмечалась лексическая неоднородность текста *Stratagema Oeconomicum*. К. Уусталу указывает на наличие в нем многочисленных нижне-немецких элементов (*niederdeutsche Elemente*) (UUSTALU 1982: 151); И. Поланска отмечает прибалтийское происхождение некоторых слов в тексте Губерта (см. [POLANSKA 2002]); о том же свидетельствует справка А. Вийреса к фрагменту, содержащему перечень плотницких инструментов (VIRES 2016: 19); результаты когнитивно-дискурсивного исследования А. М. Поликарпова и Т. Я. Кузнецовой говорят о тематическом разнообразии лексики трактата (см. [ПОЛИКАРПОВ & КУЗНЕЦОВА 2016]). Сопоставительное исследование текстов *Stratagema Oeconomicum* и *Лифляндской экономии* демонстрирует определенную степень адаптации к реалиям России, выполненную переводчиком в отношении специальной лексики (см. [ФИЛИППОВ & ФИЛИППОВ 20206]).

Stratagema Oeconomicum — сравнительно небольшое по объему сочинение (224 с.) в сравнении с двумя другими нашими источниками. Так, общий объем трактата И. Хр. Тиме *Haus-Feld-Artzey-Koch-Kunst- und Wunder-Buch*, впервые изданного в 1687 г., составляет 1587 страниц. Это комплексное иллюстрированное руководство, не переведенное на русский язык, безусловно, заслуживает тщательного лингвистического анализа и ждет своих будущих ис-

³ Заглавие русского перевода отсылает к не сохранившейся до настоящего времени рукописи *Liefländische Oeconomia* рижского врача Штопиуса, которая, по свидетельству ряда исследователей, была использована Губертом при работе над трактатом (БЕРКОВ 1946: 274; HERBST: URL). По поводу вопроса об авторстве Ломоносова применительно к *Лифляндской экономии* см. (KEIPERT 1995: 214).

следователей. Наконец, книга Флорина⁴ *Oeconomus prudens et Legalis, Oder Allgemeiner Klug-und Rechts-verständiger Haus-Vatter* — еще одно пространное (1408 с.) руководство, изданное в 1702 г. и представляющее собой одно из важнейших сочинений жанра, относящихся к началу XVIII в. (TRIBE 1988: 25). Данное сочинение неоднократно рассматривалось специалистами в области науки сельского хозяйства и общества (см., например, в [GRAY 2000; HAUSHOFER 1982; MEYER 2009; TRIBE 1988; TRIBE 1995]), однако до недавнего времени (см. в [ФИЛИППОВ & ФИЛИППОВ 2020в]) не становилось предметом углубленного лингвистического анализа.

В 1738 г. вышел в свет перевод *Oeconomus prudens et legalis* на русский язык, выполненный переводчиком Академии Наук Сергеем Волчковым, под заглавием *Флоринова экономия*. При переводе текст был значительно сжат (до 320 с.), и многие фрагменты немецкого оригинала были целиком выпущены или приведены с большими сокращениями. Несмотря на это, для многих фрагментов *Oeconomus prudens et legalis* и *Флориновой экономии* удастся установить однозначное соответствие. Сопоставительный анализ этих фрагментов обнаруживает факты немецко-русской интерференции на структурно-композиционном, лексическом и синтаксическом уровнях (ФИЛИППОВ & ФИЛИППОВ 2020а).

В настоящем исследовании мы ограничимся рассмотрением вышеперечисленных оригинальных немецких текстов, в которых представлена лексика, относящаяся к сфере жилого пространства. Основные методы, используемые для анализа дискурсивных особенностей номинации из этой сферы, включают:

- отбор лексико-фразеологических единиц из исследуемых текстов по семантическому критерию;
- формально-содержательная классификация отобранных единиц;
- привлечение данных исторических словарей (И. Хр. Аделунга, И. Фр. Гледиша, братьев Гримм, И. Гейма и др.) для более полного раскрытия семантики исследуемых номинаций;
- сопоставительный анализ фрагментов оригинальных

⁴ Относительно авторства *Oeconomus prudens et legalis* см. (MEYER 2009: 231).

текстов и соответствующих фрагментов русских переводов (для работ Губерта и Флорина).

3. Особенности номинации элементов жилого пространства в немецких специальных текстах XVII—XVIII веков

В ходе исследования было установлено, что центральными понятиями лексико-семантического поля «жилое пространство» в немецком производственном дискурсе XVII — XVIII вв. выступают номинативные элементы Haus и Stall. Поэтому основное внимание было уделено дискурсивным особенностям использования этих лексических единиц в рассматриваемых текстах, а также характеристике их богатого словообразовательного потенциала.

3.1. Некоторые замечания о семантике и особенностях употребления слова Haus в немецком языке XVIII века

Номинативную единицу Haus можно с полным основанием считать ядром лексико-семантического поля «жилое пространство» в немецких трактатах по домоводству. Предварительно необходимо упомянуть, что в рассматриваемых текстах отсутствует устоявшееся написание этого слова, в них можно найти написание как через s (Haus), так и через ß (Hauß). Отметим также, что известные колебания наблюдаются также в написании ряда других слов — к примеру, некоторые из них пишутся слитно, раздельно или через дефис; ср. напр.: (Haus-Vatter и Haus Vatter, Meyerhof и Meyer-Hof) Подробнее о различных вариантах написания немецких слов в XVIII в. см. (NERIUS 2000: 310-321).

Наиболее наглядно содержание существительного Haus представлено в двуязычном немецко-русском словаре *Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon* И. Гейма (1798), составленном на основе словаря И. Хр. Аделунга:

das Haus, <...> дом, das Häuschen, домик; I.) в пространнейш. смысле: всякое хранилище, приятелище; <...> Vogelhaus, клетка птичья. Taubenhau, голубятня. II.) дом, всякое крытое строение <...> более употребительно в составлениях: Backhaus, пекарня. Bierhaus, пивоварня. Kornhaus, хлебной магазин. Waschhaus, прачечная. Gewächshaus парник и пр. III.) дом, хранина, хоромы, терем, жилищем человеку служащий; 1) вообще: Ein Haus bauen, дом строить. <...> 2) дом, где кто живет: Aus dem Hause gehen. <...> 3) все в доме живущие люди: а) Das ganze Haus lief vor das Thor, весь дом выбежал к воротам; б) домашние, фами-

лия, семья, семейство, дом: *Seinem Hause gut vorstehen* домом своим хорошо управлять <...> с) фамилия, род: *das königliche Haus*, весь королевский дом (НЕИМ 1798, I: 772).

В этом определении перечислены основные семантические характеристики слова *Haus* как в широком («всякое хранилище», «всякое крытое строение»), так и в узком («дом, жилищем человеку служащий») смысле слова. Кроме того, в нем указывается на возможность его понимания в переносном значении («все в доме живущие люди») и на богатые словообразовательные потенции («более употребительно в составлениях»).

В словаре Гейма статья «*das Haus*» представлена основным значением ‘дом’ и несколькими контекстными иллюстрациями, например, «*ein großes Haus* большой дом, *ein Haus bauen* дом строить, *nach Hause gehen* домой идти, *ich komme von Hause* я иду из дому...» и т. д. (НЕУМ 1798, II: 480). Здесь же приводится использование лексемы *Haus* в другом значении: «Иногда и значит: фамилия, род, домашние, *er ist aus einem vornehmen Hause*, он знатной фамилии» (ibid.). При этом отдельно, в другой словарной статье, представлен перевод лексемы «дома» на немецкий язык как *zu Hause* (НЕУМ 1798, I: 345).

К вышесказанному следует добавить, что в современном *Словаре паронимов* (2012) слово *Haus* упоминается как отдельная лексема в значении ‘жилье, жилище’, так и как словообразовательный элемент *Haus-* в композитах со значениями: «1. домовый, 2. домашний, 3. домовитый» (PAVLOVA & SVETIZAROVA 2012: 146).

3.2. Номинация компонентов лексико-семантического поля с центральным элементом *Haus*

Само существительное *Haus*, как становится ясно из его соотношения с другими словами из того же лексико-семантического поля, включает не только дом, где непосредственно проживает землевладелец и его семья, но скорее все поместье — постройки и прилегающую территорию. Это подтверждается прежде всего тем, что в исследуемых текстах наблюдается большое количество композитов с элементом *Haus*, конкретизирующих его значение.

В качестве примера приведем начальный фрагмент трактата Тиме, в котором сразу же говорится о доме (*Haus*) и вводится еще ряд номинаций, связанных с ним.

- (1) Die Oeconomia oder *Haushaltungs-Kunst* (so in Warheit eine der vornehmsten Künste) ist nicht anderes / als eine weisliche Anordnung / oder Wissenschaft / aller deren Dingen / so zu einer gebührlichsten und rechten Regierung der *Haushaltung* gehören / im allem / das ein *Hauswirth* in / und ausserhalb des *Hauses* besitzt oder eigen hat / daß er nicht allein sich / *sein Weib / Kinder / Gesinde / Vieh* / etc. gebüh- und nothdürfftig alimentiren und erhalten könne; sondern auch was an Einkünfftin / in einem oder andern zu prosperiren und zu erwerben sey / wisse und verstehe (ТНЕМЕ 1687: 1-2).

Сложное устройство жилого пространства находит отражение и в иллюстрациях к исследуемым текстам. Так, на рисунке приводится литография, размещенная в главе 59 второй книги трактата Флорина *Oeconomus prudens et legalis* и изображающая всевозможные виды построек на территории поместья.

Рис. Общий вид расположения построек внутри домашнего хозяйства (рисунок взят из [FLORIN 1702: 371]).

Композиты с корнем *Haus* чрезвычайно многочисленны; с точки зрения семантики можно выделить несколько их отдельных групп. Первая из них — обозначения каких-то конкретных построек на территории поместья, а также частей этих построек:

Wohn-Haus (Флорин), Meyerhaus (Флорин), Vog-Hauß (Губерт), Kleet-Hauß (Губерт), Korn-Hauß (Губерт), Tauben-Haus (Флорин), Haus-Ehren (Флорин), Malß-Haus (Флорин), Bräu-Haus (Флорин), Wein-Haus (Тиме), Bier-Haus (Тиме), Pomeranzen-Haus (Тиме).

Другая группа композитов — обозначения лиц, проживающих на территории поместья и имеющих отношение к ведению хозяйства. Помимо уже упомянутого Hausvater, которое можно найти во всех трех трактатах, и синонимичного Haus-Heer (Тиме, Флорин) сюда входит Hausmutter, т. е. хозяйка (Губерт, Тиме, Флорин), а также Hauß-Gesinde (Губерт) и Hausgenossen (Флорин).

Помимо этого, в текстах можно встретить отдельные обозначения живых существ с корнем Haus (Hauß-Vogel), неодушевленных объектов (Hauß-Buch, Haus-Regiment), а также абстрактных понятий, имеющих отношение к сфере домашнего хозяйства: Haushaltung (Губерт, Тиме), Haushaltungs-Kunst (Тиме), Hauswirth (Тиме), Hauswirthschafft (Флорин), Haus-Arbeit (Тиме), Haus-Heiligthum (Тиме).

Таким образом, корень Haus (Hauß) в указанных текстах представляет собой чрезвычайно продуктивный словообразовательный элемент, дериваты которого находятся в достаточно широком семантическом спектре. В то же время конкретным указанием на жилое помещение служит другой корневой элемент — Wohn-, а жилой дом называется Wohn-Haus. Помимо этого, в текстах можно встретить и некоторые синонимичные обозначения жилого помещения — Wohn-Losament (Губерт) и просто Wohnung (Тиме, Флорин).

Наименование (Wohn)-Losament несколько раз встречается у Губерта в контекстах, подобных приведенному в примере 2:

- (2) Wer auff einer Bächen oder stehenden See bauet / der lege das *Wohn-Losament* so an / daß weder Stuben- noch Kammer Fenster auff die Bäche gerichtet werden / sondern das Vorhauß / das soll auch nach der Bächenwerts weder Thür noch Fenster haben / sondern auff der Seiten. Wie gesund auch sonst das Bächwasser ist / so dienet doch der Dampf / der aus solchem Wassser steigt / nicht in die Losament / auch nicht in die Kleet- und Viehe Ställe (GUBERTUS 1688: 84).⁵

⁵ В русском переводе этот фрагмент дан в сокращении, ср.: «Кто

Объяснение к понятию *Losament* можно найти, в частности, в словаре братьев Гримм, где это слово трактуется как относящийся к возвышенной лексике синоним к *Wohnung* и происходящий от модного в XVI — XVII вв. французского *logement*; ср.:

losament, n. wohnung, namentlich die gemietete und die für gäste bestimmte; ein modisches wort des 16. und 17. jahrh., in den höheren gesellschaftskreisen aus dem franz. logement übernommen und in der aussprache etwas umgebildet (DEUTSCHES WÖRTERBUCH 1885: 1175).

С господским жилым домом тесно связано понятие *Meyer-Hof* (неоднократно упоминается у Флорина; в переводе Волчкова — «господский дом, или Мейер-гоф»). Как видно из приведенных примеров, у Флорина он упоминается как часть жилого дома (*Wohn-Haus*; см. примеры 3-4):

- (3) Insgesamt erfordert das *Wohnhaus* / insonderheit aber der *Meyershof* / Wassers Notdurfft (FLORIN 1702: 162).
- (4) Wobey zuletzt die Sonnen-Uhren an des *Wohn-Hauses* als *Meyer-Hofes* Wänden oder an gemissen dazu aufgerichteten Säulen den Gebäuen nicht allein eine seine Zierde / sondern auch dem Haus-Vatter und Haus-Genossen in Verrichtung ihrer Arbeit diensamen Vortheil und Nachricht geben (ibid.).

Ср. также трактовку слова *Meyer-Hof* в словаре Аделунга:

Der Meierhof, 1. An einigen Orten, der von einem Haupthofe abhängige Hof, welcher der Aufsicht eines Meiers anvertrauet ist, und in weiterer Bedeutung auch die dazu gehörigen Grundstücke; das Meiergut, die Meierey, an andern Orten ein Vorwerk. 2) In einigen Gegenden, ein Bauerhof, welcher von einem Meier auf Meierrecht besessen wird; die Meierstatt (ADELUNG 1801: 155-156).

Сложные отношения между семантикой различных номинаций с корнем *Haus* и прочими обозначениями жилых построек иллюстрирует фрагмент книги Флорина, в котором говорится о четырех типах домов (пример 5):

В свете обсуждаемой темы интересен также фрагмент Флорина о четырех типах домов:

при реке или озере хочет строиться, тому так строиться должно, чтоб окна и двери в избах и каморках не были на воду, но по сторонам; хотя речная вода и здорова, однако ж пары, от ней поднимающиеся, вредительны» (ГУБЕРТУС 1983: 96).

(5) Diesen allen werden zum Beschluß verschiedene Gebäude in Vorbildern angefüget / welche statt eines Musters und Abrisses dienen ... Das erste ist ein *freystehendes Haus*: das andere ein *Bürgerlich Wohn-Haus* / so zwischen zween Nachbarn mitten inne liget: das dritte eine *Meyerrey*: das vierdte eine *Wohnung auf dem Lande* (FLORIN 1702: 162).

Несмотря на четкое разграничение перечисляемых типов жилых построек приведенные номинации носят не терминологический, а описательный характер и выражаются свободными сочетаниями. Соответствующий фрагмент русского перевода сильно расходится с оригиналом ввиду того, что текст трактата Флорина был сильно сокращен и переработан Волчковым, однако в любом случае поучительно проследить, какие эквиваленты подбирает русский переводчик для передачи разницы в местоположении и назначении перечисляемых объектов (пример 6):

(6) При семь надобно упомянуть и о *загородномъ*, также *деревенскомъ*, и *боярскомъ двореъ* ... о чемъ обстоятельно покажемъ пространнымъ рисункомъ, и при томъ присовокупимъ извѣстїе, о *домъ въ городъ*, о *загородномъ одинакомъ*, и о *господскомъ двореъ въ деревнѣ*, для того: что въ томъ не малая есть разность (ФЛОРИНОВА ЭКОНОМИА 1738: 43).

Отдельную группу в рассматриваемых немецких трактатах составляют обозначения хозяйственных построек, предназначенных не для жилья, а для хранения запасов, ремесленной деятельности и прочих хозяйственных нужд — *Stub*, *Kammer*, *Speiß*, *Cloacken*, *Stadel*, *Scheuer*, *Getreid-Kasten*, *Dorr-Stube*, *Wein-Press*, *Oel-Press*, *Waschküche*, *Backhäusel*, *Badhäusel*, *Wagen-Leitern*, *Holtz-Schopffen* и др. На периферии поля жилых построек также находится лексика с компонентом *Vau*, относящаяся к процессу строительства — *Vau-Herr*, *Vau-Meister*, *Vau-Kunst*.

3.3. Номинация компонентов лексико-семантического поля с центральным элементом *Stall*

Из номинаций, которые обозначают постройки, не предназначенные для проживания людей, выделяется элемент *Stall*. Он, как и элемент *Haus*, чрезвычайно продуктивен и служит для обозначения мест содержания различных домашних животных (скота и птицы). Среди немецко-русских и русско-немецких лексикографических справочников понятие *Stall* 'хлев' наиболее

полно раскрыто во втором значении в двуязычном немецко-русском словаре *Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon* (1798):

der Stall. 2. <...> 1) (в старину) место, комната; от того: der Stallbruder товарищ; 2) конюшня, и хлев: der Pferdestall, Kuhstall, Hühnerstall и пр.: лошадиная конюшня, конюшенная, все к конюшне принадлежащие дворы, лошади и люди; от того: der Stallsecretär, Stallapothecker, конюшенной секретарь, конюшенной аптекарь (HEIM 1798, II: 555).

В то же самое время в русско-немецком словаре Гейма словарная статья «хлев» содержит три номинации, включающие одно общее и два конкретных наименования: «Хлѣв <...> ein Stall, свиной хлев ein Schweinestall, коровий хлев der Kuhstall» (HEUM 1801: 2203). Позднее на первое место выходит иная трактовка этого слова; ср. определение в *Полном русско-немецком словаре* И. А. Е. Шмидта (1844): «Stall, m. (Pferdestall) конюшня, (für anderes Vieh) хлев» (SCHMIDT 1844: 335). Наконец, в современном *Словаре паронимов* (2012) приводится целый ряд русских соответствий немецкого слова Stall: «хлев, сарай, коровник, конюшня, свинарник, курятник» (PAVLOVA & SVETOZAROVA 2012: 56), что свидетельствует о его применении в качестве гиперонима к другим обозначениям помещений для содержания домашних животных и птиц.

В исследуемых текстах корень Stall встречается как отдельно, так и в составе разнообразных обозначений построек. Ниже приводится показательный фрагмент, взятый из самого начала главы XXXV, книги 2 «Von den Ställen / in sonderheit Pferd- und Rind-Ställen / dem Schaf-Stall und den Schwein-Ställen» в трактате Флорина, посвященный обустройству хлевов и других помещений для содержания животных (пример 7):

(7) Cap. XXXV. Von den *Ställen* / in sonderheit *Pferd-* und *Rind-Ställen* / dem *Schaf-Stall* und den *Schwein-Ställen*

Inhalt. § 1. Wie mancherley die *Ställe* nach dem Namen, dem Gebäu und der Zeit ihrer Benennung. § 2. Von ihrer Gelegenheit oder Ständen gegen Morgen und gegen Mittag. Deren Vergleichung. § 3. Ob in den *Ställen*, zumal *Pferd-Ställen*, keine Eröffnung an der Abend-Seite zu lassen. § 4. Anmerkungen oder Regeln von *Pferd-Ställen*. § 5. Von den *Ställen der Stutten und Füllen* insonderheit. § 6. Von *Küh-Ställen* insonderheit und deren schädlicher Verfinsterung. § 7. Vom

Schaf-Stall und dessen Gelegenheit, Oeffnungen, Weitschaft, Abtheilung und Unterscheidung in gewisse Gurten und *Ställe für Lämmer, Hämmel und Widder*, item *kranke Schafe*. Den Bahren. Des *Stalls-Verwahrung*. Luft-Löcher. Vom obern Boden. Sondern Schäfer-Höfen, samt einem Anhang von *Ziegen- und Böck-Ställen*. § 8. Von *Schwein-Ställen*, und ihrer Bau-Zugehörung (FLORIN 1702: 272).

Основные обозначения построек для содержания животных с корнем *Stall*, зафиксированные в трех исследуемых текстах, включают номинации: *Pferd-Stall* (Тиме, Флорин), *Küh-Stall* (Флорин), *Rind-Stall* (Флорин), *Schaf-Stall* (Флорин), *Ziegen-Stall* (Флорин), *Böck-Stall* (Флорин), *Schwein-Stall* (Флорин), *Vieh-Stall* (Губерт), *Gänse-Stall* (Губерт, Флорин).

Фиксируются также отдельные употребления *Stall* в наименовании элемента соответствующей постройки (*Stall-Thür*, Губерт) и в абстрактном существительном (*Stalls-Verwahrung*, Флорин). Как можно видеть, корень *Stall* несколько шире по семантике, нежели его эквивалент хлев, не употребляемый, в частности, в качестве наименования помещения для лошадей (*Pferd-Stall* 'конюшня').

Композиты с корнем *Stall* составляют основную часть группы названий построек для содержания животных. Помимо этого, данная лексическая категория представлена такими элементами как *Tauben-Haus* (Губерт, Тиме, Флорин), *Tauben-Quartier* (Флорин), *Taubenschlag* (Губерт), *Hünerkobel* (Флорин), *Hund-stallung* (Флорин). Далее мы более подробно остановимся на первом из этих обозначений как примере необычного сочетания компонентов номинации элемента жилого пространства. Также он может служить иллюстрацией тщательно проработанного описания утилитарного объекта в тексте, принадлежащем к жанру «*Hausväterliteratur*».

3.4. Номинация Tauben-Haus

В данном разделе мы рассмотрим содержательные особенности композита *Tauben-Haus*, занимающего особое место среди номинаций построек для домашних животных и птиц. Особенность данного композита состоит в использовании в качестве опорного элемента слова не корневой морфемы *Stall*, подобно целому ряду номинаций типа *Kuh-Stall*, *Pferd-Stall*, *Hüner-Stall*,

Gänse-Stall и т. д., а корневой морфемы Haus, которая используется, как было показано выше, почти исключительно по отношению к жилым постройкам человека.

На рисунке, изображающем общий вид хозяйского поместья (см. раздел 3.2.), наряду с другими жилыми и хозяйственными постройками можно разглядеть изображение голубятни в виде маленького домика, расположенного на столбе. В тексте *Oeconotus prudens et legalis* Флорина имеется подробное описание этого сооружения. Сочетание вербального текста и визуального изображения часто встречается в трактатах по домоводству и в целом характерно для экономического дискурса (КУССЕ 2022: 341).

Согласно этому описанию, голубятни представляют собой каменную или деревянную («entweder von Mauer-Werk oder von Holz») постройку, возведенную на одном, двух или четырех столбах («auf eine oder auf zwo, oder auch vier Seulen aufgerichtet»), поверх которых ставится ящик («darauf oben der Kasten»), оббитый досками («mit Brettern verschlagen»). Опоры голубятни имеют круглую, иногда четырех-, шести- или восьмиугольную форму («bald rund, bald einer vier- sechs- oder achteckichten Form»). При этом круглым опорам отдается предпочтение, «потому что мыши и крысы не могут так же легко зацепиться за них и вскарабкаться наверх, как по угловым опорам» («weil daran die Mäuse und Ratzen nicht so leicht hafften und aufklettern können, wie an den Ecken») (FLORIN 1702: 279). Далее на протяжении нескольких страниц описываются породы голубей, способы их разведения, выведения птенцов и другие особенности содержания.

Объем статьи не позволяет привести полное описание голубятен в рассматриваемых немецких первоисточниках. На наш взгляд, целесообразно привести текст фрагмента, в котором кратко перечисляются основное предназначение голубятен; этот фрагмент взят из главы «О конюшне, хлевах и голубятне» *Флориновой экономики* (пример 8):

- (8) Голубятня имеет во двор на особливом и веселом месте построенна, на ночь замкнута, и сеткою накрыта быть. Понеже как люди, так кошки, лисицы, выдры, ястреб, и сова, голубей по ночам таскают. Сие голубям весьма покойно, ежели блиско вода у них есть,

а корм надобно им по вся дни свежей ставить, и для того нарочного человека содержать, которой бы голубятню в своем смотреении со всякою чистотою и бережением имел, хотя о строении голубятен довольно известно, однакоже их надобно так делать, чтоб всякой голубь, а особливо голубка для высиживания детей, особое гнездо имела (ФЛОРИНОВА ЭКОНОМИА 1738: 70).

Как мы видим, в переводе Волчкова отражены основные характеристики помещения для содержания голубей, представленные в первоисточнике: 1) расположение в отдельном месте рядом с источником воды, 2) обеспечение безопасности птиц от хищников и людей, 3) содержание помещения в чистоте, 4) предусматривается особое место для высиживания птенцов.

Для сравнения приведем параллельные фрагменты из *Stratagema Oeconomicum* Губерта и из *Лифляндской экономии* Ломоносова, где информация о голубятнях помещена в главу «Von den Tauben» («О голубях») и занимает весьма незначительное место, причем непосредственно о помещении для содержания голубей только следующее:

- (9) Der Taubenschlag sol also angeleget seyn / daß die Katzen und Diebe nicht darzu kommen können. Das Dach sol weiß seyn. Das Tauben-Haus sol man rein halten (GUBERTUS 1688: 182).
- (10) Голубятню так делать, чтоб ни кошки, ни воры туда прийти не могли, в кровлю выбелить и голубятню чисто держать. <...> Они [голуби] в уединенном месте лучше водятся (ГУБЕРТУС 1983: 136).

Таким образом, Губерт (и вслед за ним Ломоносов) выделяет три главных условия содержания голубей: во-первых, это безопасность от кошек и воров, во-вторых, необходимость содержания в чистоте, и, в-третьих, обособленное место расположения голубятни.

Конечно, два представленные описания в переводных текстах Волчкова и Ломоносова не идут ни в какое сравнение с подробным описанием голубятни в первоисточниках *Oeconomicus Prudens*. Относительно первого мы можем предположить, что сама тема содержания голубей показалась переводчику весьма незначительной по сравнению с грандиозными планами хозяйственного переустройства России, начертанными императором Петром I. Поэтому данный предмет не получил подробного из-

ложения во *Флориновой экономике*.

4. Выводы и перспективы дальнейшего исследования

1. В центре лексико-семантического поля «жилое пространство» в немецком языке XVII — XVIII вв. располагается существительное *Haus*. Понятие *Haus* включает не только жилой дом, но и прилегающую территорию с расположенными на нем объектами. В то же самое время в многочисленных композитах с корнем *Haus* его значение конкретизируется.

2. Следующим продуктивным элементом лексико-семантического поля «жилое пространство» выступает корневая морфема *Stall*, служащая для обозначения мест содержания домашних животных — скота и птицы.

3. Кроме того, в круг лексики, имеющей отношение к жилому пространству, относятся общие обозначения построек, наименования их компонентов, а также слова, относящиеся к процессу строительства.

4. В качестве наглядного способа объяснения устройства и функционального назначения объектов жилого пространства регулярно используется визуальное представление описываемого жилого объекта во взаимосвязи с графическим и вербальным компонентами сообщения.

5. Перспективы дальнейших исследований могут заключаться в том числе в дальнейшем изучении способов интеграции графических компонентов в вербальный контекст на материале исторических текстов различной лингвотипологической и функционально-прагматической направленности.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. [Admoni, Vladimir G. (1994) *Sistema form rechevogo vyskazyvaniya* (System of Speech Utterance Forms). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Берков П. Н.* Ломоносов и «Лифляндская экономика» // Ломоносов: сборник статей и материалов. [Сб.] 2 / ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского. М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 271—276. [Berkov, Pavel N. (1946) Lomonosov i "Liflyandskaya ekonomiya" (Lomonosov and "Livonian economy"). In: Andreyev, Aleksandr I. & Modzalevskiy, Lev B. (eds) *Lomonosov: sbornik statei i materialov* (Lomonosov: Collect-

- ed Articles and Materials). Collection 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 271—276. (In Russian)].
- Гухман М. М., Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С. История немецкого литературного языка XVI — VIII вв. М.: Наука, 1984. [Gukhman, Mirra M.; Semenyuk, Nataliya N. & Babenko, Nataliya S. (1984) *Istoriya nemetskogo literaturnogo yazyka XVI — XVIII vv.* (History of the Standard German Language of 16th to 18th Centuries). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Кусце Х. Культуроведческая лингвистика. М.: Гнозис, 2022. [Kuße, Holger. (2022) *Kul'turovedcheskaya lingvistika* (Culture Studies Linguistics). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Марков Б. В. Культура повседневности: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2008. [Markov, Boris V. (2008) *Kul'tura povesdnevnosti: uchebnoye posobiye* (Everyday Culture): Textbook. Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Паина Э. С., Соколова Н. В. Примечания: К № 9 [«Лифляндской экономии»] // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 11 / отв. ред. Г. Е. Павлова. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1983. С. 202—211. [Paina, Eleonora S. & Sokolova, Natal'ya V. (1983) Primechaniya: K No. 9 [“Liflyandskoj ekonomii”] (Comments to No. 9 [“Livonian Economy”]). In Pavlova, Galina E. (ed.) *Lomonosov M. V. Polnoye sobraniye sochineniy* (Mikhail Lomonosov. Complete Works). In 11 vols. Vol. 11. Leningrad: Nauka, 202—211. (In Russian)].
- Поликарпов А. М., Кузнецова Т. Я. Немецкоязычный сельскохозяйственный дискурс в XVII в. (на материале трактата Соломона Губерта «Stratagema Oeconomicum oder Akkerstudent») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016, (4). С. 5—15. [Polikarpov, Aleksandr M. & Kuznetsova Tat'yana Ya. (2016) Nemetsko-yazychnyy sel'skokhozyaistvennyy diskurs v XVII veke (na materiale traktata Solomona Guberta “Stratagema oeconomicum oder Akkerstudent”) (18th Century German-language Agricultural Discourse (based on “Stratagema Oeconomicum oder Akkerstudent” by Solomon Gubert)). *IKBFU's Vestnik*, 4, 5—15. (In Russian)].
- Филиппов А. К., Филиппов К. А. К вопросу об интерференции немецкого и русского научных дискурсов XVIII в. (на материале текстов «Oeconomus Prudens» и «Флоринова Экономия») // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 17: Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном

- культурном пространстве / ред. А. В. Иванов. М.: Флинта, 2020а. С. 191—207. [Filippov, Andrei K., & Filippov, Konstantin A. (2020a) On Interference of 18th Century German and Russian Scientific Discourses (As exemplified by *Oeconomus prudens* and *Florinova ekonomia*). In: Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 17. Moscow: Flinta, 191—207. (In Russian)].
- Филиппов А. К., Филиппов К. А. Специальная лексика в Лифляндской экономике М. В. Ломоносова в сопоставлении с трактатом С. Губерта *Stratagema oeconomicum* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020б. 17 (1). С. 102—121. [Filippov, Andrei K. & Filippov, Konstantin A. (2020b) Special Vocabulary of *Lifliandskaia ekonomii* by M. Lomonosov in Comparison with *Stratagema oeconomicum* by S. Gubert. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17 (1), 102—121. (In Russian)]. doi: 6.10.21638/spbu09.2020.107
- Филиппов А. К., Филиппов К. А. Структурно-композиционные особенности двух специальных текстов XVIII в. (сопоставительное исследование на материале немецкого и русского языков) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020в. № 4 (97). С. 188—201. [Filippov, Andrei K. & Filippov, Konstantin A. (2020c) Compositional Features of two 18th Century Specialized Texts (a Comparative Study on German and Russian Languages). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 4 (97), 188—201. (In Russian)].
- Gray, Marion W. (2000) *Productive Men, Reproductive Women: The Agrarian Household and the Emergence of Separate Spheres during the German Enlightenment*. New York; Oxford: Berghahn Books.
- Haushofer, Heinz. (1982) Das Problem des Florinus. *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie*, 30, 168—175.
- Heidegger, Martin. (1951) *Bauen. Wohnen. Denken*. Retrieved from <https://docplayer.org/24892585-Martin-heidegger-bauen-wohnen-denken.html>.
- Herbst, Klaus-Dieter. *Biobibliographisches Handbuch der Kalendermacher von 1550 bis 1750*. Retrieved from <https://www.presseforschung.uni-bremen.de/dokuwiki/doku.php?id=Startseite>.
- Hoffmann, Peter. (2011) *Michail Vasil'evič Lomonosov (1711—1765). Ein Enzyklopädist im Zeitalter der Aufklärung*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Keipert, Helmut. (1995) Lomonosov und die *Lifljandskaja ekonomija*. In: Harrer, Klaus; Schaller, Helmut W. (eds) *Marburger Abhandlungen zu*

- Osteuropa*. Bd. 36: Festschrift für Hans-Bernd Harder zum 60. Geburtstag. München: Otto Sagner, 213—222.
- Maas, Utz. (1995) Ländliche Schriftkultur in der frühen Neuzeit. In: Gardt, Andreas; Mattheiher, Klaus J. & Reichmann, Oskar. (eds) *Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien*. Tübingen: Niemeyer, 249—277.
- Meyer, Torsten. (2009) Cultivating the Landscape: the Perception and Description of Work in Sixteen- to Eighteen German 'Household Literature' (*Hausvaterliteratur*). In: Ehmer, Joseph & Lis, Catharina. (eds) *The Idea of Work in Europe from Antiquity to Modern Times*. London: Ashgate, 215—244.
- Nerius, Dieter. (ed.) (2000) *Deutsche Orthographie*. Leipzig: Dudenverlag.
- Polanska, Ineta. (2002) *Zum Einfluss des Lettischen auf das Deutsche im Baltikum*. PhD thesis in Philology. Bamberg: The University of Bamberg.
- Popplow, Marcus. (2010) Die Ökonomische Aufklärung als Innovationskultur des 18. Jahrhunderts zur optimierten Nutzung natürlicher Ressourcen. In: Popplow, Marcus. (ed.) *Landschaften agrarisch-ökonomischen Wissens: Strategien innovativer Ressourcennutzung in Zeitschriften und Sozietäten des 18. Jahrhunderts*. Münster: Waxmann: 3—48.
- Tribe, Keith. (1988) *Governing Economy: The Reformation of German Economic Discourse, 1750—1840*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tribe, Keith. (1995) *Strategies of Economic Order: German Economic Discourse, 1750—1950*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Uustalu, Koidu. (1982) Niederdeutsche Elemente in Baltisch-Deutsch des XVII. Jh. *Tartu riikliku ülikooli toimetised* (Academic Notes of Tartu State University). Vihik 619. Kõrvutava ja rakenduslingvistika küsimusi (Iss. 619. Issues of Comparative and Applied Linguistics). Tartu: Tartu State University, 151—158.
- Viires, Ants. (2016) *Woodworking in Estonia: Historical Survey*. Fort Mitchell: Lost Art Press.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Губертус С. Лифляндская экономия / пер. М. В. Ломоносова // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 11, дополнительный, справочный: Письма. Переводы. Стихотворения. Указатели. М.; Л.: АН СССР, 1983. С. 71—152. [Gubertus, Salomono. (1983) Lifyandskaya ekonomiya (Livonian Economy); trans. by M. V. Lomonosov. In: *Lomonosov M. V. Polnoye sobraniye sochineniy* (Lomonosov M. V. Complete Works). In 11 vols. Vol. 11. (Supplementary, reference): Letters. Translations. Poems. Indexes. Moscow; Leningrad:

- USSR Academy of Sciences, 71—152. (In Russian)].
- Флоринова Экономика с немецкаго на российской язык сокращенно переведена и напечатана повелением... имп. Анны Иоанновны... / пер. С. С. Волчкова. СПб.: Императорская Академия Наук, 1738. [Florinova Ekonomia s nemetskogo na rossiyskoj yazyk sokrashchenno perevedena i napechatana poveleniyem... imp. Anny Ioannovny... (Florin's Economy from German to Russian, abridged translated and published by the order of... Emperor Anna Ioanovna...); trans. by Sergey. S. Volchkov. (1738). Saint Petersburg: The Imperial Academy of Science.
- Florin, Franz Philipp. (1702) *Oeconomus prudens Et Legalis. Oder Allgemeiner Klug- und Rechts-verstandiger Haus-Vatter, bestehend In Neun Buchern*. Nurnberg; Frankfurt und Leipzig: Verlegung Christoph Riegels.
- Gubert, Salomon. (1688) *Stratagema Oeconomicum, Oder Akker-Student, Denen jungen, ungeübten Akkers-Leuten in Lieffland, zum nöthigen Unterrichte, vermittelt vieljährigen Observationibus, auch fürnehmer Philosophorum Placitis dargestellet*. Riga: Georg Mattias Nöller.
- Thieme, Johann Christoph. (1687) *Haus-Feld-Artzey-Koch-Kunst- und Wunder-Buch, in zwanzig Abtheilungen enthalten*. Nürnberg: J. Hofmann.

Словари / Wörterbücher / Dictionaries

- Adelung, J. Chr. (1801) *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart*. Pt. 4. Leipzig: Breitkopf u. Härtel. [2nd ed.]
- Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Bd. 12, Sp. 1175—1176. Retrieved from <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB#4>.
- Heym, Johann. (1798) *Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammattikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet... herausgegeben von einer Gesellschaft von Gelehrten*. 2 Bde. Riga: C. J. G. Hartmann.
- Heym, Johann. (1801) *Vollständiges Russisch-Deutsches Wörterbuch, nach dem großen Wörterbuche der Russischen Akademie bearbeitet von Johann Heym*. Zweyter oder Russisch-Deutscher Theil. Riga: C. J. G. Hartmann.
- Pavlova, Anna V. & Svetozarova, Nataliya D. (2012) *Paronym-Wörterbuch: deutsch-russisch und russisch-deutsch*. Berlin: SAXA.
- Schmidt, Johann Adolf Erdmann. (1844) *Vollständiges russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen*. Th. 2. Deutsch-Russisch. Leipzig: Karl Tauchnitz.

Andrei K. Filippov, Konstantin A. Filippov
Saint Petersburg State University

Discursive Features of Living Space Nomination in German Specialized Texts of the 17th — 18th Centuries

The phenomenon of personal space is an important component of everyday culture. In many pictures of the world, including the German one, the idea of personal space is associated with the arrangement of a person's residential and other personal households, which includes not only a house, but also various outbuildings. In the German specialized literature of the Modern Age, this phenomenon was most fully expressed within the tradition of publishing manuals on agriculture and home economics ("Hausväterliteratur"). The material of the study was three German texts of the 17th — 18th centuries belonging to this tradition — *Stratagema Oeconomicum, Oder Akker-Student* by S. Gubertus (1645), *Haus-Feld-Artzey-Koch-Kunst- und Wunder-Buch* by J. Chr. Thieme (1687) and *Oeconomus Prudens et Legalis, oder Allgemeiner Klug-und Rechts-verständiger Haus-Vatter* by F. F. Florin (1702). The research methodology includes the selection of words and phrases related to the sphere of living space; their formal and semantic classification; an analysis using data from historical dictionaries; a comparative analysis of works by Gubertus and Florin and their Russian translations (*Liflyandskaya ekonomiya* and *Florinova ekonomiya*, respectively). Words and expressions referring to the concept of personal space and its components in these works includes a number of simple and compound nominations (with components -Haus, -Stall, etc.) corresponding to places intended for human habitation, keeping animals, as well as storing supplies, inventory and other items. The explanation of the structure and purpose of these buildings is regularly carried out with the help of the graphic and verbal components. An integral consideration of the studied nominations is beneficial for the task of fragmenting reality in the thematic area under consideration and obtaining new data on the German-speaking picture of the world in the specified time period. Comparison of the data obtained on the material of two languages makes it possible to describe the similarities and differences between them in terms of vocabulary and semantics and, as a result, to compare fragments of two pictures of the world reconstructed on the basis of the linguistic material.

Keywords: lexicology; history of the German language; living space; everyday culture; Hausväterliteratur

Для цитирования:

Филиппов А. К., Филиппов К. А. Дискурсивные особенности номинации элементов жилого пространства в немецких специальных текстах XVII — XVIII вв. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 298—319.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-298-319.

To cite this Article:

Filippov, Andrei K. & Filippov, Konstantin A. (2023) Diskursivnyye osobennosti nominatsii elementov zhilogo prostranstva v nemetskiikh spetsial'nykh tekstakh XVII — XVIII vv. (Discursive Features of Living Space Nomination in German Specialized Texts of the 17th — 18th Centuries). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 298—319. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-298-319.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; принята к публикации 18.03.2023

The article was submitted 01.03.2023; accepted for publication 18.03.2023

Т. С. Щербина

Калужский государственный университет

СПОРТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ НЕМЕЦКИХ ЖЕНЩИН-ПОЛИТИКОВ

В работе проводится анализ высказываний немецких женщин-политиков, а также цитат немецких общественных деятелей о женщинах-политиках в контексте политического и примыкающих к нему других дискурсов. Структура политического дискурса рассматривается с учетом методологических подходов к интерпретации данного понятия. Целью настоящего исследования является анализ использования спортивных метафор немецкими женщинами-политиками и общественными деятелями в высказываниях о представительницах государственной власти в рамках политического дискурса, употребляемых для придания суждению большей выразительности, экспрессивности и убедительности. Методологической базой исследования выступают дискурсивный, компонентный, концептуальный, семантический, классификационный, лексикографический и контекстологический методы анализа. Приводится рабочее определение политического дискурса, описываются его корреляции со спортивным дискурсом и экстралингвистические факторы, обуславливающие такое взаимодействие. Участники политической коммуникации показаны с позиции «агентов» и «клиентов», осуществляющих продуктивную и рецептивную деятельность соответственно. Делается вывод о том, что понятийная сфера «спорт» относится к числу наиболее продуктивных источников современной политической метафоры. Исследуется возможность оязыковления определенных «профессиональных» политических ситуаций посредством использования спортивных метафор (бокса, футбола, армрестлинга). Анализируется прагматический потенциал метафор, выявляется основная функция политического дискурса (персуазивная), для реализации которой употребляются исследуемые языковые средства. В ходе анализа высказываний устанавливается связь между политическими и спортивными событиями, корреляция между спортивными правилами и политическими ситуациями. Обозначены перспективы дальнейшего исследования рассматриваемой проблематики в сопоставительном аспекте на материале других языков, например, русского языка, с целью выявления зон совпадения и расхождения в концептуализации политической действительности через метафоры спорта.

Ключевые слова: политический дискурс; спортивный дискурс; дискурс женщин-политиков; спортивная метафора; персуазивная функция; немецкий язык

1. Введение

Политическая коммуникация как сложный и неоднозначный феномен действительности представляет собой дискурсивную практику, в которую прямо или опосредованно вовлечено большое количество участников. Современные общества находятся во власти политического дискурса, поскольку реализация интересов социальных групп, регулирование и упорядочение процессов и отношений в социуме происходит в непосредственной связи с областью политики.

Политика неразрывно связана с проявлением властных отношений в обществе, созданием определенных структур и государственных общественных институтов, взаимодействием политиков и населения. Дискурсивные практики в определенных ситуациях не могут обойтись без языка политики, поскольку политика является одним из главных инструментов принятия решений в целях достижения компромисса.

Политика характеризуется борьбой за власть и лидерство в общественном мнении, что достигается с помощью использования определенных языковых средств. Например, очевидным выбором причастных к политическому дискурсу участников становится использование броских слов, запоминающихся лозунгов, ярких фраз, которые содержат определенные политические оценки тех или иных ситуаций. Об этом в одном из своих исследований говорит известный немецкий лингвист А. Буркхардт:

...Politik ist ein Streit um Einfluß und Interessen, ein Kampf um Macht und Meinungsführerschaft, der von den Parteien mit sprachlichen Mitteln ausgefochten wird. Wo Interessenkonflikte bestehen und mit publizistischen Mitteln ausgetragen werden müssen, liegt der Griff zur plakativen Bezeichnung, zum Einprägsamen, zugleich politische Bewertungen enthaltenden Schlagwortnahe (BURKHARDT 2001).

Политический дискурс оказывает определенное коммуникативное воздействие на представителей общества. Обсуждение и разрешение различных внутри- и внешнеполитических вопросов и проблем также реализуется преимущественно в рамках поли-

тического дискурса. Политический дискурс можно представить как «процесс кодирования-декодирования информации, связанной с отстаиванием интересов определенного класса с использованием аппарата власти» (РАВОЧКИН 2018: 246). Политический дискурс интерпретируется некоторыми лингвистами как единый всеобъемлющий процесс. Например, об этом говорит немецкий исследователь Й. М. Бекер: «*Politisches Sprechen ist immer ein einheitliches, zusammenhängendes und umfassendes Gesamtphänomen, das sich als politischer Diskurs konzipiert*» (БЕКЕР 2004: 34).

Политический дискурс представляет интерес с точки зрения его организации, а также лингвистического анализа на предмет использования различных языковых средств «клиентами» и «агентами» (по В. А. Карасику) политической коммуникации. Определенные языковые средства используются в контексте политического дискурса с целью привлечения внимания общественности к конкретной проблеме посредством формирования в сознании индивидуумов ярких образных ассоциаций.

Немецкий исследователь Х. Куссе дает следующую дефиницию понятию «политический дискурс», которая в данной работе принимается в качестве рабочего определения: «*Mit politischem Diskurs werden Ereignisse, Zustände und Handlungen und <...> Verhalten als erwünscht oder unerwünscht, geboten oder verwerflich bewertet*» (КУСЕ 2012: 127). Определение профилирует факт наличия конкретных конституирующих признаков политического дискурса: описание различных политических событий, явлений, действий, их интерпретация, оценка и иные особенности.

Политический дискурс, наряду с другими разновидностями дискурса (юридический, военный, педагогический, религиозный, рекламный и др.) характеризуется определенным набором функций, манифестирующих его роль в вербальной коммуникации. В. Дикманн устанавливает в качестве главной функции данного вида дискурса персуазивную: «*...und das sprachliche Handeln in der Politik ist Sprechen in persuasiver Funktion*» (ДИЕКМАНН 1981: 138). Персуазивная функция направлена на убеждение адресата, ее назначение заключается в том, чтобы влиять на сознание общественности, вследствие чего политикам удастся достичь поставленной цели в преподнесении обществу той или иной ин-

формации и внушении коммуникативному партнеру — обществу — своей точки зрения. Е. И. Шейгал также обращает внимание на факт наличия персуазивной функции в политическом дискурсе наряду с регулятивной, рассматривая политический дискурс в качестве особого типа общения с характерной для него высокой степенью манипулирования (ШЕЙГАЛ 2000: 49).

Политический дискурс многогранен и неоднозначен, поскольку является достаточно сложным объектом исследования, лежащим на пересечении различных наук — лингвистики, социальной психологии, политологии. Использование тех или иных языковых средств в рамках политической коммуникации обусловлено их колоссальным потенциалом в наделении высказываний необходимой смысловой нагрузкой. Выбор определенных языковых средств в процессе реализации политического дискурса на практике зависит, главным образом, от его стратегии — борьбы за власть или удержания власти — следовательно, использование определенных броских выражений, прецедентных высказываний или «кричащих» лозунгов в политической коммуникации является оправданным (ВОЛОБУЕВ 2015). Конкретные выражения, используемые в политическом дискурсе,

...становятся для коммуниканта своего рода средством верификации — для себя лично, по крайней мере, — правомерности / корректности / обоснованности / возможности / продуктивности результатов своего осмысления ситуации, выражением обратной связи с партнером по коммуникации, оценки соответствия между намерением (планом действий) и реализацией этих действий в реальности (ГРИШАЕВА 2017: 19).

Изучением политического дискурса занимаются многие лингвисты, в числе которых Е. И. Шейгал, В. А. Маслова, М. В. Ильин и др. Среди зарубежных ученых можно выделить работы таких исследователей как А. Буркхардт, Дж. Уилсон, Т. А. ван Дейк и др. В отечественном и зарубежном языкознании политический дискурс рассматривается как междисциплинарная область исследований, которая характеризуется специфическим набором используемых языковых средств в зависимости от конечной цели дискурсивной практики. Основными аспектами исследования политического дискурса являются изучение особен-

ностей его организации, изучение стратегий и речевых тактик политического дискурса, а также установление коммуникативных функций политических высказываний.

Многие политики в процессе оязыковления тех или иных «профессиональных» ситуаций обращаются к использованию ряда средств, которые помогают им в донесении своей позиции до сознания каждого представителя социума, убеждая их в правильности выдвигаемой точки зрения и реализуя персуазивную функцию политического дискурса на практике. Среди используемых в рассматриваемом контексте языковых средств большую значимость имеют *спортивные метафоры*.

В настоящее время спорт возведен в ранг мирового глобального феномена, поэтому не удивительно, что спортивная метафорика, базирующаяся на использовании спортивной терминологии в качестве области-источника (донора), пользуется популярностью во многих дискурсивных практиках. Об этом в одном из своих исследований говорят А. Буркхардт и П. Шлобински: «Sport ist ein dominierendes Phänomen unserer Alltags- und Freizeitkultur. [...] Man kann sich dem Sport und seiner Sprache nicht entziehen» (BURKHARDT & SCHLOBINSKI 2009: 7).

Спортивные метафоры в политическом дискурсе активно изучаются. Исследованием функционирования спортивных метафор в политической коммуникации занимаются такие отечественные лингвисты как А. П. Чудинов, Н. Г. Шехтман, Р. В. Белютин и др. Среди зарубежных исследователей данного вопроса выделим работы А. Буркхардта, Й. Брассе, Д. Пирсл и др.

Специалисты отмечают, что роль спортивной метафоры в политическом дискурсе довольно значима, поскольку язык спорта и язык политики часто пересекаются в различных дискурсивных практиках при вербальной оценке политических ситуаций. В политическом дискурсе используется внушительное количество спортивных метафор: «The language of politics is abundant in sports metaphors... Across the political sphere, the language of sport often doubles as the language of politics» (PIRŠL & 2017: 124).

Отечественные лингвисты также сходятся во мнении, что использование спортивных метафор в политической коммуникации в настоящее время является повсеместным, поскольку

сфера спорта представляет богатый источник языкового материала для построения концептуальных связей в метафорическом осмыслении и сопоставлении спортивного и политического коммуникативного пространства; ср.: «Спорт составляет одну из важнейших форм коммуникативной интеракции в обществе» (БЕЛЮТИН 2010: 87); «К числу наиболее продуктивных источников современной политической метафоры относится и понятийная сфера «спорт» (ЧУДИНОВ 2001: 27).

Употребление спортивных метафор в политическом дискурсе способствует большому влиянию на общественное сознание, вследствие чего они часто могут включаться в заголовки статей в СМИ, лозунги политических партий в предвыборных кампаниях, речи политиков. Следовательно,

спортивная метафорическая концептуализация накладывается на общий уровень категоризации в коллективе, она становится эффективным способом трансфера и управления специальными знаниями (БЕЛЮТИН 2010: 91).

Исследователи также рассматривают метафору в когнитивном аспекте, подчеркивая одну из ее основных функций — познания окружающей действительности посредством формирования категориального мышления («креативно-познавательная функция» когнитивной метафоры в терминологии американского логика М. Блэка). Российские и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что с помощью метафорического мышления осуществляется когнитивная деятельность человека. Например, Э. В. Будаев отмечает, что «выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия» (БУДАЕВ 2007: 24-25); Блэк также говорит об осуществлении познавательной деятельности в процессе использования метафор: «...damit können wir etwas über die Welt sagen, neues Wissen und neue Erkenntnisse hervorbringen» (BLACK 1983: 405).

Организация политического дискурса включает самого политического и/или общественного деятеля и реализуемую им форму данного дискурса. Известно, что в области политики преобладающее большинство акторов всегда составляли мужчины. Подобная ситуация наблюдается также и в настоящее время. Тем не менее все большее количество женщин участвует в поли-

тической деятельности государств, вследствие чего они привлекают к себе повышенное внимание на политической сцене.

Исследование дискурса немецких женщин-политиков представляет интерес с точки зрения анализа их высказываний, поскольку политики ФРГ женского пола традиционно рассматриваются как решительные и волевые личности. Согласно Н. В. Полонянкиной, «гендер является социально конструируемой категорией» (ПОЛОНЯНКИНА 2022: 2581). Следовательно, гендерные отношения создаются в результате коммуникативной интеракции индивидуумов с определенной вариативностью гендерного поведения вне зависимости от биологической детерминации. В связи с этим в рамках политического дискурса государственным деятелям нередко «приписываются» различные прозвища, сочетающие в себе определенные характеристики личности (описания паттернов поведения в политических ситуациях) и в то же время подчеркивающие их принадлежность к биологическому полу (как правило, в рассуждениях о женщинах-политиках).

Например, в отношении первого канцлера-женщины ФРГ А. Меркель (2005 — 2021), министра по делам семьи, пенсионеров, женщин и молодежи М. Швезиг (2013 — 2017) и др. в СМИ нередко употреблялось закрепленное за ними прозвище «die eiserne Lady» («железная леди»), которое является прямой калькой с английского «the iron lady». Согласно классификации Э. Холла, к культурам маскулинного типа относят Великобританию, Германию и Австрию, в которых представлено немалое количество непреклонных женщин-политиков.

Женщины-политические лидеры с маскулинными характеристиками представлены прежде всего в культурах маскулинного типа... Устойчивое словосочетание «the iron Lady» (нем. «die eiserne Lady») употребляется в отношении решительных, непреклонных, волевых женщин-политиков Германии и Австрии (ПОЛОНЯНКИНА 2022: 2582-2583).

2. Характеристика материала и методы исследования

Целью статьи является анализ использования спортивных метафор в высказываниях бывших и действующих немецких женщин-политиков, а также журналистов о женщинах-политиках в рамках политического дискурса.

В качестве примера высказываний женщин-политиков ФРГ в работе рассматриваются цитаты с использованием спортивных метафор бывшего канцлера А. Меркель, действующего министра иностранных дел ФРГ А. Бербок, а также члена Левой партии (die Linke; Linkspartei), депутата Бундестага С. Вагенкнехт. В исследовании были проанализированы также высказывания немецких общественных деятелей и журналистов Я. Бемерманна и Х. Монато о представительницах государственной власти с использованием спортивных метафор.

Корпус проанализированного языкового материала составил 50 примеров. Отбор образцов высказываний осуществлялся методом сплошной выборки, путем выделения отдельных метафор и их последующего объединения в более крупные блоки — метафорические модели.

В работе использован комплексный методологический аппарат, который включает дискурсивный, компонентный, концептуальный, семантический, классификационный, лексикографический, контекстологический методы анализа.

Остановимся на описании наиболее ярких примеров с использованием спортивных метафор.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Использование спортивных метафор немецкими женщинами-политиками

Открывают этот раздел статьи фрагменты из интервью А. Меркель, которое она дала спортивному комментатору Й. Б. Кернеру. Интервью состоялось в преддверии чемпионата мира по футболу, проходившему в ФРГ. Кернер во время разговора с канцлером о футболе в целом и ожиданиях от чемпионата мира искусно перешел к диалогу о политике. Ведущий использовал в вопросах футбольные метафоры, тем самым давая Меркель негласную установку на ответы с использованием соответствующих метафорических сравнений. В высказываниях Кернера проведена параллель между игрой в футбол и политикой:

- (1) Kerner: Wenn Sie eine Kabinettsitzung leiten — wünschen Sie sich manchmal, *Schiedsrichter* zu sein? Dann könnten Sie die *Trillerpfeife einsetzen*, *gelbe* und *rote Karten zeigen*...

Merkel: Der Gedanke ist mir ehrlich gesagt noch nie gekommen. *Schiedsrichter* ist ja nicht meine Aufgabe. Als Kanzlerin bin ich — wenn ich beim *Fußballvergleich* bleibe — eher *Kapitän einer Mannschaft, die Spielführerin*.

Kerner: Sie sind *Ballack*?

Merkel (lacht): Wenn man es so nimmt, bin ich *Ballack* (Metaphorik.de: URL).

В ответах на вопросы Кернера Меркель использует футбольные метафоры, реагируя на задаваемую ведущим коммуникативную установку: женщина-политик в интервью сравнивает себя с капитаном команды, что представляется вполне логичным — в тот момент она являлась канцлером ФРГ, будучи ответственной за назначение федеральных министров, определение политического курса правительства. Данное сравнение отражает суть политической деятельности, с одной стороны, и спортивной, с другой — управление страной и руководство футбольной командой. Футбол является национальным и ведущим видом спорта в ФРГ, следовательно, использование футбольной метафоры позволяет наиболее ярко выразить суть руководящей должности канцлера посредством сравнения ее с футбольным матчем, игрой футбольной команды, исход которой во многом зависит от действий полузащитника — игрока, действующего между защитой и нападением.

В интервью сравнение Меркель с немецким футболистом, бывшим полузащитником сборной Германии по футболу М. Баллаком, усиливает прагматический эффект высказывания. Проведение параллели между Меркель и Баллаком не случайно: футболист считался одним из лучших игроков немецкой Сборной и входит в список ФИФА-100. Баллак был известен универсальным стилем игры, позволяющим одинаково успешно вести матчи как в позициях атаки, так и обороны. Кроме этого, Баллак родом из Саксонии (бывшая ГДР), а поскольку Меркель в детстве вместе с семьей также жила некоторое время в ГДР, у бывшего футболиста и бывшего канцлера ФРГ имеется много общего в плане мировоззрения, понимания тех или иных ситуаций, применения на практике определенных паттернов поведения. Существовавшие после Второй мировой войны немецкие государства ГДР и ФРГ имели совершенно разную идеологию: ФРГ принадлежала к западному блоку, а ГДР — к социалистическому лагерю, между двумя проти-

воборствующими силами не было сотрудничества. Меркель, являвшейся на тот момент (2006 г.) лидером страны, подобно Балаку, приходилось все время балансировать между «атакой и обороной» и проводить соответствующую политику, направленную на развитие государства и недопущение конфликтов.

Примером цитаты с использованием футбольной метафоры служит также известное высказывание Меркель в Дрездене на XX Съезде ХДС. Канцлер выражала идею обновления социальной рыночной экономики, организованной на основе рыночной саморегуляции, подчеркивала необходимость довести начатое дело до конца; при этом она выбрала весьма нетривиальный, но проверенный способ убеждения:

- (2) Nach der Weltmeisterschaft im eigenen Land, nach diesem einzigartigen Erlebnis der Gemeinschaft, des nationalen Zusammengehörigkeitsgefühls, der Freude und der Weltoffenheit, sage ich es einfach *in der Sprache des Fußballs*. Ein Jahr seit der Bundestagswahl befinden wir uns *in der 23. Minute eines Fußballspiels*. Ja, wir *haben schon einige tolle Tore geschossen*. Ja, wir hatten einige gute Chancen, aber gewonnen? — gewonnen ist noch gar nichts. Weitere *67 Minuten Spielzeit* liegen vor uns. Es gibt viele weitere Möglichkeiten, Chancen für Deutschland herauszuholen. Und zu nutzen (Bundeskanzlerin Angela Merkel verteidigt ihre schrittweise Umsetzung der Reformen: URL).

В целях придания речи большей экспрессивности, делая ее более доступной для представителей социума, Меркель выражается на «языке футбола», следовательно, метафорическое сравнение реальной политической и экономической ситуации с футбольным матчем способствует лучшему восприятию и пониманию идеи канцлера представителями социума. Меркель сравнивает текущую ситуацию и экономические успехи ее политической команды (кабинета министров) с 23-й минутой футбольного матча, подчеркивая факт «лишь начала пути»: впереди еще 67 минут игры — оставшееся большее количество времени правления канцлера. Несмотря на то, что за время (поделенное в соответствии с футбольными правилами) правления уже были достигнуты успехи — «забиты несколько блестящих голов», — окончательной победы, финального результата все еще нет, следовательно, необходимо максимально использовать предоставляемые в экономическом плане возможности для достижения поставленной цели.

В качестве примеров высказываний действующей главы МИД ФРГ Бербок с использованием спортивных метафор мы отобрали следующие.

В июле 2022 г. во время проведения чемпионата Европы по футболу среди женщин после победы женской сборной ФРГ в матче против Финляндии (3:0) Бербок использовала спортивную метафору в сообщении МИД Финляндии П. Хаависто, совершив «ироничный выпад» в сторону своего финского коллеги:

- (3) Sorry, lieber @Haavisto, dass die @DFB_Frauen heute Abend bei #FINGER erneut so effizienten Fußball dargeboten haben. Aber bald *spielen* wir ja gemeinsam *im Team* NATO. Ich freue mich jetzt aufs Viertelfinale! #WEURO2022 (EM 2022: Annalena Baerbock witzelt nach Sieg der Deutschen in Richtung Finnland: URL).

МИД ФРГ сравнивает предстоящее вступление Финляндии в Североатлантический альянс с последующей «игрой» обоих государств в составе одной команды, так как обе страны будут работать в тандеме. Безусловно, используемая в высказывании метафора может быть отнесена к любому командному виду спорта, однако с учетом того, что в Германии спортом номер один остается футбол, а также исходя из ситуативного контекста, мы относим ее к футбольной.

Следующее высказывание Бербок содержит футбольные метафоры, которые актуализируются для того, чтобы подчеркнуть необходимость совместной работы в одной команде в сложной для безопасности ЕС политической ситуации, а также указать на необходимость составления четкого плана действий и следования определенной стратегии:

- (4) Um mal ein ganz anderes Beispiel aus dem Sport zu nehmen: In einem *Team* braucht es keine *elf Mittelstürmerinnen*, die alle dasselbe machen, sondern *elf Spielerinnen*, die gut miteinander können und die vor allen Dingen den Gleichen gemeinsamen *Spielplan* im Kopf haben (Rede von Annalena Baerbock: URL).

В речи Бербок члены ЕС сравниваются с игроками футбольной команды, каждый из которых должен четко знать, как действовать. Следовательно, команде не нужны «11 нападающих игроков», которые будут выполнять одни и те же функции (как и ЕС не нужны участники, выполняющие лишь определен-

ный набор действий без какого-либо намерения). Команде нужны те игроки, у которых в голове есть общий план действий, стратегия и тактика для достижения определенной цели (так же, как и ЕС нужны участники, которые совместно смогут действовать во благо объединения и выйти на результат).

Депутат Бундестага Вагенкнехт во время выступлений также часто использует спортивные метафоры. Примером использования такой метафоры может служить следующее высказывание политика, которое выражает несогласие Левой партии ФРГ с проводимой ХДС политикой:

- (5) Ich freue mich sehr auf die Tour durch NRW. Gerade im bevölkerungsreichsten Bundesland ergibt es Sinn, intensiv für einen grundlegenden Politikwechsel zu werben. Außerdem haben hier schon viele Menschen ihre Erfahrungen mit der ungerechten und zu oft unentschlossenen Politik des CDU-Kanzlerkandidaten machen müssen. Wir werden dafür werben, dieser Politik des weiter-so im September *die rote Karte zu zeigen...* (DIE LINKE NRW startet mit Sahra Wagenknecht in Wahlkampf-Endspurt: URL).

В высказывании Вагенкнехт употреблена спортивная метафора, используемая во многих видах спорта, в частности, футболе, гандболе, хоккее с мячом, регби и др. Данная метафора позволяет наиболее ярко выразить недоверие к кандидату в канцлеры от ХДС в связи с «неверной» политической тактикой этой партии. Как следствие, в целях исключения возможности для ХДС претендовать на место канцлера необходимо показать им *красную карточку*, т. е. ослабить таким образом позиции партии, устранив на выборах ее кандидата подобно удалению спортсмена с игрового поля.

3.2. Использование спортивных метафор в дискурсе о немецких женщинах-политиках

Использование спортивных метафор зачастую наблюдается и в оценочных высказываниях общественных деятелей ФРГ (журналистов, мужчин-политиков и др.) в отношении женщин-политиков. Такие высказывания мы также относим к рассматриваемому нами дискурсу, поскольку исследуемый дискурсивный сегмент включает употребление спортивных метафор в речевых ситуациях, в которые также опосредованно вовлечены и

сами женщины-политики.

Приведем в качестве примера цитату немецкого журналиста Я. Бемерманна, который следующим образом прокомментировал предвыборную кампанию с участием Меркель и члена СДПГ Мартина Шульца, претендовавшего на пост канцлера в 2017 г.:

- (6) Wahlkampf zwischen Angela Merkel und Martin Schulz ist ungefähr so spannend wie *Armdrücken* zwischen Vitali Klitschko und Samuel Koch (Die Sommerpause, sie tat Böhmermann wirklich nicht gut: URL).

В примере предвыборная кампания политиков Меркель и Шульца сравнивается с квази-соревнованием по *армрестлингу* между В. Кличко и немецким актером и бывшим каскадером Самуэлем Кохом. Использование данной метафоры подчеркивает некоторую «зрелищность» политического события, а также «борьбу» двух политиков за право занять должность канцлера. Подобно состязанию армрестлеров, Меркель и Шульц «меряются силами», озвучивая свои политические позиции, предлагая свои планы дальнейшего развития Германии, а также задавая внешнеполитический вектор.

Следующее высказывание принадлежит немецкому журналисту Х. Монату. В заголовке одной из своих статей он сравнивает будущую деятельность на тот момент только вступившей в должность министра иностранных дел ФРГ Бербок с поведением борца на ринге, которому приходится прилагать серьезные усилия, чтобы не оказаться выброшенным за его пределы. Предстоящая работа Бербок не обещает быть легкой:

- (7) Baerbocks Start als Außenministerin: *Im Ring* mit den Weltmächten. Schon ihre erste Woche als Außenministerin zeigt: Auf Annalena Baerbock wartet viel Arbeit – auch im eigenen Land (Baerbocks Start als Außenministerin: Im Ring mit den Weltmächten: URL).

В заголовке статьи употребляется метафора бокса. Внешнеполитическая арена сравнивается с боксерским рингом, на который выходят борцы. Бербок необходимо напрячь все силы, чтобы выстоять в борьбе с более опытными коллегами. Отметим, что бокс долгое время считался в Германии главным видом спорта, транслирующим победу арийского духа и силы (в идеологии нацистской Германии). Во времена Третьего Рейха метафора бокса была ключевой в идеологии государства:

Язык Третьего Рейха демонстрировал здоровое правовое чувство, несгибаемый германский характер, биологически неспорченную жизненную активность... Самые яркие и грубые образы черпались из бокса (ШАКИРОВА 2006).

4. Выводы и перспективы исследования

Футбольные метафоры оказываются наиболее частотными в высказываниях немецких женщин-политиков при описании различных ситуаций и оценке тех или иных действий, поскольку футбол остается главным национальным видом спорта ФРГ, что неизбежно проецируется на сознание языковых личностей. Менее распространенными, но имеющими высокую коммуникативную плотность, являются метафоры бокса: они активно используются как самими женщинами-политиками, так и общественными деятелями в высказываниях о последних. Наименьшее количество спортивных метафор было связано со сферой армрестлинга и другими, менее популярными в Германии, видами спорта.

Использование спортивных метафор в политическом дискурсе обусловлено возникновением при их употреблении в сознании общества ярких образных ассоциаций, что позволяет политикам более доступно и нетривиально доносить информацию до широкой аудитории. Метафоры футбола, бокса, армрестлинга и других видов спорта способствуют метафорическому осмыслению политической действительности и, как следствие, ее категоризации в соответствии с представляемыми образцами, стереотипами, эталонами, обобщениями.

Использование спортивных метафор в политическом дискурсе женщин-политиков позволяет им придавать высказываниям большую эмоциональную оценку, экспрессивность. Спортивные метафоры также нередко употребляются в речи общественных деятелей о женщинах-политиках с целью акцентировать внимание на более ясной и понятной презентации политических тактик и стратегий, используемых государственными деятелями.

Интересующая нас проблематика не ограничивается изученным материалом. Вектор исследования может быть смещен в сторону сопоставительного анализа и, в частности, нацелен на изучение использования спортивных метафор российскими женщинами-политиками.

Например, одним из наиболее ярких политиков, известных употреблением спортивных метафор в речевых оборотах среди российских женщин является Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. Матвиенко. Приведем пример одного из высказываний Матвиенко:

- (8) Запад отвел Украине роль *пешки* без перспективы стать *ферзем* (Радио Sputnik в мире: URL).

Матвиенко использует шахматную метафорику, которая в русской картине мира в настоящее время уже стала во многом общеязыковой, с целью подчеркнуть зависимое положение Украины по отношению к странам Запада. Подобное сравнение позволяет наиболее ярко описать политическую ситуацию. Политический курс правительства Украины сравнивается с игрой в шахматы, главной фигурой в которой выступает ЕС. Украина, по мнению политика, занимает подчиненное положение, и у страны нет перспектив перехватить инициативу.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Белютин Р. В. Язык спорта на немецкой политической арене // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 87—92. [Belyutin, Roman V. (2010) Yazyk sporta na nemetskoj politicheskoy arene (The Language of Sport in the German Political Arena). *Political Linguistics*, 4 (34), 87—92. (In Russian)].
- Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Языкознание и литературоведение. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-педагогическая академия, 2007. С. 19—35. [Budayev, Eduard P. (2007) Stanovleniye kognitivnoy teorii metafory (The Emergence of the Cognitive Theory of Metaphor). In: *Linguistics and literary studies*. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social-pedagogical Academy, 19—35. (In Russian)].
- Волобуев К. В. Политический дискурс: его стратегия, тактика и функции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 127—129. [Volobuyev, Kirill V. (2015) Politicheskiy diskurs: ego strategiya, taktika i funktsii (Political Discourse: its Strategy, Tactics and Functions). *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 6-1, 127—129. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. «Сказка — ложь, да в ней намек...», или о принципах конструирования политической медиареальности // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 18—27. [Grishayeva, Lyudmila

- I. (2017) “Skazka — lozh’, da v ney namyok...”, ili o printsipakh konstruirovaniya politicheskoy mediareal’nosti (“A Tale is a Lie but There is a Hint in it...”, or on the Principles of Constructing a Political Media Reality). *Political Linguistics*, 4 (64), 18—27. (In Russian)].
- Полоньянкина Н. В. Особенности конструирования гендерной идентичности в современном политическом дискурсе Германии (на примере прозвищных наименований женщин-политиков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 15 (8). С. 2580—2585. [Polonyankina, Nadezhda V. (2022) Osobennosti konstruirovaniya gendernoy identichnosti v sovremenном politicheskom diskurse Germanii (na primere prozvishchnykh naimenovaniy zhenshchin-politikov) (The Construction of Gender Identity in Contemporary German Political Discourse (using Nicknames for Female Politicians)). *Philological sciences. Issues of Theory and Practice*, 15 (8), 2580—2585. (In Russian)].
- Равочкин Н. Н. Особенности политического дискурса // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер.: Языкознание. 2018. № 3. С. 244—250. [Ravochkin, Nikita N. (2018) *Osobennosti politicheskogo diskursa* (Features of Political Discourse). *Vestnik of Kostroma State University, Linguistics Series*, 3, 244—250. (In Russian)].
- Чудинов А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 26—31. [Chudinov, Anatoliy P. (2001) Sportivnaya metaphora v sovremenном rossiyskom politicheskom diskurse (Sports Metaphor in Contemporary Russian Political Discourse). *Proceedings of Voronezh State University*, 2, 26—31. (In Russian)].
- Шакирова Н. Ю. Язык тоталитарного общества как механизм политического подавления личности // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. С. 144—152. [Shakirova, Natalya Yu. (2006) Yazyk totalitarnogo obshchestva kak mekhanizm politicheskogo podavleniya lichnosti (The Language of Totalitarian Society as a Mechanism of Political Repression of the Individual). *Journal of Psycholinguistics*, 3, 144—152. (In Russian)].
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Волгоград: Волгоградский гос. педагогический ун-т, 2000. [Sheygal, Yelena I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* (Semiotics of Political Discourse). Advanced PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (In Russian)].
- Becker, Martin. (2004) *Zwischen Tradition und Wandel. Zum Wortschatz des politischen Diskurses in Spanien seit 1976*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.

- Black, Max. (1983) Mehr über die Metapher. In: Haverkamp, Amselm. (ed.) *Theorie der Metapher*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 379—413.
- Burkhardt, Armin. (2001) *Politische Sprache: Grundbegriffe und Analysemethoden*. Osaka: Kansai University.
- Burkhardt, Armin & Schlobinski, Peter. (2009) Flickflack, Foul und Tsukahara. Der Sport und seine Sprache. In: *Duden — Thema Deutsch*. Bd. 10. Mannheim: Dudenverlag.
- Dieckmann, Walther. (1981) *Politische Sprache. Politische Kommunikation. Vorträge. Aufsätze. Entwürfe*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Kuße, Holger. (2012) *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Piršl, Danica; Petković, Emilija; Dragić, Branislav & Piršl, Tea. (2017) Sports metaphors make political discourse more punching. *Proceedings of the 5th Virtual Multidisciplinary Conference*, 124–127.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Радио Sputnik. В мире [Radio Sputnik. In the World]. Retrieved from <http://www.radiosputnik.ria.ru/20220216/ukraina-1773076508.html>.
- Baerbocks Start als Außenministerin: Im Ring mit den Weltmächten. Retrieved from <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/annalena-baerbocks-start-als-aussenministerin-krieg-und-frieden-atomwaffen-china-boycott-333619.html>.
- Bundeskanzlerin Angela Merkel verteidigt ihre schrittweise Umsetzung der Reformen. Retrieved from https://germanhistorydocs.ghdc.org/docpage.cfm?docpage_id=4997&language=german.
- DIE LINKEN RW startet mit Sahara Wagenknecht in Wahlkampf-Endspurt. Retrieved from <https://www.dielinke-nrw.de/suche/detail/die-linke-nrw-startet-mit-sahra-wagenknecht-in-wahlkampf-endspurt>.
- Die Sommerpause, sie tat Böhmermann wirklich nicht gut. Retrieved from <http://www.welt.de/vermishtes/article168663675/Die-Sommerpause-sie-tat-Boehmermann-wircklich-nicht-gut.html>.
- EM 2022: Annalena Baerbock witzelt nach Sieg der Deutschen in Richtung Finnland. Retrieved from <https://web.de/magazine/sport/fussball/em/em-2022-annalena-baerbock-witzelt-sieg-deutschen-richtung-finnland-37114210>.
- Metaphorik.de. (2006). Retrieved from <http://www.metaphorik.de/de/metaphernkiste/wm-2006.html>.
- Rede von Analena Baerbock. Retrieved from <https://www.gruene-bundestag.de/parlament/bundestagsreden/ukraine-2>.

Sports Metaphors in the Discourse of German Female Politicians

The paper analyses statements by German female politicians as well as quotations by German public figures about female politicians in the context of political and related discourses. The structure of political discourse is examined in light of methodological approaches to the interpretation of this concept. The aim of this study is to analyse the use of sports metaphors by German female politicians and public figures in statements about female representatives of state power within political discourse, which are used to make a judgement more expressive and persuasive. Discursive, component, conceptual, semantic, classification, lexicographic and contextual methods of analysis form the methodological basis of the study. A working definition of political discourse is given, its correlations with sports discourse and the extra-linguistic factors which determine this interaction are described. The participants of political communication are shown from the perspective of “agents” and “clients” performing productive and receptive activities, respectively. The author concludes that the conceptual sphere of “sports” is among the most productive sources of modern political metaphor. The author investigates the possibility to language certain “professional” political situations through the use of sports metaphors (boxing, football, arm-wrestling). The pragmatic potential of metaphors is analysed and the main function of political discourse (persuasive) which realisation the investigated linguistic means are used for, is revealed. The analysis of the utterances establishes the connection between political and sports events and the correlation between sports rules and political situations. The prospects of further research of the problems under study in a comparative aspect exemplified by other languages, for example, Russian, in order to identify areas of convergence and divergence in the conceptualization of political reality through the metaphors of sports are outlined.

Keywords: political discourse; sports discourse; female politicians’ discourse; sports metaphor; persuasive function; the German language

Для цитирования:

Щербина Т. С. Спортивные метафоры в дискурсивных практиках немецких женщин-политиков // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № 20. С. 320—338.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-320-338.

To cite this Article:

Shcherbina, Tatyana S. (2023) Sportivnyye metafory v diskursivnykh praktikakh nemetskikh zhenshchin-politikov (Sports Metaphors in the Discourse of German Female Politicians). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 320—338. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-320-338.

Статья поступила в редакцию 16.04.2023; принята к публикации 29.05.2023

The article was submitted 16.04.2023; accepted for publication 29.05.2023

Л. Н. Ягупова
Донецкий государственный университет

**КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПРЕФИКСОМ UR-
(на материале средневерхненемецкого языка)**

Статья посвящена исследованию имен существительных, в состав которых входит префикс *ur-*, в средневерхненемецком языке (1050 — 1350 гг.) на материале репрезентативного корпуса аутентичных рукописей, представляющих различные типы и жанры текстов, временные отрезки и диалектные ареалы. Основными принципами исследования являются динамика развития системы словообразования в течение всего средневерхненемецкого периода и вариативность, обусловленная диалектным и частично жанровым факторами. Корпусное исследование позволило констатировать, что префикс имен существительных *ur-* в средневерхненемецком языке является малопродуктивным: префиксальными признаны лишь три деривата. В средневерхненемецкий период еще отсутствует устойчивость в написании слов и составляющих их частей, поэтому префикс *ur-* обнаруживает в корпусе рукописей графическую вариативность, которая касается гласного. Преимущество того или иного графического варианта не связано с диалектным или временным факторами. Анализ употребления мотивирующих баз префиксальных имен существительных приводит нас к предположению о плеонастичности *ur-* во всех случаях: таким образом, все анализируемые лексемы признаны в статье словообразовательными плеоназмами. Поскольку речь идет о функциональной избыточности префикса, базовые имена существительные квалифицированы как однокоренные синонимы дериватов. Анализ производных существительных с плеонастическим *ur-* в исследовательском корпусе свидетельствует о том, что в течение изучаемого периода они развивались в направлении идиоматизации. Прослежены пути становления и развития, направление изменений в области префиксального именного словообразования с участием *ur-* начиная с древневерхненемецкого периода и до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: средневерхненемецкий язык; корпус рукописей; префикс; имя существительное; диалект; временной отрезок

1. Введение

80 — 90-е гг. XX в., первые десятилетия XXI в. отмечены в немецкой германистике устойчивым интересом к синхронно-историческим исследованиям в области словообразования немецкого языка, которые основываются на изучении корпусов аутентичных рукописей и текстов. Сначала внимание исторических дериватологов привлек ранненововерхненемецкий (далее — рнвн.) период, который считался на тот момент менее изученным. Определенные успехи в данной области дали основания Вольфгангу Фляйшеру констатировать, что несмотря на всю оправданную критику неудовлетворительного состояния исследования рнвн. периода стали заметными позитивные тенденции (FLEISCHER 1988: 185). С середины 80-х гг. XX в. германисты дериватологических научных школ в университетах Бонна (DOERFERT 1994; PRELL 1996), Эрлангена (HABERMANN 1993; MÜLLER 1993; THOMAS 2002), Вюрцбурга (а впоследствии и Эрфурта) (BRENDEL 1993; FRISCH 1993; MOSER 1993; BRENDEL & al. 1997) исследовали рнвн. словообразование на основе различных текстовых корпусов.

Лишь после того как тема словообразования рнвн. языка была «закрыта», обнаружилось, что с позиции нового научно-методологического подхода к изучению исторического словообразования возникает не менее глобальная задача исследовать средневерхненемецкое (далее — свн.) словообразование на новых научных основаниях, о чем пишет в начале 90-х гг. XX в. и в начале XXI в. К.-П. Вегера (WEGERA 1990: 103; WEGERA 2000: 1304; WEGERA 2002: 159). Эта отрасль исторического словообразования претерпела в течение последних десятилетий заметные изменения и привлекла внимание не только немецких германистов (HERBERS 2002; LEIPOLD 2006; RING 2008; KLEIN & al. 2009), но и отечественных ученых¹ (KALIUSČENKO 1988; ПИМЕНОВА 2011).

¹ Во второй половине 90-х гг. XX в. дериватологи кафедры германской филологии Донецкого национального университета принимали участие в совместном научном проекте с коллегами из Института Германистики Рурского университета (г. Бохум) (руководители проекта — проф. К.-П. Вегера и проф. В. Д. Калиущенко). В рамках этого проекта был учрежден специализированный сборник научных трудов *Типология языковых значений в диахроническом и сопоставитель-*

Методологическую основу вышеназванных трудов формируют методы корпусной лингвистики, благодаря которой существенные изменения претерпели принципы и методика синхронно-исторического словообразовательного анализа. Именно этим обусловлена актуальность темы данной статьи.

Цель исследования — выявить тенденции развития префиксальных дериватов свн. языка на примере имен существительных, образованных при помощи префикса *ig-*. Эмпирический материал получен путем сплошной выборки из электронного корпуса свн. рукописей, которые представляют различные типы и жанры текстов, датированных 1050 — 1350 гг.

2. Происхождение и развитие *ig-*

Словообразовательная морфема *ig-* — это древний префикс, который имеет генетическую связь с индоевропейским предлогом **ud* и его параллельными формами **uds*, **uss*, **us*, санскр. *ud* ‘вверх, наружу’, гот. предлогами *uz*, *us* ‘без’ и ударными префиксами *uz-*, *us-*, дск. предлогами *ôg*, *ûg* ‘без’ и ударными префиксами *øg-*, *og-*, *ôg-*, дфр. префиксами *og-*, *ig-*, а также ударным и безударным *â-*, ас. – *og-*, дс. – *og-*, *ig-*, двн. предлогами *ig*, *ag*, *eg*, *ig* ‘без, из, наружу’ и ударным префиксом *ig-*, который имеет еще значение ‘первоначальный’, дат. и швед. префиксом *ig-* (заимствованным из немецкого языка) (GRIMM 1984: 2355; PAUL 1957: 22; SCHWARZ 1986: 406; WEINHOLD 1967: 290; WILMANN 1930: 566; KLUGE 1989: 753 и др.). В да. языке зафиксирован только префикс *og-* (наряду с *a-* ‘без’), однако, в отличие от многих других германских языков того времени, отсутствует соответствующий предлог (КУБЯКОВА 1963: 59).

Безударный глагольный префикс *ig-* уже в VIII в. превращается в *eg-* (GRIMM 1984: 2355). В. М. Жирмунский обращает внимание на то, что процесс «всеобщей редукции» охватывает не

ном аспектах (1998), первый выпуск которого включал лишь статьи участников проекта по свн. словообразованию немецкого языка, защищены несколько кандидатских диссертаций. Проект нашел свое продолжение и в исследованиях автора этой статьи (ЯГУПОВА 2007; ЯГУПОВА 2013), которые, как и данная статья, базируются на Бохумском корпусе аутентичных рукописей (KLEIN & al. 2009: 18-30), любезно предоставленном для данного исследования проф. К.-П. Вегерой.

только безударные конечные гласные, но и «предударные» (префиксов) в памятниках VIII в. (ЖИРМУНСКИЙ 1948: 115). Уже в начале IX в. в баварском ареале встречается *ag-*, во франкских рукописях — *ig-*:

На протяжении IX в. франкская огласовка распространяется и на южнонемецкие диалекты; к началу X в. она является общей для всех древневерхненемецких памятников... (ibid.).

При этом получает распространение форма *eg-*, которая окончательно закрепляется в составе глаголов в начале XI в., а «первоначальный вокализм» под ударением (*ug-*) префикс сохраняет в составе имен существительных и прилагательных.

Система значений изначально глагольного *ug-* (префикса с локальной, по происхождению, семантикой) на протяжении долгой истории существенно расширяется, а сам префикс, присоединяясь к имени, становится в XVII — XVIII вв. весьма продуктивным для обозначения (перво)начального, (хронологически) предшествующего (KLUGE 1925: 51; PAUL 1957: 26).

В современном немецком языке субстантивный префикс *U-* и адъективный *ug-*, как правило, ударны и имеют в своем составе долгий гласный. Исключения составляют прилагательное *ursprünglich* (свн. *ursprunglich*) (в данном слове *ug-* может быть как ударным, так и безударным), существительное *Urteil* (свн. *urteil*) и глагол *urteilen* (свн. *urteilen*) (*u-* в обоих случаях — краткий безударный гласный) (DUDEN 1990: 748). Качество *u-* также колеблется в составе нескольких прилагательных, существительных и глаголов с основой *urbar*. Так, прилагательное *urbar* содержит всегда долгий, ударный *u-*, прилагательное *urbarial*, глагол *urbarisieren*, существительное *Urbarium* — всегда краткий безударный *u-*, в то время как *U-* в составе *Urbar* (свн. *urbar*, *urbar*) может быть как ударным, так и безударным, а *u-* — как долгим, так и кратким (ibid.: 747). В. Хенцен (HENZEN 1965: 102) связывает ударение на *-a-* в последних примерах с латинизацией (ср. *urbarium*).

3. Лексемный состав и частотность существительных с *ug-*

Анализ исследовательского корпуса позволяет утверждать, что субстантивный префикс *ug-* в свн. языке был малопродуктивным: префиксальными лексемами можно признать лишь три имени существительных (25 словоупотреблений).

Частотным является только лексема *ursache* ‘причина’, зафиксированная в шести рукописях, начиная с XIII в. Южнонемецкий ареал представлен только рукописями на (восточно)швабском диалекте, средненемецкие тексты, в которых употребляется *ursache*, локализованы во всех ареалах, которые входят в исследовательский корпус рукописей, кроме восточно-средненемецкого. В восточносредненемецком ареале обнаружена лексема *urloup*, в рейнскофранкском — *urvlucht*.

Все рукописи, в которых зафиксированы префиксальные существительные с *ur-*, — религиозные тексты разных типов, за исключением куртуазно-рыцарского стихотворного эпоса о Тристане и Изольде (НТри), 6 рукописей из 8-ми написаны прозой.

Две лексемы — *ursache* и *urvlucht* — женского рода, грамматический род *urloup* определить однозначно на основе рукописей не представляется возможным. Все три производных слова образованы от имен существительных. Присоединение префикса не влияет на чередование корневого гласного. Все субстантивные лексемы с *ur-* — абстрактные понятия.

Латинско-средневерхненемецкие параллели с участием префиксальных существительных анализируемого типа не обнаружены. Некоторые соответствия между латинским и свн. языками зафиксированы в словарях М. Лексера (LEXER 1992) и братьев Гримм (GRIMM 1984), а именно: *urloup* — *licentia* (LEXER 1992, II: 2467) ‘разрешение, прощание’, *ursache* — *causa, occasio* (ibid.: 2011) ‘причина’, у братьев Гримм — также *causa prima* (GRIMM 1984: 2502), т. е. ‘первопричина’. Корреляция имеет место на лексическом (в последнем случае — синтаксическом), а не на словообразовательном уровне.

4. Графические варианты *ur-*

Поскольку в свн. языке еще отсутствует языковая норма, а вместе с тем и стабильность в написании слов и их составных частей, префикс *ur-*, как и большинство других аналогичных морфем, представлен в корпусе рукописей в разных вариантах: это касается прежде всего гласного. Ведущими графическими вариантами в текстах, в которых встречаются любые лексемы с анализируемым префиксом, являются *vr-* и *ur-*. Преобладание одного из этих вариантов не связано с лингвогеографическим

или временным факторами. Оба графических варианта обнаружены примерно в одинаковом количестве словоупотреблений (далее — СУ): *ur-* — 13, *vr-* — 11 раз.

Однако существительные, в состав которых входит префикс *ur-* (723 СУ, обнаруженные в исследовательском корпусе), образованные не при помощи префиксации, а другими способами, обнаруживают значительную вариативность префикса, связанную, в частности, и с географическим фактором. Например, вариант *og-* зафиксирован лишь в западносредненемецком и рейнскофранкско-гессенском диалектных ареалах. При этом его употребление не связано ни с каким временным отрезком, а его распространение в западной части немецкоязычного ареала подтверждает связь с другими языками того времени (см. выше).

5. Словообразовательные типы и функциональные классы

Анализ употребления субстантивных базовых лексем префиксальных имен существительных позволяет предположить плеонастичность *ur-* во всех случаях, когда префикс не придает деривату модификационное свойство: таким образом, *ursache*, *urloup*, *urvlucht* относятся к словообразовательному типу *ur-*.

5.1. Этимологической базой *ursache* выступает существительное *sache* (KLUGE 1989). Префикс *ur-*, согласно Ф. Клуге (KLUGE 1925: 54; 1989: 753), используется в составе *ursache* для обозначения изначального, предшествующего. В. Вильманнс (WILMANN 1930: 567) полагал, что *ur-* придает лексеме усиленное, интенсивирующее, значение («*steigernde Bedeutung*»). Однако по сути Вильманнс имеет в виду то же самое, что и Клуге. Анализ рукописей не опровергает это утверждение, поскольку в определенных примерах можно толковать префиксальную лексему именно так, однако прямые доказательства этого отсутствуют. Самый ранний текст корпуса, в котором встречается лексема *ursache*, — это *Zwifaltener Benediktinerregel* (ZwBR). Братья Гримм (GRIMM 1984: 2502) пишут, что эта лексема возникла в постклассический период развития свн. языка и со временем, когда значение, в котором раньше употреблялось *sache* ‘причина’, стерлось, она заняла его место, т. е. первоначально существительное *ursache* означало первопричину.

Функционально-семантический анализ деривата и его мотивирующей базы в рукописях свидетельствует о том, что даже во второй половине XIII — первой половине XIV в. базовое существительное *sache* употреблялось не в распространенных в современном немецком языке значениях ‘дело, вещь’, а в значении ‘причина’. Так, в трактатах Давида Аугсбургского (DvATr) наряду с пятью словоупотреблениями *ursache* зафиксирован пример базового существительного, который несомненно актуализирует значение ‘причина’, ср.:

- (1) Vnñ daz er di *vrfache* der fvnden. von vnf hat gefremdet (DvATr: 62r, 08-10). ‘И что Он отдалил от нас причину грехов’.
- (2) Daz ift got felbe. aller dinge. herre. vnñ *fache*. vnñ anegenge vnñ ende (DvATr: 69r, 16-18). ‘Это — сам Бог. Владыка над всеми вещами. И причина. Начало и конец’.

Поскольку Бог, согласно Библии, сотворил все сущее, в приведенном примере возможно толкование *sache* как ‘первопричина’. Таким образом, семантическая разница между *sache* и *ursache* нивелируется.

В других пяти рукописях, в которых обнаружены примеры употребления *ursache*, встречаются, как правило, многочисленные примеры морфологической базы *sache*, даже в одном контексте. Однако разница в лексическом значении настолько очевидна, что этот факт не дает оснований в таких случаях считать безаффиксальную лексему словообразовательной базой префиксального имени существительного, ср.:

- (3) durch dz folleñ in uoñ der ebdiffen alle notdurfdecle *fachen* gegeben w'den dz ift cogele rok fokke gurtel mezzerr griffel nalde dz aller flafte *wrfach* abe genomen werden (OxBR: 12v, 10-13). ‘Из-за этого аббатиссы должны выдать им необходимые *вещи*, а именно: каптур, облачение, обувь, пояс, нож, грифель, иголку, чтобы устранить *причины* всех дрязг’.

В приведенном примере *ursache* означает ‘причина’, тогда как *sache* — ‘вещь’. Морфологической и семантической базой *ursache* в этом и других текстах данного временного отрезка можно считать *sache* — также в значении ‘причина’ в рукописи Германа Фритцларского *Heiligenleben* (Hleb); см. пример (8).

Небольшое количество словоупотреблений базового существительного в значении ‘причина’ дает основания предположить постепенную идиоматизацию производного слова в течение свн. периода, хотя зафиксированные в рукописях примеры свидетельствуют о том, что этот процесс еще не завершен, и что *ursache* следует отнести к словообразовательным плеоназмам. Для сравнения: П. О. Мюллер (MÜLLER 1993: 126) и Ш. Мозер (MOSER 1993: 36), исследуя разные корпуса рнвн. специализированных текстов, приходят к выводу, что лексема *ursache* на синхронном уровне (в XIV — XV вв.) подверглась идиоматизации, т. е. в этот период уже не может считаться лексемой, мотивированной субстантивной базой.

5.2. Этимологической базой *urlouf* является слабый глагол *erlouben* (KLUGE 1989: 753) — также морфологическая и семантическая база деривата в большинстве рукописей.

Однако в (НТгi) можно наблюдать иную картину: здесь зафиксировано непрефиксальное имя существительное *loube* с тем же лексическим значением, что и в *urlouf*, — ‘разрешение, позволение’ (ср.: [LEXER 1992, I: 1965]), поэтому в (НТгi) именно оно может мотивировать производное слово с *ur-*, ср.:

- (4) *Mit vrloube muz ich des iehn* (НТгi: 3549). ‘С позволения, я должен признать это’.
- (5) *Mit loube ich daz sprechen wil* (НТгi: 0286). ‘С позволения, я хочу молвить это’.

В рукописи *Tristan und Isolde* Генриха Фрайбергского (НТгi) обнаружены два примера *urlouf* и два — *loube*. Из примеров видно, что оба существительных могут употребляться даже в словосочетаниях, которые имеют одинаковую структуру ‘предлог *mit* + имя существительное’. Это значит, что как минимум в двух случаях *urlouf* в (НТгi) является отсубстантивной лексемой. Поскольку префикс *ur-* не наделяет существительное дополнительным семантическим признаком, следует признать *urlouf* в этом случае словообразовательным плеоназмом.

5.3. Лексема *urvlucht* ‘прибежище’ встречается лишь в рукописи *Trierer Psalter* (ТгPs).

В трехтомном словаре Лексера не отмечено ни существительное *urvlucht*, ни ожидаемая словообразовательная глагольная

база **ervlieden*, поэтому классификация *igvluht* как отглагольной лексемы, образованной от **ervlieden*, может иметь лишь условный характер, поскольку, с одной стороны, база с *ig-* отсутствует и в исследовательском корпусе, с другой стороны, прозрачной остается даже в современном языке корневая морфема. В словаре отсутствует также производное существительное, однако синхронный словообразовательный и функциональный анализ позволяет толковать *urvlucht* как *zuovluht* 'прибежище':

(6) got unfer *urflut* unñ dugint (TrPs: 08r, 01). 'Бог нам прибежище и сила' (ЧИТАТЬ ПСАЛТЫРЬ: URL).

Синхронное описание делает возможными различные варианты понимания *urvlucht*: во-первых, в самом тексте 5 раз отмечено непрефиксальное существительное *vluht* в том же значении, что и *igvluht*, т. е. *vluht* = *urvlucht*, ср.:

(7) uil hohe haft du gefezzet *flut* dine (TrPs: 49v, 05). 'Всевышнего избрал ты прибежищем твоим' (ЧИТАТЬ ПСАЛТЫРЬ: URL).

В этом случае *urvlucht* можно считать словообразовательным плеоназмом: не вызывает сомнения семантическая связь между *igvluht* и *vluht*, однако очень тесная связь между обоими существительными не позволяет отнести первую лексему к определенному функциональному классу.

В самом тексте *Trierer Psalter* (TrPs: 90r, 18) эксплицируется один пример непрефиксального сильного глагола *vlieden* 'убежать, спрятаться', который по своему значению может быть также морфологической и семантической базой *urvlucht*.

Однако тот факт, что в самом тексте, который содержит исследуемое существительное, зафиксировано гораздо больше примеров субстантивной базы, чем глагольной, делает более вероятным предположение, что *igvluht* в приведенном примере является все же словообразовательным плеоназмом, а не существительным с локативным значением (поскольку в этом случае *igvluht* можно было бы толковать как *Ort, wohin man vlieden kann* 'место, куда можно убежать').

Итак, *ursache, igrucp, igvluht* рассматриваются в статье как словообразовательные плеоназмы, поскольку *ig-* в их составе не наделяет базовые существительные дополнительными модификационными признаками.

6. Синонимия с участием существительных с *иг-*

Поскольку речь идет о словообразовательных плеоназмах, базовые существительные *sache*, *loube*, *vluht* можно считать одно-коренными синонимами *ursache*, *urloup* и *urvlucht* соответственно.

В исследовательском корпусе с *ursache* / *sache* в значении ‘причина’ коррелирует также существительное мужского рода *ursprung*. Именно такому толкованию способствует лексема *sache*, которая расположена в рукописи в непосредственной близости от *ursprung* и принимает участие в пояснении его значения:

- (8) Dar vmme ift dife mechtikeit ein burne vnñ ein *urffrunc* aller kynfte wan alle kynfte louffen vffe drí vragen Di andere waz des dinges *urffruñ* fi oder *fache* (Hleb: 189r, 14-16, 19-20). ‘Поэтому эта мощь является причиной и источником всех премудростей, потому что все премудрости сводятся к трем вопросам. Иным был источник, или причина, дела’.

7. Сравнение с другими периодами развития немецкого языка

Анализ лексикографических источников и соответствующих исследований, в которых содержатся сведения о существительных с *иг-*, позволяет сделать такие выводы: в словарь *двн.* языка (SCHÜTZEICHEL 1995: 30) включены *urloup*, *ursach*, однако в нем отсутствует лексема *urvlucht*. Г. Шварц (SCHWARZ 1986: 406) упоминает лишь *urloup*. В *рнвн.* специализированных текстах Мюллер (MÜLLER 1993: 126) выявляет *ursach*, Р. Фриш (FRISCH 1993: 87) — *Urlaub* в значении ‘разрешение’, Мозер (MOSER 1993: 36) — *Urlaub*, *Ursache*. В современном немецком литературном языке сохранились лишь *Urlaub*, *Ursache*. При этом лексема *Urlaub* сузила (изменила) свое значение и употребляется в значении ‘отпуск’. Средневерхненемецкое существительное *urvlucht* вытеснено в современном немецком языке дериватом *Zuflucht* (в *свн.* корпусе рукописей — *zuovluht*).

По поводу общего количества префиксальных имен существительных с *иг-*, зафиксированных в разные периоды развития немецкого языка следует заметить, что в *рнвн.* корпусе Мозер (*ibid.*: 138-139) обнаруживает шесть подобных лексем (15 СУ), в числе которых пять обозначений лиц, именующих того, кто является представителем предыдущего поколения, и одно

существительное, значение которого парафразируется как 'более давний, первоначальный + базовое имя существительное'. Г. Вельманн (WELLMANN 1975) называет 22 деривата, для которых релевантна эта словообразовательная парафраза. Б. Герсбах и Р. Граф (GERSBACH & GRAF 1984: 180) упоминают 4 существительных (15 СУ), которые обозначают родственные связи, и 3 лексемы (5 СУ) для обозначения первоначального.

8. Заключение

Префикс *ur-* является непродуктивным в словообразовании свн. языка, хотя Лексер приводит 17 лексем, которые можно было бы за пределами исследовательского корпуса квалифицировать как отсубстантивные (LEXER 1992, II). Существительные с *ur-* находятся в исследуемый период в процессе идиоматизации или уже идиоматизировались. В современном немецком литературном языке продолжает существование только *Ursache* (в числе производных лексем, которые обнаружены и в свн. корпусе рукописей), процесс идиоматизации которого начался уже в свн. период. Анализ рукописей позволил классифицировать свн. *ursache*, *urloup*, *urvlucht* как отсубстантивные лексемы. Префиксальная лексема обнаруживает тождественность с базовым существительным, потому данные дериваты рассматриваются в статье как словообразовательные плеоназмы.

Условные сокращения / *Abkürzungen* / *Abbreviations*

ас. — англо-саксонский, *да.* — древнеанглийский, *дат.* — датский, *гот.* — готский, *дрвн.* древневерхненемецкий, *дс.* — древнесаксонский, *дск.* — древнескандинавский, *дфр.* — древнесаксонский, *ривн.* — ранневерхненемецкий, *свн.* — средневерхненемецкий, *санскр.* — санскрит, *швед.* — шведский; *алем.* — *alemannisch*, *елс.* — *elsässisch*, *гесс.* — *hässisch*, *mittelbair.* — *mittelbairisch*, *nordrhfrk.* — *nordrheinfränkisch*, *омд.* — *ostmitteldeutsch*, *осталем.* — *ostalemannisch*, *rhfrk.* — *rheinfränkisch*, *тюр.* — *thüringisch*.

Список литературы / *Zitierte Literatur* / *References*

Жирмунский В. М. История немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. [*Zhirmunskiy, Viktor M. (1948) Istorija nemetskogo yazyka (A History of the German Language). Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Russian).*]

- Кубрякова Е. С. Именное словообразование в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков / ред. М. М. Гухман [и др.]. В 5 т. Т. 3. Морфология. М.: АН СССР, 1963. С. 39—131. [Kubryakova, Yelena S. (1963) Imennoye slovoobrazovaniye v germanskikh yazykakh (Noun Word-building of Germanic Languages). In: Guhman, Mirra M. et al. (eds) *Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov* (Comparative Grammar of Germanic Languages). In 5 vols. Vol. 3. Moscow: USSR Academy of Sciences, 39—131. (In Russian)].
- Пименова Н. Б. Древневерхненемецкие словообразовательные типы отвлеченных имен (реконструкция системных отношений). М.: Языки славянской культуры, 2011. [Pimenova, Natalya V. (2011) *Drevneverkhnenemetskiye slovoobrazovatel'nyye tipy otvlechennykh imen* (rekonstruktsiya sistemnykh otnosheniy) (Old High German Derivative Types of Abstract Nouns (Reconstruction of System Relations)). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Типология языковых значений в диахроническом и сопоставительном аспектах. Вып. 1. Словообразование в средневерхненемецком языке / гл. ред. В. Д. Калиущенко. Донецк: Донецкий гос. ун-т, 1998. [Kaliushchenko, Vladimir D. (ed.) (1998) *Tipologiya yazykovykh znacheniy v diakhronicheskom i sopostavitel'nom aspektakh* (Typology of Linguistic Meanings in Diachronic and Comparative Aspects). Vol. 1. Slovoobrazovaniye v sredneverkhnenemetskom yazyke (Word-building in Middle High German). Donetsk: Donetsk State University. (In Russian)].
- Читать Псалтырь (Псалтирь онлайн) [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliya-online.ru> [Chitat' Psaltyr' (Psaltir' onlain) (To Read The Psalter / The Psalter Online). Retrieved from <http://bibliya-online.ru>. (In Russian)].
- Ягупова Л. М. Мовно-географічна варіативність системи середньо-верхньонімецьких префіксальних іменників. Донецьк: ДонНУ, 2007. [Yagupova, Larysa M. (2007) *Movno-geografichna variatyvnist' systemy seredn'overhn'onimets'kykh prefiksals'nykh imennykiv* (Linguistic and Geographical Variability of the System of Middle High German Prefix Nouns). Donetsk: Donetsk National University. (In Ukrainian)].
- Ягупова Л. Н. О префиксальном словообразовании имен существительных в корпусе средневерхненемецких рукописей // Научные школы Московского государственного лингвистического университета. Факультет немецкого языка. В 2 ч. / ред. Г. Б. Воронина. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2019. С. 22—

31. [Yagupova, Larisa N. (2019) *O prefiksál'nom slovoobrazovanii imen sushchestvitel'nykh v korpusе sredneverkhnenemetskikh rukopisey* In: Voronina, Galina B. (ed.) (2019) *Nauchnyye shkoly Moskovskogo gosudarstvennogo lingvистического университета. Fakul'tet nemetskogo yazyka*. In 2 parts. Part 2. (Scientific Schools of the Moscow State Linguistic University. Faculty of German). Moscow: Moscow State Linguistic University, 22—31. (In Russian)].
- Brendel, Bettina. (1993) *Substantivische Affixbildung im Frühneuhochdeutschen. Morphologie und Semantik der Suffixe -ei, -heit, -nis, -sal, -schaft, -tum und -ung*: Inaugural-Dissertation. Würzburg: Julius-Maximilians-Universität.
- Brendel, Bettina; Frisch, Regina; Moser, Stephan & Wolf, Norbert Richard. (1997) *Wort- und Begriffsbildung in frühneuhochdeutscher Wissenschaft: substantivische Affixbildung*. Wiesbaden: Reichert, 1997. (Wissensliteratur im Mittelalter 26)
- Doerfert, Regina. (1994) *Die Substantivableitung mit -heit, -keit, -ida, -î im Frühneuhochdeutschen*. Berlin; New York: de Gruyter. (Studia linguistica Germanica 34)
- Duden. (1990) Bd. 6. Duden Aussprachewörterbuch: Wörterbuch der deutschen Standardaussprache. Mannheim: Dudenverlag. [3., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]
- DvATr — David von Augsburg. Traktate. Zw. 1240 u. 1272, westl. mittelbair. Textauswahl: fol. 27^v, 6-93^v, 16.²
- Fleischer, Wolfgang. (1988) Charakteristika frühneuhochdeutscher Wortbildung. In: Wiesinger, Peter. (ed.) *Studien zum Frühneuhochdeutschen. Emil Skála zum 60. Geburtstag am 20. November 1988*. Göppingen: Kümmerle, 185—191. (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 476)
- Frisch, Regina. (1993) *Substantivische Affixbildung im Frühneuhochdeutschen. ge-Präfigierungen und Ableitungen ohne explizites Suffix: ihre Morphologie und Semantik*: Inaugural-Dissertation. Würzburg: Julius-Maximilians-Universität.
- Gersbach, Bernhard & Graf, Rainer. (1984) *Wortbildung in gesprochener Sprache. Die Substantiv-, Verb-, und Adjektiv-Zusammensetzungen und -Ableitungen im „Häufigkeitswörterbuch gesprochener Sprache“*. In 2 Bdn. Bd. 1. Tübingen: Niemeyer. (Idiomatologia 12)
- Grimm, Jacob & Grimm, Wilhelm. (1878/1984) *Deutsches Wörterbuch*. In 33 Bdn. Bd. 24. München: dtv. (Nachdruck der Erstausgabe 1878)

² Описание рукописей из Бохумского корпуса приведено по (KLEIN & al. 2009: 19-30).

- Habermann, Mechthild. (1994) *Verbale Wortbildung um 1500: eine historisch-synchrone Untersuchung anhand von Texten Albrecht Dürers, Heinrich Deichlers und Veit Dietrichs*. Berlin; New York: de Gruyter. (Wortbildung des Nürnberger Frühneuhochdeutsch 2)
- Henzen, Walter. (1965) *Deutsche Wortbildung*. Tübingen: Niemeyer. [3., durchges. u. erg. Aufl.]
- Herbers, Birgit. (2002) *Verbale Präfigierung im Mittelhochdeutschen. Eine semantisch-funktionale Korpusanalyse*. Tübingen: Niemeyer. (Studien zur mittelhochdeutschen Grammatik 1)
- Hleb — Hermann von Fritzlar. Heiligenleben. 1343-1349, hess.-thür. Textauswahl: cpg 113, fol. 4^r, 13-17^r, 5; 92^v, 18-110^r, 21; 177^v, 9-19^r, 6.
- HTri — Heinrich von Freiberg. Tristan und Isolde (Fortsetzung). 1. Hälfte 14. Jh., omd. Textauswahl: vv. 1-772 (fol. 103ra, 1-106vb, 47); 3005-3766 (118vb, 27-122vb, 46); 5983-6890 (136ra, 1-140vb, 33).
- Iagupova, Larysa. (2013) Idiomatisierte Prefixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen. In: Iagupova, Larysa; Kaliuščenko, Vladimir; Kaṭny, Andrzej & Roll, Heike. (eds) *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013, 183—193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik 1)
- Kaliuščenko, Vladimir D. (1988) *Deutsche denominal Verben*. Tübingen: Gunter Narr Verlag. (Studien zur deutschen Grammatik 30)
- Klein, Thomas; Solms, Hans-Joachim & Wegera, Klaus-Peter. (2009) *Mittelhochdeutsche Grammatik*. Teil III. Wortbildung. Tübingen: Niemeyer.
- Kluge, Friedrich. (1925) *Abriß der deutschen Wortbildungslehre*. Halle (Saale): Niemeyer. [2. Aufl.]
- Kluge, Friedrich. (1989) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin; New York: de Gruyter. [22. Aufl.]
- Leipold, Aletta. (2006) *Verbableitung im Mittelhochdeutschen. Eine synchron-funktionale Analyse der Motivationsbeziehungen suffixaler Verbwortbildungen*. Tübingen: Niemeyer. (Studien zur mittelhochdeutschen Grammatik 2).
- Lexer, Matthias. (1992) *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. In 3 Bdn. Stuttgart: S. Hierzel. (Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872 — 1878)
- Moser, Stephan. (1993) *Substantivische Affixbildung im Frühneuhochdeutschen. Morphologie und Semantik der Präfixe außer ge- und Suffixe -el, -(l/n)er, -(e)rich, -(e/i)ss(e/in), -icht, -in, -lein, -ling*: Inaugural-Dissertation. Würzburg: Julius-Maximilians-Universität.
- Müller, Peter O. (1993) *Substantiv-Derivation in den Schriften Albrecht Dürers: ein Beitrag zur Methodik historisch-synchroner Wortbildungsanalysen*. Ber-

- lin; New York: de Gruyter. (Wortbildung des Nürnberger Frühneuhochdeutsch 1)
- OxBR — Oxforder Benediktinerregel. 1. Hälfte 14. Jh., nordrhfrk.-hess. Textauswahl: fol. 1^r-13^v, 37.
- Paul, Hermann. (1957) *Deutsche Grammatik*. In 5 Bdn. Bd. 5. Wortbildungslehre. Halle (Saale): Niemeyer. [3. Aufl.]
- Prell, Heinz-Dieter & Scheben-Schmidt, Marietheres. (1996) *Die Verbalableitung im Frühneuhochdeutschen*. Berlin; New York: de Gruyter. (Studia linguistica Germanica 41)
- Ring, Uli. (2008) *Substantivderivation in der Urkundensprache des 13. Jahrhunderts: Eine historisch-synchrone Untersuchung anhand der ältesten deutschsprachigen Originalurkunden*. Berlin; New York: de Gruyter. (Studia Linguistica Germanica 96)
- Schützeichel, Rudolf. (1995) *Althochdeutsches Wörterbuch*. Tübingen: Niemeyer. [5., überarb. u. erw. Aufl.]
- Schwarz, Hans. (1986) *Präfixbildungen im deutschen Abrogans. Analyse und Semantik*. Göttingen: Kümmerle.
- Thomas, Barbara. (2002) *Adjektivderivation im Nürnberger Frühneuhochdeutsch um 1500. Eine historisch-synchrone Analyse anhand von Texten Albrecht Dürers, Veit Dietrichs und Heinrich Deichlers*. Berlin; New York: de Gruyter. (Wortbildung des Nürnberger Frühneuhochdeutsch 3)
- TrPs — Trierer Psalmen. Um 1200, rhfrk. (mit alem.-els. Einschlag). Textauswahl: fol. 1^r, 1-12^v, 12; 36^v, 1-52^r, 7; 80^r, 7-94^v, 20.
- Wegera, Klaus-Peter. (1990) *Mittelhochdeutsche Grammatik und Sprachgeschichte*. In: Besch, Werner. (ed.) *Deutsche Sprachgeschichte: Grundlagen, Methoden, Perspektiven. Festschrift für Johannes Erben zum 65. Geburtstag*. Frankfurt am Main; Bern: Peter Lang, 103—113.
- Wegera, Klaus-Peter. (2000) *Grundlagenprobleme einer mittelhochdeutschen Grammatik*. In: Besch, Werner; Betten, Anne; Reichmann, Oskar & Sonderegger, Stefan. (eds) *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. In 2 Teilbänden. Tbd. 2. Berlin: de Gruyter, 2000. [2., vollst. neu bearb. u. erw. Aufl.]
- Wegera, Klaus-Peter & Solms, Hans-Joachim. (2002) *Wortbildung des Mittelhochdeutschen. Zur Methode und zum Stand ihrer Erforschung, dargestellt am Beispiel der Diminutive*. In: Habermann, Mechthild; Müller, Peter O. & Munske, Horst Haider. (eds) *Historische Wortbildung des Deutschen*. Tübingen: Niemeyer, 159—169. (Reihe Germanistische Linguistik 232)
- Weinhold, Karl. (1967) *Mittelhochdeutsche Grammatik*. Paderborn: Schöningh. [2. Ausg., unveränd. Nachdruck]

- Wellmann, Hans. (1975) *Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache Forschungsstelle Innsbruck*. Zweiter Hauptteil. Das Substantiv. Düsseldorf: Schwann, 1975. (Sprache der Gegenwart 32)
- Wilmanns, Wilhelm. (1930) *Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch*. Zweite Abteilung: Wortbildung. Berlin u. Leipzig: de Gruyter & Co. [2. Aufl., unveränd. Neudruck]
- ZwBR — Zwifaltener Benediktinerregel. 1. Viertel 13. Jh., ostalem. Textauswahl: fol. 1^v, 1-27^r, 9; 31r, 2-52r, 5 ohne fol. 44^v und 45^r.

Larisa N. Yagupova
Donetsk State University

**The Corpus Investigation of the Nouns with the Prefix *ur-*
(based on Middle High German)**

The article focuses on the investigation of nouns with the prefix *ur-* in Middle High German (1050 — 1350) on the basis of a corpus of authentic manuscripts representing texts of different types and genres, time periods and dialectal areas. The main principles of the investigation are the dynamics of word-building system development during all the Middle High German period and the variation caused by geographical and partly genre factors. The corpus investigation made it possible to assert that the noun prefix *ur-* in Middle High German is low productive: only three derivatives have been identified as prefix-type ones. In Middle High German orthography of words and their components is yet unstable. That is why in the corpus of manuscripts the prefix *ur-* manifests graphical variability in respect of the vowel. The domination of this or that graphic variant is not connected with dialectal or temporal factors. The usage analysis of motivating stem of nouns without prefixal names let us assume the presence of the pleonastic *ur-* in all cases: as a result all the lexemes under analysis have been identified in the article as word-building pleonasms. As we are dealing with the prefix functional redundancy, base nouns have been identified as the same-root synonyms of derivatives. The analysis of productive nouns with the pleonastic *ur-* in the corpus testifies to the fact that in the course of the period under study they were developing in the direction of idiomatization. There have been traced formation and development ways, tendencies of prefixal noun word-building changes with *ur-* in Middle High German, beginning from Old High German up to the present day.

Keywords: Middle High German; corpus of manuscripts; prefix; noun; dialect; time period

Для цитирования:

Ягунова Л. Н. Корпусное исследование имен существительных с префиксом *ur-* (на материале средневерхненемецкого языка) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 339—355.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-339-355.

To cite this Article:

Yagupova, Larisa N. (2023) Korpusnoye issledovaniye imen sushchestvitel'nykh s prefiksom *ur-* (na materiale sredneverkhnemetskogo yazyka) (The Corpus Investigation of the Nouns with the Prefix *ur-* (based on Middle High German). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 339—355. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-339-355.

Статья поступила в редакцию 23.03.2023; принята к публикации 25.05.2023
The article was submitted 23.03.2023; accepted for publication 25.05.2023

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY STUDIES

О. А. Дронова

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

УТОПИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ УВЕ ТИММА

В немецкой литературе последних десятилетий актуальность жанров утопии и антиутопии возросла. Проблема утопии, утопического героя, взаимоотношений литературы и утопии — одна из центральных в творчестве Уве Тимма (р. 1940), претерпевшая значительную эволюцию. В произведениях последних лет — романе *Икаррия* (2017) и сборнике эссе *Безумец в дюнах: о литературе и утопии* (2020) Тимм подводит своеобразный итог своим размышлениям об утопии. В данном исследовании рассматривается связь утопического дискурса Тимма с постмодернистским контекстом развития утопии: плюрализмом утопий, их индивидуализацией и формированием «конкретных» утопий (практопий). Лейтмотивом рассуждений Тимма становится восприятие литературы как формы утопии в контексте этики писателя: литература как утопическое пространство способствует освобождению и эмансипации индивидуума. Утопический дискурс в творчестве Тимма рассматривается как интертекстуальное поле, пространство диалога с концепциями Томаса Мора, Этьена Кабе, Даниэля Дефо, Иоганна Вольфганга Гете и других авторов. В романе Тимма *Икаррия* рефлексия о немецком прошлом осуществляется через ревизию несостоявшихся утопий, в первую очередь, утопии евгеники. Биография и идеология центрального героя романа — Альфреда Плетца — рассматривается как история Фауста, одержимого утопией самосовершенствования и противоборства с природой. Евгенической утопии физического совершенствования человека противопоставлена гуманистическая концепция становления, воплощенная в судьбе Михаэля Ханзена. Жанровые стратегии воспитательного романа дополняются в романе Тимма интертекстуальными отсылками к роману Гете *Вильгельм Мейстер*. Делается вывод о полижанровой природе романа *Икаррия* — историческом романе, романе воспитания, романе-утопии, обусловленной его полиутопическим дискурсом.

Ключевые слова: Уве Тимм; утопический дискурс; «преодоление прошлого»; интертекстуальность; постмодернизм; «Фауст»; роман воспитания

1. Введение

Многообразие исторически сложившихся форм утопий затрудняет формулировку единого определения этого явления: утопия представляет собой и жанр литературного и философского сочинения, и определенный способ философствования, и тип мышления. По мнению Е. Л. Чертковой, утопия в самом общем плане — способ объяснения и оценки социального бытия через сравнение с идеальным образом будущего (ЧЕРТКОВА 2015: 193).

В эпоху постмодерна судьба утопии становится неоднозначной. Объявленный «конец истории» подразумевает невозможность проективности, что влечет за собой и «конец утопии», о котором уже в 1970-е гг. писал Герберт Маркузе. История двадцатого века ознаменовалась крахом утопических проектов, что дискредитировало саму возможность конструирования идеального образа будущего. Жан Бодрийяр в книге *Прозрачность зла* утверждает, что в наше время утопии «обрели реальные очертания», и «мы не можем больше тешить себя надеждой, что нам еще предстоит дать им жизнь» (БОДРИЙЯР 2000: 8). Кризис рациональности, утрата веры в моральный абсолюте и восприятие мира как хаоса обусловили антиутопичность постмодернистского дискурса. С другой стороны, культура XX века порождает взгляд на утопию как «антропологическую константу» (Э. Блох), как выражение неотчуждаемой способности личности к творчеству (Ф. Аиса, М. Элиаде, Х. Ортега-и-Гассет), в силу чего некоторые исследователи говорят о «ренессансе утопии» в современном мире (ср. [RÖTZER & MARESCU 2004]).

Характерной особенностью современного утопического дискурса является плюралистичность: в нем сосуществуют разнообразнейшие формы утопий, которые не претендуют на универсальность и в разной степени достижимы (ЛЕОНТЬЕВ 2017: 83). Дискурс современной утопии представлен практиками, техноутопиями, экоутопиями, утопиями молодежных контркультур, утопиями искусственного интеллекта и трансгуманизма, а также разнообразными индивидуальными утопическими концепциями.

Кризисные эпохи обостряют потребность в утопии как способе рефлексии о различных сценариях будущего. Глобальные вызовы современного мира — эпидемии, экологические про-

блемы, технологические катастрофы — способствовали актуализации утопии в первые десятилетия XXI в. Немецкий литературный ландшафт последних лет подтверждает востребованность утопического и антиутопического дискурсов в творчестве Кристиана Крахта, Уве Тимма, Уве Телькампа, Юлии Це, Лутца Зайлера и других авторов. Обращает на себя внимание тот факт, что в современной немецкой литературе утопии не всегда выступают как проекция будущего. Актуализируя разрыв между идеалом общественного устройства и практикой реализации утопий в истории XX века, утопический дискурс превращается в способ осмысления немецкого прошлого через ревизию несостоявшихся утопий, становясь способом конструирования культурной памяти нации.

2. Характеристика материала и методов исследования

Проблема утопии занимает важное место в творчестве Тимма (Uwe Timm, р. 1940), начиная с первого романа писателя *Жаркое лето* (*Heißer Sommer*, 1978), посвященного студенческим протестам 1968 г. Эволюция героя этого романа, студента Ульриха Краузе, связана с изменением его отношения к способам воплощения утопических идей на практике: от участия в дискуссиях и протестных акциях Ульрих приходит к решению стать школьным учителем литературы. Герой-утопист находится в центре многих произведений писателя: *Человек на высоком велосипед* (*Der Mann auf dem Hochrad*, 1984), *Красный цвет* (*Rot*, 2001) и др. Утопическое сознание, представляя собой форму идеализма, выступает средоточием этической концепции Тимма. Судьба утопий в двадцатом веке становится точкой сопряжения экзистенциальной проблематики произведений писателя и рефлексии о немецком прошлом и настоящем. Взаимоотношение литературы и утопии рассматривалось Тиммом в ранний период в основном в контексте политической ангажированности и активизма художника; позднее Тимм пишет о литературе как «прекрасном сослагательном наклонении», форме инобытия, взаимодействие с которой должно привести к эмансипации читателя (SCHÜTZ 2020; ТИММ 1993: 110-118). В произведениях последних лет — романе *Икартия* (*Ikarien*, 2017) и сборнике эссе *Безумец в дюнах. Об утопии и литературе* (*Der Verrückte in den Dünen. Über*

Utopie und Literatur, 2020) Тимм подводит своеобразный итог своим размышлениям об утопии и утопическом сознании.

Теоретической основой настоящего исследования служат работы Н. В. Ковтун, В. Воскампа, Г. Г. Ишимбаевой, Н. Т. Пахарьян, посвященные специфике утопического дискурса и эволюции утопического жанра в русской и зарубежной литературах. Как было сказано выше, многоаспектность утопии затрудняет определение границ этого феномена, нередко в исследованиях термины *утопия*, *утопическое сознание* и *утопический дискурс* используются как синонимы. Н. В. Ковтун определяет утопию как «антижанр» и «метажанр», элементы которого могут проникать в роман, новеллу, повесть или драму (КОВТУН 2005: 22-33). В настоящем исследовании используется понятие утопического дискурса, отражающее динамичный и процессуальный характер феномена утопии, ее полифункциональность и способность проникать в различные жанры. Мы исходим из концепции дифференциации жанра и дискурса В. И. Тюпы, в которой жанр понимается как категория инвариантная, а дискурс — собирательная. Дискурс представляет собой «интертекстуальное коммуникативное пространство, как правило, разножанровое, *полевую* структуру, ограниченную регулятивными границами социокультурных практик» (ТЮПА 2011).

В исследовании использован комплексный подход, включающий элементы герменевтического, структурного и интертекстуального методов и подходов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Эссе сборника Тимма *Безумец в дюнах. О литературе и утопии* посвящены разнообразным формам утопий и проявлениям утопического сознания вне какой-либо систематизации. Утопический дискурс предстает не только плюралистичным, но и субъективным. Тимм анализирует классические утопии Т. Мора и Э. Кабе, утопические мотивы в творчестве Д. Дефо, Г. Клейста, А. Шмидта, К. Крахта и Л. Зайлера, успешные и безуспешные попытки воплощения в жизнь утопических проектов, а также личности и биографии утопистов, будь то Карлос Гезель, герой титульного эссе *Безумец в дюнах*, построивший курортный поселок в непригодном для этого ландшафте, парагвайский диктатор Родригес де

Франсия, художник-графити Яннек Роттенберг или экоактивистка Грета Тунберг. Признавая тот факт, что современности ближе дух дистопии, Тимм пытается нащупать возможности и перспективы современной утопии, понимая ее сущность предельно широко, как «Gegenwirklichkeit» (Тимм 2020: 8) — действительность, противоположную существующей, порождающую рефлексию об альтернативах развития человечества. Утопическая концепция Тимма складывается во многом под влиянием философии Эрнста Блоха — одного из крупнейших теоретиков утопии, считавшего, что утопизм имманентен миру и присутствует в нем как потенциально возможное, но еще не реализованное изменение. Тимм часто упоминает и цитирует Блоха в своих романах и эссе. Подобно Блоху, Тимм говорит о необходимости «конкретной» утопии, «несовершенной, но достижимой» (ibid.: 10).

Лейтмотивом размышлений писателя становится статус литературы как формы утопии. По мнению писателя, литература воплощает первоначальный смысл самого понятия «у-топия» — место, которого не существует, «der Nicht-Ort» (ibid.: 8). Будучи утопическим пространством, не укорененным в реальном мире, литература представляет собой пространство индивидуальной свободы: «Eine Verweigerung der Nur-Realität, ein grundsätzliches Anders-Sein gegenüber dem Jetzt-und Hier-Sein» (ibid.: 137). Утопия литературы противопоставлена не только существующей социальной действительности, но и проектам идеального общественного устройства в классических утопиях. Тимм критикует статичность утопии Мора и обращает внимание на то, что искусству в ней отводится строго ограниченная и незначительная роль (ibid.: 171). В рационально сконструированных утопиях исчезает не только свобода, но и естественность: «Das Ungewöhnliche, Zufällige, Ekstatische, Anarchische, auch Spielerische, all das hat in dem rationalen Staat Utopia keinen Platz» (ibid.: 169).

Заключительное эссе сборника — *Пространство пробуждения (Aufwachraum)* — посвящено современной утопии медицины — трансгуманизму. Тимм видит опасность в том, что медицинские эксперименты позволяют не только восстанавливать человеческий организм, но и в перспективе совершенствовать физическую природу человека. По его мнению, идеи об улучшении че-

ловеческой природы восходят к утопической концепции евгеники и, в конечном итоге, близки расовой теории.

Идеи эссе *Пространство пробуждения* непосредственно связаны с проблематикой романа *Икаррия* — на данный момент последнего романа Тимма, посвященного биографии немецкого врача, евгеника Альфреда Плетца (1860 — 1940). Название романа восходит к утопии французского философа и коммуниста Этьенна Кабе *Путешествие в Икаррию*, публикация которой в 1840 г. повлекла за собой попытки воплотить в жизнь созданный автором идеал общества, основанного на идее всеобщего равенства и отказе от частной собственности. Увлеченность Плетца идеями Кабе — известный факт его биографии. Вместе с писателем Герхардом Гауптманом и его братом Карлом Гауптманом Плетц основал тайное общество «Пацифик», целью которого было создание социалистической общины на одном из островов Тихого океана. Но посещение коммуны икаррианцев в Америке вызвало у Плетца глубокое разочарование и привело его к мысли о необходимости улучшения человеческой природы и расы как необходимой предпосылки построения справедливого общества. В романе Тимма исследуется мутация утопического стремления к совершенству в евгеническую концепцию, которая стала краеугольным камнем теории «расовой гигиены», обоснованной в трудах Плетца.

Евгенические идеи были одним из столпов фашистской идеологии. Однако близкие к евгенике идеи циркулировали и в классических утопиях: так, Томас Мор и Томазо Кампанелла фактически приравнивают заключение брака к покупке животного. Мысли об «улучшении чистоты крови» и «усовершенствовании человеческой расы» путем запретов браков, от которых может появиться большое потомство, звучат и в *Путешествии в Икаррию* Кабе. На рубеже XIX — XX вв. евгенические идеи и в целом дарвиновская теория естественного отбора оказывали значительное влияние на утопический жанр, представая в форме различных проектов по сознательной эволюции в творчестве Э. Бульвер-Литтона, П. Грега, М. Растофа, Г. Уэллса.

Роман *Икаррия* относится к литературе «расчета с прошлым». Действие романа происходит после смерти Плетца, в ситуации «часа нуля» («Stunde Null»), в разрушенной Германии. Название

романа подразумевает ироничное сопоставление утопического пространства Икарии и послевоенной Германии как пространства энтропии утопии. Вместе с американской армией в Германию прибывает связист Михаэль Ханзен — немец, семья которого эмигрировала в Америку в тридцатые годы. Ханзену поручено изучение биографии и идей Плетца, для чего он должен допросить друга и «фамулуса» ученого — Карла Вагнера. Герои романа Тимма соотносимы с характерными для утопий фигурами: носитель утопического сознания — Плетц, путешественник-наблюдатель — Ханзен и его проводник и одновременно носитель «утопического пафоса» произведения — Карл Вагнер. Структура романа *Икария* фрагментарна и включает транскрипции аудиозаписей бесед Ханзена и Вагнера, авторское повествование о службе Ханзена в Германии, отрывки документов и дневниковых записей Ханзена.

Сочетание «фамулус Вагнер» закономерно вызывает ассоциации с трагедией Гете *Фауст*, выступающей как важнейший претекст романа Тимма. Плетцу присущи «фаустовские» характеристики — титанизм, вечное беспокойство, перфекционизм, одержимость трудом, как и мотив гибриса — попытки человека выйти за отведенные ему пределы:

Wo kein Gott ist, muss der Mensch eben seine Arbeit übernehmen, und das meint auch, die Arbeit an sich als Spezies, um über sich hinauszugehen (ТИММ 2019: 92).

В основе идеологии Плетца — фаустовское стремление к совершенству, мутировавшее в евгеническую концепцию, нацеленную лишь на физическое совершенствование человека. Специфика утопических идей Плетца — сочетание биологизма, противоборства с природой, с идеей социального переустройства — близка утопическим проектам Фауста второй части трагедии Гете, когда тот вступает в борьбу с силами природы, чтобы основать идеальное общество: «народ свободный на земле свободной» (ГЕТЕ 1976: 423; см. также [ИШИМБАЕВА 2018: 131]). Фаустовский текст в романе Тимма представлен разноплановыми аллюзиями и цитатами. Плетц сравнивает Бога со стариком в «театральном кресле», наблюдающим за «человеческой комедией», трудовую политику рейха с фаустовским планом по отвоеванию суши у

моря (Тимм 2019: 90), а свою жену, прекрасную Аниту, называет исключительно «гречанкой», что вызывает ассоциации с гетевской Еленой. Эти аллюзии свидетельствуют о самоидентификации Плетца с Фаустом — деятельным преобразователем природы. В воспоминаниях Карла Вагнера о финале жизни Плетца содержится визуальная цитата из трагедии Гете: нарисованная мелом пентаграмма в рабочем кабинете Плетца, напоминающем готическую комнату Фауста. Незадолго до смерти Плетц собрал коллег, чтобы признать неудачу своих научных экспериментов. Разочарование Плетца высвечивает сюжет романа Тимма как своего рода *Фауст* наоборот: итогом жизни героя становится трагедия ученого, которая у Гете выступает исходной точкой сюжетного развития.

Образ Плетца связан не только с героем трагедии Гете, но и со средневековыми интерпретациями сюжета о Фаусте и шире — с фигурой Фауста как важнейшим немецким политическим мифом. Как отмечает М. Бауэр, миф о Фаусте, начиная с девятнадцатого века, служил образом самоидентификации немцев и стал одним из способов интерпретации трагедии немецкой истории двадцатого века (BAUER 2018: 296-297). Миф о Фаусте в зависимости от исторического контекста мог связываться с разным содержанием: в германской империи и в Третьем рейхе фигура Фауста была глаорифицирована, а затем превратилась в объект критического осмысления (ibid.: 298). Двойственная трактовка фаустовского мифа возникает и в романе Тимма в контексте самоидентификации Плетца с Фаустом и оценки его наследия Вагнером. Исследовательница взаимоотношения между мифом и историческим нарративом в творчестве Тимма, К. Гермер пишет, что Тимм не только занимается

коллективными мифами немецкого прошлого», но и активно рефлехтирует сам процесс «мифологизации коллективной памяти посредством литературы (GERMER 2012: 25).

По мнению Тимма, процесс мифологизации истории неизбежен, ведь миф «это способ смыслополагания, это сосуд, наполняемый содержанием» (Тимм 2015: 45). Беседы Ханзена и Вагнера моделируют процесс передачи исторического свидетельства от поколения к поколению и формирования коммуникативной памяти.

По мнению М. Хильшера, в романе Тимма возникают и отдельные аллюзии на роман Т. Манна *Доктор Фаустус*: повествование о судьбе гения от имени его друга указывает на параллель между Вагнером и Цейтбломом, кроме того, Вагнер, как и Цейтблом — филолог, носитель идей гуманизма и воплощение среднего человека (HIELSCHER 2020). Вагнер выступает в романе Тимма не столько как «фамулус» Плетца, сколько как его идейный противник, носитель иных утопических идей. Вагнер — социалист и анархист, он разделяет разочарование Плетца в икаринской утопии, но связывает его с чрезмерной рационалистичностью всех утопий, воплощение которых оборачивается попытками контроля над человеческой природой:

Allen utopischen Gesellschaften ist das eigen, sie sind dem Rationalen, Konstruierten, der Mathematik verpflichtet. Sie versuchen das Chaotische der individuellen Neigungen, Lüste, der unberechenbaren Affekte zu regulieren (ТИММ 2019: 152).

В своей критике утопий Вагнер выступает как alter ego автора. Основной объект критики Вагнера — евгенические идеи Плетца, в которых прогресс достигается путем уничтожения всего слабого. По мысли Вагнера, именно слабость выступает источником прогресса и запроса на перемены:

es sind gerade die Schwachen (...), die verändern, es sind die Schwachen, die von der Unvollkommenheit wissen, es sind die Schwachen, die in sich die Hoffnung tragen, dass die dumpfe, vor Kraft und Blut dampfende Natur nicht im Recht ist ...es sind nicht die in Saft und Kraft Stehenden, sondern die Verstümmelten, die an sich und dieser Welt Leidenden, die das Licht der Erkenntnis in sich tragen, die Schwachen sind die Starken, weil sie nach Gerechtigkeit verlangen (ibid.: 388).

Беседы с Вагнером запускают процесс внутренних изменений Михаэля Ханзена. Руководитель проекта изучения наследия Плетца, майор Энгель, называет столкновение с послевоенной действительностью лишь «инициацией», а исследование биографии Плетца — настоящим испытанием. Энгель иронично сравнивает свою деятельность с «Обществом Башни», что подразумевает сопоставление Ханзена и Вильгельма Мейстера. История Михаэля Ханзена развивается в рамках жанровой модели

романа воспитания и, в некоторой степени, романа странствий: источником жизненного опыта героя становятся случайные встречи во время путешествий по Германии. Погружение в немецкую историю, чтение книг и размышление о немецком языке заставляют Ханзена осознать свою немецкую идентичность. Финал романа открыт: Ханзен размышляет о возможности остаться на родине и посвятить себя практической деятельности, в частности, изучению медицины («Medizin hätte ich studieren sollen, dachte Hansen, tätig werden» [ТИММ 2019: 465]). Другой возможный проект Ханзена — основать в Германии сеть американских читален, где можно будет знакомиться с ранее запрещенными книгами. Таким образом, концепция становления героя в романе Тимма близка роману *Вильгельм Мейстер*, в котором, как пишет В. Фоскамп, возникает «примирение» между личными устремлениями и социумом, между индивидуальной утопией воспитания и развития и прагматическим концептом «деятельности» (VOSSKAMP 2016: 193).

В пространственной организации романа можно выделить оппозицию реального пространства — разрушенных Франкфурта, Мюнхена и Гамбурга — и изолированных пространств, воплощающих утопию литературы: подвал книжного магазина, где много месяцев скрывается Вагнер, и библиотеки, построить которые мечтает Ханзен. В подвале — «литературном подполье» («in der literarischen Unterwelt») (ТИММ 2019: 81) — вместе с Вагнером в годы террора находят убежище книги запрещенных писателей. Вагнер организует особый культурный континуум, расставляя запрещенные книги по ему одному известной схеме, применяя к ним «политическую концепцию децентрализации», так что запрещенная высокая литература соседствует с дешевой беллетристикой. Книжный подвал, как и библиотека, выступают как пространства освобождения и эмансипации индивидуума, «конкретные утопии», воплощают авторский взгляд на литературу как силу, способную воздействовать на общество.

4. Заключение

Утопический дискурс в позднем творчестве Тимма близок постмодернистским концепциям утопии: современные утопии в понимании писателя плюралистичны, субъективны и конкрет-

ны, то есть, достижимы. С другой стороны, природа утопизма литературы в восприятии Тимма неотделима от этической концепции писателя. Утопический дискурс в творчестве Тимма представляет собой интертекстуальное поле, пространство диалога с утопическими концепциями Мора, Кабе, Дефо, Гете и других авторов. Утопический дискурс романа *Икаррия* плюралистичен: в нем осмысливается евгеническая утопия, утопия икаринцев, утопия прогресса, утопия литературы, утопия языка и другие утопии. Центральным в идейной концепции *Икаррии* является противопоставление двух утопических проектов, направленных на совершенствование человека: возвращение сверхчеловека, бесконечное улучшение его физической природы и гуманистическая концепция становления человека как индивидуального проекта, его эмансипации и стремления к практической деятельности. Утопии Фауста, которая оборачивается разрушением самих основ бытия, противостоит созидательная утопия Вильгельма Мейстера. Многообразие форм утопии в романе *Икаррия* обуславливает полижанровую природу произведения как исторического романа, романа «расчета с прошлым», романа воспитания и романа-утопии.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. [Baudrillard, Jean. (2000) *Prozrachnost' zla* (The Transparency of Evil). Moscow: Dobrosvet. (In Russian)].
- Гете И. В.* Фауст // Гете И. В. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1976. [Goethe, Johann Wolfgang. (1976) Faust. In: Goethe, Johann Wolfgang. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 10 vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (Artistic Literature). (In Russian)].
- Ишимбаева Г. Г.* Финальная утопия трагедии И.-В. фон Гете «Фауст» // Вестник Башкирского ун-та. 2018. Т. 23. № 1. С. 130—136. [Ishimbayeva, Galina G. (2018) Final'naya utopiya tragedii J. W. fon Goethe "Faust" (Final Utopia of J. W. von Goethe's Tragedy "Faust"). *Bulletin of Bashkir University*, v. 23, No. 1, 130—136. (In Russian)].
- Ковтун Н. В.* Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск: Томский гос. ун-т, 2005. [Kovtun, Natalya V. (2005) *Russkaya literaturnaya utopiya vtoroy poloviny XX veka* (Russian Literary Utopia of the second Half of the 20th Century). Tomsk: Tomsk State

- University. (In Russian)].
- Леонтьев Г. Д. Антиутопичность постмодернизма или постмодерн утопического? // *Tempus et Memoria*. 2017. Т. 12. № 2/164. С. 78—86. [Leontyev, Gleb D. (2017) Antiutopichnost' postmodernizma ili postmodern utopicheskogo? (Dystopianism of Postmodernism or Postmodern Utopianism?). *Tempus et Memoria*, 12, No. 2/164, 78—86. (In Russian)].
- Тюна В. И. Жанр и дискурс // Критика и семиотика. 2011. Вып. 15. С. 31—42. [Tjuna, Valeriy I. (2011) Zhanr i diskurs (Genre and Discourse). *Kritika i semiotika* (Criticism and Semiotics), 15, 31—42. (In Russian)].
- Черткова Е. Л. Утопия как философский проект // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 190—201. [Chertkova, Yelena L. (2015) Utopiya kak filosofskiy proekt (Utopia as a Philosophical Project). *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 5, 190—201. (In Russian)].
- Bauer, Manuel. (2018) *Der literarische Faust-Mythos*. Stuttgart: J. B. Metzler.
- Germer, Kerstin. (2012) *(Ent-)Mythologisierung deutscher Geschichte. Uwe Timms narrative Ästhetik*. Göttingen: V & R unipress.
- Hielscher, Martin. (2020) Ikarien — Utopie und Dystopie im Roman von Uwe Timm. In: Hielscher, Martin & Marx, Friedhelm. (eds) *Wunschort und Widerstand. Zum Werk Uwe Timms*. Göttingen: Wallstein Verlag, 237—262.
- Rötzer, Florian & Maresch, Rudolf. (eds) (2004) *Renaissance der Utopie. Zukunftsfiguren des 21. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Schütz, Laura. (2020) Zwischen Unterhaltung und Aufklärung. Uwe Timms Poetik des utopischen Realismus im Kontext der (Literatur-)Geschichte und aktueller Realismus-Debatten. In: Hielscher, Martin & Marx, Friedhelm. (eds) *Wunschort und Widerstand. Zum Werk Uwe Timms*. Göttingen: Wallstein Verlag, 107—127.
- Timm, Uwe. (1993) *Erzählen und kein Ende. Versuche zu einer Ästhetik des Alltags*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Timm, Uwe. (2015) Mythos. In: Timm, Uwe. *Montaignes Turm. Essays*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 33—58.
- Timm, Uwe. (2019) *Ikarien*. München: dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG.
- Timm, Uwe. (2020) *Der Verrückte in den Dünen. Über Utopie und Literatur*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Voßkamp, Wilhelm. (2016) *Emblematik der Zukunft. Poetik und Geschichte literarischer Utopien von Thomas Morus bis Robert Musil*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.

Olga A. Dronova
Derzhavin Tambov State University

Utopian Discourse in Uwe Timm's Late Work

In the German literature of the last decades, the relevance of the genres of utopia and dystopia has increased. The problem of utopia, the utopian hero, the relationship between literature and utopia is one of the central ones in the work of Uwe Timm (b. 1940), which has undergone a significant evolution. In the works of recent years — the novel *Ikaria* (2017) and the collection of essays *The Madman in the Dunes: about Literature and Utopia* (2020), Timm sums up his reflections on utopia in a peculiar way. This study examines the connection of Timm's utopian discourse with the postmodern context of utopia development: the pluralism of utopias, their individualization and the formation of «concrete» utopias (practopias). The leitmotif of Timm's reasoning is the perception of literature as a form of utopia in the context of the writer's ethics: literature as an utopian space contributes to the liberation and emancipation of the individual. Utopian discourse in Timm's work is considered as an intertextual field, a space of dialogue with the concepts of Thomas More, Etienne Cabet, Daniel Defoe, Johann Wolfgang Goethe and other authors. In Uwe Timm's novel *Ikaria*, reflection on the German past is carried out through the revision of failed utopias — first of all, the utopia of eugenics. The biography and ideology of the novel's central character, Alfred Ploetz, is seen as the story of Faust, obsessed with the utopia of self-improvement and confrontation with nature. The eugenic utopia of the physical perfection of man is opposed by the humanistic concept of the formation of man, embodied in the fate of Michael Hansen. Genre strategies of the educational novel are supplemented in Timm's novel by intertextual references to the novel by J. W. Goethe *Wilhelm Meister*. The conclusion is made about the poly-genre nature of the novel *Ikaria*: a historical novel, a novel of upbringing, a novel-utopia due to the polyutopic discourse of the work.

Keywords: Uwe Timm; utopian discourse; “overcoming the past”; intertextuality; postmodernism; “Faust”; the novel of education

Для цитирования:

Дронова О. А. Утопический дискурс в позднем творчестве Уве Тимма // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 357—370.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-357-370.

To cite this Article:

Dronova, Olga A. (2023) Utopicheskiy diskurs v pozdnem tvorchestve Uve Timma (Utopian Discourse in Uwe Timm's Late Work). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 357—370. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-357-370.

Статья поступила в редакцию 27.01.2023; принята к публикации 22.04.2023
The article was submitted 27.01.2023; accepted for publication 22.04.2023

А. И. Жеребин

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

**У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ:
ПРОФЕССОР Ф. А. БРАУН***

Статья посвящена научной деятельности профессора Федора Александровича Брауна (1868 — 1942), чьи труды открывают историю русской германистики как филологической дисциплины. Воспитанник культурно-исторической школы, ближайший ученик и последователь академика А. Н. Веселовского, продолживший свое научное образование в Германии под руководством Германа Пауля и во Франции под руководством Фердинанда де Соссюра, Браун избрал главным предметом своих исследований историю взаимоотношений древних германцев и восточных славян, отразившуюся в памятниках средневековой письменности. Его многочисленные работы на эту тему явились первым опытом внедрения принципов исторической поэтики и сравнительно-исторического метода в область германистики и получили международное признание. Однако медиевистикой научные интересы Брауна не исчерпывались. Его статьи из истории немецкого романтизма внесли заметный вклад в освоение романтической традиции в эпоху русского символизма, его лекционные курсы на кафедре романо-германской филологии Санкт-Петербургского университета и деятельность организованного им «Неофилологического общества» способствовали формированию германской филологии в России и надолго определили путь ее развития. Особый интерес представляет его роль посредника между русской и немецкой наукой. После эмиграции из Советской России он активно участвовал в создании берлинского журнала «Беседа», созданного М. Горьким с целью консолидации духовной культуры Европы и России, разъединенных событиями Первой мировой войны и русской революции. Реализации этой программы служила и многогранная деятельность кафедры истории Восточной Европы в Лейпцигском университете, которую Браун возглавлял с 1927 по 1934 г. Именно эти наименее известные аспекты научной биографии профессора Брауна, ученого и общественного деятеля, остро чувствовавшего ритм своего времени, являются предметом анали-

* Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на пленарном заседании XX съезда РСГ.

тического описания в данной работе.

Ключевые слова: Ф. А. Браун; германская филология; культурно-историческая школа; сравнительно-исторический метод; интеллигенция

Введение

Научная биография профессора Федора Александровича Брауна (1868 — 1942) — неотъемлемая часть истории русской германистики, зародившейся на почве исторической поэтики и сравнительного-исторического метода, обоснованных в трудах академика А. Н. Веселовского. Браун принадлежал к числу его ближайших учеников, наряду с Д. К. Петровым и В. Ф. Шишмаревым, первыми русскими специалистами в области романской филологии. В течение многих лет они работали на кафедре романо-германской филологии Санкт-Петербургского университета. Браун был старше своих коллег-романистов, почти на десять лет старше Петрова и почти на двадцать старше Шишмарева, видевшего в Брауне одного из своих учителей. Судьбы этих ученых, поначалу такие сходные, сложились затем по-разному: Петров скончался уже в 1925 г., Шишмарев стал советским академиком, Браун — немецким профессором, печатавшим свои поздние работы под именем Фридрих Браун. Возможно, вследствие этого, о нем нечасто вспоминали как в СССР, где его переезд в Германию казался идеологически сомнительным, так и в Германии, где русский период его творчества почти выпал из поля зрения историков науки. Между тем, деятельность проф. Брауна, крупного ученого-исследователя и организатора научной жизни, несомненно, послужила краеугольным камнем филологической школы Санкт-Петербургского, а затем и Ленинградского университета, той школы, которая, дав пищу для подражаний и споров, обеспечила тем самым дальнейшее развитие германской филологии в советское время.

Характеристика материала и метода исследования

В работах Брауна отчетливо обнаруживаются все достоинства и недостатки петербургской филологической школы, точнее — ее исторически обусловленные признаки. Едва ли не важнейшим из них справедливо принято считать широкую осведомленность ученого во всех областях гуманитарного зна-

ния, своего рода полигисторскую образованность. А. Н. Веселовский писал, что история литературы — это «*res nullus*», «ничья земля», куда «заходят охотиться» представители всех других государств ученого мира (ВЕСЕЛОВСКИЙ 2006: 57). Ученики Веселовского чувствовали себя коренными жителями этой «ничьей земли». Они провозгласили ее неким сверхнациональным государством и добились для себя права охотиться во всех странах, не признавая государственных границ. Концепция исторической поэтики, на которую они опирались, это право не столько оспаривала, сколько узаконивала.

Царицей наук представлялась им не философия, а история. Именно культ всеобщей истории при отсутствии ясно выраженной философской методологии обусловил тот научный универсализм, который допускал включение этнографии и палеонтологии, лингвистики и литературоведения в сферу единой филологической науки без берегов. Такая «безбрежность» сочеталась, однако, в трудах петербургских филологов, с одной стороны, с изысканной строгостью научных приемов, доходившей порой до интеллектуального аскетизма, с другой — с подчеркнуто серьезным отношением к просветительно-педагогической деятельности (воспитанию учеников, чтению лекций, созданию учебников, которым придавалось значение едва ли не наиболее совершенных научных произведений). Можно предположить, что признаки подобного рода соотносятся между собой как элементы целостной системы научного мышления, и научное творчество Брауна может служить ее образцовым воплощением.

Литература, посвященная проф. Брауну, сравнительно невелика. Первоначальные сведения о нем дает краткая справка в *Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Санкт-Петербургского университета* за 1869 — 1894 гг.:

Браун Ф. А., родился в Санкт-Петербурге 20 июня 1862 г. Воспитывался в СПб. классической гимназии <...> Осенью 1881 г. поступил в СПб. университет, где занимался специально романо-германской филологией. В 1885 г. за исследование об англосаксонской поэме «Беовульф» удостоен золотой медали и оставлен при университете с целью приготовления к профессорскому званию. Тогда же отправился для продолжения научных занятий за границу, где оставался 2¹/₂ года <...> В 1888 г. утверждён приват-

доцентом по кафедре романо-германской филологии и сверх того лектором немецкого языка. В настоящее время состоит также преподавателем истории всеобщей литературы на Высших женских и педагогических курсах (БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 1896: 90-91).

Выборочная библиография в конце словарной статьи показывает, что интересы молодого ученого лежали преимущественно в области истории взаимоотношений славянского и германского миров, притом исследовал он эти вопросы не в строго лингвистическом или историко-литературном, а скорее в археологическом аспекте, касающемся древностей в широком смысле (см. ТИХОНОВ 2016: 72). Первая научная работа Брауна, написанная им после окончания университета, озаглавлена *Die letzten Schicksale der Krimgoten* (*Судьбы последних крымских готов*). Опубликованная в 1890 г. в Петербурге, но на немецком языке (BRAUN 1890), она явилась результатом экспедиции ученого в Крым, где он изучал быт и язык последних потомков готов на Азовском побережье и производил раскопки в развалинах древней столицы Крыма — готского княжества Теодоро на Манкупе (см. НЕПОМНЯЩИЙ 2016: 177-192).

Готскому вопросу была посвящена и докторская диссертация Брауна под заглавием *Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: Готы на Висле*, напечатанная в 1899 г. (БРАУН 1899). Предполагалось, что последуют еще два тома, в которых автор должен был выяснить готский период в жизни восточного славянства. Однако издание ограничилось первым томом, как не получили завершения и некоторые позднейшие работы ученого.

Следующая публикация, проливающая свет на биографию Брауна, относится лишь к 1915 г., когда университет отмечал 25-летие его научной деятельности. Это специальный выпуск *Записок Неофилологического общества*, изданный в честь профессора Брауна его учениками и коллегами. Состав авторов, среди которых И. А. Бодуэн де Куртенэ и А. А. Шахматов, Л. В. Щерба и В. Ф. Шишмарев, А. А. Смирнов и В. М. Жирмунский, особенно показателен в связи с открывающим сборник посвящением, где говорится:

Дорогой Федор Александрович! Ваши ученики, друзья и почитатели просят Вас принять этот подарок — сборник статей — в знак их давней любви и глубокого уважения к Вам. В течение Вашей 25-летней учено-педагогической деятельности все они видели в Вас или учителя, или друга, или сотрудника на ниве отечественного просвещения. За эти долгие годы Вы многих научили, многих утешили, никого не обидели. Участники сборника молят Святое провидение, да сохранит Оно Вас еще на многие годы для их общей радости, для пользы Неофилологического общества, университета и русской науки (ПЕТРОВ & ТИАНДЕР 1916: 5).

В 1915 г. Брауну только 53 года, но он уже пятнадцать лет как профессор и проявил себя не только как ученый, но и как представитель университетской администрации: с 1900 г. он последовательно был ученым секретарем историко-филологического факультета, его деканом и проректором университета.

Общее представление о научной деятельности Брауна после 1900 г. дает *Записка об ученых трудах профессора Брауна*, составленная в 1927 г. академиками С. Ф. Платоновым, И. Ю. Крачковским и С. Ф. Ольденбургом (ПЛАТОНОВ 1927: 1517-1520) в качестве рекомендации к избранию Брауна членом-корреспондентом АН СССР. Из нее следует, что главные усилия Брауна были направлены в эти годы на изучение памятников скандинавской письменности, относящихся к России и Востоку. Браун проработал весь материал исландских саг, чтобы издать в полном объеме те из них, которые построены на русских мотивах. Одновременно с исследованием русских эпизодов в сагах он изучает руническую шведскую письменность, поскольку она давала наиболее достоверные сведения о поездках скандинавов на Восток и в Россию. При содействии Академии наук Браун трижды побывал в Швеции, где исследовал все интересовавшие его камни. Путным он изучал эпизод, связанный с именем шведа Ингвара, жившего на Руси в княжение Ярослава (БРАУН 1910: 65-82). Результаты этих исследований появились частью в русских, частью в шведских научных журналах, но общего издания материалов, собранных Брауном по сагам и рунам, осуществлено не было — этому помешала начавшаяся мировая война.

В 1920 г. шведская Академия наук избрала Брауна своим иностранным членом, и можно утверждать, что именно труды

ученого в области скандинавской филологии пользуются и сегодня наибольшей известностью (СВЕРДЛОВ 1976: 221-225). Наиболее полная библиография трудов проф. Брауна содержится в посвященной ему статье в *Internationales Germanistenlexicon* (BELOBRATOW & JOOST 2003: 262-264).

Результаты исследования и их обсуждение

Удивительно, что ни одна из публикаций, посвященных проф. Брауну, не уделяет должного внимания его работам по истории немецкой и английской литературы. Дело, вероятно, в том, что собственно историко-литературные штудии Брауна представлены либо в виде лекций, либо в виде статей и предисловий в популярных изданиях, таких, например, как собрания сочинений Шекспира (БРАУН 1902: 122-129; 434-445) и Байрона (БРАУН 1904: 373-378) в издании Брокгауза и Эфрона.

Значение предисловий Брауна к сочинениям Шекспира и Байрона не столько в научной актуальности их содержания, сколько в отчетливости методологических установок автора. Приведя, например, критические оценки исторической драмы Байрона *Двое Фоскари*, Браун затем замечает:

Пишущий эти строки должен сознаться, что и он также не принадлежит к поклонникам драмы, которую взялся снабдить предисловием. С другой стороны, он понимает, что налицо литературный факт, который, конечно, имеет свой *raison d'être*, и что выяснение этого последнего есть тоже задача если не благодарная, то, во всяком случае, нужная (*ibid.*: 373).

В этих словах — символ веры ученого; главным для него всегда оставался принцип историзма, согласно которому и создания гения, и произведения откровенно слабые в равной степени заслуживают внимания исследователя, выстраиваясь в единый ряд «литературных фактов».

Особый интерес представляют литературоведческие работы Брауна для знаменитой и блестящей *Истории западной литературы XIX века 1800 — 1910* под редакцией Ф. Д. Батюшкова, которому удалось привлечь к участию весь цвет русской культуры тех лет — историков, философов, писателей, включая Валерия Брюсова и Вячеслава Иванова. Издание не было завершено; так и не появился последний том, в котором Браун собирал-

ся поместить статью о Пауле Гейзе. Но и трех вышедших томов достаточно для того, чтобы судить, насколько активным было его участие в этом издании. В томе первом ему принадлежит раздел «Немецкий романтизм», посвященный преимущественно поэтам Йенского кружка (Браун 1912: 207-233), в томе втором глава «Немецкий романтизм: Гейдельбергский кружок. Берлинский кружок» (БРАУН 2013: 210-227), в томе третьем — написанная совместно с В. М. Жирмунским глава «Немецкий романтизм и наука» (БРАУН 2014: 478-497).

В начале XX в. культура романтизма привлекала к себе, как известно, повышенное внимание ученых и художников, и статьи Брауна на эту тему заслуживают специального изучения в широком общеевропейском контексте неоромантизма. *История западной литературы* начала выходить с 1912 г., то есть за два года до появления первой книги Жирмунского *Немецкий романтизм и современная мистика* (1914), где он развивал теорию «мистического реализма» йенских романтиков и намечал дальнейшую эволюцию романтизма в Германии — через эстетизацию романтического чувства жизни у гейдельбержцев к религиозному отречению от мира и к романтическому эпигонству.

Можно предположить, что ближайшим источником этой концепции явились не только исследования немецких ученых, в особенности вышедшая в 1908 г. книга Оскара Вальцеля *Немецкий романтизм*, но и взгляды на романтизм Брауна, у которого Жирмунский учился в Санкт-Петербургском университете. Статьи Брауна, где эстетическая и литературная система немецкого романтизма рассматривалась в ее динамике, как отражение, а затем как результат кризиса «своеобразной метафизики» (БРАУН 1913: 210) йенской школы, выступают своего рода промежуточным звеном между работами Вальцеля и Жирмунского. Знаменательно, что статья Жирмунского «Проблема эстетической культуры в произведениях гейдельбергских романтиков» появилась в вышеупомянутом юбилейном сборнике в честь профессора Брауна и что именно ему, «глубокоуважаемому и дорогому учителю» (ЖИРМУНСКИЙ 1914), посвящает Жирмунский свою книгу 1914 года.

Интересы и методология Брауна как исследователя историко-литературного процесса нашли отражение и в курсе лекций по истории всеобщей литературы, которые он многие годы читал как в университете, так и на Высших женских Бестужевских курсах. В фондах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге сохранилось восемь машинописных брошюр, содержащих в основном один и тот же текст, как он был записан слушателями проф. Брауна в разные годы. В совокупности лекции охватывают материал от поздней античности до начала эпохи Возрождения включительно. Одна из тетрадей озаглавлена «История немецкой литературы» без указания хронологического периода, но и здесь изложение доведено только до эпохи Реформации (БРАУН б/г).

Характернейшая черта лекций Брауна — сочетание простого и выразительного языка со строго научной объективностью исследовательской мысли, не допускающей ни малейших смысловых упрощений. Такова, например, лекция, посвященная *Песни о Нибелунгах*, где ознакомительный пересказ сюжета искусно подчинен научному анализу морфологической структуры памятника, а последний полемически направлен на опровержение теории редакционного свода и на доказательство книжного происхождения германского эпоса в духе позднейших выводов Андреаса Хойслера. В целом лекции Брауна блестяще подтверждают мысль современного ученого о том, что в истории литературоведения не действует закон диалектического снятия, и последующий этап развития науки не отменяет предыдущего, а выстраивается рядом в некоем едином и вечном пространстве духовной культуры (МИХАЙЛОВ 1991: 5).

Еще одной лакуной в изучении научной биографии Брауна является его деятельность за границей. В 1921 г. Браун получил от Академии наук командировку в Германию для ознакомления с накопившейся за годы войны литературой по его предмету; в советскую Россию ученый больше не вернулся. Он обосновался в Лейпцигском университете, который избрал его ординарным профессором, а с 1927 г. предоставил ему специальную кафедру истории Восточной Европы, где он организовал превосходную русскую библиотеку и воспитал целый ряд учеников.

Научно-педагогическая деятельность Брауна становится в эти годы еще более разнообразной. В начале 20-х гг. он, подобно многим русским филологам, переживает заметное увлечение яфетической теорией Н. Я. Марра, что получает отражение в его исследованиях о первобытном населении Европы и о происхождении германцев (BRAUN 1922). Одновременно он открывает в Лейпцигском университете специальный курс по истории сношений Древней Руси с германскими племенами и пишет в связи с этим две монографии. Одна из них носит название *Древняя Русь в памятниках германской письменности X — XIV веков* (BRAUN 1924: 150-196), другая — с посвящением профессору Е. Сиверсу — *Русь и германцы в древности* (BRAUN 1925: 677-772).

Главы из последней книги печатались также на русском языке в журнале «Беседа», который выходил с 1923-го по 1926 г. в Берлине как «журнал литературы и науки, издаваемый при ближайшем участии проф. Адлера, Андрея Белого, проф. Брауна, М. Горького и В. Ф. Ходасевича». Содержание журнала отличалось необычайной пестротой. За последними предсмертными стихами А. Блока следовал фотоснимок лопатки большого динозавра, о котором писал проф. Э. Т. Кренкель в статье «Вымершие великаны», «Основы радиотелефонии» проф. Шмидта соседствовали с антропософскими фантазиями Андрея Белого, сразу же за стихами Нины Берберовой шла ученейшая статья китаиста В. М. Алексеева и т. д. Художественная проза была представлена рассказами М. Горького, А. Ремизова, В. Шкловского, Л. Лунца, С. Цвейга, Р. Роллана и Д. Голсуорси.

По замыслу инициатора «Беседы» Максима Горького и его сотрудников задача журнала заключалась в создании своего рода деидеологизированной «республики ученых», призванной преодолеть разрыв между русской эмиграцией и представителями русской культуры, оставшимися в Советской России, а в более общем плане — и между писателями различных стран, разъединенных мировой войной и русской революцией. К участию предполагалось привлечь весь цвет европейской культуры, и Эйнштейна, и Павлова, и Шпенглера. Но, как и следовало ожидать, горьковский проект интернациональной мирной дискуссии, которая утверждала бы ценности европейского гума-

низма «над схваткой», «поверх барьеров», вскоре обнаружил свою несостоятельность, и в 1926 г. журнал прекратил свое существование (PLATONE 1995: 333-342).

Браун напечатал в различных номерах «Беседы» три научные работы — «Первобытное население Европы», «Заимствованные слова» и «Варяги на Руси». Их общий пафос питался убеждением в тесном историческом родстве языков и народов Европы и ясно выражен в словах, открывающих статью «Варяги на Руси»:

Начало IX века... Ярким светом истории давно залиты европейский юг и запад. Но все остальное погружено в глубокий мрак. Что происходит там? Что творится в степях, на зеленых просторах, в лесных дебрях и болотах Восточной Европы? Ведь это все наше, хоть далекое, да свое, родное (БРАУН 1925: 306).

Исследование памятников старины неизменно связано в работах Брауна с живыми и нужными современности вопросами и переживаниями.

Важным аспектом деятельности Брауна в двадцатые годы стала пропаганда русской культуры в Германии и немецкой в России. Так, он явился инициатором перевода на немецкий язык *Истории России* В. О. Ключевского, вышедшей в 1925 г. с его предисловием, а также курса лекций по русской истории С. Ф. Платонова, который был издан в 1927 г. (KLJUTSCHEWSKIJ 1925 — 1926; PLATONOW 1927). В обратном направлении, из Германии в Россию, адресовались два тома *Систематизированной библиографии немецкой научной литературы за 1914 — 1924 гг.*, составленные Брауном в соответствии с заданием его научной командировки в Германию (BRAUN 1924). С той же миссией культурного посредничества связаны статьи Брауна «Высшая школа в Советском Союзе» (BRAUN 1930: 78-96) и «О русской интеллигенции» (BRAUN 1927: 362-378).

Тема последней из названных статей, то есть тема русской интеллигенции, широко обсуждалась в 1920-е гг. в эмигрантской среде, как и в самой России. О судьбах и исторической роли русской интеллигенции писали Горький и Блок, Мережковский и Бердяев, Степун и Федотов. Браун пишет на эту живо трепещущую, почти личную для него тему в свойственной ему

строгой академической манере, превращая свою статью в объективное описание истории вопроса. От анализа противоречий в суждениях писателей-эмигрантов он переходит к характеристике петровских реформ и века Екатерины, останавливается на споре западников и славянофилов и заканчивает определением русского интеллигента как носителя активного отношения к социальной действительности. Принципиальное отличие интеллигенции от западноевропейского третьего сословия состоит, по мнению Брауна, в ее тяготении к идеологизации культуры. Октябрьская революция, пишет Браун, стала самоубийством русской интеллигенции: «Sie starb, indem sie sich erfüllte» (BRAUN 1927: 372). Теперь время интеллигенции прошло, и Россия нуждается в «простых, знающих свое дело людях, которые не измышляют теорий, а готовы честно исполнять свой долг перед государством и народом» (BRAUN: 375). Так думал Браун в 1927 г., и можно предположить, что его взгляды оказывали влияние на тех представителей университетской интеллигенции, кто продолжал любить и слушать его в России.

Заключение

О последнем десятилетии жизни Брауна в нацистской Германии почти ничего не известно; в архиве Лейпцигского университета сохранилась лишь обширная, но сугубо деловая переписка, из которой явствует, что Браун и в годы нацизма всеми силами пытался сохранить свою кафедру в Лейпцигском университете (VENRENDT 1991: 38-39). Некролог, видимо единственный, был опубликован в Швеции за подписью Туре Арне (ARNE 1942: 375-377). Последнее известное нам немецкое издание, связанное с именем проф. Брауна, — это юбилейный том лейпцигского журнала «Культурно-исторический архив», вышедший к 70-летию ученого и содержащий работы его немецких учеников. В посвящении, открывающем этот том, подчеркнуты те же самые свойства личности Брауна, о которых говорилось и в русском юбилейном адресе 1915 года, — «wissenschaftliche Anregungskraft und echte Humanität» (GOETZ & STEINHAUSEN 1932: 139).

Список литературы / *Zitierte Literatur* / *References*

- Биографический словарь — Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета. 1869 — 1894. Т. 1. Ч. 2. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1896. С. 90—91. [Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1869 — 1894 (Biographical Dictionary of Professors and Teachers of Saint Petersburg University, 1869 — 1894). (1896). Saint Petersburg: B. M. Wolf, 90—91. (In Russian)].
- Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб.: Императорская Академия Наук, 1899. [Braun, Friedrich. (1899) *Razyskaniya v oblasti goto-skavyanskikh otnosheniy* (Research in the Field of Goth-Slavic Relations). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian)].
- Браун Ф. А. Виндзорские проказницы // Шекспир [= Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова]. Полное собрание сочинений в 6 т. Т. II. СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1902. С. 434—445. [Braun, Friedrich. (1902) *Vindzorskiye prokaznitsy* (The Merry Wives of Windsor). In: *Shekspir. Polnoye sobraniye sochineniy* (Shakespeare. Complete Works). In 6 vols. Vol. 2. Saint Petersburg: Brockhaus-Efron, 434—436. (In Russian)].
- Браун Ф. А. Генрих IV // Шекспир [= Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова]. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. II. СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1902. С. 122—129. [Braun, Friedrich. (1902) *Genrikh IV* (Henry IV). In: *Shekspir. Polnoye sobraniye sochineniy* (Shakespeare. Complete Works). In 6 vols. Vol. 2. Saint Petersburg: Brockhaus-Efron, 122—129. (In Russian)].
- Браун Ф. А. Двое Фоскари // Байрон Дж. Г. [= Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова]. Сочинения. В 3 т. Т. II. СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1904. С. 373—378. [Braun, Friedrich. (1904) *Dvoye Foskari* (Two Foscari). In: *Bayron. Sochineniya* (Byron. Works). In 3 vols. Vol. 2. Saint Petersburg: Brockhaus-Efron, 373—378. (In Russian)].
- Браун Ф. А. Кто был Ингвар-путешественник? // Записки нефилологического общества. Вып. IV. 1910. С. 65—82. [Braun, Friedrich. (1910) *Kto byl Ingvar-puteshestvennik?* (Who was Ingvar the traveler?). *Zapiski neofilologicheskogo obshchestva* (Notes of Neophilological Society), 4, 65—82. (In Russian)].
- Браун Ф. А. Немецкий романтизм // История западной литературы 1800 — 1910. Т. 1 / под ред. проф. Ф. Д. Батюшкова. М.: Мир, 1912. С. 207—233. [Braun, Friedrich. (1912) *Nemetskiy romantizm*

- (The German Romanticism). In: Batyushkov, Fyodor D. (ed.) *Istoriya zapadnoy literatury 1800 — 1910* (The History of Western Literature 1800 — 1910). Vol. 1. Moscow: Brockhaus-Efron, 207—233. (In Russian)].
- Браун Ф. А. Немецкий романтизм. Гейдельбергская школа. Берлинская школа // История западной литературы 1800 — 1910. Т. 2 / под ред. проф. Ф. Д. Батюшкова. М.: Мир, 1913. С. 210—227. [Braun, Friedrich. (1913) *Nemetskiy romantizm. Geydel'bergskaya shkola. Berlinskaya shkola* (The German Romanticism. Heidelberg School. Berlin School). In: Batyushkov, Fyodor D. (ed.) *Istoriya zapadnoy literatury 1800 — 1910* (The History of Western Literature 1800 — 1910). Vol. 2. Moscow: Brockhaus-Efron, 210—227. (In Russian)].
- Браун Ф. А. Варяги на Руси // Беседа. Журнал литературы и науки. 1925. № 6/7. С. 306—320. [Braun, Fyodor A. (1925) *Varyagi na Rusi* (Varangians in Rus'). *Beseda*, 6/7, 306—320. (In Russian)].
- Браун Ф. А., Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и наука // История западной литературы 1800 — 1910. Т. 3 / под ред. проф. Ф. Д. Батюшкова. М.: Мир, 1914. С. 478—497. [Braun, Friedrich & Zhirmunsky, Viktor M. (1914) *Nemetskiy romantizm i nauka* (The German Romanticism and Science). In: Batyushkov, Fyodor D. (ed.) *Istoriya zapadnoy literatury 1800 — 1910* (The History of Western Literature 1800 — 1910). Vol. 3. Moscow: Brockhaus-Efron, 478—497. (In Russian)].
- Веселовский А. Н. Избранное. Историческая поэтика / ред. И. О. Шайтанов. М.: Росспэн, 2006. [Veselovsky, Aleksandr N. (2006) *Izbrannoye. Istoricheskaya poetika* (Selected Works. Historical Poetics). Moscow: Rossiyska politicheskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Новое время, 1914. [Zhirmunsky, Viktor M. (1914) *Nemetskiy romantizm i sovremennaya mistika* (The German Romanticism and Modern Mysticism). Saint Petersburg: Novoye vremya. (In Russian)].
- Михайлов А. В. Литературоведение и проблемы истории науки // Филологические науки. 1991. № 3. С. 3—13. [Mikhaylov, Aleksandr V. (1991) *Literaturovedeniye i problemy istorii nauki* (Literary Criticism and Problems of the History of Science). *Philological Sciences*, 3, 3—13. (In Russian)].
- Непомнящий А. А. «Быть в курсе Ваших крымских планов...». Из истории кривоветения по переписке Ф. А. Брауна и С. Ф. Платонова // Пространство и время. 2016. № 1. С. 177—192.

- [Nepomnyashchiiy, Andrey A. (2016) “Byt’ v kurse vashikh krymskikh planov...: Iz istorii kryMOVEDeniya po perepiske F. F. Brauna i S. F. Platonova (To be aware of your Crimean Plans...: From the History of Crimean Regional Studies to Correspondence between Fyodor Braun and Sergey Platonov). *Prostranstvo i vremya* (Space and Time), 1, 177—192. (In Russian)].
- Петров Д. К., Тиандер К. Ф. Сборник в честь проф. Брауна / под ред. проф. Д. К. Петрова и К. Ф. Тиандера // Записки Неофилологического общества. Вып. VIII. Пг.: 6/и, 1916. [Petrov, Dmitriy K. & Tiander, Karl F. (eds) (1916) *Sbornik v chest’ prof. Brauna* (Collection in Honor of Prof. Braun). In: *Zapiski neofilologicheskogo obshchestva* (Papers of the Neophilological Society). Vol. VIII. Petrograd: no publisher. (In Russian)].
- Платонов С., Крачковский И., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. Ф. А. Брауна // Известия АН СССР. IV сер. 1927. № 18. С. 1517—1520. [Platonov, Sergey; Krachkovskiy, Ignatiy Y. & Oldenburg, Sergey F. (1927) *Zapiska ob uchenykh trudakh professora F. A. Brauna* (Note on the Scientific Works of Prof. F. A. Braun). *Izvestiya Akademii nauk SSSR* (Proceedings of the Academy of Science of the USSR), IV, No. 18, 1517—1520. (In Russian)].
- Свердлов М. Б. Ф. А. Браун — исследователь скандинавских источников по истории Древней Руси // Скандинавский сборник. 1976. Вып. XXI. С. 221—225. [Sverdlov, Mikhail B. (1976) F. A. Braun — issledovatel’ skandinavskikh istochnikov po istorii Drevney Rusi (F. A. Braun — a Researcher of Scandinavian Sources on the History of Ancient Russia). *Skandinavskiy sbornik* (Scandinavian Collected Papers), 21, 221—225. (In Russian)].
- Тихонов И. Л. Ф. А. Браун — профессор, декан, проректор Санкт-Петербургского университета // Клио. 2016. № 8. С. 72—83. [Tikhonov, Igor’ L. (2016) F. A. Braun — professor, dekan, prorektor Sankt-Peterburgskogo universiteta (F. A. Braun — Professor, Dean, Vice-rector of Saint Petersburg University). *Klio*, 8, 72—83. (In Russian)].
- Aarne, Ture Johnsson. (1942) In memoriam Professor F. Braun. In: *Fornvännen, Meddelanden från K. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien*. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 375—377.
- Behrendt, Lutz-Dieter. (1991) Friedrich Braun und die osteuropäische Geschichte am Institut für Kultur- und Universalgeschichte der Universität Leipzig. *Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung*, H. 4, 30—43.

- Belobratow, Aleksander & Joost, U. (2003) Braun, Fedor Aleksandrovič. In: König, Christian. (ed.) *Internationales Germanistenlexikon 1800 — 1950*. Bd. I (A-G). Berlin; New York: De Gruyter, 262—264.
- Braun, Friedrich. (1890) Die letzten Schicksale der Krimgoten. In: *Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule zu St. Petersburg für 1889/90*. St. Petersburg: R. Golické.
- Braun, Friedrich. (1922) Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen. In: Braun, Friedrich & Marr, Nikolaj Ja. (eds) *Japhetische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens*. Bd. 1. Berlin: W. Kohlhammer.
- Braun, Friedrich. (1924) Das historische Rußland im nordischen Schrifttum des X – XVI. Jahrhunderts. In: *Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag*. Halle: Niemeyer, 150—196.
- Braun, Friedrich. (1924) *Systematische Bibliographie der wissenschaftlichen Literatur Deutschlands der Jahre 1914 — 1922*. Hrsg. im Auftrag der Berliner Vertretung des Russischen Volkskommissariates für Bildungswesen. Bd. 1-2. Berlin: Kniga.
- Braun, Friedrich. (1925) Rußland und die Deutschen in alter Zeit. In *Germanika. Festschrift für E. Sievers*. Halle: Niemeyer, 677—772.
- Braun, Friedrich. (1927) Über die russische Intelligenz. In: *Kultur- und Universalgeschichte. Festschrift für W. Goetz*. Leipzig: Teubner, 362—378.
- Braun, Friedrich. (1930) Das Hochschulwesen der Sowjetunion. In: *Das akademische Deutschland*. Bd. 3. Berlin: C. A. Weller Verlag, 78—96.
- Goetz, Walter & Steinhausen, Georg. (1932) Friedrich Braun zum 70. Geburtstage. In: *Archiv für Kulturgeschichte*. Bd. 33. H. 2. Leipzig; Berlin: Teubner.
- Kljutschewskij, Wassilij. (1925/1926) *Geschichte Rußlands*. 4 Bde. Stuttgart; Leipzig; Berlin: De Gruyter.
- Platone, Rossana. (1995) Gor'kij's *Beseda* und ihre Mitarbeiter. In: Schlögel, Karl. (ed.) *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg*. Berlin: Akademie-Verlag, 333—342.
- Platonow, Sergey F. (1927) *Geschichte Rußlands von Beginn bis zur Jetztzeit*. Leipzig: Quelle & Meyer.

At the Source of Germanic Studies in Russia: Professor F. A. Braun

The article is devoted to the scientific activity of Professor Fyodor Aleksandrovich Braun (1868 — 1942), whose works open the history of Germanic studies in Russia as a philological discipline. A pupil of the cultural-historical school, the closest student and follower of Academician A. N. Veselovsky, who continued his scientific education in Germany under the guidance of Hermann Paul and in France under the guidance of Ferdinand de Saussure, Braun chose the history of the relationship between the ancient Germans and the Eastern Slavs that was reflected in medieval writings as the main subject of his research. His numerous works on this topic were the first experience of introducing the principles of historical poetics and the comparative historical method into the field of German studies and received international recognition. However, Braun's scientific interests were not limited to medieval studies. His articles on the history of German romanticism made a significant contribution to the development of the romantic tradition in the era of Russian symbolism, his lecture courses at the Department of Romano-Germanic Philology of St. Petersburg University and the activities of the Neophilological Society organized by him contributed to the formation of Germanic philology in Russia and determined the path of its development. Of particular interest is his role as an intermediary between Russian and German science. After emigrating from Soviet Russia, he actively participated in the creation of the Berlin magazine "Beseda" ("Conversation"), established by M. Gorky with the aim of consolidating the spiritual culture of Europe and Russia, separated by the events of the First World War and the Russian Revolution. The implementation of this program was also the multifaceted activity of the Institute for the History of Eastern Europe at the University of Leipzig, which Braun headed from 1927 to 1941. It is these least known aspects of the scientific biography of Professor Braun, a scientist and public figure who acutely felt the rhythm of his time, that are the subject of an analytical description in this work.

Keywords: F. A. Braun; Germanic philology; cultural-historical school; comparative-historical method; intelligentsia

Для цитирования:

Жеребин А. И. У истоков русской германистики: профессор Ф. А. Браун // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 371—387.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-371-387.

To cite this Article:

Zherebin, Aleksey I. (2023) U istokov russkoy germanistiki: professor F. A. Braun (At the Source of Germanic Studies in Russia: Professor F. A. Braun). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 371—387. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-371-387.

Статья поступила в редакцию 24.02.2023; принята к публикации 24.03.2023

The article was submitted 24.02.2023; accepted for publication 24.03.2023

Г. Г. Ишимбаева

Уфимский университет науки и технологий

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА РОМАНА БЕРНХАРДА ШЛИНКА *ОЛЬГА*

В статье представлены результаты исследования и методика анализа художественного мира романа Бернхарда Шлинка *Ольга* (2018), что обуславливает ее научную новизну. Концепция работы строится на том, что: 1) исследование фундаментального философско-культурологического и литературоведческого понятия «художественный мир» предполагает обязательное обращение к культурному фону, литературному контексту, в котором возникает и живет произведение, иначе говоря, к тому диалогу, который сознательно или бессознательно ведет писатель с предшествующей и современной ему культурной и литературной традицией; 2) художественный мир отдельного текста может быть проанализирован только с учетом его интертекстуальных связей, не сводимых к проблеме источников и влияний (последнее тем более важно, что в интертексте произведения на разных уровнях повествования присутствуют более или менее опознаваемые формы других текстов); 3) среди важнейших характеристик художественного мира отдельного произведения оказываются особенности его диалога с художественными мирами произведений писателей прошлого и настоящего, а также взаимоотношения внутреннего мира исследуемого произведения и единого текста творчества его автора. Данная исследовательская парадигма определяет принципы анализа интертекстуальности художественного мира романа *Ольга*, где очевидно преломляются коллективное миропонимание и коллективное мироощущение целой эпохи, начиная с последних десятилетий XIX в. по 1970-е гг. (описываемое время романа) и заканчивая временем создания единого текста творчества писателя (1980-е — 2018). При исследовании художественного мира романа рассмотрены следующие вопросы: проявление в частном общих закономерностей; пространственно-временные и этические координаты художественной вселенной; структурные и смысловые проблемные узлы; кросс-культурные коды; характер и способы диалогических отношений с мировой литературой; контекстное (в рамках творчества писателя) рассмотрение одного его текста; авторская индивидуальность. Доказывается, что текст романа *Ольга* явственно погружен в коммуникативное пространство предшествующего и современного литературного окружения и впитывает его. Худо-

жественный мир романа пермутирует художественные миры произведений прошлого и настоящего, в том числе и самого Шлинка.

Ключевые слова: интертекстуальность; художественный мир; Бернхард Шлинк; роман «Ольга»

1. Введение

Фундаментальное философско-культурологическое и литературоведческое понятие «художественный мир» было введено в литературоведение Д. С. Лихачевым (ЛИХАЧЕВ 1968) и многократно становилось предметом научной рефлексии; см. работы А. Ф. Лосева (ЛОСЕВ 1994), Н. Д. Тамарченко (ТАМАРЧЕНКО 2004), И. Н. Сухих (СУХИХ 1987), В. В. Савельевой (САВЕЛЬЕВА 1996), В. И. Тюпы (ТЮПА 2001), В. Е. Хализева (ХАЛИЗЕВ 1981, 2009), Б. В. Кондакова и Т. Д. Попковой (КОНДАКОВ & ПОПКОВА 2011; КОНДАКОВ & ПОПКОВА 2013) и др.

Художественный мир понимается как условная реальность, созданная воображением писателя с помощью художественных средств по законам словесного искусства, как «художественно освоенная и преобразенная реальность» (ХАЛИЗЕВ 2009: 175). Это

структурированное воображением и сознанием сначала автора, потом читателей представление о художественной реальности, соединяющее в себе кажущееся жизнеподобие картины мира, и рациональные и иррациональные, вероятностные, виртуальные ее варианты (САВЕЛЬЕВА 1996: 47).

Настоящая статья посвящена исследованию художественного мира романа Бернхарда Шлинка *Ольга*. Некоторые особенности этого произведения проанализированы в работах таких ученых как Т. А. Шарыпина (ШАРЫПИНА 2019; ШАРЫПИНА 2020; ШАРЫПИНА 2021), Д. А. Чугунов (ЧУГУНОВ 2020), А. И. Гущина (ЧУГУНОВ & ГУЩИНА 2019). Однако вопрос о художественном мире романа *Ольга* пока остается открытым; этим обусловлена научная новизна предлагаемого исследования.

2. Характеристика материала и методов исследования

Исследование «художественного мира» предполагает обязательное обращение к культурному фону, литературному контексту, в котором возникает и живет произведение, иначе говоря, к тому диалогу, который сознательно или бессознательно

ведет писатель с предшествующей и современной ему культурной и литературной традицией.

Это означает, что художественный мир отдельного текста может быть проанализирован только с учетом его интертекстуальных связей, не сводимых к проблеме источников и влияний. Последнее тем более важно, что в интертексте произведения на разных уровнях повествования присутствуют более или менее опознаваемые формы других текстов, т. е. то, что Р. Барт назвал «обрывками культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагментами социальных идиом и т. д.» (БАРТ 1989: 417).

В связи с этим в ряду среди важнейших характеристик художественного мира отдельного произведения, интертекстуального по своей природе, оказываются особенности его диалога с художественными мирами произведений писателей прошлого и настоящего, а также взаимоотношения внутреннего мира исследуемого произведения и единого текста творчества его автора. При такой посылке продуктивными оказываются вопросы взаимодействия разных художественных миров и выявление их пересекающихся пространств.

При исследовании художественного мира отдельного произведения нас интересуют вопросы проявления в частном общих закономерностей; пространственно-временные и этические координаты художественной вселенной; структурные и смысловые проблемные узлы; кросс-культурные коды; характер и способности диалогических отношений с мировой литературой; контекстное, в рамках творчества писателя, рассмотрение одного его текста; проявление авторской индивидуальности.

Данная исследовательская парадигма обуславливает принципы нашего анализа интертекстуальности художественного мира романа Шлинка *Ольга* (2018), где очевидно преломляются коллективное миропонимание и коллективное мироощущение целой эпохи, начиная с последних десятилетий XIX столетия по 1970-е гг. (описываемое время романа) и заканчивая временем создания единого текста творчества писателя (1980-е — 2018).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Диалогическая связь исследуемого текста с художественными текстами мировой литературы, на наш взгляд, имеет от-

четливо выраженный конвергентно-дивергентный характер. Специфика конвергентности обусловлена тем, что интертекстуальный роман Шлинка буквально с первых страниц демонстрирует — осознанные или неосознанные писателем, но считываемые читателем — отсылки ко множеству произведений мировой литературы. При этом появление одних внутритекстовых диалогов связано с хронологическим принципом, другие возникают вопреки хронологии изображаемых событий. Дивергентность художественного сознания Шлинка проявляется в его сконцентрированности на самом себе и саморефлексии в контексте всего своего творчества.

Скажем обо всем подробнее и, не претендуя на всеохватность заявленной темы, остановимся на ее сущностных моментах.

Роман открывается двумя главками, в которых перечень имен писателей, чьи произведения составляли канон немецкого детского чтения, создает атмосферу XIX в.: *Сказки братьев Гримм*, *Сто пятьдесят нравоучительных рассказов для маленьких детей* Франца Гофмана, *Судьба куклы Вундерхолд* А. Космара, *Петер Неряха* Генриха Гофмана. В третьей главке происходит хронологическое уточнение: родители героя, англомены, восхищаются королевой Викторией, вдовой императора Фридриха (1840 — 1888). Так повествование, сначала неопределенное, относящееся к целому столетию, обретает конкретно-историческое наполнение (последние десятилетия XIX в.), которое тут же оборачивается вневременной устремленностью благодаря возникшей аллюзии на *Повесть о господине Зоммере* П. Зюскинда. Герберта из романа Шлинка и господина Зоммера роднит стремление к бесконечному движению вперед, когда и большая вода не становится препятствием на пути. Из этого зерна вырастают образ Герберта и сама его история.

Хотя роман назван именем героини, в его первой трети именно Герберт является ведущим персонажем, в отношении с которым раскрывается характер ведомого персонажа, Ольги. Образ романного Герберта списан с реального человека — Герберта фон Шредера-Штранца (1884 — 1912), немецкого офицера, служившего в колониальных войсках и в 1912 г. предпринявшего экспедицию в Арктику. Шлинка исследует становление

личности полярника, выросшего в семье бывшего участника франко-прусской войны, который гордился Германией и молодым императором, и воссоздает атмосферу жизни в родительском поместье, историю детской дружбы, перерастающей в любовь. Художественный мир этих эпизодов романа, посвященных детству и отрочеству героя, вбирает в себя сюжетные и интонационные переключки с романами *Разгром* Э. Золя и *Верноподданный* Г. Манна, со сказкой-притчей о Гиацинте и Розенблютхен из *Учеников в Саусе* Новалиса.

Тот же принцип характерен и для обрисовки юности Герберта, увлекшегося идеями Ницше. Шлинк не цитирует *Книгу для всех и ни для кого*, но, воссоздавая речи героя, размышляющего о Боге и бесконечности, о сверхчеловеке и вечном повторении, придает им ницшевскую окраску. Дискурс Герберта состоит из причудливо переплетенных частей, в которых опознаются тексты будущего (будущего — по отношению ко времени появления текста Герберта): *Империя* К. Крахта, *Народ без пространства* Г. Гримма, *Возвращение* самого Шлинка.

В этом ряду произведений, чьи формы и сюжетные ходы присутствуют в романе, особое место принадлежит *Земле Санникова* В. Обручева (1926) и *Двум капитанам* В. Каверина (1938 — 1944). Внутреннее подобие немецкого и русских романов зиждется на предмете изображения и рефлексии: тема теплого оазиса посреди полярных льдов из *Земли Санникова* появляется и в размышлениях Герберта, истории пропавших без вести полярных экспедиций 1912 года разворачиваются в *Двух капитанах* и в *Ольге*.

Остров-призрак в Ледовитом океане, Земля Санникова, которую безуспешно искала погибшая в 1902 г. русская полярная экспедиция, возглавляемая Э. Толлем, — локус осмысления Обручева. В жанре научно-фантастического романа автор решает прежде всего педагогические задачи, выступая в роли популяризатора науки. Подобная направленность усилий характерна и для героя романа Шлинка, который увлечен идеей открытий в северных морях.

Выступая с лекцией на заседании Тильзитского географического и исторического общества с докладом о задачах Германии в Арктике, Герберт перечисляет имена многих немецких исследо-

вателей северных морей, в том числе географа и картографа А. Петермана, которому принадлежит гипотеза о суше в Центральной Арктике, обогреваемой Гольфстримом. Петерман с его идеей термометрического шлюза повлиял на характер германских и австро-венгерских полярных экспедиций последних десятилетий XIX в. — начала XX в.

В завершение своего выступления докладчик запел «Песнь немцев», и все слушатели подхватили: «Германия, Германия превыше всего!» (Шлинк 2019: 74). Шлинк, с одной стороны, воспроизводит общую для европейского сознания рубежа XIX — XX вв. тягу к новым открытиям в области северных морей, с другой — фиксирует через цитирование стихов Фаллерслебена вызревание пангерманских настроений в немецком обществе начала XX в.

Межтекстовый диалог романа Шлинка с *Двумя капитанами* также характеризует закономерности эпохи, сложившиеся к началу прошлого столетия: академические предприятия в водах Ледовитого океана для России и Германии имели одинаковые геополитические и национальные интересы.

В романе Шлинка дается авторская версия похода Герберта фон Шредера-Штранца, в которой документальная основа синтезируется с художественным вымыслом.

Каверин, воссоздавая страницы русского покорения Арктики в рассказе о вымышленных героях, использует в качестве прототипов Георгия Седова (судно «Св. Фока»), Георгия Брусилова (шхуна «Св. Анна»), Владимира Русанова (бот «Геркулес»), которые командовали тремя русскими полярными экспедициями 1912 года, а также Валериана Альбанова, штурмана шхуны «Святая Анна». Советский писатель переосмысляет реальную правду поисков так и не найденной «Св. Анны» в историю, в которой торжествует художественная правда: Саня Григорьев находит останки капитана Татарина, его бумаги и фото пленки, раскрывает тайну и обстоятельства гибели экспедиции и делает достоянием общественности открытия этого полярного похода. В самой динамике сюжета и развязке *Двух капитанов* воплощается лейтмотивно звучащая тема «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»

Это жизненное кредо героев Каверина, отсылающее к стихотворению А. Теннисона *Улисс* и к кресту в память о погибшей экспедиции Роберта Скотта к Южному полюсу (1910 — 1913), созвучно настроениям Герберта, который заявляет: «Мне все это под силу. Полюс и Северный морской путь. Я еще не был там, но уверен, я это одолею. Одолею!» (ibid.: 76). И это при том, что Шлинка ограничивается реальной правдой, которая у него выполняет функции правды художественной: следы его героя, сгинувшего на Севере, не находят потомки, он превращается в некий бесплотный образ энтузиаста-полярника и романтика, автора стихов:

Пусть жизнь твоя оборвется на взлете
В борьбе человечества смелой, —
Знай: это лучше, чем сгинуть в болоте
Обыденности замшелой! (ibid.: 84).

История Герберта является ядром первой части романа, к концу которой время стремительно ускоряет свой бег — события, последовавшие за 1912 годом, уместаются в трех главках (на десяти страницах): это и Первая мировая война, и Версальский договор, и Третий рейх, и Вторая мировая война, и послевоенная Германия вплоть до начала 50-х гг. Представляется, что это сознательная стратегия Шлинка, который спрессовал важнейшие этапы истории своей страны, чтобы раскрыть в последнем абзаце первой части фигуру нарратора, ребенка, в чьем восприятии даются эти события. Подобный повествовательный прием писатель использовал в своем раннем романе *Чтец*, который и в тематическом плане близок *Ольге*, поскольку препарировал странную привязанность подростка / юноши / мужчины к странной женщине.

Нарратор *Ольги* в полной мере раскрывается во второй части романа, где достаточно подробно рассказывает о своей семье и ее укладе жизни, пользуясь прежним приемом концентрации разных времен в небольшом объеме текста. Здесь обращает на себя внимание вновь выделенное чтение подростка, автора повествователя: это книги о Робинзоне и Гулливере, травелоги с их идеей открытия неизведанного мира, а также подчеркнутый факт влияния, оказываемого на него рассказами фрейлейн Ринке о путешествиях Свена Гедина (по степям Азии), Руаля Амундсена (к Южному полюсу), Герберта. Так в повествование

вводится тема сюжетного ядра первой части романа, но изменяется перспектива изображаемых событий, а Ольга, воспринимаемая глазами мальчика, обретает облик приходящей в его дом фрейлейн Ринке с пунктирно намеченными обстоятельствами частной жизни (к примеру, она голосовала не за Аденауэра, а за Олленхауэра, вышла на пенсию, вступила в профсоюз, любила стихи Брехта не меньше, чем стихи Гейне и т. д.).

Однако в проекции aukториального повествователя нет Ольги — подросток-нарратор видит лишь фрейлейн Ринке, изредка приходящую в их дом швею. Подобный прием Шлинк опробовал в *Чтеце*, с одной существенной оговоркой: в первом романе, где воссоздается образ героини через воспоминания молодого человека, писатель самим названием произведения обозначил того, кто является предметом его художественной рефлексии.

По мере взросления рассказчика Ольга начинает играть все бóльшую роль в становлении его личности: она говорит с ним о том, о чем не говорилось в школе. В частности, она подвергает сомнению мотивацию Герберта в его стремлении к Северному морю и Шпицбергену, считает, что с Бисмарка начался роковой поворот немецкой истории, что именно Бисмарк отвечает за «фантастические колониальные бредни», за «арктические химеры Герберта и за фантазии Айка о жизненном пространстве, и за мировые войны» (*ibid.*: 123).

О степени влияния Ольги на рассказчика можно судить по тому, что в конце шестой главки второй части ее и его дискурсы совпадают. Она говорит о побеге Герберта от самого себя, чтобы затеряться в бескрайних просторах, что означает затеряться в пустоте; он размышляет о пустоте, к которой стремился Герберт, как о Ничто. И в итоге в двуедином дискурсе Ольги и рассказчика возникает странный синтез идей А. Шопенгауэра, для которого уход в Ничто — это единственное спасение от страдания, М. Хайдеггера, который считал, что опыт Ничто есть единственный путь к обретению человеком смысла существования, и Ж.-П. Сартра, который через категорию Ничто определял отношение между бытием и сознанием.

Рассказывая о совместных прогулках, повествователь по воле Шлинка вступает в межтекстовый диалог с пьесой В. Бор-

херта *На улице перед дверью*. Ольга, встретив сестру Герберта, констатирует, почти повторяя слова унтер-офицера Бекмана: «Ей все как с гуся вода — и первая война, и вторая, и бомбежки, инфляция... Она из тех, кого ничем не прошибешь» (ibid: 128).

Так в роман входит образ послевоенной Германии, который раскрывается прежде всего через рассказ нарратора о своей судьбе — студента-теолога и медика, ставшего студентом-философом, чиновника министерства, пенсионера. Его мировосприятие с годами не изменилось: та же точечная фиксация движения времени, то же неумение или нежелание выстроить единый портрет эпохи, та же скороговорка при упоминании ее главных событий, будь то новая политика в отношении восточных земель Германии, студенческие волнения 1968 года, бегство восточных немцев в ФРГ, объединение двух Германий. Внешний мир всегда оказывается на периферии сознания рассказчика, в центре же его внимания находятся Ольга, ее смерть, размышления над ее судьбой. Подобным образом Шлинк воспроизводил женскую судьбу и ранее — в романе *Женщина на лестнице*.

Состарившийся повествователь *Ольги* мало озабочен собственной трагедией (гибель жены) и драмой (одиночество), которые в его тексте оказываются симулякральными; их замещают события из жизни Ольги и Герберта — подобный тип нарратора, занятого чужими, но не своими проблемами, часто встречается в мировой литературе: назовем Максима Максимовича из романа М. Ю. Лермонтова *Герой нашего времени*, Ника Каррауэя из *Великого Гэтсби* Ф. С. Фицджеральда, Ричарда Пейпена из *Тайной истории* Д. Тартт. Этот прием позволяет писателям добиться психологической глубины изображаемого с позиции человека, растворяющегося в изображаемом, которое становится его монострастью.

Предмет размышлений эксплицитного автора *Ольги* вновь овладевает им с неистовой силою благодаря старым тематическим открыткам «Немецкие кавалеристы в Германской Юго-Западной Африке», новейшим публикациям о поисках следов экспедиции Герберта, университетской библиотеке. Так, почти по Ж. Деррида и его *Почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только* Шлинк рассматривает текст как послание — с суще-

ственной поправкой: у французского постструктуралиста почтовый принцип обуславливает размытость и неопределенность схем коммуникаций, у немецкого писателя письмо, т. е. тексты открыток, статей СМИ и научных исследований, доходит до пункта назначения. Поэтому в романе *Ольга* показательно ясно, что письмо «прочитано» его получателем, нарратором; благодаря этому в сюжете романа происходит стяжение прошлого и настоящего, в поле рассказа появляются новые лица — Адельгейда Фолькман из Берлина, филокартист Роберт Курц из Зинсгейма, антиквар из Тромсе Аксель Хелланд; в руки рассказчика попадают письма, адресованные Герберту.

Последнюю часть романа и составляют эти письма. В отличие от классического эпистолярного романа, в котором представлена переписка героев (*Кларисса, или История молодой леди С. Ричардсона, Юлия, или Новая Элоиза Ж.-Ж. Руссо* и др.), в романе Шлинка фигурируют только письма Герберту — не дошедшие до него письмо от отца, открытка от друга, 25 писем за 1913 — 1915 гг. от Ольги, а также ее письма к нему 1930-х, 1950-х и 1970-х гг. Это структурирует новую перспективу повествования, привнося элемент самоанализа участницы любовной истории, рассмотренной в контексте большой истории.

Прочитанный нарратором эпистолярный Ольги, раскрывающий ее мировосприятие и манеру речевого поведения, фиксирует факт несостоявшейся письменной коммуникации с любимым адресатом, а значит, отсутствия с ним эмоционального контакта, и приобретает характер отчета за целую жизнь, становясь своеобразным документом эпохи. Повествование от первого лица психологически убедительно, изнутри показывает духовную жизнь героини, объясняет мотивацию поступков, раскрывает все тайны и расставляет все акценты.

Диалогические связи художественного мира третьей, эпистолярной, части романа с мировой литературой выстроены Шлинком так же, как и в двух предыдущих: это прежде всего тематико-содержательные переклички. В частности, в письме от 16 июня 1914 г. появляется интертекстуальная отсылка к стихотворению В. Брюсова *Баллада о любви и смерти* (1913), где важным образом является Соловей и где торжественным девизом

звучит: «Любовь и Смерть, Смерть и Любовь», Ольга пишет: «Соловей поет о любви и смерти, о нашей любви, о нашей смерти» (ibid.: 230). Ожидаемы в этих письмах и аллюзии на *Северные рассказы* Дж. Лондона.

Но, пожалуй, самые репрезентативные реминисценции в *Ольге* имеют отношение к романам А. С. Байетт *Обладать* и Г. Белля *Бильярд в половине десятого*. Женская судьба Ольги, родившей от Герберта ребенка вне брака, — до известной степени повторение истории Кристабель ла Мотт, отдавшей свою незаконнорожденную дочь на воспитание сестре, отказавшейся от материнства, добровольно принявшей роль тетки. Ольга доверила своего сына Айка сестре подруги по учительской семинарии и принимала деятельное участие в его воспитании в качестве доброй соседки. Сама переключка судеб двух героинь, англичанки и немки, живших в разные столетия, в викторианскую эпоху и в трагические времена прошлого века, раскрывает многие аспекты становления женского сознания, что станет предметом пристального внимания философов, культурологов, художников, литературоведов XX — XXI вв.

Но главное в нарративе Ольги связано с осмыслением истории Германии, ее прошлого и настоящего, с попыткой восстановить цепь времен — этого не было в двух предыдущих частях романа, повествователь которых подросток / юноша / взрослый мужчина / пенсионер занял позицию стороннего наблюдателя, мало интересующегося чем бы то ни было вовне. Рассказчик без имени, он обретает его и словно пробуждается ото сна благодаря прочитанным письмам Ольги к Герберту. На последних страницах романа, в последних письмах, появляются его имя Фердинанд и Ольгино мнение о нем: «хороший мальчик», но «немного скучный» (ibid.: 250). Уязвленный такой характеристикой, Фердинанд переосмысляет свою жизнь и начитает с надеждой смотреть вперед, поэтому в финале звучит тема возможного союза с внучкой Ольги Адельгейдой, т. е. тема возрождения.

Проблемно-тематические аспекты романа Шлинка позволяют вписать его в мейнстрим немецкой литературы XX века. Наиболее отчетлива в этом смысле традиция, идущая от *Бильярда в половине десятого* Белля. Ментальная модель как средство пред-

ставления смысла сообщения в обоих романах репрезентируется в форме одинакового сценария разворачивания повествования, раскрытия его проблемных узлов, идейно-нравственного акцентирования сюжетных коллизий. Речь идет прежде всего о том, что герои этих романов пересматривают свои жизни, ищут собственные просчеты, грехи и вину и делают осознанный выбор в пользу поступка, в котором самоутверждаются.

Способы самоутверждения Иоганны Фемель и Ольги Ринке одинаковы по сути: героиня Белля стреляет в неонациста министра внутренних дел М.; героиня Шлинка взрывает памятник Бисмарку, с которого, по ее мнению, «все началось» (ibid.: 250). Концептуальные картины мира, таким образом, одинаковы в романах Шлинка и Белля, рассматривающих историю Германии на протяжении многих десятилетий, исследующих корни нацизма и его роковую предопределенность, стремящихся наметить пути его изживания, размышляющих о глубинной связи прошлого, настоящего и будущего. Повествовательные планы романов — пространственный, временной, языковой, перцептивный — выявляют сходные позиции нарраторов и их авторов.

4. Заключение

Текст романа Шлинка *Ольга* явственно погружен в коммуникативное пространство предшествующего и современного литературного окружения и впитывает его. Художественный мир романа пермутирует художественные миры множества произведений прошлого и настоящего и самого Шлинка в том числе. Не будет преувеличением сказать, что этот роман является, если воспользоваться словами Барта о мировой литературе как едином тотальном тексте, «ансамблем пресуппозиций» других текстов, чем-то вроде «камеры отзвуков» (БАРТ 2002: 18). Однако это не означает того, что исследуемый роман тождествен множеству других романов прошлого и настоящего, являясь их арифметической суммой или механическим эхом. Он стал следствием продуктивного взаимодействия независимо мыслящего художника Шлинка с мировой литературой.

Список литературы / *Zitierte Literatur* / *References*

- Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 413—423. [Barthes, Roland. (1989) *От произведения к тексту* (From Work to Text). In: Kosikov, Georgiy K. (ed.) *Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* (Barthes R. Collected Works. Semiotics. Poetics). Moscow: Progress. 413—423. (In Russian)].
- Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте / сост., пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М.: Ad Marginem; Сталкер, 2002. [Barthes, Roland (2002) *Rolan Bart o Rolane Barte* (Roland Barthes about Roland Barthes). Moscow: Ad Marginem; Stalker. (In Russian)].
- Кондаков Б. В., Попкова Т. Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья первая // Вестник Пермского ун-та. 2011. Вып. 4 (16). С. 130—143. [Kondakov, Boris V. & Popkova, Tatyana D. (2011) *Khudozhestvennyy mir literatury i fenomen detskogo mirosoznaniya. Stat'ya pervaya* (The Artistic World of Literature and the Phenomenon of Childrens' World Consciousness. Article One). *Perm University Herald*, 4 (16), 130—143. (In Russian)].
- Кондаков Б. В., Попкова Т. Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья вторая // Вестник Пермского ун-та. 2013. Вып. 2 (22). С. 139—148. [Kondakov, Boris V. & Popkova, Tatyana D. (2013) *Khudozhestvennyy mir literatury i fenomen detskogo mirosoznaniya. Stat'ya pervaya* (The Artistic World of Literature and the Phenomenon of Childrens' World Consciousness. Article two). *Perm University Herald*, 2 (22), 139—148. (In Russian)].
- Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74—87. [Likhachev, Dmitriy S. (1968) *Vnutrenniy mir khudozhestvennogo proizvedeniya* (The Inner World of a Work of Art). *Voprosy literatury* (Issues of Literature), 8, 74—87. (In Russian)].
- Лосев А. Ф. Проблемы художественного стиля. Киев: Collegium, Киевская академия Евробизнеса, 1994. [Losev, Aleksey F. (1994) *Problemy khudozhestvennogo stilya* (Art Style Issues). Kiev: Collegium, Kiyevskaya akademiya Yevrobiznesa (Kiev Academy of Eurobusiness). (In Russian)].
- Савельева В. В. Художественный текст и художественный мир: проблемы организации. Алматы: Драйк-Просс, 1996. [Savelyeva, Vera V. (1996) *Khudozhestvennyy tekst i khudozhestvennyy mir: problemy organizatsii* (Artistic Text and Artistic World: Arrangement Problems). Almaty: Drayk-Pross. (In Russian)].

- Сухих И. Н. Проблемы поэтики Чехова. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1987. [Sukhikh, Igor N. (1987) *Problemy poetiki Chekhova* (Problems of Chekhov's Poetics). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].
- Тамарченко Н. Д. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика // Теория литературы: в 2 т. Т. 1 / ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004. [Tamarchenko, Natan D. (2004) *Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika* (Theory of Artistic Discourse. Theoretical Poetics). In: Tamarchenko, Natan D. (ed.) *Teoriya literatury* (Theory of Literature). In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Тюпа В. И. Аналитика художественного. М.: Лабиринт: РГГУ, 2001. 192 с. [Tyupa, Valeriy I. (2001) *Analitika khudozhestvennogo* (Artistic Analytics). Moscow: Labirint: Russian State University for the Humanities. (In Russian)].
- Хализев В. Е. Художественный мир писателя и бытовая культура: на материале произведений Н.С. Лескова // Контекст-1981 / ред. А. С. Мясников. М.: Наука, 1982. С. 110—145. [Khalizev, Valentin Ye. (1982) *Khudozhestvennyy mir pisatelya i bytovaya kul'tura: na materiale proizvedeniy N. S. Leskova* (The Artistic World of the Writer and Everyday Culture: Based on the Works of N. S. Leskov'). In: Myasnikov, Aleksandr S. & al. (eds) *Kontekst-1981* (Context-1981). Moscow: Nauka, 110—145. (In Russian)].
- Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Академия, 2009. [Khalizev, Valentin Ye. (2009) *Teoriya literatury* (Literary Theory). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Чугунов Д. А. Особенности репрезентации прошлого в прозе Бернхарда Шлинка // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 2. С. 186—201. [Chugunov, Dmitriy A. (2020) *Osobennosti reprezentatsii proshlogo v proze Bernharda Shlinka* (Features of the representation of the past in the prose of Bernhard Schlink). *Studia Litterarum*, vol. 5, No. 2, 186—201. (In Russian)].
- Чугунов Д. А., Гушчина А. И. Мифология XX века в романе Бернхарда Шлинка «Ольга» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 295—297. [Chugunov, Dmitriy A. & Gushchina, Anna I. (2019) *Mifologiya XX veka v romane Bernharda Shlinka "Ol'ga"* (The Mythology of the 20th Century in the Novel by Bernhard Schlink "Olga"). *The World of Science, Culture and Education*, 4 (77), 295—297. (In Russian)].

- Шарыпина Т. А. Интермедиаьные аспекты создания образов в поэтике романов Б. Шлинка «Женщина на лестнице» и «Ольга» // *Acta Neophilologica*. 2019. XXI (2). С. 109—121. [Sharypina, Tatyana A. (2019) Intermedial'nye aspekty sozdaniya obrazov v poetike romanov B. Shlinka "Zhenshchina na lestnitse" i "Ol'ga" (Intermedial Aspects of Creating Images in the Poetics of B. Schlink's Novels "The Woman on the Stairs" and "Olga"). *Acta Neophilologica*, XXI (2), 109—121. (In Russian)].
- Шарыпина Т. А. Визуализация исторической памяти в романе Б. Шлинка «Ольга» // Национальные коды в европейской литературе XIX — XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации / ред. Шарыпина Т. А. и др. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 68—77. [Sharypina, Tatyana A. (2020) Vizualizatsiya istoricheskoy pamyati v romane B. Shlinka "Ol'ga" (Visualization of Historical Memory in B. Schlink's Novel "Olga"). In: Sharypina, Tatyana A. & al. (eds) *Natsional'nyye kody v evropeyskoy literature XX — XXI vv. Literaturnyy kanon v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* (National Codes in the European Literature of the 19th — 20th Centuries. The Literary Canon in the Context of Intercultural Communication). Nizhny Novgorod: Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, 68—77. (In Russian)].
- Шарыпина Т. А. Типологические схождения и «странные сближения» в романах В. Каверина «Два капитана» и Б. Шлинка «Ольга» // Научный диалог. 2021. № 1. С. 178—192. [Sharypina, Tatyana A. (2021) Tipologicheskiye skhozheniya i "strannyye sblizheniya" v romanakh V. Kaverina "Dva kapitana" i B. Shlinka "Ol'ga" (Typological Convergences and "Strange Convergences" in the Novels of V. Kaverin "Two Captains" and B. Schlink "Olga"). *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*, 1, 178—192. (In Russian)].
- Шлинк Б. Ольга / пер. с нем. Г. Снежинской. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2019. [Schlink, Bernhard. (2019) *Ol'ga* (Olga). Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)].

Intertextuality of the Artistic World of the Novel *Olga* by Bernhard Schlink

The article researches the artistic world of Bernhard Schlink's novel *Olga* (2018) and analysis technique used within the research, which determines its scientific novelty. The concept of the work is based on the fact that: 1) the study of the fundamental philosophical-cultural and literary concept of "artistic world" implies a mandatory reference to the cultural background, the literary context in which the work emerges and lives, in other words, to the dialogue that the writer consciously or unconsciously conducts with the preceding and contemporary cultural and literary tradition; 2) the artistic world of an individual text can only be analysed in view of its intertextual connections, not reduced to the problem of sources and influences (the latter is all the more important because the intertext of the work contains more or less identifiable forms of other texts at different levels of narration); 3) this research paradigm defines the principles for analysing the intertextuality of the novel *Olga*, where collective understanding and collective worldview of an entire era is obviously refracted, starting from the last decades of the 19th century to the 1970s (the described time of the novel) and ending with the time of the single text of the writer's work (1980s — 2018). The following issues are considered while studying the artistic world of the novel: manifestation of general regularities in the private; spatial, temporal and ethical coordinates of the artistic universe; structural and semantic problematic knots; cross-cultural codes; character and methods of dialogic relations with the world literature; the contextual analysis of one authorial text (within the limits of the writer's work); author's individuality. The author proves that the text of the novel *Olga* is clearly immersed in the communicative space of the previous and modern literary environment and absorbs it. The artistic world of the novel permutes the artistic worlds of many works of the past and present, including Schlink himself.

Keywords: intertextuality; artistic world; Bernhard Schlink; the novel "Olga"

Для цитирования:

Ишимбаева Г. Г. Интертекстуальность художественного мира романа Бернхарда Шлинка *Ольга* // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 388—404.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-388-404.

To cite this Article:

Ishimbayeva, Galina G. (2023) Intertekstual'nost' khudozhestvennogo mira romana Bernkharda Shlinka *Ol'ga* (Intertextuality of the Artistic World of the

Novel *Olga* by Bernhard Schlink). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 388—404. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-388-404.

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; принята к публикации 21.04.2023

The article was submitted 28.01.2023; accepted for publication 21.04.2023

З. А. Марданова
Северо-Осетинский государственный
университет им. К. Л. Хетагурова
Институт археологии и истории РСО-Алании

ПЕТЕР ХАНДКЕ В РОССИИ: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА И ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ

Статья посвящена 50-летней рецепции в русской культуре и литературе австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Петера Хандке (р. 1942). Процесс культурного трансфера (отбор — передача — рецепция) в случае восприятия принимающей культурой иноязычного писателя предполагает осуществление переводов тех произведений, которые привлекли внимание посредников (переводчиков, издателей) из всего созданного автором, и последующее литературно-критическое и литературоведческое осмысление как трансферированных текстов, так и складывающегося в процессе переноса общего представления об авторе этих текстов. В начальный период активного переводческого освоения творчества писателя были переведены основные его повести 1970-х гг. Последующий всплеск переводческого интереса к Хандке в 2000-х гг. и в период после получения им Нобелевской премии также связан с переводом прозы. Хандке-драматург представлен лишь двумя пьесами, которые так и не получили в русском культурном пространстве сценического воплощения. Литературная репутация Хандке формируется вокруг трех биографических сюжетов, которые определяют образ писателя и в немецкоязычной культуре: выступление на выездном заседании «Группы 47» в Принстоне, «поворот к классическому», реакция на югославские войны. В первом сюжете Хандке предстает молодым бунтарем и экспериментатором, и этот образ в целом воспроизводится в русской рецепции, хотя бунтарство молодого автора приобретает здесь определенную социально-критическую направленность. «Поворот к классическому» Хандке в позднесоветском литературоведении интерпретировался как движение от формализма к реализму («от бунтарства к традиции»). В трактовке современных российских исследователей речь идет о переходе Хандке к постмодернистской эстетике. Третий сюжет, который формирует представление о Хандке как о политически ангажированном писателе, стоящем на просербской позиции, прослеживается и в русской рецепции, с тем лишь отличием, что такая позиция оценивается здесь по преимуществу весьма положительно. Без переводов важных

произведений Хандке («югославских» текстов, писательских заметок, опубликованных отдельными книгами) и в отсутствие широкой заинтересованной полемики вокруг одного из самых спорных писателей Австрии литературный портрет автора сохраняет в новом культурном контексте общие узнаваемые черты, но утрачивает оттенки, нюансы и тональные контрасты.

Ключевые слова: Петер Хандке; культурный трансфер; литературная репутация; Нобелевская премия; «разговорные пьесы»; трансформируемый текст

1. Введение

Русская рецепция австрийского писателя Петера Хандке (р. 1942), лауреата Нобелевской премии по литературе 2019 года, насчитывает более 50 лет: в 1967 г. в «Литературной газете», одном из авторитетнейших изданий советского периода (тираж 300 тыс. экземпляров), появилась первая статья о молодом авторе, бунтаре и приверженце экспериментальной литературы (МЛЕЧИНА 1967: 15).

Знакомство русскоязычного читателя с собственно творчеством Хандке состоялось позднее. В антологии *Мимо течет Дунай. Современная австрийская новелла* (1971) в переводе С. Е. Шлапоберской был опубликован рассказ *Приветственное слово наблюдательному совету* (*Begrüßung des Aufsichtsrates*, написан в 1964 г., опубликован в 1967 г.), отчетливо проникнутый кафкианским духом: в занесенном снегом, обветшалом крестьянском доме, все больше разрушающемся под воздействием природных сил, проходит заседание некоего Общества. В деловой обыденности этого действия, однако, все явственней проглядывает причудливая абсурдность происходящего. Рассказ, давший название сборнику из девятнадцати новелл, созданных Хандке в его студенческие годы (1963 — 1966), интересен, как и все новеллистическое собрание в целом, но недостаточно репрезентативен для литературного знакомства с автором, поскольку свидетельствует, скорее, о следовании молодого автора определенной традиции, но едва ли подтверждает его сложившуюся к тому времени литературную репутацию как яркого, эпатажного писателя, тяготеющего к художественному эксперименту.

Ранняя литературная известность Хандке связана прежде всего с постановкой его первых пьес, получивших от автора специальное жанровое определение: «разговорные пьесы» («Sprechstücke»), поскольку действие здесь замещено «говорением»: актеры не играют персонажей, а выступают как декламаторы, обращающиеся напрямую к публике и разрушающие, таким образом, традиционную границу между пространством сцены и зрительным залом. Перевод его самой значимой «разговорной пьесы», существенно повлиявшей на формирование ранней литературной репутации Хандке, появился лишь в 1997 г. в журнале «Нева» под названием *Издевательство над публикой*. Собственно, «оскорбления» произносятся лишь в конце пьесы и представляют собой поток эмоционально нагруженных слов, в котором оскорбительным характеристикам публики предшествует ее похвала, а в целом же они направлены на демонтаж театральной иллюзорности:

Вы открыли перед нами совершенно новые горизонты. Наш спектакль пришелся вам в самую пору. Вы сумели перерастить самих себя. Вы выкупили себе свободу своей игрой. Вы преисполнились вдохновения, вы, ничтожества, могильщики европейской культуры, асоциальные элементы, гробы повапленные, сукины дети, гадючья порода, убийцы из-за угла (ХАНДКЕ 1997: 95).

После перевода самой знаменитой «разговорной пьесы» вполне ожидаемо было обращение к пьесе *Каспар* (*Kaspar*, 1968), которая принесла Хандке подлинную литературную славу. Во всяком случае, такой обоснованный выбор сделала Н. С. Павлова, составитель и автор предисловия к сборнику *Wunschkonzert. Stücke aus der BRD, Österreich und der Schweiz. 1960 — 1970*, 1983), адресованному читателям, знающим немецкий язык. Однако следующее и на сегодняшний день последнее драматическое произведение Хандке, переведенное на русский, его пьеса *Час, когда мы ничего не знали друг о друге* (*Die Stunde da wir nichts voneinander wußten*, 1992), вышло в свет лишь в 2004 г. (сборник *Мюнхенская свобода и другие пьесы. Немецкоязычная драма 2-й пол. XX столетия*). Эта «немая пьеса», по словам драматурга,

пьеса без слов, существующая лишь за счет пребывания людей на сцене, то появляющихся на ней, то уходящих, совершающих

какие-то действия, которые не превращаются при этом в пантомиму (KATHREIN 1985).

Собственно, и эти две пьесы Хандке, рассчитанные прежде всего на сценическое воплощение, не вошли в полной мере в русское культурное пространство: в России не было ни одной постановки пьес австрийского автора, получившего литературную известность, в первую очередь, благодаря своим экспериментам в области театрального искусства.

«Русский» Хандке по преимуществу прозаик. Его первые экспериментальные романы *Шефшн* (*Die Hornissen*, 1966), *Разносчик* (*Der Hausierer*, 1967), созданные в духе французского «нового романа», остались без перевода. В 1980-е гг. на русском языке выходят практически все знаковые повести Хандке 1970-х гг., названия которых стали в немецком языке крылатыми (SCHMIDT-DENGLER 2001: 41): *Страх вратаря при одиннадцатиметровом* (*Die Angst des Tormanns beim Elfmeter*, 1970; в пер. Валентины Курелла), *Короткое письмо к долговому прощанию* (*Der kurze Brief zum langen Abschied*, 1972; в пер. Михаила Рудницкого), *Нет желаний — нет счастья* (*Wunschloses Unglück*, 1972; в пер. Инны Каринцевой) составили сборник 1980 г. со скромным названием *Петер Хандке. Повести*, сопровождавшийся обширным предисловием Д. В. Затонского. В 1982 г. в журнале «Иностранная литература» в переводе Каринцевой вышла повесть *Женщина-левша* (*Die linkshändige Frau*, 1976).

Обойденной переводческим (или издательским?) вниманием оказалась повесть *Час истинного ощущения* (*Die Stunde der wahren Empfindung*, 1975) — история, начинающаяся, как и *Превращение* Кафки, с пробуждения героя по имени Грегор Койшниг, который обнаруживает в себе странные изменения, произошедшие с ним под влиянием сна: он утрачивает ощущение собственного Я, становится чужим самому себе, вся его обычная жизнь и мир привычных представлений рушатся в одночасье, вынуждая заново выстраивать отношения с самим собой и окружающим миром. В повести, основная тема которой — утрата самоидентичности, с особой отчетливостью проявляется определенная манера письма Хандке, заставляющая вспомнить, что австрийского автора, во всяком случае, в определенный период его творчества, причис-

ляют к литературе «новой субъективности» (или «новой чувствительности»), одному из ведущих течений немецкоязычной литературы 1970-х гг. Для этой манеры письма характерна ослабленная сюжетность, при которой рассказ концентрируется преимущественно на чувствах, ощущениях и саморефлексии главного героя: все происходящее с ним и вокруг него подается через призму его восприятия. Повесть *Час истинного ощущения*, которая, по мнению В. Крауса, выражала «дух времени», утрату молодым поколением ощущения реальности в условиях «общества всеобщего благоденствия» (KRAUS 1975), предоставляла читателю возможность идентификации с главным героем. Книга имела успех именно потому, что, как писали автору многочисленные читатели, Хандке неимоверно точно описал те их чувства и ощущения, которые сами они не могли облечь в слова (TUNNER 1993: 85).

Хандке-эссеист поначалу был представлен только переводом своей знаменитой ранней программной статьи *Я — обитатель башни из слоновой кости* (*Ich bin ein Bewohner des Elfenbeinturms*, написана в 1967 г., опубликована в 1972 г.), вышедшей в переводе Юрия Архипова в сборнике *Называть вещи своими именами* (1986).

Новый всплеск переводческого интереса к прозе Хандке случился уже в двухтысячные годы. В 2000 г. в издательстве «Азбука» был опубликован роман *Медленное возвращение домой* (*Langsame Heimkehr*, 1979), а в 2006 г. — вся тетралогия (в пер. Марины Кореновой), но уже под названием второй книги, *Учение горы Сен-Виктуар* (*Die Lehre des Sainte-Victoire*, 1980). Сюда же входит повесть *Детская история* (*Die Kindergeschichte*, 1981) и драматическая поэма *По деревням* (*Über die Dörfer*, 1981). В том же 2006 году, всего лишь через два года после появления оригинального произведения, в переводе Галтны Косарик вышел роман *Дон Жуан (рассказано им самим)* (*Don Juan: erzählt von ihm selbst*, 2004), новая версия «вечного образа» мировой литературы.

Присуждение Хандке в 2019 г. Нобелевской премии привело к появлению новых переводов. В 2020 г. в журнале «Звезда» была опубликована повесть *Писатель после полудня* (*Nachmittag eines Schriftstellers*, 1987, пер. Кореновой), в 2021 г. в переводе Анны Кукес появился роман Хандке *Второй меч. Майская история* (*Das zweite Schwert. Eine Maigeschichte*, 2020), а в 2022 г.

— роман *Воровка фруктов (Die Obstdiebin oder einfache Fahrt ins Landesinnere, 2017)* в пер. Кореневой.

В 2022 г. отдельным изданием в переводе Веры Котелевской были опубликованы *Три эссе: Об усталости. О джукбоксе. Об удачном дне. Два первых эссе (Versuch über die Müdigkeit, 1989; Versuch über die Jukebox, 1990)* уже издавались ранее в переводе Г. Косарик в журнале «Иностранная литература» под названием *Опыт познания усталости (1996)* и *Опыт познания природы jukebox (1993)*, но появление под одной обложкой всех трех эссе в большей мере отвечает устоявшемуся в литературной критике представлению о том, что «Опыты», тематизирующие, казалось бы, обыденные, несущественные вещи — состояние усталости, воспоминания о собственной страстной привязанности к музыкальному автомату и размышления об удачном дне, составляют своего рода трилогию, для которой характерно тесное переплетение в повествовании трех линии: автобиографической, эссеистической и художественной. Хотя с появлением *Опыта тихого места (Versuch über den stillen Ort, 2012)* и завершающего весь цикл, по словам самого автора, пятого эссе *Опыт о зяблом грибнике (Versuch über den Pilznarren, 2013)* уже можно говорить об эссеистической пенталогии Хандке.

Критический анализ его русских переводов, позволяющий выявить соответствие (или расхождение) переводческих стратегий и конкретных переводческих решений тому «образу» писателя, который отвечает сложившейся в разные периоды творчества литературной репутации австрийского автора («бунтарь-экспериментатор», «современный классик» и пр.), — это задача отдельного исследования. Хотя уже можно предположить, что особенности принимающей культуры и индивидуальное прочтение текста посредником-переводчиком могут существенно изменить трансформируемый текст. Так, советская (и частично постсоветская) переводческая традиция, «маркированная пуризмом и почти полным запретом на экспликацию того литературного материала, который так или иначе связан с эротической сферой», как отмечает А. В. Белобратов, ставила переводчика в сложную ситуацию двойной цензуры (внешней и внутренней), под воздействием которой тот либо совсем опускал «непристойные» пасса-

жи в переводе, либо доступными словарю той эпохи средствами смягчал или изменял сцену (БЕЛОБРАТОВ 2020: 18). Более подробно эта ситуация описана в статье (БЕЛОБРАТОВ 2020: 217-234), в которой примеры из русских переводов Петера Розая дополнены не менее наглядными примерами подобной культурной «адаптации» при переводе «истории о расставании» Петера Хандке *Короткое письмо к долговому прощанию* (БЕЛОБРАТОВ 2020: 222).

Любопытно в этом аспекте и замечание писательницы и переводчицы Нобелевской речи Хандке Е. Александровой-Зориной о том, что оригинальный текст драматической поэмы *По деревьям* «вовсе не звучит так архаично и пафосно, как в русском переводе» (Вечный мир возможен 2019).

2. Характеристика материала и методов исследования

Если переводы обеспечивают первую фазу культурного трансфера — *отбор* (Selektion), в данном случае того, что именно привлекло внимание посредников (переводчиков, издателей) — акторов второй фазы, *передачи* (Vermittlung), из всего созданного австрийским автором, то третья фаза — *рецепция* (Rezeption) (LÜSEBRINK 2008: 132) в большей степени связана с литературно-критическим и литературоведческим осмыслением как трансферированных текстов, так и складывающегося в процессе переноса общего представления об авторе, создавшем эти тексты.

Первые литературно-критические работы о Хандке носили обзорный и рецензионный характер и нередко предшествовали — за отсутствием переводов — рецепции переводческой. Это были по преимуществу статьи, публиковавшиеся в литературно-критическом информационном сборнике «Современная художественная литература за рубежом», в котором рецензировались опубликованные зарубежные новинки художественной литературы, литературоведения и критики, не переведенные на русский язык, в журнале «Иностранная литература» (в разделе «Издано за рубежом» или «Среди книг» — статьи и заметки Н. С. Павловой, Ю. И. Архипова, М. Л. Рудницкого, Н. С. Литвинец, А. А. Гугнина, И. Н. Бурихина), в литературно-критическом журнале «Литературное обозрение» (статья Ю. И. Архипова *Восхождение Петера Хандке*, 1982) и в реферативном журнале ИНИОН АН СССР («РЖ Общественные науки за рубежом. Сер.: 7. Литературоведение).

Эти рецензии и статьи обзорного характера, отслеживавшие появление каждого из произведений молодого автора, способствовали постоянному присутствию Хандке в русскоязычном литературном поле, даже при отсутствии переводов рецензируемых произведений.

В 1980 г. имя Хандке появляется в академическом издании *История литературы ФРГ* в главах обзорно-проблемного характера. В главе «Проза 50-х — 60-х годов» (Ю. И. Архипов) Хандке упоминается среди тех австрийских авторов, кто существенно повлиял на литературный процесс в ФРГ (ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ФРГ 1980: 223), в частности, в связи со «взрывом молодежного движения в конце 60-х годов» и с распадом «Группы 47», с уже ставшим привычным упоминанием того, как молодой автор обвинил немецких писателей «первого ряда» в «импотенции описательности» (ibid.: 249). В главе «Эволюция драмы» (Н. С. Павлова) Хандке выступает как один из наиболее ярких представителей так называемой «молодой драматургии», которая при всем относительном эстетическом и идеологическом единстве «отразила, а отчасти и предвосхитила то специфическое мироощущение, которое наиболее остро проявило себя в “студенческом бунте” и было связано с идеологией “новых левых”» (ibid.: 489). Наконец, в последних двух параграфах главы о леворадикальной идеологии и «неоавангардизме» 60 — 70-х гг. (Ю. И. Архипов) Хандке — после очередного упоминания о его «скандальном выступлении на очередном выездном заседании “группы 47” в 1966 г. в американском городе Принстоне» (ibid.: 573) — предстает поначалу одним из «наиболее прославившихся в эту пору певцов “новой чувствительности”» (ibid.: 577), а затем, после появления повести *Нет желаний — нет счастья*, в которой «он дал подлинно художественную, реалистическую картину жизни своей матери и ее поколения и провел точный социальный анализ описанных явлений» (ibid.: 582), уже «бывшим экспериментатором», в творчестве которого главенствующим становится «движение от формализма к реализму» (ibid.: 582).

Важным моментом в процессе вхождения Хандке в советскую (российскую) культуру и, казалось бы, началом вхождения австрийского автора в канон иноязычной литературы, признания

его значимой фигурой современного литературного процесса, было появление в монографии Д. В. Затонского *Австрийская литература в XX столетии* (1985) отдельной главы, посвященной Петеру Хандке, в которой творчество писателя (от первых пьес до повести 1979 г. *Медленное возвращение домой*) рассматривалось в общем контексте австрийской литературы «после 1945 года». Но процесс академического признания в виде студенческих исследований, диссертаций, монографий, включения имени и творчества писателя в учебные пособия, учебники по истории литературы и энциклопедии в 1990-е гг. прервался, только начавшись. Практически единственная — вплоть до 2000-х гг. — диссертация по творчеству Хандке 70-х гг. была защищена в 1988 г. в ЛГУ; расширенный вариант этой работы опубликован в виде монографии (МАРДАНОВА 2005) лишь в 2005 г. А в 2013 г. появилось лингвистическое диссертационное исследование И. И. Хрипуновой, проведенное на материале произведений Хандке (ХРИПУНОВА 2013).

Тем не менее в 2000-х гг. Хандке, несмотря на слабый интерес к произведениям австрийского писателя как объекту диссертационных исследований, постепенно занимает в российском литературном поле место «классика современной (немецкоязычной) литературы», давно закрепившееся за ним в зарубежной словесности. Его имя входит в *Большую Российскую энциклопедию* (2004—2017) (БЕЛОБРАТОВ 2017: 742), включается в учебники и учебные пособия по истории современной литературы немецкоязычных стран (ПРОНИН 2003: 372-376; ЛЕОНОВА 2010а). В двухтомном академическом издании *История австрийской литературы XX века* Хандке, наряду с многочисленным упоминаниями в других разделах, отведена отдельная глава (ЛЕОНОВА 2010б: 310-357). Заметно возросло и количество научных статей об австрийском писателе.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В целом литературная репутация Хандке в российском литературном пространстве формируется вокруг тех же *трех биографических сюжетов*, которые определяют образ писателя и в немецкоязычной культуре.

Первый сюжет — это выступление на выездном заседании «Группы 47» в Принстоне в 1966 г. молодого и пока еще неизвестного

широкой публике автора, обвинившего своих старших коллег-писателей и заодно и литературных критиков в «импотенции описательности» («Beschreibungsimpotenz»), ведущей к созданию «банальной» литературы (Хандке использует более эмоционально-нагруженное слово — «läppisch», «нелепая литература» — «läppische Literatur» [WEGMANN & REIBER 2012: 58-59]).

Нарушение молодым автором правил проведения заседаний «Группы 47», на которых обсуждению подлежали только конкретные тексты, представленные на нем, и не допускалась критика общего характера, а в еще большей степени сам внешний облик «нарушителя» (длинные волосы — так называемая «битловская» прическа, юношеская небрежность в одежде и по-юношески застенчивая агрессивность высказываний) закрепили за Хандке славу «строптивого молодого бунтаря», «рассерженного молодого «битла» от литературы», «молодого битника» (TERNHORST 1990: 1-2). В. Шмидт-Денглер, говоря о молодом Хандке, замечает, что

его успех неразрывно связан с атмосферой 1968 года; Хандке стал — не в последнюю очередь благодаря своим длинным волосам — символической фигурой бунтующего и протестующего поколения (SCHMIDT-DENGLER 2001: 41).

Медийный образ, предшествовавший образу литературному, образу эпатажного писателя, был вскоре «подкреплен» постановочной пьесой *Оскорбление публики*, которая была написана и отдана для постановки режиссеру Клаусу Пайману еще до заседания «Группы 47» в Америке (премьера состоялась 8 июня 1966 г. во Франкфурте-на-Майне в городском театре «Театр ам Турм», но после принстонского выступления Хандке пьеса уже воспринималась как художественное воплощение прозвучавшей на этой встрече критики устаревшего искусства «отцов»).

Образ молодого бунтаря, ниспровергателя и экспериментатора складывается и в русской рецепции (ПАВЛОВА 1978: 270-273; ЗАТОНСКИЙ 1985: 402; ЛИТВИНЕЦ 1982: 183-186; АРХИПОВ 1980: 111-157), с тем лишь отличием, что хандковское бунтарство обретает здесь вполне определенную социальную нацеленность — на «современное буржуазное “общество потребления”» (ЛИТВИНЕЦ 1982: 186).

Медийная популярность Хандке в немецкоязычном культурном пространстве поддерживалась обилием интервью и бесконечным тиражированием фотопортретов молодого писателя. В (пост)советской культуре Хандке как медийная фигура представлен очень скромно, но общая направленность репрезентации писателя посредством его медиа-образа сохраняется. В журнале «Иностранная литература» под рубрикой «Наши гости» интервью с Хандке предварялось фотографией писателя (в отличие от интервью со вторым гостем, американским драматургом Барри Стейвисом (Barrie Stavis, 1906 — 2007), которая дублировалась портретным описанием со стороны интервьюера, Ю. В. Архипова: «И вот Петер Хандке в гостях у «Иностранной литературы». Длинноволосый, подчеркнуто независимый в манерах, он, кажется, внешне остался в образе 1967 года» (АРХИПОВ 1978: 258).

Свое предисловие к уже упомянутому сборнику повестей австрийского автора *Художественный мир Петера Хандке* Д. В. Затонский тоже начинает с описания его медийного образа:

С газетных полос, со страниц журналов, с суперобложек книг смотрит лицо: удлинённый овал, волосы, падающие на воротник бархатной куртки или расстегнутой клетчатой рубахи, глаза за стеклами темных очков, тонкие черты, почти девичья мягкость которых в последние годы скрадывается усами... Это Петер Хандке, «мальчик из сказки». Многие считают его «австрийским писателем номер один»; его называют «любимым дитятей западногерманской критики», «showboy'ем новой литературы» (ЗАТОНСКИЙ 1980: 5).

Второй сюжет связан с так называемым «поворотом к классическому» («Wende zum Klassischen») (HÖLLER 2013: 12), который прослеживается в творчестве Хандке на протяжении 1970-х гг. и отчетливо проявляется в повествовательной манере романа *Медленное возвращение домой* и следующих за ним книг, в которых «все происходящее, все романное действие преобразуется в ритм и образы» (HANDKE 2012: 165), становится принципиально замедленным повествованием, спокойным и углубленно-внимательным к моментам повседневной жизни и деталям окружающего мира. Бывший бунтарь и авангардистский экспериментатор обращается к эпическому повествованию, которое связано

для него с такими свойствами как «покой», «радость», «размеренность». Хандке, «поэт медлительности в эпоху цивилизационного опьянения скоростью» (GOTTWALD 2001: 35), в своей речи при получении премии имени Кафки (1979) объясняет обращение к новой манере письма стремлением к красоте, к «потрясению красотой», «к классическому, универсальному, к тому, что обретает форму <...> лишь в постоянном созерцании и погружении в природу» (HANDKE 1980: 156-159). Но вырисовывающаяся линия творческой эволюции Хандке — от формальных экспериментов и критики языка к эпическому (классическому) повествованию — дает слишком упрощенное представление о происходящих изменениях в художественной практике писателя.

Понятия «эпического» и «классического» в художественном мире Хандке не поддаются четкому очерчиванию. Не случайно автор часто цитируемой формулы «поворот к классике», должной обозначить глубокие изменения в творческой установке писателя, назвал свою книгу о классическом в творчестве Хандке *Необычная классика после 1945 года* (HÖLLER 2013), намеренно отказавшись от внятного определения этого понятия. Эпика, по словам самого Хандке, — это попытка «свести воедино вещи, видя их в отдельности» («Dinge zusammenbringen und auseinanderhalten») (HANDKE 1983: 38), а вершина эпического — это «эпос из хайку» («Epos aus Haikus») (HANDKE 1982: 52). В поздней прозе Хандке тяготение к эпосу, медленному, неспешному движению повествования, связывающему отдельные элементы окружающего мира в общую картину, неизменно прерывается внезапным погружением в описание незначительной детали, кратким замечанием или скупой бытовой зарисовкой, разрушающими на миг безмятежную атмосферу эпического рассказывания.

«Русский» Хандке тоже проходит определенные «повороты», общее направление которых, в целом, соответствует той траектории, которая было обозначена в немецкоязычной исследовательской литературе. Наиболее близка к ней та трактовка изменений в поэтике и художественной практике австрийского автора, которая была представлена в публикации на онлайн-платформе Decóder. Как пишет А. В. Белобратов,

[к] концу 70-х в творчестве Хандке намечается новый поворот. Тетралогия «Медленное возвращение домой» (Langsame Heimkehr, 1979—1981) свидетельствует об определенном уходе Хандке от критики языка. Он обращается к неспешному, эпическому повествованию, почти лишенному сюжетности и наполненному созерцанием окружающего мира. В своей «медленной» прозе Хандке творит из слов образы, картины природы, способные открыться видению читателя, предстать в их словесной красоте. В 1979 году, получая литературную премию имени Франца Кафки, он произнесет: «Пытаясь создать словесные формы для взыскуемой мною истины, я устремляюсь к красоте, к потрясению красотой» (БЕЛОБРАТОВ 2019).

«Поворот к классическому» Хандке в трактовке позднесоветского литературоведения получил определение «от бунтарства к традиции» или «движение от формализма к реализму» (АРХИПОВ 1980: 111-157). Примечательно, что точкой отсчета считаются повести Хандке первой половины 1970-х:

Путь Хандке от «Оскорбления публики» до «Часа истинного ощущения» примечателен. И он типичен для значительной части новейшей западной литературы. Она не в силах дольше жить чистым отрицанием, дышать хаосом — пусть это даже отрицание старого мира и хаос, возникающий из его крушения. И литература эта отправляется на поиски идеала; для нее снова важно надеяться, ей снова нужна доброта, человечность, поэзия. Оставаясь вполне современной и по идеям, и по форме, она за всем этим обращается к классике, к ее традициям (ЗАТОНСКИЙ 1985: 427).

В главе о Хандке в академической *Истории австрийской литературы* Е. А. Леонова тоже связывает «постепенный поворот Хандке к «личности, ее мироощущению» [...], к сюжетике, к реалистической традиции» с прозой 1970-х, начиная со «Страха вратаря..» (ЛЕОНОВА 2010б: 318). В немногочисленных исследовательских статьях, публикуемых с 2000-х гг. и посвященных «новому Хандке», как правило, речь идет о переходе австрийского автора к постмодернизму (ГЛАДИЛИН 2010: 298-304; ДЕМАГИНА 2013: 173-176).

Третий сюжет, изменивший представление о Хандке — современном классике, далеком от политических пертурбаций, которые переживает современный мир, — это реакция Хандке на югославские войны.

Казалось бы, литературную репутацию Хандке в гораздо большей степени определяет Нобелевская премия по литературе, полученная им в 2019 г. «за влиятельное творчество, в котором с лингвистической изобретательностью исследуется периферия и специфика человеческого опыта» (The Nobel Prize in Literature 2019). Но, не умаляя значения этого факта «прижизненной канонизации писателя» (ДОМАНСКИЙ 2019: 171), надо признать, что вручение Нобелевской премии — обычно привлекающее особое внимание к творческой личности лауреата, что находит свое выражение в том числе в росте интереса к его произведениям, которые издаются большими тиражами, переводятся на другие языки и становятся предметом литературоведческой рефлексии — в случае с Хандке привело к тому, что в центре общественного внимания оказались политические взгляды и установки австрийского писателя, а не художественные достоинства его многолетнего и разножанрового творчества. Как с явной иронией заметил К. Вагнер,

«Югославия» в дискуссиях вокруг Нобелевской премии стала предлогом для того, чтобы с осуждением высказаться обо всем том, что еще не успели прочитать у Хандке или даже и не собирались прочитать (WAGNER 2021).

Противники и недоброжелатели Хандке обвиняли его в просербской позиции в отношении югославских войн, в отрицании геноцида в Сребренице, поддержке Слободана Милошевича, обвиняемого Международного трибунала по бывшей Югославии, которого Хандке навещал во время его пребывания в тюремной камере в Гааге и даже выступил с краткой речью на его похоронах (18 марта 2006 г.). Сторонники же, вслед за писателем Ойгеном Руге, опубликовавшим во «Frankfurter Allgemeine Zeitung» статью под названием *Да прочтите же его, наконец!* (*Lest ihn doch einfach mal!*) (RUGE 2019: 11), призывали обратиться к самим текстам Хандке, а не к вырванным из контекста или даже искаженным журналистами высказываниям австрийского автора.

Тема Югославии действительно занимает в творчестве Хандке 1990-х — начала 2000-х гг. особое место. С эссе *Прощание мечтателя с девятой страной. Действительность, которой уже нет: воспоминания о Словении* (1991) начинается цикл эссеистических,

прозаических и театральных «югославских текстов», в которых нашли отражение размышления, а также переживания и ощущения австрийского автора — в многочисленных интервью определявшего себя как «каринтийского словенца, пишущего по-немецки» (STIEG 1993: 89) — относительно распадающейся и распавшейся Югославии и последовавших за этим военных конфликтов на Балканах. К этому циклу относятся, в частности, вызвавшие бурные обсуждения, сопровождавшиеся нередко скандалами эссе *Зимнее путешествие к рекам Дунай, Сава, Морава и Дрина, или Справедливость для Сербии* (1996), *Летнее дополнение к зимнему путешествию* (1996), а также пьеса *Путешествие в лодке-долбленке, или Пьеса для фильма о войне* (1999; премьера — 9.06.1999, Бургтеатер, реж. К. Пайман), путевые заметки *Спрашивая сквозь слезы. Заметки после двух поездок по Югославии в военное время. Март-апрель 1999 г.* (2000), политическое эссе *Вокруг Большого трибунала* (2003), содержащее наблюдения Хандке над процессом Международного уголовного суда в Гааге над Милошевичем и параллели, проведенные им между судьями по уголовным делам и литературными критиками, эссе *Таблас-де-Даймель: Окольные свидетельские показания в процессе против Слободана Милошевича* (2006), журналистская зарисовка, описывающая людей и условия их жизни в сербском анклав на юге Косово, под названием *Кукушки деревни Велика-Хоча: постскриптум* (2009) и, наконец, *История Драголюб Милановича* (2011) — о бывшем директоре Радио и Телевидения Сербии, признанном судом Белграда виновным в смерти 16 сотрудников, погибших во время бомбардировки телецентра Военно-воздушными силами НАТО.

Все эти «югославские тексты» Хандке, которым в зарубежной критике было посвящено немало публикаций, при отсутствии переводов и литературно-критического изучения остались практически вне русской рецепции, если не считать публикаций Е. В. Соколовой, в которых ситуация «Хандке и Югославия» подробно отражена в обзоре реакции немецкоязычной прессы на присуждение Нобелевской премии австрийскому писателю. В качестве своего рода противовеса западной критике, поспешившей обвинить писателя, выбравшего «неприемлемую» позицию в

югославском конфликте (СОКОЛОВА 2020а: 271), предлагается эссе В. Г. Зебальда, в котором тот предугадал грядущие проблемы Хандке в отношениях с критикой — в силу особенностей манеры письма и представления о писательстве (СОКОЛОВА 2020b: 128).

В русском культурном пространстве при определенном усилии можно найти и случай прямого столкновения противоположных оценок вовлеченности нобелевского лауреата Хандке в югославские события: это заочный спор — отклик поэта и публициста А. А. Боброва на комментарий литературного критика Н. Ивановой в «Литературной газете», признающей «достойный уровень прозы» австрийского автора, но — поддерживая традиционный для критиков Хандке перечень его грехов (отрицание геноцида в Сребренице, открытая поддержка сербских военных преступников, речь на похоронах Милошевича), — считающей его писателем, «который сам поставил себя вне этических норм» (ИВАНОВА 2019: 2). В эмоциональном отклике Боброва на суждение литературного критика —

Разве непонятно, о чем взволнованно говорит совестливый писатель? — он не приемлет того, что в кровавой и спровоцированной Западом трехсторонней гражданской войне заранее и окончательно была обвинена лишь одна сторона — православные сербы! (БОБРОВ 2019)

— Хандке предстает все тем же политически ангажированным писателем, стоящим на просербской позиции, разве что в этом конкретном случае такая позиция оценивается весьма положительно.

При этом даже в своих публицистических «югославских» текстах Хандке, который принципиально придерживается роли *задающего вопросы* (Fragesteller), прибегает к художественному (а не журналистскому) повествованию, позволяющему непредвзято описывать увиденное им во время поездок, вне характерной для военных репортеров привязанности к дихотомиям «свой — чужой», «за — против», «жертва — преступник» и т. п.

4. Заключение

Отсутствие широкой заинтересованной полемики вокруг австрийского автора, которого в немецкоязычном культурном пространстве неизменно — даже в «классический» период его творче-

ства — воспринимают как неоднозначного и спорного, приводит к явному обеднению в русской рецепции образа Хандке — писателя, включенного в канон современной зарубежной литературы, но так и не прочитанного в должном объеме и с должным увлечением, чтобы стать понятным и «своим» для широкого читателя.

В процессе трансфера многое осталось за бортом и не достигло чужих берегов: помимо «югославских» текстов, это его знаменитые писательские записки, опубликованные отдельными книгами (*Тяжесть мира*, 1977; *История карандаша*, 1982; *Фантазии повторения*, 1983; *Утром возле оконного проема в скале*, 1998 и др.), позволяющие проникнуть во внутренний мир писателя, фиксирующего свои мысли, чувства и ощущения в адекватном для них словесном оформлении, многочисленные интервью, дополняющие и уточняющие сложившееся представление об авторе. В результате абрис писательского портрета в общих чертах сохраняется, но утраченные при переносе оттенки, нюансы и тональные контрасты лишают его полноты индивидуальности и красочности.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Архипов Ю. И. Наши гости: Петер Хандке // Иностранная литература. 1978. № 11. С. 258—260. [Arkhipov, Yuriy I. (1978) Nashi gosti: Peter Handke (Our Guests: Peter Handke). *Foreign literature*, 11, 258—260. (In Russian)].
- Архипов Ю. И. От бунтарства к традиции (Литературы ФРГ и Австрии на переломе) // Вопросы литературы. 1980. № 7. С. 111—157. [Arkhipov, Yuriy I. (1980) Ot buntarstva k traditsii: Literatury FRG i Avstrii na perelome (From Rebellion to Tradition: The Literature of Germany and Austria at the Turning Point). *Problems of Literature*, 7, 111—157. (In Russian)].
- Белобратов А. В. Хандке [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. 2017. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4729029>. [Belobratov, Aleksandr W. (2017) Handke. In: *Great Russian Encyclopedia*. Retrieved from <https://old.bigenc.ru/literature/text/4729029>. (In Russian)].
- Белобратов А. В. Петер Хандке [Электронный ресурс] // Decóder: онлайн-платформа. 2019. URL: <https://www.dekoder.org/ru/gnose/-peter-handke-nobelevskaya-premiya>. [Belobratov, Aleksandr W. (2019) Peter Handke. *Decóder*. Retrieved from <https://www.dekoder.org/ru/gnose/-peter-handke-nobelevskaya-premiya>. (In Russian)].

- Белобратов А. В. «Отсюда — туда»: проза Петера Розая в русских переводах и проблема культурного трансфера // Журнал интегративных исследований культуры. 2020. Т. 2. № 1. С. 13—23. [Belobratow, Aleksandr W. (2020) «Otsyuda — tuda»: proza Petera Rozaya v russkikh perevodakh i problema kul'turnogo transfera ("From Here to There": Peter Rosei's Prose in Russian Translations and the Problem of Cultural Transfer). *Journal of Integrative Cultural Studies*, 2, No. 1, 13—23. (In Russian)].
- Бобров А. А. Облыжные обвинения чужака. Как из литературной статьи сделать либерально-политический донос? // День литературы. 21.10.2019. URL: <https://denliteraturi.ru/article/4448>. [Bobrov, Aleksandr A. (2019) Oblyzhnyye obvineniya chuzhaka. Kak iz literaturnoy stat'i sdelat' liberal'no-politicheskiy donos? (False Accusations of a Stranger. How to Make a Liberal-Political Denunciation from a Literary Article?). *Den' literaturey* (Literature Day). 21.10.2019. Retrieved from <https://denliteraturi.ru/article/4448>. (In Russian)].
- Вечный мир возможен: нобелевская речь Петера Хандке. Австрийский нобелеат — о метаморфозах и Божьем промысле // Сетевое издание «Горький» (gorky.media). 21.12.2019. [Vechnyi mir vozmozhen: nobelevskaya rech' Petera Handke. Avstriiskiy nobleat — o metamorfozakh i Bozh'yem promysle (Perpetual Peace is Possible: Nobel speech by Peter Handke. Austrian Nobel Prize — about Metamorphoses and God's Providence). 21.12.2019. *Network Edition "Gorky"*. Retrieved from <https://gorky.media/context/vechnyj-mir-vozmozhen-nobelevskaya-rech-petera-handke>. (In Russian)].
- Гладилин Н. В. Постмодернистские тенденции в творчестве П. Хандке 1970-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 4 (84). С. 298—304. [Gladilin, Nikita V. (2010) Postmodernistskiye tendentsii v tvorchestve P. Handke 1970-kh gg. (Postmodern Tendencies in the Work of P. Handke in the 1970s). *Tambov University Review*, 4 (84), 298—304. (In Russian)].
- Демагина А. М. Романы Петера Хандке в контексте смены литературных эпох (на примере романа «Медленное возвращение домой» // Филология и культура. 2013. № 4 (34). С. 173—176. [Demagina, Anna M. (2013) Romany Petera Handke v kontekste smeny literaturnykh ehpokh (na primere romana "Medlennoe vozvrashcheniye domoy") (The Novels of Peter Handke in the Context of the Change of Literary Eras (exemplified by the Novel "Slow Homecoming"). *Philology and Culture*, 4 (34), 173—176. (In Russian)].

- Доманский Ю. В. Репутация и канонизация: нобелевский случай Боба Дилана // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 2 (2). С. 171—179. [Domanskiy, Yuriy V. (2019) Reputatsiya i kanonizatsiya: nobelevskiy sluchay Boba Dilana (From Reputation to Canonization. The Case of Bob Dylan's Nobel). *RSUH/RGGU Bulletin*, 2 (2), 171—179. (In Russian)].
- Затонский Д. В. Художественный мир Петера Хандке. Предисловие к изданию повестей // Хандке П. Повести. М.: Прогресс, 1980. С. 5—19. [Zatonskiy, Dmitriy V. (1980) *Khudozhestvennyy mir Petera Handke. Predisloviye k izdaniyu povestey* (The Artistic World of Peter Handke. Foreword to the Publication of the Stories). In: Handke, Peter. *Povesti* (Stories). Moscow: Progress, 5—19. (In Russian)].
- Затонский Д. В. Австрийская литература в XX столетии. М.: Художественная литература, 1985. [Zatonskiy, Dmitriy V. (1985) *Avstriyskaya literatura v XX stoletii* (Austrian Literature in the 20th Century). Moscow: Khudozhestvennaya literature. (In Russian)].
- Иванова Н. Б. Нобелевские нормы. Главная награда мира — «за что» или «несмотря ни на что»: Нобелевская премия по литературе // Литературная газета. 16-22.10.2019. С. 2. [Ivanova, Natal'ya B. (2019) Nobelevskiy normy. Glavnaya nagrada mira — “za chto” ili “nesmotrya ni na chto”: Nobelevskaya premiya po literature (Nobel Standards. The main Award of the World — “for what” or “in spite of everything”: Nobel Prize in Literature). *Literaturnaya gazeta*, 16-22.10.2019, 2. (In Russian)].
- История литературы ФРГ / под ред. И. М. Фрадкина, Д. В. Затонского, Н. С. Павловой. М.: Наука, 1980. [Fradkin, I'ya M.; Pavlova, Nina S. & Zatonskiy, Dmitriy V. (eds) (1980) *Istoriya literatury FRG*. (History of Literature of the Federal Republic of Germany). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Леонова Е. А. Немецкая литература XX века. Германия, Австрия. М.: Флинта: Наука, 2010а. [Leonova, Eva A. (2010a) *Nemetskaya literatura XX veka. Germaniya, Avstriya* (German Literature of the 20th Century. Germany, Austria). Moscow: Flinta, Nauka. (In Russian)].
- Леонова Е. А. Петер Хандке // История австрийской литературы XX века: в 2 т. Т. 2: 1945—2000 / под ред. В. Д. Седельника и др. М.: Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2010б. С. 310—357. [Leonova, Eva A. (2010b) Peter Handke (Peter Handke). In: Sedel'nik, Vladimir D. & al. (eds) *Istoriya avstriyskoy literatury XX veka* (History of Austrian Literature of the 20th Century). In 2 vols. Vol. 2: 1945—2000. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)].

- Литвинец Н. С. Правдивая история об одиночестве. Рец. на роман: Хандке П. Женщина-левша // Иностранная литература. 1982. № 2. С. 183—186. [Litvinets, Nina S. (1982) Pravdivaya istoriya ob odinochestve. Ret. na roman: Handke P. Zhenshchina-levsha (A True Story about Loneliness. A Review on the Novel “Left-Handed Woman” by P. Handke). *Foreign literature*, 2, 183—186. (In Russian)].
- Марданова З. А. «Медлительность» versus «ложное движение»: творчество Петера Хандке 70-х гг. Владикавказ: Зебра-пресс, 2005. [Mardanova, Zalina. A. (2005) “Medlitel’nost” versus “lozhnoye dvizheniye”: tvorchestvo Petera Handke 70-kh gg. (“Slowness” versus “False Movement”: the Work of Peter Handke in the 70s). Vladikavkaz: Zebra Press. (In Russian)].
- Млечина И. В. Мятеж или капитуляция? О творчестве П. Хандке // Литературная газета. 1967. 18 янв. С. 15. [Mlechina, Irina V. (1967) Myatezh ili kapitulyatsiya? O tvorchestve P. Handke (Rebellion or Capitulation? On the Work of P. Handke). *Literaturnaya gazeta*, 18.01.1967, 15. (In Russian)].
- Павлова Н. С. Несчастливая жизнь без желаний // Иностранная литература. 1978. № 6. С. 270—273. [Pavlova, Nina. S. (1978) Neschastnaya zhizn’ bez zhelanii (A Miserable Life without Desires). *Foreign literature*, 270—273. (In Russian)].
- Пронин В. А. Петер Хандке // Зарубежная литература. XX век / под общ. ред. Н. П. Михальской. М.: Дрофа, 2003. С. 372—376. [Pronin, Vladislav A. (2003) Peter Handke (Peter Handke). In: Mikhail’skaya Nina P. (ed.) *Zarubezhnaya literatura. XX vek* (Foreign Literature. The 20th Century). Moscow: Drofa. (In Russian)].
- Соколова Е. В. В отражениях двух дискурсов: СМИ и «высокая литература» о Петере Хандке // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. XVII / ред. А. В. Иванов. М.: Флинта, 2020а. С. 269—284. [Sokolova, Yelizaveta V. (2020a) V otrazheniyakh dvukh diskursov: SMI i “vysokaya literatura” o Petere Handke (Reflections of Two Discourses: Mass Media and “High Literature” about Peter Handke). In: Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 17. Moscow: Flinta, 269—284. (In Russian)].
- Соколова Е. В. Писатель и литературовед В. Г. Зебальд (1944 — 2001) о лауреате Нобелевской премии по литературе за 2019 г. Петере Хандке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.: 7. Литературоведение. 2020б. № 4.

- C. 127—137. [Sokolova, Yelizaveta V. (20206) Pisatel' i literaturoved V. G. Zebal'd (1944 — 2001) o laureate Nobelevskoy premii po literature za 2019 g. Petere Handke. (Writer and Literary Critic W. G. Sebald (1944 — 2001) about the Winner of the Nobel Prize in Literature for 2019. Peter Handke). *Social and Human sciences. Domestic and Foreign Literature*, 4, 127—137. (In Russian)].
- Хандке П. Издательство над публикой // Нева. 1997. № 6. С. 81—96. [Handke, Peter. (1997) Izdevatel'stvo nad publikoy (Mockery of the Public). *Neva*, 6, 81—96. (In Russian)].
- Хрипунова И. И. Языковые средства и способы реализации аксиологических стратегий в современном немецком художественном тексте (на материале произведений П. Хандке): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2013. [Khripunova, Iona I. (2013) *Yazykovyye sredstva i sposoby realizatsii aksiologicheskikh strategiy v sovremenном nemetskom khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedeniy P. Handke)* (Linguistic Means and Ways of Implementing Axiological Strategies in Modern German Literary Text (based on P. Handke's Works)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Belobratov, Alexandr W. (2020) Einführung in die Problematik des Übersetzens von Peter Rosei ins Russische. In: Millner, Alexandra. (ed.) *Extended Rosei*. Klagenfurt: Ritter Verlag, 217—234.
- Decóder. О проекте. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dekoder.org/ru/o-proekte>. [Decóder. О proekte (About the Project). Retrieved from <https://www.dekoder.org/ru/o-proekte>.
- Gottwald, Herwig. (2001) Einladung, Peter Handke zu lesen. Erfahrungen eines Germanisten. In: *ide. — informationen zur deutschdidaktik*. Heft „Peter Handke“, 25 (4), 27—37.
- Handke, Peter. (1980) Rede zur Verleihung des Franz-Kafka-Preises. In: Handke, Peter. *Das Ende des Flamierens*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 156—159.
- Handke, Peter. (1982) *Die Geschichte des Bleistifts*. Salzburg und Wien: Residenz.
- Handke, Peter. (1983) *Phantasien der Wiederholung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Handke, Peter. (2012) Aufruhr und Liebe. In: Lipuš, Florjan. *Boštjans Flug*. Roman. Aus dem Slowenischen von Johann Strutz. Nachwort von Peter Handke. Berlin: Suhrkamp, 163—167.
- Höller, Hans. (2013) *Eine ungewöhnliche Klassik nach 1945. Das Werk Peter Handkes*. Berlin: Suhrkamp.

- Kathrein, Karin. (1985) „Ich erkenne mich lieber im edlen Umriß“. Peter Handke zum Schreiben und zur Kunst. *Die Presse*, 5./6.1.
- Kraus, Wolfgang. (1975) Handke: Die Wurzeln der Gewalt. *Südos-Tagespost*, 4.05.
- Lüsebrink, Hans-Jürgen. (2008) *Interkulturelle Kommunikation. Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer*. Stuttgart: Metzler. (2., akt. Aufl.)
- The Nobel Prize in Literature 2019: Peter Handke. (2019, 10. Oktober). Retrieved from <https://www.nobelprize.org/all-nobel-prizes-2019>.
- Ruge, Eugen. (2019) Lest ihn doch einfach mal! *Frankfurter Allgemeine*, 23.10., Nr. 246, 11. Retrieved from <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/autor-peter-handke-schwierige-texte-eines-zweifelnden-16445901.html>.
- Schmidt-Dengler, Wendelin. (2001) Peter Handkes Klassizität. In: *ide. — informationen zur deutschdidaktik*. Heft „Peter Handke“, 25 (4), 38—44.
- Stieg, Gerald. (1993) Le Handke Nouveau est arrivé. In: Aspetsberger, Friedbert. (ed.) *Neue Bärte für die Dichter? Studien zur österreichischen Gegenwartsliteratur*. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 85—97.
- Terhorst, Christel. (1990) *Peter Handke: Die Entstehung literarischen Ruhms. Die Bedeutung der literarischen Tageskritik für die Rezeption des frühen Peter Handke*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1-2 (Europäische Hochschulschriften, Reihe 1. 1206).
- Tunner, Erika. (1993) Wenn einer spazierengeht von Paris nach Paris. In: Fuchs, Gerhard & Melzer, Gerhard. (eds) *Peter Handke. Die Langsamkeit der Welt*. Graz; Wien: Literaturverlag Droschl, 81—94.
- Wagner, Karl. (2021) Peter Handkes Nobelpreisrede im Werkzusammenhang. *Austriaca*, 92. Retrieved from <http://journals.openedition.org/austriaca/2899>.
- Wegmann, Nikolaus & Reiber, Cornelius. (2012) Deutsche Literatur. Die Gruppe 47 in Princeton. *Sprache und Literatur*, 43, 110, 50—65.

Zalina A. Mardanova

Nord-Ossetische Staatliche Universität
Institut für Archäologie und Geschichte

Peter Handke in Russland:

Zum Problem des Kulturtransfers und der literarischen Reputation

Der Artikel befasst sich mit der 50-jährigen russischen Rezeption des österreichischen Schriftstellers und Nobelpreisträgers Peter Handke (geb. 1942). Im Falle der Wahrnehmung eines fremdsprachigen Schriftstellers durch die Aufnahmekultur beinhaltet der Prozess des Kulturtransfers (Selektion —

Vermittlung — Rezeption) vor allem das Übersetzen jener Texte aus seinem Oeuvre, die die Aufmerksamkeit der Vermittler (Übersetzer, Verleger) auf sich gezogen haben, und dann die literaturkritische und -wissenschaftliche Behandlung der transferierten Texte sowie des im Laufe des Übertragens entstandenen Bildes vom Autor. In der Anfangsphase der aktiven übersetzrischen Behandlung seines Werkes wurden Handkes wichtige Erzählungen der 1970er Jahren übersetzt. Der darauffolgende Anstieg des Übersetzungsinteresses an Handke in den 2000er Jahren und in der Zeit nach seinem Nobelpreis war auch mit der Übersetzung seiner Prosa verbunden. Handke als Dramatiker ist nur mit zwei Stücken vertreten, die im russischen Kulturraum noch nie aufgeführt wurden. Der literarische Ruf von Handke im russischen Literaturfeld baut sich auf dieselben drei biographischen Handlungssträngen auf, die das Bild des Schriftstellers im deutschsprachigen Raum bestimmten: sein Auftritt bei der Tagung der Gruppe 47 in Princeton, seine „Wende zum Klassischen“ und seine Reaktion auf die Jugoslawienkriege. In dem ersten Handlungsstrang erscheint Handke als junger Rebell und Experimentator. In der russischen Rezeption wird dieses Bild im Allgemeinen reproduziert, obwohl hier die Rebellion des jungen Autors eine gewisse gesellschaftskritische Ausrichtung erhält. Handkes „Wende zum Klassischen“ wurde in der späten sowjetischen Literaturkritik als eine Bewegung vom Formalismus zum Realismus („von der Rebellion zur Tradition“) interpretiert. In der Interpretation moderner russischer Forscher geht es um Handkes Übergang zur postmodernen Ästhetik. Der dritte Handlungsstrang, der die Vorstellung von Handke als einem politisch engagierten Schriftsteller prägt, der auf einer proserbischen Position steht, lässt sich ebenfalls in der russischen Rezeption nachvollziehen, mit dem einzigen Unterschied, dass hier eine solche Position überwiegend positiv bewertet wird. Ohne Übersetzungen wichtiger Werke von Handke (essayistische „Jugoslawien-Texte“, Notizbücher) und in Ermangelung einer breiten Polemik um einen der umstrittensten Schriftsteller Österreichs behält das literarische Porträt des Autors auch im neuen kulturellen Kontext gemeinsame Wiedererkennungsmerkmale bei, verliert jedoch jegliche Schattierungen, Nuancen und Farbgebung.

Schlüsselwörter: Peter Handke; Kulturtransfer; literarischer Ruf; Nobelpreis; „Sprechstücke“; transferierte Texte

Zalina A. Mardanova
North Ossetian State University
Institute of History and Archaeology
of the Republic of North Ossetia-Alania

**Peter Handke in Russia:
to the Problem of Cultural Transfer and Literary Reputation**

The article is devoted to the 50-year-old Russian reception of the Austrian writer, Nobel laureate Peter Handke (b. 1942). The process of cultural transfer (selection — mediation — reception) in the case of perception by the host culture of a foreign-language writer involves the translation of those works that have attracted the attention of mediators (translators, publishers) from everything created by the author, and subsequent literary-critical and literary comprehension of both the transferred texts and the general idea of the author of these texts that develops in the process of transfer. In the initial period of active translation of his work, the main stories of Handke of the 1970s were translated. The subsequent surge of translation interest in Handke in the 2000s. and in the period after his Nobel Prize was also associated with the translation of his prose. Handke the playwright is represented by only two plays that have never been staged in the Russian cultural space. The literary reputation of Handke in the Russian literary field is formed around the same three biographical plots that determine the image of the writer in German-speaking culture: his speech at a visiting meeting of the “Group 47” in Princeton, a “turn to the classical” (“Wende zum Klassischen”), his reaction to the Yugoslav wars. In the first story, Handke appears as a young rebel and experimenter, and this image is generally reproduced in the Russian reception, although the rebelliousness of the young author here acquires a certain socio-critical orientation. Handke’s “turn to the classical” in the late Soviet literary criticism was interpreted as a movement from formalism to realism (“from rebellion to tradition”). In the interpretation of modern Russian researchers, it meant Handke’s transition to postmodern aesthetics. The third plot, which forms the image of Handke as a politically engaged writer, standing on a pro-Serbian position, can also be traced in the Russian reception, with the only difference that such a position is assessed here mostly very positively. Without translations of important works by Handke (“Yugoslavian” texts, writer’s notes published in separate books) and in the absence of a wide and interested polemic around one of the most controversial writers of Austria, the literary portrait of the author retains common recognizable features in the new cultural context, but loses shades and nuances and tonal contrasts.

Keywords: cultural transfer; literary reputation; Nobel Prize; “spoken pieces”; transferable text

Для цитирования:

Марданова З. А. Петер Хандке в России: к проблеме культурного трансфера и литературной репутации // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 405—429.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-405-429.

To cite this Article:

Mardanova, Zalina A. (2023) Peter Handke v Rossii: k probleme kul'turnogo transfera i literaturnoy reputatsii (Peter Handke in Russia: to the Problem of Cultural Transfer and Literary Reputation). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 405—429. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-405-429.

Статья поступила в редакцию 25.02.2023; принята к публикации 24.03.2023

The article was submitted 25.02.2023; accepted for publication 24.03.2023

Ю. С. Серягина
Томский государственный университет

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ФРАНКА ВЕДЕКИНДА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА*

Региональные периодические издания Российской империи представляют исследователям ценный материал для изучения рецепции зарубежной литературы, а также позволяют проследить процесс формирования собственной литературной среды регионов. Немецкая литература играла в этом процессе не последнюю роль. Переводы художественной литературы с немецкого языка находятся на втором месте по частотности появления в газетах после французской литературы. Региональные публицисты обозревают важнейшие литературные и театральные события в Германии, пьесы немецких драматургов активно ставятся на региональных сценах. В периодике Сибири, Юго-Западного края и Юга Российской империи среди прочего находятся примеры рецепции творчества Франка Ведекинда. Целью исследования является выявление особенностей рецепции драматургии Ведекинда в Российской империи на основе публикаций в центральных и региональных периодических изданиях с применением библиографического, имагологического и компаративного методов. Ведекинд на страницах газет удостоивается меньшего внимания, чем другие именитые немецкие (Г. Зудерман, Г. Гауптман) и австрийские драматурги (А. Шницлер). Однако исследуемый материал является репрезентативным для понимания отношения местных публицистов и литераторов к современной немецкой литературе и формирования общей картины восприятия немецкой драматургии. В газетах «Одесские новости» и «Приазовский край» публикуются переводы рассказов Ведекинда, в Тобольске анонсируют постановку его пьесы *Пробуждение весны*, в Киеве обсуждают постановки в Берлинском театре, а в Томске литературная заметка Г. Вяткина представляет его одним из самых значимых литераторов современности. Региональная рецепция драматургии Ве-

* Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МК-1293.2022.2 «Периодические издания как пространство культурного трансфера: рецепция немецкой литературы в газетах губерний Российской империи».

декинда во многом опирается на столичные отзывы и публикации в немецких изданиях, но в переводческом аспекте она предвосхищает популярность немецкого драматурга благодаря переводам Оскара Норвежского. Полученные в исследовании результаты дополняют картину восприятия и изучения творчества Франка Ведекинда в России.

Ключевые слова: немецкая литература; Ф. Ведекинд, переводческая рецепция; театральная критика; периодика Российской империи

Введение

Рецепция каждого зарубежного писателя обладает своими особенностями и различается в зависимости от региона. В театральной среде провинции на рубеже веков с большим успехом проходили постановки Ф. Шиллера, Г. Зудермана, Г. Гауптмана, К. Гуцкова, уже заслуживших широкое одобрение публики. Некоторые зарубежные драматурги (например, А. Шницлер) получали скандальную известность, становились частым объектом критики и неодобрения, но тем не менее их продолжали активно переводить и ставить на сцене. На провинциальных сценах ставились также пьесы Г. Бара, М. Дрейера, О. Эрнста, Л. Фульды, Р. Фосса. Рецепция творчества упомянутых драматургов уже рассматривалась ранее (СЕРЯГИНА 2018; СЕРЯГИНА 2019).

Франк Ведекинд (Benjamin Franklin Wedekind; 1864 — 1918) считается одним из самых значимых драматургов начала XX в., но несмотря на это рецепция его творчества в региональных газетах довольно скупа. Публикации о Ведекинде демонстрируют интерес провинции к мировому театру, стремление идти в ногу со временем и обзирать не только локальные, но и мировые культурные и литературные события.

Среди отечественных исследований наиболее полная картина рецепции Ведекинда в России проанализирована в диссертации А. О. Дунаевой, в которой среди прочего представлены рецензии на переводы произведений Ведекинда, статьи о его постановках, сочинения крупнейших отечественных театроведов, а также портреты творчества немецкого драматурга, написанные О. Норвежским, Л. Д. Троцким, З. А. Венгеровой и др. (ДУНАЕВА 2013). Е. А. Придорогина изучает различные аспекты драматургии Ведекинда, в том числе бестиарную метафорику, репрезентацию «женского», проблемы брака в его произведениях

(ПРИДОРОГИНА 2015; ПРИДОРОГИНА 2016а; ПРИДОРОГИНА 2020). Роль Ведекинда в развитии немецкой литературы и театра описана во многих других работах отечественных исследователей (СЕДЕЛЬНИК 2016; ЖЕРЕБИН 2014).

Интерес зарубежных исследователей к Ведекинду не ослабевает с самого начала его карьеры вплоть до сегодняшнего дня. Немецкий исследователь Х. Й. Ирмер написал о нем монографию (IRMER 1975), многочисленные работы разных лет посвящены его жизни и творчеству (FESCHTER 1920; KUTSCHER 1964; GITTLEMAN 1869), проблематике и методу его драматургии (HÖGER 1979; HÖGER 1981), его роли в немецком театре (FORCHT 2005; FORCHT 2006).

Новизна нашей работы заключается в дополнении существующих исследований новым материалом, представляющим восприятие Ведекинда в провинциальной прессе. Целью исследования является выявление особенностей рецепции драматургии Франка Ведекинда в Российской империи на основе публикаций в региональных периодических изданиях.

Характеристика материала и методов исследования

Изучаемый материал является частью исследования, посвященного рецепции зарубежной литературы в региональных газетах Российской империи рубежа XIX — XX вв. На сегодняшний день просмотрено более 37000 номеров газет Сибири, Прибалтики, Юга, Юго-Западного края, Поволжья Российской империи, в которых обнаружено более 7000 публикаций о зарубежной литературе, в том числе более 5500 переводов зарубежных писателей и около 1500 обзоров на театральные постановки, литературных заметок и библиографических статей. Найденные публикации оформлены в виде научной библиографии (НИКОНОВА 2020).

Среди публикаций о немецкой литературе обнаружено шесть упоминаний Ведекинда в газетах «Одесские новости», «Приазовский край», «Сибирская жизнь», «Сибирский листок» и «Киевская мысль», среди которых два перевода, два театральных обзора его пьес и две статьи о немецкой литературе и театре. Материал анализируется с применением библиографического, имагологического и компаративного методов.

Результаты исследования

Немецкая поэзия занимает в периодике первое место благодаря романтизму и, в частности, Г. Гейне, немецкая проза — второе, после французской литературы. Переводы из немецкоязычных писателей выходят в газетах целыми циклами. Творчество некоторых писателей становится не только источником материала для переводчиков, но и объектом пристального внимания литературных и театральных критиков. Немецкая драматургия занимает особое место в культурной среде регионов рубежа веков, уступая в популярности разве что итальянской опере. На материале статей в дореволюционной печати мы можем судить о стремительном развитии театральной среды регионов на рубеже XIX — XX вв., о растущем интересе публики к театру.

Несмотря на небольшую представленность в библиографии рецепция немецкого драматурга, писателя, журналиста, актера и поэта Франка Ведекинда заслуживает исследовательского внимания. Особой популярностью творчество Ведекинда пользовалось в России в начале XX в., о чем свидетельствуют многочисленные рецензии, опубликованные в газетах того времени, и издания собраний его сочинений на русском языке. Его пьесы в России зачастую имели скандальную популярность и часто получали отрицательные отзывы критиков, однако не переставали ставиться на столичных и провинциальных сценах. На русский язык были переведены почти все его драматические и прозаические произведения (ПРИДОРОГИНА 2016б: 31).

Несмотря на неоднозначную оценку современников Ведекинд во многом предопределил развитие театра в XX в. В. Д. Седельник писал о нем как о «провозвестнике будущего», одном из самых ярких литераторов на стыке эпох (СЕДЕЛЬНИК 2010: 96). На основе драм Ведекинда *Дух земли* и *Ящик Пандоры* австрийский композитор и музыкальный критик Альбан Берг создал оперу «Лулу», которая экранизировалась и ставилась уже на современной нам сцене. Большую роль в восприятии творчества Ведекинда в России сыграл В. Э. Мейерхольд; именно благодаря его постановкам о Ведекинде узнали в России (ЖЕРЕБИН 2014).

Впервые в региональных газетах Российской империи Ведекинд появляется как автор рассказов, а не драматург. В

1906 г. в газете «Одесские новости» выходит перевод *Раби Эзра* (Одесские новости 1906, № 6905: 7) с подписью «Оск. Норвежский», а в приложении к ростовской газете «Приазовский край» публикуется перевод рассказа *Любовь с первого взгляда* (Приазовский край 1906, Прил. № 11: 41-42), подписанный криптонимом «О. Н.». Оба перевода выполнены журналистом, писателем и переводчиком Оскаром Моисеевичем Картожинским (1882 — 1933), который публиковался под псевдонимами: Оскар Норвежский, О. Норвежский, О. Н-ий, Нор-ий; О. Н., ОЭН (МАСАНОВ 1957: 274).

Картожинский с 1907 г. жил в Санкт-Петербурге, большинство его переводов Ведекинда публиковалось в петербургских издательствах в 1907 — 1908 гг. согласно библиографии, собранной А. О. Дунаевой (ДУНАЕВА 2013: 201). Таким образом, его публикации в «Одесских новостях» и «Приазовском крае» предвосхищают интерес к Ведекинду и его популярность в России. Уже с 1907 г. в России его произведения начинают массово переводиться и ставиться на сцене.

В *Раби Эзра* (*Rabbi Esra*) Ведекинд бросает вызов поверхностному представлению общества о любви и браке. *Любовь с первого взгляда* (*Die Liebe auf den ersten Blick*) повествует о том, как по одному только взгляду на походку можно познать все суть человека. Подобный мотив встречается и в пьесах *Дух земли* и *Ящик Пандоры*. Оба произведения посвящены образу женщины, выбору женщины для брака, с разных сторон, но в характерном для Ведекинда русле: в размышлениях о соотношении духовного и телесного. Вопрос о современном образе женщины и ее роли в обществе часто поднимался на страницах газет и в критических статьях, и посредством публикации переводных произведений зарубежных авторов.

Новый взгляд на некоторые социальные явления, несомненно, привлекал региональных публицистов, всегда живо реагирующих на новые социальные, культурные и философские идеи современности. В газетах обсуждаются идеи Ницше, психоанализа, вопросы о образе современной женщины и ее роли в обществе. Норвежский был одним из тех, кто видел в произведениях Ведекинда именно психологический аспект, в то время как мно-

гие современники обращали внимание больше на социальное.

Позднее в региональных газетах начинает появляться критика драматургии Ведекинда. Первая публикация обнаружена в Тобольской газете «Сибирский листок». В рубрике «Городская хроника» (Сибирский листок 1907, № 100: 2) автор заметки анонсирует «сенсационное» событие в Народной аудитории и выражает большие ожидания от готовящейся постановки пьесы *Пробуждение весны* (*Frühlings Erwachen*, 1891) или *Трагедии детской души Франка Ведекинда* в переводе В. О. Шмидта. Автор отмечает, что постановка повсюду прошла «с громадным успехом», а впервые состоялась в московском театре Корша 21 сентября 1907 г. и «успела выдержать около 50 представлений при полных сборах». Именно эта пьеса, в которой автор переносит на сцену пубертатные проблемы подростков, принесла Ведекинду широкую известность (AUSTERMÜHL 2000: 64). Однако слава скандального и провокационного автора оставалась с ним. К сожалению, обзора состоявшейся в Тобольске постановки обнаружить не удалось.

О наследии немецкого автора специально высказывается Г. Вяткин, один из самых активных сибирских литераторов и общественных деятелей. В 1908 г. в «Сибирской жизни» он публикует объемный очерк в рубрике «Литература и жизнь» (Сибирская жизнь 1908, № 46: 3). Вяткин выбирает для статьи громкий заголовок «Литературная смута. Умер ли быт? Реализм и модернизм. Гражданственность и порнография. Самовлюбленность и саморекламирование молодой литературы. Где выход?» и критикует в ней модернизм с его склонностью к излишнему самолюбанию. Выход из литературного тупика критику видится в соблюдении золотой середины — балансировании на границе между реализмом и символизмом. Вяткин приводит имена некоторых литераторов, которые, по его мнению, соответствуют этому эстетическому принципу (СЕРЯГИНА 2019).

Я разумею подъем художественной мысли культурного мира вообще, а Германию, Австрию, скандинавский полуостров и Россию в частности.

В Германии — Ведекинд

В Австрии — Артур Шницлер

В Норвегии — Кнут Гамсун

В России — Андреев, Бальмонт, Куприн, Арцыбашев...

Все эти имена — новые и крупные звезды на литературном небе, новые кумиры в литературном храме; их с жадностью читают, от них многого ждут (Сибирская жизнь 1908, № 46: 3).

Вяткин представляет Ведекинда одним из самых значимых литераторов современности, что, однако, не означает приятие им его литературного метода. В Томских газетах модернизм и декадентские настроения *fin de siècle* часто осуждались и расценивались как опасные.

С опорой на источники мы можем судить, что кроме *Пробуждения весны* на сибирских сценах другие пьесы не ставились.

В других региональных газетах, в частности, в «Киевской мысли», в фокус внимания попадает другое произведение Ведекинда. В 1913 г. в рубрике «Художественная хроника» (Киевская мысль 1913, Прил. № 50: 399) публикуется заметка о том, что в Мюнхене Ведекинд читал для друзей свою новую драму в стихах *Самсон, или Позор и Ревность* (*Simson oder Scham und Eifersucht*, 1913). После краткого изложения содержания актов автор заключает:

По отзывам газет, пьеса представляет собой шедевр психологической обработки характеров и положений. Пьесе, которая пойдет этой зимой в берлинском Лессинг-театре, предвещают большой успех.

Годом позже киевская газета снова обращается к театральной хронике зарубежья (Киевская мысль 1914, Прил. № 7: 51). В статье под названием «За границей» речь идет о новом театральном сезоне в Берлине, который «признается критикой самым блестящим и значительным за последние годы». Автор ссылается на статью Карла Штрекера в театральном журнале «*Bühne und Welt*». По мнению критика, этот сезон в берлинских театрах характеризуется «исключительным подъемом» и «приливом жизни и творчества». Это происходит во многом благодаря театральным исканиям Макса Рейнгарта, возникновению «Ассоциации художественного театра» («*Deutsche Künstler-Theater-Sozietät*»), возглавляемой Гауптманом, «большой живости и подвижности» *Lessing-Theater*.

В статье отмечается также «исключительный» репертуар нового сезона:

Шекспир, Стриндберг, Бернард Шоу, новые пьесы Гауптмана («Лук Одиссея») и Ведекинда («Самсон и Далила»). Чуть ли не каждая новая постановка в перечисленных театрах представляла собой крупное театральное событие, вокруг которого возгорались страсти (Киевская мысль 1914, Прил. № 7: 51).

Критик отдельно останавливается на впечатлениях от драмы Ведекинда.

Постановка в Lessing-Theater новой пьесы Франка Ведекинда «Самсон и Далила» прошла при напряженном состоянии зрительного зала, причем свистки заглушались аплодисментами. В общем, критика, несмотря на различия в оттенках, причислила почти единодушно новую драму Ведекинда к тем произведениям, которые надолго останутся в истории литературы (ibid).

Даже по этим немногочисленным публикациям в газетах разных регионов становится понятно, что местные публицисты пристально следили за зарубежной прессой и важнейшими событиями в мире литературы. Ведекинд предстает перед читателем как значительная фигура в области современного театра и литературы.

Заключение

Театральный дискурс в региональной прессе рубежа XIX — XX вв. характеризуется современным взглядом на немецкую драматургию. Газеты не обходят вниманием ни одной значимой фигуры, во многом опираясь на публикации столичных российских и немецких изданий.

В самом начале XX в. Ведекинд представляет собой относительно новое явление в литературной среде и только начинает набирать популярность. Тем не менее на провинциальной сцене он ставится уже в 1907 г. на пике своей популярности на родине и в столичных театрах. Самые первые переводы произведений Ведекинда, выполненные Оскаром Норвежским, публикуются в газетах Одессы и Ростова.

Примечательно, что рецепция творчества Ведекинда отражает общую динамику рецепции зарубежной литературы в целом. Лидерами в публикации переводов различных инонациональных литератур являются газеты Сибири и Юго-Западного края Российской империи, в частности, Томска, Тобольска,

Одессы, Киева и Харькова. Целью вовлеченности региональных публицистов в обсуждение литературных новинок современности, театральных постановок в провинциальных театрах, публикаций зарубежной литературы и статей на литературные темы в газетах являлось создание собственной региональной культуры и литературной среды посредством переосмысления «чужого» опыта.

Рецепция Ведекинда в региональных газетах дополняет картину его восприятия в России и общую картину рецепции немецкой драматургии. Проведенное исследование позволяет по-новому взглянуть на литературные процессы рубежа XIX — XX вв., особенно в малоизученном региональном аспекте, заполнить пробелы в изучении рецепции зарубежной литературы, а также выявить роль переводной зарубежной литературы в развитии литературной среды и культурной идентичности регионов Российской империи.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Дунаева А. О. Франк Ведекинд: формирование метода: дис. ... канд. искусствовед. наук: 17.00.01. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2013. [Dunayeva, Aleksandra O. (2013) *Frank Wedekind: formirovaniye metoda* (Frank Wedekind: Formation of a Method). PhD thesis in art criticism. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Culture and Arts. (In Russian)].
- Жеребин А. И. Мистерия гибели и преображения: Франк Ведекинд в интерпретации В. Э. Мейерхольда // Новая драма рубежа XIX — XX веков: проблематика, поэтика, пути сценического воплощения / ред. А. А. Юрьев. СПб.: СПбГАТИ, 2014. С. 200—208. [Zherebin, Aleksey I. (2014) *Misteriya gibeli i preobrazheniya: Frank Wedekind v interpretatsii V. E. Meyerkhol'da* (The Mystery of Death and Transfiguration: Frank Wedekind in the Interpretation of V. E. Meyerhold). In: Yuryev, A. A. (ed.) *New Drama at the Turn of the 19th — 20th Centuries: Problems, Poetics, Ways of Stage Embodiment*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Theatre Arts Academy, 200—208. (In Russian)].
- Никонова Н. Е., Серягина Ю. С., Маслякина Е. В., Морозова И. В. Научная библиография: «Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи». Свидетельство о регистрации базы данных № 2020621571. Дата государственной реги-

- страции в Реестре баз данных 28 августа 2020 г. Правообладатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет». [Nikonova, Natalya Ye. & al. (2020) *Nauchnaja bibliografiya: "Perevodnaya literatura v dorevoljucionnoy periodike regionov Rossijskoy imperii"* (Scientific Bibliography: "Translated Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of the Russian Empire Regions"). Database registration certificate No. 2020621571. Date of State Registration in the Database Register August 28, 2020. Copyright holder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Tomsk State University". (In Russian)].
- Придорогина Е. А. Проблема брака в творчестве Франка Ведекинда // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 3. С. 57—64. [Pridorogina, Yelena A. (2015) Problema braka v tvorchestve Franka Vedekinda (The Problem of Marriage in Frank Wedekind's Works). *Bulletin of the Leningrad State University*, 1, 3, 57—64. (In Russian)].
- Придорогина Е. А. Репрезентация «женского» в драматургии Ф. Ведекинда // XLV Международная филологическая научная конференция: сборник материалов. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2016а. С. 34—35. [Pridorogina, Yelena A. (2016a) Re-prezentatsiya "zhenskogo" v dramaturgii F. Vedekinda (Representation of the "Feminine" in the Dramaturgy of F. Wedekind). In: Vasilyeva, Irina E. & al. (eds) *XLV International Philological Scientific Conference: Selected Articles*, 34—35. (In Russian)].
- Придорогина Е. А. Гендерная проблематика в драматургии Ф. Ведекинда: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2016б. [Pridorogina, Yelena A. (2016b) *Gendernaya problematika v dramaturgii F. Vedekinda* (Gender Issues in the Dramaturgy of F. Wedekind). PhD thesis in Philology. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russian)].
- Придорогина Е. А. Бестиарная метафорика в дилогии Франка Ведекинда «Лулу» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 1. С. 100—104. [Pridorogina, Yelena A. (2020) Bestiarnaya metaforika v dilogii Franka Vedekinda "Lulu" (Bestiary Metaphor in Frank Wedekind's Dilogy "Lulu"). *Philological sciences. Issues of theory and practice*, 13, 1, 100—104. (In Russian)].
- Седельник В. Д. Франк Ведекинд: от парадигмы к парадигме и обратно // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. Т. VII. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 96—105.

- [Sedel'nik, Vladimir D. (2010) Frank Wedekind: ot paradigmy k paradigme i obratno (Frank Wedekind: From Paradigm to Paradigm and Back). In: Babenko, Nataliya S. & al. (eds) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), vol. 7. Moscow: LRC Publishing House, 96—105. (In Russian)].
- Седельник В. Д. Франк Ведекинд // История литературы Германии XX века. Т. 1. М.: Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2016. С. 343—366. [Sedel'nik, Vladimir D. (2016) Frank Wedekind. In: Sedel'nik, Vladimir D. & al. (eds) *Istoriya literatury Germanii XX veka* (History of German Literature of the 20th Century), vol. 1. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 343—366. (In Russian)].
- Серягина Ю. С., Никонова Н. Е. Немецкая драма конца XIX — начала XX вв. в периодике регионов Российской империи: Р. Фосс, А. Шнитцлер, Г. Бар // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2019. № 4 (85). С. 168—177. [Seryagina, Yulia S., Nikonova, Nataliya N. (2019) Nemetskaya drama kontsa XIX — nachala XX vv. v periodike regionov Rossiyskoy imperii: R. Foss, A. Schnitzler, G. Bar (German Drama of the late 19th — early 20th Centuries in the Regional Periodicals of the Russian Empire: R. Foss, A. Schnitzler, G. Bar). *Scientific notes of the Oryol State University*, 4 (85), 168—177. (In Russian)].
- Серягина Ю. С. Театральный дискурс в сибирской периодике к. XIX — нач. XX века: немецкая драматургия (М. Дрейер, Л. Фульда, О. Эрнст) // Язык и культура. 2018. С. 87—105 [Seryagina, Yulia S. (2018) Teatral'nyj diskurs v sibirskoy periodike k. XIX — nach. XX veka: nemetskaya dramaturgiya (M. Dreyer, L. Fulda, O. Ernst) (Theatrical Discourse in the Siberian Periodicals of the late 19th — early 20th Century: German Dramaturgy (M. Dreyer, L. Fulda, O. Ernst)). *Language and Culture*, 87—105. (In Russian)].
- Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. М.: Книжная палата, 1957. [Masanov, Ivan F. (1957) *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley* (Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures). Moscow: Book Chamber. (In Russian)].
- Austermühl, Elke. (2000) Frank Wedekind. In: Allkemper, Alo & Eke, Norbert Otto. (eds) *Deutsche Dramatiker des 20. Jahrhunderts*. Berlin: Erich Schmidt, 63—95.
- Fechter, Paul. (1920) *Frank Wedekind. Der Mensch und das Werk*. Jena: E. Lichtenstein.

- Forcht, Georg W. (2005) *Die Medialität des Theaters bei Frank Wedekind*. Mainz: Centaurus Verlag.
- Forcht, Georg W. (2009) *Frank Wedekind und die Anfänge des deutschsprachigen Kabarett*. Freiburg: Centaurus Verlag&Media. (Reihe Sprach- und Literaturwissenschaft. Bd. 39)
- Gittleman, Sol. (1969) *Frank Wedekind: The Man and His Work*. New York: Twayne.
- Höger, Alfons. (1979) *Frank Wedekind: Der Konstruktivismus als schöpferische Methode*. Königstein: Scriptor Verlag. (Theorie — Kritik — Geschichte. Bd. 21)
- Höger, Alfons. (1981) *Hetärismus und bürgerliche Gesellschaft im Frühwerk Frank Wedekinds*. Kopenhagen; München: Fink.
- Irmer, Hans-Jochen. (1975) *Der Theaterdichter Frank Wedekind. Werk und Wirkung*. Berlin: Hanschenverlag.
- Kutscher, Artur. (1964) *Wedekind: Leben und Werk*. München: List.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- За границей // Киевская мысль. 1914. № 7. С. 51. [Za granitsey (Abroad). (1914) *Kiewskaya Mysl* (Kyiv Thought), No. 50, 399. (In Russian)].
- Литературная смута. Литература и жизнь // Сибирская жизнь. 1908. № 46. С. 2. [Literaturnaya smuta. Literatura i zhizn' (Literary Turmoil. Literature and Life). (1908) *Sibirskaya zhizn'* (Siberian Life), No. 46, 2. (In Russian)].
- Любовь с первого взгляда. Франка Ведекинда // Приазовский край. 1906. № 11. С. 41—42. [Lyubov' s pervogo vzglyada (Love at First Sight) by Frank Wedekind. (1906) *Priazovskiy Kray* (Azov region), No. 11, 41—42 (In Russian)].
- Пробуждение весны. Трагедия детской души Франка Ведекинда // Сибирский листок. 1907. № 100. С. 2. [Probuzhdeniye vesny. Tragediya detskoj dushi Franka Wedekinda (Spring Awakening. Tragedy of the Child Soul by Frank Wedekind). (1907) *Sibirskiy Listok* (Siberian Sheet), No. 100, 2. (In Russian)].
- Раби Эзра (из Франка Ведекинда) // Одесские новости. 1906. № 6905. С. 7. [Rabbi Ezra iz Franka Vedekinda (Rabbi Ezra (by Frank Wedekind)). (1906) *Odesskiye Novosti* (Odessa News), No. 6905, 7 (In Russian)].
- Сцена // Киевская мысль. 1913. № 50. С. 399. [Stsena (Stage). (1913) *Kiewskaya Mysl* (Kyiv Thought), No. 50, 399. (In Russian)].

Yuliya S. Seryagina
Tomsk State University

Reception of Wedekind's Works in the Newspapers of the Russian Empire in the early 20th Century

Regional periodicals of the Russian Empire provide researchers with valuable material for studying the reception of foreign literature and allows them to trace the process of forming their own literary environment of the regions. German literature played an important role in this process. German translations are in second place in terms of frequency of appearance in newspapers, after French literature. Regional publicists review the most important literary and theatrical events in Germany; German plays are actively staged. The periodicals of Siberia, the South-Western Region and the South of the Russian Empire contain examples of the reception of Frank Wedekind's works (Benjamin Franklin Wedekind; 1864 — 1918). The aim of the study is to identify the features of the reception of Wedekind's dramaturgy in the Russian Empire based on publications in central and regional periodicals using bibliographic, imagological, and comparative methods. Wedekind receives less attention on the pages of newspapers than other famous German (H. Sudermann, G. Hauptmann) and Austrian (A. Schnitzler) playwrights. However, the material under study is representative for understanding the attitude of local publicists and writers to modern German literature and forming a general picture of the perception of German drama. The newspapers "Odesskiye Novosti" ("Odessa News") and "Priazovskiy Krai" ("Azov region") publish translations of Wedekind's stories, in Tobolsk they announce the production of his play *Frühlings Erwachen*, in Kiev they discuss productions at the Berlin Theater, and in Tomsk G. Vyatkin's literary note presents him as one of the most important writers of our time. The regional reception of Wedekind's dramaturgy is largely based on metropolitan reviews and publications in German newspapers, but in the translation aspect it anticipates the popularity of the German playwright thanks to the translations of Oskar Norvezhskiy. The results obtained in this study complement the picture of the perception and study of Frank Wedekind's work in Russia.

Keywords: German literature; F. Wedekind; translation reception; theatre review; newspapers of the Russian empire

Для цитирования:

Серягина Ю. С. Рецепция творчества Франка Ведекинда на страницах газет Российской империи начала XX века // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 430—443.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-430-443.

To cite this Article:

Seryagina, Yuliya S. (2023) Retsepsiya tvorchestva Franka Vedekinda na stranitsakh gazet Rossiyskoy imperii nachala XX veka (Reception of Wedekind's Works in the Newspapers of the Russian Empire in the early 20th Century). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 430—443. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-430-443.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; принята к публикации 24.03.2023

The article was submitted 01.03.2023; accepted for publication 24.03.2023

Т. А. Федеяева

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

**«ПОСТОЯННО И ЗОРКО ВГЛЯДЫВАТЬСЯ В СОЗДАНИЯ
ПРИРОДЫ»: ВОПЛОЩЕНИЯ НАТУРФИЛОСОФИИ ГЕТЕ
В ТРУДАХ РУССКИХ БИОЛОГОВ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ
(20 — 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА)**

Объектом исследования в данной работе являются различные формы переосмысления натурфилософских идей Гете в среде русских биологов (московская школа неоламаркистов, теория номогенеза Л. С. Берга) и литературоведов (морфологическая поэтика В. Я. Проппа), рассмотренные в философско-методологическом аспекте. В 20 — 30-е годы в России активно протекал процесс перенесения на мир гуманитарных явлений принципов, успешность которых была проверена в сфере естественных наук, с другой стороны — расширялись представления о метафизических основах биологии через ее обращение к методологии гуманитарного знания. Вопросы взаимодействия биологии и филологии, а также влияния на этот процесс натурфилософских идей Гете недостаточно изучены в отечественной науке. Междисциплинарный характер поставленных в статье проблем потребовал опоры на соответствующие принципы исследования. Обращение русских биологов к идеям Гете было связано со сменой парадигм научного знания, с обострением борьбы против позитивизма и усилением антидарвиновских тенденций. В объекте внимания отечественных естественников были общая теория органического мира Гете, а также отдельные биологические гипотезы и открытия великого немецкого мыслителя. Средствами научного понимания мира они, вслед за Гете, считали воображение, интуицию, образ. Использование естественнонаучного наследия Гете в области гуманитарных наук, в частности, в трудах Проппа, объясняется значительными трудностями при обработке и систематике огромного объема накопленного в фольклористике материала. Выстраивая принципы классификации сказок, Пропп последовательно внедрял ключевые морфологические идеи Гете в область литературоведения и в результате создал универсальную модель, которой могли бы соответствовать все сказки. Методы структурного анализа сказок, сформированные в трудах Проппа, оказали огромное влияние на основные тенденции развития филологии в XX в. Проблемы сближения строго научного, опытного знания о мире и человеке со знанием гуманитарным являются существенными для понимания развития

естествознания и филологии в XX в., а также для изучения фундаментальных философских основ функционирования науки как таковой.

Ключевые слова: натурфилософия; Гете; морфология; Берг; Кузин; Пропп; сказка

1. Введение

Влияние натурфилософских идей Гете на взаимодействие «органической» и гуманитарной парадигм в области науки и культуры в России в 20 — 30-е гг. XX в. связано с нарастанием антипозитивистских настроений в науке в целом и, в частности, в естествознании, в рамках которого активно осуществлялся прорыв к философским смыслам биологической эволюции и оказывалось сопротивление дарвиновским идеям, а также с процессом перенесения на мир гуманитарных явлений принципов, правильность которых была доказана в сфере естественных наук. Гете в его естественнонаучных сочинениях предложил решения по многим фундаментальным вопросам, способствовавшим синтезу органической и гуманитарной парадигм (PARTENHEIMER 1989; KRÄTZ 1992; BOLLMANN 2021). Поэтому идеи, высказанные им, были востребованы и в биологии, и в филологии. Глубоко прав исследователь философского наследия Гете К. А. Свасьян, который в книге *Гете* писал, что творчество немецкого мыслителя до сегодняшнего дня остается «открытой книгой, чтение которой равно непрерывному соавторскому риску» (СВАСЬЯН 1989: 2).

Особенно значимыми в России как для гуманитарных, так и для биологических наук, по признанию ученых (МЕЛЕТинский 1998; ВОРОНЦОВ 1999; НАЗАРОВ 2005), были теория эволюции Гете и его морфологические идеи. Так, литературовед-фольклорист Пропп (1895 — 1970) использовал гетевскую интенцию поиска единой структуры растения («Urpflanze») в своем исследовании *Морфология сказки* (1928) для обнаружения основы сюжета, единого для всех фольклорных сказок, а также общих функций героев. Биологи, представители московской школы неоломаркстов Б. С. Смирнов и Е. С. Кузин, Ю. М. Вермель в поисках «единого плана», согласно которому было создано гетевское «многомерное тело» природы, стремились применить теории прафеномена и типа Гете к зоологической систематике. Гетеанский подход к природе ярко проявился в антидарвинов-

ском труде Л. С. Берга *Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей* (1922).

2. Характеристика материала и методов исследования

Вопросы о разноликом взаимодействии литературы и биологии в русской культуре и науке первой трети XX в. и о влиянии на этот процесс натурфилософских идей Гете изучены недостаточно и преимущественно из перспективы биологических наук. Особенно весомый вклад в изучение обозначенных проблем внесла монография историка биологии Г. Ю. Любарского *История Зоологического музея МГУ: Идеи, люди, структуры* (2009). Те немногие статьи отечественных филологов, которые касались влияния естественнонаучных концепций Гете на формирование морфологических теорий отечественного литературоведения и культурологии, демонстрируют ярко выраженный междисциплинарный подход в исследовании материала. Это в первую очередь статьи Б. М. Гаспарова *Развитие как реконструирование: взгляды академика Т. О. Лысенко в контексте позднего авангарда (конец 1920 — 1930-е годы)* (ГАСПАРОВ 2006), Е. Г. Волковой *К вопросу о научно-методологическом контексте трудов В. Я. Пропта* (ВОЛКОВА 2009), Г. М. Васильевой *Морфологическая поэтика: Линней, Гете, Пропт* (ВАСИЛЬЕВА 2014). Опора на междисциплинарные принципы исследования характерна и для данной статьи.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Известно, что 20 — 30-е гг. стали периодом неогетееанства в гуманитарных науках. В гуманитарной сфере, как пишет А. Л. Доброхотов в исследовании *«Фауст» Гете и теории ГАХН*, «Гете становится постоянным предметом не только исследований и размышлений, но и духовной ориентации» (ДОБРОХОТОВ 2012: 3). Этот тезис относится в полной мере и к области естествознания. Русские биологи опирались на натурфилософские идеи Гете в борьбе против позитивизма, эмпиризма и узости строго рационального и математизированного взгляда на мир. Естественники считали Гете фигурой, которая могла вывести науку из состояния безысходности.

Не случайно переводы крупных научных произведений Гете появились в России именно в 1920-е гг. Его учение о цвете, работы по морфологии животных и растений, сочинения по

теории познания вышли в 1920 г. в переводе В. О. Лихтенштедта. В 1929 г. в Госиздате было подготовлено 13-томное собрание сочинений Гете, в последний том которого должны были войти его научные работы. Перевод текстов выполнил известный историк И. М. Гревс, редактором и автором предисловия выступил В. И. Вернадский. Издание не состоялось по причинам политического характера из-за того, что некоторые редакторы и биологи были репрессированы. Острота ситуации в биологии в рассматриваемый период была связана с тем, что биология в России в середине 20-х гг. стала центром политических и идеологических бурь. Первенство было за Москвой, где были сосредоточены все политические силы и рождались основные идеологические посылы, в частности, идеи диалектизации биологии и перевода ее в русло марксизма (JORAUSKY 1962).

В Петрограде сохранялись научные академические школы во главе с В. И. Вернадским, Н. И. Вавиловым и И. П. Павловым, которые не поддерживали пропаганду марксизма в естествознании и создание «пролетарской» биологии. Несмотря на разные идеологические установки, в центре осмысления московских и петроградских ученых-естественников был вопрос о философских основах биологической науки на фоне дискуссий о развитии общества и науки в целом.

Б. М. Гаспаров, проводя параллели между парадигмами развития гуманитарного и биологического знания в этот период, пишет о развивающемся процессе «абиологизма» естественных наук на общих путях «овладения «сущностью развития» в рамках глобальной перестройки жизни:

Так, понятие эволюции в целом и в биологической эволюции, в частности, стало одной из центральных категорий русской авангардной мысли, особенно после революции, когда идея перестройки «жизни» как целого... стала реальной целью (ГАСПАРОВ 2006: 445).

Кроме того, в биологии, как показывают последние исследования (НАЗАРОВ 2005; ШАТАЛКИН 2009), происходила смена парадигм научного знания, выстраивалась новая, недарвиновская модель эволюции. Его теория естественного отбора стала недостаточной для объяснения происхождения сложных морфологи-

ческих структур и сложных форм поведения животных, так как Дарвин в своем труде *Происхождение видов* (1859) утверждал, что изменения организмов происходят только под воздействием внешних факторов и поэтому носят случайный характер.

Обращение русских биологов к идеям Гете было связано и с обострением борьбы против антидарвиновских тенденций в биологии. Ученые ставили вопросы о том, откуда происходит удивительное богатство природных форм, в чем его значение и назначение, задумывались над законами целесообразности биологического развития.

Понимание недостаточности дарвиновской теории существовало и в XIX в., если вспомнить основательную критику его теории в Европе (WIEGAND 1874; SCHLEICHER 1873) и в России. Н. Я. Данилевский (1822 — 1885), автор книги *Дарвинизм. Критическое исследование* (1889), считал, что

в странной гипотезе Дарвина как нельзя яснее выражается то общее дарвиновское мирозерцание, по которому целесообразность мирового устройства представляется чем-то кажущимся, миражом, обманом чувств или скорее мысли, под которой кроется отсутствие всякой цели... (ДАНИЛЕВСКИЙ 1885: 365).

Последователь Данилевского, известный ихтиолог и зоолог Л. С. Берг (1876 — 1950) в своем труде *Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей* (БЕРГ 1922) представил процесс эволюции не как случайный (по Дарвину!), а как целенаправленный. Название «номогенез», то есть «закон развития», он противопоставляет дарвиновскому подзаголовку его основного труда *Тихогенез* (от греч. τυχη 'случайность, произвольность'). Так, Берг утверждал:

Теория Дарвина задается целью объяснить механически происхождение целесообразностей в организмах. Мы же считаем способность к целесообразным реакциям за основное свойство организма. Выяснять происхождение целесообразностей приходится не эволюционному учению, а той дисциплине, которая возьмется рассуждать о происхождении живого. Вопрос этот, по нашему убеждению, метафизический. Жизнь, воля, душа, абсолютная истина — все это вещи трансцендентные, познания сущности коих наука дать не в состоянии. Откуда и как произошла жизнь, мы не знаем, но осуществляется она на основе закономерностей, как и все, происходящее в природе (БЕРГ 1922: 57).

В Московском университете в 20-е гг. сложился круг зоологов (Кузин, Смирнов, Вермель), которые выступили против дарвиновской теории происхождения видов в книге *Очерки по теории эволюции* (1924). Признавая заслуги Дарвина, они писали: «Дарвинизм не может отвечать на то, как и почему изменялись органические существа...» (КУЗИН и др. 1924: 5).

Они опирались в своих научных представлениях на эволюционную теорию современника Гете Ж. Б. Ламарка (1744 — 1829), эволюционные представления которого были созвучны идеям Гете. Ламарк и Гете считали главной причиной эволюции изначальную целесообразность, заложенную в законы природного развития.

Известно, что и Берг, и московские зоологи прекрасно владели немецким языком и читали естественнонаучные труды Гете по академическому веймарскому изданию. Их интересовали его общая теория органического мира, вопрос о метафизических основах эволюции и научного знания, а также отдельные биологические гипотезы и открытия Гете, высказанные им в программной статье *Природа* (1782), в сочинениях *Метаморфоз растений* (1790) и *Метаморфоз животных* (1820), в морфологических работах, опубликованных в серии сборников *О морфологии* в выпусках издаваемого Гете журнала. Русские биологи разрабатывали в основном две центральные идеи Гете — теорию эволюции и морфологическую концепцию.

Историк биологии Г. Ю. Любарский в книге *История Зоологического музея МГУ: Идеи, люди, структуры* отмечает, что в 20-е гг. Гете считался в широких кругах биологов любителем, а его идеи — поэтической вольностью. Натурфилософские теории Гете открыто не обсуждались и не признавались официальной наукой, носили неформальный характер, так как «круг этих идей слишком отличался от общепринятого — язык и стиль подобных рассуждений был чужд официальному» (ЛЮБАРСКИЙ 2009: 186). Таким образом, круг русских зоологов-гетеанцев был узок по причинам идеологического характера. Так, книга Берга была подвергнута общественным обвинениям и считалась научной ересью. Кузин и Вермель были репрессированы в 30-е гг.

Тезисы Берга и московских неоламаркистов о целесообразности эволюционного процесса напрямую отсылают к естественнонаучным идеям Гете. Не случайно цитата из стихотворения *Метаморфоз животных* Гете предваряет одну из глав *Номогенеза* Берга. Главная мысль стихотворения — искание пути к «глубинному духу» Природы, которую пантеистическая мысль Гете ставит выше Бога. «Чтимых природой пределов и Бог никакой не раздвинет», — пишет поэт в *Метаморфозе животных*.

Наиболее ярко свою позицию о метафизической основе эволюционного процесса Гете определил в разговоре с Эккерманом. Речь шла о знаковом для истории биологии споре между современниками Гете зоологами Жоржем Кювье (1769 — 1832) и Жоффруа Сент-Илером (1772 — 1844), состоявшемся в Парижской академии наук в июле 1830 г. Французские ученые спорили об изменяемости или неизменяемости типов животных, но по существу о том, есть ли у процесса эволюции духовная составляющая. Илер доказывал, что существует единый «план творения» и природа развивается согласно закону совершенствования, заложенному в нее изначально, поэтому виды животных могут происходить друг от друга. Он был трансформистом, то есть выступал за идею постепенного развития природы, происходящего целесообразно. Кювье, представитель описательного естествознания, защитник эмпирического подхода, отстаивал идею неизменности типов строения животных. Он отрицал всякое теоретизирование, выступал за строго опытное исследование природных объектов, изучив которые, можно создавать схемы истинных взаимосвязей между природными организмами.

Гете встал на сторону Сент-Илера. Комментируя этот спор 5 августа 1830 г., он сказал Эккерману:

Метод синтезированного рассмотрения природы, введенный Жоффруа во Франции, теперь более пересмотру не подлежит... Отныне во Франции дух, подчинив себе материю, станет господствовать при исследовании природы. Французам откроются великие принципы творения, они заглянут в таинственную мастерскую Господа. Да и что, собственно, стоит все общение с природой, если, идя аналитическим путем, мы имеем дело лишь с ее отдельными материальными частями и не чувствуем веяния того духа, который каждой из этих частей предсказывает ее путь

и любое отклонение от него приостанавливает или поощряет силой внутреннего закона (ГЕТЕ 1964: 484).

Гете, таким образом, развивал идеи об эволюции живой природы не только под воздействием внешних факторов, но и в результате внутренней потребности организмов к совершенствованию. По Гете, все более совершенные формы жизни в природе возникают, повинувшись внутренней форме, заложенной в живую и неживую природу как «первообраз» («Urbild»). Задача ученого — понять, каков формообразующий исходный принцип и закон, согласно которому развиваются живые существа.

Наделяя природу сознанием, Гете воспринимал ее не как объект, а как субъект, как живое существо, имеющее свой план развития, «единый план строения», свои принципы творческого существования, которые не могут быть открыты только логическим путем.

Гете выдвинул способ познания, который К. Г. Михайлов в статье *Иоганн Вольфганг Гете — естествоиспытатель* назвал «рационально сверхчувственным»:

приближаться к истине следует, чередуя чувственный и мыслительный опыты, улучшая один за счет другого. Будучи непознанной, природа некоторым образом и не существует (МИХАЙЛОВ 2014: 47).

Дополняет эту мысль С. В. Казачков, который в *Комментариях* к 3-томному собранию научных сочинений Гете отмечал:

Более того, внутреннее содержание природы проявляется во внешнем мире и актуально существует только в той мере, в какой познано нами (КАЗАЧКОВ 2014: 562).

Гете настаивал на том, что при познании любого объекта важен как рассудочный, рациональный подход, так и чувственный, интуитивный.

Именно воображение помогло ему открыть в 1784 г. межчелюстную кость у человека. Гете доказал, что между человеком и другими позвоночными нет жесткой иерархической границы и все живые существа имеют в своей основе изначальную форму, некий общий прообраз, для животных — праживотное («Urtier»), для растительного мира — прарастение («Urpflanze»). Прарастение и праживотное — это, по мысли Гете, общий для

всех живых существ «видимый план», которому отвечают все растения и животные. Гете пытался обнаружить в многообразии природных форм некий исходный архетип, который мог в процессе метаморфоза, то есть постоянных и неумолимых изменений, принимать любые формы.

В XX в. пришло понимание того, что если бы в науке победил гетеанский подход, наука стала бы развиваться по совершенно другим законам, имела бы иной облик.

В России серьезно воспринимал Гете лишь узкий круг названных мной зоологов, обсуждавших и разрабатывавших его идеи — Берг, тройка молодых московских ученых — Кузин, Смирнов, Вермель. Некоторые биологи причисляют к гетеанцам А. А. Любищева и В. Н. Беклемишева.

У них сложилось ощущение недостаточности только профессиональных научных знаний, полученных опытным путем. Средствами научного понимания мира они, вслед за Гете, считали воображение, интуицию, образ. Неудивительно поэтому, что в их круг входил также О. Манделъштам, который испытал известное влияние биологических концепций на свое творчество. Он восхищался идеями Ламарка в книге *Путешествие в Армению* (1932), в статье *К проблемам научного стиля Дарвина* (1932), в стихотворении *Ламарк* (1932). Поэт несколько лет общался и дружил с Кузиным, Смирновым и Вермелем, часто в начале 30-х гг. приходил в библиотеку московского Зоомузея, читал там свои стихи. Кузину посвящено его стихотворение *К немецкой речи* (1932), в котором поэт ставит дружбу с зоологом в один ряд со значимым для него отношением к великим немецким поэтам — Гете, Гейне, Кляйсту.

Естественнонаучные идеи Гете проникали в среду русских биологов и через сочинения Р. Штайнера (1861 — 1925), учение которого было широко известно в России на рубеже веков. В своих книгах о Гете *Основные линии теории познания мировоззрения Гете* (1886) и *Мировоззрение Гете* (1897) философ делал особый акцент на идеях Гете в области биологических архетипов, в частности, на его концепции «прарастения», для обнаружения которого необходимо воображение (ШТАЙНЕР 2011: 86-135). Сейчас известно, что Смирнов был последователем Штайнера и переводил его сочинения (ЛЮБАРСКИЙ 2009: 192).

Кузин, Вермель, Смирнов, Любищев были энтомологами и использовали идеи Гете для целей систематики. В энтомологии вопрос о систематике стоит наиболее остро, поскольку насекомые составляют самый многочисленный отряд живых существ. Ученые обратились к наследию Гете в поисках метода систематики, так как великий поэт выработал понятие о типе как норме для сравнения организмов и ввел в естествознание метод сравнительно-типологического анализа. Тип, по Гете, это закономерность, проявляющаяся в организме и имеющая динамическую природу. Опытное знание показывает, какие у всех животных имеются сходства и отличия, но анализ совокупности признаков должен исходить из идеи, на основе которой создается общий образ. На образ как инструмент познания в гетевской интерпретации ссылался Берг в *Номогенезе*, предпослав одной из глав своего труда эпиграф из *Метаморфоза животных*:

Also bestimmt *die Gestalt* die Lebensweise des Tieres
Und die Weise zu leben, sie wirkt auf alle *Gestalten*
Mächtig zurück.

Другими словами, тип схватывает все богатство реальных форм, не упрощая их и не делая их абстракциям. Человек с неразвитым образным мышлением не может увидеть тип, приблизиться к его пониманию.

На гетевскую концепцию типа ссылался Кузин. Смирнов также утверждал, что тип определяется «интуитивно и является непосредственно-очевидным» (ibid.: 190). Во многом с ними был согласен Любищев, с которым они обсуждали эти вопросы, а также Беклемишев, который разрабатывал идею архетипа.

Наиболее последовательным представителем гетеанского подхода в биологии был глава московских неоламаркистов Кузин (1903 — 1973). Он писал, по свидетельству историка биологии Любарского, что типы, или «архетипы», как он их называл, — это «синтетически обогащенные образы», которые нельзя нарисовать, описать, они присутствуют «во внутреннем зрении систематика» как «идеи изучаемых систематических групп» (ibid.: 189-190). Тип, по Кузину, определяется интуитивно и представляет собой

единый образ, но познанный в сравнении, в движении, и потому не стабильный, но как бы находящийся в непрерывном быстром

вращении, при котором видны разные его стороны. Тип может быть представлен как многомерное тело (ЛЮБАРСКИЙ 2009: 190).

К сожалению, биологические концепции, возникшие в 20-е гг. и связанные с именем Гете, до сих пор не получили дальнейшего применения и распространения в биологии.

Иначе обстоит дело в литературоведении. Свидетельство тому — книга Проппа *Морфология сказки* (1928), которая имела колоссальное влияние на дальнейшее развитие литературоведения и, по мнению многих исследователей, обусловила зарождение такого направления как структурализм (МЕЛЕТИНСКИЙ 1998; ЭКО 1998; УОРНЕР 2005).

В 20-30-е гг. в России активно протекал процесс перенесения на мир гуманитарных явлений принципов, успешность которых была проверена в сфере естественных наук. Пропп был уверен, что «как натуралист, так и фольклорист имеет дело с разновидностями одинаковых по сущности явлений» (ПРОПП 1976: 153). В работе *Структурное и историческое изучение волшебной сказки* Пропп пишет:

область природы и область человеческого творчества не разъединены. Есть нечто, что объединяет их, есть какие-то общие для них законы, которые могут быть изучены сходными методами (ПРОПП 1976: 134).

Более того, он считал, что культура в своем развитии проходит те же стадии, что и биология в процессе эволюции. Об этом хорошо написала А. Н. Мартынова в книге *В. Я. Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность* (МАРТЫНОВА 2006).

Здесь уместно вспомнить, что Пропп преподавал не только в Ленинградском университете и в Государственном институте истории искусств, но являлся также сотрудником учреждения, имеющего прямое отношение к естественным наукам: он был членом Географического общества, активно работал в Сказочной комиссии этнографического отделения Географического общества, в трудах которого вышли в 1926 г. его первые сочинения по морфологии сказки, предварившее появление книги.

Фольклористы уже на рубеже веков испытывали значительные трудности при классификации сказок и обработке огромного накопленного материала, схожие с трудностями при

систематике насекомых в энтомологии.

В основу пропповской классификации были положены идеи Гете, почерпнутые из его естественнонаучных сочинений. Предложенные Гете термины *морфология*, *метаморфоз*, *тип* многократно используются ученым. Каждая глава его книги начинается эпиграфами из сочинений Гете по морфологии. Например, эпиграфом к восьмой главе «Об атрибутах действующих лиц и их значений» взяты слова Гете о процессе метаморфоза «Учение о формах есть учение о метаморфозе», девятую главу «Сказка как целое» вводят слова Гете о прарастении. Таким образом, Пропп последовательно применяет ключевые морфологические установки и идеи Гете к литературоведческому материалу, ибо он считал, что изучение сказки во многих отношениях может быть сопоставимо с изучением органических образований в природе:

И действительно, в то время, как описаны и минералы, и растения, и животные (и описаны и распределены именно по их строению)... сказка все еще изучается без такого описания (ПРОПП 1928: 23).

Если биологи вплетали в ткань научного мышления художественное восприятие мира, то литературовед Пропп стремился внести объективность, точность в исследование литературных произведений. В предисловии к *Морфологии сказки* он пишет:

И тем не менее рассмотрение форм сказки возможно с такой же точностью, как возможна морфология органических образований (*ibid.*: 23).

Как и биологов, его интересовали в первую очередь гетевские концепции эволюции и морфологии типа на примере ботанических идей Гете. В первой главе *Морфологии сказки* ученый отмечал:

Вспомним хотя бы, какое важное значение для ботаники имела первая научная классификация Линнея. Наша наука находится еще в до-линнеевском периоде (*ibid.*: 20).

Ученый использовал гетевскую интенцию поиска единой структуры растения («Urpflanze») для обнаружения общей основы сюжета и функций героев фольклорных сказок.

В статье *Метаморфоз растений*, из которой Пропп в основном черпал эпиграфы к *Морфологии сказки*, Гете утверждал, что природа творит по определенным законам, которые являются схемами для всего многообразия природных форм. Подобным образом и Пропп строил морфологическую модель сказки, которой могли бы соответствовать все сказки. В поисках целостной концепции архаического фольклора он вслед за Гете сводит все многообразие сказочных мотивов к формальным, систематически повторяющимся чертам и делает вывод, что «все волшебные сказки однотипны по своему строению» (ibid.: 33).

Пропп называет исследователя типов сказок «морфологом». Тип, как пишет Гете в приведенном Проппом эпиграфе ко второй главе *Морфологии сказки*, «проходит через все органические существа, и его хорошо можно наблюдать во всех частях на некотором среднем разрезе» (ibid.: 28). Применяя эту мысль Гете для межсюжетного сравнения сказок, Пропп резюмирует: «В результате получается морфология, т. е. описание сказки по составным частям и отношению частей друг к другу и к целому» (ibid.: 28).

Безусловно, нельзя не согласиться с мыслью, что в 20-е гг. Пропп подчиняет исторический подход структурному, сводит содержание сказочных мотивов к формальным, систематически повторяющимся чертам. Но, как справедливо отмечает Г. М. Васильева, в сочинениях Гете Проппа привлекло то, что в них «теоретическая проблема становилась внутренним переживанием» (ВАСИЛЬЕВА 2014: 144). Это выводило исследование Проппа за рамки формального подхода. Кроме того, в отличие от предшественников формальной школы в русском литературоведении, у которых слово «морфология» также было ходовым и использовалось для анализа формы в отрыве от содержательной стороны произведения, Пропп считает морфологические штудии, то есть исследование формы, лишь первой ступенью на пути к анализу идейных основ литературы:

пока нет правильной морфологической разработки, не может быть и правильной исторической разработки. Если мы не сумеем разложить сказку на ее составные части, то мы не сумеем провести правильного сравнения. <...> Если мы не умеем сравнить сказку со сказкой, то как изучать связь сказки с религией, как

сравнивать сказку с мифами? Нужно объяснять сходство и характер этого сходства (ПРОПП 1928: 26).

Рукопись *Морфологии сказки* содержала еще одну главу, которую Пропп выкинул по совету В. М. Жирмунского; в ней намечался будущий труд по диахроническому изучению сказки — *Исторические формы волшебной сказки*. То есть морфологический анализ выступал у Проппа с самого начала как ступень к историческому анализу, иначе он не был бы истинным последователем Гете. Уже в статье *Трансформации волшебных сказок*, написанной в 1928 г., он дополняет структурный анализ указанием на необходимость рассматривать сказку в той среде и окружении, в котором создавалась сказка. В статье он создает каталог религиозных, ритуальных, бытовых функций и трансформаций сказки.

Для Проппа была важна гетевская идея эволюции, которую он использовал при разработке этапов изучения сказки — от морфологии к истории. Ученый был недоволен тем, что в английском издании *Морфологии* были выкинуты все эпиграфы из Гете. В статье *Трансформации волшебных сказок* Пропп писал:

морфологическое сходство есть результат известной генетической связи — теории происхождения путем метаморфоз и трансформаций, возводимых к тем или иным причинам (ПРОПП 1976: 153).

Ученый, как и Гете в концепции прарастения, пробивался в двух своих книгах *Морфология сказки* и *Исторические корни волшебной сказки* к единому «мифологическому ядру», которое генерировало устойчивые в структурном отношении формы на протяжении веков. Таким образом, можно утверждать, что через Проппа Гете повлиял на тенденции развития мировой филологии.

4. Заключение

Гете, творчество которого в равной степени принадлежало как науке, так и искусству, оказал значительное влияние на взаимодействие «органической» и гуманитарной парадигм в области науки и культуры в России в первой четверти XX в., а также на решение фундаментальных вопросов в области теории и методологии научного познания. Натурфилософские идеи Гете, которые легли в основу знаковых биологических и литературоведческих научных концепций 20 — 30-х гг. XX в., касающихся глобальных вопросов биологической эволюции и принципов

стадиального развития форм культуры, продемонстрировали универсальность выработанных им принципов познания.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Берг Л. С.* Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей. Петроград: Госиздат, 1922. [Berg, Lev S. (1922) *Nomogenez, ili Evolyutsiya na osnove zakonomernostey* (Nomogenesis, or Evolution Based on Patterns) Petrograd: Gosizdat. (In Russian)].
- Васильева Г. М.* Морфологическая поэтика: Линней, Гете, Пропп // Культура и текст. 2014. № 1 (16). С. 138—152. [Vasil'yeva, Galina M. (2014) *Morfologicheskaya poetika: Linney, Goethe, Propp* (Morphological Poetics: Linnaeus, Goethe, Propp). *Culture and text*, 1 (16), 138—152. (In Russian)].
- Волкова Е. Г.* К вопросу о научно-методологическом контексте трудов В. Я. Проппа // Преподаватель XXI век. 2009. № 4. С. 285—289. [Volkova, Yekaterina G. (2009) *K voprosu o nauchno-metodologicheskom kontekste trudov V. Ya. Proppa* (On the issue of the Scientific and Methodological Context of V. Ya. Propp's Works). *Prepodavatel' 21st vek*, 4, 285—289. (In Russian)].
- Воронцов Н. Н.* Развитие эволюционных идей в биологии. М.: Прогресс-Традиция, 1999. [Vorontsov, Nikolay N. (1999) *Razvitiye evolyutsionnykh idey v biologii* (Development of Evolutionary Ideas in Biology). Moscow: Progress-Tradition. (In Russian)].
- Гаспаров Б. М.* Развитие как реконструирование: взгляды академика Т. О. Лысенко в контексте позднего авангарда (конец 1920—1930-е годы) // Логос 1991—2005. Избранное. В 2 т. Т. 1. М.: Территория будущего, 2006. С. 444—463. [Gasparov, Boris M. (2006) *Razvitiye kak rekonstruivaniye: vzglyady akademika T. O. Lysenko v kontekste pozdnego avangarda (konets 1920—1930-ye gody)* (Development as a Reconstruction: the Views of Academician T.O. Lysenko in the Context of the late Avant-garde (late 1920—1930s)). In: Pogorel'skiy, Aleksandr. (ed.) *Logos 1991—2005. Izbrannoye* (Logos 1991—2005. Selected Works). In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Territory of the Future, 444—463 (In Russian)].
- Гете И.-В.* Из «Разговоров с Гете» И. П. Эккермана // Гете И. В. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. [Goethe, Johann Wolfgang. (1964) *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* (Selected Philosophical Works) Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Данилевский Н. Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. СПб: Изд. М. Е. Комарова, 1885. [Danilevskiy, Nikolay Ya. (1885) *Darvinizm*.

- Kriticheskoye Issledovaniye* (Darwinism. Critical Study). Saint Petersburg: M. E. Komarov. (In Russian)].
- Доброхотов А. А. "Фауст" Гете и теоретики ГАХН . М.: Изд. НИУ ВШЭ, 2012. [Dobrokhotov, Aleksandr L. (2012) "Faust" Goethe i teoretiki GAHN ("Faust" by Goethe and the theorists of the GAHN). Moscow: Higher School of Economics. (In Russian)].
- Любарский Г. Ю. История Зоологического музея МГУ: Идеи, люди, структуры. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. [Lyubarskiy, Georgiy Yu. (2009) *Istoriya Zoologicheskogo muzeya MGU: Idei, lyudi, struktury* (History of the Zoological Museum of Moscow State University: Ideas, People, Structures). Moscow: Association of Scientific Publications KMK. (In Russian)].
- Казачков С. В. Комментарии / Гете И.-В. Научные сочинения. Т. 1. Образование и преобразование органических существ (морфология). М.: Товарищество научных изданий КМК. 2014. С. 545—690. [Kazachkov, Sergey V. (2014) Kommentarii [Comments]. In: *Goethe J.-W. Nauchnyye sochineniya* (Scientific Works). V. 1. Obrazovaniye i preobrazovaniye organicheskikh sushchestv (morfologiya) (Formation and Transformation of Organic Beings (Morphology)). Moscow: Association of Scientific Publications KMK, 545—690. (In Russian)].
- Мартынова А. Н. Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб: Дмитрий Буланин, 2006. [Martynova, Antonina N. (2006) *Vladimir Yakovlevich Propp: Zhiznennyy put'*. *Nauchnaya deyatel'nost'* (Vladimir Yakovlevich Propp: Life Path. Scientific Activity). Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russian)].
- Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение народной сказки // Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. [Meletinskiy, Yeleazar M. (1998) *Strukturno-tipologicheskoye izucheniye narodnoy skazki* (Structural and Typological Study of Folk Tales). In: Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki. Istoricheskkiye korni volshebnoy skazki* (Morphology of a Fairy Tale. The Historical Roots of a Fairy Tale). Moscow: Labyrinth. (In Russian)].
- Михайлов К. Г. Иоганн Вольфганг Гете — естествоиспытатель // Химия и жизнь — XXI век. 2014. № 11. С. 46—48. [Mikhaylov, Kirill G. (2014) *Iogann Vol'fgang Gyote — yestestvoispytatel'* (Johann Wolfgang Goethe — Naturalist). *Chemistry and life — XXI century*, 11, 46—48. (In Russian)].
- Кузин Б. С., Смирнов Е. С., Вермель Ю. М. Очерки по теории эволюции. М.: Красная новь, 1924. [Kuzin, Boris S.; Smirnov, Yevgeniy S. &

- Vermel' Yuliy M. (1924) *Ocherki po teorii evolyutsii* (Essays on the Theory of Evolution). Moscow: Krasnaya nov'. (In Russian)].
- Назаров В. И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М.: КомКнига, 2005. [Nazarov, Vadim I. (2005) *Evolyutsiya ne po Darvinu: smena evolyutsionnoy modeli* (Evolution is not according to Darwin: a Change in the Evolutionary Model). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. [Propp, Vladimir Ya. (1928) *Morfologiya skazki* (Morphology of the Fairy Tale). Leningrad: Academia. (In Russian)].
- Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М: Наука, 1976. [Propp, Vladimir Ya. (1976) *Fol'klor i deystvitel'nost'*. *Izbrannyye stat'i* (Folklore and Reality. Featured Articles). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Свасьян К. А. Гете. М.: Мысль, 1989. [Svas'yan, Karen A. (1989) *Gyote* (Goethe) Moscow: Mysl'. (In Russian)].
- Уорнер Э. Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. [Warner, Elisabeth E. (2005) *Vladimir Yakovlevich Propp i russkaya fol'kloristika* (Vladimir Yakovlevich Propp and Russian Folklore). Saint Petersburg: Philological Faculty of the Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Шаталкин А. И. «Философия зоологии» Жана Батиста Ламарка: взгляд из XXI века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. [Shatalkin, Anatoliy I. "*Filosofiya zoologii*" *Zhana Batista Lamarcka: vzglyad iz XXI veka* ("Philosophy of Zoology" by Jean-Baptiste Lamarck: a View from the 21st Century). Moscow: Association of scientific publications КМК. (In Russian)].
- Штайнер Р. Мировоззрение Гете. СПб: Деметра, 2011. [Steiner, Rudolf. (2011) *Mirovozzreniye Goethe* (Goethe's Worldview). Saint Petersburg: Demetra. (In Russian)].
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Петрополис, 1998. [Eco, Umberto. (1998) *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu* (Missing Structure. Introduction to Semiology). Saint Petersburg: Petropolis. (In Russian)].
- Bollmann, Stefan. (2021) *Der Atem der Welt. Johann Wolfgang Goethe und die Erfahrung der Natur*. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Joravsky, David. (1962) *Soviet Marxism and Natural Science, 1917 — 1932*. New York: Columbia University Press.
- Krätz, Otto. (1992) *Goethe und die Naturwissenschaften*. München: Callwey.

- Partenheimer, Maren. (1989) *Goethes Tragweite in der Naturwissenschaft*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Schleicher, August. (1873) *Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft. Offenes Sendschreiben an Herrn Dr. Ernst Haeckel*. 2 Aufl. Weimar: Hermann Böhlau.
- Wiegand, Albert. (1874/1877) *Der Darwinismus und der Naturforschung Newtons und Cuviers*. In 3 Bdn. Braunschweig: Vieweg.

Tatyana A. Fedyaeva
Saint Petersburg State Agrarian University

**“Constantly and vigilantly peer into the creations of nature”:
the Embodiment of Goethe’s Natural Philosophy in the Works
of Russian Biologists and Literary Critics (20 — 30s of the 20th Century)**

The object of research in this paper are various forms of rethinking Goethe’s natural-philosophical ideas among Russian biologists (the Moscow school of neo-Lamarckists, Lev Berg’s theory of nomogenesis) and literary critics (Vladimir Propp’s morphological poetics), considered in the philosophical and methodological aspect. In the 20’s and 30’s Russia was undergoing an active process of transferring to the world of humanistic phenomena the principles, the success of which had been tested in the field of natural sciences, on the other hand, the notions of the metaphysical foundation of biology through its appeal to the methodology of humanistic knowledge were expanding. The issues of interaction between biology and philology and the influence of Goethe’s natural philosophical ideas on this process have not been sufficiently studied in Russian science. The interdisciplinary nature of the problems posed in the article required reliance on the relevant research principles. The appeal of Russian biologists to the ideas of Goethe was associated with a change in the paradigms of scientific knowledge, with the intensification of the struggle against positivism and the strengthening of anti-Darwinian tendencies in biology. Biologists studied the general theory of the organic world of Goethe, as well as individual biological hypotheses and discoveries of the great German thinker. Following Goethe, they considered imagination, intuition, image as means of scientific understanding of the world. In developing his principles for classifying fairy tales, Propp consistently implements Goethe’s key morphological ideas into the field of literary criticism, and as a result he creates a universal model to which all fairy tales can conform. The methods of structural analysis of fairy tales shaped in Propp’s works had an enormous impact on the main trends of philological development in the 20th century. Problems of convergence of strictly scientific, experimental knowledge about the world and man with humanitarian

knowledge are essential for understanding the development of natural and philological science in the 20th century, as well as for studying the fundamental philosophical foundations of the functioning of science itself.

Keywords: natural philosophy; Goethe; morphology; Berg; Kuzin; Propp; fairy tale

Для цитирования:

Федяева Т.А. «Постоянно и зорко вглядываться в создания природы»: воплощения натурфилософии Гете в трудах русских биологов и литературоведов (20 — 30-е годы XX века) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 444—462.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-444-462.

To cite this Article:

Fedyayeva, Tatyana A. (2023) “Postoyanno i zorko vglyadyvat’sya v sozdaniya prirody”: voploshcheniya naturfilosofii Gyote v trudakh russkikh biologov i literaturovedov (20 — 30-ye gody XX veka) (“Constantly and vigilantly peer into the creations of nature”: the Embodiment of Goethe’s Natural Philosophy in the Works of Russian Biologists and Literary Critics (20 — 30s of the 20th Century)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 444—462. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-444-462.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; принята к публикации 22.04.2023

The article was submitted 15.02.2023; accepted for publication 22.04.2023

Ю. Л. Цветков

Ивановский государственный университет

ГУГО ФОН ГОФМАНСТАЛЬ И ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСКУССТВА: АРХИТЕКТУРА, СКУЛЬПТУРА И ЖИВОПИСЬ

Творческие способности австрийского поэта и драматурга концентрировались в подчеркнуто визуальном восприятии мира. Задача исследования — изучить смысловое наполнение архитектурных форм, скульптурных групп и живописных полотен в раннем творчестве Гофмансталя. Доказано, что «зримое слово» поэта принципиально различно функционировало в трех видах искусства. Величественные архитектурные сооружения создавали в стихотворениях и драмах самое высокое и гармоничное местонахождение поэта, способного магическим всевластием творить фантастические видения. «Вилла Ротонда» Палладио олицетворяла земную власть поэта, его духовное начало и вечное движение. Напротив, древнегреческие коры из музея в Акрополе стали символом кризиса поэта — его гнетущей немоты. *Письмо лорда Чэндоса* Гофмансталя наиболее полно раскрывает потерю творческих возможностей и состояние «невыносимого одиночества» поэта, блуждающего среди «безглазых статуй» в пустынном парке. Мировая живопись активно использовалась Гофмансталем как источник образных и сюжетных заимствований. Венского поэта можно назвать историком искусства, поскольку он серьезно изучал труды по искусствознанию и профессионально создавал обзоры современных художественных выставок. Выбор живописных полотен — «вечных спутников» поэта — включал произведения современных художников-символистов (А. Беклин, Дж. Уистлер) и прерафаэлитов (Дж. Э. Милле). Более всего Гофмансталя привлекали полотна английских прерафаэлитов, которых он высоко ценил за изображение «душевных состояний» и называл их «любопытным типом рисующих поэтов». Они значительно повлияли на эстетику, сюжетное развитие и образный мир персонажей Гофмансталя, а визуальная аллюзивность поэта способствовала возникновению ярких поэтических экфрасисов. В драме *Женщина в окне* наиболее примечательны два экфрасиса из художественного мира Милле: один из них — полотно «Лоренцо и Изабелла», другой — его знаменитая «Офелия». Три вида визуального искусства воспринимались Гофмансталем сугубо субъективно, исходя из собственного глубинного познания их внутренних закономерностей и свидетельства о символистском единстве словес-

ности и зримого мира искусства.

Ключевые слова: венский модерн; интермедиальность; высота и гармония архитектурных форм; чуждость древнегреческих статуй; зримое слово живописных полотен; экфрасис

1. Введение

Австрийский поэт и драматург Гуго фон Гофмансталь (1874 — 1929), один из самых значимых писателей *венского модерна*, постоянно подчеркивал доминирующую роль визуального момента при создании произведений. Задача поэта для него была сходна с задачей художника: использовать поэтические средства (слова) таким образом, чтобы возникли цветовые эффекты, вызывающие у читателя или зрителя лирическое настроение. Целью Гофмансталя была не передача собственного переживания, а «возбуждение» поэтическими средствами переживаний у читателя-зрителя. Хранителями таких настроений являлись, по Гофмансталью, произведения искусства, которые «оживали» под взглядом поэта. Исходя из такого посыла, следует, что в произведениях словесности должны быть созданы пространственные образы, состоящие из элементов архитектуры, скульптуры и живописи. Так как героями стихотворений, драм и прозы молодого Гофмансталя являются чаще всего поэты и художники, живописное начало необходимо им для «освобождения» заключенной в нем «энергии» лирического настроения (ЦВЕТКОВ 2003: 260).

Для Гофмансталя синтетическое понимание искусства как слияния поэзии, музыки и живописи было целью самосовершенствования, что прямо сближало его с поисками французских парнасцев и символистов. Например, лирика Гофмансталя имеет общие черты с поэзией парнасцев: уход в предметный мир, увлечение живописной образностью, философичность, яркость деталей, благозвучность и совершенство формы. Творческой манере венского писателя импонировало синтезирующее сознание символистов, выражающееся в намеренной *интермедиальности*, подчеркнутой живописности и музыкальности. Мотивы и образы, взятые из предшествующего и современного арсенала архитектуры, скульптуры и живописи, определили и основные моменты творческого облика Гофмансталя: построение произ-

ведений из соположения различных известных смыслов разных видов искусства.

2. Архитектура — символ поэтического всевластия

Искусство пространственных форм — архитектура — воплощала в творчестве Гофмансталя идею высокого местоположения *поэта-мага*, способного подобно божеству создавать фантастические видения в мире слов. В статье *Оноре де Бальзак* (1908) Гофмансталь сравнил трех великих писателей: Шекспира, Гете и Бальзака, рассуждая об упорядочивающей творческой силе их таланта:

Из истины мириад отдельных явлений возникает истина взаимоотношений между ними, то есть возникает целый мир. Как и при чтении Гете, я вступаю здесь в отношение к целому. Здесь присутствует некая невидимая система координат, в которой я могу ориентироваться (ГОФМАНСТАЛЬ 1995: 616-617).

Организованное созидательное начало касалось *архитектурных сооружений*, которые наглядно воспроизводили идеальное отношение частей к целому. Образцом такой гармонии стал для Гофмансталя итальянский загородный дворец «Вилла Ротонда» (1556 — 1567) близ Виченцы, спроектированный и построенный архитектором позднего Возрождения венецианской школы Андреа Палладио (1508 — 1580). Его проект отражал гуманистические идеалы архитектуры Высокого Возрождения: центрическая постройка, одинаково воспринимаемая со всех точек зрения, подобно планам Донато Браманте и Леонардо да Винчи. Вилла Ротонда выражала идею абсолютной гармонии мира. Каждая из четырех лоджий увенчана фронтоном, украшенным статуями божеств классической древности. Каждый из портиков оформлен шестью колоннами ионического ордера (ХОЛЛИНГСВОРТ 1993: 272).

Во время первого итальянского путешествия (1786 — 1788) И. В. Гете восторгался шедевром Палладио:

...Сегодня я посетил так называемую «Ротонду» — великолепный дом на живописном холме... Это четырехугольное здание заключает в себе круглую залу с верхним светом. Со всех четырех сторон к нему поднимаешься по широким лестницам и всякий раз попадаешь в портик, образуемый шестью колоннами...

Пространство, занимаемое лестницами и портиками, много больше того, что занимает самый дом, ибо каждая его сторона в отдельности может сойти за храм... Пропорции залы поистине прекрасны, комнат тоже... Зато дом царит над всей округой, и откуда ни глянь — он прекрасен (ГЕТЕ 1980, IX: 37).

Центральный, круглый в плане зал окружен прямоугольниками комнат, образующими наружный правильный квадрат. Он, как известно, олицетворяет власть земную, круг — символ духовного начала. Интерьеры украшены скульптурами известных мастеров, лепниной на потолке и скульптурными деталями каминов. Многие из сюжетов росписей связаны с религиозной жизнью графа Паоло Альмерико, первого владельца виллы, и прославляют христианские добродетели (Вилла Ротонда 2022: URL). Дворец Палладио стал местом нахождения лирического героя в стихотворении Гофмансталя *Сон о великой магии* (1895):

Viel königlicher als ein Perlenband	Надменнее, чем море в зорный
Und kühn wie junges Meer im Morgenduft,	час,
So war ein großer Traum — wie ich ihn fand.	И царственной, чем жемчуга,
Durch offene Glastüren ging die Luft.	сверкал
Ich schlief im Pavillon zu ebner Erde,	Великий сон, что видел я в тот раз.
Und durch vier offene Türen ging die Luft...	В четыре двери воздух проникал —
	В беседке на земле я спал устало,
	И воздух через двери проникал...
	(ГОФМАНСТАЛЬ 1995: 763)
	<i>Пер. Ю. Корнеева</i>

(HOFMANNSTHAL 1986a: 24).

Черновые записи к трагедии *Башня* (1918 — 1924) и неосуществленный план драмы по Кальдерону *Жизнь есть сон* свидетельствуют о месте действия — дворце Ротонда. Гофмансталь называл виллу «чудесно сформированным намерением архитектора» и «величественной тишиной средоточия», а в одной из записей он признавался: «Если бы я был богат, я бы построил виллу» (HOFMANNSTHAL 1986d: 444).

Другой важный элемент архитектуры в произведениях Гофмансталя — высокая терраса дворца. С ее высоты, как и со склона горы, — террасообразного края гигантского нагорья — можно было увидеть «бесконечный ландшафт», который ассоциировался у Гофмансталя с пустынными пространствами Азии

(ibid.: 473). Одновременно венский поэт писал о «героическом ландшафте» Никола Пуссена (1594 — 1665). В одной из записей он указал на автора пейзажа: «Горы у моря, как на ландшафтах Пуссена. Полифем» (ibid.: 536). Французский художник классического пейзажа Пуссен в природе искал гармонию мира. Человек трактовался на его полотнах как часть природы. Героический пейзаж Пуссена — это не реальная природа, а природа «улучшенная», сочиненная художником, ибо только в таком виде она достойна быть предметом изображения в искусстве. Это пантеистический пейзаж, но пантеизм Пуссена не языческий — в нем выражено чувство причастности к вечности (ХОЛЛИНГСВОРТ 1993: 353).

Стихотворная драма Гофмансталя *Смерть Тициана* (1892) имеет подчеркнуто живописное начало в стиле Пуссена. Место действия — терраса на вилле Тициана, неподалеку от Венеции. На ступеньках террасы разбросаны ковры и подушки, на них полулежат молодые ученики Тициана. Терраса окаймлена резной каменной оградой, за ней виднеются вершины пиний и тополя. В ограде двумя вазами обозначена лестница, ведущая в сад. Некоторые критики сравнивали эту сцену с картиной Тициана «Венера и вакханка» из Мюнхенской пинакотеки. Эта картину видел Гофмансталь в галерее и, кроме того, она была известна ему по литографиям и фотографиям (SZONDI 1964: 56). Так или иначе, путь нисхождения сверху вниз или восхождения снизу вверх — характерная черта поэтики Гофмансталя. Наиболее ясно она представлена в стихотворении *Но иные...*:

Manche freilich müssen drunter
sterben,
Wo die schweren Ruder der Schiffe
streifen,
Andre wohnen bei dem Steuer
droben,
Kennen Vogelflug und die Länder
der Sterne.
Manche liegen immer mit schwe-
ren Gliedern
Bei den Wurzeln des verworrenen

Но иные все же умирают
Там, внизу, под плеск тяжелых
весел,
А другие у руля, высоко,
Знают птиц полет и звездные
страны.
Не избыть иным тяжесть тела
У истоков запутанной жизни,
А другим уготованы троны,
Их Сивиллы ждут, королевы,
И сидят они, словно дома,

Греции — статуи (1914) Гофмансталь не мог закончить в течение шести лет. В ней он рассказал об увиденных пяти экспонатах музея Акрополя — мраморных корах, которые были спасены после разрушения Греции персами. Гофмансталь назвал их «архаическими» и высказал свое полное разочарование от знакомства с ними. Пластические женские изваяния показались Гофмансталю чуждыми:

...незнакомые, они стоят передо мной, тяжелые и каменные, с прищуренными глазами. Их фигуры огромны; сложены из сверхпрочных форм — звериные или божественные; их лица чужды, поджатые губы, выпуклые дуги глаз, мощные щеки, подбородок, вокруг которого течет жизнь; являются ли они все еще человеческими лицами? <...> Разве не отсюда, из пяти девственных образов, проглядывает вечный ужас хаоса? (ГОФМАНСТАЛЬ 1986b: 625).

В *Письме лорда Чэндоса* (1902) Гофмансталь рассказал о попытке разгадать сказания и мифы древних греков. Они стали для него трудной интеллектуальной загадкой:

Сказания и мифы древних, ставшие предметом бесконечных и бездумных славословий наших живописцев и ваятелей, я хотел прочесть как иероглифы вечной неисповедимой мудрости, дыхание которой словно под неким покровом, я, казалось, порой угадывал (ГОФМАНСТАЛЬ 1995: 520).

Лорда Чэндоса ждало чувство горького «разочарования» в постижении мира древних. Он внезапно почувствовал реальную потерю способности произносить слова:

... просто абстрактные слова, какими неизбежно пользуется человек, высказывая то или иное суждение, у меня на языке распались, как под ногой рассыпаются перестоялые грибы (ibid.: 522).

Образовавшуюся «пустоту» Чэндос решил заполнить излюбленным интересом к миру античности:

Я пытался искать спасения в мире древних... Надежды возлагал я на Сенеку и Цицерона. В свойственной им гармонии ограниченных упорядоченных категорий я думал вновь обрести равновесие. Но пропасть между ними и мной оказалась непреодолимой... Наедине с ними меня охватывало чувство невыносимого одиночества: мне казалось, я заблудился в парке, где нет никого, кроме безглазых статуй; я бежал, бежал без оглядки (ibid.: 523-524).

Как известно, Гофмансталь высоко ценил культуру древних греков в восторженных интерпретациях Винкельмана, Гете, Гельдерлина и Шелли. Он считал античных авторов своими «вечными спутниками» и с интересом читал труды современных историков искусства и культуры: Буркхардта, Бахофена и др. Однако увиденные воочию скульптуры во время поездки в Грецию не соответствовали сложившемуся «домашнему» образу античной скульптуры. В статье *Греция* (1922) Гофмансталь писал об идеализации наследия древних скульпторов:

Возможно, мы все еще можем запечатлеть цельный образ, стоящий перед нами в мраморе, романтическим взглядом. Возможно, мы слишком много вкладываем в него из нашего сознания, из нашей «души» (HOFMANNSTHAL 1986b: 635).

Впечатление от реальной встречи с памятниками Древней Греции навсегда разрушило его прежние представления о них.

4. Живописные полотна как источник «зримого слова»

Живопись была главнейшей потребностью Гофмансталя в творческом процессе. Он интересовался ею с ранних лет. В его библиотеке были труды по истории искусства: *Культура Ренессанса в Италии* Я. Буркхардта, монографии Ю. Майер-Грэффе о Леонардо да Винчи, Менцеле и импрессионистах, К. Ноймана о Рембрандте, письма А. Дюрера и монография о нем Х. Вельфина, труды Ш. Бодлера, У. Пейтера, Дж. Рескина, М. Клингера, Дж. Уистлера и др. Первая статья девятнадцатилетнего Гофмансталя, ученика Венской гимназии и автора уже широко известных драм *Смерть Тициана* и *Глупец и Смерть*, была посвящена живописи в Вене. Автор статьи справедливо указал на то, что культурная жизнь в столице Австро-Венгрии заметно отставала от других европейских метрополий. На молодого Гофмансталя оказала сильное впечатление Международная выставка в Мюнхене 1893 г., на которой были представлены полотна швейцарского художника-символиста Арнольда Беклина (1827 — 1901):

Здесь были картины Беклина, погруженные в сон, языческие, как гимны Орфея <...> здесь был пронзительный полдень со звонким горячим воздухом, кокетливым светом <...> и были завораживающие сумерки вечера, с коричневатыми тихими прудами, на которые падали беззвучные черные тени, с тихим

влажным воздухом, просвечивающим сказочной эмалью. Здесь были мосты в тумане, луга — в утреннем аромате, сады — в дымке... (HOFMANNSTHAL 1986c: 525).

Полотна Беклина молодой Гофмансталь называл «накопителями настроений» («Stimmungsakkumulatoren») (HOFMANNSTHAL 1935: 61), необходимых для поэтического творчества. Особая атмосфера живописных работ, их колорит, художественный стиль или отдельные детали определяли стихотворный или драматический замысел автора. Картины Беклина были для Гофмансталя, как он писал в Прологе к *Смерти Тициана* (1901), посвященном памяти Беклина, «пищей его души» или «любимым другом его души» (HOFMANNSTHAL 1986a: 263). Другой пример — сцена из *Истории принцев Амджада и Асада* (1895) обязана одному из полотен Беклина: «Изобразить это в беклиновской атмосфере. Летний вечер; купание на охоте. Святость тел и обволакивающего воздуха текущей воды» (HOFMANNSTHAL 1986b: 44).

Сотрудничество молодого Гофмансталя со Стефаном Георге (1868 — 1933) в «Листках искусства» (с 1892 г.) укрепляло его в важном символистском посыле создания стихотворения из соположения живописных смыслов и музыкальности звучания. Символистский принцип взаимодействия искусств Гофмансталь воспринимал в духе «алхимического действия» Артюра Рембо (сонет *Гласные*). В теоретическом плане на венского поэта значительно повлияли идеи англо-американского живописца Джеймса Уистлера (1834 — 1903) из книги *Изящное искусство создавать себе врагов* (1890). Уистлер давал полотнам «цветомузыкальные» имена (симфонии, ноктюрны и аранжировки в разных тонах). Превыше сюжета и сходства художник всегда ставил настроение и атмосферу, стремясь передать их при помощи цвета. К вымыслу в искусстве, или, как говорил О. Уайльд, «лжи», Уистлер был довольно равнодушен. Задачей художника он считал вычленение главного, стремление к обобщению и уход от всего второстепенного. Цельность и гармония, помноженные на простоту, согласно Уистлеру, дают в итоге живописный шедевр. Эстетике Уистлера не был присущ гедонизм, столь характерный для Пейтера и Уайльда (Эстетизм Джеймса Уистлера 2022: URL).

В статье Гофмансталя *Поэзия и жизнь* (1896) представлены эстетические положения поэта, близкие рассуждениям Уистлера:

...стихотворение — это невесомая ткань из слов, которые благодаря своему взаиморасположению, звучанию и содержанию вызывают воспоминание о видимом и воспоминание о слышимом со стихией движения и вызывают некое точно описанное состояние души, ясное, как во сне, и мимолетное, которое мы называем настроением... Нет прямого пути ни от поэзии к жизни, ни от жизни к поэзии. Слово как носитель жизненного содержания и слово как его призрачный двойник, появляющийся в стихах, стремятся в разные стороны и отчужденно проплывают друг мимо друга, как пустое и полное ведра в срубе колодца (ГОФМАНСТАЛЬ 1995: 501-502).

Книга Уистлера ввела Гофмансталя в эстетический спор Рескина с Уистлером, в эстетику Рескина и Пейтера и послужила основой для написания статьи об английских прерафаэлитах, которые будут на несколько лет центром его внимания. Наибольшее внимание Гофмансталь уделил основателю и активному участнику движения Джону Эверетту Милле (1829 — 1896). Гофмансталь видел в живописи прерафаэлитов «утонченную и остроумную живопись». В ней он находил «элемент нашей, т. е. венской культуры» и «глубокие связи с жизнью души» (ГОФМАНСТАЛЬ 1986d: 386), что прямо корреспондировалось с его представлением о стихотворениях, которые «изображали душевные состояния» (ibid.: 380). Английских прерафаэлитов Гофмансталь называл «любопытным типом рисующих поэтов» (ГОФМАНСТАЛЬ 1986c: 536):

Если они и интерпретировали больше, чем создавали, то именно в их интерпретации заключалась такая поэзия, такое духовное мастерство и одухотворение телесности! (ibid.: 549).

Несомненно, под влиянием живописи прерафаэлитов появились действующие лица драмы Гофмансталя *Малый театр мифа* (1897). Автор называет их «счастливыми» и характеризует в ремарках, воспроизводящих некоторые важные мотивы живописи прерафаэлитов:

Незнакомец. Он останавливается на мосту и смотрит в воду. *Девушка.* Она еще наполовину ребенок... Ее белое легкое платье тускло мерцает в темноте. *Безумец* встает, молодой, красивый, кроткого

нрава... с неопикуемой гравией прислоняется к краю моста и наслаждается видом ночи... глядя на себя в серебряное ручное зеркало при свете факела (HOFMANNSTHAL 1986a: 369-387).

В драме *Женщина в окне* (1897) финальный монолог мадонны Дианоры представляет собой экфрасис, созданный на основе картины Милле «Лоренцо и Изабелла» (1849). Изображенная Милле история основана на сюжете поэмы Джона Китса *Изабелла, или Горшок с базиликом* (1818), который, в свою очередь, заимствован из *Декамерона* Дж. Боккаччо (IV день, 5-я новелла). Китс повествует о трагической любви Изабеллы и Лоренцо. Богатые братья Изабеллы, узнав о ее тайной любви к бедному юноше Лоренцо, убивают его. Изабелла остается навсегда верной своей любви. Она тайком переносит голову любимого в свой сад и прячет ее там. Братья, раскрыв тайну Изабеллы, крадут из сада горшок с базиликом, где спрятана голова Лоренцо, и бегут из Флоренции. Изабелла была повергнута в горе жестокостью людей. Милле изобразил предысторию трагического конфликта, когда один из мрачных братьев Изабеллы пинает ее собаку (это животное традиционно считалось символом верности). Гофмансталь в экфрасисе также противопоставляет мадонну Дианору, ждущую своего любовника, жестокому мужу. Гофмансталь в деталях и психологически точно воспроизводит напряженную атмосферу застолья и предвстие трагической гибели Дианоры:

Wir aßen in den Lauben, die sie
haben,
den schönen Lauben an dem
schönen Teich:
da saß er neben mir, und gegenüber
saß
dein Bruder. Wie sie nun die
Früchte gaben
und Palla mir die schwere goldne
Schüssel
voll schöner Pfrirsiche hinhielt, daß ich
mir nehmen sollte, hingen meine
Augen
an seinen Händen und ich sehnte
mich,

В беседках
Обедали мы, там у них беседки
Чудесные вдоль озера стоят...
Сидел со мной он рядом, а
напротив
Сидел твой брат. Нам подали
плоды,
И Палла поднял блюдо золотое,
Тяжелое, — держал передо мной,
Чтобы взяла я персики... мой
взор
Прикован был к его рукам, желаньем
Томилась я безумным — перед
всеми

demütig ihm vor allen Leuten hier
 die beiden Hände überm Tisch zu
 küssen.
 Dein Bruder aber, der lang nicht so
 dumm
 Wie tückisch ist, fing diesen Blick
 mit seinem
 Und muß erraten haben, was ich
 dachte,
 und wurde blaß vor Zorn: da kam
 ein Hund,
 ein großes dunkles Windspiel
 hergegangen
 und rieb den feinen Kopf an meiner
 Hand,
 der linken, die hinunterhing: da
 stieß
 dein dummer Bruder mit
 gestrecktem Fuß
 in Wut mit aller Kraft nach diesem
 Hund,
 nur weil er nicht mit einem harten
 Dolch
 nach mir und meinem Liebsten
 stoßen konnte.
 Ich aber sah ihn an und lachte laut
 und streichelte den Hund und
 mußte lachen.

(HOFMANNSTHAL 1986a: 359-360)

Удивительно точными переданы не только движения и жесты изображенных персонажей на картине, но и мимика, и движение взглядов. Следует отметить, что начальный монолог Дианоры о ее бесстрашном желании пройти по краю каменной ограды и, возможно, упасть в поток воды, вызывает ассоциации читателя с известным полотном Дж. Милле «Офелия» (1852):

Fiel' ich ins Wasser, mir wär wohl
 darin:
 Mit weichen, kühlen Armen fing's
 mich auf,

Поцеловать покорно эти руки!..
 Твой брат коварный – он не
 глуп — заметил
 Тот взгляд, мое желанье угадал
 И побледнел от гнева, тут собака
 Большая подошла, тереться стала
 О руку левую мою, ласкаясь,
 Твой глупый брат расвирипенел,
 ударил
 Ногой собаку эту, потому
 Что у него кинжала не случилось,
 Чтобы ударить друга моего...
 А я смотрела и смеялась громко,
 Я гладила собаку и смеялась.

(ГОФМАНСТАЛЬ 2021: 112)

Пер. С. Н. Шиль

И если бы упала я в поток,
 В холодные и мягкие объятия
 Воды, — скользить бы стала я
 привольно

- grad: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Холлингсворт М. Искусство в истории человека. М.: Искусство, 1993. [Hollingsworth, Mary. (1993) *Iskusstvo v istorii cheloveka*. (Art in Human History). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Цветков Ю. Л. Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал: Монография. М.; Иваново: МИК, 2003. [Tsvetkov, Yuriy. (2003) *Literatura venskogo moderna. Postmodernistskiy potentsial* (Literature of the Viennese Moderne. Postmodern Potential). Moscow; Ivanovo: MIK. (In Russian)].
- Эстетизм Джеймса Уистлера. (18.10.2022). [Estetizm Dzheymisa Uistlera. (The Aestheticism of James Whistler)]. Retrieved from <https://www.studfile.net/preview/3369562>.
- Hofmannsthal, Hugo. (1935) *Briefe I. 1890—1901*. Berlin: S. Fischer.
- Hofmannsthal, Hugo. (1986a) *Gedichte. Dramen I*. Frankfurt am Main: S. Fischer.
- Hofmannsthal, Hugo. (1986b) *Erzählungen. Erfundene Gespräche und Briefe. Reisen*. Frankfurt am Main: S. Fischer.
- Hofmannsthal, Hugo. (1986c) *Reden und Aufsätze I*. Frankfurt am Main: S. Fischer.
- Hofmannsthal, Hugo. (1986d) *Reden und Aufsätze III. Aufzeichnungen*. Frankfurt am Main: S. Fischer.
- Szondi, Peter. (1964) Zwei Beiträge zu Hofmannsthal. In *Insel-Almanach auf das Jahr 1965*. Frankfurt am Main: Insel, 49—57.
- Zelinsky, Hartmut. (1977) Hugo von Hofmannsthal und Asien. In: Bauer, Roger. (ed.) *Fin de siècle. Zur Literatur und Kunst der Jahrhundertwende*. Frankfurt am Main: Klostermann, 508—566.

Yuriy L. Tsvetkov
Ivanovo State University

Hugo von Hofmannsthal and the Visual Arts: Architecture, Sculpture and Painting

The creative abilities of the Austrian poet and playwright were concentrated in an emphatically visual perception of the world. The aim of the research is to study the semantic content of architectural forms, sculptural groups and paintings in the early work of Hofmannsthal. It is proved that the poet's "visible word" functioned fundamentally differently in three types of art. Majestic architectural structures created in poems and dramas the highest and most harmonious location of the poet, who was able to create fantastic visions with magical omnipotence. Palladio's Villa Rotonda personified the poet's earthly power, his spiritual beginning and eternal movement. On the contra-

ry, the ancient Greek bark from the museum in the Acropolis became a symbol of the poet's crisis — his oppressive dumbness. *The Letter of Lord Chandos* by Hofmannsthal most fully reveals the loss of creative opportunities and the state of “unbearable loneliness” of the poet wandering among “eyeless statues” in a deserted park. World painting was actively used by the Hofmannsthal as a source of figurative and plot borrowings. The Viennese poet can be called an art historian, since he seriously studied works on art history and professionally created reviews of modern art exhibitions. The choice of paintings — the poet's “eternal companions” — included works by contemporary symbolist artists (A. Böcklin, J. Whistler) and pre-Raphaelites (J. E. Millais). Most of all, Hofmannsthal was attracted by the canvases of the English pre-Raphaelites, whom he highly appreciated for depicting “mental states” and called them “a curious type of painting poets”. They significantly influenced the aesthetics, plot development and imaginative world of Hofmannsthal's characters, and the visual allusiveness of the poet contributed to the emergence of vivid poetic ecphrases. In *The Woman in the Window*, two ecphrases from the artistic world of Millais are most notable: one of them is the canvas “Lorenzo and Isabella”, the other is his famous “Ophelia”. The three types of visual art were perceived by Hofmannsthal purely subjectively, based on their own deep knowledge of their internal laws and testifying to the symbolist unity of literature and the visible world of art.

Keywords: Viennese modernism; intermediality; height and harmony of architectural forms; alienity of ancient Greek statues; visible word of paintings; ecphrasis

Для цитирования:

Цветков Ю. Л. Гуго фон Гофмансталь и визуальные искусства: архитектура, скульптура, живопись // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 463—477.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-463-477.

To cite this Article:

Tsvetkov, Yuriy L. (2023) Gugo fon Gofmanstal' i vizual'nyye iskusstva: arhitektura, skul'ptura, zhivopis' (Hugo von Hofmannsthal and Visual Arts: Architecture, Sculpture, Painting). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 463—477. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-463-477.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; принята к публикации 21.04.2023

The article was submitted 01.02.2023; accepted for publication 21.04.2023

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

TRANSLATION STUDIES

С. И. Горбачевская
Московский государственный университет

МОДАЛЬНОСТЬ РАССКАЗОВ ВОЛЬФГАНГА БОРХЕРТА И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЕЕ АРХИТЕКТониКИ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

Индивидуальный стиль художественного произведения всегда проявляется в такой важной текстоформирующей категории как модальность текста. Именно эта категория важна для корреляции намерений автора с восприятием авторского текста, для взаимопонимания между автором и читателем. Поэтому главная задача переводческого посредничества здесь состоит в том, чтобы приблизить понимание и ощущение читателем модальности отдельных ситуаций и всего текста в целом к авторскому замыслу. В художественном тексте модальность охватывает все оттенки речи, в том числе эмоциональную экспрессию, оценку, аффирмативность и негативность суждения и т. д. Цель нашего исследования — определить виды модальности, характерные для идиостиля писателя, языковые средства их репрезентации (архитектонику конкретных ситуаций) и обосновать свои переводческие решения при их передаче. Источником материала исследования стало учебно-практическое пособие *Вольфганг Борхерт в переводе на русский язык. Немецко-русские параллельные тексты*, которое было опубликовано в год столетия со дня рождения известного немецкого поэта и писателя Вольфганга Борхерта (1921 — 1947). Рассказы были написаны в последние два года жизни. Главная особенность стиля автора — поэтическое мировосприятие и публицистическая направленность его прозы. Поэтому в рассказах много экспрессии, игры слов, символики, доминирует деонтическая модальность, т. е. понимаемая в широком смысле модальность побуждения к действию, которая присутствует в ситуациях приказа, призыва, предписания, инструкции, просьбы, рекомендации, разрешения, убеждения, уговаривания и передается в тексте как имплицитно, с помощью интонации, порядка слов, коннотаций, так и эксплицитно — модальными глаголами и глаголами со скрытой семантикой модальности, синтаксическими конструкциями, косвенными речевыми актами, речевыми клише. Кроме того, в текстах рассказов проанализированы ситуации эмоционально-экспрессивной и аффирмативной / негативной модальности. Эмоциональность и экспрессия выражены у Борхерта атрибутивными группами, словообразованием, окказионализмами, подчеркиваются ритмикой и интонацией. Аффирмативность / негативность представле-

ны разнообразными средствами отрицания.

Ключевые слова: художественный перевод; идиостиль; модальность текста; архитектоника модальной ситуации; переводческое решение

1. Введение

В статье рассматриваются основные виды модальности в художественном тексте, характерные для идиостиля конкретного писателя, и делается попытка проанализировать языковые средства их репрезентации. Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что личность автора и индивидуальный стиль художественного произведения всегда проявляется в такой важной категории как модальность текста. Именно эта категория важна для корреляции намерений автора с восприятием авторского текста, для взаимопонимания между автором и читателем.

Модальность (лат. *modalis* 'модальный', *modus* 'мера, способ') определяется как

функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого (ЛЯПОН 1998: 303).

Эта языковая универсалия

является одним из наиболее устоявшихся и в то же время спорных понятий современной лингвистики. Прежде всего это относится к определению понятия модальности (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ & НОВОЖИЛОВА 2003: 73).

В широком смысле слова, модальность — это преломление отрезка действительности через сознание говорящего (ГАК 2000: 144). Коммуникативная направленность его высказывания определяет все виды модальности его речи.

Модальность связывают с обозначением самых разнообразных явлений в языке и речи. Исследователей объединяет только положение о разделении модальности на объективную и субъективную. Все остальные вопросы, связанные с определением модальности и включением в ее сферу, например, таких явлений как логическая модальность суждения, его аффирмативность и негативность, экспрессия и эмоциональность, желательность и возможность, уверенность и неопределенность и пр., вызывают

много споров. Существуют разногласия и по поводу того, нужно ли считать модальным аспектом тип предложения — вопросительное, восклицательное, побудительное и повествовательное (ЗОЛотова 1973: 145). В когнитивистике исследование модальности связывается с исследованием личности говорящего, его мировосприятия и жизненного опыта. Поэтому определение модальности в широком смысле представляется нам самым верным, поскольку эта категория, как сказал еще В. В. Виноградов, «охватывает всю ткань речи» (ВИНОГРАДОВ 1975: 57).

В современных лингвистических исследованиях модальность рассматривается как текстообразующая категория, которая формирует «концептуальную структуру текста». Т. В. Романова, к примеру, выделяет на материале современной мемуарной прозы следующие «доминирующие модальные значения» в текстах этого жанра: интеллектуальную модальность (утверждение / отрицание; неясность / уяснение; неуверенность / убежденность; возможность / невозможность; определенность / неопределенность), диалогическую модальность (возражение / согласие), оценочную модальность: этическую, эстетическую, логическую (истинно / неистинно; сопоставление, соотнесение, противопоставление, подчеркивание, модализированное сравнение), эмоциональную модальность, волюнтивную модальность (желательность — необходимость — долженствование — императивность) (РОМАНОВА 2008: 6-7). Как видим, в зависимости от коммуникативных намерений говорящего или пишущего можно выделить большое количество самых разных видов модальности.

2. Модальность в художественном тексте в аспекте перевода

Модальность в художественном тексте, основная функция которого — эстетическая, среди прочего сближает понимание текста читателем и авторский замысел. Условный мир художественного произведения является своеобразным отражением реального мира через мировоззрение писателя, во многом определяющее его индивидуальный стиль, то есть, характерные черты языкового наполнения его художественной речи.

Художественный перевод — всегда динамичный фактор культурного развития. Переводчик выполняет свою общественную функцию в определенных объективных условиях, которые он

застает уже сложившимися: характер отечественной литературы, степень разработанности родного литературного языка, сила или слабость переводческих традиций, различия в условиях жизни (бытовых, географических, политических), влияющие на восприятие читателя... Талант переводчика позволяет раздвинуть границы возможного, обогатив при этом ресурсы родной литературы и языка (ГОПЕР 2001: 37).

Для перевода любого текста, в особенности художественного, вообще нет заранее определенных «рецептов», потому что одни и те же факторы и параметры текста заставляют одного переводчика долго ломать голову, чтобы понять и передать их, а для другого не составляют никакого труда. Творческие возможности и поведение любого человека невозможно заранее предсказать, а язык как средство человеческого общения довольно сложно разложить на составляющие и до конца исследовать. И такая проблема, как тайна писательского и переводческого творчества, будет существовать вечно.

Несмотря на универсальный характер категории модальности, в художественном тексте она имеет свою специфику, отражая не только его лингвокультурные особенности, но и уникальную личность автора. Поэтому в данном случае было бы лучше заменить понятие эквивалентности перевода как отношения равноценности определенных элементов текста на языке оригинала и текста на языке перевода на понятие адекватности, то есть соответствия полученного перевода оригиналу на основе их функционально-коммуникативных характеристик (NORD 2002: 168), которые мы получаем в результате интерпретации конкретной ситуации и текста в целом. Ведь перевод и есть «интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо иного языка» (ЯКОБСОН 1985: 362).

Как подчеркивают авторы пособия по лингвистике и стилистике текста *Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger*, уникальность каждого литературного текста отмечена особым взаимоотношением литературной языковой нормы с отклонениями от нее (FIX & al. 2003: 50). Поэтому трудности, которые возникают при анализе и интерпретации каждого конкретного художественного текста переводчиком, объективно обусловлены этой уникальностью. Переводчику художественной литературы важно и нужно

знать автора оригинала, его мировоззрение, эстетические взгляды, течение, к которому он относится, его индивидуальный творческий метод, эпоху, которая описывается в его произведении, социум, условия жизни общества, его культуру и многое другое (БАРХУДАРОВ 2008: 35-36). Знание особенностей личности автора, его творчества в целом и наличие у переводчика других фоновых знаний представляется важным в художественном переводе.

3. Идиостиль Вольфганга Борхерта и модальность его произведений

В настоящем исследовании мы попытались проанализировать виды модальности, характерные для идиостиля Вольфганга Борхерта, их языковую репрезентацию (архитектонику конкретных модальных ситуаций) и обосновать свои переводческие решения при передаче модальных оттенков той или иной ситуации. Вольфганг Борхерт (1921 — 1947) — это уникальное явление в немецкоязычной литературе XX века. Он с детства писал талантливые стихи, мечтал о театре и стал артистом, но, не проработав и года, попал в мясорубку национал-социализма и умер в 26 лет от последствий ранения на фронте, тяжелого заболевания, тюремного заключения за критику режима и других потрясений, выдержать которые нормальному человеку было просто невозможно. Свои рассказы он написал за последние два года жизни, будучи уже прикованным к постели. Борхерт словно торопился передать людям те откровения о цене и смысле их существования, которые открылись ему, как послание быть бдительными и не забывать о человеческом достоинстве и истинных ценностях. Публицистичность — главная черта идиостиля Борхерта. Кроме того, поэт Борхерт и в прозе остался поэтом. Поэтому в его текстах много экспрессии, игры слов и символики, понять которую очень сложно: требуется глубокая интерпретация, которая включает

не только проникновение в структуру и смысл оригинала, идиостиль и символику автора, но и выход за пределы художественного произведения, в условное дискурсивное пространство автора и читателя. Нам было важно, чтобы современный читатель почувствовал связь двух миров — эпохи, культурной среды, в которой живет автор текста, и нашего суматошного цифрового века, где кажется, что уже нет места глубоким чувствам и потрясениям (ВОЛЬФГАНГ БОРХЕРТ... 2021: 9-10).

В этом контексте нам представляется, что доминирующей модальностью всех переведенных нами рассказов является *деонтическая* модальность (греч. *deon* ‘надлежащее, необходимое’), а именно понимаемая в широком смысле модальность побуждения к действию. Деонтическая модальность выражается через приказ или призыв в форме императива, предписания, инструкции, просьбы, рекомендации, разрешения, убеждения, уговаривания и т. п. Персуазивность — «мягкая сила» стратегии убеждения в текстах Борхерта, которая

направлена на изменение посткоммуникативного поведения реципиента в ситуации свободного принятия им решения о необходимости / желательности / возможности совершения иницируемых адресантом действий... [иначе говоря, имеет] множество вариантов реализации персуазивного воздействия, направленного на совершение реципиентом иницируемого адресантом посткоммуникативного действия (ГОЛОДНОВ 2011: 5-6).

Деонтическая модальность в тексте выражается как имплицитно, с помощью интонации, взгляда, жеста, порядка слов, тона, использования слов с определенной коннотацией и др., так и эксплицитно. Эксплицитные маркеры деонтической модальности в немецком языке — это модальные глаголы, модальные конструкции *haben / sein + zu + Infinitiv*, синтаксические конструкции условных предложений, косвенные речевые акты, речевые клише и т. д., а также модализирующие глаголы со скрытой семантикой желательности или возможности действия. Эта семантика раскрывается в контексте (т. е. через использование глаголов *wünschen, suchen, betteln, brauchen, träumen, gelingen, wagen, fürchten, sich vorstellen, warten, bekommen* и др.). Кроме того, мы отметили в текстах рассказов много ситуаций эмоционально-экспрессивной и аффирмативной / негативной модальности.

4. Архитектоника ситуаций деонтической, эмоционально-экспрессивной и аффирмативной vs. негативной модальности

Не все тексты, которые Борхерт обозначает как рассказы, можно назвать рассказами: это поэтические эссе и манифесты, страшные в своей правде крики измученной души, в которых удивительным образом сочетаются безысходность и жизнелюбие, юмор и самоирония автора. Стихотворение *Laternentraum*

(«Мечта уличного фонаря»), представленное в самом начале опубликованного нами в 2021 г. сборника избранных рассказов писателя с параллельным русским переводом, отражает все эти черты. Гамбургский фонарь можно назвать символом творчества Борхерта, он появляется во многих его произведениях. Тема смерти, с которой автор «сроднился» за последние шесть лет своей жизни, его не пугает; он касается этой темы почти в каждом своем произведении.

Laternentraum

Wenn ich tot bin,
möchte ich immerhin
so eine Laterne sein,
und die müsste vor deiner Türe sein
und den fahlen
Abend überstrahlen.
Oder am Hafen,
wo die großen Dampfer schlafen
und wo die Mädchen lachen,
würde ich wachen
an einem schmalen schmutzigen Fleet
und dem zublinzeln, der einsam geht.
In einer engen
Gasse möcht ich hängen
Als rote Blechlaterne
Vor einer Taverne —
Und in Gedanken
Und im Nachtwind schwanken
Zu ihren Gesängen.
Oder so eine sein, die ein Kind
Mit großen Augen ansteckt,
wenn es erschreckt entdeckt,
dass es allein ist und weil der Wind
so johlt an den Fensterluken —
und die Träume draußen spuken.
Ja, ich möchte immerhin,
wenn ich tot bin,
so eine Laterne sein,
die nachts ganz allein,
wenn alles schläft auf der Welt,

Мечта уличного фонаря

Если я умру когда,
то хотел бы я тогда
уличным стать фонарем,
с лампой яркою на нем,
у твоих дверей стоять,
тусклый вечер освещать.
Или в гавани дежурить,
где суда давно уснули,
а девчонки веселятся,
и прохожих не боятся,
потому что у протока
я подмигиваю сбоку.
В переулке тесном
я висел бы, с блеском
дверь таверны освещая
и о чем-то все мечтая,
на ночном ветру качаясь
и на песни отзываясь
в доме по соседству.
Или призраков приманкой,
когда вдруг услышат дети,
как ужасно воеет ветер,
и гудит в окно шарманкой,
превращая сновиденья
и в кошмар, и в привиденья
Да, хотел бы я тогда,
если вдруг умру когда,
уличным стать фонарем,
одиноким королем,
охранять свой мир земной

sich mit dem Mond unterhält — и беседовать с лунной —
 natürlich per Du. так, по-дружески, на «ты».

В этом тексте модальность желательности выражена персуазивно, т. е. мягко, ненавязчиво, в первую очередь, модальными глаголами *möchte*, *müsste*, *würde* в конъюнктиве + *Infinitiv*. В нашем переводе они переданы сослагательным наклонением.

Кроме побудительности в стихотворении есть еще два вида модальности, характерные для рассказов Борхерта и разнообразно представленные в его текстах, — модальность эмоциональности и экспрессии (*den fahlen Abend überstrahlen / die großen Dampfer schlafen / dem zublinzeln, der einsam geht*) и модальность аффирмативности / негативности (*Wenn ich tot bin / wenn es erschreckt entdeckt, dass es allein ist und weil der Wind so jöhlt / spuken*).

Все три вида модальности появляются уже в первом рассказе Борхерта *Die Hundeblyume*. Модальностью желательности пронизана вся сюжетная линия. Автор-рассказчик — это, конечно, биографический автор, сам Борхерт. Он впервые попал в тюрьму, ему 22 года, эмоции переполняют его: страх, ужас, отвращение, тоска по жизни, от которой он отделен тюремной стеной. И вдруг во дворе тюрьмы на прогулке по кругу, которая сопровождается «лаем собак-надзирателей», он замечает в грязно-зеленой траве желтый комочек, цветок одуванчика, желтомордика, который кажется ему единственным здесь живым существом.

Хотелось бы отметить средства выражения эмоциональности и экспрессии, а также аффирмативности и негативности в тексте рассказа. Эмоциональность и экспрессия проявляется сразу же в названии этого рассказа. Разговорное, народное, эмоционально окрашенное немецкое название одуванчика *Hundeblyume* встречается намного реже, чем более распространенное *Löwenzahn*. В русском языке тоже есть несколько «народных» названий этого цветка: пушица, желтомордик, пухлянка, молочник и другие. Для нашего перевода мы выбрали «желтомордик»:

- (1) *Ich erkannte eine Blyume, eine gelbe Blyume. Es war ein Löwenzahn — eine kleine gelbe Hundeblyume. 'Я узнал цветок, желтый цветок. Это был желтомордик — маленький желтый цветок одуванчика'.*

Рассказчик очень хочет сорвать его, но так, чтобы никто не заметил, и начинает мечтать о нем, как о встрече со своей воз-

любленной:

- (2) Die Sehnsucht, etwas Lebendiges in der Zelle zu haben, wurde so mächtig in mir, dass die Blume, die schüchterne kleine Hundebblume, für mich bald den Wert eines Menschen, einer heimlichen Geliebten bekam: Ich konnte nicht mehr ohne sie leben — da oben zwischen den toten Wänden! ‘Тоска по чему-то живому в камере была так велика, что я скоро стал относиться к этому цветку, робкому, маленькому желтомордику, как к человеку, как к некой тайной возлюбленной. Я больше не мог без нее жить — там, в камере наверху, среди мертвых стен!’

В конце концов, после целого ряда событий, смешных и не очень приятных, во время прогулки ему удастся сорвать цветок:

- (3) Die kleine Hundebblume war noch ganz mein Eigentum. ‘Маленький желтомордик был только моей собственностью’.

Когда он называет цветок одуванчика своей возлюбленной, мы тоже «очеловечиваем» его и склоняем слово как одушевленное существительное (meine Geliebte, meine Hundebblume ‘свою возлюбленную, своего желтомордика’). Когда он просто говорит, что это «маленький желтый цветок», то склоняем как неодушевленное понятие:

- (4) ...hält mit seinen vereinsamten Händen eine kleine gelbe Blume in den schmalen Lichtstrahl — eine ganz gewöhnliche Hundebblume. ‘...и держит в своих ладонях в узком лучике проникающего сюда света маленький желтый цветок — совсем обычный желтомордик’.

Потом молодой человек всю ночь не может заснуть, сидит перед кружкой с водой, в которую он поставил цветок, вдыхает его запах и ощущает себя таким же цветком, прорастающим из земли. Цветок дает ему надежду. Желтомордик звучит, на первый взгляд, грубовато, но и очень нежно, суффикс -ик уменьшительно-ласкательный собирательный в русском языке. Так могут назвать только очень близкого человека, и мужчину, и женщину. В конце автор представляет себя со стороны («Я» становится «Он») и называет еще два цветка — анемону и аквилегию. Мы решили поискать их «народные» синонимы в русском языке, чтобы было больше эмоциональной гармонии в тексте перевода с желтомордиком:

- (5) Die ganze Nacht umspannten seine glücklichen Hände das vertraute Blech seines Trinkbechers, und er fühlte im Schlaf, wie sie Erde auf

ihn häuften, dunkle, gute Erde, und wie er sich der Erde angewöhnte und wurde wie sie — und wie aus ihm Blumen brachen: Anemonen, Akelei und Löwenzahn — winzige, unscheinbare Sonnen. ‘Всю ночь его счастливые ладони держали ставшую родной жестяную кружку, и во сне он чувствовал, как они забрасывали его землей, темной, хорошей землей, и как он привыкал к этой земле и становился как она, и как из него вырастали цветы: ветреница, водосбор* и желтомордик — маленькие неказистые солнышки’.

Здесь мы дали комментарий: ветреница и водосбор* — цветы семейства лютиковых (другие названия этих цветов: анемона и аквилегия).

Эмоциональность и экспрессия выражены у Борхерта чаще всего атрибутивными группами, метафорой и другими образными средствами, например, сравнениями, словообразованием, окказионализмами, подчеркиваются ритмикой и интонацией. Мы старались везде сохранить прагматику этой модальности.

Атрибутивные группы:

- (6) Das ist verdammt wenig. ‘Этого дьявольски мало’; die eingebildete Tür ‘эта вообразила-дверь’.
- (7) Er war so gelöst und glücklich, dass er alles abtat und abstreifte, was ihn belastete: die Gefangenschaft, das Alleinsein, den Hunger nach Liebe, die Hilflosigkeit seiner zweiundzwanzig Jahre, die Gegenwart und die Zukunft, die Welt und das Christentum — ja, auch das! ‘Напряжение прошло, и он был счастлив, что сделал это и сбросил то, что давило на него: тюрьма, одиночество, любовный голод, беспомощность своих двадцати двух лет, настоящее и будущее, мир и христианство — да, и это тоже!’

Метафора, образность:

- (8) Die Tage tropften schnell und regelmäßig von mir ab. ‘Дни стекали с меня как частые дождевые капли’; ...von den blassen, blauen Uniformen mürbe gebellt. ‘...облаиваемый измотанными синими, линиялыми униформами’.
- (9) Aber zäh ist sie, diese Perücke — sie kann schon aus Bosheit allein nicht abtreten, weil sie ahnt, dass ich, ihr Hintermann, sie hasse. ‘Но он упорный, этот парик, уже по злобности своей он не сдастся, потому что чувствует, что я, тот, кто сзади, его ненавижу’.
- (10) Er pustete die Würde der blauen Uniformen auf zu einem Luftballon von ungeahnten Dimensionen, von denen die Träger selbst keine

Ahnung hatten. 'Он надувал воздушный шар гордыни синих униформистов до таких необъятных размеров, каких они сами не могли себе представить'.

- (11) Immer wenn der Theologe einen der Wachthunde passierte, die breitbeinig stehend ihre Macht zum Ausdruck brachten und, sooft es ging, bissig auf uns losfuhren... Seine unmenschlich langen Gliedmaßen ruderten sinnlos durcheinander. 'Каждый раз, когда теолог проходил мимо одного из этих сторожевых псов, с широко расставленными ногами, воплощавшими власть и готовыми при случае укусить нас... Его нечеловечески длинные части тела бессмысленно гребли куда попало'.

Сравнения:

- (12) ...die Zelle ist leer wie eine Apfelsinenschale. Die Zellentür war so zu wie eine Nuss. '...камера пуста, как апельсиновая корка. Дверь камеры была замурована, как орех'.
- (13) Da explodierte ein Bellen um uns und auf uns zu — ein heiseres Bellen von blauen Hunden mit Lederriemen um den Bauch. Die hielten uns in Bewegung und waren selbst dauernd in Bewegung und bellten uns voll Angst. Aber wenn man genug Angst in sich hatte und ruhiger wurde, erkannte man, dass es Menschen waren in blauen, blassen Uniformen. 'И вдруг вокруг нас взорвался направленный на нас лай — хриплый лай синих собак с кожаными ремнями вокруг живота. Они заставляли нас двигаться и сами постоянно двигались и лаяли на нас из страха. Но когда ты достаточно наполняешься страхом и становишься спокойнее, то видишь, что это просто люди в синей, линиялой спецодежде'.
- (14) ...dass der Hass wie Sekt in dir aufschäumt. '...что ненависть начинает пениться там как шампанское'.
- (15) ...in dieser Sekunde verlief mein Hass wie eine Welle am Strand, und es blieb nichts als ein Gefühl der Leere. '...моя ненависть ушла, как волна в песок, и не осталось ничего, кроме ощущения пустоты'.
- (16) Eine Latte war aus dem Zaun gebrochen — der Tod war haarscharf an mir vorbeigepiffen. 'Выломали одну планку из забора — смерть просвистела на волосок от меня'.
- (17) Er empfand ihre keusche Kühle wie die Stimme des Vaters, den er nie sonderlich beachtet hatte und der nun soviel Trost war mit seiner Stille — er empfand sie wie die helle Schulter einer dunklen Frau. 'Он ощущал его чистую прохладу, как голос своего отца, на который он обычно не обращал особого внимания, и который те-

перь давал ему тихое утешение — он ощущал его как светлое плечо женщины в темноте’.

Словообразование, эмоционально окрашенные окказионализмы:

- (18) ...mit eingeknickten Knien in der Melodie eines Melodramas vor dir hergeht. ‘...идет перед тобой на полусогнутых в ритме мелодрамы’.
- (19) Wir waren siebenundsiebzig Mann in der Manege, und eine Meute von zwölf uniformierten Revolverträgern umkläffte uns. ‘Нас было на манеже семьдесят семь человек, и свора из двенадцати униформистов с револьверами тьякала вокруг нас’.
- (20) So hasste ich die Perücke, einen Kerl, dessen Visage ich nie gesehen hatte. ‘Вот так я ненавидел парика, этого кренделя, чью рожу я никогда не видел’.

Персонификация:

- (21) Da trudelte der Mond über die Dächer und leuchtete die Wände ab. ‘Вот над крышами выкатилась луна и осветила стены’.
- (22) Als die Sonne ihre Finger von dem Fenstergitter nahm und die Nacht aus den Ecken kroch, trat etwas aus dem Dunkel auf mich zu — und ich dachte, es wäre Gott. ‘Когда солнце убрало свои пальцы от оконной решетки, и из углов камеры поползла ночь, что-то вышло из темноты на меня — и я подумал: вот он Бог’.
- (23) Die Wände waren so kalt und tot, dass ich krank wurde vor Verzweiflung und Hoffnungslosigkeit. ‘Стены были такими холодными и мертвыми, что я заболел от отчаяния и безнадежности’.
- (24) Aber was war das? Eine Latte döste ja gar nicht! Sie war hellwach und wechselte vor Aufregung alle paar Meter die Gangart. Merkte das denn kein Mensch? Nein. Und plötzlich bückte sich die Latte 432, fummelte an ihrem runtergerutschten Strumpf herum und — fuhr dazwischen blitzschnell mit der einen Hand auf eine erschrockene kleine Blume zu, riss sie ab — und schon klöppelten wieder siebenundsiebzig Latten in gewohntem Schlendrian in die letzte Runde. ‘Но что это было? Одна планка и не дремала! Она была очень даже бодрa и от волнения каждую пару метров меняла походку. Неужели это никто не замечал? Нет. И вдруг планка 432 наклонилась, начала поправлять спутившийся носок и — быстро протянула руку к маленькому, испуганному цветку, сорвала его — и вот уже снова семьдесят семь планок отстукивают башмаками обычную рутину последнего круга’.

Ритмика, интонация, аллитерация — поэтические приемы:

- (25) Wenn die blauen Uniformen mit dem Bellen im Gesicht nicht gewesen wären, hätte man bis in die Ewigkeit so trotten können — ohne Vergangenheit, ohne Zukunft: Ganz genießende Gegenwart: Atmen, Sehen, Gehen! 'Если бы не было синей лающей униформы, то можно было бы бесконечно вот так плестись — без прошлого, без будущего, только наслаждаясь настоящим: дышать, смотреть, идти!'

Повторы:

- (26) Und nun ist die Tür hinter mir zugeschoben, ja, geschoben, denn es ist eine unwahrscheinlich dicke Tür, die man nicht zuschlagen kann. 'И вот дверь за мной задвинута, да, задвинута, потому что это невероятно толстая дверь, которую так просто не закроешь'.

Аффирмативность / негативность представлены негативно окрашенной лексикой и средствами отрицания:

- (27) Tür... lässt sich auf *nichts* ein, und die inbrünstigen Gebete *rühren sie nicht*. 'Это придает ей (двери) гордый и неприступный вид, ее ничем не соблазнить, и никакие пылкие молитвы ее не трогают'.
- (28) Ich *kann nicht* sagen, dass es unbedingt furchtbar ist. 'Я не могу сказать, что это так уж ужасно'.
- (29) Und das ist das *Entwürdigendste*: Ganz *ohne* die Möglichkeit zu einer Tat zu sein. *Keine* Flasche zum Trinken oder zum Zerschmettern zu haben, *kein* Handtuch zum Aufhängen, *kein* Messer zum Ausbrechen oder zum Aderdurchschneiden, *keine* Feder zum Schreiben — *nichts* zu haben — als sich selbst. 'И это самое унижительное — *не* иметь возможности что-то сделать. *Нет* бутылки, чтобы выпить или разбить ее, *нет* полотенца, чтобы повеситься, *нет* ножа, чтобы вырваться отсюда или перерезать себе вены, *нет* ручки, чтобы писать — ничего *нет*, кроме себя самого'.
- (30) Genug. Schluss. Ich will *nie* wieder von ihr reden, *nie!* 'Хватит. Basta. *Никогда* больше *не* буду говорить о нем, *никогда!*'

5. Заключение

В художественном тексте модальность охватывает все оттенки речи, в том числе побудительность, эмоциональную экспрессию, аффирмативность и негативность суждения. В рассказах Борхерта эти виды модальности доминируют; языковые средства их реализации присутствуют на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и общетекстовом.

Главной задачей переводческого посредничества будет в данном случае не поиск равноуровневых эквивалентов, а создание в тексте перевода максимально адекватных модальных ситуаций, чтобы приблизить понимание и ощущение читателем оттенков этих ситуаций и всего текста в целом к авторскому замыслу.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2008. [Barkhudarov, Leonid S. (2008) *Yazyk i perevod: Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* (Issues of General and Particular Theory of Translation). Moscow: LKI. (In Russian)].
- Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 53—87. [Vinogradov, Viktor V. (1975) O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke (About the Category of Modality and Modal Words in the Russian Language. In: Vinogradov, Viktor V. *Izbrannyye trudy* (Selected Works). Moscow: Nauka, 53—87. (In Russian)].
- Вольфганг Борхерт в переводе на русский язык. Параллельные тексты: учебно-практическое пособие (= Wolfgang Borchert in russischer Übersetzung). Deutsch-russische Paralleltexzte / сост. и пер. с нем. яз. С. И. Горбачевская и Т. А. Меркиш. М.: Наука, 2021. [Gorbachevskaya, Svetlana I. & Merkish, Tatiana A. (2021) *Volfgang Borkhert v perevode na russkiy yazyk. Parallelnyye teksty* (Wolfgang Borchert Translated into Russian). Moscow: Nauka. (In Russian and German)].
- Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. [Gak, Vladimir G. (2000) *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* (Theoretical Grammar of the French Language) Moscow: Dobrosvet. (In Russian)].
- Голоднов А. В.* Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом медиадискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. СПб.: Российский гос. педагогический ун-т им. А. И. Герцена, 2011. [Golodnov, Anton V. (2011) *Persuazivnost' kak universalnaya strategiya tekstoobrasovaniya v ritoricheskom mediadiskurse (na materiale nemetskogo yasyka)* (Persuasion as a Universal Strategy of Text Formation in the Rhetorical Meta-discourse (exemplified by the German Language)). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russian)].
- Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В.* Теория немецкого языкознания. М.: Академия, 2003. [Zelenetskiy, Aleksandr L. & Novozhilova, Olga V.

- (2003) *Teoriya nemetskogo yazykoznaniya* (Theory of German Linguistics). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. [Zolotova, Galina A. (1973) *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yasyka* (An Essay on the Functional Syntax of the Russian Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Ляпон М. В. Модальность // «Языкознание» (БЭС) / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 303—304. [Lyapon, Maya V. (1998) *Modal'nost' (Modality)*. In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* (Big Encyclopedic Dictionary). Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 303—304. (In Russian)].
- Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2008. [Romanova, Tatyana V. (2008) *Modal'nost'. Otsenka. Emotsional'nost'* (Modality. Evaluation. Emotionality). Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2001. [Toper, Pavel M. (2001) *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya* (Translation in the System of Comparative Literary Study). Moscow: Naslediye. (In Russian)].
- Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. [Jakobson, Roman. (1985) *Izbrannyye raboty* (Selected works). (In Russian)].
- Fix, Ulla; Poethe, Hannelore & Yos, Gabriele. (2003) *Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger. Ein Lehr- und Arbeitsbuch*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Nord, Christiane. (2002) *Fertigkeit Übersetzen. Ein Selbstlernkurs zum Übersetzenlernen und Übersetzenlehren*. San Vicente: Editorial Club Universitario.

Svetlana I. Gorbachevskaya
Lomonosov Moscow State University

The Modality of Wolfgang Borchert's Short Stories and the Ways of Transferring its Architectonics in Russian Translation

The individual style of a fiction text is always revealed in such an important text-forming category as text modality. It is this category that is important for the correlation between the author's intentions and the perception of the author's text, for mutual understanding between the author and the reader. Therefore, the main goal of translation mediation is to approximate the reader's understanding and perception of the modality of certain situations and the text as a whole to the author's intention. In a fiction text, modality encompasses all shades of speech, including emotional expression, evaluation, affirmative and negative judgment, etc. The aim

of our research is to identify the types of modality characteristic of the writer's idiosyncrasy and the linguistic means of its representation (situation-specific architectonics) and to substantiate our translation solutions to translate them. The source material for this study is the textbook *Wolfgang Borchert translated into Russian. The German-Russian Parallel Texts*, which was published in the year of the centenary of the birth of the famous German poet and author Wolfgang Borchert (1921 — 1947). The stories were written in the last two years of his life. The poetic world view and the journalistic thrust of the author's prose are the main features of his style. There are a lot of expressions, play on words, symbolism, and the plot is dominated by the deontic modality, which is understood in the broad sense of the word. The modality of inducement to action, which is present in the situations of order, appeal, instruction, instruction, request, recommendation, permission, persuasion, persuasion, and is implicitly conveyed by means of intonation, word order, connotations as well as explicitly by means of modal verbs and verbs with the implied semantics of modality, syntactic constructions, indirect speech acts, and by means of speech clichés. Besides, the situations of emotionally-expressive and affirmative-negative modality are analysed in the texts of the stories. In Borchert, emotionality and expression are expressed in attributive groups, word-formation, occasional words and are underlined by rhythm and intonation. Affirmativity / negativity is represented by various means of negation.

Keywords: literary translation; individual style; text modality; modal situation architectonics; translation solutions

Для цитирования:

Горбачевская С. И. Модальность рассказов Вольфганга Борхерта и способы передачи ее архитектоники в русском переводе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 479—494. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-479-494.

To cite this Article:

Gorbachevskaya, Svetlana I. (2023) Modal'nost' rasskazov Vol'fganga Borkherta i sposoby peredachi yeyo arkhitektoniki v russkom perevode (The Modality of Wolfgang Borchert's Short Stories and the Ways of Transferring its Architectonics in Russian Translation). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 479—494. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-479-494.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; принята к публикации 23.03.2023

The article was submitted 02.03.2023; accepted for publication 23.03.2023

Е. Б. Яковенко
Институт языкознания РАН

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТРУДАХ НОТКЕРА НЕМЕЦКОГО

В исследовании, посвященном 1000-летию кончины Ноткера Немецкого (ок. 950 — 28 июня 1022), главы Санкт-Галленской научной школы, переводчика, автора многих работ на латыни и древневерхненемецком, исследуются стратегии, применяемые ученым в его переводных трудах, а также созданные им эквиваленты латинских терминов в областях философии, логики, риторики и грамматики. В частности, перевод трактата Аристотеля *Об истолковании* и псалмы демонстрируют принципы буквального, а иногда и подстрочного, перевода со вставками на двух языках. Латинские вставки, представляющие собой отсылки к оригинальному тексту, являются образцами внутрифразового и сверхфразового кодового переключения. Вставки на древневерхненемецком, выполняющие функцию комментариев, придают переводу расширенный характер. Тексты Ноткера рассматриваются на широком фоне учебных и научных текстов на древнегерманских языках того же периода (*St. Galler Schularbeit, Grammatica* Эльфрика, *Enchiridion, Manual* Бюрхтферта, Третий исландский грамматический трактат) и проявляют такие черты переводной научной и религиозной прозы того времени, как слабая дифференциация собственно научного изложения и интерпретации фактов, вольное обращение с первоисточником, трансформирование объема исходного текста в большую или меньшую сторону, использование средств, позволяющих передать мысль оригинала наиболее доступными читателю средствами, то есть domestикация перевода. При этом в переводах Ноткера наблюдается, по сравнению с подобными древнеанглийскими и древнеисландскими текстами, более сложное смешение латинских и исконных элементов, преобладание латыни как метаязыка изложения, широкое использование латинских вставок. Эти черты, составляющие специфику стиля Ноткера, проявляются в большей степени в его переводах философских трудов и в меньшей степени — в его переводе псалмов. Значимость переводческой деятельности Ноткера заключается в сохранении латинского научного наследия и передаче его приемлемыми для читателя средствами, использовании грамматических инноваций и словообразовательного потенциала немецкого языка конца древнего периода, закладывании основ

немецкой научной прозы.

Ключевые слова: Санкт-Галленская научная школа; Ноткер; древневерхненемецкая научная проза; доместикация перевода; терминообразование; калькирование

1. Введение

В 2022 г. исполнилось 1000 лет с момента кончины Ноткера Немецкого, (ок. 950 — 28 июня 1022), выдающегося ученого Средневековья, монаха Санкт-Галленского монастыря, педагога, переводчика, автора многочисленных научных трудов.

Ноткер Немецкий, или Губастый (Labeo), выходец из знатной семьи, был приведен в Санкт-Галленский монастырь в юном возрасте, получил там образование и оставался там до конца жизни, став со временем во главе монастырской школы. Ноткер вошел в историю как богослов, переводчик трудов Аристотеля и Боэция, отдельных книг Библии, автор самостоятельных и компилятивных произведений в разных областях научного знания. Перу Ноткера принадлежит обширный ряд работ на латыни и древневерхненемецком по дисциплинам тривиума и квадриума, составлявшим, в соответствии со списком, разработанным еще в Античности и принятым в средневековой Европе, семь наук, или «свободных искусств».

Хотя часть трудов Ноткера утрачена, объем его научного наследия огромен. До наших дней дошли: перевод трактата Боэция *De consolazione philosophiae* (*Утешение философии*, перевод латинской версии *Kamegorij* Аристотеля и его трактата *De interpretatione* (также не оригинального текста, а его латинской обработки), оригинальные сочинения *De partibus logicae* (*О частях логики*) и *De syllogismis* (*О силлогизмах*) (последний трактат представляет собой смешение латыни и древневерхненемецкого), трактат по грамматике *Quomodo VII circumstantie rerum in legendo ordinande sint* (*Каким образом следует полагать семь условий при чтении*), трактат *De arte rhetorica* (*Об искусстве риторики*), трактат *De musica* (*О музыке*), *Computus* (*Исчисление*), а также его переводы Псалтыри, Песни песен, сочинения Марциана Капеллы *Бракосочетание Филологии и Меркурия*.

Труды Ноткера хранятся в настоящее время не только в Санкт-Галлене, но и в библиотеках Мюнхена, Цюриха, Вены.

Издаваясь по отдельности на протяжении XVIII — XIX вв., работы Ноткера впервые вышли трехтомным собранием в конце XIX в. (*Die Schriften Notkers*, 1883), а в начале XXI в. издательством De Gruyter было представлено новое издание трудов Ноткера в более чем 10 томах.

Данная работа, охватывающая небольшую часть научного наследия Ноткера, а именно его переводы философских сочинений и отдельных книг Библии (*Об истолковании* Аристотеля и псалмов), преследует цель рассмотреть переводческие стратегии и терминообразование в трудах ученого и определить, в какой мере подход Ноткера к иноязычному тексту вписывается в рамки средневекового перевода. Поскольку выявление переводческой и терминологической специфики работ Ноткера требует обращения к аналогичным текстам других авторов, к анализу привлекаются переводы и сочинения компилятивного характера на древнеанглийском и древнеисландском языках (*Grammatica* Эльфрика, *Manual* Бюрхтферта, Третий грамматический трактат). Предполагается, что тексты Ноткера, занимающие промежуточное положение между свободным переводом и текстом-комментарием, должны демонстрировать лексические и синтаксические отступления от оригинала, а использование в них терминологии определяется особенностями содержания и жанра.

2. Исторический и культурный фон научного творчества Ноткера

X в. — начало XI в., вошедшие в историю как эпоха клюнийских реформ, были отмечены всплеском науки и литературы в Западной Европе. Культурный подъем был обусловлен главным образом церковными преобразованиями: реформа, охватившая бенедиктинские монастыри, укрепила их и превратила их в центры научной мысли, что позволило в тот период и впоследствии сохранить латинское наследие и умножить его. В этот период в Европе возник ряд научных трудов, написанных на латыни и принадлежащих различным областям знания: богословию, философии, логике, грамматике, естествознанию, медицине. Но, поскольку латынь оставалась преимущественно достоянием образованных церковных кругов, распространение научного знания так или иначе выходило за ее рамки, приводя к созданию переводов

уже имеющихся латинских текстов или написанию аналогичных трудов на формирующихся европейских языках. Таким образом, к концу раннего Средневековья подъем латыни (что было одним из требований клюнийских реформ) стал одновременно и подъемом местных языков, нашедшим отражение в развитии письменной культуры, становлении научного стиля, обусловил расширение и усложнение лексических систем этих языков.

В германском мире этот процесс связан в первую очередь с именами Ноткера Немецкого (герцогство Швабия), Видукинда Корвейского (Саксония), Эльфрика и Бюрхтферта (Англия) и других ученых. Применяемое иногда к данному периоду название «оттонийское возрождение», ассоциируемое с деятельностью императора Оттона I (912 — 973), правомерно лишь в отношении германских государств, входивших в состав Священной Римской империи. Культурный подъем в Англии был в большей степени следствием бенедиктинской реформы, также выросшей из клюнийских реформ.

В ряду вышеназванных имен имя Ноткера Немецкого, безусловно, должно стоять первым. Успешно работая в разных областях знания и создавая труды как на латыни, так и на древневерхненемецком, Ноткер проявил себя не только как ученый, комментатор и переводчик, но и как педагог, целью которого было как можно более глубокое освоение «семи наук» в рамках школьного обучения. Будучи осуществляемо почти исключительно на латинском языке, оно создавало определенные трудности для учащихся. Хотя изучение латыни в Санкт-Галлене было поставлено на высоком уровне (о чем говорит, в частности, тот факт, что отдельные латинские тексты, написанные разными авторами, в том числе и Ноткером, использовались в школе без перевода), потребность в обращении к родному языку все же была. Оригинальные и компилятивные произведения, созданные Ноткером на древневерхненемецком, и его переводы с латыни должны были оказать помощь ученикам школы в освоении латинского наследия. Н. А. Ганина совершенно права, называя эти тексты учебными (ГАНИНА 2015), однако их значимость не ограничивается использованием в учебной практике. Переводы и оригинальные произведения Ноткера, написанные на древне-

верхненемецком, отражают состояние научной мысли того времени и представляют большую ценность как образцы языка рубежа X — XI вв., с одной стороны, испытывающего, влияние латыни, с другой стороны, развивающегося в соответствии со своими внутренними законами.

3. Переводы Ноткера и методы их исследования

В современной германистике, преимущественно зарубежной, древневерхненемецкие тексты Ноткера являются предметом научного интереса. Обширная библиография научных работ, посвященных Ноткеру, составленная Э. Шерабон-Фирхов (SCHERABON-FIRSCHOW 2000), включает более 700 наименований, начиная с XVIII в. Их общий перечень пополнился еще несколькими исследованиями, вышедшими в последние десятилетия, в том числе новым критическим изданием ноткеровского перевода Боэция, включающим конкордансы к латинскому и древневерхненемецкому текстам (CP 2003), что говорит о неослабевающем интересе к наследию ученого. В работах А. Гротанс (GROTANS 2006), С. Зондереггера (SONDEREGGER 1987, 2003), К. Хеле (HENLE 2002), М. А. Котина (КОТИН 2021) поднимаются проблемы организации монастырского обучения в Санкт-Галлене, лексико-грамматического оформления ноткеровских текстов, применяемых им способов глоссирования и цитирования, корреляции оригинального текста и перевода, кодового переключения и др. Однако, насколько нам известно, тексты Ноткера еще не рассматривались в более широком контексте переводов с латыни на древнегерманские языки, и мы надеемся положить данной работой начало такому интересному направлению германистических исследований, как контрастивное изучение древнегерманской переводной научной прозы.

Особый интерес для данного исследования представляет выполненный Ноткером перевод трактата Аристотеля *De Interpretatione (Об истолковании)*. Ноткер работал не непосредственно с древнегреческим сочинением, а с его латинской версией, выполненной Боэцием. Структура латинского и древневерхненемецкого текстов различаются: в то время как латинский текст, следуя греческому оригиналу, состоит из 12 книг, перевод Ноткера раздроблен на большое количество мелких фрагментов (их

в общей сложности 94). Подход Ноткера к иноязычному тексту может быть продемонстрирован на примере трех отрывков из его перевода трактата *Об истолковании*.*

- (1) Aristotiles scréib Cathégorias, chúnt ze tûonne, uuáz éinlúzzíu uuórt pezéichenên; nú uuile er sámo chúnt ketûon in Periermeniis, uuáz zesámíne gelégetíu bezéichenên, an díen *verum* únde *falsum* vernómen uuírdet, tíu latíne héizent *proloquia*. Án díen áber neuuéder vernómen neuuírdet, tíu *eloquia* héizent, téro versuîgêt er án dísemo búoche. Uuánda óuh *proloquia* geskéiden sínt — únde éínú héizent *simplicia*, dâr éin *verbum* íst, ut “homo vivit”, ánderíu *duplicia*, dâr zuéi *verba* sínt, ut “homo si vivit spirat” — sô lêret er híer *simplicia*; in *topicis* lêret er *duplicia*. Fóne *simplicibus* uuérdent *prædicativi syllogismi*; fóne *duplicibus* uuérdent *conditionales syllogismi*. Nâh *perierminiis* sól man lésen *prima analitica*, târ er béidero *syllogismorum* geméina *regula syllogisticam* héizet; tára nâh sól man lésen *secunda analitica*, târ er súnderígo lêret *prædicativos syllogismos*, tíe er héizet *apodicticam*; ze iúngest sól man lésen *topica*, án díen ér óuh súnderígo lêret *conditionales*, tíe er héizet *dialecticam*. Tíu partes héizent sáment *logica* (SN 1882: 499).

Аристотель написал *Категорию*, чтобы дать понять, что обозначают отдельные слова, а теперь он хочет объяснить в *Об истолковании*, что обозначают составные наименования, из которых понимается истинное и ложное и которые называются по-латински посылками. Те же, которые не относятся ни к тому ни к другому и называются высказываниями, он опускает в своей книге.

Различаются также посылки, и хотя одни называются простыми, где есть только один глагол, как, например, «человек живет», а другие — двойными, где два глагола, как, например, «человек дышит, если живет», здесь он учит, что они являются простыми, а в *Топике* он учит, что они являются составными.

Из простых [посылок] строятся предикативные силлогизмы, из двойных — условные силлогизмы. После *Об истолковании* следует читать *Первую аналитику*, где он называет общее правило обоих [видов] силлогизмов силлогистикой; затем следует читать *Вторую аналитику*, где он отдельно учит о предикативных силлогизмах, которые он называет аподиктикой; в последнюю очередь следует читать *Логик*у, где он также отдельно учит об условных

* Курсив для латинских вставок и подстрочный перевод текстов Ноткера, а также переводы других древнегерманских авторов здесь и далее наши — Е. Я.

[силлогизмах], которые он называет диалектикой. Три части называются вместе логикой.

Данный отрывок, охватывающий почти целиком предисловие к переводу трактата *Об истолковании*, представляет прекрасный образец кодового переключения. Текст написан фактически на двух языках, но его структура соответствует тенденциям позднедревневерхненемецкого синтаксиса с тяготением глагольного сказуемого ко второй позиции в простых повествовательных предложениях и последней позиции в придаточных (о порядке слов в древневерхненемецком см., например, в [Филичева 2003: 94-95]). Обилие латинских элементов позволяет предположить, что обращающийся к переводу должен быть знаком не только с общими принципами аристотелевской *Логики*, но и по крайней мере с основами латинской грамматики. Латинские термины вводятся Ноткером в текст без перевода и поясняются также латинскими терминами, так что метаязыком предисловия выступает почти исключительно латынь. Очень важно, что иноязычные элементы стоят в тексте в грамматических формах, подсказанных строем древневерхненемецкого языка и, в частности, свойственным ему падежным управлением (например, *sylogisticam* — Acc. Sing., *eloquia, proloquia, simplicia, duplicia* — Acc. Pl., *simplicibus, duplicibus* — Dat./Abl. Pl. (латинский контекст потребовал бы аблатива, но немецкий требует датива. Противоречие снимается, поскольку у латинских существительных третьего склонения окончания обеих падежей совпадают). В целом, в соответствии с классификацией Ш. Поплак (POPLAK 1980), эти ставки могут быть рассмотрены как пример внутрифразового кодового переключения.

- (2) *Sunt ergo ea quæ sunt in voce (id est ipsæ voces) earum quæ sunt in anima passionum (id est conceptionum) notæ, et ea quæ scribuntur (i. litteræ) eorum quæ sunt in voce (i. vocum). <...> Tie sêlben gedâncha tûont tero sêlo ételîcha dôlunga, sô sie conceptæ uuêrdent in anima. Pe dûu héizet er sie passiones animæ.*
Et quemadmodum nec literæ omnibus eadem, sic nec eadem voces. Únde álso állero líuto scrífte nîeht kelîh nesínt, tána mêr nesínt íro sprâchâ.
 <...> *Íz chît: Eadem passiones animæ sunt omnibus gentibus, quarum primarum (s. passionum) hæ voces notæ sunt. Állên líuten sínt tie vóregedâncha gelîh, téro zéichen die voces sínt (SN 1882: 500).*

Также те [вещи], которые находятся в звуке (то есть сами звуки), суть знаки впечатлений души, или понятий. <...>, и то, что написано (то есть буквы) суть знаки того, есть в звуке (то есть самих звуков). Эти мысли побуждают душу к определенным переживаниям, когда они отпечатываются в душе. Поэтому он их называет впечатлениями души.

И поскольку буквы у всех не одни и те же, так и звуки [у всех не одни и те же]. И поскольку у всех людей письма не одинаковы, так и языки их не одинаковы.

Это называется так: у всех народов есть одни и те же впечатления души, которые в первую очередь являются знаками впечатлений этих звуков. У всех людей одинаковы исходящие мысли, знаками которых являются звуки.

Данный фрагмент, взятый из первой книги трактата *Об истолковании*, отличается еще более сложным взаимодействием элементов двух языков. Здесь преобладает фразовое переключение: за приведенным на латинском языке предложением следует его древневерхненемецкий перевод. Введенные в текст отдельные латинские термины (*passiones animæ, voces*) используются без перевода или сопровождаются пояснениями также на латинском языке, как и в примере (1). Древневерхненемецкая терминология как таковая отсутствует, хотя можно говорить о терминологическом употреблении слова *zéichen* 'знак'. Рассуждая вслед за Аристотелем и Боэцием об универсальности понятий и произвольности языковых знаков, ученый подготавливает читателя к восприятию более сложного материала, касающегося видов суждений и логических операций.

- (3) *Uerbum autem est. quod consignificat tempus. Uerbum ist. táz sáment actio-
ne. álde sáment passione. presens álde preteritum álde futurum tempus
pezéichenet. Cuius pars nihil extra significat. Tés pars nieht túrh síh ne-
bezéichenet. Dico autem quoniam consignificat tempus. I'h chido iz tempus
pezéichenne mit ánderro bezéichennissedo* (SN 1882: 504-505).

Глагол — это то, что [также] обозначает время. Глагол — это то, что обозначает действие или чувство, [он] обозначает настоящее, прошедшее или будущее время. Никакая часть его не обозначает что-либо еще. Никакая часть его не обозначает чего-либо сама по себе. Говорю, что он обозначает время. Говорю, что он обозначает время совместно с другим знаком (букв. «сообозначает»).

Последний отрывок лингвистически наиболее интересен, хотя в нем демонстрируются те же виды кодового переключения, которые наблюдались и в первых двух примерах — внутрифразовое и фразовое переключение. Прежде всего, здесь вводится определение глагола, причем его древневерхненемецкая версия оказывается шире латинской. Указывая, что глагол может выражать не только действие, но и чувство, Ноткер дает тем самым отсылку к залоговым различиям. Важно, что названия временных форм приводятся Ноткером без перевода, так как ученый не ставит перед собой задачу разработки грамматической терминологии.

Таким образом, используя разнообразные средства, Ноткер преподносит читателю научную мысль сразу на двух языках. При этом, снабженный комментариями на латинском языке и латинскими вставками без перевода, текст не всегда становится проще; напротив, он усложняется и содержательно, и структурно. Эта особенность ноткеровского стиля становится еще более ощутимой в сопоставлении текстов ученого с аналогичными произведениями научной прозы, созданными на германских языках в тот же или более поздний период; см. пример (3).

Ноткер применяет те же приемы и к псалмам, перевод которых приобретает у него расширенный, по сравнению с Вульгатой, характер. Почти каждый псалом сопровождается у Ноткера подробным толкованием на древневерхненемецком. Количество латинских вставок оказывается здесь меньшим, что совершенно оправданно с учетом того, что эти тексты предназначены для более широкой аудитории, не обязательно владеющей латынью. Корреляцию латинского и древневерхненемецкого материала можно наблюдать, например, в Ps 2:5 — 6:

- (4) loquetur ad eos in ira sua. et in furore suo conturbauit eos. Danne spriehet er in zuo mit zorna. unde mit heizmuoti ketruobet er sie in dero urteili. so daz lon dero sundigono ist (SN 1883: 5).

Тогда скажет им во гневе Своем и яростью Своею приведет их в смятение (Русский Синодальный перевод (далее — РСП): Пс 2: 5). Тогда скажет он им с гневом. И яростью смутит он их в их суждении, так что награда [которую они получают], греховна.

- (5) Ego autem constitutus sum rex ab eo super sion montem sanctum eius, predicans preceptum eius. Ih pin auer fone minemo uater iro undanches ze chunige kesezzet. uber sinen heiligun berc. daz ist diu christenheit, sin gebot sagendo. daz chuit euangelium lerende. sion stet in hierusalem. uuande man daraba sehen mac. pe diu heizet er sion. daz chuit uualhiscon spiegel. in unsero uuis uuarta. der bizeichinot ecclesiam (ibid.).

Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею (РСП: Пс. 2:5). Я посадил отца моего царем над святой горой. Это христианство, его заповедь вещающее. Это значит: которое учит евангелию. Сион находится в Иерусалиме, откуда его издалека можно видеть. Поэтому он и называется Сион, что означает зеркало, а на нашем языке (букв. «нашим образом») — сторожевая башня, что символизирует церковь.

Комментарии Ноткера к псалмам написаны простым языком проповедей; проскальзывающие в них единичные латинские вставки всегда сопровождаются переводом:

- (6) *Super aquam refectionis educavit me. Er habet mih kezogen bi demo uuazere dero labo. Daz ist baptismum (toufi), mit demo diu sela gelabot uuirdet. Animam meam convertit. Habet mina sela fone ubele ze guote becheret (Ps 22: 2, SN 1883: 63).*

[Он] водит меня к водам тихим (РСП: Пс. 23:2). Он привел меня к воде очищения. Это baptismum (крещение), которым душа очищается. Подкрепляет душу мою (РСП: Пс. 23:3). Моя душа от зла к добру отвернулась.

Труды Ноткера, безусловно, интересны во многих отношениях. В плане грамматики они отражают состояние немецкого языка конца X — начала XI вв. с представленными в нем аналитическими тенденциями. Так, широкое употребление претеритопрезентных глаголов в сочетании с инфинитивом позволяет ученому передавать различные темпоральные, аспектуальные и модальные значения, выражаемые простыми латинскими формами (КОТИН 2021). Присутствие в текстах Ноткера указательных местоимений с ослабленным лексическим значением в функции определенного артикля, разнообразных предлогов (см. примеры выше) свидетельствует о распространении в языке новых — аналитических — способов выражения грамматических значений.

Исключительно важен тот факт, что Ноткер регулярно использует в своих переводах, преимущественно в псалмах, глагольные сочетания, стоящие на пути превращения в аналитические формы перфекта и пассивного залога. В комментариях к одному только псалму 138 видим:

(7) *Dû habest mih kenómen uzer mînero muoter uuombo* (Ps 138:13, SN 1883: 578).

Ты вынул меня из утробы моей матери.

(8) *Pesuoche du mih, got, ube ih daz kesculdet hábe* (Ps 138: 23, SN 1883: 580).

Посети меня, Господь, ибо я согрешил.

(9) *Ih pin irstanden nâh tôde, unde noh pin ih, fâter, sament dir* (Ps 138: 18, SN 1883: 579).

Я восстал после смерти, и я еще с тобой, отец [мой].

(10) *Unde an dinemo bûoche uuerdent sie alle gescriben, perfecti unde imperfecti* (Ps 138: 16, SN 1883: 579).

И в твоей книге они все записаны, совершенные и несовершенные.

По сути дела, это уже сложившие формы, и их появление в тексте, рассчитанном на широкую аудиторию, говорит о наметившейся в языке перестройке грамматической системы.

С точки зрения фонетики и графики тексты Ноткера представляют собой образцы алеманского диалекта древневерхне-немецкого языка с его полностью совершившимся вторым передвижением согласных. При этом следует отметить разработку Ноткером орфографического правила, согласно которому звонкие смычные, подверженные оглушению в ходе второго передвижения, передаются в начале слов то как глухие, если предшествующее слово или слог оканчивается на согласный: то как звонкие, если предшествующее слово или слог оканчивается на гласный:

(11) *Domini est salus. Târ schinet daz cótes diû heili ist. Tû gót kîbest sia* в Ps 3:9 (SN 1883: II, 8-9).

Также в примере (3) выше: *I'h chido iz tempus pezéichenne mit ánderro bezéichennissedo* (SN 1883, II: 469).

Эта закономерность позволяет нам считать, что Ноткеру были известны изменения звуков в потоке речи, в частности,

аккомодация и ассимиляция.

Заслуживает внимания терминология Ноткера: наряду с латинскими терминами-вставками, ученый использует сконструированные им словообразовательные кальки — главным образом именные композиты, передающие латинские, реже греческие единицы с различной морфемной структурой (простые непроеизводные единицы, дериваты, композиты). Созданные в экспликативных целях, эти образования носят окказиональный характер и могут даже рассматриваться как технические термины (LAW 1987; LAW 1993), то есть элементы метаязыка. Тем не менее эти единицы, построенные по продуктивным словообразовательным моделям древневерхненемецкого языка, отражают словообразовательный потенциал языка того периода.

Поскольку переводная терминология Ноткера описана в (RAGG 2016), мы не останавливаемся подробно на этом аспекте деятельности ученого, ограничиваясь несколькими примерами созданных им калек: *himel-brot* ‘манна небесная’, *hohuuarta* ‘Сион’, *finstig-land* ‘страна тьмы, Египет’, *sunder-man* ‘фарисей’ и др. В рассмотренных нами текстах данные образования единичны.

4. Переводы Ноткера и другие случаи латинско-древнегерманских языковых контактов

Хотя Ноткер не создавал отдельных трудов по грамматике на древневерхненемецком языке, он мог использовать в процессе обучения грамматическую терминологию в виде не только заимствованных латинских терминов, но и калек. Косвенным доказательством этого может служить дошедший до нас памятник, известный как *St. Galler Schularbeit* (XI в.). Это страница монастырской рукописи, в которой, по-видимому, в качестве упражнения приводятся латинские названия частей речи и их древневерхненемецкие соответствия:

(12) *Nomen*. námo. *Pronomen*. fúredáz nomen. *Verbum*. uuórt. *Aduerbiu*m. Zúozedé mo uerbo. *Participium* téilnémunga. *Coniunctio* geuúgeda. *Prepositio*. Fúre sézeda. *Interiectio*. Úndéruerf (цит. по: GROTANS 2006: 140).

Вполне возможно, что текст был записан одним из учеников Ноткера. За исключением обозначений существительного и глагола, приводимые списком соответствия латинских терминов являются либо словообразовательными кальками, либо описа-

тельными выражениями. Безусловно, *St. Galler Schularbeit* — лишь частный случай использования морфемного калькирования в отдельной области. Но этот пример далеко не единичен.

С середины X в. в разных странах Европы наблюдается появление переводных трудов и компилятивных сочинений на местных языках, что, несомненно, следует считать следствием клюнийской реформы. Эти тексты, практически всегда носящие учебный характер, демонстрируют применение сходных переводческих приемов при передаче понятий иноязычной культуры. Так, англосаксонский монах Эльфрик (ок. 955 — после 1010), живший в то же время, что и Ноткер, перевел латинскую грамматику (анонимное сокращенное изложение грамматики Присциана) на древнеанглийский язык, создав для этого терминологию, состоящую из семантических и словообразовательных калек и перифрастических переводов. Латинская терминология в его пособии также сохраняется:

- (13) *Partes orationis sunt octo eahta dælas synd lēdenspræce: nomen, pronomen, verbum, adverbium, participium, coniunctio, praepositio, interiectio. nomen is nama, mid dām wē nemnað synderlice be āgenum naman [...] pronomen is dæs naman speljend, sē spelað þone naman, þæt dū ne ðurfe tuwa hine nemnan. verbum is word, and word getacnað weorc, oððe ðrowunge oððe gefaþunge. [...] adverbium is wordes gefēra, forðan de hē næfd nāne fulfremednysse, butan hē mid dām worde bēo. [...] participium ys dæl nimend. hē nymð ānne dæl of naman and oððerne od worde, of naman he nymð casus, þæt is, declining, and of worde hē nymð tīde and getācnunge, of him bām hē nymð getel and hiw (AG 1880: 8-9).*

Partes orationis sunt octo В латыни восемь частей речи: *nomen, pronomen, verbum, adverbium, participium, coniunctio, praepositio, interiectio. nomen* — это имя, которым мы обозначаем нарицательные или собственные имена <...> *verbum* — это глагол, а глагол обозначает действие, страдание или разрешение. <...> *adverbium* — спутник глагола, оно выражает законченность, только когда оно сопровождает глагол. <...> *participium* — это то, что принимает участие. Оно берет одну часть от имени, а другую от глагола. Оно берет от имени падеж, то есть склонение, а от глагола — время и значение, а от них обоих — число и форму.

- (14) *ƿā ððre nigon consonantes synd gecwedene mvtæe, ƿæt synd dumbe. hī ne synd nā mid ealle dumbe, ac hī habbað lytle clypunge. ƿa synd: b, c, d, g, h, k, p, q, t* (AG 1880: 5-6).

Остальные девять согласных называются *mvtæe*, то есть немые. Они не совсем немые, но у них мало звучания. Это: *b, c, d, g, h, k, p, q, t*.

В отличие от Ноткера, Эльфрик нечасто прибегает к фразовому кодовому переключению, используя преимущественно внутрифразовые латинские вставки. В его грамматике, составленной для учеников монастырских школ, предлагается подробная экспликация каждого термина средствами родного языка (подробнее см. в [KASTOVSKY 2011; ЯКОВЕНКО 2019]).

Другой ученый и переводчик конца англосаксонской эпохи, Бюрхтферт, применяет в своем пространном труде *Manual* те же приемы кодового переключения (внутрифразовые, реже фразовые, латинские вставки с их последующим, иногда лишь частичным, объяснением на родном языке):

- (15) *Partes a partitione circuli zodiaci uocantur: for ƿære todælednysse dælas synt gecwedene, ƿe byð on ƿam circule ƿe ys zodiacus geciged, oððe horoscopus, oððe sideralis, oððe signifer, oððe Mazaroth* (BM 1929: 114).

Partes a partitione circuli zodiaci uocantur: части получают свои названия благодаря подразделению, которое имеется в круге, который называется *zodiacus*, или *horoscopus*, или *sideralis*, или *signifer*, или *Mazaroth*.

- (16) *Anaphora ys ƿæt syxte hiw; ƿæt ys on Lyden gecweden relatio uel repetitio, and on Englisc gelomlicnys, ƿonne ƿæt uers onginð on forewerd eallswa ƿæt oðer* (BM 1929: 174).

Anaphora — это шестая фигура; она называется по-латински *relatio* или *heretitio*, а по-английски повторение, когда [первый] стих начинается точно также, как и второй.

В более поздних древнеисландских грамматических трактатах (XIII в.) латинские элементы практически отсутствуют. Так, в Третьем грамматическом трактате, восходящем, как и *Grammatica* Эльфрика, к Присциану, латинские грамматические термины передаются исключительно семантическими и словообразовательными кальками:

- (17) Meistari Priscianus tellr átta parta málsgreinar, þessa: *nafn ok fornafn, orð ok iðrorð, hluttekning, samteging, fyrirsetning ok meðalorþning* [...]. Nafn er lutr málsgreinar, sá er veitir eiginligan eðr sameiginlogan hvíligleik hverjum líkama, hann er æztr allra sagna [...]. Þarnæst er orð, er skrýðir ok formerar nafnið, svá sem mynd efni, þvíat þat skýrir tilfelli nafns, gjörð eða þínig. Fornafn er sett í stað nafns... (IT 1884: 90).

Учитель Присциан выделяет восемь частей речи, это существительное и местоимение, глагол и наречие, причастие, союз, предлог и междометие. Имя — это часть речи, которая приписывает предмету частные или общие свойства, это основа словаря. Затем следует глагол, он украшает и определяет имя, показывает акциденции имени, действие или чувство. Местоимение заменяет имя...

Как видно, авторы приведенных текстов, апеллируя к латинским источникам, используют практически одни и те же переводческие приемы и виды кодового переключения, иначе говоря, механизмы культурного трансфера. Различия состоят главным образом в различном соотношении латинского и древнегерманского материала в тексте и способах экспликации латинских вставок. Из всех сопоставляемых текстов философские тексты Ноткера (по крайней мере, рассматриваемый перевод *Об истолковании*) представляются наиболее латинизированными, практически двуязычными, причем в ряде контекстов латинский материал даже преобладает. В переводах псалмов, напротив, удельный вес немецкого текста возрастает благодаря подробным комментариям.

Очень важно, что, преследуя дидактические цели, Ноткер стремится сохранить в переводе значительную часть оригинального текста. «Подтягивание» читателя к оригиналу и высокая образовательная планка, поставленная перед аудиторией, составляют особенность его научного стиля.

Таким образом, переводы Ноткера, вписываясь в общий ряд переводных научных и религиозных текстов на древнегерманских языках, отражают особенности рецепции латинского культурного наследия в германоязычном ареале Европы X — XI вв. В том, что это наследие было перенесено на немецкую почву, адаптировано к ней, но также и сохранено в своем первоначальном виде, состоит огромная заслуга ученого.

5. Заключение

Тексты Ноткера как выдающееся достижение немецкой научной мысли рубежа X — XI вв. могут исследоваться в различных аспектах: собственно лингвистическом, переводческом, дидактическом, контрастивном и др. Рассмотрев в данной статье два ноткеровских перевода (выполненное им переложение латинской версии трактата Аристотеля *Об истолковании* (*De Interpretatione*) и комментированный перевод псалмов), мы отмечаем, что данные тексты демонстрируют такие особенности переводной научной и религиозной прозы того времени, как слабая дифференциация собственно научного изложения и интерпретации фактов, вольное обращение с первоисточником, трансформирование объема исходного текста в большую или меньшую сторону, использование средств, позволяющих передать мысль оригинала наиболее доступными читателю средствами. Все это позволяет поставить переводную прозу Ноткера в один ряд с аналогичными трудами на других древнегерманских языках (текстами Эльфрика, Бюрхтферта, более поздними древнеисландскими грамматическими трактатами и др.). При этом в переводах Ноткера наблюдается, по сравнению с подобными древнеанглийскими и древнеисландскими текстами, более сложное смешение латинских и исконных элементов, преобладание латыни как метаязыка изложения, активное использование латинских вставок при сравнительно небольшом количестве калек. Эти черты, характерные для стиля Ноткера в целом, проявляются в большей степени в его переводах философских трудов и в меньшей степени — в его переводе псалмов.

В исследуемых текстах Ноткера широко представлены грамматические инновации конца древневерхненемецкого периода: зарождение артикля, зарождение аналитических форм, постепенное закрепление за предикатом определенных позиций в предложении.

Написанные на алеманском диалекте древневерхненемецкого языка, тексты Ноткера отражают второе (верхненемецкое) передвижение согласных, полностью состоявшееся в южных диалектах.

Более полные и подробные выводы потребуют обращения и к другим произведениям Ноткера, что выходит за рамки задач этой статьи.

Ноткер, стоявший у истоков немецкой научной и религиозной прозы, внес большой вклад в развитие письменности и культуры в германском мире благодаря содержательному и жанровому разнообразию своих трудов, обращению к латинскому культурному наследию и его распространению средствами родного языка. Работы ученого оказали большое влияние на переводческие традиции Санкт-Галленской школы и немецкого Средневековья в целом.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- AG — Zupitza, Julius. (ed.) (1880) *Sammlung Englischer Denkmäler in kritischen Ausgaben. Ælfrics Grammatik und Glossar. Erste Abteilung: Text und Variante. Bd 1.* Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
- BM — Crawford, S. J. (ed.) (1929) *Byrhtferth's Manual.* London: Oxford University Press.
- CP — Scherabon-Firchow, Evelyn. (ed.) (2003) *Notker der Deutsche von St. Gallen : lateinischer Text und althochdeutsche Übersetzung der Tröstung der Philosophie (De consolatione philosophiae) von Anicius Manlius Severinus Boethius; diplomatische Textausgabe, Konkordanzen und Wortlisten nach den Codices Sangallensis 825 und 844, Codex Turicensis C121 und Codex Vindobonensis 242.* In 3 Bdn. Hildesheim; New York: Olms.
- IT — Ólsen, Björn M. (ed.) (1884) *Den tredje og fjærde grammatiske afhandling I Snorres Edda tilligemed de grammatiske afhandlingers prolog og to andre tillæg [Text of the third and the forth treatises].* Copenhagen: Knudzon.
- SN – Piper, Paul. (ed.) (1882 — 1883) *Die Schriften Notkers und seiner Schule.* In 2 Bdn. Freiburg; Tübingen: Akademische Verlagsbuchhandlung. Bd. I: 1882. Bd. II: 1883.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Ганина Н. А. Труды Ноткера как учебные тексты // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2015. Вып. 3 (38). С. 37—52. [Gani-na, Natalya A. (2015) Trudy Notkera kak uchebnyye teksty (Notker's Works as Didactic Texts). *Proceedings of the PSTGU University, IV: Pedagogics, Psychology, 3 (38), 37—52.* (In Russian)].

- Филичева Н. И. История немецкого языка (= Deutsche Sprachgeschichte). М.: Академия, 2003. [Filicheva, Ninel' I. (2003) *Istoriya nemetskogo yazyka* (Deutsche Sprachgeschichte). Moscow: Academia. (In Russian)].
- Grotans, Anna. (2006) *Reading in Medieval St Gall*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hehle, Christine. (2002) *Boethius in St. Gallen. Die Bearbeitung der Consolatio Philosophiae durch Notker Teutonicus zwischen Tradition und Innovation*. Tübingen: Niemeyer. (Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters 122)
- Kastovsky, Dieter. (2011) Translation Techniques in the Terminology of Ælfric's Grammar: Semantic Loans, Loan Translations and Word-formation. In: Kytö, Merja; Scahill, John & Tanabe, Harumi. (eds) *Language Change and Variation from Old English to Late Modern English*. Bern: Peter Lang, 163—174. (Series: Linguistic Insights: Studies in Language and Communication, 114)
- Kotin, Mikhail L. (2021) Tempus, Modus und Modalverben in Notkers Psalmenbuch im Vergleich zu Luthers Psalmenübersetzung und zum neuhochdeutschen Psalter. *Moderna språk*, 1, 95—121.
- Law, Vivien. (1987) Anglo-Saxon England: Ælfric's "Excerptiones de arte grammatica anglice". *Histoire. Épistémologie. Langage*, 9 (1), 47—71.
- Law, Vivien. (1993) The Historiography of Grammar in Early Middle Ages. In: Law, Vivien. (ed.) *History of Linguistic Thought in Early Middle Ages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1—24.
- Poplack, Shana. (1980) Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching. *Linguistics*, 18, 581—618.
- Ragg, Nicolaus. (2016) *Substantivkomposita und Sinngebung im Kontext frühmittelalterlicher Wissensvermittlung. Eine kulturanalytisch-linguistische Untersuchung zur Wortbildung bei Notker III*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis. (Studia Germanistica Upsaliensia 60)
- Scherabon-Firchow, Evelyn. (2000) *Notker der Deutsche von St. Gallen (950 — 1022): ausführliche Bibliographie*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Sonderegger, Stefan. (2003) *Althochdeutsche Sprache und Literatur. Eine Einführung in das älteste Deutsch. Darstellung und Grammatik*. Berlin; New York: De Gruyter. [3. Aufl.]
- Sonderegger, Stefan. (1987) Notkers des Deutschen Terminologie des Übersetzungsvorgangs. *Zeitschrift für deutsche Philologie*, 106, 15—24.
- Yakovenko, Yekaterina. (2019) Change from Above, Language Contact and Individual Change in Ælfric's Linguistic Terminology. *Studia Anglicana Posnaniensia*, 54, 337—355.

Yekaterina B. Yakovenko
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Translational Strategies and the Use of Terminology in the Works by Notker the German

The present study dedicated to the 1000th anniversary of the death of Notker the German (c. 950 — June 28, 1022), the head of the St. Gallen scientific school, translator, and author of many works in Latin and Old High German, focuses on strategies used by the scholar in his translations, as well as equivalents of Latin terms in the fields of philosophy, logic, rhetoric, and grammar. Notker's translation of Aristotle's treatise *De Interpretatione* and the psalms demonstrate the principles of literal, and sometimes interlinear, translation with insertions given in two languages. Latin insertions, which allude at the original text, are examples of intersentential and extrasentential code-switching. Insertions in Old High German, which function as comments, amplify the translation. Notker's texts are considered against a vast background of educational and scientific texts in Old Germanic languages of the same period (*St. Galler Schularbeit*, *Ælfric's Grammatica*, *Byrhtferth's Manual*, the Third Old Icelandic Grammatical Treatise) and reveal, on the one hand, such features of the translated academic and religious prose of that time as weak differentiation of the proper scientific presentation and interpretation of facts, free rendering of the source, reducing or expanding the volume of the source, the use of the appropriate means of conveying the original sense, i. e. domestication of the translation. On the other hand, in Notker's translations as compared to similar Old English and Old Icelandic texts one can observe a more sophisticated confusion of Latin and native elements, the use of Latin as a metalanguage, widespread of Latin code-switches. These features, which make the specific of Notker's style, are displayed to a greater extent in his translations of philosophical works and to a lesser extent in his translation of the psalms. The relevance of Notker's translation work is in the preservation of Latin legacy and its transfer by appropriate means, the use of grammatical innovations and the word-building potential of late Old High German, and laying the foundations of German scientific prose.

Keywords: St Gall school; Notker; Old High German scientific prose; formation of terms; calques

Для цитирования:

Яковенко Е. Б. Переводческие стратегии и использование терминологии в трудах Ноткера Немецкого // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 495—514.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-495-514.

To cite this Article:

Yakovenko, Yekaterina B. (2023) *Perevodcheskiye strategii i ispol'zovaniye terminologii v trudakh Notkera Nemetskogo* (Translational Strategies and the Use of Terminology in the Works by Notker the German). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 495—514. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-495-514.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; принята к публикации 11.05.2023
The article was submitted 02.03.2023; accepted for publication 11.05.2023

ЛИНГВОДИДАКТИКА

LINGUODIDACTICS

В. М. Бухаров

Нижегородский государственный лингвистический университет

Т. Г. Бухарова

Нижегородская государственная консерватория

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИКЕ И ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с появлением и распространением информационных технологий в гуманитарной сфере, прежде всего, в лингвистике и преподавании иностранных языков. Определяющей тенденцией в развитии коммуникации современного общества является широкое использование цифровых технологий и перенос эпицентра общения в виртуальное пространство. Этот процесс не мог не затронуть как науку, так и другие сферы жизни, связанные с языком. В статье показаны изменения в парадигмах лингвистических исследований и преподавании языков, рассмотрено воздействие на эти процессы социальных изменений, таких как новые волны и направления миграции, студенческая и культурная мобильность и формирование дифференцированного подхода к изучению и обучению языкам. Результатом взаимодействия немецкого языка и языков мигрантов является возникновение новых вариаций и диалектов, как, например, Kiezdeutsch, что требует новых подходов к исследованиям. Новые цели и задачи потребовали новых решений в сфере лингвистики и дидактики, которые способствовали проникновению цифровых технологий в традиционные виды деятельности и обеспечили компьютерную и мобильную цифровую поддержку методов исследования и преподавания языков. Использование информационных технологий — это не односторонний процесс, обогащающий гуманитарную научную сферу новой методологией. Проблемы и вопросы, которые ставятся и решаются гуманитариями, являются одновременно и стимулами для появления новых целей в естественно-научных и математических науках. Это находит отражение, например, в становлении целого научного комплекса, связанного с созданием искусственного интеллекта, поскольку любая интеллектуальная деятельность, как естественная, так и искусственная, возможна только на основе языка. Развитие механизмов искусственного интеллекта предполагает изучение алгоритмов производства естественного языка (NLP), начало которому было положено лингвистами. В статье делается вывод о перспективах лингводи-

дактики, связанных с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии; лингвистика; компьютерная поддержка преподавания; новые диалекты; искусственный интеллект

1. Введение

Современный мир характеризуется громадной скоростью изменений во всех сферах жизни общества, развитии его культуры, науки и образования. Успех этого развития прямо связан с языком, что предполагает регулярные исследования его функционирования в постоянно усложняющейся сети межличностных отношений. Адаптация системы языка к коммуникативным потребностям социума предполагает, в свою очередь, обновление методов и подходов не только к его изучению, но и к обучению. Среди проблем лингводидактического плана следует выделить две структурные модификации, зависящие, с одной стороны, от постоянных изменений в характере языковых контактов и, с другой — от использования современных научных технологий, способных обеспечить необходимый уровень их изучения.

2. Языковые контакты и новые формы языковых вариаций в немецком языке XXI столетия

Одним из наиболее значимых факторов, определяющих характер развития языка в современном обществе, является взаимодействие языковых форм, обслуживающих различные возрастные группы. То обстоятельство, что язык молодежи отражает состояние и тенденции развития окружающего мира, никогда не вызывало сомнения. До конца прошлого столетия эта форма существования языка определялась обычно как стиль или регистр, то есть акцент делался чаще всего на том, что молодежь в силу специфики общения, обусловленной высоким темпом жизни, неформальными взаимоотношениями, необходимостью с высокой скоростью принимать решения и реагировать, точно также менее формально и продуманно использует средства языка. В работах 90-х гг. большое внимание уделялось психологическим аспектами речепроизводства, механизмам овладения языком и, связанным с этим варьированием в использовании языка, менее зависящим от кодифицированного стандарта (см.,

например, [ANDROUTSOPOULOS 1999]).

Дискуссионный характер вопросов, связанных с исследованием языка молодежи, не является задачей данной статьи, поэтому достаточно обратиться к одному из последних авторитетных справочников — электронному словарю немецкого языка (DWDS). Словарь определяет молодежный язык (Jugendsprache) через понятия *жаргон* или *особый язык* (Jargon, Sondersprache der Jugendlichen) и *сленг* (Slang). В такой трактовке сохраняется традиционный подход к рассмотрению языка молодежи как социолекта или субъязыка, то есть форм немецкого языка, которые используются в определенной сфере деятельности и/или субкультуры для выражения определенных социальных, профессиональных, групповых знаний и интересов молодых людей. Жизнь молодежи всегда характеризуется различными новациями, и поэтому следствием взаимодействия молодежных субъязыков может быть их взаимодействие со стандартом и проникновение отдельных единиц, прежде всего, лексических, в стандарт.

Примеры взаимодействия субъязыков детально описываются в различных словарях и справочниках и трактуются как один из источников развития немецкого языка, однако с начала XXI столетия на первый план выходят иные факторы, связанные, прежде всего, с массовыми миграционными процессами. Их начало уходит в 50-е гг. прошлого века, отмеченные переселением рабочих и их семей (Gastarbeiter) из ряда стран, в основном Турции, в Германию. Большинство турецких семей остались в Германии на постоянное жительство и перед ними, естественно, встала проблема языковой ассимиляции. Этот процесс привел к формированию в 90-е гг. у третьего поколения турецкой молодежи специального «этнолекта» или стиля, получившего название «Kanak Sprak» (CRAVIDI: URL). Элементы этой формы языка начали выходить за пределы турецких семей и звучать в кабаке, кино, на телевидении. Использование Kanak Sprak было больше модой, чем потребностью, но с появлением все новых волн мигрантов и образованием в крупных городах целых районов, заселенных не немецким населением, в корне изменило языковую ситуацию. Тесные контакты в учебе и на работе привели к появлению новой формы языка, которая уже не была

набором искаженных заимствований и ошибочных конструкций, характерных для Капак. В этой языковой вариации появились грамматические и лексические особенности, которые носят системный характер, что позволяет говорить о возникновении нового диалекта (WIESE 2012; WIESE 2016).

Новый немецкий диалект уже не был результатом немецко-турецких языковых контактов, поскольку к ним присоединились языки арабских и российских мигрантов. Он получил название Kiezdeutsch (от берлинского диалектного слова Kiez) и используется преимущественно молодежью в городской местности. Слово Kiez происходит из берлинского регионального диалекта и означает определенный район Берлина, жители которого близко знакомы друг с другом и характеризуются общей языковой и локальной идентичностью. В процессе расширения миграционных потоков это слово перешло на название форм речи в аналогичных кругах населения и в других регионах. Kiezdeutsch содержит элементы таких языков и культур как турецкий, арабский, английский и в отдельных случаях русский. Становление этого диалекта знаменует собой формирование новой языковой ситуации в Германии и ставит новые задачи перед лингвистикой и преподаванием немецкого языка.

3. Информационные технологии в лингвистике и педагогике

Изменения в социальной структуре и языковой ситуации произошли не только в Германии, но и во многих других странах, затронутых миграцией в XXI в. Они обусловили значительные изменения в системах образования, наблюдаемые в разных странах и в разных типах образовательных учреждений неравномерно, нередко противоречиво, что определяется социально-экономическими и политическими условиями. Однако тенденция к смене образовательных научных парадигм неизбежна, поскольку только образование может обеспечить успешное поступательное развитие общества, причем это касается как его содержания, так и организационных форм. Система образования достаточно инертна, обладает определенными фундаментальными особенностями, коренящимися в ее истории, и попытки ускорения ее трансформации, как показывает история нашей страны, не всегда ведут к быстрому успеху.

Одним из условий успешной трансформации образования считается популярная в 60-е гг. прошлого столетия идея о «физиках» и «лириках», то есть гармонизация гуманитарного и естественно-научного подходов к обучению и научным исследованиям. О начале реального воплощения этой идеи можно говорить лишь в наши дни, когда информационно-компьютерное сопровождение учебного процесса стало обычным явлением для любых форм обучения, а на пороге уже стоит буквально вторжение в этот процесс искусственного интеллекта (ИИ, AI).

Достаточно сложно цифровизация и информатизация развивались в рамках преподавания иностранных языков. Это можно, во видимому, объяснить тем, что иностранные языки больше, чем какие-либо другие направления обучения связаны с социально-политическими процессами в обществе. Отсутствие до начала 90-х гг. XX в. возможности доступа к всемирной сети Интернет не мотивировало к изучению иностранных языков, а это, в свою очередь, затрудняло доступ как к научным источникам, так и к литературным произведениям и учебным материалам на иностранных языках. Интернет появился в декабре 1969 г., когда группа ученых из Американского института научной информации (ARPA) впервые установила связь между двумя компьютерами через сеть. Однако его широкое использование началось только в 1990-х гг., когда были созданы первые поисковые системы, электронные почтовые сервисы и сформировалась Всемирная сеть (WWW — World Wide Web).

Информационный бум 90-х и нулевых годов не мог не отразиться на лингвистической парадигме в образовании. В результате можно отметить появление ряда новых тенденций в преподавании иностранных языков. Прежде всего это связано с доминированием английского языка в информационных потоках и, соответственно, в преподавании. В итоге все остальные, ранее активно преподаваемые языки, уходят на второй план, или их преподавание вообще прекращается, что влечет за собой невосполнимые утраты в культурном и научном обмене.

Важная роль в этом процессе принадлежит возросшей мобильности населения, в том числе миграции, которая приняла настолько широкие масштабы, что появилась необходимость в

разделении преподавания языков на иностранные и вторые. Начало этому было положено практикой преподавания английского языка, как исторически наиболее связанного с миграционными процессами: EFL (English as a Foreign Language) и ESL (English as a Second Language) (см., например, в [FARIAS 2007]). Немного позднее такое же разделение появилось и у немецкого языка: DaFZ (Deutsch als Fremd- und Zweitsprache). В этом процессе отразилось становление и развитие прагматического подхода к преподаванию иностранных языков. С этого времени преподавание какого-либо языка как иностранного ограничивается странами, где преподаваемый язык не является основным языком общения, как, например, в случае с немецким языком в России. Целью такого преподавания является овладение иностранным языком для академических или профессиональных целей, таких как обучение за границей, проведение научных исследований, имеющих международное значение, чтение и публикация научной литературы, переводческая деятельность и т. п. Иностранный язык как второй востребован теми, кто не являясь носителем языка, проживает в стране, где этот язык является основным средством общения. Это, как правило, студенты, научные работники, рабочие, которым владение языком страны пребывания (учебы, работы) необходимо для взаимодействия с носителями языка в вузе, школе, на работе или в социальных сетях.

Дифференция целей преподавания означает, что иностранный язык является прежде всего фактором, сопровождающим профессиональную подготовку (*studienbegleitender Unterricht*) по самым разным направлениям обучения, как гуманитарным, так и естественно-научным, и лишь в значительно меньшем объеме он преподается в целях будущей профессиональной деятельности.

Особую роль в преобразовании подходов к обучению сыграла пандемия 2019-2022 гг. Ее следствием стало интенсивное развитие дистанционных форм обучения и связанных с этим процессов цифровизации. Повсеместно развиваются такие технологии как DMALL — Цифровая поддержка в изучении языка (Digital Media Assisted Language Learning), MALL — Мобильная

поддержка в изучении языка (Mobile Assisted Language Learning), использование мгновенных сообщений (IM) и достижение конца 2022 — начала 2023 гг. — искусственные нейронные сети (AI — Artificial Intelligence) (SERENA 2018; HUBER 2017; SHINNERY 2006). Все большей популярностью пользуются массовые открытые курсы (МООК), обучающие платформы, растет интерес к овладению мягкими компетенциями, как одним из условий успеха в профессиональной деятельности, дополняющим овладение жесткими (профессиональными) компетенциями. Все это говорит о том, что в центр системы любого уровня образования перемещается обучающийся и его интересы.

Говоря о современном студенте, следует отметить, что в зоне его особых интересов находится не только возможность прямого участия в формировании своей траектории обучения, но и проникающая во все сферы жизни «цифра». Реакцией на эту тенденцию стало создание в 2022/2023 уч. г. более чем в 100 вузах России «цифровых кафедр» для получения дополнительной квалификации, на которых обучалось по данным на 2022 год более 80000 студентов. Такая возможность предоставляется в первую очередь студентам ИТ-направлений вузов — участников проекта «Цифровая экономика», однако обучаться на таких кафедрах могут и другие студенты, в том числе и гуманитарии. Более того, практически в любом вузе создаются условия для обучения информационным технологиям на гуманитарных направлениях, таких, к примеру, как лингвистика, за счет пересмотра и трансформации некоторых модулей образовательных программ. Не случайно большой популярностью у абитуриентов как бакалавриата, так и магистратуры пользуется, например, компьютерная лингвистика.

Интерес к информационным технологиям и понимание их значения для преподавания иностранных языков имеет определенную историю в Российской высшей школе. В конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого века в связи с появлением и распространением звукозаписывающей аппаратуры возник так называемый аудиолингвальный метод обучения (АНИПКИНА 2018). Его недостатком была большая нагрузка на память, однообразность повторений и, как следствие, снижение интереса и мотивации.

вации. Фактически это было монотонное обучение аудированию, а говорение оставалось в дефиците. Отсутствовал партнер по коммуникации, не было привязки ко времени и месту общения. Этот метод был взят на вооружение в Горьковском пединституте иностранных языков (ныне — Нижегородский лингвистический университет). Однако уже в то время работникам технической лаборатории института удалось внести небольшое усовершенствование в систему воспроизведения звука в наушниках с задержкой на несколько мсек, то есть говорящий слышал себя как бы со стороны. Этот прием носил название «компенсация» и имел потрясающий результат. Слыша эталонный образец в произнесении диктора и собственный голос со стороны, говорящий мог корректировать свое произношение без участия преподавателя.

Пришедший в 70-е гг. на смену этому методу коммуникативный или социолингвистический подход к обучению внес ряд концептуальных уточнений лингводидактического плана, но сохранил основной недостаток аудиолингвального обучения — искусственность ситуаций общения. Как и прежде реальным партнером по коммуникации оставался преподаватель. В методической литературе существует описание различных концепций формирования компетенций иноязычного общения в рамках учебных занятий, сопровождающих профессиональную подготовку обучающихся. Большинство из них, как правило, ограничивается трансформацией и переработкой традиционных программ и учебных материалов; см., например, в (BARIC & al. 2019).

Новые тенденции в преподавании иностранных языков появились в конце 90-х, начале нулевых лет в связи с развитием информационных технологий. Первоначально использование ИТ было связано с компьютерной автоматизацией обработки естественного языка, но это оказало незначительное влияние как на лингвистику, так и на преподавание языков (JONES 1999). Однако интенсивное развитие ИТ способствовало повышению интереса к обучению и мотивации работы, не связанной с временем и местом учебы. Результатом явилось развитие Интернет-коммуникации и дистанционного обучения, в ходе которых обучающиеся получили возможность участвовать в разнообразных

аутентичных ситуациях реального общения. Другими словами, сформировалась более привычная для молодежи образовательная среда.

Тезис, вынесенный в название секции IV съезда Российской союзу германистов в 2022 г. гласит: «Нет ничего практичнее хорошей теории: германистика и лингводидактика». Он предполагает рассмотрение вопросов взаимодействия научного подхода к немецкому и любому другому иностранному языку во взаимодействии с его преподаванием. Небольшой экскурс в историю показал, что постепенное поступательное развитие теоретических основ преподавания на протяжении второй половины прошлого столетия буквально взорвалось благодаря возможностям, которые получили как лингвисты-исследователи, так и преподаватели за последние 20 лет. К числу форм и подходов к учебно-научной деятельности, основанных на ИТ, можно отнести предложения, описанные в специальной литературе и сделанные в ходе обсуждения на заседаниях секции съезда.

— Использование технологий корпусной лингвистики для анализа лексики и составление на этой основе справочных и учебных материалов (КРОТОВА 2022).

— Учебно-исследовательские проекты студентов и преподавателей по созданию ученических корпусов текстов для типологии ошибок в работах на иностранном языке (КОТЮРОВА 2022).

— Включение в курс практической фонетики немецкого языка разделов «Акустика речеобразования», «Анализ и синтез речи» на основе компьютерных программ типа Praat и Elan (В. М. Бухаров).

— Использование технологии MALL для развития фонетических компетенций (текстовый бот «Your German Friend» в курсе немецкого языка как иностранного* (М. В. Петрова).

— Разработка мультимодальных методов и приемов работы с поликодовыми (креолизованными) текстами и видеоматериалами (СЕРЕБРЯКОВА и др. 2020).

— Работа с изучающими иностранных язык для профессиональной деятельности на Интернет-платформах, в том числе

* https://t.me/ED_deutschlernen_bot.

таких как Uraït (Бухарова).

Перечень возможных видов работы на основе информационных технологий можно продолжить, однако следует остановиться на особом феномене цифровой действительности — искусственных нейронных сетях или искусственном интеллекте (ИИ). Начиная с 2023 года Интернет переполнен сведениями о различных программах (ботах) ИИ, число которых постоянно растет. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что искусственная нейронная сеть программируется на копирование естественной самообучаемой сети. Примеры, приводимые на сайтах, демонстрируют неплохую работу сети по работе с текстами. Вот, например, как ChatGPT выполнил задание «Напиши рекламный текст в стиле панков»:

Ео, канал! Канитель есть канитель, тут у нас в бренд-агентстве требуется сильный дизайнер айдентики! Это крутая возможность присоединиться к нашей банде моргалов и залетных панков, которые прокачивают бренды до предела...

Это неплохая шутка в стиле КВН, но, например, студенты на занятии по культуре речевого общения при обсуждении романа *Campus* Д. Шванитца попросили ИИ написать резюме романа (имя автора не называлось) и через 10 секунд получили ответ:

Der Roman „Campus“ von D. Schwanitz ist eine faszinierende Gesellschaftsstudie, die sich mit den Abgründen moderner Hochschulen auseinandersetzt. Der Autor beschreibt das Leben auf dem Campus aus der Sicht eines Professors. Im Zentrum des Romans stehen Themen wie Machtmissbrauch, Eifersucht und Korruption. Schwanitz zeigt, wie das Machtgefüge an der Universität die Beziehungen der Beteiligten untereinander beeinflusst und wie es zu einem schleichenden Verfall der moralischen Werte und der Integrität kommt...

И это уже не шутки. Причем первоначально в тексте были некоторые неточности, на которые студенты обратили внимание ИИ, и сеть их учла и отредактировала текст.

А вот пример другого типа текстов. Вопрос: «Что такое мультимодальная лингвистика?». Ответ:

Multimodale Linguistik ist ein Forschungsfeld der Linguistik, das sich mit der Untersuchung von Sprache und anderen Kommunikationsformen befasst, die auf verschiedenen Modalitäten basieren, insbesondere visuellen und auditiven Medien. Es geht darum, wie ver-

schiedene kommunikative Modalitäten (wie beispielsweise Text, Ton, Bild und Bewegung) in Kombination eingesetzt werden, um Bedeutungen zu erzeugen...

Конечно похожий ответ на подобный вопрос можно найти в Интернете, но не за 10 секунд, а это означает большую экономию времени при работе по отбору литературы по любой теме. Предложенные тексты можно самостоятельно критически рассматривать и решать вопрос о возможности использования. Много шума в сети произвело сообщение о том, что с помощью ИИ написана и защищена юридическая выпускная квалификационная работа. Совершенно очевидно, что мы стоим, причем уже не на пороге, а в проеме двери к новой реальности. Отмахнуться от нее или просто ее запретить невозможно. Дискуссии на эту тему, конечно, ведутся в самых различных СМИ, и если «взрослое» поколение ищет пути нейтрализации отрицательных, по его мнению, последствий для обучения и занимается поиском оптимальных решений, то для детей ИИ — это уже часть естественной среды обитания. В основном пока в работах, посвященных искусственному интеллекту в гуманитарной сфере речь идет только о возможности включения элементов ИИ в процесс обучения (МАТУХИН & др. 2020).

4. Заключение

Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что «цифра» — это не просто фигура речи. Информационные технологии не только заняли прочное место в нашей жизни, они в корне меняют наш образ жизни, наши представления об образовании, культуре, науке. Этот процесс нельзя игнорировать или недооценивать, более того, его можно и нужно использовать и в научных исследованиях в лингвистике, и в практике преподавания иностранных языков.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

Анипкина Л. Н. Аудиолингвальный метод преподавания русского языка как иностранного // Педагогический журнал. 2018. № 8 (1А). С. 174—181. [Anipkina, Lada N. (2018) Audiolingvalnyy metod prepodavaniya russkogo yasyka kak inostrannogo (Audiolingual Method of Teaching Russian as a Foreign Language). *Pedagogicheskiy Zhurnal* (Pedagogical Journal), 8 (1A), 174—181. (In Russian)].

- Бухарова А. В., Бухарова Т. Г. Русский язык как иностранный для музыкальных специальностей. М.: Юрайт, 2020. [Bukharova, Anastasiya V. & Bukharova, Tamara G. (2020) *Russkiy yazyk kak inostrannyi dlya muzykalnykh spetsial'nostey* (Russian as a Foreign Language for Musical Specialties). Moscow: Urait. (In Russian)].
- Котюрова И. А., Щеголева Л. В. Корпус студенческих текстов на немецком языке как источник данных для образования и науки // Вопросы образования. 2022. № 4. 322—349. [Kotyurova, Irina A. & Shchegoleva, Lyudmila V. (2022) *Korpus studencheskikh tekstov na nemetskom yazyke kak istochnik dannykh dlya obrazovaniya i nauki* (Corpus of Student Texts in German as a Data Source for Education and Science). *Education issues*, 4, 322—349. (In Russian)].
- Кротова Е. Б. Фразеологизмы-конструкции в корпусе: особенности поиска и анализа выдачи (на материале немецкого языка) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2022. Т. 17. № 2. С. 76—90. [Krotova, Yelena B. (2022) *Frazeologizmy-konstruktsii v korpuse: osobennosti poiska i analiza vydachi* (na materiale nemetskogo yazyka). (Phraseological Units-Constructions in the Corpus: Features of Search and Output Analysis (based on the Material of the German Language). *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* (Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages), vol. 2, No. 17, 76—90. (In Russian)].
- Михеева Н. Ф., Провоторова Е. А. Интеграция элементов искусственного интеллекта в обучение иностранным языкам // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы / ред. В. И. Казаренков. М.: РУДН, 2020. С. 562—566. [Mikheyeva, Nataliya F. & Provotorova, Yelena A. (2020) *Integratsiya elementov iskusstvennogo intellekta v obucheniye inostrannym yazykam* (Integration of Artificial Intelligence Elements into Foreign Language Teaching). In: Kazarenkov, V. I. (ed.) *Higher School: Experience, Problems, Prospects*. Moscow: RUDN, 562—566. (In Russian)].
- Серебрякова Е. В., Хомутская Н. И. Прецедентный характер креолизованных текстов // Казанская наука. 2020. № 5. С. 93—97. [Serebryakova, Ykaterina V. & Khomutskaya, Nataliya I. (2020) *Pretsedentnyy kharakter kreolizovannykh tekstov* (Precedent Character of Creolized Texts). *Kazan Science*, 5, 93—97. (In Russian)].
- Androustopoulos, Jannis K. (1999) Grammaticalization in young people's language. The case of German. In: Belemans, Rob & Vandekerckhove, Reinhild. (eds) *Variation in (sub)standard language*. Amsterdam & Philadelphia: J. Benjamins, 155—176. (Belgian Journal of Linguistics)

- Baric, Karmelka; Kic-Drgas, Joanna & Serena, Silvia. (2019) Interaktion im studienbegleitenden Fremdsprachenunterricht zur Entwicklung von sprachlicher Handlungskompetenz im Studium, im Beruf und im Alltag. *Germanica Wratislaviensia. Acta Universitatis Wratislaviensis, Wroclaw*, 3918, 293—307.
- Chinnery, George M. (2006) Emerging Technologies: Going to the MALL. *Language Learning & Technology*, vol. 10, No. 1, 9—16.
- Cravidi, Giulia. *Kanak Sprak*. Retrieved from https://www.academia.edu/34070735/_Kanak_Sprak.
- DWDS — Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. Retrieved from <https://www.dwds.de/wb>.
- Farias, Miguel; Obilinovic, Katica & Orrego, Roxana. (2007) Implications of Multimodal Learning Models for Foreign Language Teaching and Learning. *Colombian Applied Linguistics Journal*, 9, 174—199.
- Huber, Judith & Schwarz, Christian. (2017) *SMS-Kommunikation im mehrsprachigen Raum. Schriftsprachliche Variation deutschsprachiger SMS-Nutzer/innen in Südtirol*. Retrieved from <https://www.mediensprache.net/de/network/network-76.aspx>.
- Jones, Karen S. (1999) How much has information technology contributed to linguistics? In: Coppock, Terry. (ed.) *Information technology and scholarly disciplines*. Proceedings of a British Academy Symposium. London: The British Academy, 109—127.
- Serena, Silvia & Baric, Karmelka. (2018) Rahmencurricula für den studienbegleitenden Deutsch- und Fremdsprachenunterricht von Morgen. *Inter Alia: The Slovene Association of LSP Teachers*, vol. 5, 17—36.
- Wiese, Heike. (2012) *Kiezdeutsch: Ein neuer Dialekt entsteht*. München: Beck Verlag.
- Wiese, Heike. (2016) What can new urban dialects tell us about internal language dynamics? The power of language diversity. *Linguistische Berichte* (Special Issue), 19, 207—245.

Valeriy M. Bukharov
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Tamara G. Bukharova
Nizhny Novgorod State Conservatory

Information Technologies in Linguistics and Foreign Language Teaching

The article deals with issues related to the emergence and spread of information technologies in the humanitarian sphere and, first of all, in linguistics and foreign language teaching. The leading trend in the development of communication in modern society is the widespread use of digital technologies and the transfer of the epicenter of communication to the virtual space. This process could not but affect both science and other spheres of life related to language. The article shows the changes in the paradigms of linguistic research and language teaching, examines the impact of social changes on these processes, such as new waves and directions of migration, student and cultural mobility and the formation of a differentiated approach to the study and teaching of languages. The result of the interaction of the German language and the languages of migrants is the emergence of new variations and dialects, such as *Kiezdeutsch*, which requires new approaches to researches. New goals and objectives required new solutions in the field of linguistics and didactics, which contributed to the penetration of digital technologies into traditional activities and provided computer and mobile digital support for language research and teaching methods. The use of information technologies is not a one-sided process that enriches the humanitarian scientific sphere with a new methodology. The problems and questions posed and solved by humanitarians are at the same time incentives for the emergence of new goals in the natural and mathematical sciences. This is reflected, for example, in the formation of a whole scientific complex associated with the creation of artificial intelligence, since any intellectual activity, both natural and artificial, is possible only on the basis of language. The development of artificial intelligence mechanisms involves the study of algorithms for the production of natural language (NLP), which was initiated by linguists. The article concludes about the prospects of linguodidactics related to the use of information technologies.

Keywords: information technologies; linguistics; computer support of teaching; new dialects; artificial intelligence

Для цитирования:

Бухаров В. М., Бухарова Т. Г. Информационные технологии в лингвистике и преподавании иностранных языков // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 516—530.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-516-530.

To cite this Article:

Bukharov, Valeriy M. & Bukharova, Tamara G. (2023) Informatsionnyye tekhnologii v lingvistike i prepodavanii inostrannykh yazykov (Information Technologies in Linguistics and Foreign Language Teaching). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 516—530. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-516-530.

Статья поступила в редакцию 08.04.2023; принята к публикации 09.05.2023
The article was submitted 08.04.2023; accepted for publication 09.05.2023

М. В. Петрова
Московский государственный университет

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКОГО ЧАТ-БОТА «YOUR GERMAN FRIEND»

В условиях дистанционного обучения формирование фонетической компетенции и развитие фонетических навыков обучающихся стало одним из методических вызовов, с которым столкнулись преподаватели немецкого языка как (второго) иностранного. Произношение как материальное выражение фонетической компетенции непосредственно влияет на процесс понимания высказывания в целом и обеспечивает успешное осуществление коммуникации. Однако развитие фонетических навыков осуществляется не только за счет аудиolingвального метода и доведения до автоматизма речепроизводства на иностранном языке, но и в ходе получения общего представления о звуковой стороне и особенностях артикуляционной базы изучаемого языка. Соответственно, вся информация и тренировочные возможности должны быть предоставлены в фонетическом чат-боте в доступной для пользователей форме. В исследовании анализируется методический потенциал фонетического чат-бота *Your German Friend* в качестве вспомогательного учебного инструмента с точки зрения развития фонетической компетенции студентов. Чат-бот в мессенджере «Телеграм» был разработан на кафедре медиалингвистики факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова в 2021 г. Задача бота — ознакомить изучающих немецкий язык с различиями в артикуляции при образовании звуков речи в русском и немецких языках, проиллюстрировать произнесение немецких звуков и помочь студентам овладеть корректным произношением. Особое значение исследование приобретает в контексте структурных трансформаций в сфере использования вспомогательных образовательных Интернет-ресурсов по иностранным языкам в России в 2022 г. С марта 2022 г. как выражение несогласия с военными действиями РФ на Украине российский рынок покинули отдельные образовательные проекты, платформы и подписные сервисы, а пользователи платных приложений для изучения иностранных языков испытывают сложности с оплатой курсов в связи с приостановлением работы ряда международных платежных систем в России.

Ключевые слова: фонетическая компетенция; чат-боты; телеграм-боты; технологии в обучении; учебные приложения; немецкий язык

1. Введение

Новые средства массовой информации и цифровые инструменты на базе искусственного интеллекта (далее ИИ), такие как веб-сайты, программы, чат-боты и иные онлайн-ресурсы, создают новые среды обучения, которые вызывают живой интерес обучающихся. Исследование посвящено развитию фонетической компетенции в ходе применения изучающими иностранный язык специализированных чат-ботов.

Чат-боты — это программы, которые взаимодействуют с пользователями на определенную тему естественным, диалоговым способом посредством текста, голоса или графики (SMUTNY & SCHREIBEROVA 2020: 1). Чат-боты нацелены на решение конкретной задачи и используются, в том числе, в целях обучения. Современные высокотехнологичные чат-боты на базе ИИ в сфере обучения иностранному языку, такие как, например, *Мондли* (*Mondly*) или *Дуолинго* (*Duolingo*), имеющие доступ к обширным лингвистическим корпусам, становятся личными помощниками пользователя, предоставляя ему индивидуальные ответы на его запрос и даже умеющие исправлять и оценивать результат работы пользователя, как, например, *Эльза* (*Elsa*) по развитию разговорных навыков и тренировки произношения на английском языке; ср.: (SCHMIDT & STRASSER 2022: 171).

Одним из простых видов чат-ботов служат чат-боты в мессенджере «Телеграм» (*Telegram*). Телеграм-боты создаются с помощью специального конструктора чат-ботов в «Телеграме» *BotFather* и могут быть разработаны преподавателем для своей учебной группы и под конкретную цель обучения. Примером такого телеграм-бота может служить фонетический чат-бот *Your German Friend* (далее YGF¹), разработанный на кафедре медиалингвистики факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова в 2021 г. Это впервые созданный чат-бот для изучения фонетики немецкого языка для русскоязычных пользователей. Изначальной целью создания чат-бота было дополнение раздела фонетики учебника курса (АНДРЮЩЕНКО 2014) мультимедий-

¹ Адрес размещения фонетического чат-бота YGF в мессенджере «Телеграм»: https://t.me/ED_deutschlernen_bot.

ным элементом. Данная задача была особенно актуальна в период пандемии COVID-19 в рамках дистанционного обучения.

Чат-бот YGF знакомит студентов с артикуляционными и акустическими свойствами звуков немецкого языка. Одна из ключевых задач чат-бота — связать теоретические знания обучающихся в области фонетики с практическими произносительными навыками, особенностями артикуляции звуков речи; ср.: (АХМАНОВА 2013: 355). Развитие способности распознавать и понимать фонетические закономерности призвано помочь в совершенствовании слухо-произносительных и ритмико-интонационных навыков. Формирование и автоматизация этих навыков — одна из целей обучения иностранному языку.

2. Материал и методы исследования

Исследование проведено в парадигме Design-Based Reserch (DBR) ‘исследование, основанное на дизайне’. Этот тип исследования включает разработку решений практических задач. Подготовленная и сконструированная на основе определенных теоретических предположений практическая разработка проходит первичное тестирование, затем происходит ее коррекция в соответствии с полученными во время тестирования данными (REINMANN 2019). Таких циклов (проектирование → реализация → анализ → редизайн) может быть несколько. Дидактической целью исследовательского подхода Design-Based Reserch служит перенос в практическую плоскость теоретических гипотез и создание новых рамок для концептуализации обучения.

В данной работе представлен первый цикл исследования (09.2021 — 04.2022), в ходе которого чат-бот YGF был разработан, технически реализован и протестирован. На основе статистики чат-бота и данных, полученных из анонимного анкетирования респондентов, в разработку были внесены изменения (редизайн чат-бота) и сделаны выводы о методическом потенциале и ограничениях настоящей разработки.

В качестве отправной точки исследования были приняты во внимание значимые методико-дидактические подходы в фонетике (РАЕВСКИЙ 1997; ВЕСКЕР 2012) и научные труды по анализу учебников немецкого как иностранного с точки зрения представленности в них фонетического аспекта языка (CHEN

2020; PANUŠOVÁ 2007; NAGY 2004). Вышеуказанные работы оказали прямое влияние на формирование контента чат-бота YGF, то есть на его содержание, а также на используемые дизайнерские решения.

На втором этапе, в сентябре 2021 г. с помощью анонимного опроса был изучен опыт использования студентами цифровых инструментов для развития фонетических навыков в изучении иностранного языка (опрос 1, 50 человек различных специальностей, в возрасте от 18 до 24 лет). Параллельно с этим происходила разработка модели телеграм-бота. Проектирование чат-бота включало написание и компоновку текстового контента, подготовку медиакомпонентов для каждого звука (написание сценария, озвучка, монтаж), разработку дизайна модели, ее конструирование, а также необходимую технологическую подготовку реализации проекта.

Третий этап исследовательского цикла — внедрение разработки. Пользователи могли добровольно оценить телеграм-бот, заполнив анонимную анкету (опрос 2, 70 студентов разных специальностей в возрасте от 17 до 24 лет). Для этого был разработан каталог критериев оценки эффективности чат-бота. Кроме того, был проведен анализ доступной статистики чат-бота. Для оценки данных была определена количественно-качественная форма.

В ноябре 2021 г. чат-бот был протестирован преподавателями высшей школы (опрос 3, 11 человек, в возрасте от 32 до 68 лет). Его результаты также были учтены в процессе дальнейшей оптимизации модели чат-бота.

Наконец, были подведены итоги исследования, сделаны выводы о методическом потенциале и ограничениях разработанной модели.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Термин *фонетическая компетенция* содержит практический и теоретический компоненты. Это знание о физической, артикуляционной, перцептивной и функциональной стороне звуков речи и умение применять эти знания на практике. М. В. Раевский называет три условия успешной работы над иноязычным произношением: во-первых, это развитие навыков «сознательного управления произносительными органами на основе знания

устройства речевого аппарата и артикуляционных возможностей его подвижных частей», во-вторых, это «четкое представление об особенностях артикуляционных баз родного и изучаемого языков» (РАЕВСКИЙ 1997: 70). Третье условие по М. В. Раевскому — это понимание речепроизводства как автоматизированной деятельности, необходимые навыки для которой формируются в процессе непрерывной тренировки. Если практический аспект фонетики, включающий упражнения на произнесение звуков, слов или фраз под контролем преподавателя, широко представлен в рамках курса немецкого языка как иностранного, то теоретическому аспекту не всегда возможно уделить достаточно внимания по причинам ограниченности учебного времени.

Таким образом, можно констатировать, что развитие фонетических навыков осуществляется не только за счет аудиolingвального метода (т. е. обучения на слух, предполагающего многократное прослушивание, подражание и повторение звуков, слова или предложения за говорящим [ADINA 2014: 133] и доведение до автоматизма речепроизводства на иностранном языке), но и получения общего представления о звуковой стороне и особенностях артикуляционной базы изучаемого языка. Вся эта информация и тренировочные возможности должны быть доступны в фонетическом чат-боте или ином учебном фонетическом приложении в удобной для пользователей форме.

3.1. Представление чат-бота YGF

Чат-бот — это программа, которая имитирует человеческое общение. О диалоге в чат-ботах можно говорить только условно, поскольку диалог подразумевает «непосредственный обмен высказываниями» между собеседниками, носящий спонтанный и ситуативный характер (ДЕВКИН 1981: 4). Чат-бот же представляет собой диалоговую систему, то есть компьютерную программу, которая имитирует разговор между двумя людьми.

Аватар чат-бота YGF, то есть маленькое изображение, которое представляет его образ в виртуальной реальности, носит антропоморфный характер. Это изображение добродушного на вид юноши с непропорционально большим носом. Молодой человек имеет определенное сходство с Карликом Носом, сказочным персонажем, созданным немецким писателем Вильгельмом

Гауфом. Название бота YGF (Your German Friend) ‘твой немецкий друг’ призвано вызвать у пользователя ассоциацию с чем-то положительным, интересным и поддерживающим. Такой дополнительный контекст создает образ чат-бота и подводит пользователя к взаимодействию с ним.

YGF относится к так называемым *goal-oriented*-ботам (боты, ориентированные на конкретную задачу) закрытой предметной области. В отличие от чат-ботов с открытым доменом (например, виртуальный голосовой помощник *Алиса* от Яндекса²), системы с закрытой предметной областью выполняют задачи, ограниченные узкой предметной сферой.

Возможности навигации, то есть процесса направления движения пользователя по логически связанным данным в чат-боте, предзаданы программой. Взаимодействие пользователя с программой осуществляется через меню и начинается с нажатия кнопки «Start» пользователем.

При разработке чат-бота YGF использовалось сочетание описательного и сопоставительного подходов. Описательный метод применялся при представлении общей характеристики немецких звуков. Сопоставительный подход был задействован при описании немецкой артикуляционной базы в сравнении с русской, а также при сравнении произношения конкретных звуков в немецком и русском языках.

Каждое текстовое описание звука выполнено на русском языке и снабжено ссылкой на видео с примерами произнесения звука (как отдельно, так и в составе слов). Видео и аудио встроены в чат-бот, то есть могут быть воспроизведены пользователем непосредственно в диалоговом окне чат-бота. Слова-примеры для видео-упражнений были отобраны на основании их соответствия языковому уровню обучающихся (уровни A1-A2 по CEFR).³

² Чат-бот *Алиса* встроена в приложения Яндекса. Она распознает естественную речь, отвечает на вопросы пользователя, имитируя живой диалог.

³ CEFR — Общеευропейские компетенции владения иностранным языком, признанный во всем мире стандарт для описания уровней владения иностранным языком. URL: <https://www.coe.int/en/web/>

В дополнение к чат-боту был создан односторонний сайт (лендинг, также целевая страница) с помощью инструмента для создания сайтов Tilda Publishing.

Создание лендинговой страницы из стандартных блоков Tilda Publishing не требует навыков программирования. На лендинговую страницу чат-бота YGF была вынесена дополнительная теоретическая информация по фонетике, например, Международный фонетический алфавит (API, далее МФА), схема строения речевого аппарата, общее описание особенностей артикуляции звуков в немецком языке и важнейших фонетических явлений, таких как ассимиляция, гортанная смычка, ударение и интонация. На страницу можно попасть с помощью командной клавиши «Я не нашел нужный мне звук» в меню чат-бота.

Таким образом, чат-бот и лендинговая страница служат хранилищем различных учебных материалов, к которым учащийся может получить доступ в любое время через привычный им мессенджер.

Чат-бот YGF в Телеграм можно найти через панель поиска в приложении. Поиск осуществляется по имени пользователя, по прямой ссылке или по ключевым словам.

3.2. Доля чат-ботов в используемых онлайн-ресурсах

Результаты опроса 1 (50 человек различных специальностей, возраст от 18 до 24 лет) показали, что респонденты используют следующие ресурсы для развития фонетических навыков: видеохостинги, фильмы и сериалы (90%); учебники (60%); образовательные порталы, такие как DW Deutsch Lernen (38%)⁴, образовательные приложения (17%); чат-боты (12%) и научные статьи (8%).

Опрос 1 показал также существенный разрыв в оценке респондентами значимости приобретения знаний по теоретической фонетике и развитием практических навыков аудирования и произношения. 70% опрошенных сообщили, что используют онлайн-ресурсы исключительно для улучшения своего произношения, не проявляя никакого интереса к теоретической фонетике. 26% подтвердили, что используют интернет-ресурсы как

common-european-framework-reference-languages.

⁴ В настоящее время сайт Deutsche Welle недоступен для пользователей из РФ.

для приобретения теоретических знаний по фонетике иностранного языка, так и для улучшения произношения. Только 4% испытуемых считали фонетические навыки несущественными для изучения языка.

Хотя результаты опроса нельзя считать в полной мере репрезентативными ввиду ограниченного количества участников опроса, они тем не менее дают основание для предварительного заключения об отсутствии у студентов понимания связи между теоретическими знаниями по фонетике и совершенствованием произносительных навыков. Кроме того, установленная с помощью данного опроса небольшая доля чат-ботов (12% от общего массива используемых онлайн-ресурсов) подтвердила актуальность разработки фонетического приложения.

3.3. Внедрение чат-бота — статистический обзор

Неотъемлемой частью исследования в рамках парадигмы Design-Based Research служит оценка статистических данных. Статистика использования чат-бота доступна в Manybot, одном из сервисов, используемых для создания чат-бота. Для сбора статистики также можно задействовать дополнительные аналитические программы, такие как *Botanalytics.co* или *Redis*. Однако использование внешних сервисов не безопасно и связано с риском кражи данных учетной записи, поэтому в нашем исследовании мы ограничились статистикой, доступной в телеграм-сервисе *Manybot*. Статистика YGF показывает, что за период исследования (09.2021 — 04.2022) чат-бот был запущен 310 раз. Количество уникальных пользователей чат-бота данная статистика не показывает, их количество может быть значительно меньше общего числа запусков чат-бота. Статистика целевой страницы чат-бота показывает, что страницу посетили 690 уникальных пользователей,⁵ в том числе 433 новых и 257 постоянных. Источники трафика — органический поиск⁶ (35%), социальные сети (38%) и прямой доступ по ссылке (27%).

⁵ Уникальный пользователь (также уникальный посетитель) сайта — это пользователь, впервые посетивший страницу со своего IP-адреса за определенный промежуток времени.

⁶ Органический поиск — привлечение пользователей на сайт через поисковые системы.

Опрос 2 среди пользователей чат-бота был проведен, в том числе, для восполнения недостающих статистических данных, которые были бы полезны для дальнейшей работы над разработкой. Анкету на добровольной основе анонимно заполнили 70 студентов в возрасте от 17 до 24 лет. Примечательно, что только 78% из них указали, что посещали лендинговую страницу чат-бота. Это говорит о том, что большинство посетителей целевой страницы были сторонними пользователями. Статистически значимым результатом опроса 2 служит показатель, свидетельствующий об умеренной эффективности чат-бота на рассматриваемом этапе цикла разработки: 76% респондентов отметили, что переходили по встроенным в чат-бот ссылкам на обучающие аудио- и видеофайлы. 28% подтвердили, что читали только краткую текстовую информацию в чат-боте и не слушали аудио-примеры.

3.4. Качественные и количественные результаты опроса 2

Чтобы измерить методический потенциал YGF, в ходе исследования следовало сформулировать и описать критерии удобства использования системы (usability) и пользовательского опыта (User Experience),⁷ которые имеют решающее значение для функциональности приложения, то есть того набора возможностей, которые предоставляет данная система. Приведем разработанные критерии в виде таблицы.

Таблица. Оценка чат-бота YGF. Каталог критериев

Критерии дизайна пользовательского интерфейса	Описание критерия
Структура навигации	Структура навигации удобна для пользователя
Дизайн интерфейса	Дизайн интерфейса визуально привлекателен для пользователя
Внутренняя организация контента	Внутренняя организация контента уместна и понятна пользователю

⁷ Usability — удобство использования конкретного приложения, которое имеет решающее значение для качества приложения (KECKES & ZERRES 2017: 2). Концепция User Experience подчеркивает положительный опыт пользователя при взаимодействии человека с технологией как цель разработки «человекоцентричного» продукта (NESTLER 2022).

Пригодность для чтения	Тексты легко читаются
Адаптивный веб-дизайн	Контент чат-бота одинаково хорошо выглядит как в портретной, так и в ландшафтной ориентации
Создание ссылок	Ссылки адекватно описывают целевой контент
Связь мультимедийных элементов с текстом	Мультимедийные элементы интегрированы в текст в соответствующих местах
Техническое качество интегрированных видео	Звук хороший. Продолжительность видео адекватная. Качество исполнения привлекает пользователя
Переход с чат-бота на лендинг	Переход от чат-бота к лендингу понятно обозначен
Взаимодействие с чат-ботом	Отсутствие технологии распознавания и синтеза речи (Text To Speech) и отсутствие возможности оценки аудиозаписи пользователя — это существенный недостаток чат-бота
Критерии содержания	Описание критерия
Полезность с учетом цели использования	Контент, представленный в чат-боте и на лендинговой странице, соответствует желаемой цели обучения. Содержание помогает понять тему и потренировать произношение звуков. Примеров достаточно. Мультимедийные элементы могут быть использованы для развития соответствующих навыков
Связность и целостность	Предметно-теоретическое содержание логично и связно структурировано. Связь между теорией и практическими упражнениями понятна. Русский язык как язык теоретических объяснений уместен
Сложность контента	Сложность иностранного языка соответствует языковому уровню пользователя или чуть выше этого уровня. Предметное теоретическое содержание изложено ясно и понятно

Критерии пользовательского опыта	Описание критерия
Ожидания от продукта	Ожидания от чат-бота, которые были у пользователя до его использования, полностью оправдались
Процесс использования	Взаимодействие с чат-ботом можно охарактеризовать как удовлетворительное и эффективное в отношении заявленной цели
Предполагаемая польза	Впоследствии опыт использования чат-бота воспринимается пользователем как значимый. Присутствует намерение и дальше пользоваться чат-ботом

Данный каталог критериев был составлен на основе работ зарубежных исследователей по оценке учебных мобильных приложений (CHEN 2020; KESKES & ZERRES 2017; MOSER 2012; TULLIS & ALBERT 2008). По каждому параметру респонденту предлагалось по три утверждения (скорее да / скорее нет / частично верно), из которых его просили выбрать одно утверждение. Кроме того, была возможность оставить свободный комментарий по каждому пункту.

Полученная оценка параметров дизайна пользовательского интерфейса позволяет сделать вывод, что большинство опрошенных находит дизайн чат-бота удовлетворительным. Отрицательный ответ «скорее нет» по критериям дизайна (см. Табл.) имеет низкие проценты: дизайн интерфейса — 14%, техническое качество интегрированных видео — 8%, переход с чат-бота на лендинг — 10%. Необходимо отдельно отметить параметр «взаимодействие с чат-ботом», который определяет отсутствие взаимодействия с чат-ботом как недостаток чат-бота. С этим утверждением согласились 80% респондентов. Только 8% не видят недостатка в отсутствии возможности взаимодействия с ботом.

Оценка критериев содержания чат-бота также положительна: 80% сочли работу с ботом полезной с учетом цели использования, 20% лишь частично согласились с этим утверждением. Это свидетельствует о том, что отсутствие возможности взаимодействия с чат-ботом хотя и рассматривается большинством пользователей как недостаток чат-бота, тем не менее оно лишь незна-

чительно повлияло на оценку полезности данного приложения. Однако следует отметить, что такой результат не полностью соответствует другим статистическим результатам опроса 2, согласно которым только 78% испытуемых посещали целевую страницу чат-бота и еще меньше (76%) переходили по ссылкам на видеоролики с упражнениями, указанным в чат-боте.

92% респондентов подтверждают логичную и связную структуру контента в чат-боте и уместность русского языка в качестве языка теоретических объяснений. Более 67% студентов заявили, что предметно-теоретическое содержание в чат-боте представлено четко и понятно, и что у них не было значительных трудностей с пониманием слов и высказываний на иностранном языке. В качестве рекомендаций, высказанных в разделе для комментариев в свободной форме, были предложены более длинные паузы между парами слов в видео-упражнениях, чтобы за говорящим можно было повторить пример, не оставив видео. Данная рекомендация была учтена в новых видео-упражнениях, выполненных на последующем этапе работы над чат-ботом. Многие респонденты в комментариях также высказали просьбу, чтобы транскрипция звуков (в меню и в описаниях к звукам) была выполнена кириллицей, а не символами МФА. Указанное пожелание было вынесено на рассмотрение отдельно в опросе 3.

21% опрошенных лишь частично согласились, а 12% не согласились с формулировкой критерия сложности контента (см. Табл.). При разработке содержания чат-бота намерение состояло в том, чтобы примеры на иностранном языке максимально соответствовали языковому уровню пользователей по CEFR (уровни A1 и A2). Результаты опроса показывают, что эта цель была достигнута.

Ожидания, потребности и запросы пользователя перед использованием цифрового продукта, его восприятие и полученный опыт работы с программой определяют ценность продукта для пользователя (ср.: [HASSENZAHL & al. 2009: 234]). Поэтому в опрос 2 были включены вопросы по оценке пользовательского опыта.

В отличие от оценки дизайна пользовательского интерфейса и контента чат-бота, оценка пользовательского опыта в целом

довольно негативная. Абсолютное большинство испытуемых заявили, что их ожидания от чат-бота не оправдались или оправдались не полностью. Лишь 18% согласились с формулировкой критерия «ожидание от продукта». Чуть больше (19%) восприняли опыт использования YGF как удовлетворительный и эффективный по отношению к заявленной цели. 57% смогли согласиться с этим утверждением лишь частично, а 24% опровергли его.

Результаты показывают почти равное распределение голов в оценке личной пользы чат-бота: 44% заявили, что работа с чат-ботом была для них значимым опытом, и они допускают возможность или намерены в дальнейшем использовать чат-бот для учебных целей. С другой стороны, 40% не чувствуют никакой связи с чат-ботом и не считают его использование достаточно значимым или вдохновляющим, чтобы рассматривать возможность дальнейшего использования чат-бота. 16% согласились с высказыванием частично.

Таким образом, результаты опроса свидетельствуют о том, что использование чат-бота не стало значимым опытом для фактически половины пользователей. Исследования пользовательского опыта показывают прямую связь между удовлетворением основных потребностей пользователей и их положительными эмоциями (ibid.: 235). Это означает, что чат-бот не смог удовлетворить некоторые потребности испытуемых несмотря на (по оценке большинства испытуемых) хорошо структурированный, понятный контент, адаптированный к цели обучения, а также простой и привлекательный дизайн интерфейса.

3.5. Качественные и количественные результаты опроса 3

Настоящее исследование в первую очередь представляет собой оценку внедрения телеграм-бота с точки зрения учащихся. Тем не менее среди преподавателей немецкого языка как иностранного был проведен небольшой опрос для качественно-сравнения результатов и оптимизации чат-бота.

Опрос 3 проводился с помощью анкеты с открытыми вопросами в ноябре 2021 г. (онлайн-опрос 3, 11 человек в возрасте от 32 до 68 лет). Результаты опроса нельзя считать репрезентативными из-за небольшого размера выборки.

Перед опросом преподавателей попросили протестировать чат-бот YGF. Затем им был предоставлен обзор количественных данных опросов 1 и 2 и было предложено прокомментировать, как чат-бот может быть улучшен с дидактической точки зрения и как он (в текущей версии) может быть применен в контексте обучения иностранному языку. Ответы преподавателей были отнесены к соответствующим критериям удобства использования системы или пользовательского опыта (см. Табл.), а методические рекомендации по использованию чат-бота были собраны в отдельный корпус. Поскольку критическая оценка преподавателей во многом совпадает с оценкой студентов, мы перечислим лишь отдельные замечания, которые ранее не были упомянуты:

а) по критерию «внутренняя организация контента»: отсутствие некоторых звуков в чат-боте (аффрикаты [pf], [tʃ], [tʃ], велярный носовой [ŋ] и все дифтонги должны быть в чат-боте, а не на лендинговой странице). Соответствующие изменения были в последствии внесены в чат-бот;

б) по критериям «полезность с учетом цели использования» и «связность и целостность» содержания: иллюстрации положения органов речи желательны для каждого звука. В отличие от студентов, преподаватели подтвердили целесообразность использования символов МФА, поскольку они корректно и в соответствии с общепринятыми правилами обозначают звуки. Транскрипцию кириллицей преподаватели допустили лишь как дополнительную и исключительно в сопроводительных звуковых описаниях. Большинство опрошенных преподавателей положительно оценили представление отдельных немецких гласных звуков в контрастных парах: по признаку долготы / краткости ([o:] vs. [ɔ]; [u:] vs. [u] и др.); по признаку ряда ([e:] vs. [ə], [y:] vs. [u:] и др.); по признаку подъема языка ([i:] vs. [a:], [u:] vs. [e:] и др.); по признаку лабиализации ([y:] vs. [i:], [ø:] vs. [a:] и др.). Было отмечено отсутствие в чат-боте практического материала для тренировки интонационно и ритмически правильного оформления речи.

в) по критерию «взаимодействие с чат-ботом» была дана рекомендация более детально персонализировать чат-бот (например, добавив вымышленные детали биографии фигуры, изображенной на аватаре, и сообщить их пользователям в ходе

«диалога» с чат-ботом), что может сделать взаимодействие с ним более привлекательным;

г) по критериям «ожидание от продукта» и «процесс использования» было предложено дополнить описания звуков практическими, но шутивными советами по правильному произношению.

Корпус с педагогическими рекомендациями был подвергнут индуктивному качественному контент-анализу. Можно зафиксировать следующие методические рекомендации по использованию чат-бота в его пилотной версии: 1) чат-бот YGF может использоваться в качестве электронного справочника по фонетике, поскольку предлагает учащимся обзор наиболее важных аспектов теоретической фонетики в минималистичной и адаптированной форме; 2) чат-бот YGF можно использовать как мультимедийное приложение к учебнику, так и независимо от него; 3) фонетические упражнения из медиафайлов, интегрированных в чат-бот, следует выполнять исключительно под контролем (прямым или дистанционным) преподавателя. Практикум может состоять из упражнений на повторение по аудиолингвальному методу.

4. Заключение

Первичным и значимым результатом исследования можно считать создание функциональной модели фонетического чат-бота YGF. Пользователи мессенджера «Телеграм», запустившие чат-бот, могут делать запросы по фонетике, описанные в исследовании, непосредственно со своего мобильного устройства или персонального компьютера. Однако при реализации разработки пришлось пойти на значительные компромиссы из-за нехватки необходимых технических ресурсов. По этой причине в чат-боте отсутствует модуль голосового вывода и распознавания речи, что сильно ограничивает взаимодействие с чат-ботом. Возможности чат-бота сводятся к простым запросам в меню по заданным темам с последующим запрограммированным ответом.

Дидактическая ценность чат-бота YGF не в последнюю очередь заключается в том, что он представляет собой пример обработки и оцифровки фонетического раздела учебника немецкого языка (этот раздел учебника становится мультимедийным).

Очевидный недостаток чат-бота состоит в том, что он не предлагает пользователю никакой коммуникативной практики: недоступна функция обратной связи с пользователем или с самим чат-ботом, которая делала бы эффективной самостоятельную тренировку произношения. Автономные формы работы ограничиваются исключительно такими видами деятельности как чтение и аудирование, для контролируемой языковой практики необходимо участие преподавателя. Таким образом, на текущий момент отсутствует выраженная корреляция между одной из основных целей использования чат-бота YGF (улучшение навыков аудирования и произношения) и предлагаемой стратегией обучения.

Кроме того, в качестве недостатка разработки была отмечена невозможность индивидуализировать работу в приложении в плане отслеживания индивидуального прогресса.

В вышеописанных ограничениях кроется не только потенциал развития чат-бота YGF; из них можно вывести основные требования к фонетическим приложениям.

С целью улучшения чат-бота планируются и последующие итерации цикла. В ходе дальнейшего исследования предполагается сформулировать теоретические положения по использованию чат-ботов для изучения фонетики иностранного языка, а также принципы проектирования учебных сред, значимых для успешной интеграции подобного рода программ во внеаудиторный учебный процесс.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Андрющенко Т. Я. Немецкий язык. Начальный этап. М.: Икар, 2014. [Andryushchenko, Tatyana Ya. (2014) *Nemetskiy yazyk. Nachal'nyy etap* (German. Level for Beginners). Moscow: Ikar. (In Russian)].
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Рипол Классик, 2013. [Akhmanova, Olga S. (2014) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms). Moscow: Rapol Klassik. (In Russian)].
- Девкин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М.: Высшая школа, 1981. [Devkin, Valentin D. (1981) *Dialog. Nemetskaya razgovornaya rech' v sopostavlenii s russkoy* (Dialogue. German Colloquial Speech as compared to Russian). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].

- Раевский М. В. Фонетика немецкого языка. Теоретический курс. М.: Московский гос. ун-т, 1997 [Rayevskiy, Mikhail V. (1997) *Fonetika nemetskogo yazyka. Teoreticheskiy kurs* (Phonetics of the German Language. Theoretical Course) Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Adina, Sacara-Onita. (2014) Die wichtigsten Methoden des Fremdsprachenunterrichts. *The Annals of the University of Oradea*, 1 (2), 131—134.
- Becker, Thomas. (2012) *Einführung in die Phonetik und Phonologie des Deutschen*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Chen, Zhengfei. (2020) *Phonetik in DaF-Unterricht. Analyse des Lehrwerks „DaF kompakt“ aus der phonetischen Sicht*. München: GRIN Verlag.
- Hassenzahl, Marc; Eckoldt, Kai & Thielsch, Meinald T. (2009) User experience und experience design-Konzepte und Herausforderungen. In: Brau, Henning & al. (eds) *Tagungsband UP09*. Stuttgart: Fraunhofer Verlag, 233—237.
- Keckes, Judith & Zerres, Christopher. (2017) Web-Usability Optimierung: Nutzerorientierte Gestaltung von Internetpräsenzen. Bausteine und Prozesse der Web-Usability. *Arbeitspapiere für Marketing und Management*, 15.
- Moser, Christian. (2012) *User Experience Design: Mit erlebniszentrierter Softwareentwicklung zu Produkten, die begeistern*. Berlin: Springer-Verlag.
- Nagy, Viktor. (2004) Phonetik im Fremdsprachenunterricht. *Werkstatt*, 3, 7—38.
- Nestler, Simon. (2022) *Menschzentrierte Digitalisierung: Praxisleitfaden für eine gelungene Usability und User Experience in der öffentlichen Verwaltung*. Wiesbaden: Springer-Verlag.
- Panusova, Marta. (2007) Phonetik in DaF-Lehrwerken. *Zeitschrift für interkulturellen Fremdsprachenunterricht*, 12 (2), 1—22.
- Reinmann, Gabi. (2019) Die Selbstbezüglichkeit der hochschuldidaktischen Forschung und ihre Folgen für die Möglichkeiten des Erkennens. In: Jenert, Tobias; Reinmann, Gabi & Schmöhl, Tobias. (eds) *Hochschulbildungsforschung: Theoretische, methodologische und methodische Denkanstöße für die Hochschuldidaktik*. Berlin: Springer-Verlag.
- Schmidt, Torben & Strasser, Thomas. (2022) Artificial Intelligence in Foreign Language Learning and Teaching. A CALL for Intelligent Practice. *Anglistik*, 33 (1), 165—184.
- Smutny, Pavel & Schreiberova, Petra. (2020) Chatbots for learning: A review of educational Chatbots for the Facebook Messenger. *Computers & Education*, 151 (5), 103862.
- Tullis, Tom & Albert, William. (2008) *Measuring the User Experience: Collecting, Analyzing, and Presenting Usability Metrics*. Amsterdam: Morgan Kaufmann.

**Methodological Potential and Limitations
of the Phonetic Chatbot *Your German Friend***

In the context of distance learning, the formation of phonetic competence and the development of phonetic skills of students has become one of the methodological challenges faced by teachers of German as a (second) foreign language. Pronunciation as a material expression of phonetic competence directly affects the process of understanding the statement as a whole and ensures the successful implementation of communication. However, the development of phonetic skills is carried out not only through the audiolingual method and bringing speech production in a foreign language to automatism, but also in the course of obtaining a general idea of the sound side and features of the articulatory base of the language being studied. Accordingly, all information and training opportunities should be provided in a phonetic chatbot in a form accessible to users. The study analyzes the methodological potential of the phonetic chatbot *Your German Friend* as an auxiliary educational tool in terms of developing students' phonetic competence. The chatbot in the Telegram messenger was developed at the Department of Media Linguistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University in 2021. The task of the bot is to familiarize learners of German with the differences in articulation in the formation of speech sounds in Russian and German, to illustrate the pronunciation of German sounds and to help students master the correct pronunciation. The study takes on special significance in the context of structural transformations in the use of auxiliary educational Internet resources for foreign languages in Russia in 2022. Since March 2022, as an expression of disagreement with the military actions of the Russian Federation in Ukraine, individual educational projects, platforms and subscription services have left the Russian market, and users of paid applications for learning foreign languages are experiencing difficulties with paying for courses due to the suspension of a number of payment systems in Russia.

Keywords: phonetic competence; chatbots; telegram bots; technologies in education; educational apps; German language

Для цитирования:

Петрова М. В. Методический потенциал и ограничения фонетического чат-бота «Your German Friend» // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 531—549.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-531-549.

To cite this Article:

Petrova, Maria V. (2023) Metodicheskiy potentialsial i ogranicheniya foneticheskogo chat-bota “Your German Friend” (Methodological Potential and Limitations of the Phonetic Chatbot “Your German Friend”). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 531—549. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-531-549.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; принята к публикации 15.03.2023

The article was submitted 23.01.2023; accepted for publication 15.03.2023

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

А. В. Аверина

Государственный университет просвещения
Московский государственный лингвистический университет

**ИНТЕГРАЦИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
ХРОНОТОПА В СИСТЕМУ ГРАММАТИЧЕСКИХ
КАТЕГОРИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Кострова О. А. Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. М.: Флинта, 2023. 152 с.

Исследователей давно занимает вопрос описания общих для литературоведения и лингвистики категорий. Точки пересечения мы находим в работах по стилистике, грамматике текста и дискурса (ГОНЧАРОВА 2010; НАЕР 2015; СРЕБРЯНСКАЯ 2005; ШИПОВА 2020; и др.). Довольно сложно осуществить интеграцию литературоведческих категорий в систему грамматики. Решению именно этой задачи посвящена монография О. А. Костровой *Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре*. В ней систематизированы этноспецифические грамматические и лексико-грамматические средства концептуализации хронотопа немецкоязычным автором, показаны возможности интеграции литературоведческой категории «хронотоп» в систему грамматических категорий немецкого языка.

Понятие «хронотоп» введено в научный обиход Михаилом Бахтиным (1975) и изучалось многими литературоведами. В работе Костровой оно получает освещение с лингвистических позиций и трактуется как триединство времени, пространства и наблюдающего лица. Заслугой автора можно считать раскрытие этнокультурных средств выражения хронотопа в немецком языке. Проводя параллели между немецким и русским языками, Кострова обращает внимание на этноспецифику репрезентации времени, пространства и лица на примере художественных текстов.

Монография состоит из введения, двух разделов, объясняющих проблематику и методологию исследования («К постановке проблемы: о возможности интеграции лингвистики и литературоведения» и «Материал и методология исследования»), четы-

рех разделов, в которых представлен анализ концептуальной интерпретации временной, пространственной и персональной составляющих хронотопа, заключения и списка литературы.

В разделе «Грамматическое время и его концептуальная интерпретация в немецкой лингвокультуре» показан дейктический характер грамматического времени; раскрывается линейное восприятие и грамматическое кодирование времени в немецкой лингвокультуре; особое внимание уделяется вопросу о модализации темпоральной перспективы. Очень удачным представляется сопоставительный анализ трактовки категории темпоральности в отечественной и зарубежной лингвистике, этноспецифика ресурсных областей темпоральности в немецком языке; раскрывается проблема темпоральной референции в немецком художественном тексте. При реализации темпоральной референции автор пишет о трех типичных когнитивных моделях. Речь идет о дейктическом фрейме как вершине хронотопа, аллоцентрических темпоральных и косвенно-эвиденциальных фреймах. При описании дейктического темпорального фрейма автор обращает внимание на важную роль, которую играет противопоставление диегетического и недиегетического нарратора. Диегетический нарратор представляет себя как фигуру повествования, недиегетический нарратор ведет повествование в третьем лице, за которым стоит первое лицо. Важно наблюдение, что грамматические элементы языка способны передать определенный способ видения мира с позиции нарратора как ориго. Это позволяет объяснить выбор грамматической формы, выполняющей в тексте определенное назначение. Значимым представляется исследование вопроса о модализации темпоральной перспективы. Справедливо замечание автора, что в работах по хронотопу не принималась во внимание категория наклонения. Очень удачно в монографии представлено обоснование необходимости включения модального дейксиса в хронотоп:

Модальный дейксис не может быть исключен из хронотопа, поскольку в нем затрагиваются межперсональные отношения автора-наблюдателя и третьего лица к фактивности своих размышлений, а наблюдатель входит в концептуальную хронотопическую триаду наряду с временем и пространством (КОСТРОВА 2023: 49).

В разделе раскрыт модальный потенциал формы Konjunktiv, в частности, речь идет о передаваемой данной формой дейктической модальности. Как этноспецифическое средство модализации темпоральной перспективы представлены модальные глаголы: подчеркивается высокая популярность модальных глаголов в языковом сознании носителей немецкого языка.

В разделе «Синтаксические репрезентанты темпоральной перспективы» автор анализирует обстоятельства как маркеры темпоральной перспективы, парантезы и метафорические высказывания. Наречия времени как сильные дейктики реализуют референцию событий или действий персонажа на линейной оси времени. Ценно замечание автора, что синтаксические средства экспликации хронотопа взаимодействуют с морфологическими, что позволяет передать все возможные нюансы реализации временной перспективы в произведении. В данном разделе убедительно показано, что синтаксические средства выражения временных характеристик текста имеют свой содержательный потенциал, который не стоит игнорировать.

В разделе «Пространственная составляющая хронотопа: теоретические проблемы» затрагивается вопрос об особенностях концептуализации пространства в литературоведении и лингвистике. Здесь Кострова обращается к вопросу о дейксисе, раскрывая этноспецифику средств выражения направительной семантики в тексте. Принципиально новым можно считать описание пространственной перспективы текста.

В разделе «Репрезентация пространственной составляющей хронотопа в художественном дискурсе» раскрывается вопрос о мифопоэтической функции репрезентации пространства персонажа, показана роль сильных дейктиков в функции репрезентантов пространственной перспективы, дано описание предложных групп существительного в функции пространственных полудейктиков и наречных компонентов направительной семантики. Особенно следует отметить, что мифопоэтическая функция репрезентации пространства персонажа раскрывается на основе анализа чисто лингвистических элементов. Показана идиоэтничность сильных наречных дейктиков с компонентом d(a). Для выявления типичности наречных компонентов направительной се-

мантики автор обращается к анализу корпусных данных, показывая различие между *hinauf / herauf, hinein / herein, hinunter / herunter*. Удачно описаны контексты употребления направительных наречий *hin, her, hin / her* в связанном употреблении, при этом показаны оппозитивные отношения «вниз-вверх» и «внутри-наружу». Проведенный автором анализ номинаций с пространственной семантикой раскрывает дополнительные смыслы, которые эти номинации привносят в художественное произведение. В этом состоит несомненное достоинство раздела.

В заключение хотелось бы отметить, что монография *Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре* достаточно полно освещает языковую репрезентацию хронотопа, предлагая его исследование в новом ракурсе; представляет этнокультурную специфику пространственной, темпоральной и модальной составляющих хронотопа; показывает идейно-художественный потенциал языковых средств его выражения. Она раскрывает новые возможности толкования немецкого художественного текста с учетом грамматических особенностей его оформления. Книга содержит множество интересных идей и свидетельствует о высоком профессиональном уровне автора. Она рассчитана в первую очередь на специалистов в области германской филологии (аспирантов, преподавателей ВУЗов лингвистических факультетов, научных сотрудников). Совершенно однозначно можно говорить о том, что монография вносит большой вклад в германистику.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234—407. [Bakhtin, Mikhail M. (1975) *Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike* (Forms of Time and Chronotope in the Novel: Essays on Historical Poetics). In: Bakhtin, Mikhail M. *Issues of Literature and Aesthetics*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Гончарова Е. А.* Теория и практика стилистического анализа. М.: Академия, 2010. [Goncharova, Yevgeniya A. (2010) *Teoriya i praktika stilisticheskogo analiza* (Theory and Practice of Stylistic Analysis). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Наер Н. М.* Стилистика немецкого языка. М.: Московский педагогический гос. ун-т, 2015. [Naer, Nina M. (2015) *Stilistika nemetskogo yazyka*

(Stylistics of the German Language). Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian)].

Сребрянская Н. А. Дейкис и его проекция в художественном тексте. Воронеж: Воронежский гос. педагогический ун-т, 2005. [Srebrjanskaya, Natalya A. (2005) *Deyksis i ego proektsiya v khudozhestvennom tekste* (Deixis and its Projection in a Literary Text). Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. (In Russian)].

Шипова И. А. Реализация интегративной концепции дискурсивного анализа в постмодернистском художественном тексте (на материале немецкого языка) // Германистика 2020: nove et nova. Материалы III международной научной конференции / Карпенко Е. И., Анищенко А. В. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2020. С. 44—45. [Shipova, Irina A. (2020) *Realizatsiya integrativnoy kontseptsii diskursivnogo analiza v postmodernistkom khudozhestvennom tekste (na materiale nemetskogo yazyka)* (Implementation of the Integrative Concept of Discursive Analysis in a Postmodern Literary Text (exemplified by the German Language)). In: Karpenko, Yelena I. & Anishchenko, Alla V. (eds) *Germanistika 2020: nove et nova* (Germanistics 2020: nove et nova). Proceedings of the 3rd International Scientific Conference. 2020. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)].

Для цитирования:

Аверина А. В. Интеграция литературоведческой категории хронотопа в систему грамматических категорий немецкого языка: рец. на кн.: *Кострова О. А.* Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. М.: Флинта, 2023. 152 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 551—555.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-551-555.

To cite this Review:

Averina, Anna V. (2023) *Integratsiya literaturovedcheskoy kategorii khronotopa v sistemu grammaticheskikh kategoriy nemetskogo yazyka* (Integration of the Chronotope Literary Category into the System of Grammatical Categories of the German Language). Book Review: Kostrova, Olga A. (2023) *Kontseptual'naya grammatika khronotopa v nemetskoj lingvokul'ture* (Conceptual Grammar of Chronotope in German Linguistic Culture). Moscow: Flinta. 152 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 551—555. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-551-555.

Рецензия поступила в редакцию 15.03.2023; принята к публикации 03.04.2023

The review was submitted 15.03.2023; accepted for publication 03.04.2023

В. И. Карпов
Институт языкознания РАН

Сквайрс Е. Р. Опыты филологических реконструкций. М.: Языки славянской культуры, 2022. 456 с.

В импровизированном предисловии к книге Е. Р. Сквайрс *Опыты филологических реконструкций* (далее — *Опыты*) И. Л. Велюковская с сожалением отмечает, что в отечественный реестр специальностей не включена такая профессия как «хранитель древностей». В дореволюционной России хранителем древностей именовался служащий, который заведовал принадлежащими обществу древностями и библиотекой, то есть объединял в своем служении и работу систематизатора фонда редких книг, и изыскания филолога-историка, архивиста, реставратора. Каждая рукопись или старопечатная книга, старинная грамота или даже торговый прейскурант, словом, каждый документ, находящийся в ведении хранителя, «должен быть опознан, описан, классифицирован, вписан в контекст своей эпохи, языка, культуры» (СКВАЙРС 2022: 8). Иными словами, древний памятник должен быть представлен не сам по себе как обособленный факт истории, а как продукт своего времени, и достигается это, как пишет уже Сквайрс во Введении к *Опытам*, путем «реконструкции неязыковых обстоятельств, касающихся средневековых памятников или исторических событий отдаленных эпох, средствами анализа языка, палеографии» (ibid.: 10). Нередко специалисты имеют дело лишь с косвенными уликами, когда утрачены фрагменты текста или полностью отсутствуют рукописи и достоверные свидетельства в официальных источниках. Тогда приходится из разрозненных кусков достраивать конструкцию до целого, вытаскивая из небытия то, что десятилетиями считалось утраченным. На ум приходят слова Умберто Эко, так описавшего работу с древними манускриптами:

...я провел многие и многие часы за расшифровкой этих клочков. Иногда по одному слову, по следу слова я догадывался, о каком произведении идет речь. Когда с течением времени мне в руки попадали другие экземпляры тех же книг, я занимался ими с особенной любовью, как будто судьба нарочно посылала мне этот

подарок, как будто те знаки, по которым я определял и узнавал уничтоженную книгу, были ясным небесным знаменьем (ЭКО 2015: 656).

Приведенную выше цитату можно было бы взять в качестве эпиграфа к *Опытам*, где каждая глава написана одновременно как историко-филологический детектив, как увлекательный травелог путешественника во времени и как откровенный рассказ хранителя древностей о раритетах из тайных комнат. Уже ознакомившись с оглавлением, ты понимаешь, что не выпустишь эту книгу из рук, пока не дойдешь вместе с автором до финала, точнее, до развязки сюжета. Автор не оставляет своему читателю шанса расслабиться, второпях пролистать несколько страниц, отложить книгу, иначе упустишь детали, из которых сложен сюжет. И вот тогда, углубившись в повествование, ты понимаешь, чему нас учат *Опыты* — их суть, как сказал бы Владимир Набоков, «в превосходстве детали над обобщением, в превосходстве части, которая живет целого, в превосходстве мелочи» (НАБОКОВ 2011: 494). Это те самые мелочи, которые при поверхностном чтении могут показаться незначительными как посторонний шум, как сопутствующий мусор или, по меткому определению автора *Опытов*, как «макулатура» — ставшие ненужными пергаментные листы, использовавшиеся впоследствии в качестве переплетного материала для других манускриптов. Именно «макулатурная» палеография, «волнующие и увлекательные поиски рукописей, спрятанных в переплетах старых книг» (СКВАЙРС 2022: 163), их толкование — все это открывает миру новые измерения для изучения языка и литературы. Особенно увлекательна расшифровка «фантомных» рукописей, «когда обнаруживаются следы не существующих уже рукописей, которые оставили отпечатки своего текста на других листах или на досках переплета» (ibid.: 164). Так удается «найти то, чего нет», как емко и остроумно названа глава в *Опытах*, повествующая о судьбе потерянных рукописей, в частности, трактата *Струющийся Свет Божества* Мехтильды Магдебургской.

Другой пример макулатурных находок описан в главе «Выйти из тени веков». В коллекции рукописей, исследованных Сквайрс, имеются объекты, которые «сохранились в виде рос-

сыпи узких полосок, нарезанных в одном случае вдоль, а в другом — поперек строк» (ibid.: 346). Эти «полоски-спагетти» не что иное, как остатки средневекового пергамента, употребленного для усиления переплета и корешков книг более позднего периода. Изначально же на этих пергаментных листах были записаны грамоты, датируемые XIV — XV вв., с перечислением почтенных граждан города Гальберштадта, их деяний или городских событий. Распознавание и склейка макулатурных фракций — отдельная непростая задача, которая стоит перед исследователем: выпрямив полоски, установив порядок их следования и, наконец, склеив, ты получаешь не полноценный текст, а кусок ткани с зияющими пустотами. Как и в случае с потерянными рукописями, восполнять лакуны приходится по случайным свидетельствам, выискивая следы существования документов в других архивах, сопоставляя их со схожими или близкими по времени памятниками письменности. Благодаря интуиции, пытливой настойчивости и дотошной скрупулезности автору *Опыт* удастся решить одну головоломку за другой. «Потерянное — найденное» — так называется лишь одна из глав, и это название могло бы стать девизом всей книги.

В *Опытах* представлены наиболее яркие моменты работы с документами из собрания Густава Шмидта, хранящимися в Научной библиотеке МГУ имени М. В. Ломоносова, частично использованы рукописные источники из других архивов. Основу книги составили существенно переработанные и дополненные статьи, опубликованные в разные годы, некоторые из них впервые печатаются на русском языке. Отбор и систематизация материала проведены в соответствии с замыслом монографии — в максимальном приближении раскрыть читателю нюансы архивно-поисковой, палеографической и историко-диалектологической работы со средневековыми рукописями. Каждая из восьми глав — это еще и экскурс в языковую историю, тончайшая, ювелирно выполненная реконструкция диалекта той местности, где предположительно возник исследуемый документ. Богатый иллюстративный материал, транскрипция и перевод рукописей, подробные комментарии, привлечение дополнительных сведений, сопоставительный анализ грамматиче-

ских явлений формируют мощную доказательную базу для проверки выдвигаемых гипотез. У читателя складывается впечатление, что он вместе с автором *Опытов* разглядывает под лупой мельчайшие детали предметов старины, погружается в увлекательный мир языковой истории. Он узнает, на каком диалекте вещает «женский голос, говорящий с Богом» (ibid.: 77 и след.), на чем строится «диалог книги со своим переплетом» (ibid.: 201-211) или даже «как спастись от чумы по-нижненемецки» (ibid.: 256-283). Было бы ошибкой считать, что перед нами книга популяризатора, пытающегося заигрывать с читателем. Напротив, *Опыты* — образец серьезного, глубокого, научно выверенного филологического труда, в котором автор ведет разговор со своим читателем, он будто угадывает его вопросы и тут же отвечает на них, удивляя бесподобной эрудицией.

С не меньшим уважением автор *Опытов* относится к персонажам книги, внимательно следит за перипетиями их судеб, размышляет над мотивами поведения, чтобы в пространстве языка и истории не осталось белых пятен. В итоге выстраивается причудливая галерея образов: здесь и первопечатник из Магдебурга Бартоломеус Готан, и его соотечественница, монахиня-мистик Мехтильда, и реймский каноник Петр Рига. Встречаются и личности русской истории — новгородский князь Ярослав, самозванец Тимошка Акиндинов (он же Лже-Шуйский II), русский шпион при дворе германского императора Адам Стыла. В один клубок переплетаются факты политической, языковой истории Европы и индивидуальные судьбы; отныне герои книги — не безмолвные статисты, а обладатели собственного уникального голоса. Взгляните, к примеру, как в одну цепь спаяны звенья в групповом изображении жителей Гальберштадта: от «Языкового портрета» (ibid.: 349-351) автор ведет читателя к бюргерско-производственной биографии самого города в подразделе «Люди и дела» (ibid.: 352-361), чтобы в итоге зазвучали «Голоса» его жителей (ibid.: 361-371). Наконец, не обошли вниманием самого Густава Шмидта, его коллег и учеников соборной гимназии Стефанеум в Гальберштадте (ibid.: 212-221).

Думается, нет необходимости говорить о том, что эта книга будет полезна филологам-германистам, медиевистам, историкам.

Важнее другое: ее должны прочитать коллеги-лингвисты, все те, кто скептически настроен по отношению к сравнительно-историческому языкознанию и считает историко-лингвистические штудии анахронизмом. Академик Вяч. Вс. Иванов в частных беседах вспоминал свои встречи с художником Робертом Фальком. Последний сравнивал историческую лингвистику с естественными и точными науками, поскольку все они занимают одной проблемой, а именно, поиском гармонии в сочлененности природных элементов. Так и *Опыты* — это не россыпь хаотично разбросанных самоцветов, а искусно собранная мозаика, где каждый камень есть объект ценного европейского наследия, которое не только заслуживает бережного хранения, но требует «введения в мировой и культурный оборот» (ibid.: 12).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. С. Антонова, И. Бернштейн, Г. Дашевского и др. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. [Nabokov, Vladimir V. (2011) *Leksii po zarubezhnoy literature* (Lectures on Foreign Literature). Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)].

Эко У. Имя розы / пер. с итал., глоссарий и послесловие Е. Костюкович. М.: АСТ, Корпус, 2015. [Eco, Umberto. (2015) *Имя розы* (The Name of the Rose). Moscow: AST, Korpus. (In Russian)].

Для цитирования:

Карпов В. И. Рец. на кн.: Сквайрс Е. Р. Опыты филологических реконструкций. М.: Языки славянской культуры, 2022. 456 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 556—560. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-556-560.

To cite this Review:

Karpov, Vladimir I. (2023) Book Review: Squires, Catherine R. (2022) *Opyty filologicheskikh rekonstruktsiy* (Experiments in Philological Reconstruction). Moscow: LRC Publishing House. 456 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuzha germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 556—560. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-556-560.

Рецензия поступила в редакцию 10.05.2023; принята к публикации 17.05.2023
The review was submitted 10.05.2023; accepted for publication 17.05.2023

О. А. Кострова
Самарский государственный
социально-педагогический университет

**КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Гришаева А. И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж:
Наука-Юнипресс, 2022. 677 с.

Авторы многочисленных работ по межкультурной коммуникации руководствуются общим принципом систематизации энциклопедических социокультурных знаний, влияющих на лингвистическое оформление высказываний коммуникантов и на процесс понимания партнеров, принадлежащих другой культуре; ср., например, (ГРИШАЕВА & ЦУРИКОВА 2004; ЛЕОНТОВИЧ 2007; КРАСНЫХ 2013; КУЛИНИЧ & КОСТРОВА 2017; ТЕР-МИНАСОВА 2000; HERINGER 2010). Зарубежные германисты нередко рассматривают межкультурную коммуникацию в рамках межкультурной лингвистики в аспекте соотношения теории, методологии и эмпирических исследований (FÖLDES 2011) или избирают определенные аспекты анализа (FÖLDES 2014). Общим местом перечисленных работ, с разных позиций вносящих вклад в теорию межкультурной коммуникации, является отсутствие когнитивных доминант, лежащих в основе представляемых авторами подходов. Тем не менее структурированность нашего сознания и его способность адаптироваться к внешней среде, универсальность основных познавательных процессов — концептуализации и категоризации — и ряд других факторов обуславливают *универсальность доминантного принципа* языкового представления знаний (БОЛДЫРЕВ 2020: 25-26), определяющего главное направление нашего оязыковления действительности. Этот принцип реализуется и в научном тексте, в котором автор предлагает свое доминантное направление анализа (*ibid.*: 45). Оформившиеся лингвистические школы — структурная лингвистика, когнитивная лингвистика и др. — подтверждают релевантность доминантного принципа. Что касается межкультурной коммуни-

кации, специфика которой требует привлечения энциклопедических знаний, то в этой области, как отмечено выше, отсутствуют конкретные решения относительно когнитивных доминант. Ознакомившись с новой книгой Л. И. Гришаевой *Диалоги о межкультурной коммуникации*, выскажем предположение, что в этой книге такие доминанты незримо присутствуют. Наша гипотеза состоит в том, что когнитивной доминантой книги является *принцип бесконфликтности*, основанный на разделенном знании в понимании (ФУРС 2023) и обеспечивающий успешность межкультурной коммуникации.

Методология исследования в рецензируемой книге

В своей книге Гришаева исходит из понимания того, что межкультурная коммуникация — это «**межличностное взаимодействие, взаимодействие** (выделено в оригинале — *О. К.*) между носителями разных культур» (ГРИШАЕВА 2022: 23). Успех такого взаимодействия определяется многими факторами, которые необходимо учитывать в любом виде деятельности, — цель, мотив, средства, действия, результат, оценка (*ibid.*: 19), однако специфика межкультурного взаимодействия требует учета еще одного фактора — разделенного знания (*geteiltes Wissen*), а именно знания культурных и языковых особенностей своей и другой стороны. Этот фактор становится в этом виде взаимодействия доминирующим. Гришаева с успехом делится знаниями об особенностях немецкой лингвокультуры на фоне культур разных типов, не только славянской, но и азиатской, американской, африканской. При этом результативность достигается предупреждением конфликтности диалогическим методом, например, постановкой провокационных вопросов со стороны студентов. Таким образом, бесконфликтность реализуется и в общении разностатусных и разновозрастных личностей — преподавателя и студента.

Концептуальный уровень бесконфликтности

Этот уровень организован иерархически как суперординатный, базовый и субординатный (БОЛДЫРЕВ 2020: 49). Суперординатный уровень предполагает наличие общей методологической установки; в рецензируемой книге этот уровень реализуется в рассмотрении межкультурной коммуникации как межличностного взаимодействия. Бесконфликтность этого уровня состоит в

соотнесении предлагаемого автором подхода с представленными в литературе: список теоретических источников дается на 14 страницах формата А4.

Основная часть книги «Предметный разговор» посвящена базовому уровню концептуализации понятий, используемых в межкультурной коммуникации. Здесь объясняются основные понятия и термины. Гришаева относит к ним картину мира коммуникантов, когнитивные фильтры «свой», «чужой», «другой», стереотипы сознания, культурные скрепы, типологию культур и языковую личность. Само перечисление обсуждаемых в книге базовых понятий, владение которыми составляет необходимый компонент межкультурной коммуникации, создает представление о масштабности исследования. При этом автор, реализуя принцип бесконфликтности, аргументированно разбирает концепции, лежащие в основе каждого понятия. Например, подробно анализируются объяснительная сила и пределы возможного при учете типологии культур, в частности, на материале известной классификации культур Г. Хофстеде (ГРИШАЕВА 2022: 344-369).

Особую ценность представляют, на наш взгляд, иллюстрации, приводимые в качестве подтверждения теоретических положений и создающие яркую наглядность изложения. Эпитет «яркий» не является в данном случае преувеличением, поскольку книга богато иллюстрирована цветными изображениями артефактов, объявлений, рекламных вставок, фотографий меню и пр., многие из которых приводятся из личного архива автора. Все эти иллюстрации создают наглядный образ или гештальт картины мира, образ, который не так просто расшифровать, применяя понятие «маркеры культурной идентичности», описанные автором в особом разделе (*ibid.*: 262-292). Выявление этих маркеров на материале конкретной иллюстрации, несомненно, способствует развитию аналитического мышления, умению выделять в общей картине дифференциальные признаки той или иной культуры.

Не менее показательными являются, однако, и описательные примеры. Так, иллюстрируя применение в реальной коммуникации когнитивных фильтров, автор описывает межкуль-

турный проект, одно из заданий которого предполагало представление «памятников» немецкой и русской культурам для их установки соответственно на Красной площади в Москве и в центре Берлина. Русские студенты, используя когнитивный фильтр «свой» — «другой», представили скульптурный «памятник», изображающий Гете и Шиллера в совокупности с фигурой философа в позе роденовского мыслителя, показав знание другой культуры и уважение к ней. Немецкие студенты руководствовались когнитивным фильтром «свой» — «чужой», показывая свое неприятие склонности к алкоголизму, которое они присваивали русской культуре в целом (ibid.: 161). Пример продемонстрировал, кроме прочего, отсутствие коммуникативной и когнитивной гибкости у студентов, представлявших немецкую культуру, в которой слабо учитывается контекст, что создает угрозу конфликта.

Фундаментальной задачей базового уровня Гришаева с полным основанием считает выделение *конститутивной единицы* межкультурной деятельности. Эта единица определяется в дискуссии с представленными в литературе претендентами на эту роль, такими как *культурный символ, стандарт, коммуникативный / речевой акт* и некоторыми другими. Однако, по справедливому заключению автора, все перечисленные единицы учитывают позицию только одного коммуниканта, что не отражает сущности межкультурного взаимодействия. Позиции обоих коммуникантов может отражать более крупная единица, предложенная Л. В. Цуриковой — *коммуникативное / дискурсивное событие* (ibid.: 602-610). Коммуникативное событие и его представление в дискурсе

позволяет учитывать причинную связь с нормами ожидания, с прототипами обработки сведений о мире, т. е. проследить связи между отдельными частями культуры (материальной, духовной, интеракциональной) (ibid.: 618).

В качестве примеров дискурсивных событий автор приводит семиотически осложненные тексты — карикатуры, которые рассматриваются как результат дискурса (ibid.: 613), или иллюстрации, не содержащие вербальных знаков, создающие визуальный образ, возникающий в дискурсивном событии определенной культуры (ibid.: 616-617).

Не менее, если не более значим субординатный уровень концептуализации понятий межкультурной коммуникации, особенно релевантный в дидактическом плане. На этом уровне приводятся частные трактовки, интерпретации и уточнения отдельных понятий. Так, особый раздел «Маркеры культурной идентичности» (ibid.: 262-292) посвящен проблеме практического применения теоретических знаний, изложенных в предыдущем разделе «Стереотипы сознания и их влияние на рецепцию воспринимаемых человеком сведений о мире» (ibid.: 230-261). Культурная идентичность концептуализируется как понятие, интегрирующее личностную и коллективную идентичность (ibid.: 265), что позволяет определять культурную принадлежность объектов. Незнание признаков культурной принадлежности может привести к конфликту. Например, образцы одежды, приведенные на с. 271, могут маркировать социальный статус, принадлежность к социальной группе, уровень благосостояния и пр., а главное — культурную идентичность субъекта, одетого определенным образом. Незнание некоторых из приведенных образцов может, в свою очередь, служить маркером культурной принадлежности реципиента. Так, европейцы не всегда смогут по одежде идентифицировать культурную принадлежность представителей азиатского или южноамериканского континентов. Другой пример: мы не всегда быстро ориентируемся, о каком море говорят, называя его Восточным, поскольку для нас это Балтийское море.

Развивая эту мысль, Гришаева вводит понятие «культурная скрепа», тесно связанное с понятиями прецедентности и языка как культурного кода.

Культурные скрепы как содержательные доминанты межкультурной коммуникации

Культурные скрепы скрепляют отдельные, более или менее автономные и/или разрозненные, культурные слои и подсистемы в систему, <...> в некую единую целостность, проявляющую себя по-разному в различных и разнородных, крайне вариативных условиях — в культуру (ibid.: 293).

Поскольку речь идет о разнородных феноменах, на с. 295 предлагается матрица, учитывающая (выборочно) повторяющиеся в коммуникации языковые средства, которые могут считаться

культурными скрепами. К ним относятся фразеологизмы, мемы, прецедентные феномены, концептуальные метафоры, словообразовательные модели и целый ряд других языковых средств.

Для изучающих немецкий язык как иностранный (реципиенты, для которых эта книга написана в первую очередь) чрезвычайно интересна подборка прототипических юмористических историй, с детства знакомых носителям немецкой культуры: Struwwelpeter, Suppenkaspar и др. (ibid.: 302). Встречающиеся здесь прецедентные имена, несомненно, служат культурными скрепами, маркерами культурной идентичности.

Когнитивные доминанты выбора языковых средств

Особенности использования языковых средств в разных видах коммуникации обобщаются в Матрице 1 (ibid.: 436). Судя по этой матрице, доминанты выбора определяются тремя основными взаимодействующими друг с другом параметрами (в матрице они детализируются): видом коммуникации (устная, письменная или медийная); целью коммуникации, обуславливающей ее специфику и стратегию; психологической и социокультурной идентичностью коммуникантов. Два последних параметра требуют пояснения. Цель письменной коммуникации, например, в жанре романа, может состоять в реализации хронотопа, связывающего воедино сюжетные линии произведения с использованием различных стратегий (подробнее об этом см. в [КОСТРОВА 2023]). При непосредственном общении, при интеракции, используются, естественно, другие стратегии, знание которых необходимо для бесконфликтной коммуникации. Психологический тип и социокультурная принадлежность коммуникантов может, среди прочего, определять выбор нейтральных или экспрессивных языковых средств. Кроме того, чрезвычайно важное значение приобретает здесь то обстоятельство, на каком языке общаются коммуниканты — на родном или неродном. В литературе описано, что говорящие на родном языке используют коммуникативные стратегии, отличные от тех, которые применяют говорящие на иностранном языке (JANNEL 2000).

Здесь Гришаева логично подходит к проблеме языковой личности, определяя ее как «когнитивно-дискурсивный инвариант» (ГРИШАЕВА 2022: 491-499). Предлагаемое определение

языковой личности уточняет, на наш взгляд, понимание этого феномена Ю. Н. Карауловым, поскольку задает признак инвариантности, включающий знание когнитивно-коммуникативных стратегий, применяемых в разных дискурсивных практиках. Гришаева иллюстрирует это известным примером использования разных коммуникативных стратегий при выражении просьбы: для русской языковой личности естественно использовать в этой ситуации императив, немецкая языковая личность воспринимает такую стратегию как агрессию, поскольку в немецкой лингвокультуре принято выражать просьбу косвенными речевыми актами. Из примера следует, что знание когнитивно-дискурсивного инварианта языковой личности коммуникативного партнера — необходимое условие бесконфликтной коммуникации, представляющее ее когнитивную доминанту.

Доминанты успешности и факторы риска в межкультурной коммуникации

Особый раздел посвящен условиям успешности и факторам риска межкультурной коммуникации. Оказывается, что доминантным фактором в том и в другом случае является языковая личность коммуникантов, а именно степень ее способности к адаптации или ее ригидность. Когнитивно-дискурсивный инвариант личности предполагает наличие вариантов, которые она может себе позволить, не изменяя своей картине мира. Согласно вполне логичной аргументации автора, факторы риска проявляются в ситуациях, когда человек ожидает от партнера поведения, принятого в собственной лингвокультуре. Способность адаптироваться к ситуации, в которой протекает коммуникация, в том числе учет картины мира и индивидуальных качеств партнера, позволяет коммуникантам использовать и с пониманием воспринимать не только стандартные языковые средства, ожидаемые в определенной ситуации в родной культуре, что обеспечивает бесконфликтность и результативность общения. Не последнюю роль играет при этом умение коммуникантов рефлексировать собственную культуру. И напротив, отсутствие этого умения, неспособность принять альтернативную позицию, характеризующую ригидную личность, препятствует успешности коммуникации. В разделе подробно разбираются оба варианта.

Всегда ли легко определить когнитивные доминанты культуры?

Этот вопрос встает перед читателем, на мой взгляд, в двух основных случаях. С одной стороны, необходимость определения когнитивной сущности проблемы возникает, когда автор подробно перечисляет характеристики какого-либо сложного феномена, например, картины мира. Рассуждая о том, какие знания нужны для понимания картины мира, Гришаева перечисляет 13 позиций (ГРИШАЕВА 2022: 107). Описывая картину мира как структурированное единство разнородных явлений, автор приводит 14 ее характеристик (*ibid.*: 111). Наконец, подводя итоги возможностям варьирования языковой личности, исследователь приводит 17 аргументов, доказывающих зависимость речевого поведения в конкретном культурном пространстве от диалектики универсального и специфичного в картине мира (*ibid.*: 500-501). Для жанра монографии это несомненный кладезь признаков и характеристик. В дидактическом плане, однако, представляется, что это фактор риска.

Другой вопрос касается интерпретации видеонаглядности, представленной в книге. Осознавая неоднозначность ее трактовки, автор приводит возможный вопрос студента: «а почему для рассуждений о языковой личности использованы так часто карикатуры Лорио? Ведь мы же видим, что в этих картинках языковые средства не столь и важны» (*ibid.*: 486). Думается, что это логичный вопрос, ответ на который требует глубокого анализа полимодального текста, который выходит за рамки исследования собственно межкультурной коммуникации.

Как видим, поставленные проблемные вопросы представляют случаи, о которых известная истина гласит: наши недостатки являются продолжением наших достоинств.

Оценивая книгу в целом, отметим, что Гришаева убедительно показывает необходимость реализации в разных видах межкультурной коммуникации доминантного принципа бесконфликтности, который обеспечивает ее успешность. Именно этот принцип позволяет реализовать варианты вербального и невербального поведения инвариантной языковой личности в коммуникативно-дискурсивном событии, представляющем, на наш

взгляд, когнитивную доминанту межкультурной коммуникации.

В заключение хочется от души поблагодарить автора за столь фундаментальный труд, обобщающий ее многогранную исследовательскую деятельность, инициирование и осуществление разнообразных межкультурных проектов и многолетний педагогический опыт. Вне всякого сомнения, книга окажется востребованной в научно-педагогической среде и послужит практическим руководством в организации курса межкультурной коммуникации и реализации межкультурных проектов.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Болдырев Н. Н.* Когнитивные доминанты языкового сознания: теоретические и методологические аспекты исследования // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 4 (43). С. 21—79. [Boldyrev, Nikolay N. (2020) Kognitivnyye dominanty yazykovogo soznaniya: teoreticheskiye i metodologicheskiye aspekty issledovaniya (Cognitive Dominants of Linguistic Consciosness). *Cognitive Studies of Language*, 4 (43), 21—79. (In Russian)].
- Гришаева Л. И., Цурикова Л. В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. [Grishayeva, Lyudmila I. & Tsurikova, Lubov' V. (2004) *Vvedeniye v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii* (Introduction to Theory of Intercultural Communication). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Кострова О. А.* Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. М.: Флинта, 2023. [Kostrova, Olga A. (2023) *Kontseptual'naya grammatika khronotopa v nemetskoj lingvokul'ture* (Conceptual Grammar of Chronotope in German Linguistic Culture). Moscow: Flinta, (In Russian)].
- Красных В. В.* Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 122—130. [Krasnykh, Viktoriya V. (2013) Grammatika lingvokul'tury, ili chto derzhit yazykovuyu kartinu mira? (The Grammar of Linguo-culture, or What does keep the Linguistic Picture of the World?). *Ecology of Language and Communicative Practice*, 1, 122—130. (In Russian)].
- Кулинич М. А., Кострова О. А.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Флинта, 2017. [Kulinich, Marina A. & Kostrova, Olga A. (2017) *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* (Theory and Praxis of Intercultural Communication). Moscow: Flinta. (In Russian)].

- Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007. [Leontovich, Olga A. (2007) *Vvedeniye v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu* (Introduction to Intercultural Communication). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. [Ter-Minasova, Svetlana G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. (Language and Intercultural Communication). Moscow: Slovo. (In Russian)].
- Földes, Csaba. (ed.) (2011) *Interkulturelle Germanistik im Aufbruch. Das Verhältnis von Theorie, Empirie und Methode*. Tübingen: Narr Verlag. (Studien zur Interkulturellen Germanistik, 3)
- Földes, Csaba. (ed.) (2014) *Interkulturelle Germanistik unter dem Blickwinkel von Semantik und Pragmatik*. Tübingen: Narr Verlag. (Studien zur Interkulturellen Germanistik, 5)
- Heringer, Hans Jürgen. (2010) *Interkulturelle Kommunikation*. Tübingen: A. Francke.
- Jahnel, Andrea. (2000) *Argumentation in interkulturellen Fernsehdiskussionen*. München: Judicium.

Для цитирования:

Кострова О. А. Когнитивные доминанты межкультурной коммуникации: рецензия на кн.: Гришайева Л. И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022. 677 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 561—570.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-561-570.

To cite this Review:

Kostrova, Olga A. (2023) Kognitivnyye dominanty mezhkul'turnoy kommunikatsii (Cognitive Dominants of Intercultural Communication). Book Review: Grishayeva Lyudmila I. (2022) *Dialogi o mezhkul'turnoy kommunikatsii* (Dialogues on Intercultural Communication). Voronezh: Nauka-Yunipress. 677 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 561—570. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-561-570.

Рецензия поступила в редакцию 10.03.2023; принята к публикации 03.04.2023
The review was submitted 10.03.2023; accepted for publication 03.04.2023

И. А. Шипова

Московский педагогический государственный университет

**ЧАСТИЦЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
В СВЕТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ**

Аверина А. В. Частицы как элементы коммуникативного взаимодействия в немецкоязычной среде: теория и практика. М.: Прометей, 2021. 196 с.

Учебное пособие А. В. Авериной *Частицы как элементы коммуникативного взаимодействия в немецкоязычной среде: теория и практика* предназначено для студентов языковых ВУЗов, изучающих немецкий язык как специальность на продвинутом уровне, в первую очередь, для магистрантов. По мнению автора, оно может быть также рекомендовано и для широкого круга филологов, имеющих соответствующую языковую и лингвистическую подготовку. Пособие вышло в свет в 2021 г. в издательстве «Прометей», и можно сказать, что уже введено в учебный процесс как теоретическое издание, в котором важное место отведено практическим заданиям, включающим вопросы по основам теории.

Эта работа отличается рядом важных характеристик. В ней предлагается всесторонний теоретический анализ такого сложного явления немецкого языка как частицы; одновременно автор ставит задачу проверить на практическом материале, насколько теория осознается и усваивается в процессе работы над данной темой.

Пособие включает шесть глав, которые предваряет введение. В нем определены цели и задачи издания, дан ответ на вопрос, почему Аверина посвятила свой труд такому сложному и многоплановому явлению немецкого языка как частицы. Автор утверждает, что незнание закономерностей использования коммуникативных единиц в речи может привести к искажениям в восприятии ситуации общения, повлечь за собой ошибочную реакцию в ходе беседы или неверное восприятие текста. Эти доводы вполне обоснованы, поскольку частиц в немецком языке

много, их сложно вводить посредством прямого перевода, что требует особого подхода в работе с ними в процессе углубленного обучения немецкому языку.

Однако есть еще причины, по которым подобная книга должна быть востребована у специалистов: определение роли частиц как элементов коммуникативного взаимодействия напрямую связано с их типом. Надо отметить, что классификация частиц и их дифференциация по характеристикам — модальные, дискурсивные и фокусные — дает возможность не только студентам, но и коллегам-преподавателям в полной мере осознать их функции, разобраться в том, какую роль играют ударение и интонация при реализации частиц в речи.

Содержание книги излагается поэтапно. В первой главе «Общая характеристика частиц немецкого языка как элементов коммуникативного взаимодействия» автор описывает те свойства частиц, которые позволяют утверждать, что эти элементы языковой системы немецкого языка, несмотря на отсутствие у них синтаксической роли в предложении, выполняют свою значимую функцию в устной и письменной коммуникации. Стратегия использования частиц в речи связана с их способностью ослаблять иллокутивную силу высказывания, усиливать различные интенции говорящего, что делает общение между людьми с использованием частиц естественным и непринужденным.

В работе автор приводит различные классы частиц, иллюстрируя их примерами из нескольких электронных корпусов немецкого языка: DECOW, DeWaC, DWDS и др., фрагментами научных, публицистических и художественных текстов. Примеры, как правило, снабжены подробным комментарием, дающим объяснение трактовки того или иного случая использования частиц. По сути, в первой главе дана теоретическая база пособия, опираясь на которую учащиеся могут детально разобраться, как определить вид и роль частиц в речевой деятельности. Первая, как и все последующие, завершается вопросами и заданиями для учащихся, дополняющими, на наш взгляд, теоретическую часть наглядной учебно-практической и способствующими расширению целевой аудитории издания.

Вторая глава «Модальные частицы» посвящена непосредственно данному классу частиц. В ней подробно описываются их свойства и функции. В восьми параграфах рассмотрены важные аспекты использования модальных частиц в письменной и устной речевой деятельности. Это самая объемная глава, в которой сначала дана общая теория о функциях модальных частиц, а затем предлагается список частиц с разбором каждой из них в предложениях разного типа. Таким образом, теория и практика составляют единое целое благодаря тому, что автор описывает вариативность использования частиц с объяснением их семантического потенциала и нюансов употребления, уделяя каждой достаточно внимания, что позволяет увидеть и понять роль и значимость частицы в практической коммуникации. В седьмом параграфе второй главы рассматривается сочетаемость частиц друг с другом, а в восьмом предложено описание возможной комбинаторики модальных и дискурсивных частиц с модальными словами и наречиями. Это центральная часть пособия, которая содержит широкий обзор важнейших вопросов, связанных с использованием модальных частиц в разных ситуациях и контекстах, систематизирует материал, наглядно поясняя, в чем разница между классами столь похожих и все же принципиально различных коммуникативных единиц немецкого языка.

В этой главе Аверина выбирает определенную стратегию изложения материала, последовательно переходя от одной позиции к другой, подробно, но не избыточно излагая суть вопроса, что дает возможность составить представление о том, в каких случаях и каким образом каждая из описываемых частиц проявляет себя в высказывании. Тренировка навыка работы с частицами и контроль понимания каждой темы завершается на этапе обсуждения предложенных вопросов и заданий.

Третья глава «Ударение и интонация как неотъемлемая составляющая коммуникативного взаимодействия» освещает один из аспектов грамматической системы языка, которой мало (если вообще) уделяется внимания в учебных изданиях. В связи с этим надо сказать о неоднозначности материала, работа над которым предложена в пособии. Так называемый *Verumfokus*, имеющий значение при фокусировании личной формы глагола

на истинности пропозиции высказывания при ее отрицании партнером по коммуникации, представляется не очень распространенным, частным, случаем в практике преподавания немецкого языка. Такой же статус имеет и феномен *Faulsum*, который отрицает пропозицию предыдущего высказывания, предложенный для ознакомления в третьей главе книги. Сложность оценки данного раздела пособия состоит в том, что ни практическая значимость проблемы, ни количество посвященных ей работ не позволяют говорить о необходимости введения ее в учебную программу даже в магистратуре. В то же время, для тех, кто старается вникнуть и понять все нюансы лингвистики и, в частности, германистики, такой материал не может быть безинтересным. Он приоткрывает еще одну грань науки о языке и дает достаточно исчерпывающие пояснения как в плане грамматического значения вопроса, так и в сфере фонологии. В практической деятельности преподаватель может опустить эту главу, если интерес и понимание студентов не будут достаточными.

Четвертая глава, озаглавленная «Дискурсивные и фокусные частицы», содержит информацию о том, как определить данные классы частиц, тем более что некоторые из них упоминаются уже во второй главе. Аверина анализирует довольно большое количество частиц, описывает оттенки их значений, наглядно показывает различия модальных, фокусных и дискурсивных частиц, степень их зависимости от контекста, ударность и позицию в структуре предложения.

В пятой главе «Частицы в различных типах текстов» освещается вопрос о функциональном назначении частиц в текстах, принадлежащих различным функциональным стилям: научному, публицистическому, разговорному и художественному. В этой главе автор прослеживает использование частиц в таких типах текста как научно-популярная статья, репортаж, интервью, очерк, разговор-просьба или установление контакта в диалоге, а также при имитации разговорной речи в художественной литературе. Не уделяя особого внимания типу текста как таковому, Аверина показывает тенденции в использовании частиц, рассматривая те особенности содержания предлагаемых текстов, которые требуют появления частиц или только допускают его.

Поэтому частицы представлены с позиции их роли в актуализации диалогичности, построении логической взаимосвязи частей текста, в экспрессивной функции при выражении субъективной оценки, причинно-следственных связей между предложениями, а также при выражении не/категоричного утверждения, маркировки сомнения говорящего и ряда других функций. Надо отметить, что раздел не претендует на полноту обзора, но он весьма значим, поскольку среди изучающих немецкий язык бытует мнение об использовании частиц только в разговорной речи для придания ей характера непринужденности, что очень ограничивает понимание самого феномена частиц в коммуникации.

Глава под названием «Частицы в придаточных предложениях» важна в том плане, что это еще одна сторона понимания природы частиц как особых единиц языка. Аверина предлагает свою классификацию тех видов придаточных предложений, в которых употребление частиц возможно в зависимости от их способности занимать определенную позицию в высказывании. По ее мнению, существуют придаточные предложения, в которых модальные частицы могут быть использованы всегда. Есть такие, в которых модальные частицы могут иметь место только при определенных условиях, и наконец, существует ряд придаточных, использование модальных частиц в которых невозможно. Каждый из перечисленных вариантов наглядно проиллюстрирован, что позволяет судить об оправданности концепции автора, и дает стимул к дальнейшим изысканиям в данной области.

Говоря о научной значимости пособия, хотелось бы отметить его принципиальную научную новизну в плане освещения всех зарубежных и отечественных исследований в соединении с творческим подходом автора к рассмотренному материалу. Аверина четко формулирует собственную позицию, опираясь на знания и понимание вопроса, о чем свидетельствуют многочисленные выступления на различных лингвистических конференциях в нашей стране и за рубежом.

К несомненным достоинствам пособия следует отнести высокий уровень научности текста, его обоснованность и опору на работы именитых германистов разных стран, полноту охвата тематики, его просветительскую роль, дающую возможность повысить

общий уровень лингвистической компетентности учащихся языковых ВУЗов, в первую очередь, магистрантов. И наконец, Аверина предложила тематику, которая может быть предложена для дальнейшей разработки в дипломных, магистерских и кандидатских диссертациях, поскольку весь тематический блок актуален и теоретически очень значим для отечественной германистики.

Многоплановая работа не может не иметь некоторых недочетов и изъянов, но не стоит на них подробно останавливаться. Во-первых, сам замысел и его воплощение не заслуживают недооценки сделанного, и во-вторых, формулировки, подобные такой: «Прочитайте предложения, содержащие частицы и определители...» не стоит строго оценивать, они не оказывают скольконибудь значимого влияния на общую положительную оценку всего издания. Во-вторых, отметим, что большинство теоретических положений включает ряд терминов, для понимания которых необходимы или хорошие знания в области теории современной лингвистики или пояснения преподавателя. Поэтому работа над пособием потребует от коллег серьезной подготовки. Однако, разве это не дает нам повод постоянно работать над собой, познавая все новое или расширяя знания о хорошо известном?

Для цитирования:

Шипова И. А. Частицы немецкого языка в свете теоретического осмысления и практики применения: рец. на кн.: Аверина А. В. Частицы как элементы коммуникативного взаимодействия в немецкоязычной среде: теория и практика. М.: Прометей, 2021. 196 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 571—576. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-571-576.

To cite this Review:

Shipova, Irina A. (2023) Chastitsy nemetskogo yazyka v svete teoreticheskogo osmysleniya i praktiki primeneniya (Particles of the German Language in the Light of Theoretical Understanding and Application Practice). Book Review: Averina, Anna V. (2021) *Chastitsy kak elementy kommunikativnogo vzaimodeystviya v nemetskoyazychnoy srede: teoriya i praktika* (Particles as Elements of Communicative Interaction in the German-speaking Environment: Theory and Practice). Moscow: Prometey. 196 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 571—576. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-571-576.

*Рецензия поступила в редакцию 15.03.2023; принята к публикации 03.04.2023
The review was submitted 15.03.2023; accepted for publication 03.04.2023*

СООБЩЕНИЯ

REPORTS

ЗОЛОТУРНСКИЕ ДНИ ЛИТЕРАТУРЫ 19 — 21 МАЯ 2023 ГОДА ПОД ЗНАКОМ *VICEVERSA*

В швейцарском городе Золотурне с 19 по 21 мая 2023 года в 45-й раз прошли Золотурнские дни литературы (Solothurner Literaturtage) — главная платформа для всех, кто так или иначе связан со швейцарской литературой. За последние 40 лет Золотурнские встречи, происходящие, по традиции, на Вознесение, превратились в ежегодные встречи большой литературной семьи — писателей, переводчиков, издателей, агентов, а также просто любителей литературы. Здесь нет иерархии возрастов и почестей, нет одного доминирующего языка, поскольку участвуют не только авторы, пишущие на четырех национальных языках Швейцарии (немецком, французском, итальянском и ретороманском), но также представители так называемой «литературы мигрантов», пишущие на английском, хорватском, сербском, испанском, белорусском и прочих языках. Тем, кто опубликовал в течение предыдущего года или двух какой-либо художественный текст, была предоставлена возможность провести чтения или участвовать в дискуссиях. В этом году в мероприятиях приняли участие 76 авторов, присутствовали 200 приглашенных гостей, было проведено 150 мероприятий.

«В нестабильные времена, полные кризисов, протестов и общественных потрясений, нам важно относиться к миру с эмпатией, прислушиваться и вступать в конструктивный диалог», — пишут организаторы в брошюре Дней литературы.

И действительно, люди и тексты, неразрывно связанные с кризисами и общественными потрясениями, были представлены в самых разных вариантах. О кризисах и сложных судьбах мигрантов рассказывали живущий в Берлине выходец из Ирана Бежад Карим Кани (Behzad Karim Khani) и уроженец Кот д'Ивуара парижанин Гоз (Gauz). Биография Кани говорит сама за себя: у него на счету несколько судимостей — за нелегальное хранение каннабиса и за нанесение тяжких телесных повреждений, три года жизни в трейлере, содержание бара. У Гоza за

плечами среди прочего работа телохранителем.

О том, что такое быть мигрантом в третьем поколении, как сохранить здоровое национальное самосознание и избавиться от ресантимента с болезненным национализмом размышляли писатели бывшей Югославии Виолета Алексић (Violeta Aleksić), Ольга Серафимовски Миленкович (Olga Serafimovski Milenković), Горан Вулович (Goran Vulović).

Миграция или изгнание? Где проходит граница и как ее определить? Об этом говорили белорусские писатели-мигранты Юлия Тимафеева (Julia Cimaŋiejeva) и Альгерд Бахаревич (Alhierd Bacharevič). Что делать с «камнем страха» (название поэмы Юлии Тимофеевой), передающимся из поколения в поколение, защищающим от опасности и одновременно лежащим мертвым грузом и не дающим дышать и жить?

С писателями в изгнании в узком и широком смысле также была связана серия коротких чтений авторов литературного журнала «Nagt», посвященного теме «Exit Exit» («Выход Изгнание»).

Подиумная дискуссия о языке между выходцами из бывшей Югославии Миной Хава (Mina Hava), Шпресой Яшари (Shpresa Jashari) и уроженцем Индии Ральфом Тарайилом (Ralth Tharayil) прошла под названием «Язык манифестирует реальности». Все они говорили о своем законном браке с немецким языком и ощущении себя писателями немецкоязычного пространства, не желающими быть частью «литературы мигрантов». Да и само понятие литературы мигрантов, явно отдающее сексизмом, неоднократно ставилось под вопрос участниками различных подиумных дискуссий. Возможен ли еще акт чтения инокультурного текста / инокультурного автора с целью приобретения знаний и информации о стране? Не является ли это очередным вариантом колониализма и эксплуатации?

Несправедливость во всех ее формах, ущемление свобод и прав, протест против любых устоявшихся традиционалистских дефиниций и табу — темы, волновавшие швейцарских писателей. Лауреат немецкой и швейцарской премий по литературе прошлого года небинарная персона Ким де л'Оризон (Kim de l'Horizon) размышлял о навязанных обществом бинарных структурах не только и не столько в сексуальном, сколько в языковом

плане и о том, как меняется язык, лишенный бинарной ограниченности. Сара Элена Мюллер (Sarah Elena Müller), работающая на стыке музыки, литературы и визуальных искусств, читая отрывки из своего романа *Картина без девочки* («Bild ohne Mädchen»), рассуждала о том, как в альтернативных кругах, для которых, казалось бы, неприемлемы различные формы авторитаризма, проявляется насилие над детьми. При этом сексуализированное принуждение детей возводится в революционный акт освобождения от общественного пуританства.

Та же тенденция наделяния правом голоса самых бесправных и молчаливых прослеживалась и у приглашенной испанской писательницы Кристины Моралес (Cristina Morales), чей роман *Leichte Sprache* («Легкий язык») написан от лица четырех душевнобольных женщин. К этой же теме обращается и Аня Вики (Anja Wicki) в своем дебютном романе *In Ordnung* («В порядке»), описывая душевную болезнь главной героини.

В этом году важным новым аспектом Дней литературы стало внимание к переводу и переводчикам — незримым героям культурного трансфера, разрушающим культурные границы и барьеры. Так, переводчица с немецкого на хорватский язык Наташа Медвед (Nataša Medved) и переводчица с немецкого на английский Джемми Ли Серл (Jamie Lee Searle) делились сложностями перевода *Blutbuch* («Книги крови») Кима де л'Оризона. Стивен Висс (Steven Wyss) рассказывал о своем переводе на немецкий язык романа *Присутствие смерти* (немецкое название: «Sturz in die Sonne») франкоязычного швейцарского автора начала XX в. Шарля Фердинанда Рамю (Charles Ferdinand Ramuz). Дистопия столетней давности о резком потеплении климата и неотвратимой катастрофе звучит сейчас актуально, как никогда. Переводчица с итальянского, французского и ретороманского на немецкий Рут Гантерт (Ruth Gantert) оказалась в центре внимания не только как переводчица, но и как литературная посредница и издательница трехязычного ежегодника швейцарской литературы *Viceversa*.

Во время Дней литературы прошли церемонии награждения швейцарской премией по литературе, а также премией Золотурнских дней литературы за особые заслуги, которую в этом

году получила писательница Гертруд Лойтенеггер. Швейцарская премия по литературе была торжественно вручена писательнице Лете Семадени (Leta Semadeni), пишущей на реторманском и немецком языках, за роман *Amur, großer Fluss* («Амур, большая река»). Этот роман — один из редких текстов швейцарской литературы, связанных с русской темой. Действие в нем происходит то на берегах Амура на Дальнем Востоке, то возвращается в затерянную горную деревушку Тамангур, где главная героиня Ольга напрасно ждет своего любимого, затерявшегося в далеких амурских лесах. Лета Семадени никогда не была в России, но однажды увиденная передача про амурского тигра зачаровала ее. «В моих стихах видны следы животных», — говорит она о своем творчестве, в котором то и дело возникают дикие животные: лисы, волки, кабаны. Дикая красота необузданной природы — то, что сблизжает самые дальние уголки России и спрятанные в Альпах деревни Энгадина.

Большая река как река жизни и как образ словесного потока, то извергающегося мощным водопадом, то спокойно и мирно текущего вдоль берегов, волнует не только Лету Семадени, но и Франца Холера (Franz Hohler). Чтения на пленэре, на лестнице церкви святой Урсулы, из его нового сборника *Rhein-aufwärts* («Вверх по Рейну») собрали большую толпу слушателей. Истории, созданные в любимом швейцарцами еще со времен Роберта Вальзера жанре прогулки, сотканые из описаний ландшафтов, меланхолических шуток и мудрости повседневности, к которому обратился Франц Холер, вызвали большой ажиотаж.

Бесспорным успехом стали чтения австрийской писательницы Рафаэлы Эдельбауэр (Raphaela Edelbauer) из ее нового романа *Die Inkommensurablen* («Несоизмеримые»). Действие начинается 30 июля 1914 г., накануне Первой мировой войны. Воспитанная на текстах Йозефа Рота и Роберта Музиля с их меланхолической тоской по золотому веку распавшейся «какании»* и габсбургскому мифу, Эдельбауэр пытается посмотреть на события с позиции сегодняшнего дня и понять, откуда возникли милитаристские

* Так Роберт Музиль называл Австро-Венгрию — «K.und K. Monarchie».

настроения и военный энтузиазм того времени и как работали механизмы манипуляции массами. Это был единственный текст из всех представленных на Днях литературы, напрямую связанный с войной, и потому всех присутствующих интересовала его связь с актуальными событиями. Однако текст был написан еще в 2021 г., и все совпадения оказались случайны.

Заключительным аккордом Дней литературы стало празднование 80-летних юбилеев корифеев швейцарской литературы Франца Холера и Кристиана Халлера (Christian Haller) «80+80». Писатели родились с разницей всего в один день. Уже тридцать лет они печатаются в одном и том же издательстве «Luchterhand» и их связывает многолетняя дружба, так что невольно напрашивается сравнение с другой знаменитой парой швейцарских писателей — Фришем и Дюрренматтом.

После двух пандемийных лет, когда Дни литературы в основном проходили в онлайн-формате, юбилейные 45-е Встречи стали настоящим событием для изголодавшейся по интеллектуальной пище публики и четко обозначили контуры и направления, в которых развивается швейцарская литература.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аверина** Анна Викторовна, Московский государственный областной университет (Москва, Россия); av.averina@mgou.ru
- Аверкина** Лариса Алексеевна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); averkina_l@lunn.ru
- Бабенко** Наталия Сергеевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); babenkons@yandex.ru
- Баева** Галина Андреевна, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); g.baeva@spbu.ru baevaga@mail.ru
- Бакши** Наталия Александровна; nataliabakshi@mail.ru
- Бухаров** Валерий Михайлович, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); vmbukharov@lunn.ru
- Бухарова** Тамара Григорьевна, Нижегородская государственная консерватория (Нижний Новгород, Россия); tamarabukharova@yandex.ru
- Быкова** Ольга Ильинична, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия); olga.bykova@ Rambler.ru
- Голубева** Надежда Александровна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); nagol@mail.ru
- Горбачевская** Светлана Ивановна, Московский государственный университет (Москва, Россия); sgaeiou@yandex.ru
- Гришаева** Людмила Ивановна, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия); grishaewa@rgph.vsu.ru
- Гурнянский** Сергей Вадимович, общеобразовательная школа Центра педагогического мастерства (Москва, Россия); vesgurns@yandex.ru
- Дронова** Ольга Александровна, Тамбовский государственный университет (Тамбов, Россия); oa.dronova2014@yandex.ru
- Дюбо** Борис Анатольевич, Санкт-Петербургский национальный исследовательский Академический университет им. Ж. И. Алферова РАН (Санкт-Петербург, Россия); borisdjubo@yahoo.de
- Жеребин** Алексей Иосифович, Российский государственный педагогический университет, (Санкт-Петербург, Россия); zerebin@mail.ru
- Иванов** Андрей Владимирович, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия);

aivan@lunn.ru

Ишимбаева Галина Григорьевна, Башкирский государственный университет (Уфа, Россия); galgtig7@list.ru

Карпов Владимир Ильич, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); wi.karpow@gmail.com

Кобенко Юрий Викторович, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия); serpentis@list.ru

Кострова Ольга Андреевна, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия); olga_kostrova@pgsga.ru

Лаххайн Барбара, Университет Дуйсбург-Эссен (Эссен, Германия); b-m.lachhein@t-online.de

Марданова Залина Акимовна, Северо-Осетинский государственный университет; Институт археологии и истории РСО-Алании (Владикавказ, Россия); zalinamardanova@mail.ru

Нефедова Любовь Аркадьевна, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия); nefedovalub@mail.ru

Никонова Жанна Викторовна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); nikonova@lunn.ru

Новикова Елена Ивановна, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия); nei77@mail.ru

Петрова Мария Владимировна, Московский государственный университет (Москва, Россия); pmascha@yandex.ru

Серягина Юлия Сергеевна, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); seriagina@gmail.com

Трошина Наталья Николаевна, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); troshinat@mail.ru

Туманова Екатерина Олеговна, Московский городской университет управления Правительства Москвы (Москва, Россия); TumanovaEO1@edu.mos.ru

Федяева Татьяна Анатольевна, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия); fedjaew58@mail.ru

Филиппов Андрей Константинович, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.filippov@spbu.ru

- Филиппов** Константин Анатольевич, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); k.filipov@spbu.ru
- Цветков** Юрий Леонидович, Ивановский государственный университет (Иваново, Россия); jzvetkow@mail.ru
- Шипова** Ирина Алексеевна, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия); ia.shipova@mpgu.su
- Щербина** Татьяна Сергеевна, Калужский государственный университет (Калуга, Россия); tanyafantasygirl@mail.ru
- Ягупова** Лариса Николаевна, Донецкий национальный университет (Донецк, Россия); l.yagupova@donnu.ru
- Яковенко** Екатерина Борисовна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); Yakovenko_k@rambler.ru

LIST OF CONTRIBUTORS

- Anna V. **Averina**, Moscow State Region University (Moscow, Russia);
av.averina@mgou.ru
- Larisa A. **Averkina**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny
Novgorod, Russia); averkina_l@lunn.ru
- Nataliya S. **Babenko**, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia); babenkons@yandex.ru
- Galina A. **Baeva**, Saint-Petersburg State University (Saint Petersburg,
Russia); g.baeva@spbu.ru
- Nataliya A. **Bakshi**; nataliabakshi@mail.ru
- Valeriy M. **Bukharov**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny
Novgorod, Russia); vmbukharov@lunn.ru
- Tamara G. **Bukharova**, Nizhny Novgorod State Conservatory (Nizhny
Novgorod, Russia); tamarabukharova@yandex.ru
- Olga I. **Bykova**, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
olga.bykova@rambler.ru
- Boris A. **Djubo**, Alferov Federal State Budgetary Institution of Higher
Education and Science Saint Petersburg National Research Academic
University of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg,
Russia); borisdjubo@yahoo.de
- Olga A. **Dronova**, Tambov State University (Tambov, Russia);
oa.dronova2014@yandex.ru
- Tatyana A. **Fedyayeva**, Saint Petersburg State Agrarian University (Saint
Petersburg, Russia); fedjaew58@mail.ru
- Andrey K. **Filippov**, Saint-Petersburg State University (Saint Petersburg,
Russia); a.filippov@spbu.ru
- Konstantin A. **Filippov**, Saint-Petersburg State University (Saint Petersburg,
Russia); k.filippov@spbu.ru
- Nadezhda A. **Golubeva**, Nizhny Novgorod State Linguistics University
(Nizhny Novgorod, Russia); nagol@mail.ru
- Svetlana I. **Gorbachevskaya**, Moscow State University (Moscow, Russia);
sgaeiou@yandex.ru
- Lyudmila I. **Grishayeva**, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
grischaewa@rgph.vsu.ru
- Sergey V. **Gurnyanskiy**, Comprehensive School “The Pedagogical Mastery
Centre” (Moscow, Russia); vesgurns@yandex.ru
- Galina G. **Ishimbayeva**, Bashkir State University (Ufa, Russia);
galgrig7@list.ru
- Andrey V. **Ivanov**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny
Novgorod, Russia); aivan@lunn.ru

List of Contributors

- Vladimir I. **Karpov**, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); wi.karpow@gmail.com
- Yuriy V. **Kobenko**, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia); serpentis@list.ru
- Olga A. **Kostrova**, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia); olga_kostrova@pgsga.ru
- Barbara **Lachhein**, Universität Duisburg-Essen (Essen, Germany); b-m.lachhein@t-online.de
- Zalina A. **Mardanova**, North Ossetian State University; Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz, Russia); zalinamardanova@mail.ru
- Lyubov' A. **Nefedova**, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia); nefedovalub@mail.ru
- Zhanna V. **Nikonova**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia); nikonova@lunn.ru
- Yelena I. **Novikova**, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nizhny Novgorod, Russia); nei77@mail.ru
- Mariya V. **Petrova**, Moscow State University (Moscow, Russia); pmascha@yandex.ru
- Yuliya S. **Seryagina**, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); seriagina@gmail.com
- Tatyana S. **Shcherbina**, Kaluga State University (Kaluga, Russia); tanyafantasygirl@mail.ru
- Irina A. **Shipova**, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia); ia.shipova@mpgu.su
- Nataliya N. **Troshina**, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); troshinat@mail.ru
- Yuriy L. **Tsvetkov**, Ivanovo State University (Ivanovo, Russia); jzvetkow@mail.ru
- Yekaterina O. **Tumanova**, Moscow Metropolitan Governance University (Moscow, Russia); TumanovaEOI@edu.mos.ru
- Larisa N. **Yagupova**, Donetsk National University (Donetsk, Russia); l.yagupova@donnu.ru
- Yekaterina B. **Yakovenko**, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Yakovenko_k@rambler.ru
- Aleksey I. **Zherebin**, Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia); zerebin@mail.ru

Научное издание

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

Ежегодник Российского союза германистов

Том XX

Германистика:

контуры, доминанты, перспективы

Главный редактор

Иванов Андрей Владимирович

Ответственный редактор лингвистической части

Бабенко Наталия Сергеевна

Ответственный редактор литературоведческой части

Бакши Наталия Александровна

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова»

Оригинал-макет подготовлен А. В. Ивановым

Художественное оформление переплета О. Максимовой

Подписано в печать 12.06.2023. Дата выхода в свет 20.08.2023.

Формат 60x88/16. Усл. печ. л. 36,02. Уч.-изд. л. 30,00.

Тираж 500 экз. Изд. № 6240. Заказ № 27308. Цена свободная

Адрес редакции и издателя:

603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31-А.

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова»

<https://lunn.ru>

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бултерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел.: 8 (495)334-82-65, 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»

127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.

Тел.: 8 (495) 859-48-62

